И. С. ТУРГЕНЕВ

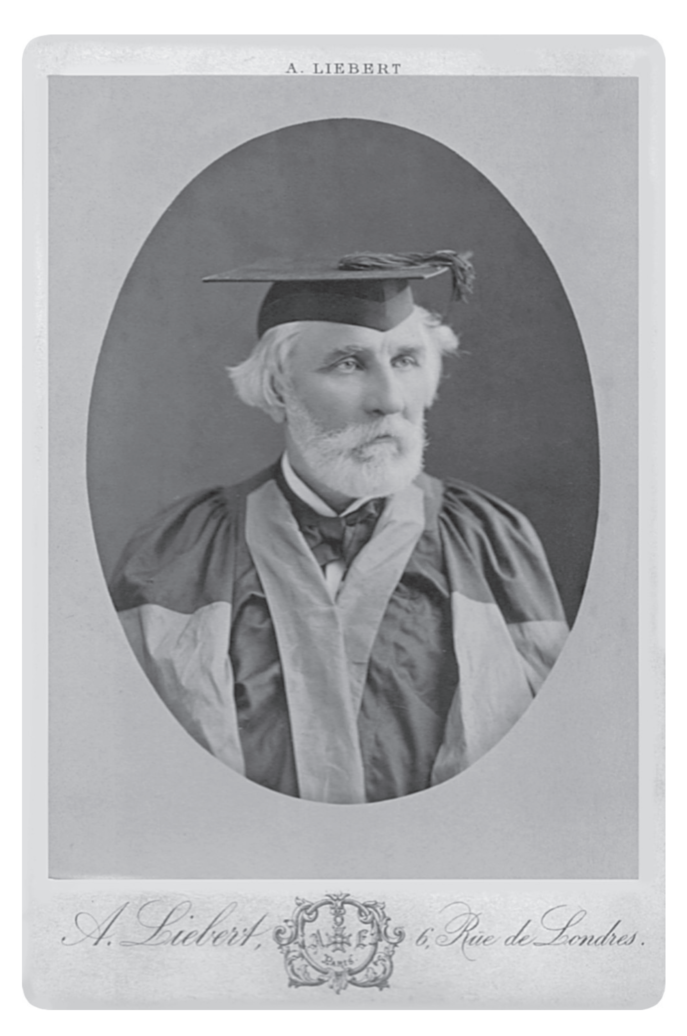

ПИСЬМА

16

книга 2

Ив. Тургенев

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография А. Либера. Париж, август 1879 г.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

«НАУКА»

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

◆

Издание второе,
исправленное и дополненное

«НАУКА»

МОСКВА
2018

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том шестнадцатый

книга вторая

1879

◆

«НАУКА»

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2 Рос-Рус)1
Т87

Подписное

ISBN 978-5-02-037364-8
ISBN 978-5-02-040003-0
(т. 16, кн. 2)

ПИСЬМА

1879

5206. НЕИЗВЕСТНОМУ

31 декабря 1878 (12 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dimanche, 12 janv. 79.

Monsieur,

Votre première lettre ne m'est pas parvenue. — Je m'empresse de remplir la demande que vous voulez bien m'adresser et vous trouverez sur la page suivante la citation en question.

Je suis, Monsieur, avec la plus parfaite considération
votre très humble serviteur
Ivan Tourguéneff.

"L'esprit qu'on veut avoir gâte celui qu'on a"[1].

Paris.
Janvier 1879. Ivan Tourguéneff.

5207. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

2 (14) января 1879. Париж

Mardi matin.

Mon cher Zola,

Je vous écris de mon lit, après une nuit blanche, où j'ai cru deux ou trois fois que j'allais étouffer. J'ai une sorte de rhume fantastique, comme je n'en ai jamais entendu parler. Je suis désolé de ce contre-temps, mais il m'est impossible de bouger. Je suis forcé de vous renvoyer votre billet[1]. Si vous avez quelqu'un à qui le donner, c'est bien; sinon, renvoyez-le-moi, et je le placerai bien. Je le donnerai à un ami qui vous applaudira autant que je l'aurais fait moi-même[2].

J'ai bon espoir pour ce soir, mais c'est tout de même bien embêtant.

Tout à vous
Iv. Tourguéneff.

5208. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

2 (14) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dienstag, d. 14. Jan. 79.

Mein lieber Pietsch,

Sie haben meinen Brief schief angefasst[1]. Alle die harten Ausdrücke galten ja nicht Ihnen — kein Lamm ist so unschuldig wie Sie in der ganzen Geschichte — sie galten natürlich *Dohm*, dem Sie den Brief zeigen mussten. — Wenn Sie sich die Sache objectiv besehen — werden Sie hoffentlich gestehen, dass er wirklich unverantwortlich gehandelt hat. — Es wäre ihm so leicht gewesen, eine abschlägige Antwort zu geben — und das Manuscript zurückzuschicken[2]. — So aber, bei allem guten Willen des Grossherzogs, Lassen's und der Theaterdirection[3], wird wahrscheinlich die ganze Affaire in's Wasser fallen[4] — und Louise bekommt — um in Bismarck's gewähltem Deutsch zu reden (vide Busch) — einen "*Knax*", von dem das arme Ding sich nicht erholen wird[5].

Und nun — genug! Sapienti sat. An meiner Freundschaft können Sie ebenso wenig zweifeln, wie ich an der Ihrigen.

Ihr
Iw. Turgénjew.

5209. А.В. ТОПОРОВУ

2 (14) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 14/2-го янв. 79.

Любезнейший Александр Васильевич,

Получил я Ваше письмецо[1], благодарю за поздравления и со своей стороны поздравляю. — Одобряю также вполне Ваши распоряжения насчет газет. — О "Русской правде", однако, не забудьте[2].

Но теперь наваливаю на Вас обузу. Вот она — та служба, которая всё была впереди. — Из прилагаемого при сем *официального* к Вам письма[3] Вы узнаете, в чем дело. — Придется Вам сходить к Головнину, к Стасюлевичу и др. — Если б я знал кого другого, кому поручить эти хлопоты,

я бы обошел Вас. — Но уж видно — взялся за гуж, не говори, что не дюж. — Официальное письмо Вы будете показывать вроде удостоверения. — Адресс Стасюлевича Вам известен[4]. — Адресс Головнина (его в⟨ысок⟩опревосходительство, Александр Васильевич) — Гагаринская набережная, 20.

Не узнаете ли Вы чего-нибудь положительного от Беггрова?[5]

Здоровье мое — так себе; от подагры почти отделался; — но на днях простудился — и теперь сижу без голоса — и кашляю сильно. — Но важного ничего нет.

Еще раз — спасибо; — крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Не забудьте отдать Стасюлевичу 25 р., которые я ему должен[6].

5210. А.В. ТОПОРОВУ

2 (14) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 14/2-го янв. 79.

Любезнейший Александр Васильевич!

Позвольте поручить Вам, как хорошему приятелю, следующее несколько хлопотливое дело. — Вам уже известно, что наш соотечественник, ученый ориенталист и путешественник Н.В. Ханыков скончался прошедшей осенью[1] в окрестностях Парижа. — Находящиеся в Париже его русские друзья и знакомые положили воздвигнуть ему памятник на кладбище. Известный ваятель Антокольский вызвался бесплатно сделать модель[2]. — Цена всему памятнику не превысит 1700 франк⟨ов⟩. Из этих денег здесь собрано по подписке немного более 1250. — Мы все полагаем, что на остальную — в сущности, незначительную — сумму — 450 фр⟨анков⟩ (по нынешнему курсу около 180 р. сер.) — с готовностью подпишутся знакомые Н.В. Ханыкова в России. — И потому прошу Вас покорно, взявши это письмо и прилагаемый подписной лист, потрудиться съездить к Александру Васильевичу Головнину и Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу[3]. Мы все надеемся, что они

подпишутся — хоть и на небольшие суммы — а также укажут Вам на другие личности, которые, по знакомству с покойным или из уважения к его заслугам, не откажутся участвовать в добром деле. — Особенно возможно рассчитывать на членов Академии наук[4].

Собранные же деньги Вы будьте так любезны и препроводите ко мне, по здешнему моему адрессу.

Заранее благодаря Вас за Вашу услугу, прошу принять уверение в совершенном уважении

преданного Вам
Ив. Тургенева.

5211. С.Н. ТЮТЧЕВУ

2 (14) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 14/2-го янв. 79.

Любезнейший Сергей Николаевич,

Примите мое искреннее спасибо за Ваше письмо[1]. — Совершившейся беды оно, конечно, не изменит; — но есть какая-то горестная отрада в том, чтобы узнать, как именно она совершилась — и была ли возможность отвратить ее. — Увы! жестокая болезнь, жертвою которой пал Ваш бедный брат — одна из самых неизлечимых и неотразимых. Не думал я осенью, видя его в полном цвете мужества, что ему так мало оставалось жить![2]

Мне не нужно уверять Вас, как глубоко опечалила меня эта внезапная смерть. — Николай Николаевич принадлежал к числу редких людей, которых одинаково уважают и любят. — Собственно для меня — вместе с ним исчез в Петербурге целый дом и приют. — На Анненкова его кончина произвела такое же впечатление[3]. — Редеют наши ряды — и никто не может заменить павших.

Передайте Александре Петровне выражение моего глубокого и искреннего сочувствия. — Я все эти дни постоянно думал о ней...[4] При всей твердости ее характера — каково ей будет переносить жизнь!

Это Вы хорошо делаете, что намерены приютить бедную старушку, Дарию Ивановну[5]. — Впрочем, зная Вас, я иного и не ожидал.

ПОЛИНА ВИАРДО В ОБРАЗЕ СВ. ЦЕЦИЛИИ
Медальон работы Ари Шеффера, украшавший орган П. Виардо
Середина 1850-х гг. (?)

Если ничего не изменится в моих планах, я прибуду в Петербург в конце марта — и, конечно, увижу Вас[6]. — А пока позвольте мне крепко пожать Вашу руку и уверить Вас в моем искреннем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

5212. КАРОЛИНЕ КОММАНВИЛЬ

3 (15) января 1879 (?). Париж

50, rue de Douai.
Mercredi matin.

Chère Madame Commanville,

Voici: l'homme propose — et la goutte dispose. — J'avais bien décidé que j'irais aujourd'hui chez vous — (puisqu'on vous trouve les mercredis) — et depuis hier matin je suis sur le flanc — avec un genou tout enflé et l'impossibilité de bouger. Croyez que je le regrette bien! J'espère que cela ne durera pas trop longtemps, et que je pourrai bientôt vous porter moi-même mes compliments de Nouvelle année[1] — ainsi que l'expression de mes sentiments les plus affectueux.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Mes meilleurs amitiés à Mr Commanville.

5213. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

5 (17) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 17/5-го янв. 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич, благодаря новому припадку катковки[1], вследствие которого я лежу неподвижно вот уже 4-й день — я в теченье вчерашнего дня чуть не от доски до доски прочел только что полученный мною январский № "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩". — Отлично он составлен; поздравляю искренне. — Статья Тарханова (о психомоторных центрах) — просто прелесть. Какая ясность и красивость изложения! Я прочел ее за один присест[2]. — Хорош и по сюжету особенно интересен "Специалист"[3]. Против комедии Крылова можно кое-что сказать — (очень уже прискучили умирающие на сцене чахоточные) — но все-таки

вещь любопытная и приятная[4]. — Статья о социальном движении в Германии составлена умно и дельно... Л. А. — не Полонский ли на этот раз?[5] — "Русский барин" тоже не дурен[6]. — Письмо Зола я не читал: я знаю наперед все, что там он толкует[7]. О "Калибане" я также не читал. — Я слышал его чтение из уст самого Ренана (в рукописи); и даже, скажу меж нами, он, по моему ходатайству за Калибана, прибавил целый акт[8]. Стихи Андреевского — так себе... Тон искренний и симпатичный... но форма, форма! — Где, напр. (во 2-м стих.), он видел "*синие* тучи весны", которые сейчас же превращаются в "*легкие тучки*" — и можно ли сказать — (правда, для рифмы) "вид*ны́*" вместо "ви́дны"?[9] — Но единственным изъяном в этом прекрасном N-е является 2-е стихотворение Гербеля! — У нас, в Мценском уезде, живет старинная поговорка: "бойся Еськова, Беськова, Ерина, Белина" (в этих 4 деревнях происходили когда-то грабежи)[10]. — А я Вам скажу: "бойся Григоровича, Данилевского, Боборыкина и Гербеля!"[11]. — Во-первых, это стихотворение вовсе не Гёте — а известная элегия Овидия — (я Вам, пожалуй, ее перепишу — благо мне нечего делать:

Cum subit illius tristissima noctis imago,
 Quae mihi supremum tempus in urbe fuit;
Cum repeto noctem, qua tot mihi cara reliqui —
 Labitur ex oculis nunc quoque gutta meis.
Jamque quiescebant voces hominumque canumque
 Lunaque nocturnos alta regebat equos,
Hanc ego suspiciens, et ab hac Capitolia cernens,
 Quae nostro frustra juncta fuerunt Lari[12]).

Гёте, уезжая во второй — и последний, раз из Рима — ссылается на то, что, невольно думая об этой элегии — сам не мог ничего написать: "Wurde an eigener Production gehindert". — Впоследствии он ее перевел; и перевод его, разумеется, не то, что гербелевский. — Но главное: последний стих!! — Овидий, говоря — что вотще[a] мои Лары стояли так близко Капитолию — явно намекает на то, что его не спасла, скорее погубила — близость, в которой он находился к державному дому Августа... Так и Гёте перевел:

 Capitolische Tempel,
Welchen umsonst so nah unsere Laren gegrenzt[13] —

---

[a] *Было*: напрасно, *осталось незачеркнутым.*

а у почтенного Николая Васильевича:

Лары родные туда тщетно стремятся войти.

Сумбур! — И что это за подвижные Лары?[14] — Куда-то войти хотят! — Хорошо, что, несмотря на усиленные старанья гр. Д. Толстого[15] — мы все в классиках — *швах*; а то подняли бы Вас на зубок. — Оканчиваю повторением: "бойтесь (литературных) Еськова, Беськова, Ерина, Белина!".

Вот какое странное вышло письмо. — Совсем без цели — уж точно подагристое. А засим крепко жму Вам руку и остаюсь

искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

5214. Н.А. ЩЕПКИНУ

6 (18) января 1879. Париж

Chtchepkine, à Mtsensk, village Spasskoïé, Russie. — Prenez immédiatement nouvelles de mon frère gravement malade et envoyez télégramme, réponse payée. Tourguéneff[1].

5215. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

7 (19) января 1879. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Dimanche matin.

Mon cher ami,

Mes plus sincères félicitations avec le grand succès d'hier[1]. Je n'ai pas pu en juger *de visu*, car voilà six jours que je suis dans mon lit, grâce à une nouvelle attaque de goutte; mais j'ai donné mon billet au fils de Mme Viardot, un de vos grands admirateurs. Je vous promets qu'il a applaudi ferme[2]. Vous serait-il possible de me procurer une loge de quatre places (payante, naturellement) pour une des représentations suivantes de "L'A⟨ssommoir⟩"?[3] Si oui, je vous en serai bien reconnaissant.

Je vous serre cordialement la main.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

5216. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

7 (19) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dimanche matin.

Mon cher Albert,

J'ai besoin de vous voir et de causer avec vous pendant quelques instants[1]. Je serais allé moi-même chez vous, mais voilà 5 jours que je suis sur le flanc, grâce à une nouvelle attaque de goutte. — Si vous êtes de retour de Vert-Bois, passez donc chez moi[2]. — Vous me trouverez naturellement toujours à la maison.

Mille amitiés à vous et à tous les vôtres.

Iv. Tourguéneff.

5217. Н.А. ЩЕПКИНУ

9 (21) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 21/9-го янв. 1879.

Любезный Николай Александрович, я отправил вчера к Вам телеграмму[1], в которой поручил Вам присутствовать от моего имени при наложении печатей на имущество покойного брата[2]. — Печальное известие Ваше меня глубоко огорчило — тем более что об опасном обороте, принятом его болезнию, я узнал только накануне из телеграммы[а], адресованной г. Маляревским из *Петербурга*[3]. Мне известны намерения брата насчет его имущества, намерения, выраженные им в завещании и сообщенные мне им еще при жизни; — я знаю, что я его наследник лишь в сравнительно незначительной сумме[4]; но, пока это завещание не вскрыто, по закону я его единственный наследник — и потому обязан принять законные меры. — Вскрытие завещания столь же желательно для семейства г. Маляревского, сколь и для меня[б]; — и потому я желал бы, чтобы Вы, так же как и он, узнали[в] от мирового судьи, когда оно может совершиться[5] —

[а] *Вместо* из телеграммы *было*: телеграммой
[б] *Вместо* для меня *было*: мне
[в] *Далее зачеркнуто*: бы

так как я имею намерение[г] присутствовать при оном — и уведомили бы меня немедленно. Вот уже неделя, как со мной повторился припадок подагры — и я не выхожу из комнаты; а то бы я немедленно выехал из Парижа. — Так как Вы мне пишете, что покойного брата будут хоронить в[д] Москве — то, вероятно, мое письмо не застанет уже ни тело его, ни семейство Маляревских в[д] Тургеневе; — в таком случае Вы перешлете Порфирию Константиновичу прилагаемое письмо[6]; если же он еще в Тургеневе — то передайте ему это письмо лично, предварительно ознакомившись с его содержанием. Надеюсь, что получу от него телеграмму[е] с извещением о кончине покойного — а также и о предполагаемом дне похорон в Москве[7]. — Полагаю также, что получу от мирового[ж] судьи обычный вызов[8]. — Пожалуйста, уведомьте меня немедленно о принятых Вами мерах и распоряжениях. — Во всяком случае я надеюсь вскорости увидеться с Вами.

Поклонитесь от меня[з] всем Вашим и примите мои искренние пожелания Вам всего лучшего.

Ив. Тургенев.

P.S. Сообщите мне фамилию (имя и отчество) нашего мирового судьи[9]. — Из письма моего к Маляревскому Вы усмотрите, что, если похороны брата совершатся в Москве недели через 2 или 3 — я бы мог на них присутствовать; — и остался бы тогда в России до вскрытия завещания и снятия печатей в Тургеневе, куда бы я приехал самолично[10]. — На все это жду Вашего уведомления.

5218. П.К. МАЛЯРЕВСКОМУ

9 (21) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 21/9-го янв. 79.

Милостивый государь Порфирий Константинович!

Мне нечего Вам говорить, как глубоко я был огорчен известием о кончине брата Николая Сергеевича[1]; оно

[г] *Было*: думаю
[д] *Далее зачеркнуто*: Петерб⟨урге⟩
[е] *Было*: письмо
[ж] *Далее зачеркнуто*: посред⟨ника⟩
[з] от меня — *вписано над строкой.*

меня поразило тем сильнее, что из Вашего письма (от 22-го дек⟨абря⟩)[2] из Москвы я мог заключить, что болезнь брата не представляет никакой[a] важности; а об опасном ее обороте я узнал только накануне рокового дня из телеграммы, которая хотя была подписана Вашим именем, но отправлена из Петербурга[3]. Я никак не мог себе представить, чтобы Вы в такую минуту находились в Петербурге; вероятно, Вы отправили эту телеграмму через Вашу супругу[4]. Впрочем, я вскоре узнал из телеграммы моего управляющего[5], что Вы в Тургеневе — и что похороны брата должны иметь место в Москве. — Я немедленно предписал Н.А. Щепкину находиться при наложении печатей[6]; эта формальность должна была быть исполнена, так как до вскрытия завещания я, по закону, единственный наследник. Мне весьма хорошо известно намерение моего брата передать все свое имущество Вашей дочери[7]; и для меня воля его священна. Но покойный брат, извещая меня о ней еще при жизни, дал мне письменно знать, что он намерен оставить мне по завещанию 100 000 р. сер. — Не знаю, исполнил ли он это намерение[8]; но из сего явствует, что скорое вскрытие завещания одинаково желательно и для Вас, и для меня. — Я пишу об этом сегодня же Н.А. Щепкину[9], прося его обратиться с запросом к мировому судье, от которого это вскрытие зависит, так же как и снятие печатей. Мне нужно это знать, так как я желаю присутствовать при этом — и для того нарочно приеду в Тургенево. — Ваш интерес в этом деле так же велик — так как Вы только по вскрытии завещания вступите во владение оставленным Вашей дочери имуществом — и потому не оставьте, с своей стороны, воздействовать на мирового судью. — С другой стороны, мне бы весьма хотелось знать, когда именно совершатся похороны моего брата в Москве. Если очень скоро — то я не буду в состоянии присутствовать на них — ибо, к сожалению, в настоящее время болен припадком подагры; но мне уже гораздо лучше — хотя я еще не выхожу из комнаты — и дней через 10 я бы мог выехать из Парижа. — А потому прошу Вас телеграммой известить меня о предполагаемом дне похорон[10], а также, если возможно, об эпохе вскрытия завещания. — Ожидаю также вызова со стороны мирового судьи.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: возмож⟨ности⟩

Прошу передать мой поклон всем Вашим — а также принять уверение в моем совершенном уважении.

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

5219. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

9 (21) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mardi, 21 janv. 79.

Mon bon vieux,

Vous vous demandez peut-être pourquoi je ne donne pas signe de vie? Hélas, mon ami, je ne suis décidément qu'un infirme qui ne peut plus rien "entreprendre". Voici bientôt quinze jours que la goutte m'a repincé — et ce n'est que depuis hier que je marche dans ma chambre — à l'aide de béquilles — bien entendu. — Je n'ai pas pu assister à la 1-re de "L'Assommoir" qui, dûment châtré à ce qu'il paraît — a eu un grand succès de bon vieux mélodrame[1]. — J'ai reçu hier la nouvelle de la mort de mon frère[2]; cela me fait beaucoup de chagrin — rétrospectif et personnel. — Nous ne ⟨nous⟩ voyions que rarement — et il n'y avait à peu près rien de commun entre nous... mais un frère... c'est quelquefois moins, mais c'est autre chose qu'un ami. — Moins fort et plus intime. — Mon frère est mort riche à millions — mais il laisse toute sa fortune à des parents de sa femme. — Il m'a mis (à ce qu'il m'a écrit) pour 250 000 fr⟨ancs⟩ sur son testament — (c'est à peu près la 20-me partie de sa fortune)[3] — mais comme les personnes qui l'entouraient dans les dernières années de sa vie sont des espèces de filous — il faudra probablement que je me rende sur les lieux sans tarder — le legs de mon frère pourrait fort bien s'évaporer en fumée[4]. — Ainsi — dans 10 jours je suis peut-être sur la route de Moscou. Dans ce cas — quand nous reverrons-nous? Car il ne faudra plus songer à aller à Croisset[5]. — Et pourtant, j'ai la plus grande envie de vous voir! Est-ce vraiment bien nécessaire que vous restiez là-bas jusqu'à la fin de février? — Quel triste hiver! — Il n'y a pas de taupe qui mène une vie plus retirée que moi. — Etre seul, tout seul — et ne rien faire — cela vous donne bien le goût — et l'arrière-goût — de votre inutilité[6]. — Enfin! Patience!

Heureusement que toute la maison ici va bien.

Ecrivez-moi deux mots. — J'espère que votre travail avance régulièrement[7].

Je vous embrasse.

Votre
J. Tourguéneff.

5220. Г.О. ГИНЦБУРГУ

10 (22) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 22-го янв. 79.

Любезнейший Гораций Осипович,

Я уже писал к Вам о том, о чем хочу теперь побеседовать с Вами, но я имею причины предполагать, что мое письмо не дошло до своего адресса[1]. Вот в чем дело. Вы знаете, что ко мне ходит множество молодых нуждающихся русских; они просят работы, места, но почти всегда дело кончается тем, что приходится им выдать посильные деньги[2]. — В числе этих русских явился, наконец, один, который обратил на себя мое особое внимание. Это некто Павловский Иван[а] Яковлевич, молодой человек 24-х лет. Он, как многие другие, принужден был по политическим причинам удалиться из России и попал в Америку, где провел два года в тяжелом труде. Он работал на ферме, пахал, ходил за лошадьми и т.д. — Кстати, он выучился английскому языку, которым владеет совершенно свободно. (Французский язык он понимает хорошо, но изъясняется на нем плохо.) Он прожил в Америке у шекеров (трясунов-квакеров) и вынес оттуда очень своеобразные впечатления, с которыми намеревается со временем познакомить русскую публику[3]. — Вызванный из Америки родным братом[4], живущим в Италии, он застрял в Париже.

И.[б] Я. Павловский отказывается от денег — и серьезно ищет работы. — Он согласен поступить на любое место — хоть конюха. — Он произвел на меня впечатление человека вполне честного, хорошего, прямого; пребывание в Америке закалило его и без того замечательную

[а] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: Аарон

[б] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: А.

в русском человеке энергию; словом — он единственный из здесь находящихся русских, за которого я готов отвечать. Зная Вашу бесконечную доброту и гуманность, я позволил себе направить его к Вам: не найдется ли у Вас или у кого из Ваших знакомых какого-либо места (*не исключая самых незавидных и низких*) для этого человека?[5] — Он явится к Вам завтра в 11 час. утра. — Если этот час или день почему-либо Вам неудобен — то дайте мне знать — и я передам ему. — Смею думать, что пятиминутный разговор с ним так же расположит Вас в его пользу, как и меня. — Во всяком случае, заранее благодарю Вас и, крепко пожимая Вашу руку, остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur le baron
Horace Gunzbourg.
7, Rue de Tilsitt.
De la part de Tourguéneff.

5221. М.Г. САВИНОЙ

10 или 11 (22 или 23) января 1879. Париж

Согласен, но сожалею, так как пьеса писана не для сцены и не достойна вашего таланта[1].

5222. А.В. ТОПОРОВУ

11 (23) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 23/11-го янв. 79.

Любезный Александр Васильевич,

Имею Вам сообщить печальное известие: в прошлое воскресение скончался мой брат — в своей тульской деревне[1]. Хотя он все свое имение оставил родственникам своей жены[2] — однако мне, вероятно, придется скоро поехать самому в Россию, так как, по его словам, он, из своих значительных капиталов, завещал мне 100 000 р. и я вовсе не уверен в том, что наследники при снятии печатей и т.п. не попробуют распорядиться так, чтобы эти деньги испарились. — А потому — ожидайте меня вскоре[3]. Я бы немедленно отправился — да со мной неделю тому назад

приключился припадок подагры — и я еще не выхожу из дому — хотя встал с постели. — Во всяком случае Вы будете извещены заранее. Я начал получать "Русскую правду" и "Биржевые ведомости"[4].

Вчера вечером пришла ко мне телеграмма от Савиной[5] (актрисы), в которой она меня просит разрешить ей необходимые урезы из моей комедии "Месяц в деревне", которую она взяла для своего бенефиса на 17/29-е янв⟨аря⟩. — Не понимаю я, с какой стати ей пришла в голову мысль взять эту невозможную в театральном смысле пиэсу! — Одна московская актриса, Васильева, попробовала это несколько лет тому назад[6], несмотря на мои повторенные предостережения, и получила торжественное фиаско. То же самое ожидает и г-жу Савину. Я ей, конечно, отвечал — тоже по телеграфу[7] — что разрешаю ей какие угодно вырезы и урезы; но так как не знаю ее адресса — то и адрессовал телеграмму в Александринский театр. По получении этого письма сходите, пожалуйста, к ней от моего имени (Вам легко будет узнать, где она живет) — и повторите ей мое разрешение, если как-нибудь телеграмма до нее не дошла[8]. — Можете также повторить мое сожаление и неодобрение, которое я, впрочем, выразил в самой телеграмме.

Получили ли Вы какой ни на есть ответ от Беггрова?[9]

Поклонитесь всем знакомым, начиная с Самарских, и примите уверение в моей искренней дружбе.

Ив. Тургенев.

5223. П.В. АННЕНКОВУ

12 (24) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 24-го янв. 79.

Сообщаю Вам, любезнейший Павел Васильевич, постигшее меня горе: в прошлое воскресение брат мой Николай Сергеевич скончался в тульской своей деревне[1]. — Мы с ним видались редко, интересов общих не имели... а все-таки: брат! Тут есть кровная, бессознательная связь, которая сильнее многих других[2]. Вам, вероятно, известно, что он свое имение и капиталы завещал племяннице своей жены[3]; однако оставил мне 100 000 р.; по крайней мере, писал мне об этом[4]. Но люди, окружавшие его в последние

годы его жизни, такого свойства, что им ничего не стоит утащить и эти деньги[5]; — я принял меры предосторожности[6] — и, вероятно, немедленно отправился бы в Россию, если б именно теперь не страдал новым припадком подагры; вот 10-й день, как я не выхожу из комнаты — и раньше недели не буду в состоянии сесть в карету; впрочем, если те господа *распорядились* — то это произошло в самый день кончины, *до* наложения печатей. — Жду теперь письма от моего управляющего, которому дал доверенность действовать от моего имени[7]. Если поеду скоро — то непременно — через Брюссель[8].

"Страшный" день 20-го янв⟨аря⟩ прошел благополучно; хотя республика получила все-таки порядочный толчок. Дюфор, в сущности, ничего не обещал; да и не мог он ничего обещать — так как главное затруднение не в нем, а в сидящем за его[а] спиною Мак-Магоне. Пока этот барин — президентом, клерикалы и бонапартисты — особенно клерикалы — будут обладать действительною властью. Для Мак-Магона, как и для нашего владыки — республиканец и разбойник — синонимы; — с тою только разницею — что республиканец осторожнее и хитрее — и что, след., и с ним хитрить надо[9].

Обезмуженный (заметьте приличие моего выражения) "Вестник Европы"[10] навел меня на мысль, что: "как, мол, скверно быть редактором в России!". А пылкий старец Лавров на днях кричал у меня в комнате — потрясая бородой и та́я глазами: "Конституционалисты — трусы, не знают своей силы! Им стоит с твердостью заявить свой принцип — и правительство не может не уступить, не может! не может!". — Даже кулаки при этом поднимал — не переставая, однако, отдавать ландышем и липовым медом[11]. Вот тут и подите! — Но в этом январском N-е есть хорошие вещи: прежде всего статья Таганцева[б, 12]; — рассказ о бракоразводном деле[13]; — статья о социалистах тоже хорошо составлена — вероятно, тем же hic et ubique Л. Полонским[14].

С нетерпеньем ожидаю Вашего 2-го томика; — он, вероятно, замешкался по случаю бо́льших снегов. Не знаю, как другие — а я его прочту от доски до доски — и, уж наверное, с великим удовольствием[15].

[а] *Было*: ним

[б] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: Тарханова

Сходство с В. Коршем в портрете Л.Н. Толстого Вы подметили верно[16]; а между тем — уж на что противуположные личности! — Я, кстати, пробежал книжечку Толстого — экий мастер! Жаль, что не попали в нее две-три сцены из "Казаков"[17].

До свидания. Может быть, до скорого. Кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5224. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

12 (24) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi, 24 janv. 79.

Mon cher vieux,

J'ai reçu votre lettre[1] — et hier Mme Commanville a eu l'amabilité de venir me voir. — Nous avons causé assez longuement. — Naturellement, c'est vous qui avez été le principal sujet de notre causerie. — Je l'ai trouvée en bonne santé et en bonne disposition de travail[2]. — Je lui rendrai sa visite dès que je pourrai marcher sans canne et surtout monter des escaliers.

Il n'est pas impossible que mon voyage en Russie soit retardé: tout dépend des lettres que je recevrai de là-bas. — Dans ce cas j'irai certainement à Croisset[3]. Malheureusement, le père de l'héritière est un coquin qui ne demande qu'à me voler. — Ma présence l'en empêchera peut-être[4]. — Je ne le crois pas — mais peut-être est-ce nécessaire que je fasse semblant d'y croire.

Votre nièce m'a dit que votre santé est bonne: c'est le grand point. — Vous n'aimez pas à vous promener; mais il faut vous y forcer. — Je suis resté une fois en prison (au secret) pendant plus d'un mois: la chambre était petite — la chaleur étouffante. Deux fois par jour je transportais 104 cartes (deux jeux) — une à une — d'un bout de la chambre à l'autre... cela faisait 208 tours; — 416 en un jour — le tour à 8 pas — ça faisait plus de 3300 — près de 2 kilomètres! — Que le calcul ingénieux vous donne du courage! — Le jour où je n'avais pas fait de promenade, j'avais tout le sang à la tête![5]

J'ai découpé pour vous dans un journal l'article suivant qui me semble d'un Prud'homme achevé! — Ajoutez-le à votre collection[6].

Je vous écrirai bientôt, dès que je saurai quelque chose de certain.

En attendant, je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5225. КАРОЛИНЕ КОММАНВИЛЬ

13 (25) января 1879. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Samedi.

Mille fois merci pour votre petit mot, chère Madame Commanville[1]. Je vais un peu mieux, c'est-à-dire que je vais sur des béquilles; mais je ne sais pas encore quand je pourrai sortir de la maison.

Ma première visite sera naturellement pour vous. Mes meilleurs amitiés à vous et à M. Commanville.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

5226. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

13 (25) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 25/13-го янв. 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна, мне приходится отвечать на три Ваших письма![1] Одна из причин, извиняющих — или изъясняющих — мое молчание, было — ожидание Вашего романа — т.е. первой части. Я хотел кстати известить Вас и об этом. Из последнего Вашего письма я вижу, что я не получу этой части раньше конца будущей недели[2]; и потому я теперь же могу сказать Вам, что принимаю Ваше посвящение как великую честь[3] — хотя, при настоящем настроении нашей публики, — мое имя может только повредить Вам. Но повторяю: это посвящение я считаю честью — и благодарю Вас[4]. Что же касается до заглавия — я очень рад, что Вы согласны со мною: всякое

другое будет лучше, и из тех, которые Вы мне пришлете, я постараюсь выбрать лучшее. (С тех пор как я писал Вам[5], я вспомнил, что г. Михайлов сочинил роман под названием "Гнилые болота"[6]. "Гнилые болота", "Кривые деревья"... нет, это не годится.) Если бы не существовало герценовского романа — я бы назвал Ваше произведение "Кто виноват?". К нему еще лучше бы шло шекспировское (в "Лире"): "Ни правых, ни виноватых"[7]. Все, что Вы говорите об этом — в Вашем письме, очень верно и тонко; и эпиграф очень хорош[8]. Мой взгляд на весь этот вопрос несколько объективнее Вашего: вот и всё. Дядя-воспитатель виноват в том, что сталось из Вареньки; но в его вине — кто виноват? Опять-таки стихия русской жизни. Впрочем — все это "Spitzfindigkeiten" — как говорят немцы. Главное: нужно переменить заглавие. Ваша вещь — как все хорошие вещи — сложилась в Вас сама собою, полусознательно; вполне сознательное заглавие не идет.

Тотчас по получении первой части я ее просмотрю и вместе со второй отправлю к Стасюлевичу, который уже предупрежден[9].

Мне самому очень хочется послать Вам порядочную фотографию; но вот скоро 6 недель, как я, по милости подагры, сижу дома — и не могу сняться[10]. Впрочем, мне теперь гораздо лучше — и я скоро буду в состоянии взбираться на лестницы и спускаться с них.

Передайте всем Вашим мой дружеский привет и примите уверение в искренности моего уважения и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: Russie. Gouv-t de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию Суходол, в сельцо Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне
Стечькиной.

5227. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

7 или 14 (19 или 26) января 1879 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение утром.

Любезнейший Антокольский,

На следующем листке Вы найдете проект моего письма к английским господам; прочтите — и, если[a] одобрите, пришлите мне этот листик обратно с *обозначением* поименным всех произведений *Ваших*, которые Вы желаете выставить; я переведу — Вы подпишете — и мы пустим письмо[1].

Вчерашний наш весьма беспорядочный (особенно с моей стороны) спор навел меня на мысль: представить в весьма сжатой речи мои воззрения на искусство — и его значение — и прочесть это в одном из наших собраний[2]. (Времени это возьмет $^1/_4$ часа, не более.) Я это сделаю не для того, чтобы убедить кого бы то ни было — а чтобы уяснить самому себе и другим этот вопрос, разрешение которого довольно важно.

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5228. Н.А. ЩЕПКИНУ

14 (26) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение, 26/14-го янв. 79.

Любезнейший Николай Александрович, сию минуту полученное мною Ваше письмо от 8-го янв⟨аря⟩ наполнило меня горестью и негодованием[1]. — Как? бедный мой брат уже с конца прошлого года был безнадежен, доктора даже предсказывали его близкую кончину — а г. Маляревский не только не известил Вас — но даже мне послал телеграмму — не раньше кануна смерти — и то из *Петербурга* — и то с словами: "доктор подает *мало* надежды" — а брат уже был в агонии!![2] Очевидно — все это было прилажено с той задней мыслью, как бы я не приехал и не повлиял на брата насчет

---

[a] *Далее зачеркнуто*: подо⟨йдет⟩

завещания[3]. — Могу уверить г-на Маляревского, что я совершенно равнодушен к денежному вопросу — и охотно[a] предоставляю ему пользоваться всем, что брат ему оставил; — но что́ я никогда ему не прощу, это то, что он лишил меня возможности хотя письменно или по телеграфу выразить мое сочувствие брату, проститься с ним; — я не прощу ему того, что, по его милости, брат на смертном одре мог подумать, что я его забываю — и что, может быть, он умер с этой мыслью!! — Это глубоко возмутительный поступок — и вполне достойный человека, которого М.Н. Муравьев употреблял чуть ли не в роли палача[4]. И как же он это *Вас* не известил?!! Успел же он дать знать Н.П. Тургеневу?[5] Очевидно — он боялся, что Вы сообщите мне об опасном положении брата. И эта гнусная хитрость — посылать мне телеграмму из *С.-Петербурга* (вероятно, через свою жену) — для того чтобы я подумал: видно, опасность еще не так велика, коли М⟨аляревский⟩ остается в Петербурге!

Впрочем, мне гадко говорить больше об этом. — Пусть он справляется с своею совестью, если только у него имеется таковая[6].

Вполне одобряю все Ваши распоряжения — и, как только получу проект доверительного письма — немедленно Вам его вышлю[7]. — Прошу Вас также узнать с *достоверностью* от г. Маляревского (который даже не счел нужным уведомить меня о кончине брата) — когда именно произойдут похороны в Москве? — Если только здоровье мое позволит, я непременно хочу на них присутствовать[8]. — Прошу Вас известить меня об этом телеграммой[9]. — Так как гроб будет закрыт наглухо в Тургеневе — то нет никакой причины торопиться с похоронами. — Русских, умирающих за границей, хоронят в России иногда два, три месяца спустя. — Я требую от г. Маляревского немедленного извещения: мне кажется даже, что назначение дня похорон зависит от *меня*, как единственного законного наследника; в таком случае я требую, чтобы мне был сделан запрос — и я отвечу телеграммой.

Все это меня очень взволновало; но здоровье мое поправляется — т.е. подагрический припадок почти совсем прошел — и я дней через 10 мог бы выехать[10].

Благодарю Вас за хлопоты, кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

---

[a] охотно — *вписано над строкой*.

5229. Н.А. ЩЕПКИНУ

14 (26) января 1879. Париж

Nicolas Chtchepkine, village Spasskoïé, Mtsensk, Russie. — Faites savoir Malarefsky que permets pas enterrer frère sans moi, ferai savoir jour[1]. Tourguéneff.

5230. А.Ф. ОНЕГИНУ

15 (27) января 1879 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник[a] утром.

Любезный Александр Федорович,

Пользуюсь случаем, чтобы напомнить Вам, по поручению Комитета[1], что Вы еще не составили протокола последнего заседания, а также не приступили к ревизии отчетов. — Комитет убедительно просит Вас это сделать.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur A. Onéguine,
chez Mme Terestchenko.
78, Boulevard Malesherbes.
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.

5231. РЕДАКТОРУ "РУССКОЙ ПРАВДЫ"

15 (27) января 1879. Париж

Милостивый государь!

Г-жа Савина, наша известная актриса, прислала мне на днях телеграмму[1], в которой, сообщив мне о своем намерении взять для своего бенефиса комедию "Месяц в деревне", она просит моего разрешения сократить эту комедию, по мере надобности[2]; а в сегодняшнем № "Биржевых ведомостей" я прочел, что г. В. Крылов принял на себя труд сделать эти нужные сокращения, довольно, по-видимому, значительные, так как пять актов под его рукою превратились в три[3]. Не желая ставить уважаемую артистку в затруднительное положение, я согласился на ее

[a] *Так в подлиннике.*

просьбу, хотя не мог не выразить своего сожаления о том, что выбор ее пал на пьесу, которая никогда не назначалась для сцены — как то явствует из немногих слов, предпосланных мною этой самой пьесе, при напечатании ее в одном из №№ "Современника" за 1855 г.[4] Несколько лет тому назад г-жа Васильева, московская актриса, также взяла "Месяц в деревне" для своего бенефиса, несмотря на мои доводы и предостережения, — и потерпела неудачу[5]. Не знаю, какая участь ожидает мою комедию после операции, совершенной над нею г. Крыловым, но считаю нужным заявить перед публикой, посредством вашей газеты, что я отклоняю от себя всякую дальнейшую ответственность по этому делу, которое, каков бы ни был результат, до меня не касается[6].

Примите, м.г., уверение в совершенном уважении.

Ив. Тургенев.

Париж,
27/15 января 1879 г.

5232. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

8–16 (20–28) января 1879 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Любезнейший Антокольский,

Мне лучше, но я не выхожу еще и все жду Вашего распоряжения насчет письма в Англию[1].

Я забыл Вам сказать, что каменщик оценяет монумент Ханыкову[2] в *2000 фр⟨анков⟩* — и то с тем, чтобы он весь был сделан из одинакового камня; если же карту Персии[3], книги и т.д. сделать из мрамора, то выйдет *3000 фр⟨анков⟩*. В таком случае я полагаю отказаться от мрамора. Все будет зависеть от Вашего решения.

Посылаю Вам два билета на концерт — очень интересный и по самой личности лица, в пользу которого он дается, и по тому, что в нем принимают участие наши юные певицы[4]. Если Вам не хочется или нельзя — то не возьмет ли Поляков?[5]

Жму Вам дружески руку и остаюсь

искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

5233. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

17 (29) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mittwoch, d. 29. Jan. 79.

Liebster Pietsch!

Erstens — muss ich Sie um Verzeihung bitten, dass ich Sie so oft cujonire...

Zweitens: ich kann nicht anders. Denn es ist die höchste Zeit! Eigentlich ist diese höchste Zeit schon vorüber.

Gleich nach dem Empfange dieses Briefes — haben Sie die unendliche Güte und gehen zu Dohm — und bitten ihn, das Manuscript — vollendet oder unvollendet — Ihnen einzuhändigen[1]. — Ich weiss — er behauptet — das Manuscript abgeschickt zu haben; das ist aber nicht wahr — ebensowenig, wie die Behauptung — er hätte an Fr. Viardot geschrieben. Was mich betrifft — so bin ich überzeugt, D⟨ohm⟩ hat *keine Silbe geschrieben* (von der Uebersetzung) — hofft es immer noch zu thun — und hält so die Sache in der Schwebe. — Appelliren Sie an sein *gutes Herz*. — Es wäre doch zu miserabel, wenn er, um sich selbst das Dementi nicht zu geben — und uns glauben zu machen, das Manuscript wäre abgeschickt und auf dem Wege verloren gegangen — wenn er das Ding im Camin verbrenne![2] — So bald Sie das unglückliche Ding in Ihren Händen haben, schicken Sie es *stante pede* nach Paris an Fr. Viardot — oder nein! *telegraphiren* Sie hierher[3], dass Sie es haben — und erwarten die Antwort.

Und dann mögen alle Götter des Olymps (Venus nicht zu vergessen) Ihr ambrosisches Haupt mit unverwelkbaren Lorbeerkränzen schmücken! — Die heilige Cäcilie kann auch mithelfen[4], denn vergessen Sie es nicht: die ganze musikalische Zukunft Louisens hängt von Ihnen jetzt ab und schwebt an einem Faden. — Die arme Frau ist ganz krank von der Geschichte.

Und nun Gott befohlen!

Ihr Iw. Turgénjew.

P.S. In 10 Tagen bin ich in Berlin, denn ich reise nach Russland[5], wo mein armer Bruder eben gestorben ist — und wo ich versuchen werde, etwas von der Erbschaft zu retten[6].

5234. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

17 (29) января 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Середа, 29/17-го янв. 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Прибегаю к Вам с всепокорнейшей просьбой и заранее прошу извинения в причиняемых хлопотах: как только Вы получите прилагаемую доверенность[1], то потрудитесь[a] немедленно засвидетельствовать подпись консула в Министерстве иностранных дел — и столь же немедленно отправьте ее по нижеследующему адрессу (страховым письмом):

Орловской губ., в город Мценск, в село
Спасское-Лутовиново.
Г-ну управляющему имениями И.С. Тургенева
Николаю Александровичу Щепкину.

В прошлых годах И.П. Арапетов оказывал мне эту услугу; но я не знаю наверное — в Петербурге ли он. — А дело требует великой поспешности. Вам, вероятно, уже известно, что брат мой, Н⟨иколай⟩ С⟨ергеевич⟩, скончался; — и скончался, окруженный мошенниками, которые, несмотря на его усиленные и повторенные просьбы, не дали даже мне знать об его болезни; видно, они боялись, как бы я не приехал и не застал его еще в живых; — меня уже известили, что они, до наложения печатей, успели утащить 20 000 р. наличными деньгами[2] — и, конечно, постараются лишить меня той малой части капитала (55 000 р. из 520 000 р.), которую он мне оставил по завещанию, сделанному им в их пользу[3]. — Результатом всего этого — то, что я выезжаю отсюда через неделю и, почти не останавливаясь, прибуду в Москву (впрочем, я, конечно, Вас увижу в Петербурге)[4]; но до того времени доверенность нужна моему управляющему для принятия надлежащих мер. И потому не сомневаюсь в том, что Вы, по старинной нашей дружбе, исполните мою просьбу; — а насчет расходов, какие бы могли случиться, мы сочтемся.

Страховое письмо[5] я Ваше получил, так же как и томик Толстого, книжку Анненкова — и пострадавшую статью [6]. — Присланные деньги я внес на лист подписной для

[a] потрудитесь — *вписано над строкой.*

памятника Н.В. Х⟨аныкову⟩; — и Вы напрасно сомневались в успехе подписи в России; мы уже собрали там около 120 р. — и остальные 60 также надеемся собрать[7].

Присланную статью (во всех отношениях *превосходнейшую*) я прочел — и вложил в рот перст изумления! — Если сильные мира даже этого не понимают — то остается только припомнить латинскую поговорку: Quos vult perdere Jupiter, dementat[8]. — Сегодня и здесь происходит катавасия; но, кажется, завтра все благополучно разрешится — и послезавтра на место Мак-Магона президентом республики будет Греви или Дюфор; вероятнее — последний. — А впрочем, упрямый воин, быть может[б], опомнится — и уступит; и тогда опять склеится дело на несколько месяцев[9].

Л.Я. Стечькина известила меня о высылке первой части своего романа; вторую я, как Вам уже известно, имею в руках; — я привезу Вам обе[10].

Итак, до скорого свидания — на этот раз; кланяюсь всем Вашим, жму Вам дружески руку — и еще раз спасибо!

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. С Зола я перед отъездом потолкую *основательно* и *серьезно*[11].

5235. Н.А. ЩЕПКИНУ

17 (29) января 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Середа, 29/17-го янв. 79.

Любезный Николай Александрович,

Получивши Ваше письмо[1], я немедленно переписал доверенность, засвидетельствовал ее в Консульстве и отправил в Петербург к г. Стасюлевичу, редактору "Вестника Европы", который, засвидетельствовав подпись консула в Министерстве иностранных дел, немедленно препроводит ее в Спасское на Ваше имя[2]. — Вполне полагаюсь на Вашу распорядительность и благодарю за уже сделанное. — Нет сомнения, что г. Маляревский поступил со мною самым постыдным образом; полагаю также, что он весьма был

[б] быть может — *вписано над строкой.*

способен похитить те 20 000 р., о которых Вы пишете. Одно место в Вашем письме возбудило мое недоумение: какая это[а] населенная земля во Мценском уезде при селе Долгом, которая не вошла в завещание и потому должна достаться мне?[3] — Сколько мне известно — Долгое братом продано. — Не хотели ли Вы сказать: *Сычево*? — Или Сычево также продано г-ну Маляревскому, как Тургенево?[4] Сомневаюсь, чтобы брат сделал это при жизни. — Вероятно, г-н Маляревский сказал бы Вам это, как сказал о Тургеневе. — Если брат за месяц до смерти получил 28 000 р. — то невозможно предполагать, чтобы он их роздал: он совсем не был таким щедрым человеком — и кому бы он их дал? — Сам я выезжаю отсюда через 10 дней — и через две недели с небольшим надеюсь быть в Москве — а там и в Спасском[5]; но до того времени Вы не упустите принять надлежащие меры. — Известите меня телеграммою, как только получите доверенность. — Я четвертого дня отправил телеграмму насчет похорон моего брата[6]; но из Вашего письма я вижу, что они решились ускорить дело и похороны произойдут без меня[7]. — Я Вам также написал письмо со вложенным письмом для г. Маляревского, которое я просил Вас прочесть; если б я знал, что он за птица — я бы совсем к нему не писал. — Если бы, паче чаяния, Вы бы этого письма еще не отдавали — то оставьте его у себя[8]. — Пишу Вам в Спасское — хотя Вы мне говорите, что едете в Москву: эдак будет вернее. Повторяю, что если Сычево не было продано братом при жизни Маляревскому и не записано в завещании — то оно должно поступить в мое владение — и в таком случае не худо бы наложить на это имение временное запрещение — как бы оттуда что не вытащили, не продали леса и т.п. Но может быть также, что оно продано; тогда следует Маляревскому предъявить купчую.

Оканчивая свое письмо, повторяю, что вполне на Вас полагаюсь, и заранее прошу принять выражение моей благодарности.

Кланяюсь всем Вашим, жму Вам руку и говорю: до скорого свидания.

Ив. Тургенев.

[а] *Далее зачеркнуто*: неза⟨селенная⟩

5236. КАРОЛИНЕ КОММАНВИЛЬ

18 (30) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi matin.

Quel affreux accident! J'ai immédiatement télégraphié à Flaubert[1] avec réponse payée — et je n'ai pas reçu de réponse — ce qui m'inquiète beaucoup. — Je vais demain à Croisset[2]. — Pourriez-vous me donner quelques nouvelles?

J'ai mis sur l'adresse *Mr* ou *Mme*, car je suppose que l'un de vous est parti pour Croisset[3]. Excusez le décousu de ce billet. Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

5237. М.Г. САВИНОЙ

19 (31) января 1879. Париж

Marie Savina, Théâtre Alexandre, St-PBG. — Mille remerciments pour attention délicate, compliments du succès rendu possible par votre talent[1]. Tourguéneff.

5238. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

19 (31) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 31/19-го янв. 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Сегодня только два слова — с тем чтобы известить Вас о благополучном прибытии 1-ой части[1]. Сегодня же примусь за чтение. Уже теперь могу Вам сказать, что лучшее заглавие, по-моему: "Варенька Ульмина". — Просто и беспритязательно. Очень много капитальных вещей озаглавлено таким образом: ("Оливер Твист", "Адам Бид", "Евгений Онегин", "Анна Каренина"[2] и т.п.). Желаю Вашему роману участь, подобную участи поименованных произведений.

Так как я — по делам наследства — принужден выехать в Россию в конце будущей недели — то я повезу с собою Ваш роман и лично передам его Стасюлевичу[3]. Мне придется побывать в деревне — и я непременно Вас

ИМПЕРАТОРСКІЕ СПБ. ТЕАТРЫ.

18 79

ВЪ АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Въ Среду, 17-го Января.

БЕНЕФИСЪ Г-жи САВИНОЙ.

Въ первый разъ:

МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. И. Тургенева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аркадій Сергѣичъ Ислаевъ, богатый помѣщикъ. . . . . Г-нъ **Сазоновъ**.
Наталья Петровна, жена его. . . . . . . Г-жа **Абаринова**.
Коля, сынъ ихъ . . . . В-къ **Ѳедуловъ**.
Вѣрочка, воспитанница. . . . . Г-жа **Савина**.
Анна Семеновна Ислаева, мать Ислаева . . Г-жа **Сабурова**.
Лизавета Богдановна, компаньонка . . . . Г-жа **Стрѣльская**.
Шаафъ, нѣмецъ, гувернеръ . . . . Г-нъ **Ѳедоровъ**.
Михаилъ Александровичъ Ракитинъ, другъ дома . . . . Г-нъ **Полонскій**.
Алексѣй Николаевичъ Бѣляевъ, студентъ, учитель Коли . . . . Г-нъ **Петипа**.
Афанасій Ивановичъ Большинцовъ, сосѣдъ . Г-нъ **Варламовъ**.
Игнатій Ильичъ Шпигельскій, докторъ . . Г-нъ **Новиковъ**.
Матвѣй, слуга . . . . Г-нъ **Васильевъ**.
Катя, служанка . . . . Г-жа **Стремлянова**.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣньи Ислаева, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 дѣйствіями проходитъ по дню.

Въ первый разъ:

ДОБРЫЙ БАРИНЪ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи А. Н. Островскаго. (Содержаніе заимствовано.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Ивановичъ Пыровъ, богатый баринъ, вдовецъ . . . . Г-нъ **Бурдинъ**.
Василій Николаевичъ Лытаевъ, молодой человѣкъ . . . . Г-нъ **Сазоновъ**.
Дуняша, экономка у Пырова . . . . . . Г-жа **Савина**.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Дивертиссементъ.

Г-нъ **Полонскій**—прочтетъ стихотвореніе.
Г-жа **Кронебергъ**—исполнитъ русскій романсъ.
Г-нъ **Горбуновъ**—прочтетъ сцены изъ народнаго быта, соч. имъ-же.

Порядокъ спектакля: 1) Мѣсяцъ въ деревнѣ. 2) Добрый баринъ. 3) Дивертиссементъ.

Начало въ 7 часовъ.

Билеты можно получать въ кассѣ Александринскаго театра.

Въ тип. Импер. Спб. театровъ (Эдуарда Гоппе), Возн. пр., № 53.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЬЕСЫ «МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ»
В БЕНЕФИС М.Г. САВИНОЙ
Александринский театр, 17 (29) января 1879 г.

увижу[4]. Желаемые Вами грамматические исправления будут сделаны[5].

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

На конверте: Russie. Gouv-t de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию Суходол,
в сельцо Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне Стечькиной.

5239. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

19 (31) января 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi matin.

Mon cher malade,

J'allais me mettre en route quand votre lettre est arrivée. — Je n'irai pas aujourd'hui, puisque vous le voulez — mais il faut absolument que je vous voie — pour moi et aussi pour *vous* — et j'irai *lundi*. Que parlez-vous de *deux* heures? — J'arriverai dans la matinée et je resterai jusqu'au jour suivant. — Si vous n'avez pas de lit à me donner — j'irai coucher à Rouen. Comme il est plus que probable que je vais partir pour la Russie dans une semaine, je tiens absolument à vous voir auparavant[1].

Pourquoi n'avez-vous pas répondu à mon télégramme (réponse payée)?[2] — Vous m'avez tenu tout un jour dans une véritable anxiété! — et Mme Viardot aussi, qui vous fait dire qu'elle ne savait pas elle-même — jusqu'à ce jour — combien elle vous était attachée[3]. — J'ai écrit hier matin à Mme Commanville et sa réponse m'a tranquillisé[4]. — Cependant, elle ne parlait que d'une entorse — et je vois que vous vous êtes tout de même cassé la jambe[5]. J'ai vu en rêve que vous me montriez l'endroit: un peu au-dessous du genou droit.

Ainsi — à *lundi* — "te volente aut nolente". — J'aurai beaucoup de choses à vous dire et à vous entendre dire[6].

J'espère que vous serez tout à fait gaillard à mon retour de Russie, qui aura lieu dans six semaines. — En attendant, je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5240. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

20 января (1 февраля) 1879 (?). Париж

50, rue de Douai.
Samedi.

Mon cher ami,

C'est diablement désagréable, ce que vous venez de m'apprendre[1]. Je tâcherai d'aller chez Flaubert[2]; mais comme je pars à 7 h. du soir, je vous prierai de venir chez moi demain pour plus de sûreté vers *11 h. et demie*[3]. Il faudra voir ce qu'il y a à faire[4].

A demain donc.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

5241. В.А. СОЛЛОГУБУ

21 января (2 февраля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение.

Любезный граф,

К крайнему моему сожалению, я не могу исполнить Ваше желание. Завтра я еду в Руан к моему другу Флоберу, который переломил себе ногу[1], во вторник[a] возвращаюсь в Париж — а в пятницу или в субботу уезжаю в Россию, куда зовут меня дела по наследству[2] и пр. — Постараюсь побывать у Вас до отъезда. — Я был опять две недели болен подагрой — оттого пропустил Ваши понедельники[3]. — Старость, немощь.

Кланяюсь графине и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

---

[a] во вторник — *вписано над строкой.*

5242. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

23 января (4 февраля) 1879. Париж

50, rue de Douai.
Lundi[a], 5 h.

Mon cher ami,

Je reviens à l'instant de chez Flaubert et je m'empresse de vous faire savoir qu'il va bien, autant que faire se peut. Il est très tranquille et très philosophe et pourra se lever dans une dizaine de jours[1].

Je lui ai parlé de la *grande* affaire[2]: il est très reconnaissant et, je crois, *ébranlé*; mais il voudrait savoir le chiffre exact des appointements. J'ai dû lui promettre de télégraphier ce chiffre dès demain[3]. N'est-ce pas sept à huit mille francs (avec le logement)? Si vous le savez au juste, envoyez-moi un mot de réponse ce soir même[4]; sinon, il faudra le demander à Charpentier[5].

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

5243. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

25 января (6 февраля) 1879. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Jeudi matin.

Mon cher ami,

Je viens de recevoir une lettre de Flaubert, qui *accepte*, et voudrait savoir s'il peut y compter avec certitude[1]. Je passerai chez vous vers 2 heures (cela vous va?), et nous arrangerons la manière de procéder[2]. Si vous préférez une autre heure, faites-le-moi dire. Je suis libre jusqu'au dîner.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

---

[a] *Так в подлиннике.*

5244. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

26 января (7 февраля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi matin.

Mon cher ami,

Voici ma réponse à vos deux lettres[1]: soyez tranquille — on travaille à votre affaire — et je dois dire que Zola et les Charpentier se montrent *très bien*[2]. — Je suis très heureux de votre consentement[3] et je *ne partirai pas* pour la Russie — avant qu'il n'y ait une solution[4]. — Je vous tiendrai au courant. Il y a une petite difficulté qui s'est ajoutée: Baudry est le gendre de Senard — et Senard a contribué à la formation du nouveau ministère[5]. — Mais Gambetta continue à vous témoigner le plus vif intérêt — et c'est là le principal[6]. — Nous ferons tout ce qu'il faudra.

Vous ne me dites rien de votre pied — c'est bon signe[7]. — Je l'espère, du moins. — Mes amitiés au bon Mr Laporte[8]. — Je vous embrasse.

J. Tourguéneff.

P.S. Il est probable que je vous écrirai demain[9].

5245. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

27 января (8 февраля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, $\frac{\text{8-го февр.}}{\text{27-го янв.}}$ 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Сейчас кончил незначительные переправки в Вашем романе[1] — и, какое бы ни было мнение о нем публики, повторяю Вам: у Вас несомненный, правдивый, поэтический талант — и я рад, что мне пришлось быть в некотором роде его крестным отцом. Меня по-прежнему поразили сцены между Митей и Верочкой[2] в зимнем саду и т.д. — и я, когда увижу Вас, доставлю себе удовольствие поцеловать руку, которая их написала.

Роман Ваш я сам повезу в Петербург и передам Стасюлевичу: я выезжаю отсюда через три дня — в Петербурге пробуду 24 часа всего — и надеюсь прибыть в Москву к 6-му

февр⟨аля⟩ ст. ст.[3] Вероятно, мне придется съездить в деревню — и я, конечно, заверну к Вам. А может быть, Вы, вместе с Вашей матушкой, удосужитесь съездить в Москву?[4] Впрочем — мы обо всем этом спишемся.

Я еду отсюда через Брюссель. Там живет мой старинный приятель, П.В. Анненков, издатель Пушкина, человек, одаренный замечательно верным критическим взглядом. Я ему, бывало, подвергал все мои произведения до их печатания. Я ему прочту и Ваше: посмотрим, что он скажет. Я Вам передам его замечания, которыми, если придется, можно будет воспользоваться[5].

Итак — до свидания. Кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Russie. Gouv-t de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию Суходол,
в сельцо Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне Стечькиной.

5246. Н.А. ЩЕПКИНУ

27 января (8 февраля) 1879. Париж

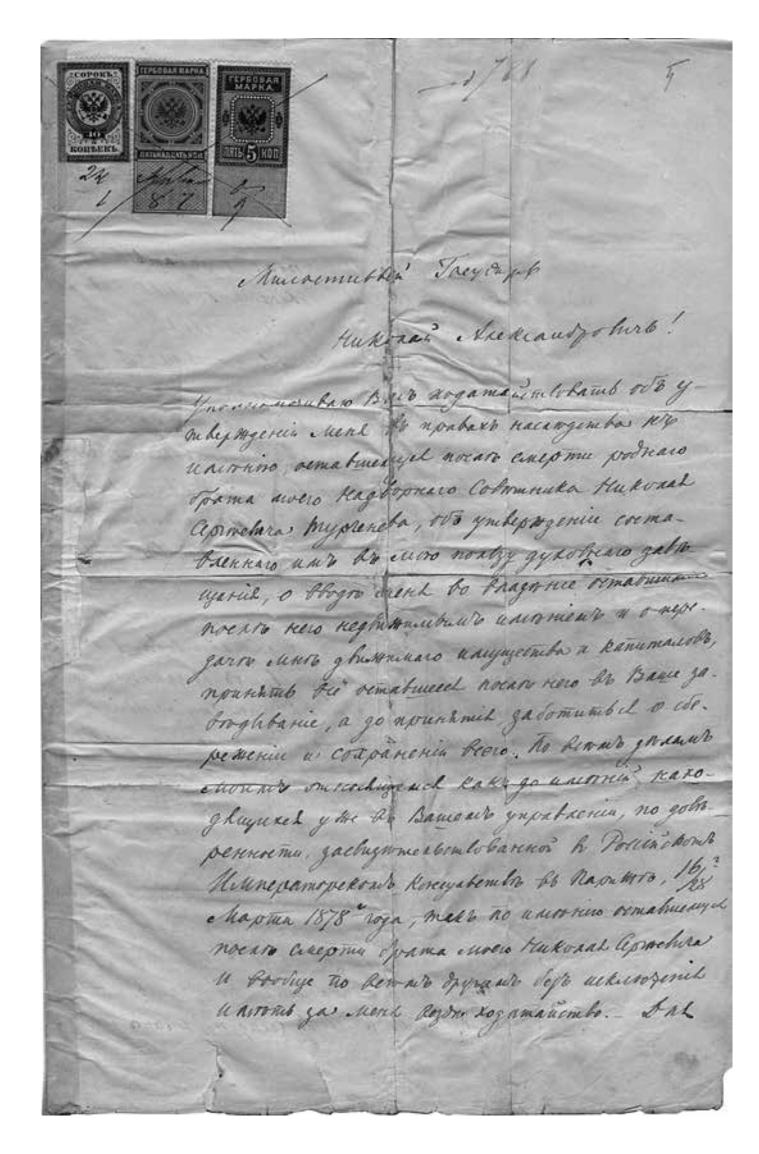
50, RUE DE DOUAI
PARIS

Суббота, $\frac{\text{8-го февр.}}{\text{27-го янв.}}$ 79.

Любезный Николай Александрович,

Сейчас получил Ваше страховое письмо от 23-го янв⟨аря⟩ из Спасского[1] — и прежде всего благодарю Вас за разумное решение удержать мое письмо к г. Маляревскому[2]. — (Впрочем, я уже писал Вам об этом[3].) Этот господин не стоит того, чтобы обращались с ним, как с порядочным человеком. — Прошу Вас письмо это немедленно истребить.

Изо всего сказанного Вами явствует, что мне следует отправиться в Россию самому. Я выезжаю отсюда через 3 дня и, если ничего не случится со мною на дороге, надеюсь прибыть в Москву не позже *6-го февр⟨аля⟩* нашего

СОРОКЪ КОПѢЕКЪ
ГЕРБОВАЯ МАРКА
ГЕРБОВАЯ МАРКА ПЯТЬ 5 КОП

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Уполномочиваю Васъ ходатайствовать объ утвержденіи меня въ правахъ наслѣдства къ имѣнію, оставшемуся послѣ смерти родного брата моего Надворнаго Совѣтника Николая Сергѣевича Тургенева, объ утвержденіи составленнаго имъ въ мою пользу духовнаго завѣщанія, о вводѣ меня во владѣніе оставшимся послѣ него недвижимымъ имѣніемъ и о передачѣ мнѣ движимаго имущества и капиталовъ, принять все оставшееся послѣ него въ Ваше завѣдываніе, а до принятія заботиться о сбереженіи и сохраненіи всего. По всѣмъ дѣламъ спорнымъ относящимся какъ до имѣній находящихся уже въ Вашемъ управленіи, по довѣренности засвидѣтельствованной въ Россійскомъ Императорскомъ Консульствѣ въ Парижѣ, 16/28 Марта 1878 года, такъ по имѣнію оставшемуся послѣ смерти брата моего Николая Сергѣевича и вообще по всѣмъ другимъ безъ исключенія имѣть за меня всюду ходатайство. Для

ДОВЕРЕННОСТЬ И.С. ТУРГЕНЕВА Н.А. ЩЕПКИНУ
от 17 (29) января 1879 г. Первая страница

стиля[4]. — Если Вам придется о чем-нибудь меня известить — пишите мне в Петербург (я через Петербург поеду) — в редакцию "Вестника Европы", Галерная ул., № 20. — Из Петербурга я Вам тотчас дам знать по телеграфу — и мы съедемся в Москве, где я по-прежнему остановлюсь у Маслова[5].

Полагаю, что Вы теперь уже получили отправленную к Вам доверенность[6] — и заявили ее где следует; но до моего приезда не принимайте никаких решительных мер.

Итак — до скорого свидания; кланяюсь всем Вашим — и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

P.S. О времени моего приезда Вы можете, буде нужно, заявить в Тульском окружном суде и т.д.

5247. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

28 января (9 февраля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dimanche matin.

Mon cher ami,

Rien de nouveau encore aujourd'hui; — c'est demain qu'on aura la réponse définitive de Gambetta[1]. — Je reste ici jusqu'à jeudi[2]. — Je prendrai en grande considération les renseignements que vous me donnez dans la lettre d'aujourd'hui[3]. — Je ne connais pas Mme Pelouze — mais je crois que les Charpentier la connaissent; quant à Mme Adam, je l'ai vue une fois à une vente, et elle m'a parlé avec beaucoup d'amabilité. — Je vais lui écrire pour lui demander un rendez-vous[4]. — Pourquoi n'écririez-vous pas, de votre côté, à Mme Pelouze?[5] Maintenant que vous êtes décidé — il faut marcher de l'avant. — Ce qui est bête dans tout cela, c'est que Mr de Sacy va mieux et qu'on parle même de sa guérison possible![6]

Je suis content de savoir que vous allez vous lever dès mardi[7]. — Prenez garde de vous fatiguer le pied. — Je vous écrirai tous les jours jusqu'à mon départ.

Je vous embrasse.

Votre
J. Tourguéneff.

5248. РЕДАКТОРУ "БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ" ("МОЛВЫ")

24—29 января (5—10 февраля) 1879. Париж

Г-н редактор!

Вследствие заявления, помещенного в 22 № вашей газеты по поводу моего письма в "Русскую правду"[1], спешу извиниться перед вами: слух о сокращении "Месяца в деревне" был вычитан мною в "Новом времени" (№ 1031, четверг, 11-го (23-го) января)[2], и имя "Биржевых ведомостей" попало мне под перо ошибкой. Что же касается до г. В. Крылова, если точно он взял на себя труд сократить мою комедию, ввиду ее неожиданного успеха, мне остается только сожалеть о том, что он не довольно строго отнесся к ней и не выкинул также те длинноты, на которые указывает ваша рецензия[3].

Примите и проч.

Ив. Тургенев.

5249. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

1 (13) февраля 1879. Париж

Gustave Flaubert, à Croisset, près Rouen. — N'y pensez plus, refus définitif, lettre donne détails[1]. Tourguéneff.

5250. ПОЛИНЕ БРЮЭР

1 (13) февраля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi matin.

Ma chère Paulinette,

Je reçois à l'instant ta lettre[1] et je te réponds en peu de mots — car je pars dès demain pour la Russie, où je vais tâcher de ramasser quelques bribes de la grande fortune de mon frère (tu sais, je crois, qu'il vient de mourir)[2] — fortune qu'il a laissée aux parents de sa femme. — Ces parents manifestent l'intention d'accaparer même le peu que mon frère m'a légué — et il faut que je sois sur les lieux pour me défendre[3].

Quant à ce que tu demandes[4] — je n'ai qu'un conseil à te donner. Tout en déplorant la mauvaise chance qui semble vous poursuivre — *tenez-vous à votre fabrique*. Je suis

absolument impuissant à faire quelque chose pour vous. — Tout dernièrement j'ai essayé de solliciter une place (dix fois promise) — pour mon pauvre ami Flaubert qui se trouve complètement ruiné — et j'ai été éconduit de la façon la plus brutalement grossière[5]. Je ne m'y frotterai plus jamais. Je le répète, je suis absolument impuissant — et je te saurai gré de ne plus jamais revenir là-dessus.

Je t'écrirai de Moscou — je te ferai savoir si là-bas aussi tout va à la diable[6]. — En attendant je vous embrasse tous et vous souhaite mille bonnes choses.

Iv. Tourguéneff.

P.S. J'ai payé 124 fr⟨ancs⟩ à Mme Innis pour toi.

5251. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

1 (13) февраля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi matin.

Mon cher ami,

Vous savez déjà par mon télégramme de ce matin[1] l'écroulement de tous nos projets. — Voici les détails. — A mon retour à Paris, nous avions pris les résolutions suivantes: je devais tâcher de parler à Gambetta, puis à Ferry et, s'il le fallait, à Baudry[2]. — Jeudi soir — première lettre de Zola (ci-jointe)[3] — et par la suite, temps d'arrêt. — Je demande une entrevue à Mme Ed. Adam; pas de réponse[4]. — Lundi matin[a] — lettre de Zola accompagnée d'un billet de Mme Charpentier (je les envoie aussi)[5]. Jugez de ma stupéfaction. Je prends une voiture et je vais tout droit au palais de la présidence pour voir Gambetta (les Charpentier avaient promis d'avoir une réponse définitive *samedi*). Je ne suis pas reçu, mais je puis voir son secrétaire particulier Mr Arnauld (fils de Mme Arnauld de l'Arriège). Je lui explique toute l'affaire: il m'écoute avec aménité, tout en frétillant sur place — prend des notes sur un morceau de papier — et me promet solennellement de m'envoyer une réponse dès le lendemain matin. — Naturellement, rien n'arrive. — Je m'en vais chez sa mère dont je venais de faire la connaissance: visage de bois. — Je retourne à la maison, écris une lettre à

---

[a] *Было*: Dimanche

Gambetta — et la porte le soir même chez Mme Arnauld en la priant de faire remettre ⟨ma⟩[б] lettre par son fils[6]. — J'ajoute que je viendrai chercher la réponse chez elle — le lendemain. — Le lendemain — c'⟨est⟩-à-d⟨ire⟩ hier mercredi — je retourne chez Mme Arnauld: rien! — en même temps je reçois une lettre de Mme Edmond Adam qu'on disait à Cannes (je vous l'envoie aussi[7]). — Je mets habit, cravate blanche — et me voilà dans son salon, où se trouvent à peu près toutes les notabilités politiques et où se gouverne et s'administre la France. Je suis très bien reçu par elle — je lui expose l'affaire... "Mais Gambetta est là — il fume après le dîner — nous allons tout savoir en un instant". — Elle revient dans deux minutes: "Impossible, mon cher Monsieur! Gambetta a déjà ses candidats". — Le dictateur arrive à pas délibérés: jamais je n'ai vu de chiens savants dansant devant leur maître pareils aux ministres et sénateurs etc. qui l'entourent. — Il se met à causer avec l'un d'eux. — Mme Ed. Adam me prend par la main et me mène à lui; — mais le grand homme décline l'honneur de faire ma connaissance — et répète — assez haut pour que je l'entende: "Je ne veux pas — c'est dit — c'est impossible". Je m'esquive — et je retourne à la maison, *plongé*, comme on dit — dans des réflexions que je n'ai pas besoin de vous communiquer. Et voilà comme on peut se fier aux bonnes paroles et aux promesses.

Les deux places dont parle Mme Charpentier seront données à Ms Baudry et Soury[8].

Allons, mon bon vieux — il faut jeter tout cela par-dessus bord — et se remettre au travail, au travail littéraire, le seul digne d'un homme tel que vous. — Je ne pars que *samedi* (à 7 h. du matin). Vous aurez le temps de m'écrire[9]. Donnez-moi de vos nouvelles — pouvez-vous marcher maintenant avec vos béquilles?[10]

Je vous écrirai de Moscou[11]. Je vous embrasse bien fort.

Votre
Iv. Tourguéneff.

P.S. J'écris un petit mot à votre nièce[12].

[б] *В подлиннике ошибочно*: son

5252. КАРОЛИНЕ КОММАНВИЛЬ

1 (13) февраля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

⟨Le romancier, déçu, doit annoncer⟩ une fâcheuse nouvelle... Gambetta a déclaré hier que la nomination de Flaubert est impossible et qu'il avait déjà son candidat[1]. Je n'ai pas besoin de vous dire combien ce désappointement m'est pénible. Je viens d'en écrire à Flaubert[2] ⟨...⟩ Je pars demain pour la Russie[3]. ⟨...⟩

Iv. Tourguéneff.

5253. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

1 (13) февраля 1879. Париж

Paris. Jeudi.

Mon cher ami,

Je viens de voir Zola auquel j'ai tout raconté et qui par affection pour vous (ce garçon vous est sincèrement attaché, je m'y connais) regrette que je vous aie dit la vérité tout entière[1]. — Il voulait que vous ne renonciassiez pas à la partie immédiatement. (NB. Mme Ed. Adam m'a promis de "travailler" pour vous pendant mon absence accompagnant ses paroles d'expressions très fortes, disant que la France vous devait cela etc.[2] Je ne vous en ai pas parlé dans ma lettre.) A tout prendre — je crois que je vous devais la vérité vraie; mon instinct d'ami m'y poussait. Cependant je vous transmets l'opinion de Zola. *NB*. Je ne lui ai pas dit que je vous avais envoyé les pièces à l'appui — ses lettres — et peut-être ferez-vous bien de n'en pas parler[3]. Il est évident que vos amis ont fait tous leurs efforts; mais il est probable qu'ils se sont trompés sur les intentions bienveillantes qu'ils supposaient.

J'espère que vous n'allez pas vous imaginer que ces ennuis m'ont embêté personnellement; j'ai beaucoup regretté le fiasco de nos démarches — pour vous; — quant au contact avec les puissants du jour — je dirais presque que cela m'a amusé — car j'ai vu un assez joli dessous de cartes[4].

Allons — n'en parlons plus — et laissez-moi vous embrasser encore une fois.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5254. А.А. ТРУБЕЦКОЙ

2 (14) февраля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi, 14 fév. 79.

Chère princesse,

Votre lettre[1] m'est arrivée la veille de mon départ pour la Russie[2]. Des affaires de succession très importantes et très désagréables réclament ma présence là-bas[3]. S'il ne m'arrive rien de fâcheux, j'espère être de retour dans 6 semaines[4].

Je m'empresse de vous donner les renseignements que vous désirez. Depuis bientôt un an je prends les pilules de F. Joseph[5] — le matin en me levant, 9 à la fois dans un peu d'eau sucrée. — Elles ne causent aucun dérangement. Il vaut mieux les discontinuer pendant l'accès, surtout s'il est violent. La seule chose qu'il convienne de faire alors — c'est de poser sur le membre malade une compresse chauffante, c'⟨est⟩-à-d⟨ire⟩ un linge mouillé d'eau froide, mélangée d'un peu d'arnica, puis beaucoup d'ouate, une toile cirée — et un mouchoir en laine — ne changer qu'une fois toutes les 24 heures — et patienter!

NB. Les capsules de F. Joseph se vendent *20* francs (et non 25) à la pharmacie Leperdriel, 70, rue du f⟨aubour⟩g Montmartre.

Toute la maison Viardot se porte bien et vous fait dire mille choses aimables. — On a recommencé les soirées musicales de jeudi et elles sont très intéressantes.

Quant à ce qui s'est passé en France, c'est bien le cas de dire: "Novus verum nascitur ordo"[6]. Mais il n'y aura pas seulement des difficultés (pour parler à la Gambetta), mais des tiraillements et des défaillances... à commencer par le même Gambetta. — Cette dernière forme purement *politique* de la société, la république bourgeoise, vient de commencer son cycle: il faut qu'elle le parcoure jusqu'au bout[7]. — Ni vous ni moi (surtout moi) nous ne verrons pas ce bout-là. — Ce sera un peu gris, un peu terne; mais, après tout, cela vaudra mieux que l'horrible marasme social et gouvernemental qui envahit la Russie[8]. Voilà ce dont on voudrait voir la fin! — Peut-être le verrons-nous... mais cela n'est pas sûr.

Vous me faites beaucoup d'honneur en relisant "Ася"[9]. — Autant que je me rappelle cette petite nouvelle, il y a là un

assez bon accent de sincérité. Mais, pour éviter les dangers des comparaisons, vous n'auriez pas dû faire précéder cette lecture par celle des "Maîtres Sonneurs"![10] — Enfin, il en sera... ce qui sera.

Vous ne me parlez pas de votre santé: je suppose qu'elle est bonne. — J'ai eu à souffrir — modérément — de la goutte; pourvu qu'elle me laisse en repos pendant mon voyage! — Quant à la peste, il vaut mieux ne pas en parler[11].

Présentez mes meilleurs compliments aux habitants de Bellefontaine et laissez-moi vous serrer la main de toute la force de mon amitié.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Louise va couci-couci; elle n'a toujours pas de chance pour faire représenter ou jouer sa musique[12]. — Je lui parlerai du "Rossignolet"[13].

На конверте: Madame la princesse Troubetzkoï,
au château de Bellefontaine,
près de *Fontainebleau.*

5255. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

3 (15) февраля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi matin.

Mon cher ami,

Je pars dans une heure et n'ai que le temps juste de vous dire combien je suis content de la façon dont vous prenez toute cette affaire[1]. — Vous ferez bien d'écrire deux mots à Charpentier et à Zola. — Quant à Mme Adam, peut-être vaut-il mieux se taire[2].

On verra quand je serai de retour — dans 5 ou 6 semaines. Peut-être serez-vous déjà à Paris dans ce temps-là[3].

Je vous écrirai de *Moscou*[4]. En attendant je vous embrasse.

Votre
J. T.

5256. А.В. ТОПОРОВУ

4 (16) февраля 1879. Брюссель

HOTEL DE BELLE-VUE
BRUXELLES
Брюссель.
Воскресение, 16/4-го февр. 79.

Любезный Топоров,

Я вчера приехал сюда из Парижа, чтобы повидаться с моим старым другом П. Анненковым, сегодня же выезжаю в[a] Берлин — и, вероятно, в четверг вечером буду в Петербурге. Я Вас извещу с границы телеграммой[1]; но прошу Вас теперь же удержать для меня № в "Европейской гостинице" — или в другой, по благоусмотрению. Так как ноги мои теперь действуют — то я не боюсь 2-го или даже 3-го этажа.

Итак, до скорого свидания. Жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

5257. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

6 (18) февраля 1879. Берлин

ST. PETERSBURG HOTEL
U. D. LINDEN, 31
BERLIN

Ich ertheile hiermit dem Schriftsteller Herrn Ludwig Pietsch zu Berlin die ausschliessliche Autorisation, das von mir verfasste Drama in zwei Akten — "Das Gnadenbrot" — in deutscher Bearbeitung auf deutschen Bühnen aufführen zu lassen und übertrage ihm meine Autorenrechte daran in ihrem ganzen gesetzlichen Umfange[1].

Iwan Turgénjew.

Berlin.
d. 18-ten. Februar 1879.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Париж

5258. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

6 (18) февраля 1879. Берлин

ST. PETERSBURG HOTEL
U. D. LINDEN, 31
BERLIN
Berlin.
Mardi, 18 févr. 79.

Mon cher ami,

Vous imaginez-vous l'embêtement que m'a causé l'article du "Figaro" — dont je n'ai eu connaissance que dimanche, en chemin de fer, à je ne sais plus quelle station?[1] — Cet embêtement a surtout été grand par l'idée de celui que vous avez dû éprouver[2]. — Je me donne au diable — si je sais qui peut être ce Mr Aristophane[3]. Ma visite à Mme E⟨dmond⟩ A⟨dam⟩ a eu lieu mercredi soir[4] — je n'ai pas bougé de la maison ni jeudi ni vendredi, grâce à un terrible rhume de cerveau — et samedi je suis parti pour la Russie. — Je n'ai parlé de cette affaire qu'à Viardot et sa femme — et à Zola; ce ne sont pas ceux-là qui correspondent avec le "Figaro"[5]. — Enfin — il est dit que tout doit mal marcher dans cette affaire.

Je suis ici depuis hier soir; je pars aujourd'hui pour Pétersbourg, où je compte arriver après-demain. Dimanche je suis à Moscou — et lundi ou mardi je vous écrirai[6].

En attendant, portez-vous bien — c'⟨est⟩-à-d⟨ire⟩ marchez sans béquilles — et ne m'en voulez pas. — Je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5259. Н.А. ЩЕПКИНУ

9 (21) февраля 1879. Петербург

Николаю Александровичу Щепкину, Мценск, село Спасское. — Приехал сюда вчера, во вторник еду в Москву, телеграфируйте, где находится Маляревский[1]. Иван Тургенев.

5260. Н.А. ЩЕПКИНУ

9 (21) февраля 1879. Петербург

Николаю Александровичу Щепкину, Мценск, нарочным, село Спасское. — Николай Сергеевич Тургенев родился в Орле 4 ноября 1816 года и крещен там же[1]. Иван Тургенев.

5261. Н.А. ЩЕПКИНУ

10 (22) февраля 1879. Петербург

С.- Петербург.
Гостиница "Европа".
Суббота, 10-го фев. 79.

Любезнейший Николай Александрович — я отправил вчера Вам две телеграммы — одну о рождении и крещении Николая Сергеевича[1] — другую о моем приезде и об адрессе г. Маляревского[2] — так как не невозможно, чтобы он находился здесь[3]. Во всяком случае я выезжаю отсюда во *вторник*, в *середу* утром буду в Москве, у Ив.Ил. Маслова — и очень был бы Вам благодарен, если б Вы к тому дню также явились в Москву для переговоров и окончательного решения, как поступить[4]. Если нужно, я с Вами поеду потом в Тулу, в Спасское, Тургенево и т.д.[5] Привезите с собою денег, так как мои почти все вышли[6].

Итак, до свидания в Москве. Кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5262. А.В. ПОЛОВЦОВУ

12 (24) февраля 1879. Петербург

Очень буду рад видеть Вас и Вашу невесту *завтра* около 11 часов. Я должен уехать в Москву — но возвращаюсь через неделю[1].

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5263. Н.П. АЛОВЕРТУ

13 (25) февраля 1879. Петербург

"Европейская гостиница".
Вторник, 13-го февр. 79.

Милостивый государь Николай Павлович,

С искренней благодарностью принимая Ваше любезное предложение[1], спешу сообщить Вам, что я сегодня уезжаю по делам в Москву, но дней через 10 вернусь — и тогда надеюсь иметь удовольствие познакомиться с Вами и сообщить Вам мой почтовый адресс[2].

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

5264. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

13 (25) февраля 1879. Петербург

С.- Петербург.
"Европейская гостиница".
Вторник, 13-го февр. 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Я сегодня вечером выезжаю в Москву[1] — и остановлюсь там у моего приятеля И.И. Маслова, управляющего Удельной конторой, на Пречистенском бульваре. — Весьма может легко статься, что мне придется съездить в Тулу (по делам); но так как мне непременно нужно видеть Вас, то было бы хорошо, если б Вы сами нашли возможным съездить в Москву[2]; а потому разрешите мне прислать на Ваше имя телеграмму — и будьте готовы пуститься в небольшое путешествие; телеграмму эту Вы получите послезавтра[3].

Ваша повесть пойдет в майской книжке "Вестника Европы"[4]. Не помню, писал ли я Вам, что я проездом через Брюссель показывал ее Павлу Васильевичу Анненкову. Она произвела на него самое хорошее впечатление; и только он сделал два-три весьма верных замечания, которые я передам Вам — и воспользоваться которыми (если Вы найдете их справедливыми) — будет Вам очень легко. Я привезу рукопись с собою — через 10, 12 дней я должен приехать обратно в Петербург: времени у Вас, стало быть, будет слишком довольно.

Итак — до скорого свидания, любезнейшая Любовь Яковлевна — в Москве или в Туле.

Передайте мой дружеский поклон Вашей матушке — и позвольте крепко пожать Вашу руку.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

На конверте: Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию Суходол, в сельцо Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне *Стечькиной*.

5265. М.М. КОВАЛЕВСКОМУ

16 (28) февраля 1879. Москва

Пятница, 15-го[а] февр.[б]

Любезнейший Максим Максимович,

Я вчера у Вас позабыл в передней маленький пакетец с писчей бумагой, чернилами и т.д. Будьте так добры, когда случится заехать ко мне, захватите.

А вчерашний день надолго останется мне в памяти — как нечто еще небывалое в моей литературной жизни[1].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5266. КЛОДИ ШАМРО

18—19 февраля (2—3 марта). Москва

Moscou.
Comptoir des Apanages.
Dimanche, 18 février / 2 mars 1879.

Chère Didie bien-aimée, il y a eu hier quinze jours que j'ai quitté Paris et je ne t'ai pas encore écrit; cela me cause un certain remords — et je prends la plume. Tu as dû avoir de mes nouvelles par maman[1]; et moi, de mon côté, je sais que tu vas bien, ainsi que Georges et la petite Jeanne; mais j'ai besoin de m'adresser directement à toi. — Je suis à Moscou depuis mercredi[2], très bien logé, hébergé, nourri par mon ami Massloff, rien ne me manque — au physique — ou plutôt j'ai une chose de trop: un énorme rhume de cerveau, qui ne veut pas me quitter et qui me transporte aux beaux jours de Baden. A propos de mon héritage, j'ai vu des avocats, des légistes[3], j'ai vu mon intendant[4] — et j'ai vu enfin l'oiseau de proie, qui m'a si proprement plumé[5]: le résultat de toutes ces entrevues est qu'au lieu de 100 000 r., je n'en aurai que 50 000[6] — et encore l'oiseau de proie a eu l'impudence de me dire qu'après tout mon frère avait été généreux envers moi!![7] Dans une dizaine de jours toutes les formalités légales seront

[а] *Так в тексте копии.*
[б] *Далее*: (1879)

remplies — et je pourrai reprendre mon vol[*, 8]. Pourvu qu'on ne me retienne pas en quarantaine à la frontière![9]

J'ai été hier soir au Conservatoire, où sous la direction de Nicolas Rubinstein, il y a eu une répétition générale de l'opéra de Tchaïkovski, "Eugène Onèguine"[10]. La musique m'a semblé charmante: chaude, passionnée, jeune, très colorée et très poétique. — L'orchestre est surtout d'une fraîcheur et d'une verve remarquables. — C'était chanté par des élèves: aussi — tu vois d'ici l'exécution... je dis — tu vois, car heureusement, tu ne peux pas l'entendre. — Il y avait surtout un jeune juif faisant le rôle de Lenski[11], le ténor amoureux, qui avait l'air le plus cocasse qu'on puisse imaginer: quel beau croquis tu aurais fait de ce pauvre diable sec, maigre, les deux mains collées sur le corps, l'une sur la poitrine, l'autre sur la hanche, les coudes pointus, la tête en avant, tous ses habits flottant tristement sur ses membres tout éperdus de gaucherie. — Par contre, Mlle Klimenko[a, 12], celle qui fait l'héroïne, Tatiana, a une belle voix, quoique encore bien rude, et un vrai tempérament dramatique: dans de bonnes mains elle pourrait devenir quelque chose. — En somme, je me suis amusé.

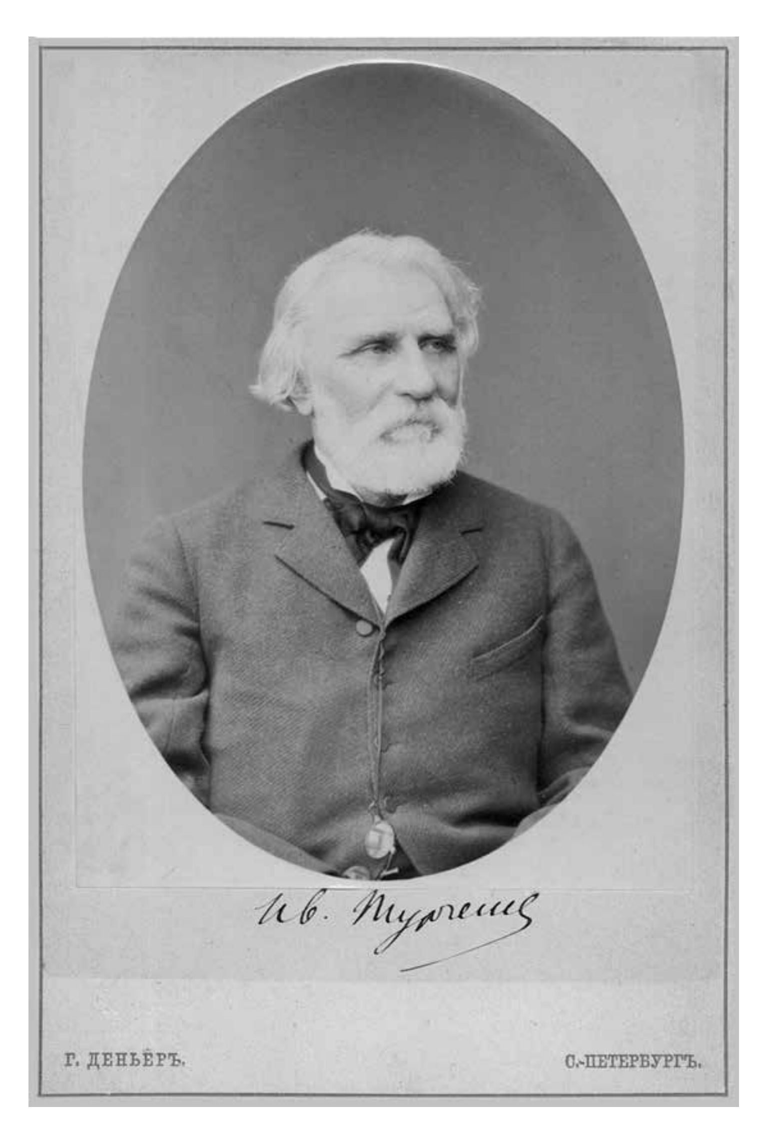
Lundi matin.

J'en étais resté là de ma lettre, quand j'ai reçu la tienne — ainsi que celle de maman[13], m'annonçant le triomphe de Marianne au cirque Pasdeloup[14]. — Je ne doute pas un instant de la vérité de ce que tu dis — mais peut-être aurais-tu dû faire un effort — et braver la migraine — pour ne pas t'exposer à des interprétations fâcheuses. — Enfin, la chose est faite — il ne faut plus en parler; — il reste seulement le grand contentement de ce succès, qui a pris, à ce qu'il paraît, des proportions inusitées — et qui décidera probablement de la future carrière de ta sœur[15]. Malheureusement, cette carrière reste incomplète sans le théâtre... et le théâtre a des inconvénients sur lesquels je n'ai pas besoin de m'appesantir. — Enfin! qui vivra verra. — Du reste, le triomphe de Marianne m'est parvenu par télégramme dès lundi dernier[16]. J'apprends par la lettre de ta maman qu'elle a dû rechanter dès hier; cette fois-ci, je suis sûr que tu as été présente et probablement le succès

---

[*] Et l'oiseau de proie aussi — dans les deux sens. — Ce calembour me vient à l'improviste. — *Примеч. Тургенева.*

[a] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: Klimentova

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография А. Деньера. Петербург, февраль – март 1879 г.

aura été tout aussi grand[17]. C'est bizarre: pendant qu'on applaudissait Marianne à Paris — j'étais aussi l'objet d'une ovation (!!) très inattendue et très bruyante[18]: je la raconte dans une lettre à maman[19] et tu lui demanderas les détails.

Ce qui m'ennuie — c'est que depuis hier soir mon genou droit me fait mal — et je commence à craindre que ce ne soit encore une attaque: je vais rester tranquillement à la maison — et peut-être cela se passera.

A bientôt, mein Herzensdidel. J'embrasse Georges, Jeanne und ich küsse deine schönen Augen und deine lieben Hände. Dein treuer

J. T.

5267. С.А. ЮРЬЕВУ

19 или 20 февраля (3 или 4 марта) 1879. Москва

Любезный Сергей Андреевич,

Эту записочку привезет Вам Н.Н. Спиглазов, с которым я сам хотел явиться к Вам. — Но со мной сделался сильный припадок ревматизма, и я принужден лежать и писать Вам карандашом. Переговорите с г. Спиглазовым и обратите на него Ваше благосклонное внимание[1].

Ваш
Ив. Тургенев.

5268. РАБИ

20 февраля (4 марта) 1879. Москва

Monsieur Rabit (à Fontevrault).

Moscou.
Ce $\frac{\text{20 févr.}}{\text{4 mars}}$ 1879.

Monsieur,

Votre lettre ne m'est parvenue ici qu'hier[1]; c'est ce qui fait que j'y réponds si tard. Il m'est difficile d'accepter le titre éminent, dont vous voulez bien m'honorer; mais je suis heureux de voir que la littérature de mon pays commence à inspirer de l'intérêt à des savants comme vous. Puissiez-vous être encouragé dans vos recherches par la sympathie de vos lecteurs[2].

Agréez, Monsieur, l'assurance de mes sentiments distingués.

Votre très humble serviteur
Iv. Tourguéneff.

5269. А.В. ТОПОРОВУ

20 февраля (4 марта) 1879. Москва

Москва.
Удельная контора.
Вторник, 20-го февр. 79.

Любезнейший Александр Васильевич,

Спешу сообщить Вам, что дело мое приходит в ясность: новое завещание брата так мастерски составлено (самим г-м Маляревским) — что, как говорится, иголки не подпустишь: вместо 100 000 р. я получаю с небольшим 60. — И то хорошо: Маляревский, при его влиянии на брата, мог ничего мне не оставить[1]. Завещание будет утверждено 25-го числа в здешнем Окружном суде; также и права мои на наследство[2]. — Сообщите это все доброму Самарскому, так как он принимает во всем этом деле участие[3].

А мне точно везет — как Вы предсказывали: в четверг мне здешние молодые профессора давали обед с сочувственными "спичами"[4] — а третьего дня в заседании любителей русской словесности студенты мне такой устроили небывалый прием, что я чуть не одурел — рукоплескания в течение 5 минут, речь, обращенная ко мне с хоров[5], и пр. и пр. Общество меня произвело в почетные члены[6]. — Этот возврат ко мне молодого поколения очень меня порадовал, но и взволновал порядком. — Не знаю, от этого ли, но со вчерашнего дня у меня заболело правое колено — и я не могу почти ходить... Авось это будет не настоящий припадок[7].

В конце нынешнего месяца я опять в Петербурге[8]; — а до тех пор желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5270. О.А. НОВИКОВОЙ

21 февраля (5 марта) 1879. Москва

Mercredi.

Chère Madame Novikoff,

J'ai promis, en effet, à Mme Neidhardt de prendre part à la matinée de samedi[1] et je compte bien le faire malgré une attaque de goutte qui me retient à la maison depuis lundi. — Je vais mieux et je crois que je pourrai sortir dès vendredi[2].

Je vous remercie beaucoup de l'envoi de votre brochure — et je vais me mettre à la lire avec beaucoup d'intérêt[3].

Agréez, Madame, l'expression de mes meilleurs sentiments.

Ivan Tourguéneff.

На конверте: Madame Olga Novikoff
de la part de Tourguéneff.

5271. С.А. ЮРЬЕВУ

21 февраля (5 марта) 1879. Москва

Удельная контора.
Середа, 21 февр.

Любезнейший Сергей Андреевич,

По обещанию, спешу известить Вас, что моей ноге лучше, и хоть я сегодня еще не могу выходить — но нет никакого сомнения, что Вы можете выбрать какой угодно вечер на будущей неделе для нашего чтения[1].

Буду ждать от Вас извещения.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На обороте: Сергею Андреевичу
Юрьеву.

12. 3801.

№ 70.

18738

24

ПРОТОКОЛЪ

1879 года, февраля 28-го дня, Московскій Окружный Судъ по 6 Отдѣленію въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ Предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Д. Н. Сумбула, въ составѣ Членовъ В. В. Давыдова и М. П. Фролова и при Секретарѣ К. Рочинскомъ, слушалъ дѣло объ утвержденіи нотаріальнаго духовнаго завѣщанія Надворнаго Совѣтника Николая Сергѣевича Тургенева.

Въ засѣданіи явился повѣренный Малеревскаго(?) присяжный повѣренный Тибеньковъ(?).

Товарищъ Предсѣдателя Д. Н. Сумбулъ доложилъ дѣло. Судъ постановилъ резолюцію, которую Предсѣдательствующій провозгласилъ публично, назначивъ днемъ прочтенія опредѣленія 14 марта.

за Предсѣдателя(?) Давыдовъ

Секретарь Рочинскій

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПО ДЕЛУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ДУХОВНОГО ЗАВЕЩАНИЯ Н.С. ТУРГЕНЕВА
28 февраля (12 марта) 1879 г. Первая страница

5272. О.А. НОВИКОВОЙ

24 февраля (8 марта) 1879. Москва

Samedi.

Chère Madame Novikoff,

Je n'ai pas encore quitté la chambre — mais je vais mieux — et j'espère pouvoir être en état de me rendre chez Mme Neidhardt lundi matin. — Je le saurai demain avec certitude[1]. — J'ai lu votre brochure[2] avec beaucoup d'intérêt — tout ce que vous y dites me semble vrai et juste; mais généralement parlant, en fait de diplomatie, c'est dont on se soucie le moins. — Vous seriez on ne peut plus aimable de m'envoyer les journaux anglais dont vous parlez — et je vous en remercie[3].

Agréez l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Iv. Tourguéneff.

На конверте: Ее превосходительству
Ольге Алексеевне
Новиковой
от И.С. Тургенева.

5273. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

24 февраля (8 марта) 1879. Москва

Москва.
Удельная контора.
Пречистенский бульвар.
Суббота, 24-го фев. 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Из моей сегодняшней ответной телеграммы[1] Вы уже узнали невеселое положение моих дел: с понедельника я никуда не выхожу по милости нового (!) припадка подагры в колене — и хотя обо мне[a] печатают в афишах тем самым шрифтом, который употребляется для устриц, что я публично читаю[2] — но это простой пуф. — Во всяком случае к будущей пятнице возвращение мое в П⟨етер⟩бург немыслимо (дело в Окружном суде — по завещанию — отложено до *четверга* и т.д.)[3] — и чтение

---

[a] *Было*: меня

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 ФЕВРАЛЯ,
ВЪ БОЛЬШОЙ ЗАЛѢ
БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ
ДАНЪ БУДЕТЪ
КОНЦЕРТЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ
отъ МОСКОВСКАГО МАРІИНСКАГО КОМИТЕТА, состоящаго подъ Августѣйшимъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ покровительствомъ, Общества Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ, въ пользу учреждаемой въ Москвѣ ШКОЛЫ ФЕЛЬДШЕРИЦЪ,
СЪ УЧАСТІЕМЪ
И. С. ТУРГЕНЕВА,
который прочтетъ отрывокъ изъ *Записокъ охотника*; гжъ В. А. Араповой, Е. Ю. Герберъ, Е. Э. Паприцъ, С. И. Храповицкой и Палендикъ-Эйхенвальдъ; гг. Барцала, Хохлова, Суаля и оркестра Общества любителей музыкальнаго и драматическаго искусствъ,
подъ управленіемъ П. А. ШЕСТАКОВСКАГО.

Билеты: кресла—по 10 р., стулья—по 5 и 3 р., боковые диваны по 3 р., ненумерованные за колоннами—по 1 р. 50 к. и на хоры—по 1 р., можно получать у предсѣдательницы Общества М. С. Пустоваловой на Сивцевомъ Вражкѣ, въ собственномъ домѣ; на Кузнецкомъ Мосту въ музыкальныхъ магазинахъ Юргенсона и Гутхейля, въ магазинѣ Овчинникова, въ кондитерской Абрикосовыхъ, на Ильинкѣ въ магазинѣ И. и С. Третьяковыхъ и В. Конщина, на Тверской въ кондитерской Абрикосовыхъ и въ день концерта при входѣ въ залу.

НАЧАЛО КОНЦЕРТА ВЪ 8½ ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА. 566.—2.

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
от 24 февраля 1879 г. о любительском концерте
с участием И.С. Тургенева

должно совершиться без меня. — Впрочем, оно не может не удасться[б] с теми светилами, которые Вы завербовали[4]. — Раньше 5-го или 6-го марта я в Петербург ни под каким видом не попаду[5].

Завтра я Вам вышлю роман Л. Стечькиной со всеми поправками[6].

Здесь сначала шло все как по маслу; но теперь все сбряндило.

Итак, до скорого свидания. Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

[б] *Так в подлиннике.*

5274. О.А. НОВИКОВОЙ

25 февраля (9 марта) 1879. Москва

Chère Madame Novikoff,

La lecture aura lieu sans faute *mardi*, à 2 h.[1] — Je suis mieux, mais je ne sors pas encore. — Grand merci pour les journaux anglais[2].

Mille amitiés.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

Dimanche.

На конверте: Ее п⟨ревосходительст⟩ву
Ольге Алексеевне
Новиковой.

5275. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

25 февраля (9 марта) 1879. Москва

Москва.
Удельная контора.
Воскресение, 25-го февр. 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Вы ровно неделю тому назад уехали отсюда[1] — и вот ровно неделя, как я сижу дома с больной ногой. Я так и не избегнул припадка подагры — и не могу даже с достоверностью сказать, когда он прекратится. Это очень неприятно — и очень некстати...

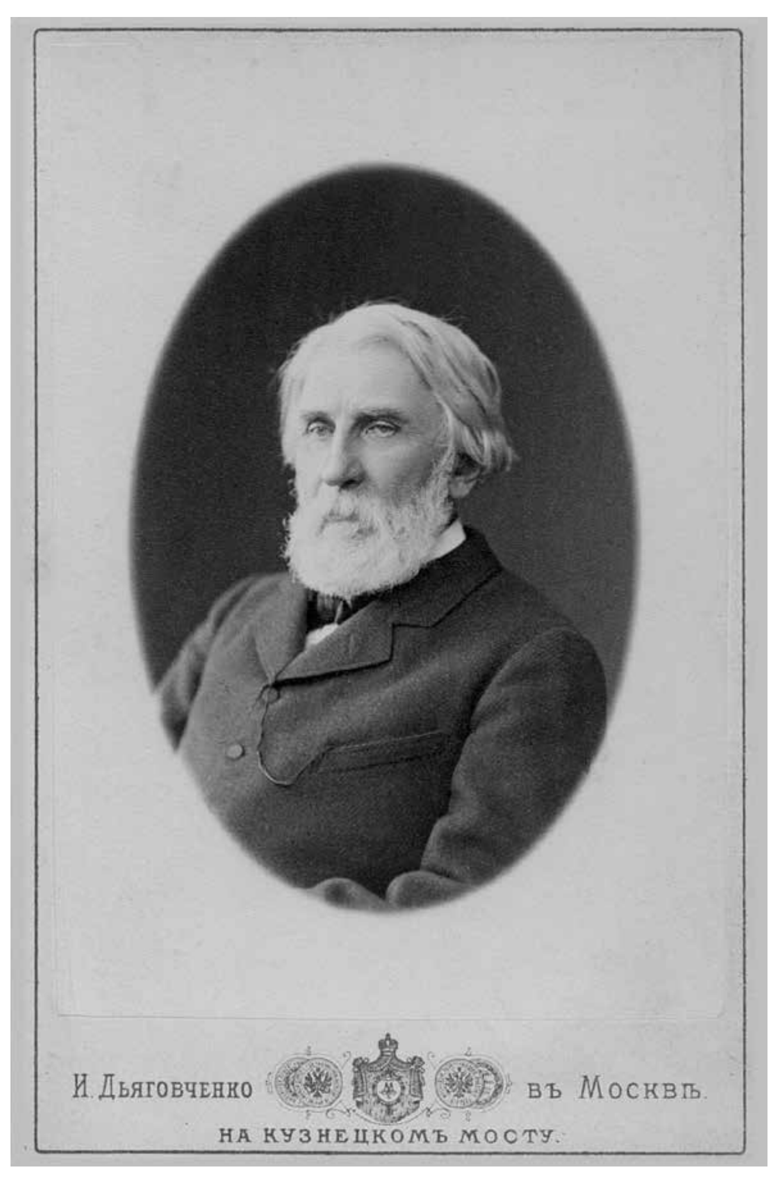
Ваша поправка очень хороша — больше ничего не нужно. Я ее тщательно вписал — и она завтра отправляется в Петербург[2]. Сам я остаюсь здесь еще до будущего понедельника — т.е. еще 8 дней[3].

Мне очень приятно было узнать от Вас, что Вы довольны своим пребыванием в Москве. И Вы оставили здесь самые симпатические воспоминанья. Иван Ильич искренно благодарит за память и кланяется Вам[4].

Передайте мой привет Вашей матушке[5]. Крепко и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Проезжая через С.-Петербург, я устрою с Стасюлевичем насчет *мая* или *сентября*, цены за лист, 12 отдельных оттисков и т.д. и подробно Вас обо всем извещу[6].

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография И. Дьяговченко. Москва, март 1879 г.

P.S.S. Извините, что взял лист бумаги навыворот[7].

На конверте: Ее высокоблагородию
Любовь Яковлевне Стечькиной.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
станция Суходол, сельцо Плутнево.

5276. Е.И. БЛАРАМБЕРГ

25 или 26 февраля (9 или 10 марта) 1879 (?). Москва

Я лежу на диване и, вероятно, пролежу целый завтрашний день — и во всякий час буду рад Вас видеть[1].

Ваш
Ив. Тургенев.

На обороте: *Е.И. Бларамберг.*
У А.Ф. Писемского[2].

5277. В.П. ГАЕВСКОМУ

26 февраля (10 марта) 1879. Москва

Виктору Гаевскому. Пбг. Литейная. № 48. — Болезнь и затянувшиеся дела не позволят вернуться раньше шестого марта[1]. Тургенев.

5278. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 февраля (11 марта) 1879. Москва

Москва.
Удельная контора.
Вторник, 27-го фев. 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Сегодня отправлена к Вам повесть Л. Стечькиной — "Варенька Ульмина" — со всеми поправками и дополнениями. Надеюсь, что к моему приезду — который будет иметь место в *будущую середу* — т.е. через 8 дней — Вы уже успеете ее прочитать и произнести свое решение[1].

Сам я раньше выехать никак не могу. — Я сегодня в первый раз выхожу из дома — после 9-тидневного сидения[2]. — Колено еще болит, и для хождения нужна помощь палки. — Да и проклятое дело по наследству затянулось — все

откладывается со́ дня на день — и так я, вероятно, и уеду ни с чем[3]. — А все нельзя бросать сразу. — И Вам и Гаевскому я телеграфировал о невозможности для меня участвовать в чтении 2-го марта в Петербурге[4]. — Что делать? Вина тут не моя. — Но я полагаю, что нужно было бы объявить это заранее — а то третьего дня мое имя стояло на программе благотворительного концерта — а как пришли объявить, что я по болезни не могу участвовать — поднялся свист; к кому он относился, ко мне или к распорядителям — разобрать трудно[5].

Во всяком случае до скорого свидания; жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5279. В.П. ГАЕВСКОМУ

1 (13) марта 1879. Москва

Москва.
Удельная контора.
Четверг, 1-го марта 79.

Любезнейший Виктор Павлович,

Если опять какой-нибудь кирпич не свалится мне на голову — я *в середу*, *7-го марта*, утром в Петербурге — немедленно даю Вам знать — а в *пятницу*, 9-го м⟨арта⟩, читаю где Вам угодно и что Вам угодно[1].

Пока дружески Вам жму руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5280. Л.Н. ТОЛСТОМУ

1 (13) марта 1879. Москва

Москва.
Пречистенский бульвар.
Удельная контора.
Четверг, 1-го марта 79.

Любезнейший Лев Николаевич,

До Вас уже, вероятно, дошло, что я нахожусь в Москве. Я приехал сюда две недели тому назад, вызванный делом о наследстве после покойного брата[1]. — Я полагал, что мне

придется проехать в деревню — или в Тулу — и я тогда, конечно, увидался бы с Вами; — но вышло так, что все дело разрешится в Москве — и мне предстоит остаться здесь еще на неделю — а может быть, и больше[2]. — Мне в Петербурге сказывали, будто Вы собираетесь туда. — Правда ли это? Думаете ли Вы прибыть в Москву — или остаетесь в Ясной Поляне? — Черкните два слова об этом[3]. Мне на этот раз очень хорошо в Москве — только меня угораздило заболеть подагрой — и я *9* дней просидел в комнате; однако теперь я поправился — и опять могу ходить. Надеюсь, что Вы здоровы и работаете[4]. Очень было бы приятно повидаться[5].

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5281. Х.Д. АЛЧЕВСКОЙ

2 (14) марта 1879. Москва

Москва.
Пречистенский бульвар.
Удельная контора.
Пятница, 2-го марта 79.

Милостивая государыня Христина Даниловна!

Спешу известить Вас, сообразно с Вашим желанием, что я в четверг, 8-го марта, прибуду в С.-Петербург — и буду читать 9-го числа[1]. Болезнь моя почти совсем прошла — и я пока не предвижу препятствий.

Мне чрезвычайно совестно, что я, хоть и без моей вины, причинил Вам столько беспокойства[2]. Надеюсь иметь удовольствие увидеть Вас в С.-Петербурге, а пока прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

5282. ПОЛИНЕ ВИАРДО

2 (14) марта 1879. Москва

№ 14

Moscou.
Comptoir des Apanages.
Vendredi, 14/2 mars 1879.

Theuerste Freundinn,

Pas de lettres depuis quatre jours de Paris! — Cela m'inquiète un peu — car dans la dernière que j'ai reçue de vous, vous vous plaigniez beaucoup de vous sentir si fatiguée. — Voyons ce que m'apportera la poste d'aujourd'hui[1]. — Ma goutte a disparu à peu près — l'attaque, à tout prendre, a été assez faible[2]. — Je continue mes visites. Aujourd'hui je dois me présenter au tribunal pour tâcher d'activer la confirmation de mes droits à l'héritage[3]. — La lecture que je devais faire *dimanche* pour les étudiants malades n'a décidément pas été autorisée: je suppose qu'on a craint quelque manifestation[4]. — Mais je dois en faire une autre lundi pour un but de bienfaisance — et devinez où? — au Grand Théâtre[5], à l'immense théâtre de Moscou, où ma voix se perdra comme le bourdonnement d'un cousin dans une cathédrale. Et on me placera sur les mêmes planches où, il y a bien longtemps de cela — vous souvenez-vous? — vous avez donné vos trois *célèbres* concerts[6]. — Le vin est tiré — il faut le boire — mais Seigneur Dieu! que je serais content quand tout cela sera fini — et je me retrouverai dans ma tranquille chambre de la Rue de Douai!

A propos d'inquiétude — on est très préoccupé ici de la tournure que prennent les affaires en France. — Si Gambetta n'a pas assez d'influence ou ne montre pas assez d'énergie pour éviter cet écueil du procès des ministres[7] — le char de l'Etat, pour parler comme Mr Prudhomme[8], risquera fort de s'engloutir dans les flots... On attend avec anxiété les télégrammes. — Quant à la peste — on n'y songe plus[9]. Et pourtant les fonds ne remontent pas. Décidément cela ne vaut pas la peine de vous envoyer l'argent de Mlle Schmeisser et celui du *bal*, qui, je l'espère, a été aussi brillant que possible[10]: j'apporterai tout avec moi.

C'est demain le jour de naissance de Marianne... 25 ans!! — et après demain son début au Conservatoire[11]. — Comme le temps passe — grands Dieux!

J'espère que la "Calandrina" fera le même effet au Conservatoire que partout ailleurs[12].

Et les jeunes gens, dont vous parlez et qu'on voulait présenter? Aucune nouvelle figure *de ce genre* au bal?

Il me vient l'idée de vous envoyer une pièce de vers *in*édite du poète Tutcheff — qui me semble charmante et dont on pourrait (vous surtout) faire quelque chose de charmant aussi en musique. — C'est un combat entre l'Hiver et l'Eté; — (Hiver et Eté sont féminins en russe). Je vous mettrai la traduction à côté[13].

Зима недаром злится Прошла ее пора... Весна в окно стучится — И гонит со двора.	Ce n'est pas pour rien que l'hiver se fâche Son temps est passé Le printemps tape à la fenêtre Et chasse l'hiver de la maison.
И все засуетилось, Все гонит зиму вон... И жаворонки в небе Уж подняли трезвон.	Tout se met en branle, Tout chasse l'hiver dehors Et les alouettes dans les cieux Ont déjà commencé leur sonnerie (tintamarre, tapage).
Зима еще хлопочет И на весну ворчит — Та ей в глаза хохочет И пуще лишь шумит!	L'hiver se donne encore du mal Et bougonne contre le printemps Mais celui-ci lui rit aux éclats au nez Et ne fait que plus de bruit.
Взбесилась ведьма злая — И, снегу захватя, Пустила, убегая В прелестное дитя.	La rage prend la vieille sorcière Et saisissant une poignée de neige Elle la lance, tout en s'enfuyant Contre la charmante enfant.
Весне и горя мало! Умылася в снегу — И лишь румяней стала, Наперекор врагу.	Mais il n'en a pas souci! Il s'est lavé dans cette neige Et est devenu encore plus rose En dépit de son ennemi.

Faites de cela quelque chose dans le genre de la "Mésange" ou de la "Птичка Божия"[14].

Dans ce moment il me revient à l'idée que dans trois jours je lis au Grand Théâtre... et un frisson d'horreur me saisit. — On abusera de ma misérable faiblesse jusqu'à me faire danser la catchoucha en public![15]

18 79

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4-го МАРТА,

ВЪ БОЛЬШОЙ ЗАЛѢ

РОССІЙСКАГО БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ

данъ будетъ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ,

СЪ УЧАСТІЕМЪ И. С. ТУРГЕНЕВА.

ПРОГРАММА.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

1. Варіація на тему Бетховена, для ф.-п. . . . . Сенъ-Санса.
   Исполнятъ гг. Тишевъ и Пабстъ.
2. «Деревенскій гусляръ», стихотвореніе Л. Кондратовича.
   Прочтетъ г. ЮРЬЕВЪ.
3. Колыбельная пѣсня, для віолончели . . . . Симона.
   Исполнитъ г. Фитценгагенъ.
4. Бурмистръ . . . . Тургенева.
   Прочтетъ авторъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II-е.

5. Пештскій карнавалъ . . . . Листа.
   Исполнитъ г. Тишевъ.
6. а) Безъ ума, безъ разума.
   b) Чаруй меня . . . . . Даргомыжскаго.
   Исполнитъ г-жа Святловская.
7. 2-я глава поэмы «Надя» . . . . Чаева.
   Прочтетъ авторъ.
8. Баллада и полонезъ . . . . . Вьетана.
   Исполнитъ г. Гальфъ.
9. Противъ теченія . . . . . гр. Толстаго.
   Прочтетъ г-жа Ер....
10. Соло на флейтѣ . . . . .
    Исполнитъ г. Варсовъ.

Билеты можно получать заблаговременно. 1) Въ магазинѣ Грейнера и Бауэра, въ Газетномъ пер. 2) Въ магазинѣ Гутхейль, на Кузнецкомъ мосту. 3) Въ книжномъ магазинѣ Васильева, на Страстномъ бульварѣ, а въ день концерта при входѣ.

ЦѢНА МѢСТАМЪ:

Кресла 1 и 2 ряда по–5 руб. 3 и 4 ряда по–4 руб., 5, 6 и 7 ряда по–3 руб., остальныхъ рядовъ по–2 руб., за колоннами по–1 руб. и на хоры по 25 к.

НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

АФИША ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ВЕЧЕРА
В БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ С УЧАСТИЕМ И.С. ТУРГЕНЕВА
Москва, 4 (16) марта 1879 г.

Allons! bonsoir. — Je finis par mon refrain habituel: mille embrassades à tout le monde — et — Küsse für Ihre lieben Hände.

Der Ihrige
I. T.

5283. ПОЛИНЕ ВИАРДО

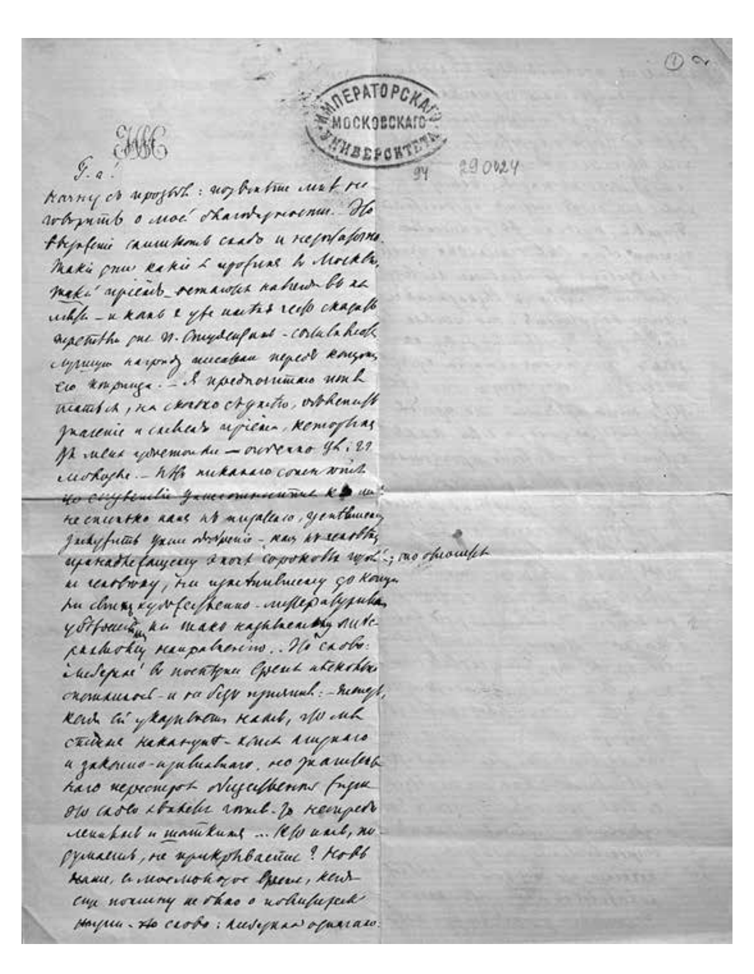
5 (17) марта 1879. Москва

№ 15

Moscou.
Comptoir des Apanages.
Lundi matin, 17/5 mars 79.

Theuerste Freundinn,

Es geht mir, cette année, à Moscou de plus en plus fort, comme chez Nicolet[1]. La soirée pour les étudiants malades a eu pourtant lieu hier — l'autorisation n'était cependant venue que la veille...[2] et, bon Dieu, ce qui s'y est passé! Imaginez-vous plus de mille étudiants dans cette grandiose salle de l'Assemblée de la Noblesse; j'entre, un vacarme à faire crouler la maison, des hourrah, des chapeaux qui volent en l'air, puis deux immenses couronnes, puis un speech crié à mon oreille par un jeune délégué des étudiants, speech frisant à chaque expression l'impermis, l'explosion[3]; le recteur de l'Université au premier rang des fauteuils, tout pâle d'appréhension[4]; moi, tâchant de répondre de façon à ne pas mettre le feu aux poudres, tout en tâchant de dire quelque chose de plus que des banalités[5], puis, après la lecture, toute cette foule me suivant dans les salles voisines, me rappelant 20 fois avec frénésie; des demoiselles me saisissant les mains... pour les embrasser!! C'était de la folie! Si un colonel de gendarmes n'était pas venu m'enlever, avec les manières les plus aimables, et me fourrer dans ma voiture, je crois que j'y serais encore[6]. Je comprends parfaitement la cause de tout ceci; à la veille de réformes toujours promises et toujours ajournées, à la veille de naître à la vie politique, toute cette jeunesse est chargée d'électricité comme une bouteille de Leyde; et je suis là comme la machine qui sert à la décharge. Mes opinions libérales me valent tout ceci, au moins autant que mon mérite littéraire. Si cette pauvre jeunesse ne manifestait pas, elle éclaterait! Ce qui n'empêche pas que je sois extrêmement touché de ce qui m'arrive si inopinément, et complètement fourbu. Ce soir, je dois encore

РЕЧЬ И.С. ТУРГЕНЕВА НА ОБЕДЕ В РЕСТОРАНЕ «ЭРМИТАЖ»
Москва, 6 (18) марта 1879 г. Первая страница белового автографа

lire au Grand Théâtre, mais là il ne se passera rien[7], et puis demain, toutes les sommités d'ici de tous les partis me donnent un dîner monstre (80 convives), et en avant les *speechs*![8] C'est comme cela qu'on fait de la politique, n'en pouvant faire autrement. Mercredi, je pars pour Pétersbourg[9]; vendredi dernière lecture à la salle de la noblesse[10]; tous les billets sont déjà pris depuis une semaine, et ensuite la liberté! la liberté de s'en aller...[11] Du moins, je l'espère.

Je saurai demain définitivement à quoi m'en tenir sur l'époque où je pourrai toucher l'argent de l'héritage[12].

Je vous rapporterai les deux textes des allocutions des étudiants, celui de ma réponse et de mon discours de demain[13], et quelques lettres *anonymes* passablement curieuses[14]. Quelle vie agitée j'ai menée ici... Ce n'est pas mon affaire décidément.

Cette lettre partira aujourd'hui telle quelle; j'en recommencerai une autre demain[15]. Je vous embrasse tous fort tendrement, und bleibe auf ewig

Der Ihrige
J. T.

5284. Е.И. БЛАРАМБЕРГ

6 (18) марта 1879. Москва

Удельная контора.
Вторник.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Мне самому весьма хотелось видеться с Елизаветой Григорьевной — и я собирался ее навестить; но если она желает ко мне пожаловать — то я буду ждать ее и Вас завтра (в середу) — между 3—5-ю часами[1]. Я уезжаю в *8* в Петербург — и потому никто нам не помешает. Впрочем, весьма вероятно, что я на будущей неделе опять вернусь сюда на несколько дней по моему делу[2].

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Ее в⟨ысокоблагород⟩ию
Елене Ивановне
Бларамберг.

ИМПЕРАТОРСКIЕ 18 79 МОСКОВСКIЕ ТЕАТРЫ.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 5-го МАРТА,

Г. КАШПЕРОВЪ

ИМѢЕТЪ ЧЕСТЬ ДАТЬ

БОЛЬШОЙ ВОКАЛЬНЫЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТЪ,

СЪ УЧАСТIЕМЪ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Участвующiе: г-жи ЭЙХЕНВАЛЬДЪ, МАССИНИ, ГИЛЬДЕБРАНДТЪ, гг. АДОЛЬФИ, БАРЦАЛЪ, БѢЛЯВСКIЙ и проч. и хоръ Любителей, подъ управленiемъ г. ОВЕРБЕКЪ (помощника г. Кашперова)

И ОРКЕСТРЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

КОТОРЫМЪ БУДЕТЪ ДИРИЖИРОВАТЬ

Г. ГЕРБЕРЪ.

ПРОГРАММА.

НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАСОВЪ.

Билеты можно получать въ кассѣ Большаго театра.

АФИША ВОКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО КОНЦЕРТА
В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ С УЧАСТИЕМ И.С. ТУРГЕНЕВА
Москва, 5 (17) марта 1879 г.

5285. О.А. НОВИКОВОЙ

6 (18) марта 1879. Москва

Mardi soir.

Chère Madame Novikoff,

Je tâcherai de venir chez Mme K.[1], peut-être un peu tard. — En tout cas je compte bien vous voir à St-Pétersbourg[2].

Agréez l'expression de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

На конверте: Ее п⟨ревосходительст⟩ву
Ольге Алексеевне
Новиковой.

5286. Н.П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

7 (19) марта 1879. Москва

Удельная контора.
Середа.

Милостивый государь,

Вероятно, по неразборчивости моей рукописи, в мою речь, напечатанную в сегодняшнем N-е "Современных известий" — вкрались опечатки, из которых иные совершенно искажают смысл сказанного мною.

На строке 25-й вместо: "всё указывает" — напечатано: "вы указываете". — Стр. 34 — вместо: "не было помину о[а] политической жизни" — напечатано: "о положительной науке". Стр. 49 — вместо:[б] "деятельной помощи" — напечатано: "решительной". — Впрочем, я позволяю себе приложить поправленную вырезку из газеты[1] — и надеюсь, что Вы велите восстановить текст оригинала в следующем N-е[2].

Примите уверение в совершенном уважении и преданности

Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева.

[а] *Далее зачеркнуто*: полож⟨ительной⟩
[б] *Далее зачеркнуто*: реши⟨тельной⟩

Г-да!

Начну съ просьбы: позвольте мнѣ не говорить о моей благодарности. Это выраженіе слишкомъ слабо и недостаточно. Такіе дни, какіе я прожилъ въ Москвѣ, такой пріемъ остаются навсегда въ памяти, и какъ я уже имѣлъ честь сказать третьяго дня гг. студентамъ, составляютъ лучшую награду писателю передъ концомъ его поприща. Я предпочитаю попытаться, на сколько съумѣю, объяснить значеніе и смыслъ пріема, которымъ вы меня удостоили, особенно вы, гг. молодые! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сочувствіе относится ко мнѣ не столько какъ къ писателю, успѣвшему заслужить ваше одобреніе, [illegible] къ человѣку, принадлежащему эпохѣ сороковыхъ годовъ, оно относится къ человѣку, не измѣнившему до конца ни своихъ художественно-литтературныхъ убѣжденій, ни такъ называемому либеральному направленію. [illegible] слово „либералъ" въ послѣднее время нѣсколько опошлилось и не безъ причины. Теперь, когда [illegible] указываетъ намъ, что мы стоимъ наканунѣ хотя мирнаго и законно-правильнаго, но значительнаго перестроя общественной жизни, это слово является чѣмъ-то неопредѣленнымъ и шаткимъ... Кто имъ, подумаешь, не прикрывается? Но въ наше, въ мое молодое время, когда еще помину не было о положительной наукѣ, слово либералъ означало протестъ противъ всего темнаго и притѣснительнаго; означало уваженіе къ наукѣ и образованію, любовь къ поэзіи и художеству, всѣ *artes liberales*, и наконецъ и пуще всего означало любовь къ народу, который находился еще подъ гнетомъ крѣпостнаго безправія, нуждаясь въ дѣятельной помощи своихъ болѣе счастливыхъ сыновъ. Мнѣ сдается, что нынѣшнее молодое поколѣніе поступаетъ согласно съ высказаннымъ мною воззрѣніемъ: оно поняло, въ чемъ тутъ вопросъ. Протягивая руку старымъ либераламъ и старымъ художникамъ въ моемъ лицѣ, оно связуетъ нить преданій, оно продолжаетъ начатое дѣло; и если, какъ слышно, это сближеніе произошло въ слѣдствіе недавняго поворота, я душевно радуюсь, что дожилъ до него. Въ сравненіи съ нами молодое поколѣніе конечно сдѣлало много шаговъ впередъ; оно до нѣкоторой степени подготовило себя къ той будущности, на которую я указывалъ; но только до нѣкоторой степени! Надо докончить начатое и докончить прямо, честно, по открытому пути. Задача его, правда, труднѣе и сложнѣе нашей. Тогда вся сознательная жизнь общества текла, если можно такъ выразиться, по одному руслу; теперь она разѣтвилась или готовится разѣтвиться, какъ оно и слѣдуетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ государства. Сочувствую всѣмъ стремленіямъ молодежи и полагаю, что она хорошо дѣлаетъ, сближаясь съ нами: есть чему ей поучиться и у насъ, стариковъ. Во всякомъ случаѣ отъ души желаю, чтобы она также честно и серіозно, также избѣгая напрасныхъ увлеченій вдаль и по сторонамъ, но и не отступая также ни шагу назадъ, относилась къ своимъ задачамъ, какъ это дѣлали иные изъ моихъ сверстниковъ, имена которыхъ приложили славный [illegible] въ исторіи русскаго просвѣщенія. Стоитъ только вспомнить хоть тѣхъ изъ нихъ, которые составляли нѣкогда украшеніе и гордость Московскаго университета. Да возникнутъ между вами новые Грановскіе... и новые Бѣлинскіе, прибавлю я. Я уже не говорю о новыхъ Пушкиныхъ и Гоголяхъ. Такихъ явленій надо ожидать со смиреніемъ... какъ дара. И такъ какъ я уже упомянулъ объ университетѣ, то позвольте мнѣ окончить мою рѣчь тостомъ за его процвѣтаніе, неразлучно съ правильнымъ, всестороннимъ и мощнымъ развитіемъ нашего молодаго поколѣнія, нашей надежды и нашей будущности!

ПУБЛИКАЦИЯ РЕЧИ И.С. ТУРГЕНЕВА
НА ОБЕДЕ В РЕСТОРАНЕ «ЭРМИТАЖ»
в газете «Современные известия»
от 7 (19) марта 1879 г. С авторской правкой

5287. Е.И. БЛАРАМБЕРГ

14 (26) февраля — 7 (19) марта 1879 (?). Москва

Буду с удовольствием ожидать Вас завтра в $^1/_2$ 12-го.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На обороте: Е.И. Бларамберг.

5288. С.А. СЕЛИВАНОВУ (?)

14 (26) февраля — 7 (19) марта 1879. Москва

Любезнейший г. Селиванов,

Узнав от Вашего дедушки Купфершмита, моего старинного приятеля и учителя по охотничьему делу, что Вы желаете иметь несколько строк моего письма, спешу исполнить Ваше для меня очень лестное желание. Посылаю Вам мой заглазный привет и[а] надеюсь, что Вы достигнете всех тех хороших целей, к которым Вы стремитесь. — Мы живем в довольно трудную темную[б] пору; но впереди уже светлеет — и, говоря словами Некрасова —

Молю, чтоб солнца ты дождался
И потонул в его лучах![1]

Москва.
1879. Ив. Тургенев

5289. КЛОДИ ШАМРО

4, 9 (16, 21) марта 1879. Москва, Петербург

Moscou.
Comptoir des Apanages.
Dimanche, 16/4 mars 79.

Ma chère Didie bien-aimée, tu m'as fait le plus grand plaisir en m'écrivant la gentille lettre que je viens de recevoir[1]. — Tu ne me parles pas de ta santé — ce qui me fait supposer que cette fois-ci ton "interesting situation" n'entraîne aucun des inconvénients auxquels tu as été sujette l'autre fois[2]. — Je suis aussi bien heureux de savoir que tu m'as lu — ou

---

[а] *Далее зачеркнуто*: весьма
[б] темную — *вписано над строкой.*

Въ слѣдствіе поспѣшности набора и корректуры, въ текстъ рѣчи И. С. Тургенева, вчера напечатанной, вкрались ошибки, и нѣкоторыя изъ нихъ довольно важныя:

Стр.	Напечатапо:	Слѣдовало.
15—19	...не столько какъ къ писателю, успѣвшему заслужить ваше одобреніе, какъ къ человѣку...	..не столько какъ къ писателю, успѣвшему заслужить ваше одобреніе, сколько къ человѣку...
23—25.	Но слово „либералъ“ въ послѣднее время нѣсколько опошлилось, и не безъ причинъ. Теперь, когда вы указываете...	Это слово «либералъ» въ послѣднее время нѣсколько опошлилось, и не безъ причины. Теперь, когда все указываетъ....
32—35	...въ мое молодое время, когда еще помину не было о положительной наукѣ.	... въ мое молодое время, когда еще помину не было о политической жизни.
39—43	...всѣ artes libirales, и наконецъ и пуще всего означало любовь къ народу, который находился еще подъ гнетомъ крѣпостнаго безправія, нуждаясь въ рѣшительной помощи...	.. всѣмъ artes liberales, и наконецъ и пуще всего, означало любовь къ народу, который, находясь еще подъ гнетомъ крѣпостнаго безправія, нуждался въ дѣятельной помощи..:.
— 80	...на которыхъ приложили славный свѣтъ...	...на которыхъ проложили славный слѣдъ..
— 85	...Да возникнутъ между нами.	Да возникнуть же между нами
— 93	... неразлучно...	.. неразлучное...

Не лишнимъ считаемъ прибавить къ этому, что подлинный автографъ вчерашней рѣчи И. С. Тургенева, по просьбѣ Н. С. Тихонравова, переданъ въ Московскій университетъ для храненія.

ПЕРЕЧЕНЬ ОПЕЧАТОК К ПУБЛИКАЦИИ
РЕЧИ И.С. ТУРГЕНЕВА НА ОБЕДЕ В РЕСТОРАНЕ «ЭРМИТАЖ»
в газете «Современные известия» от 8 (20) марта 1879 г.

relu[a] — et que tu m'as mieux goûté, cette fois-ci. — Cette année j'ai décidément de la chance, comme littérateur (de méchantes langues diraient: parce que je n'écris plus rien et ai déclaré ne plus vouloir rien écrire...[3]) — ici on me porte aux nues — et quand je serai de retour, je vous ferai tous sourire plus d'une fois en vous racontant tout ce qui m'arrive: et des visites, et des lettres anonymes et des adresses etc., etc. — Ce soir p⟨ar⟩ e⟨xemple⟩ — les étudiants de l'Université m'ont fait une "ovation" incroyable: des hourrah, des chapeaux volant en l'air, un speech étourdissant — une couronne de lauriers assez grande pour qu'une écuyère de cirque saute à travers — et vingt rappels — et des embrassades, des shake-hands[4]. C'est très agréable... mais c'est dur à passer. C'est comme si on vous fusillait avec des bonbons. Enfin — c'est la première fois que cela m'arrive — et ce sera probablement la dernière: prenons cela — puisque Dieu vous l'envoie. — Mais toi aussi — tu nages dans les honneurs: Devenir l'épouse d'un adjoint du Maire!.. Peste! — Mais je te prédis des destinées bien plus hautes: avant *cinq* ans ton mari sera député, chevalier de la Légion d'honneur — et qui sait? plus tard?

J'en reviens toujours à mon refrain: Ah, si Marianne pouvait trouver un mari comme celui que ta bonne étoile t'a envoyé![5]

Patience... mais ne patientons pas trop longtemps.

St. Pétersbourg.
Hôtel de l'Europe, n° 194.
Vendredi, 21/9 mars.

Mein vielgeliebtes Didel, ma lettre est restée inachevée à Moscou — et depuis j'ai quitté cette capitale si hospitalière et si aimable pour moi — et depuis hier matin je suis à Pétersbourg[6]. — Depuis dimanche j'ai eu encore toutes sortes de choses honorifiantes: surtout un grand dîner-monstre de 100 couverts[7] où j'ai été comme Calchas[8] à peu près étoufflé sous des monceaux de fleurs d'éloquence — où l'on a fini par chanter le vieux chant des étudiants: "Gaudeamus igitur!"[9] etc., etc. Je te raconterai cela en détail — maintenant je suis tout ahuri — j'ai tant de choses à faire — (je lis encore ce soir[10] — puis j'ai une répétition de lecture à 3 h. — avec une fort jolie actrice, du nom de Maria Savina[11] — je rapporterai

---

[a] ou relu — *вписано над строкой.*

sa photographie etc., etc.). — Avec cela mon maudit rhume de cerveau, qui me tient[б] depuis 6 semaines, m'empêche absolument de dormir — et je passe des nuits blanches avec des battements de cœur lents et désagréablement tendus — comme s'il était en caoutchouc. Enfin — tout cela se calmera dès que je serai de retour à mon cher Paris — et ce sera, je l'espère, bien dans une semaine d'ici![12] — Le lendemain de mon arrivée, je m'invite à *assister* à votre déjeuner — et alors — en avant la langue!!

Pour le moment je me contente de t'embrasser de toute la force de mon affection au risque de t'étouffer — j'embrasse aussi Jeanneton et Georges[13].

Mein liebes Kind, ich liebe dich *sehr*.

Dein alter
J. T.

5290. М.М. КОВАЛЕВСКОМУ

9 (21) марта 1879. Петербург

С.- Петербург.
"Европейская гостиница", n° 194.
Пятница, 9-го марта 79.

Любезнейший Максим Максимович,

Мне не удалось увидаться с Вами перед самым моим отъездом — а я было хотел попросить Вас передать г-ну Бобчеву, что я не уеду из России, не переслав ему (на Ваш адресс) того небольшого предисловия к переводу "Накануне" — с рассказом о Катранове — которое я обещал[1]. — Остаюсь я здесь до будущей субботы — так как, ввиду запроса в публике на билеты — меня уговорили участвовать еще во 2-м чтении в будущую пятницу[2].

На следующем листке Вы найдете 2 надписи, вырезав которые, Вы потрудитесь съездить к Маслову и, взяв у него две моих фотографии, из числа сделанных Дьяговченкой, распорядитесь наклеить, отдать и т.д.[3]

Большое я сказал бы Вам спасибо, если бы Вы потрудились прислать мне сюда *вчерашний* и *сегодняшний* N-a "Русских ведомостей" и "Современных известий". — В "Совр⟨еменных⟩ изв⟨естиях⟩" моя речь была напечатана с нелепейшими опечатками[4].

[б] *Далее начато и зачеркнуто*: absolu⟨ment⟩ (полно⟨стью⟩ — *франц.*).

Мне нечего Вам говорить, какие воспоминания я унес из Москвы![5] Прошу Вас передать всем приятелям мой искренний привет — и принять от меня самое дружеское *shake-hands*.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5291. О.А. НОВИКОВОЙ

9 (21) марта 1879. Петербург

Vendredi.
2 h.

Chère Madame Novikoff,

Je puis vous envoyer une carte de visite avec un laisser-passer[1] — je m'empresse de le faire et j'espère que vous n'aurez pas une trop mauvaise place.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

На обороте: Ее превосходительству
Ольге Алексеевне
Новиковой.
n° 113.
От И.С. Тургенева.

5292. УСТРОИТЕЛЯМ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА В ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ

9 (21) марта 1879. Петербург

Прошу пропустить Ольгу Алексеевну Новикову на сегодняшнее литературное чтение[1].

Ив. Тургенев.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЬЕСЫ «ЗАВТРАК У ПРЕДВОДИТЕЛЯ»
ОБЩЕСТВОМ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКАЛЬНОГО
И ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВ
Москва, 6 (18) марта 1879 г.

5293. Н.А. ЩЕПКИНУ

9 (21) марта 1879. Петербург

С.-Петербург.
"Европейская гостиница", n° 194.
Пятница, 9-го марта 79.

Любезный Николай Александрович,

Я приехал сюда вчера — но обещанного письма от Вашего батюшки не нашел[1], а оно очень важно. — Я остаюсь здесь еще 8 дней — до будущей субботы[2]; Вы успеете еще мне доставить это письмо — а также и деньги, если окажутся у Вас свободные. — Перед самым моим отъездом из Москвы я узнал, что Маляревский опасно заболел воспалением в легких, вследствие чего все наше дело откладывается в долгий ящик; также что касается до утверждения прав на наследство — то оно совершится не ранее 6-тимесячного срока после последней публикации[3]. — Все это очень неприятно; но делать нечего. — Все-таки, я полагаю, Вам было бы недурно в течение будущей недели приехать в Москву, чтобы убедиться в положении г. Маляревского[4] — а также, если возможно, переговорить с ним насчет движимости[5]. — Мне советовал один адвокат, чтобы я (или мой поверенный, т.е. Вы), не дожидаясь утверждения на права наследства, представил бы во Мценске просьбу на утверждение меня опекуном над долговской землей; в этом они отказать не могут — и тогда возможно было бы, не теряя времени, приступить к хлопотам здесь насчет устройства и выдачи выкупной суммы[6]. — Весьма жаль, что я не имею письма Вашего батюшки с точным обозначением лиц, к кому надо обратиться — и подробностей насчет самого дела: т.е. *когда* было отказано и т.д. — Повторяю, если Вы не будете мешкать, Вы еще успеете — а также выслать мне деньги. — В будущую субботу, т.е. *17-го марта*, я выезжаю в Париж.

Желаю Вам всего хорошего и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5294. О.А. НОВИКОВОЙ

10 (22) марта 1879. Петербург

Hôtel d'Europe.
n° 194.

Chère Madame Novikoff,

La place que vous aviez occupée hier était cotée 10 roubles[1]. Si vous voulez me les envoyer, je les remettrai de votre part à Mr Gaïefski, le président de notre Société.

Il me sera impossible, à mon grand regret, de faire avec vous l'excursion projetée pour demain[2]: je n'aurai pas un moment à moi[3]. — Je vous prie de vouloir bien m'excuser et de recevoir l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

На конверте: Ее п⟨ревосходительст⟩ву
Ольге Алексеевне
Новиковой.
n° 113.
От И.С. Тургенева.

5295. О.А. НОВИКОВОЙ

12 (24) марта 1879. Петербург

Chère Madame Novikoff,

Malheureusement toute ma matinée est prise; — ce sera pour demain ou après-demain, si vous le voulez bien[1].

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

На обороте: Mme Novikoff.

5296. О.А. НОВИКОВОЙ

13 (25) марта 1879. Петербург

Mardi. 5 h.

Chère Madame Novikoff,

Mon adresse à Paris est:

50, Rue de Douai.

Je suis tellement accablé de besogne que je n'ai pas un moment à moi; mais je ne quitterai pas P⟨étersbour⟩g sans avoir eu le plaisir de vous voir[1]. — Mille excuses et amitiés.

Iv. Tourguéneff.

На конверте: Ее превосходительству
Ольге Алексеевне
Новиковой.
n° 113.
От И.С. Тургенева.

5297. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

14 (26) марта 1879. Петербург

С.-П.бург.
Вторник[a], 14-го мар. 79.
("Европейская гостиница", n° 194).

Милая Любовь Яковлевна,

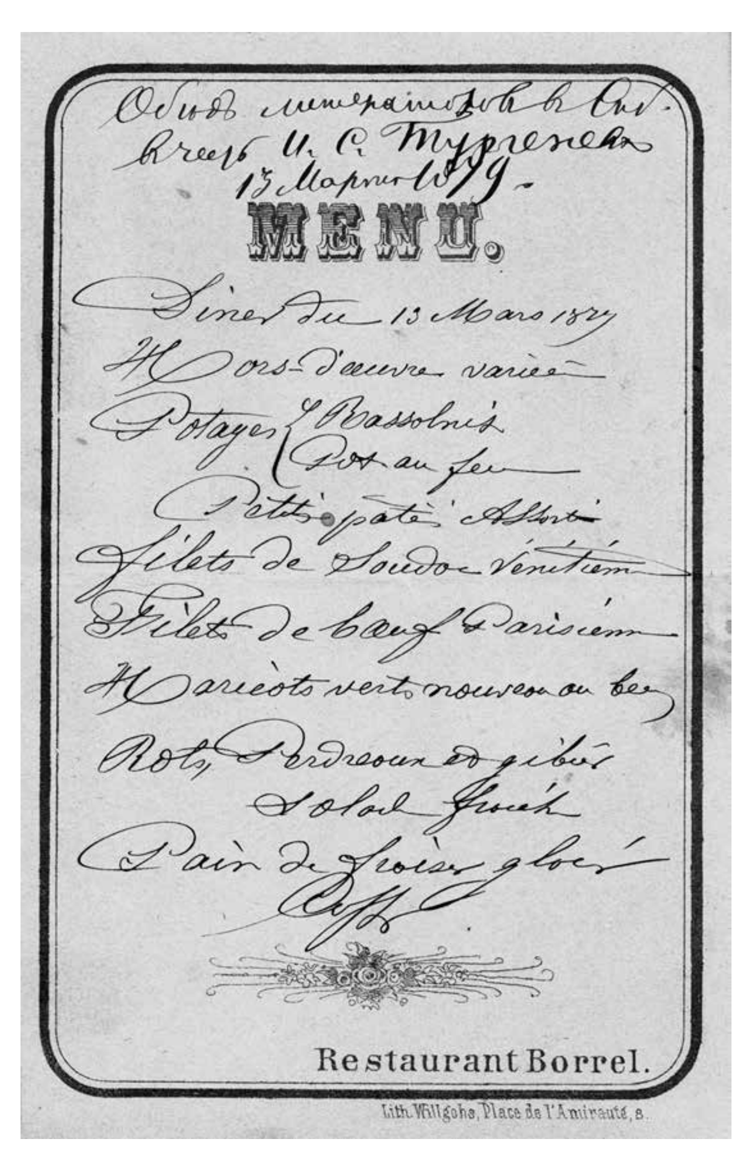
Спешу передать Вам наши окончательные условия с Стасюлевичем:

1.) Повесть Ваша печатается в сентябре или октябре — *зараз* в одной книжке — так как в майской все место уже переполнено — романом Полонского и др.[1]

2.) Цена за лист — 100 р. сер.

3.) Стасюлевич приказал очень просить Вас, чтобы Вы не подписались своей настоящей фамилией — а выбрали бы какой-нибудь псевдоним — и даже обратился ко мне с предложением быть Вашим крестным отцом[2]. Ст⟨асюлевич⟩ боится, что при появлении Вашего имени все старые дрязги зашевелятся — и "маленькая" пресса залает[3] — тем более что само содержание Вашего романа даст ей повод к таким упражнениям. В случае, если бы согласились на

[a] *Так в подлиннике.*

Обѣдъ литераторовъ въ Спб.
въ честь И. С. Тургенева
13 Марта 1879.

MENU.

Diner du 13 Mars 1879

Hors-d'œuvre variés

Potages Rassolnik

Pot au feu

Petits pâtés Assortis

Filets de Soudac vénitienne

Filet de bœuf à Parisienne

Haricots verts nouveaux au beurre

Rôts, Perdreaux et gibier

Salade fraîche

Pain de fraises glacé

Coffé

Restaurant Borrel.

Lith. Willgohs, Place de l'Amirauté, 8.

МЕНЮ ОБЕДА В ЧЕСТЬ И.С. ТУРГЕНЕВА В РЕСТОРАНЕ БОРЕЛЯ
Петербург, 13 (25) марта 1879 г.

это — то, конечно, я почел бы за честь найти Вам имя — или попытаться найти; а может быть, у Вас оно уже есть на этот случай?[4]

4.) Ст⟨асюлевич⟩ также предлагает вместо заглавия "В⟨аренька⟩ У⟨льмина⟩" заглавие "Митя", как более, по его мнению, подходящее — и для читателя якобы более вкусное. Но это, конечно, зависит совершенно от Вас[5].

5.) Наконец, Ст⟨асюлевич⟩ выговорил себе право сделать *весьма незначительные* сокращения между Вашими "гостями"[6].

Будьте так добры — и на все эти пункты ответьте и ему, и мне по моему парижскому адрессу[7], так как я отсюда уезжаю в *воскресение*[8].

Посылаю Вам фотографию — едва ли вполне удовлетворительную[9].

Я на днях обедал с Вашим братом en tête-à-tête. Он очень милый и симпатичный человек. Я говорил с ним о предложениях Стасюлевича[10]. Чтения, овации и т.д. продолжаются и здесь, как в Москве[11]; но, между нами, как я им ни рад, а вздохну свободно, когда они кончатся, и я снова попаду в свое тихое гнездышко.

Кланяюсь Вашей матушке, крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. В Париже я буду ожидать присылки какой-нибудь *новой* вещи[12].

5298. НЕИЗВЕСТНОЙ

14 (26) марта 1879. Петербург

С.-П.бург.
"Европейская гостиница", № 194.
Середа утром.

Милостивая государыня,

Если Вам будет угодно пожаловать ко мне в *субботу* до 12 часов, я охотно поговорю с Вами о Вашем предприятии. Скажу Вам откровенно, что выбор "Бурмистра" едва ли удачен — а "Живые мощи" — были напечатаны в числе нескольких тысяч экз. Обществом народных изданий в Москве[1].

С. Петербургъ.
Европейская гостинница
№ 194.
Середа, 14 марта 1879.

Любезнейшiй Федоръ Ивановичъ.

Считаю долгомъ сообщить Вамъ следующее для окончательнаго устройства нашихъ дѣлъ и совершенiя контракта.

Я получилъ здѣсь такое предложенiе: За новое полное изданiе моихъ сочиненiй (съ приложенiемъ 8 [illegible]) въ числѣ 5500 экз. изъ нихъ 5000 на простой (въ 8 р. стопа) бумагѣ — а 500 на веленевой — въ числѣ [illegible] мнѣ даютъ:

Если изданiе будетъ печататься въ типографiи Стасюлевича — 20,000 руб.

Если же изданiе будетъ печататься по вашему усмотрѣнiю — 23,000 р. —

треть денегъ вносится немедленно; остальныя двѣ трети [illegible] въ теченiи двухъ лѣтъ отъ [illegible] числа. — Продажная цѣна экземпляру — до экз. на простой бумагѣ: 15 р; — на веленевой: 18 р. —

Смѣта представленная типографiей Стасюлевича равняется 22,700 руб. — которую я не прилагаю. Расходъ по портрету — никакихъ; при чемъ указано на [illegible] гравера, [illegible] портретъ Некрасова — который [illegible] [illegible] не болѣе какъ въ 300 руб.

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К Ф.И. САЛАЕВУ
от 14 (26) марта 1879 г. Первая страница

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

5299. Ф.И. САЛАЕВУ

14 (26) марта 1879. Петербург

С.- Петербург.
"Европейская гостиница", n° 194.
Середа, 14-го марта 1879.

Любезнейший Федор Иванович,

Считаю долгом сообщить Вам следующее для окончательного устройства наших дел[1] и совершения контракта[2].

Я получил здесь такое предложение[3]: за новое полное издание моих сочинений (с прибавочными 8-ю или 9-ю листами) — в числе *5500* экз. — из коих *5000* на простой (в 8 р. стопа) бумаге — а *500* на веленевой — в числе 9-ти томов — мне дают:

Если издание будет печататься в здешней типографии *Стасюлевича — 20 000* руб.,

Если же издание будет печататься по воле издателя — *23 000* р.

Треть денег вносится немедленно; остальные две трети разверстаны в течение двух лет от нынешнего числа. — Продажная цена экземпляру — за экз. на простой бумаге: *15* р.; — на веленевой: *18* р.

Смета, представленная типографией Стасюлевича, равняется 22 700 руб. — которую она не превзойдет. — Расходы по портрету — пополам; причем указано на немецкого гравера[4], делавшего портрет Некрасова — который со всеми издержками пришелся не более как в 300 руб.

Находившись всегда в наилучших отношениях с Вами и желая их продолжить, я сообщаю Вам эти предложения; если Вам угодно их принять — в той ли, в другой ли форме: 23 000 — или 20 000, смотря по типографии — прошу Вас немедленно мне это сперва телеграфировать, потом написать, так как я в *воскресение* (самый последний срок) — уезжаю в Париж[5]. — Если же эти условия покажутся Вам невыгодными, телеграфируйте также, что не принимаете их; — и я в таком случае немедленно дам знать моему управляющему[6], чтобы он взнес Вам следуемые Вам *1500* р., которыми

Вы меня ссудили — а Вы выдадите ему мою расписку. — Прибавляю еще то, что, желая Вам доказать мою готовность сохранить с Вами прежние отношения, я с Вас не потребую уплаты трети суммы вперед — а устрою платежи по примеру прежних контрактов, находящихся у меня в Париже.

В ожидании скорого ответа я во всяком случае прошу Вас принять уверение в совершенном уважении и дружеских чувствах, с которыми остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Я забыл один важный пункт: за мной остается право[a] дешевого народного издания "*Записок охотника*"[7].

5300. М.Г. САВИНОЙ

16 (28) марта 1879. Петербург

Любезнейшая Марья Гавриловна, я буду у Вас сегодня ровно в 4 часа[1]. — Пока скажу Вам, что у Вас большой и дивный талант — и я с особенным чувством целую Ваши обе руки[2].

Ваш
Ив. Тургенев.

Пятница.

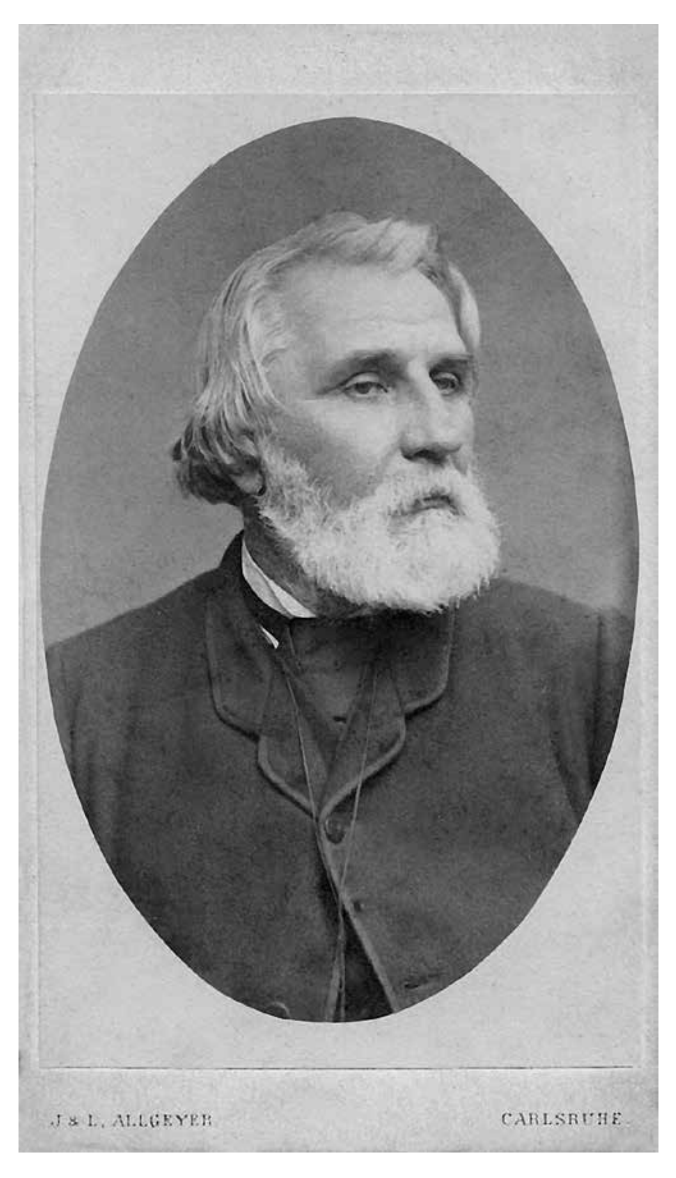
5301. УСТРОИТЕЛЯМ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА В ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ

16 (28) марта 1879. Петербург

Покорно прошу пропустить г-на Половцова[1] и с ним четырех дам[2] на сегодняшний литературный вечер и дать им, по возможности, удобные места.

Ив. Тургенев.

[a] *Далее зачеркнуто*: издания

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография Ж. и Л. Альгейер
(Карлсруэ, 1868 г.), подаренная А.В. Половцову

3923 1

Greift 'nur hinein in's volle
Menschenleben;
Ein Jeder lebt's, nicht Jedem
ist's bekannt.
Und wo ihr's packt — da ist's
interessant
Göthe. —

J & L. ALLGEYER
PHOTOGRAPH. ATELIER
CARLSRUHE
Lange Strasse No. 233.

Ив. Тургенев

20-го марта 1879.
С. П. бург.

Für Nachbestellungen bleibt die Platte
aufbewahrt.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А.В. ПОЛОВЦОВУ
Петербург, 20 марта (1 апреля) 1879 г.

5302. М.Г. САВИНОЙ

17 (29) марта 1879. Петербург

Любезнейшая Марья Гавриловна,

Вследствие двух слов, сказанных Вами вчера, позволяю себе напомнить Вам, что в *понедельник* я буду дома от 2-х ч. до $^{1}/_{2}$ 4-го. Avis à la lectrice.

Суббота утром.

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

5303. А.Ф. КОНИ

18 (30) марта 1879. Петербург

С.-П.бург.
"Европейская гостиница", n° 194.
Воскресение, 18-го марта 79.

Любезнейший Анатолий Федорович,

Я не хочу уехать из России, не поблагодарив Вас за Ваш для меня весьма драгоценный подарок[1]. — Дагерротип моей старинной приятельницы, перенося меня за тридцать лет назад, оживляет для меня то незабвенное время. — Примите еще раз мое искреннее спасибо.

Позвольте дружески пожать Вашу руку и уверить Вас в чувствах неизменного уважения

преданного Вам
Ив. Тургенева.

5304. Н.А. ЩЕПКИНУ

18 (30) марта 1879. Петербург

Москва, Н. Щепкину, Тверская улица, "Лоскутная гост⟨иница⟩". — Приезжайте немедленно, жду Вас[1]. Тургенев.

5305. СТУДЕНТАМ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ГОРНОГО ИНСТИТУТА

19 (31) марта 1879. Петербург

Милостивые государи!

Я получил ваше любезное приглашение[1] присутствовать на музыкально-литературном вечере. К сожалению,

состояние моего здоровья не позволяет мне исполнить столь лестное для меня желание ваших товарищей-студентов[2]. Я почел бы за особенное удовольствие изъявить им, как я это сделал гг. московским студентам, всю мою благодарность за столь искреннее выражение их сочувствия к моей литературной деятельности и к тем принципам, которые постоянно руководили ею[3]. Это сочувствие украсило мой нынешний приезд в Россию и оставило во мне неизгладимые следы. Я душевно радуюсь и за самого себя и за все то хорошее, честное, новое, которое в живых чертах представляется мне всякий раз, когда я размышляю обо всем, что я видел и слышал здесь, в среде того юного поколения, правильное развитие которого так важно и в настоящем и в будущем. Это поколение, сколько я могу судить, на хорошей дороге, на дороге, которая одна может привести к желаемой всеми нами цели: к преуспеянию и упрочению нашего дорогого отечества, русской мысли и русской жизни.

Передайте вашим товарищам мой усердный поклон и примите уверение в моей сердечной преданности.

Ив. Тургенев.

С.-Петербург.
19 марта 1879 г.

5306. А.В. ТОПОРОВУ

19 (31) марта 1879 (?). Петербург

Понедельник утр.

Любезный Александр Васильевич,

Я ничего не привык скрывать — а перед Вами подавно; а потому пишу Вам, что так легче высказаться. — Прошу Вас вперед не говорить мне по-вчерашнему таких слов, какие я считаю если не оскорбительными, то неуместными. — Не говорите мне, что я лукавлю, что я *скрываюсь* перед Вами, точно Вы мой опекун или дядька и я принужден скрываться перед Вами! — Вы вчера дошли до того, что объясняли свое желание присутствовать при моих беседах с Савиной тем, что Вы боялись, как бы она не *подвела* (!) меня, не заставила подписать вексель! — Во-первых, Савина ничем не заслужила такое подозрение; а во-вторых — Вы принимаете меня за легкомысленного купеческого сынка, что ли? — А если я намерен дать вексель — с какого права или каким образом Вы

помешаете мне!? — Потом — у Вас есть привычка, свойственная, впрочем, многим русским — расспрашивать меня, если я пойду куда-нибудь — то к кому именно? Если я получу письмо — от кого? И кто у меня был — или будет? — От подобных бесцеремонных русских вопросов я отвык за границей — там они никому в голову не придут — и в 60 лет опять привыкать к ним не намерен. — Я всегда считал Вас — и прошу Вас считать себя — моим приятелем; но уж вовсе не наставником или опекуном — или даже охранителем. — Это — тяжело и скучно — да и неприлично в мои годы.

Теперь я все высказал — и я надеюсь, что между нами никогда об этом речи не будет.

До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5307. Н.А. ЩЕПКИНУ

19 (31) марта 1879. Петербург

Николаю Щепкину, МСК, Тверская ул., "Лоскутная гост⟨иница⟩". — Отчего не приехали? Жду Вас с нетерпением[1]. Иван Тургенев.

5308. Г.О. ГИНЦБУРГУ

19 (31) марта 1879. Петербург

С.-П.бург.
"Европейская гостиница".
Понедельник, 11 ч. вечера.

Любезнейший друг,

Мой управляющий приехал, получит завтра новую доверенность[1] и завтра же отправится обратно в Москву[2]. Деньги — не 22 000, а 35 000 р.[3] — он получит послезавтра[4] и немедленно выплатит их Ценкеру и К°. Может быть, Вы, с своей стороны, будете так добры и уведомите об этом г-д Ценкера и К°. Мой управляющий попросит их тотчас сообщить об этом Вам в Париж[5].

До свидания послезавтра на железной дороге. — Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5309. В.П. ГАЕВСКОМУ

20 марта (1 апреля) 1879. Петербург

С.-П.бург.
"Европейская гостиница".
Вторник, 20 марта 1879.

Любезный Виктор Павлович,

Из прилагаемого письма г-жи Лободы (Крапивиной)[1] — Вы усмотрите, о чем идет речь и о чем я хочу просить Вас. — Не знаю, говорил ли я Вам об этом деле — но во всяком случае говорил Пыпину — и он уверил меня, что г-жа Лобода ошибается в своих воззрениях на чувства Комитета к ней — и что Комитет охотно возьмет на себя разбирательство ее претензий на г-на Микешина[2] — так как подобные арбитражи прямо входят в круг его деятельности. — Я написал г-же Лободе[3], чтобы она обратилась с просьбой к Вам, и уверил ее, что Вы сделаете все, от Вас зависящее, чтобы удовлетворить ее[4].

Я завтра уезжаю и, прощаясь с Вами, дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5310. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

20 марта (1 апреля) 1879. Петербург

С.-П.бург.
"Европейская гостиница", № 194.
Вторник, 20-го марта 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Посылая Вам в самый момент моего отъезда мою фотографическую карточку[1], спешу известить Вас, что Ваше письмо[2] получил и передал его содержание Стасюлевичу; подробный ответ Вы получите, как только я приеду в Париж[3]. Пока желаю Вам от души всего хорошего, жму крепко Вашу руку и прошу поклониться всем Вашим.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. На втором листке Вы найдете несколько слов, которые Вы можете приклеить к карточке[4].

5311. Н.А. ЩЕПКИНУ

20 марта (1 апреля) 1879. Петербург

Г-ну Николаю Александровичу Щепкину.

С.-П.бург.
20-го марта 1879.

Милостивый государь Николай Александрович,

Покорно прошу Вас взнести в контору банкира Ценкера и К° в Москве *35 000* руб. сер.[1], которые я должен уплатить банкирскому дому И.Е. Гюнцбург, и получить от Ценкера расписку в получении, о чем Вы имеете телеграфировать по моему жительству в Париж, 50, Rue de Douai[2].

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Иван Тургенев.

5312. Н.А. ЩЕПКИНУ

20 марта (1 апреля) 1879. Петербург

О чем я Вас прошу:

1.) Передать Василию Павлову Москалеву (адресс его: Москва, Арбат, д. Комитета Человеколюбивого общества[1]) — 100 р. сер. — которые я получил по его векселю с Яблочкова[2].

2.) Записать в число пансионерок Аграфену Андриановну Афанасьеву (вдову Ивана[3], сына моего бывшего егеря Афанасия[4]) — адресс ее: С.-П⟨етер⟩бург, на Вознесенском проспекте, д. № 27, у г-на инженера Верховского — и выдавать ей 30 руб. сер. полугодичными сроками, начиная с 1-го января 1879-го года.

3.) Выслать Антонине Родионовой (в г. Белозерске, Новгородской губ⟨ерни⟩и, в доме Петровского) второе полугодие ее пенсии, за которой она письменно ко мне обращается[5].

4-е и главное. — Выплатить в Москве банкирам Ценкеру и К° в Москве[a] на счет *И.Е. Гюнцбурга* 35 000 р., получить с них расписку и распорядиться о том, чтобы они немедленно известили бы г-на Гюнцбурга в Париже о получении ими этой суммы — а также телеграфировать об этом мне в Париж[6].

---

[a] *Так в подлиннике.*

5313. Н.А. ЩЕПКИНУ

21 марта (2 апреля) 1879. Петербург

СПб.
"Европейская гостиница".
Середа, 21-го марта 1879.

Любезнейший Николай Александрович, прошу Вас, как только будет Вам возможно, отправить А.В. Топорову по известному Вам его адрессу — Сергиевская ул., № 2 — 200 р. сер. из моих денег[1].

Я через полчаса отправляюсь за границу — и, только что приеду в Париж, дам Вам знать[2]. — Буду ждать с нетерпеньем присылки Вашей телеграммы[3].

Желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

5314. ПОЛИНЕ БРЮЭР

25 марта (6 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dimanche, 6 avril 1879.

Chère Paulinette,

Je ne suis revenu ici que d'hier[1] — et j'ai bien des excuses à te faire de n'avoir pu t'écrire de Russie[2]: j'y ai été à la lettre accablé de besogne de tout genre. — L'affaire du testament de mon frère s'est terminée assez piteusement pour moi: au lieu des 100 000 r. promis — mon frère ne m'a laissé qu'un peu plus du tiers — ce qui représente pour moi une augmentation de 4000 f⟨ranc⟩s de revenu. — Toute sa grande fortune (plus d'un million et demi) — est allée aux parents de sa femme[3]. — Je ne demande pas mieux que de te faire profiter de ce surcroit de revenu — et au lieu de 2400 fr⟨ancs⟩ tu vas recevoir 3000 à partir du 1-r janvier — et je puis te faire, outre cela, un cadeau de mille francs. — Ecris-moi immédiatement la date jusqu'à laquelle je t'avais payé ta pension. Si je ne me trompe, je t'avais remis la première moitié de ton revenu de 1879. — Dès que j'aurai ta réponse, je t'enverrai ce qui te revient.

Je suis heureux d'apprendre que vos affaires ne vont pas trop mal. — Il faut persévérer[4].

Ma santé n'est pas mauvaise et l'attaque de goutte que j'ai eue en Russie a été insignifiante.

Je n'abandonne pas l'idée d'aller vous voir au printemps. En attendant je vous embrasse tous — à commencer par toi.

Ivan Tourguéneff.

5315. А.В. ТОПОРОВУ

25 марта (6 апреля) 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.

$\frac{\text{25-го марта}}{\text{6-го апреля}}$ 1879.

Любезнейший Александр Васильевич, вчера я прибыл сюда благополучно, застал всех здоровыми — и сам чувствую себя хорошо — только устал очень. Подагра только погрозилась. — Спешу известить Вас о моем приезде — и прошу сообщить об этом всем друзьям. — Теперь буду лежать дня два "воронкой кверху" — а там и за работу. От Щепкина я получил телеграмму[1], что деньги им переданы по принадлежности в банкирскую контору[2]. — Стало быть, всё в порядке. — Коли увидите Савину, поцелуйте ей от меня ручку — что, конечно, и Вам доставит удовольствие. — Засим — будьте здоровы — скоро напишу опять.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5316. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 марта (8 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Вторник, $\frac{\text{8-го апр.}}{\text{27-го марта}}$ 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Пишу Вам сегодня всего несколько строк, чтобы предуведомить Вас о том, что, по зрелом соображении, я как бы благодарственного и объяснительного письма в "В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩" не напишу. — Во-первых — я настоящего дела все-таки не буду в состоянии сказать — а во-вторых — выходит штука[a] немножко слишком торжественная, словно я потентат какой[1]. — Я решился — как только

---

[a] *Было*: дело

отделаюсь от моих литературно-корректурных работ — напечатать здесь по этому поводу брошюру — которая, надеюсь, пройдет беспрепятственно в Россию[2]. — А в вашем месячном обозрении редакция скажет от себя, что найдет нужным, полезным — и возможным[3].

Я отдохнул вполне от дороги и пр. (сегодня вечером я видел нашего друга Гинцбурга) — но что-то опять подагра кусает мою *левую* ногу. Впрочем, с этим надо примириться — и, если придется посидеть с недельку — тем лучше для работы.

Не хочу окончить письма, не попросив Вас еще и еще поблагодарить от моего имени всех моих доброжелателей и приятелей. — Чем отдаленнее становятся воспоминания о прожитом в России времени, тем ярче выступают их образы.

Кланяюсь Вашей жене и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5317. Н.А. ЩЕПКИНУ

27 марта (8 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Вторник, 8-го апр. / 27-го марта 79.

Любезнейший Николай Александрович,

Пишу Вам в Спасское (предполагая, что Вы уже туда вернулись)[1] — для того чтобы известить Вас, что я третьего дня благополучно прибыл сюда, вчера получил Вашу телеграмму об уплате Вами 35 000 р. в контору Ценкера[2] — и вчера же получил от здешнего банкира Гинцбурга извещение о том, что Ценкер его об этом уведомил и что эти[а] деньги состоят в моем распоряжении[3]. — За все это благодарю Вас. Полагаю, что Вы во время Вашего пребывания в Москве переговорили с Маляревским о покупке им мёбели, находящейся в московском доме — и желал бы знать, достигли ли Вы какого-либо результата?[4] — Вероятно, все это придется отложить до истечения шестимесячного срока после последней[б] публикации[5]. — Что же касается до долговской земли, то, по

[а] эти — *вписано над строкой.*
[б] последней — *вписано над строкой.*

собранным мною сведениям, никакой нет надежды на получение выкупной суммы *до* размежевания[6]. — А потому весьма будет нужно Вам хлопотать по этому делу (так как, вероятно, Вы уже теперь от моего имени признаны опекуном) — и в случае нужды дать взятку — и сделать[в] всяческие уступки соседям. — Даю Вам на это совершенное полномочие.

Надеюсь, что Вы исполнили поручения, данные мною Вам при отъезде из Петербурга[7]. Что же касается до денег, то Вы пришлете их сюда, как только окажутся таковые свободными.

Засим кланяюсь всем Вашим. Желаю Вам всего хорошего и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5318. П.Л. ЛАВРОВУ

28 марта (9 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 9-го апреля 79.

Любезнейший Петр Лаврович,

Не зайдете ли завтра около 12 часов ко мне покалякать? А есть о чем![1] Я бы сам к Вам наведался — да подагра опять меня кусает — и, вероятно, я просижу дома несколько дней. Из России я вернулся в субботу[2].

Жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

5319. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

28 марта (9 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, $\frac{\text{9-го апр.}}{\text{28-го марта}}$ 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Третьего дня я получил здесь Ваши оба письма[1] — и тотчас же отправил письмо к Стасюлевичу по адрессу, прибавив

[в] *Далее зачеркнуто*: нуж⟨ные⟩

от себя несколько строк. Вы можете быть покойны: имя Ваше останется, заглавие мы приищем[2] — а что касается до незначительных сокращений, то так как Ст⟨асюлевич⟩ обещается присылать мне сюда корректуры (как то было сделано для "Нови") — то уже мое дело не допустить никаких искажений[3]. Бросьте все эти "преоккупации"[4] из головы и принимайтесь бодро за новую работу.

Мне очень досадно, что все мои фотографии не удаются[5]; но, видно, я чем-нибудь прогневил солнце — и оно мне мстит.

Я понемногу прихожу в себя после всех испытанных ощущений и усталостей[6]; но, к сожалению, подагра опять грозит мне... Впрочем, это не помешает мне работать над изготовлением нового издания[7].

Я очень полюбил Вашего брата: он милый и хороший человек[8]. Поклонитесь ему от меня — а также и Вашей матушке — и примите дружеское рукопожатие от

душевно Вам преданного
Ив. Тургенева.

На конверте: *Russie.* Gouv-t de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
станция Суходол, сельцо Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любовь Яковлевне *Стечькиной.*

5320. А.В. ТОПОРОВУ

28 марта (9 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 9-го апр. / 28-го марта 79.

Любезнейший Александр Васильевич,

Усталость после дороги прошла, я принялся за работу[1] — только подагра опять меня кусает — со вчерашнего дня. — Видно, надо с этим примириться. — А теперь обращаюсь к Вам с вопросами и просьбами.

1.) Получили ли Вы 200 р. от Щепкина и подписались ли на журналы?[2]

2.) Пришлите мне, пожалуйста, литографированный и раскрашенный образ... *Казанской* богородицы. — Это Вас, вероятно, удивляет; но одна здешняя дама, которой я довольно обязан, об этом настоятельно меня просит.

3.) Пришлите мне фотографическую карточку Бородаевской[3], если таковая имеется.

Еще раз поклонитесь от меня всем моим доброжелателям низким поклоном и верьте в дружбу

преданного Вам
Ив. Тургенева.

P.S. Справьтесь, послал ли Шапиро сюда обещанные большие фотографии[4].

5321. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

30 марта (11 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Пятница, $\frac{\text{11-го апр.}}{\text{30-го мар.}}$ 79.

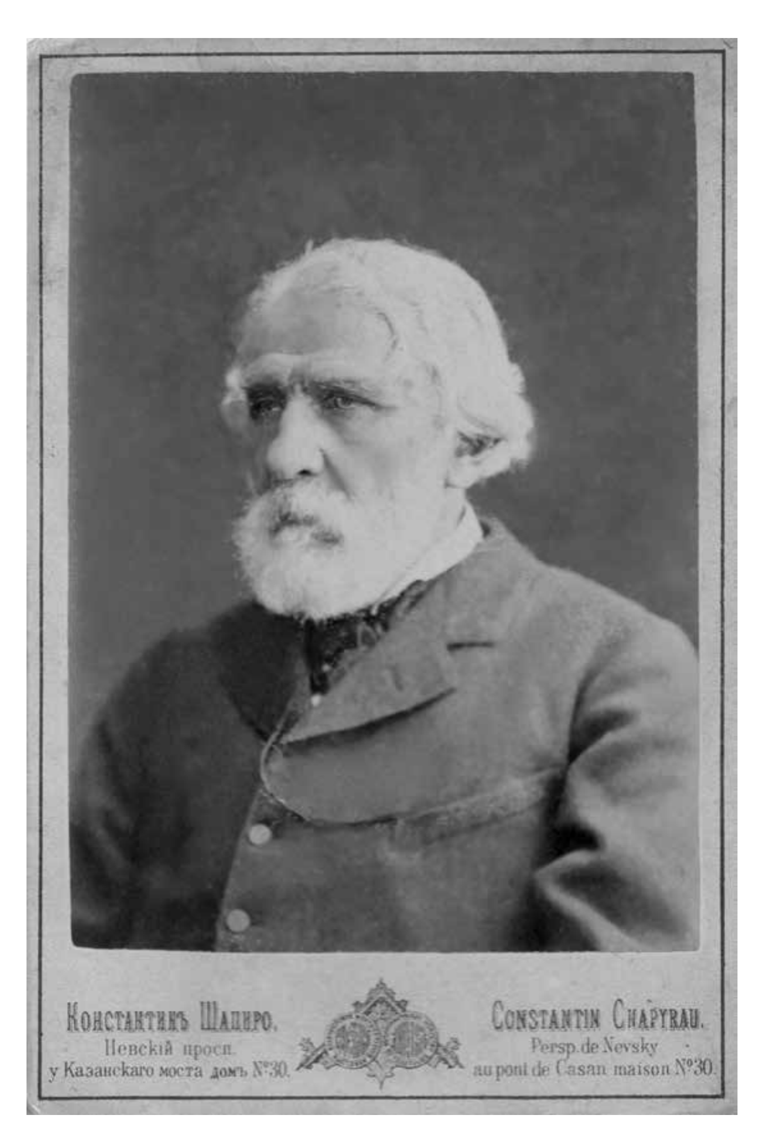
Очень часто стал я к Вам писать, любезнейший Михаил Матвеевич — но такие уж выходят обстоятельства. — Вследствие сообщенного Вами известия о смерти Ф.И. Салаева[1], я написал в Москву, чтобы узнать — кто наследник его фирмы — и имеет ли он намерение продолжить дела со мною и составить контракт? — От его ответа будет зависеть дальнейшее[2]. — Но во всяком случае за "Записки охотника" мы примемся немедленно — и я уже старательно прочел два первых отрывка. — Через две недели надеюсь Вам выслать весь том с окончательными поправками[3].

Моя подагра опять меня бросила; и я хожу, как все люди — но погода здесь ужасная.

Будьте здоровы — дружески жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Я получил манускрипт и вырезку из обозрения[4]. Спасибо. Речь Спасовича — блестящая[5].

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография К. Шапиро. Петербург, 12 (24) марта 1879 г.

5322. ПОЛИНЕ БРЮЭР

31 марта (12 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi, 12 avril 79.

Chère Paulinette,

Je t'écris aujourd'hui un seul mot seulement pour t'avertir que *lundi* (après-demain) — je t'envoie *1500* fr⟨ancs⟩ — dont *300* te reviennent comme supplément de ta pension (3000 fr⟨ancs⟩ à partir du 1-r janvier) — et 1200 fr⟨ancs⟩ comme cadeau[1]. — Je regrette de ne pouvoir faire davantage pour le moment. — N'oublie pas que j'ai encore la dette de Mme Innis à payer[2].

A lundi. — En attendant je vous embrasse tous.

Iv. Tourguéneff.

5323. П.Л. ЛАВРОВУ

31 марта (12 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 12 апр. 79.

Любезнейший Петр Лаврович,

Несчастие, обрушившееся на Лопатина — было неизбежно: он сам как бы напросился на него. — В самый день моего отъезда я умолял его уехать на юг — ибо об его присутствии в П⟨етербурге⟩ полиция *знала*[1]. — Что теперь сделать — сказать трудно: через Абазу и т.д. действовать немыслимо... У меня в голове вертится нечто другое — конечно, неверное... но попытаться следует[2]. — Л⟨опатин⟩ оскорбил *лично* А⟨лександра⟩ Н⟨иколаевича⟩; — это не прощается...[3] Очень мне его жаль.

До свиданья; жму Вашу руку.

Ив. Тургенев.

5324. И.Я. ПАВЛОВСКОМУ

27 марта (8 апреля) или 3 (15) апреля 1879 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник.

Любезнейший Павловский,

Приходите завтра (в середу) вместе с Вашим братом часов около *5*. — Я очень буду рад вас видеть.

Ив. Тургенев.

P.S. Очень бы я был Вам обязан, если бы Вы принесли с собою перевод рапорта петербургских профессоров, даже если он не окончен.

5325. МОРИЦУ НЕХЕЛЕСУ

4 (16) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mittwoch, d. 16. April 79.

Verehrter Herr,

Ich habe Ihren sehr schmeichelhaften Brief mit den zwei Nr. des "Literatur-Blatts" bekommen und Ihre "Portraitstudie" gelesen[1]. Ich danke sehr für die Ehre, die Sie mir anthun; — und muss sagen, dass manches in Ihrer Studie mir als treffendwahr und feingedacht erscheint. — Sie selbst wissen besser, als ich es sagen kann, dass der Schriftsteller keine vorgefassten Ideen in Bilder kleidet: das alles wächst aus ihm heraus, halb bewusstlos. — Ein anderer Kritiker würde auf andere Motive meines Schaffens weisen können — vielleicht mit demselben Recht. — Sollte ich den wahren Grund meiner Thätigkeit angeben — so würde ich möglicher Weise sagen: "Ich habe es geschrieben, weil es mich selbst ergötzt hat". — Das eigene Volk, das menschliche Leben, die menschliche Physiognomie — das ist das Bestimmende; der Schriftsteller macht daraus — was er kann... und was er nicht anders kann. — Das ist eine sehr vage Theorie: für mich ist es die Einzige[2]. Jedenfalls muss ich Sie bitten, meinen besten Dank für Ihre so echte Sympathie anzunehmen. — Dass ich mein

Vaterland dem europäischen Publicum etwas näher gerückt habe — betrachte ich als das grosse Glück meines Lebens. Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Iwan Turgéniew.

5326. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

4 (16) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 16/4-го апр. 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

В ответ на Ваше последнее письмо сообщаю следующие пункты.

1.) Все, Вами названное, аккуратно получил и благодарю[1]. — Скверную статейку "Р⟨усской⟩ р⟨ечи⟩" принял к сведению[2]; на прекрасный адресс харьковских студентов буду отвечать прямо[3].

2.) От наследников Салаева получил довольно безграмотную и неясную телеграмму; жду от них более определительного письма[4]. — Я не могу иметь дело с каким-то полковником, с какими-то дамами (наследники)[a]. Если нет серьезного и ответственного издателя — дело это сочту поконченным и немедленно обращусь к Вам для устройства издания[5].

3.) А пока — посылаю Вам тщательнейше выверенный экземпляр "Записок охотника"[6]. — Известите о получении. Всех отыскано 175 опечаток; — сделаны кое-какие прибавочки. — Особенное Ваше внимание обращаю на страницы: 188, 215, 274, 312, 334, 320, 392, 398, 514 и 516[7]. — Формат, шрифт, бумага — все это предоставляется Вашему усмотрению. — Дайте знать, сколько денег Вам теперь же выслать, ибо полагаю, что Вы приступите к делу немедленно.

4.) Благодарю за пересылку портретов и прочие распоряжения[8].

Сию минуту получил апрельский № "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" — Луканина не попала в него: попадет ли в следующий?[9] Вам уже известно, что я раздумал помещать благодарственный ответ: сказанного в апр⟨ельском⟩ N-е вполне

---

[a] (наследники) — *вписано над строкой.*

достаточно[10]. — Да и погода теперь не такая — особенно после новейшего безобразия[11].

Принимаюсь за брошюру[12].

Желаю вам всем всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5327. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

5 (17) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 17/5-го апр. 79.

Милый друг Яков Петрович,

Я получил твое письмо[1] и спешу известить тебя, что я благополучно сюда прибыл, отдохнул, собираю свои воспоминания — и собираюсь работать[2]. Последнее безобразное известие меня сильно смутило; предвижу, как будут иные люди эксплоатировать это безумное покушение во вред той партии, которая, именно вследствие своих либеральных убеждений, больше всего дорожит жизнью государя, так как только от него и ждет спасительных реформ: всякая реформа у нас в России, не сходящая свыше, немыслима. Все это прекрасно... но в результате выйдет то, что именно эта партия и пострадает. Одна надежда на спокойный дух и благоразумие самого государя. Очень я этим взволнован и огорчен... вот две ночи, как не сплю: все думаю, думаю — и ни до чего додуматься не могу[3].

Жалко мне, что ты все болеешь; авось весна тебя поправит — если только она наступит. Здесь — в Париже — прескверная погода: постоянные дожди и холод. Я, однако, недурно себя чувствую: подагра скоро от меня отстала на этот раз.

Приятно мне было услышать о впечатлении, произведенном твоими стихами с музыкальным аккомпанементом Лишина. Тут, вероятно, больше всего действовала твоя поэзия, ибо музыка самого Лишина — если судить по тому, что я слышал — не имеет никаких достоинств: италиянщина плохого сорта, безо всякой оригинальности[4].

Передай мой дружеский поклон всем приятелям — не забывая ни Савиной, ни Бородаевской[5]. Кланяюсь также твоей милой жене[6] и дружески жму тебе руку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

Милостивый Государь

Иванъ Сергѣевичъ!

Мы, нижеподписавшiеся Харьковскiе студенты, съ живѣйшимъ удовольствiемъ присоединяемся къ Московскимъ нашимъ товарищамъ и спѣшимъ выразить Вамъ тѣ чувства глубокаго уваженiя и признательности, которыя, мы увѣрены, раздѣляетъ съ нами вся грамотная Россiя.

Ваши теплыя слова о молодежи, произнесенныя въ

АДРЕС СТУДЕНТОВ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И.С. ТУРГЕНЕВУ
Март 1879 г. Первая страница

АДРЕС СТУДЕНТОВ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И.С. ТУРГЕНЕВУ

Подписи студентов. Первая страница

5328. Г.О. ГИНЦБУРГУ

6 (18) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 18-го / 6-го апр. 79.

Любезнейший Гораций Иосифович,

На Ваше письмецо[1] имею отвечать следующее: по собранным сведениям, г-жа Михайловская владеет порядочным голосом — но она уже его испортила, бравши уроки у различных учителей — и большой артистической карьеры предсказать ей *нельзя*[2]; — по благодушию Вашему, Вы ей помочь можете — но без дальнейших результатов.

Кстати, я в нашем Обществе во вторник хочу прочесть небольшой, но чрезвычайно интересный рассказ одного молодого писателя, русского еврея, в котором я принимаю истинное участие[3]. — Приходите послушайте[4].

Жму Вам крепко руку и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur le baron Horace de Gunzbourg.
7, Rue Tilsitt.
Paris.

5329. Г.О. ГИНЦБУРГУ

31 марта или 7 апреля (12 или 19 апреля) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота утр.

Любезнейший Гораций Иосифович,

Прилагаемое италиянское объявление Вам пояснит значение — оставленных мною у Вас вчера фотографий. Владелец этой виллы[1], некогда очень богатый человек, разорился и теперь лежит здесь больной и без гроша. Его зовут Каффиеро (Caffiero). Он хотел бы продать эту виллу, последнее свое достояние[2] — и, хотя она ему стоила около 150 000 ф⟨ранков⟩, он бы отдал ее за 30 000. — Может быть, Вы кого-нибудь знаете, кто бы хотел сделать эту выгодную аферу[3]. — Вилла лежит в прелестнейшем местоположении

и имеет много строений. Если кому-нибудь нужно собрать справки — его адресс: M. Caffiero, Boulevard Arago, 25.

Вчера "Coquelin" был прелестен[4]; но Mlle Thursby — до Марианны — как до звезды небесной, далеко[5].

Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5330. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

7 (19) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi matin.

Mon cher ami,

Je vous avoue franchement qu'il me répugne d'entrer en relations avec le "Figaro"[1]. Je ne connais à Paris personne qui soit capable de faire la besogne demandée (à moins d'essayer de M. Durand-Gréville, le mari de Mme Henri Gréville, demeurant aux Batignolles, 1, rue Tourlaque)[2].

En Russie, c'est autre chose. Quelqu'un qui, je crois, la ferait volontiers — vite et bien — serait notre ami commun Pierre Boborykine[3], résidant à Moscou, boulevard de la Srétenka, rue Froloff, maison Goubonine. Qu'on s'adresse à lui, en lui recommandant de ne pas être trop prolixe, mais que mon nom ne soit pas prononcé[4].

Mille amitiés.

Tout à vous
Iv. Tourguéneff.

5331. ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ХАРЬКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

8 (20) апреля 1879. Париж

Милостивые государи!

Я получил чрез посредство В.П. Гаевского[1] адрес с вашими подписями, которым вам угодно было меня почтить[2]. Позвольте мне выразить вам всем мое искреннее спасибо и уверить вас, что в ряду тех изъявлений одобрения и сочувствия, которыми я был осчастливлен в течение моей последней поездки в Россию[3] — *ваше* занимает одно

из первых мест — и будет мною навсегда храниться как драгоценный памятник духовной связи, существующей между лучшими моими согражданами и мною.

Я не ожидал такого венца моей литературной карьере: тем более был я им обрадован и тем сильнее моя благодарность. В ответ на сказанное вами могу только воскликнуть: да сбудутся наконец наши общие надежды, имеющие предметом одно благо и преуспеяние России! Эти надежды не напрасны, когда ими воодушевлены люди, подобные вам, служители науки, правосудия и просвещения.

Примите, милостивые государи, вместе с моими лучшими пожеланиями изъявление глубокого уважения

преданного вам
Ив. Тургенева.

Париж.
Воскресенье, 8/20 апр. 1879.

5332. В.П. ГАЕВСКОМУ

9 (21) апреля 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Воскресение[a], 21/9-го апр. 79.

Любезнейший Виктор Павлович,

Пользуюсь Вашим позволением[1], чтобы через Ваше посредство послать гг. харьковским профессорам, присяжным поверенным и т.д. мой ответ на их адресс[2]. — Нечего Вам говорить, как меня он порадовал, особенно в теперешнее тяжелое и смутное время...

Здоровье мое недурно — и я принялся за поправку и проверку полного собрания моих сочинений[3]. — "Записки охотника" уже высланы Стасюлевичу[4].

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

5333. Е.Ф. ШНЕЙДЕРУ

9 (21) апреля 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Понедельник, 21/9-го апр. 79.

Милостивый государь Евгений Федорович!

Благодарю Вас за присланное Вами письмо[1]. — Оно доставило мне много удовольствия, как доказательство, что мои труды не пропали даром. Радуюсь также за тот сердечный жар, которым оно дышит: пусть он никогда не покидает Вас — так как и любовь к прекрасному — и твердая решимость посвятить всю жизнь правде — vitam impendere vero[2].

Согласно желанию Вашему, посылаю Вам мою фотографическую карточку[3] и прошу принять уверение в совершенном уважении.

Вашего покорного слуги
Ив. Тургенева.

На конверте[а]: *Russie.* Moscou.
Monsieur Eugène Schneider.
В Москву.

5334. В.В. ДУМНОВУ

10 (22) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 22/10-го апр. 79.

Милостивый государь,

В ответ на Ваше письмо от 16/4-го апреля[1] имею сообщить Вам, что я не отказываюсь от контракта на издание моих сочинений, заключенного мною в Москве с покойным Вашим родственником, Ф.И. Салаевым[2]. — Но так как Вам[а] в точности не могут быть известны условия этого контракта, то считаю долгом изложить их Вам вкратце[3] — с тем чтобы Вы известили меня письмом или телеграммой[4], что Вы их принимаете — и тогда я тотчас составлю

[а] *Нижняя часть конверта с адресом оторвана.*
[а] Вам — *вписано над строкой.*

здесь этот контракт и перешлю Вам его для подписания и возвращения мне копии[5]. — Вот эти условия:

1.) Издание состоит из 9 томов[6], в числе 5500 экз.[7] — (из коих 25 предоставляются мне) — и должно продаваться не свыше 15 р. за экз.

2.) В издание это войдут, сверх всех статей, помещенных в предыдущем издании — нигде не напечатанные критические статьи, литературные воспоминания и предисловия — всего около 8 листов печатных[8]. — Статьи эти должны быть доставлены не позже 1-го июня нын⟨ешнего⟩ года[б, 9].

3.) Издание располагается в известном порядке, означенном в записке[10], оставленной у Ф.И. Салаева.

4.) Г-н Тургенев выговаривает себе право отдельного[в] дешевого издания "Записок охотника", предназначенного училищам и школам[11].

5.) Г-н Тургенев тщательно выправит все издание и пришлет своевременно в Москву все поправки и прибавления. Печатание может начаться с 1-го мая 9-м томом ("Комедии")[12].

6.) Наследники Салаева обязываются выплатить г. Тургеневу за право издания 22 000 р. сер. — из коих 8000 (восемь)[г] должны быть выплачены 15-го мая[13] (из них 1500 р. уже получены г-м Тургеневым); остальные же 14[д] (четырнадцать)[е] тысяч будут распределены по срокам в теченье 2-х лет, начиная с 15-го мая нынешнего года.

7.) К изданию будет приложен портрет[14], гравирование и пересылку которого берет на себя г-н Тургенев, с тем чтобы половина издержек была уплачена г-ми наследниками Ф.И. Салаева. — Издержки эти не должны превышать 500 р. с.

8.) Издание должно печататься тем же шрифтом, на той бумаге и в том формате, которым были высланы образцы.

Если Вы и Ваши сонаследники согласны на вышесказанные условия — то, по получении от Вас ответа, контракт будет немедленно совершен[15].

Примите, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, выражение моего совершенного уважения.

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

[б] *Данное предложение вписано позднее.*
[в] *Далее зачеркнуто*: изд⟨ания⟩
[г] (восемь) — *вписано на полях.*
[д] *Было*: 17
[е] (четырнадцать) — *вписано на полях.*

5335. Г.О. ГИНЦБУРГУ

11 (23) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 23-го апр. 79.

Любезнейший Гораций Осипович,

Посылаю Вам при сем два билета на весьма интересный концерт Павла Виардо, молодого скрыпача, в котором я принимаю самое живое участие[1]. — Я хотел поговорить с Вами об этом вчера[2] — да позабыл. (Концерт этот произойдет в воскресение.) Если б Вам почему-нибудь нельзя было ехать — то, будьте так любезны, пришлите билеты обратно.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

5336. Н.А. ЩЕПКИНУ

11 (23) апреля 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Середа, 23/11-го апр. 79.

Любезный Николай Александрович,

Вчера я получил от банкира Дютфуа 2400 фр⟨анков⟩[1] — и спешу Вас об этом известить. — Посылаю Вам при сем письмо Маляревского, которое прошу сохранить[2] — а в прочем одобряю все Ваши распоряжения. — Надо будет постараться добыть эти 2800 р., которые он явно желает укрыть[3]; — что же касается до мёбели московского дома, то придется, по истечении 6-месячного срока, продать ее в другие руки, за что дадут[4]. — Насчет движимости в Тургеневе остается рукой махнуть.

Здоровье мое порядочно.

Кланяюсь всем Вашим и желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

5337. П.В. АННЕНКОВУ

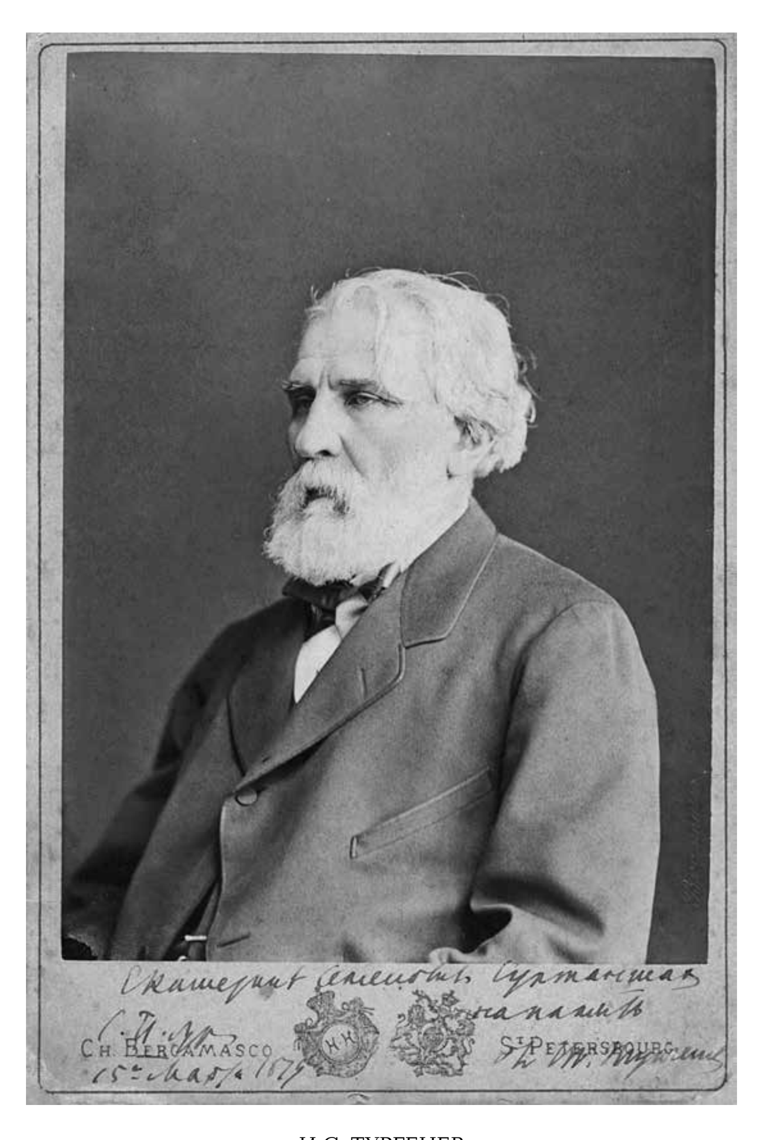
12 (24) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 24/12-го апр. 79.

Любезнейший друг Павел Васильевич, ни минуты не сомневаюсь в том, что Вы поверите следующим моим заявлениям: во время всех неожиданностей, совершавшихся надо мною в России[1], я постоянно думал о Вас — хотя и не сдержал своего обещания, не написал Вам из Москвы; — а с тех пор как я сюда вернулся, постоянно себя спрашивал — не без упрека: "Что же это я не пишу к Анненкову?" — и, когда сегодня пришло Ваше письмо[2], я уже держал перо в руке над самым этим листиком, по которому оно бегает теперь. — Ну, а теперь — что мне сказать Вам? — Столько набралось, что на целую брошюру бы хватило[3]. Если бы Вы в эту минуту сидели передо мною, часика в два я бы с этим справился — а главное — показал бы Вам ту массу любопытных документов, которые я вывез из России[4] — (некоторые, как напр.: адресс харьковских студентов[5], другой адресс харьковских профессоров, земских деятелей и т.д.[6], присланы были мне уже сюда). — Да я это и сделаю, ибо полагаю наверное, что не пройдет двух месяцев — как мы увидимся с Вами... Может быть, на Вашем пути в Баден Вы завернете в Париж — или, точнее, в Буживаль?[7] — Хотелось бы мне одним словом выразить то чувство, которое я вынес из России! — Быть может — это слово: *сострадание* — глубокое сострадание к нашей прекрасной молодежи — мужской и женской, которая просто задыхается от недостатка воздуха, как птица под пневматическим колоколом. — В этом жгучем чувстве исчезает и тает всякое личное удовлетворение[a] литературного самолюбия и т.п. — исчезает даже та радость, которую не может не возбудить в состарившейся душе всеобщее изъявление сочувствия... Все эти восторги, надежды, ожидания... какой исход возможен им? — Особенно после совершившегося на днях безобразия[8]. — Опять, опять все должно уйти под землю... Но то, что было едва сносимо тридцать, двадцать лет тому назад, как помириться с этим теперь?..

---

[a] *Далее зачеркнуто*: личного

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография К. Бергамаско. Петербург, 1871 г.
С дарственной надписью Е.С. Султан-Шах 15 (27) марта 1879 г.

Как они просили меня в России вернуться туда, остаться там — конечно, не для того чтобы сделаться "вождем" — (это не в моей натуре — да и не в данных условиях современности) — но центральным пунктом, знаменем... Несмотря на мои уже преклонные годы — (Вы, может быть, заметили, что меня постоянно в газетах величали "маститым") — я, пожалуй, решился бы вырвать все корни, которые я пустил здесь — но зачем, к чему? — Я родился слишком поздно — или слишком рано; я бы теперь мог быть только помехой — либо самому себе, либо другим. Я выражаюсь не совсем ясно: но Вы — нашего поля ягода[б] — Вы меня поймете с полуслова — даже дополните мысленно то, что мной самим не вполне додумано[9].

Переходя к другим вопросам, скажу Вам, что результатом моей *деловой* поездки оказалось следующее: вместо обещанных покойным братом 100 000 р. я получил немного меньше половины... Но я и тем доволен. — Происходили курьезные столкновения, которыми я бы воспользовался, будь я Щедрин[10].

Насчет моего здоровья — я тоже могу быть довольным. — Подагра покусывает — сердце пошаливает; — но в конце концов, кажется, организм несколько — (правда, старчески) — установился. Вы мне не пишете ни о своем здоровье — ни о том, как поживают все Ваши. — Полагаю вместе с дипломатами, что: "absence de nouvelles — bonne nouvelle".

Я скоро напишу Вам опять; а теперь кланяюсь всему Вашему семейству — и дружески обнимаю Вас.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5338. РЕДАКТОРУ "LE TEMPS"

12 (24) апреля 1879. Париж

...Une dépêche publiée avant-hier par le "Soleil"[1] disait qu'à la suite de manifestations en faveur de M. Ivan de Tourguénef, organisées par la jeunesse des écoles à Moscou et à Saint-Pétersbourg[2], le célèbre écrivain russe aurait été expulsé; la dépêche ajoutant que le cas aurait eu des suites plus sérieuses si M. Tourguénef n'avait été naturalisé Français.

[б] *Далее зачеркнуто*: но

Il n'y a de vrai dans cette nouvelle que le fait même de manifestations; le gouvernement russe n'a pris aucune mesure de rigueur contre M. Tourguénef, qui d'ailleurs n'est pas naturalisé Français. ⟨...⟩

5339. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

14 (26) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi matin.

Mon cher vieux,

C'est pour le coup que vous allez me traiter de poire molle, de chiffon, de loque etc. — et j'ajoute que vous aurez raison[1]. — Cependant, écoutez-moi — *avant* de frapper. (Je me distingue en ceci de Thémistocle.)[2] — Tout mon monde part aujourd'hui[3] — et j'aurais été libre — *mais* Paul Viardot donne demain son concert (ce que j'avais oublié) — et je ne puis me dispenser d'y assister[4]. — Mardi soir je dois faire une lecture (à notre Société de protection des artistes russes) — dans un but de bienfaisance![5] — Je pourrais donc venir mercredi... *mais* à un dîner sardanapalesque que Zola nous a donné avant-hier — il a été arrangé que lui, Daudet, Goncourt et moi, nous irions chez vous *dimanche* (pas demain, une semaine plus tard) — nous arriverions pour le déjeuner — ils repartiraient le soir — et moi, je resterais avec vous toute la journée de lundi[6]. — A présent — comme vous avez le droit de ne plus avoir confiance en moi — je me soumets humblement à vos invectives. — Mais je crois cette fois-ci que la chose tiendra bon!

Et sur ce, je vous embrasse et suis

votre
Iv. Tourguéneff.

5340. А.И. АЛЕКСЕЕВУ

14 (26) апреля 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 26/14-го апр. 79.

Вот Вам, любезнейший Алексеев, тот пакет, который Вы взялись доставить в Москву[1]. — Благодаря Вас — от имени всего Общества[2], имею только заметить, что я не

выставил на пакете *Павла* Михайловича Третьякова его точного адресса, ибо не упомнил его; но дом его (где галерея русских картин) — известен всем в Москве — в случае нужды Вы можете узнать адресс в доме его брата С.М. Третьякова, градского головы.

Засим желаю Вам всего хорошего, счастливого пути и столь же счастливого возвращения и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5341. РЕДАКТОРУ "L'INDEPENDANCE BELGE"

15 (27) апреля 1879. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Dimanche, 27 avril 79.

Monsieur,

Je vous serais très obligé si vous vouliez bien faire insérer dans votre journal la petite rectification ci-incluse qui a paru dans le "Temps" — et qui dément la nouvelle donnée par le "Soleil"[1] et que l'"Indépendance" a répétée[2].

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma parfaite considération.

Ivan Tourguéneff.

5342. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

15 (27) апреля 1879. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Dimanche soir.

Mon cher Albert,

Je souscris des deux mains à ce que vous proposez — et j'espère que l'épreuve tournera "ad majorem equi gloriam"[1].

Voulez-vous avoir la bonté de prier votre mère de remettre le dîner de demain à *mardi*? Cela m'arrangerait fort — et puisque c'est un dîner "sans cérémonie", j'espère que cela ne dérangera rien[2].

Mille amitiés.

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩
Iv. Tourguéneff.

5343. А.А. ТРУБЕЦКОЙ

16 (28) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Lundi, 28 avril 79.

Chère princesse Troubetzkoï,

Je vous écris parce qu'il m'est impossible de ne pas répondre à un désir aussi fortement exprimé et j'ai même conscience d'avoir tant tardé à le faire[1]. Mais je vous jure qu'il m'est tout aussi impossible de vous donner autre chose qu'un résumé sans preuves (car il faudrait écrire toute une brochure[2]). Oui, l'état de la Russie est très grave, le gouvernement actuel n'y comprend rien et ne fait que des folies; nous ne sommes pas à la veille d'une révolution, les éléments en manque⟨nt⟩ en Russie, mais peut-être d'une décomposition sociale "Смутного времени"[3]. Je vous promets que dès que vous aurez du loisir et que vous me le ferez savoir, je viendrai à Bellefontaine avec tout un paquet de documents, lettres, extraits de journaux sous le bras, et là, dans l'espace d'une heure, j'espère pouvoir vous mettre au courant de la situation présente. Elle est à peu près sans précédent dans notre histoire, comme ce qui m'est arrivé pendant les 6 semaines que j'ai passées là-bas; j'ai encore la tête toute remplie de tout ce que j'ai vu, entendu de toute cette masse de nouveaux visages, etc. etc.[4] Mais je n'ai qu'à répéter ce que j'ai dit au début de cette lettre: cela peut se dire et non s'écrire. Je remets donc tout ceci à notre entrevue.

Je suis très content de vous savoir à peu près bien portante: ma santé aussi se maintient. Toute la maison d'ici vous envoie ses meilleures amitiés: Mme Viardot et Louise sont à Weimar où l'on va donner (jeudi) un petit opéra en un acte, dont la musique est de Louise[5]. Paul est lancé dans ses concerts, il a beaucoup de succès[6]; Marianne se tient sur la réserve. Claudie is in an interesting situation[7]; son mari vient d'être fait adjoint au maire de son arrondissement[8].

Je me sens très vieux, surtout depuis mon voyage; mais au fond cela ne tire pas à conséquence.

A bientôt, n'est-ce pas?[9] Je vous serre bien cordialement la main et suis pour toujours

votre bien dévoué
Iv. Tourguéneff.

P.S. Mes amitiés à Mlle Marianne[10].

На конверте: Mme la princesse Troubetzkoï,
au château de *Bellefontaine*
(près *Fontainebleau*).

5344. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ

18 (30) апреля 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi matin.

Mon cher ami,

Il faut renoncer à notre excursion en commun de dimanche. Flaubert m'écrit de vous faire savoir qu'elle est inexécutable car il n'est pas installé de façon à recevoir plus d'un ami à la fois[1].

J'écris aussi à Zola et à Daudet[2]. Quant à moi, j'irai[3].

Mille amitiés.

Tout à vous
Iv. Tourguéneff.

5345. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

20 апреля (2 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница утр.

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

Приходите завтра утром часов в 11; — мне нужно Вас видеть[1]. — Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de la poste restante.
Rue Cardinal-Lemoine.
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.

5346. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

20 апреля (2 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi matin.

Mon cher ami,

Je vous envoie la traduction française d'une petite nouvelle russe, sur laquelle j'appelle votre attention toute particulière. — L'auteur (qui se nomme Adélaïde Loukanine) — est une personne très distingué, très savante — même — et très malheureuse. — Tout ceci ne ferait pas grand-chose à l'affaire — mais il y a dans sa nouvelle un talent très réel — une émotion discrète et pénétrante — et une connaissance intime du monde qu'elle décrit — qui m'ont charmé et qui, je l'espère, vous feront le même effet. — Il y a là un caractère de jeune fille russe *moderne* qui est tracé d'une main très sûre. A l'heure qu'il est, où l'attention publique est de nouveau fixée sur la Russie[1], je m'imagine que le "Temps", p⟨ar⟩ e⟨xemple⟩, accueillirait volontiers "Luba". — Si vous êtes de mon avis, ne voudriez-vous pas en parler à Hébrard? Votre recommandation serait d'un grand poids auprès de lui — et je serais enchanté d'y ajouter la mienne. — Je connais assez votre complaisance pour ne pas douter que vous ne refuseriez pas à retoucher par-ci par-là le style. Ces retouches, du reste, ne seraient pas nombreuses. En un mot — lisez — et voyez ce qu'il y a à faire[2].

En attendant votre réponse, je suis très cordialement

tout à vous
Iv. Tourguéneff.

5347. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

20 апреля (2 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, $\frac{\text{2-го мая}}{\text{21-го[а] апр.}}$ 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Получил я Ваше большое письмо[1] с приложенными двумя копиями. — Прежде всего благодарю Вас за

[а] *Так в подлиннике.*

оказанное доверие; и постараюсь заслужить его тем, что дам Вам прямой и откровенный совет. Ваше письмо к М.М. С⟨тасюлевичу⟩[2] очень справедливо и логично; mais ce n'est pas opportun; а ведь это главное. Ст⟨асюлевич⟩ вовсе не такой человек, с которым следовало бы объясняться *до конца* (да это вообще дело щекотливое); Ваши отношения с ним должны носить характер практичности. — А потому мой совет: напишите ему коротенькое письмо, в котором Вы соглашаетесь на поименование одних начальных букв вместо полной фамилии[3]; что же касается до поправок, сошлитесь на меня. Не выставлять фамилии я, по зрелом размышлении, полагаю нужным, конечно, не из трусости, Вас недостойной; а просто для того[б], что при данном содержании повести читатель мог бы остаться совершенно — "unbefangen", как говорят немцы; — раз утвердившись на литературном поприще — Вы будете вольны поступать по благоусмотрению. Эдак Вы и перед собой не слукавите — и никого не потревожите. — Надеюсь, что Вы так и сделаете.

Я от Вашего брата получил очень хорошее и умное письмо[4], на которое непременно отвечу. — Я чувствую к нему искреннюю симпатию.

Я рад, что Вы хотя отчасти остались довольны моей фотографией[5].

Приятно мне знать, что Вы работаете. Не отвыкайте от пера; а там дело выяснится.

О себе скажу Вам, что я пока здоров; но душевное настроение плохо — и Вы, вероятно, поймете почему[6]. — Впрочем, в мои годы поневоле приходится жить со дня на день.

Кланяюсь Вашей матушке и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Russie. Gouvernement de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губ.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию Суходол, сельцо Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любовь Яковлевне Стечькиной.

[б] *Было*: потому

5348. Н.А. ЩЕПКИНУ

20 апреля (2 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 2-го мая / 21-го[a] апр. 79.

Любезный Николай Александрович,

Я Вам перед отъездом из Петербурга писал письмо, в котором просил Вас выслать Александру Васильевичу Топорову (С.-П⟨етер⟩б⟨ург⟩, Сергиевская ул., № 2) — 200 р. сер.[1]; — но он меня уведомляет, что до сих пор ничего не получал[2]. — Пожалуйста, распорядитесь этой высылкой.

Пока не имею ничего больше сказать Вам. — Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5349. А.В. ТОПОРОВУ

20 апреля (2 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 2-го мая / 21-го[a] апр. 79.

Любезнейший Топоров,

Память у меня до того что-то плоха стала, что я не знаю хорошенько, отвечал ли я на Ваше последнее письмо[1] — или нет? Во всяком случае имею сказать (или повторить) Вам, что Казанскую икону я получил, а "Петербургский листок" не получаю[2]. — Щепкину подтвердил, чтобы он немедленно выслал Вам 200 р.[3] — Материю на мёбель поставлю прочную. — Из газет я вычитал, что Савина занемогла[4]: надеюсь — несерьезно. — Поклонитесь ей от меня. Поклонитесь также добрым Самарским. — Здоровье мое — ничего, так себе; душевное настроение — незавидное[5]. — Недели через 2 или 3 выезжаю в Буживаль[6]; — но

---

[a] *Так в подлиннике.*

надо, чтобы сперва погода поправилась. — А то у нас — по календарю — май, а на деле — февраль.

Будьте здоровы; жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5350. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ

25 апреля (7 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi matin.

Mon cher ami,

Je viens vous remercier pour l'envoi de votre livre que je suis en train de lire en ce moment et qui me semble être une des meilleures choses que vous ayez faites. — La préface seule est déjà excellente — et cet avis, venant de vous, a une très grande autorité[1].

J'ai passé deux jours à Croisset — chez Flaubert[2]. Il va en somme assez bien — et son travail avance. Il m'en a lu trois chapitres qui m'ont beaucoup plu[3]. — Il marche encore avec difficulté et ne reviendra à Paris que dans un mois[4].

Mille amitiés et au revoir.

Ivan Tourguéneff.

5351. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

25 апреля (7 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi matin.

Mon cher vieux,

Les "sprotten" n'arrivent que dans une semaine; — en attendant je vous ai envoyé d'autres poissons suédois qui pourtant ne valent pas les "sprotten"[1]. — Les deux livres partent aujourd'hui[2] — et je verrai aujourd'hui votre nièce[3]. — Les 3 chapitres que vous m'avez lus m'ont fait le plus grand plaisir, surtout le 2-me et le 3-me[4]. — Travaillez ferme, remontez-vous le moral, et arrivez ici dès que vous le pourrez.

En attendant — je vais aussi tâcher de travailler[5], et je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5352. АЛЬФОНСУ ДОДЕ

25 апреля (7 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi, 7 mai 79.

Mon cher Daudet,

Cette lettre vous sera remise par un de vos grands admirateurs, un bon ami à moi, Mr H. Boyessen, jeune écrivain américain fort distingué[1]. — Il a la plus grande envie de vous connaître — et trouvant cette envie très naturelle, je lui procure le moyen de la contenter[2]. — Je ne doute pas que vous ne le receviez avec votre cordialité ordinaire — et je vous en remercie d'avance.

Je vous serre la main bien amicalement.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5353. РЕДАКТОРУ "LE GLOBE"

25 апреля (7 мая) 1879. Париж

Mercredi, 7 mai 1879.

Monsieur,

Je viens vous prier de vouloir bien démentir la nouvelle donnée par des journaux allemands et reproduite par le "Globe"[1]: je ne suis ni exilé, ni banni de Russie, et je ne compte pas l'être[2].

Agréez, monsieur, l'assurance de mes sentiments distingués[3].

Ivan Tourguéneff.

5354. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

26 апреля (8 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi mat.

Mon cher Albert,

Je crois en effet qu'il faut faire acheter la voiture n° 1 par Mr Michalon — au prix indiqué. Elle convient parfaitement.

Quant à l'examen du jeune "élève"[1] — je ne pourrais pas le faire aujourd'hui — car nous allons in corpore aux marionnettes de Holden[2] (à 1 heure); — mais voici ce que je vous propose: je déjeune demain à 12 $^1/_4$ chez le prince Orloff. — Voulez-vous que je vienne chez vous à 11 h.?[3] — Nous pourrions faire une excursion et vous me meneriez à l'hôtel de l'Ambassade.

Mille remercîments pour toutes vos complaisances — et mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

5355. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

29 апреля (11 мая) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dimanche matin.

Mon cher Albert,

Mettons que je n'ai rien dit — et occupons-nous d'achever l'éducation du cheval[1]. — J'abuse vraiment de votre bonté — mais je vous prierais de vouloir bien commander le harnais... Et puis le cocher!

Vous êtes aussi gentil que possible — et je vous serre cordialement la main.

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩
Iv. Tourguéneff.

5356. И.Я. ПАВЛОВСКОМУ

29 апреля (11 мая) 1879. Париж

Париж. Rue de Douai, 50.
Воскресение вечером.

Любезнейший Павловский,

Если Ваша жена не успела еще прочесть моего 3-го тома, то будьте так любезны, пришлите мне завтра же *перечень* его содержания[1], так как мне это нужно для совершения контракта.

Надеюсь — до скорого свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur I. Pavlovsky.
32, avenue d'Italie.
En ville.

5357. ПОЛИНЕ БРЮЭР

Апрель 1879. Париж

Chère Paulinette,

Voici *1000 fr⟨ancs⟩.* — C'est tout ce que je puis faire pour le moment. Tu recevras les autres 1000 fr⟨ancs⟩ vers le 15 mai.

Avec les 4000 fr⟨ancs⟩ que j'aurai à payer le 1-er décembre à Mme Innis[1] — c'est *10 000 fr⟨ancs⟩* que tu auras reçus dans le courant de l'année. C'est beaucoup plus que je ne puis faire à l'avenir.

Je t'embrasse ainsi que tous les tiens.

Iv. Tourguéneff.

5358. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

2 (14) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 14/2-го мая 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Посылаю Вам подписанные сметы[1] — и могу сказать только одно: благодарю Вас от души! — Но из Вашего письма вижу, что последнее мое к Вам письмо[2] *пропало* — ибо я *ни одного Вашего не оставлял без ответа* — а в последнем моем я между прочим спрашивал Вас о *портрете* (вполне соглашаясь с Вашей мыслью поместить его на обертке). — Какую Вы для этого употребите фотографию — ту ли, которую сделал Деньер — или ту, по которой будет заказан портрет в Лейпциге для будущего салаевского издания? (*Эта* фотография еще не сделана.) Я полагал в моем письме, что можно удовлетвориться дениеровской[3]. — Но Вы на это, как на все, до меня касающееся, имеете carte blanche.

Надеюсь, что по крайней мере *это* письмо дойдет.

Здоровье мое недурно; надеюсь, что и Ваше также хорошо — крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

6.V.79

6.V.79

235.

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Середа, 14/2 Мая 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

получилъ Ваше неожиданное сообщение и могу сказать только одно: благодарю Васъ отъ души! — Но изъ Вашего письма вижу, что последнее мое къ Вамъ письмо пропало — ибо я ни одного Вашего не оставлялъ безъ ответа — а въ последнемъ моемъ я между прочимъ спрашивалъ Васъ о портрете (Вы ведь согласились съ моей мыслью поместить его на обертке). — Какую же для этого употребить фотографию, которую сделалъ Левицкий — или ту, по которой Сулер заказалъ портретъ въ Лейпциге для будущаго Салаевского издания? (Эта фотография еще не сделана.) Я полагаю мне лучше что могу удовлетвориться Левицкою — но впрочемъ, какъ во всё до меня касающееся — даю Вамъ carte blanche.

Надеюсь что по крайней мере это письмо дойдетъ. —

Здоровье мое не дурно; надеюсь что и Ваше такъ же хорошо — крепко жму Вамъ руки и кланяюсь.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ
от 2 (14) мая 1879 г.

5359. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

4 (16) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница утр.

Любезнейший Чивилев,

Мне очень нужно знать, уезжаете ли Вы с Трубецкими[1] — и передаете ли здешние Ваши уроки?[2] — Пожалуйста, заходите ко мне на минутку завтра утром. — Буду ждать Вас.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur B. Tchivileff.
15, Rue de Surène
(près de la Madeleine).
En ville.

5360. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

4 (16) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница утром.

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

Фамилия г. Паевского совсем выскочила у меня из памяти — так что, когда он пришел — я и не подозревал, что это от *Вас* он являлся. Если б он это сказал моему человеку, я бы тотчас его принял. — Но беду эту поправить легко. — Я написал Чивилеву[1] — но ответа от него еще не получил — однако во всяком случае в *воскресение* я буду знать, в чем дело; — и потому, если г. Паевский потрудится прийти ко мне в воскресение часу в 12-м — мы с ним поговорим обо всем[2].

Передайте ему это и примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de la poste restante
de la Rue du Cardinal-Lemoine.
Paris.

5361. ВИКТОРУ ГЮГО

4 (16) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi, 16 mai 79.

Illustre maître!

Ce petit mot vous sera remis par un ami à moi, M. H. Boyesen[a], un écrivain américain de beaucoup de talent — et, est-il bien nécessaire de l'ajouter — un de vos plus fervents admirateurs. Un des principaux éditeurs de son pays natal l'a chargé d'écrire un article sur vous qui serait accompagné d'illustrations[1]. Il ose espérer que vous voudrez bien mettre votre autographe au bas d'un portrait qu'il apportera; il désirerait en même temps savoir où il pourrait se procurer une photographie soit de votre résidence à Guernesey — soit de votre cabinet de travail?[2] Je me suis permis de promettre à M. Boyesen[a] que vous le recevriez avec cette bonté affable qui est un des traits distinctifs de votre génie — et tout en vous remerciant d'avance de votre accueil[3], je vous prie de vouloir bien recevoir l'hommage de mon plus profond respect.

Ivan Tourguéneff.

5362. И.Я. ПАВЛОВСКОМУ

4 (16) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница.

Любезнейший Павловский,

Прилагаю желаемый аттестат[1], только не помню хорошенько, на каком языке должен был я написать его? — Если на французском — то дайте мне знать — и я немедленно доставлю[2]. — От брата нет известий?[3]

Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur I. Pavlovsky.
32, Avenue d'Italie.
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.

---

[a] *Фамилия Бойесена написана на французский манер*: Boyessin

5363. РЕКТОРУ КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

4 (16) мая 1879. Париж

Его п⟨ревосходительст⟩ву
г-ну ректору Университета Св. Владимира.

Париж. 50, Rue de Douai.
16/4-го мая 1879 г.

Милостивый государь,

Я только на днях получил копию с определения Совета Киевского университета об избрании меня почетным его членом, а вслед за тем и самый диплом[1]. Позвольте, многоуважаемый господин ректор, обратиться к Вам с просьбою передать Совету выражение моей глубочайшей благодарности. В ряду тех изъявлений одобрения и сочувствия, которыми я был осчастливлен в течение моей последней поездки в Россию[2] — *Ваше* занимает одно из первых мест — и полученный мною диплом будет мною навсегда храниться как драгоценный памятник духовной связи, существующей между лучшими моими согражданами и мною. Я не ожидал *такого* венца моей литературной карьере: тем более я им обрадован и тем сильнее моя благодарность. Мои труды не были напрасны: они оценены и признаны людьми, подобными Вам, честными служителями просвещения и науки — и я могу воскликнуть вместе с Шиллером:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt —
Der hat gelebt für alle Zeiten![3]

Примите, многоуважаемый г-н ректор, изъявление глубокого уважения

преданного Вам
Ив. Тургенева.

5364. А.Ф. ПИСЕМСКОМУ

5 (17) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
17/5-го мая 1879 года.

Любезнейший Алексей Феофилактович!

Виноват, что давно не отвечал вам: отвык я совсем от пера[1]. С г. Дерели я виделся уже три раза: мы проходили вместе с ним места в вашем романе, которые представляли ему затруднения[2]. — Он очень порядочный малый, французским языком владеет вполне, русский понимает, — питает великое к вам уважение; но задачу он взял на себя больно трудную, и перевод подвигается весьма медленно. — Я и вперед готов ему помогать и, если будет возможно, постараюсь поместить

в каком-нибудь фельетоне переведенного им "Капитана Рухнева"[3]. Время только теперь неудобное: в большом мы, русские, теперь загоне и пренебрежении у г-д французов.

Я пока еще в Париже — но, как только позволит погода, перееду в Буживаль[4]. Плотью я довольно бодр — но духом очень немощен; состарился я окончательно — и как-то очень стал ко всему равнодушен.

Надеюсь, однако, что вы бодрее меня и работаете[5].

Поклонитесь от меня вашей супруге и вашему сыну: он все еще не замышляет жениться? Пора.

Крепко жму вашу руку и остаюсь

душевно вам преданный
Ив. Тургенев.

5365. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

1 (13) или 8 (20) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mardi. 5 h. $^{1}/_{2}$.

Mon cher Albert,

Je reviens de Bougival, où j'ai fait une petite *excursion*. Décidément je suis extrêmement content du cheval — et je crois que je le serai du cocher. — C'est une excellente bête (le cheval, pas le cocher) — douce comme un matin et d'un très *bon modèle*, comme dit Hublot. — Vous seriez... non, vous continueriez d'être les plus aimables des hommes — vous et Pierre, si vous pouviez dans la matinée de demain m'envoyer les objets suivants que demande Fleuri[1]:

a.) une chèvre,
b.) un tréteau,
c.) une paire de ciseaux,
d.) un peigne en cuir
et e.) un paletot en caoutchouc.

Je demande tout cela (dans tous les cas les 4 premières choses) pour demain, car notre blanchisseur de Bougival vient demain dans la journée avec sa cariole — et il pourrait remporter tout cela. — Et mon argent qui brûle de sortir de ma poche! — Dans tous les cas, il faut payer Hublot.

Encore une fois — merci — pour le passé, le présent et l'avenir — et mille amitiés pour vous et tous les vôtres.

Votre dévoué
Iv. Tourguéneff.

5366. Г.О. ГИНЦБУРГУ

11 (23) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 23-го мая 79.

Любезнейший друг,

Наше музыкально-литературное утро состоится во *вторник*, в 3 часа, в Rue de Douai, 50[1]. — Завтра я, с Вашего позволения, доставлю Вам 30 билетов и программы[a, 2]. Кстати, не возьмет ли банкир Эфрусси? — Я с ним лично не знаком — но, может быть, Вы замолвите слово.

Крепко жму Вам руку.

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

5367. А.Ф. ОНЕГИНУ

11 (23) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 23-го мая 79.

Любезный Александр Федорович,

Во вторник, в 3 часа, в Rue de Douai, 50, происходит музыкально-литературное утро в пользу здешних неимущих русских[1]. — Г-жа Терещенко выразила г-же Виардо желание взять несколько билетов для себя и для своих знакомых. — Будьте так добры, дайте знать, сколько именно — и я привезу их к ней вместе с программами.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur A. Onéguine,
chez Mme Terestchenko.
78, Boulevard Malesherbes.
En ville.

[a] и программы — *вписано над строкой.*

MATINÉE
LITTÉRAIRE ET MUSICALE
AU PROFIT DES INDIGENTS RUSSES A PARIS
AVEC LE CONCOURS DE
Mme PAULINE VIARDOT, Mlle MARIANNE VIARDOT
MM. DIÉMER, PAUL VIARDOT
ET TOURGUÉNEFF
Mardi 27 Mai, à trois heures précises
50, RUE DE DOUAI, 50
No 75
PRIX : 15 FRANCS
Typ. G. Chamerot.

БИЛЕТ НА ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОЕ УТРО,
УСТРОЕННОЕ И.С. ТУРГЕНЕВЫМ
В ПОЛЬЗУ НЕИМУЩИХ РУССКИХ В ПАРИЖЕ
15 (27) мая 1879 г.

5368. Г.О. ГИНЦБУРГУ

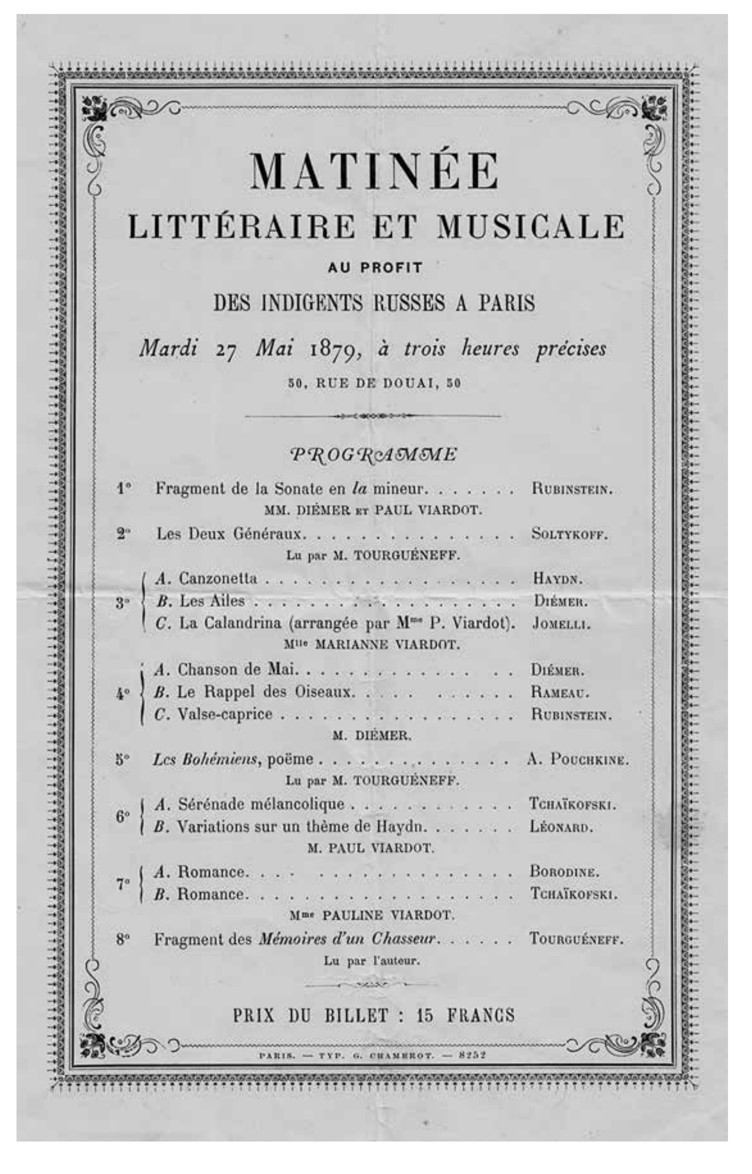
12 (24) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота утр.

Вот, любезнейший Гораций Осипович, обещанные 30 билетов и программы[1]. В случае, если пожелаете больше, дайте знать.

Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

MATINÉE

LITTÉRAIRE ET MUSICALE

AU PROFIT

DES INDIGENTS RUSSES A PARIS

Mardi 27 Mai 1879, à trois heures précises

50, RUE DE DOUAI, 50

PROGRAMME

1° Fragment de la Sonate en *la* mineur. . . . . . . RUBINSTEIN.

MM. DIÉMER ET PAUL VIARDOT.

2° Les Deux Généraux. . . . . SOLTYKOFF.

Lu par M. TOURGUÉNEFF.

3° *A*. Canzonetta . . . . HAYDN.

B. Les Ailes . . . . DIÉMER.

C. La Calandrina (arrangée par Mme P. Viardot). JOMELLI.

Mlle MARIANNE VIARDOT.

4° *A*. Chanson de Mai. . . . . DIÉMER.

B. Le Rappel des Oiseaux. . . . . RAMEAU.

C. Valse-caprice . . . . RUBINSTEIN.

M. DIÉMER.

5° *Les Bohémiens*, poëme . . . . A. POUCHKINE.

Lu par M. TOURGUÉNEFF.

6° *A*. Sérénade mélancolique . . . . TCHAÏKOFSKI.

B. Variations sur un thème de Haydn. . . . . . LÉONARD.

M. PAUL VIARDOT.

7° *A*. Romance. . . . . BORODINE.

B. Romance. . . . . TCHAÏKOFSKI.

Mme PAULINE VIARDOT.

8° Fragment des *Mémoires d'un Chasseur*. . . . . TOURGUÉNEFF.

Lu par l'auteur.

PRIX DU BILLET : 15 FRANCS

PARIS. — TYP. G. CHAMEROT. — 8252

ПРОГРАММА ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО УТРА,
УСТРОЕННОГО И.С. ТУРГЕНЕВЫМ
В ПОЛЬЗУ НЕИМУЩИХ РУССКИХ В ПАРИЖЕ
15 (27) мая 1879 г.

5369. П.Н. ТУРГЕНЕВУ

13 (25) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dimanche matin.

Mon cher Pierre,

Il me vient à l'esprit que vous auriez à faire un grand détour pour venir me chercher demain matin; il me semble plus rationnel que j'aille chez vous. — Aussi vous prie-je de m'attendre demain à *8 $^1/_2$ h. précises.* — Nous partirions aussitôt pour Bougival[1].

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

На конверте: Monsieur Pierre Tourguéneff.
97, Rue de Lille.
En ville.

5370. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

13 (25) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dimanche matin.

Mon cher vieux,

J'ai besoin d'avoir de vos nouvelles. — Faites-moi savoir: 1°) Si vous avez *quelque chose* à me dire? Une *amélioration*, s'est-elle produite dans vos affaires?[1] — 2°) Comment va la santé? le travail?[2] — 3°) Venez-vous à Paris et quand?[3] — A partir de vendredi je suis à Bougival. J'ai une chambre à vous y offrir. L'air est bon là-bas et il y a de grands divans sur lesquels on peut s'étendre de tout son long[4]. Mais écrivez vite[5]. — En attendant, je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5371. С.Л. КЛЯЧКО

14 (26) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник утр.

Любезный г. Клячко,

Посылаю Вам обратно два письма Павловского — Вы правы: тут никого винить да и помочь никому нельзя. — Сама жизнь это распутает... Будем надеяться, что ничего не оборвется[1].

Посылаю Вам также бесплатный[a] билет на завтрашнее утро и программу[2]. Продажа билетов — удовлетворительная.

Жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5372. АЛЕКСАНДРУ ГЕССЕ (?)

14 (26) мая 1879. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
d. 26. Mai 79.

Mein Herr,

Mit Vergnügen erfülle ich Ihren Wunsch, in dem ich Ihnen diese Zeilen zusende[1].

Achtungsvoll,
Iwan Turgénjew.

На конверте: *Autriche.*
Herrn Alexander Hesse
in *Graz.*
(Steiermark.)
Schlöglgasse[a], 3.

5373. А.П. БОГОЛЮБОВУ

15 (27) мая 1879. Париж

Посылаю Вам еще 5 билетов и 15 программ[1], любезнейший Алексей Петрович — сомневаюсь, чтобы Вы могли их поместить, но Аллах велик, а Ваша доброта бесконечна.

Вторник утром.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] бесплатный — *вписано над строкой.*

[a] *Так в подлиннике.*

5374. П.П. ВАСИЛЬЕВУ

17 (29) мая 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
29/17-го мая 1879.

Милостивый государь Петр Петрович!

Я на днях получил Ваше письмо[1] — и могу только благодарить за выраженное Вами сочувствие к моим литературным трудам. — Мне пришлось получить довольно много подобных изъявлений в последнее время[2] — и они, конечно, составляют лучшую награду за все то, что я мог сделать на пользу родной словесности.

Что же касается до заграничного издания "Записок охотника"[3] — то оно, конечно, существует — но ввоз его в Россию запрещен, так как это — контрабанда, приносящая мне существенный вред. Если б это издание проникло в Россию, то оно сделало бы невозможным стереотипное (дешевое) издание "З⟨аписок⟩ о⟨хотника⟩"[4] — которое я затеваю и которое должно явиться, окончательно исправленное и просмотренное, в августе или сентябре месяце.

Засим прошу Вас принять уверение в совершенном уважении

Вашего покорного слуги
Ив. Тургенева.

5375. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

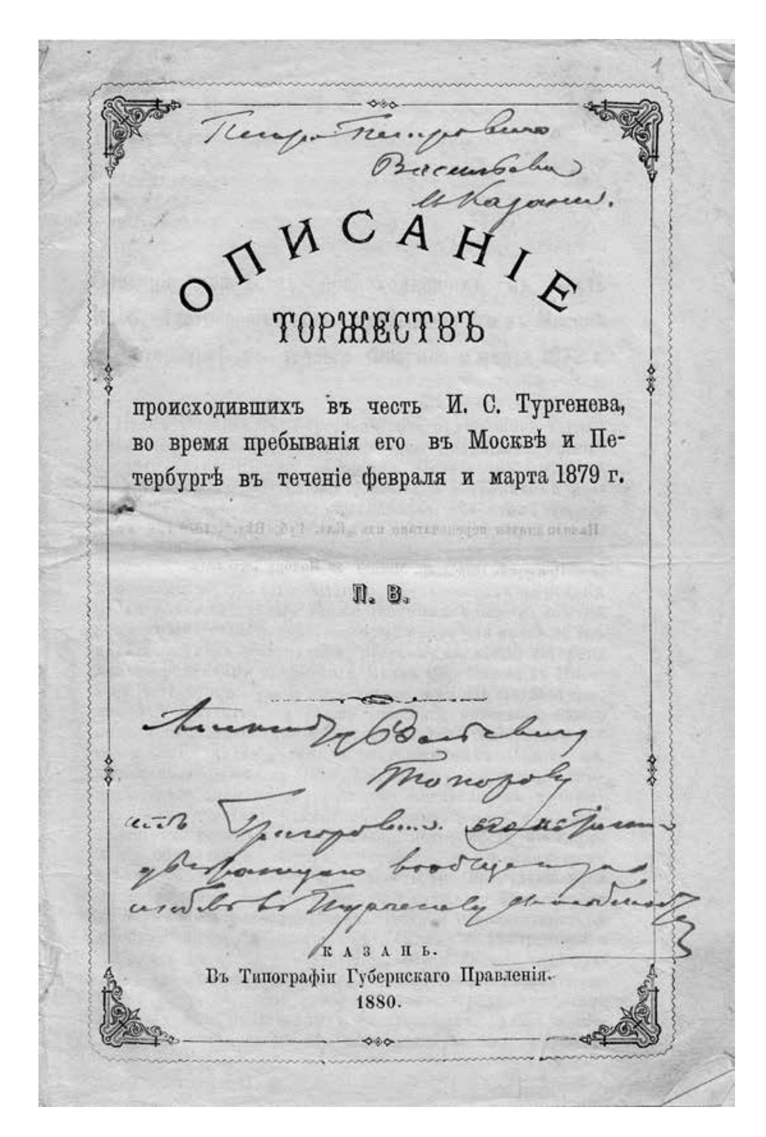
17 (29) мая 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Четверг, 29/17-го мая 1879.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Отвечаю на Ваше письмо от 6/18-го мая[1]. Очевидно, что одно мое письмо затерялось[2]; — но Господь с ним! — В том, которое Вы получили[3], я, вероятно, неясно выразился: я хотел сказать, что *та фотография*, с которой будет сделан портрет для *салаевского* издания, еще не существует[4]; — а пакет с фотографиями Дениера я получил — (за что благодарю) — и Вы с *этой* закажете клише для обертки[5].

От наследников Салаева я уже получил первую уплату — довольно крупный куш — 8000 р. с. [6] — и в условии

ОПИСАНІЕ

ТОРЖЕСТВЪ

происходившихъ въ честь И. С. Тургенева, во время пребыванія его въ Москвѣ и Петербургѣ въ теченіе февраля и марта 1879 г.

П. В.

КАЗАНЬ.
Въ Типографіи Губернскаго Правленія.
1880.

БРОШЮРА П.П. ВАСИЛЬЕВА О ТУРГЕНЕВСКИХ ТОРЖЕСТВАХ
В МОСКВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ
С дарственной надписью Д.В. Григоровича А.В. Топорову

сказано — что неуплата денег в один из сроков — немедленно уничтожает все прежние, которые остаются в мою пользу — и контракт нарушается[7]. — Прилагаемый портрет также до некоторой степени обеспечивает меня в том, что они не напечатают лишних экземпляров[8].

Примите еще раз выражение моей благодарности за способ уплаты расходов по стереотипному изданию "З⟨аписок⟩ о⟨хотника⟩"[9] — и вообще за все и за вся! — На помещение биографического очерка, разумеется, согласен[10]. — Что же касается до хронологического порядка "З⟨аписок⟩ о⟨хотника⟩" — то могу сказать только, что они в нем приблизительно расположены — но точного года отдельных очерков не помню. — Первый очерк, "Хорь и Калиныч", был написан в 1846-м — а последний — "Живые мощи", в 1876-м. Но, собственно, все они были написаны между 1840-м и 1851-м[11].

Здоровье мое весьма удовлетворительно. На днях переезжаю в Буживаль[12] — но адрессуйте Ваши письма в Rue de Douai, 50, по-прежнему. — В Лондон я не поеду[13].

Кланяюсь всем Вашим — и крепко-накрепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Кстати, ведь Вы не печатаете переводов ученых статей в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩"? У меня есть отлично сделанный перевод на русский яз. — большого биографически-критического предисловия к "Д⟨он⟩-Кихоту" — моего приятеля Л. Виардо[14].

5376. А.В. ТОПОРОВУ

17 (29) мая 1879. Париж

Париж.
Четверг, 29/17-го мая 79.

Любезный Александр Васильевич,

Отвечаю Вам только сегодня на Ваше письмо от 13/1-го мая[1] — и прошу извинить мою леность. — А.Н. Мухортовой напишу непременно на днях[2]. — А у Савиной, видно: с глаз долой — вон из памяти. — Получил я "Русский архив", "Русскую старину", "Петербургский листок", а сегодня пришла "Древняя и новая Россия". За все это благодарю искренне.

Кстати, не знакомы ли Вам издатели, книгопродавцы, которые согласились бы напечатать перевод — либо Фламмариона "Популярную астрономию" (с французского) — либо Секки "Физическую географию" (с италиянского), или Де Амичис "Путешествие в Испанию" (тоже с италиянского) — книги самые новые и интересные[3]. Я слыхал об издателях Пантелееве и Билибине[4], которые именно такие книги печатают. Справьтесь и дайте знать. Есть у меня также отличный перевод биографически-критического предисловия к "Д⟨он⟩-Кихоту" Л. Виардо, вещь классическая[5].

Здоровье мое удовлетворительно; скоро переезжаю в деревню, в Буживаль[6]. Но адресс остается прежний. — Телом-то я туда-сюда — но на душе такая дрянь, что и сказать нельзя.

Поклонитесь всем хорошим знакомым — Самарским, Гайдебуровым. — Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5377. Н.А. ЩЕПКИНУ

17 (29) мая 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Четверг, 29/17-го мая 79.

Любезнейший Николай Александрович,

Сейчас получил я Ваше письмо — и немедленно отвечаю[1]. Вполне согласен со всем, что Вы пишете — и прилагаю один экземпляр, присланный г. Черносвитовым с подписанным моим согласием[2].

Благодарю Вас за исполнение моих комиссий; — денег же мне теперь долго не будет нужно — и поэтому Вы об этом не заботьтесь[3].

Разрешаю Вам поправку крыши на богадельне[4] — точно так же как и все другие поправки, которые Вы признаете нужными.

Надеюсь, что мы наконец развяжемся с плутом Волновым[5]; — а долговское дело пусть идет своим порядком — авось когда-нибудь и оно приведется в ясность[6].

Здоровье мое удовлетворительно. Хотя я на днях переезжаю в Буживаль[7], но продолжайте адрессовать мне письма в Rue de Douai.

Кланяюсь всем Вашим и желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5378. П.В. АННЕНКОВУ

18 (30) мая 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
30-го мая 1879.

Любезный друг Павел Васильевич, пишу Вам в Баден-Баден[1], так как Вы должны теперь уже находиться под кровом добродетельной г-жи Анштетт, которой прошу передать мой дружеский поклон. В неисполнении комиссии насчет Масперó я, точно, виноват[2]; но другую комиссию (насчет Маслова) — я — во время моего пребывания в Москве — исполнил в точности — получил ответ утвердительный и выслушал обещание написать Вам — с полнейшей, однако, недоверчивостью — ибо феноменально-беспримерная лень Ивана Ильича мне слишком известна — и добиться от него какого-либо ответа так же трудно, как добыть молока от козла[3]. Не будь он так добродушен — многие могли бы принять эту лень за всесовершеннейший эгоизм... и едва ли бы ошиблись.

Вы, друг, желаете знать, что я делаю — и что намерен делать?[4] Извольте. — Прежде всего доложу Вам, что я, слава богу, здоров; собираюсь переехать на дачу в Буживаль[5] — и давно бы переехал, если бы не гнусная погода; вожусь, скрепя сердце и стиснув зубы, с пересмотром нового, запроданного мною, собрания моих сочинений...[6] Работа столь же гнусная, как и погода! — В Лондон, несмотря на приглашение — не поеду — ибо роль моя там была бы во всех отношениях мизерабельна[7]. — Дальше вперед не заглядываю — и, как все мы, с мучительной тоской, прислушиваюсь и приглядываюсь ко всему, что совершается теперь на Руси[8]. Вот и всё.

Здешние мои все благоденствуют и Вам кланяются.

Арапетов на днях сюда прибыл.

Всё, что Вы говорите о Зола[9] и Гонкурах[10] — умно, как день.

Прочтите недавно вышедшую здесь книгу — "Jacques Vingtras" — de Jean La Rue (псевдоним Жюля Валлеса, коммюнара)... Замечательная вещь![11]

Во Франции только загорается битва между республикой (правильнее: революцией) — и клерикализмом (правильнее: церковью). Битва эта будет продолжаться долго... мы с Вами, во всяком случае, конца ее не увидим. Беда в том, что на одной стороне — все вооружены одним и тем же духом — а на другой — рознь. — И мы именно в том лагере — где эта рознь[12].

Ну а засим — прощайте. Целую Ваших милых деток, кланяюсь Вашей жене и Вас обнимаю.

Ваш

Ив. Тургенев.

5379. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

20 мая (1 июня) 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.

Воскресение, $\frac{\text{1-го июня}}{\text{20-го мая}}$ 1879.

Милый друг Яков Петрович,

Отвечаю на твое письмо[1] по пунктам, чтобы ничего не забыть.

Во-1-х). Я здоров, хотя сегодня ночью чуть не окачурился от судорог в сердце[2] — в Буживаль еще не переехал, так как погода стоит архипоганейшая; но как только солнце выглянет, немедленно туда махну[3]. Тамошний мой адресс: Bougival, près Paris, Les Frênes (Seine-et-Oise).

Во-2-х). Никаким художеством (ни литературным, ни каким другим) я не занимаюсь — но вожусь с переправкой моего издания для Салаева... препротивная работа![4]

В-3-х). В Лондон на Интернациональный литературный конгресс не еду, несмотря на приглашение[5] — и вообще никаких планов не делаю — и вперед не заглядываю.

В-4-х). Блузу непременно тебе вышлю! Уж как мне досадно, что я ее тебе тогда не дал![6]

В-5-х). В Буживале в свободное время прочту твой роман от доски до доски — и мненье свое сообщу аккуратно и искренне[7]. "Современную глушь" тоже прочту[8].

В-6-х). Желаю тебе всяческой пользы от твоего пребывания на Эзеле[9] — и радуюсь твоему намерению заниматься живописью. Помни: в пэизажах не вдавайся в отделку деталей на немецкий манер — а обращай больше внимания на гармонию масс[10].

В-7-х). Что касается до стихотворения, посвященного мне — то я все-таки прошу тебя его не печатать — или не выставлять моего имени. Да и в самом деле — на что имя? Это нисколько не уменьшит достоинства стихотворения "К ***"[11]. А там пускай догадываются. Я был бы очень счастлив, если б обо мне совсем перестали упоминать.

Ну вот, кажется, все. Поклонись от меня, во-первых, твоей милой жене — а во-вторых, всем хорошим знакомым. Обнимаю тебя.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

5380. А.В. ТОПОРОВУ

20 мая (1 июня) 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
1-го июня / 20-го мая 1879. Воскресение.

Любезнейший Александр Васильевич,

Из посланного мною к Вам третьего дня письма[1], которое Вы теперь уже, вероятно, получили, Вы увидели, что я не болен — а, по обыкновенью — ленился. — Нового я ничего не имею сказать, но прошу Вас написать мне немедленно: как зовут Семевского по имени и отчеству — и Вашу племянницу как?[2] — Это необходимо — и как только я получу эти сведения — напишу тотчас письмо, которое отправлю по Вашему адрессу. — Вы в Петербурге говорили мне о Вашей племяннице — но Вашего письма от *21 апр⟨еля⟩ я не получал*[3].

По причине сквернейшей погоды я в Буживаль еще не переехал[4] — и потому прошу Вас адрессовать свои письма по-старому, Rue de Douai, 50.

Ну а что же дело с моей картиной?[5] Справьтесь, пожалуйста. — Я начинаю думать, что мои деньги так и пропадут. — Не знаю, писал ли я Вам, что я уполномачиваю его (т.е. Беггрова) продать и другую картину[6] — хотя пример первой меня не особенно поощряет.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5381. И.Я. ПАВЛОВСКОМУ

22 мая (3 июня) 1879. Париж

50, Rue de Douai.
Вторник.

Любезный Павловский,

Я виноват, что не отвечал Вам[1] — не вследствие какого-либо неудовольствия — а просто по забывчивости.

К сожалению, в эту минуту для г. Гольденберга[2] ничего сделать нельзя. — У меня таких денег нет, из кассы ссуд[3] он уже занял 50 фр., что лишает его возможности воспользоваться поступившими деньгами от чтения[4] — у богатых моих приятелей я на днях позаимствовал порядочно для других русских неимущих; остается ему подождать.

Кн. Урусову всегда можно застать около *6 часов.* — Обедает она в 7. Зовут ее Марьей Сергеевной[5].

Я познакомился с Чайковским[6]. Он мне понравился.

Луканина обещается на днях принести перевод Вашей вещи[7].

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur I. Pavlovsky.
32, Avenue d'Italie.
En ville.

5382. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

24 мая (5 июня) 1879. Париж

Gustave Flaubert, 240, Faubourg St-Honoré, Paris. — Dimanche pour sûr, demain passerai vers quatre heures[1]. Tourguéneff.

5383. П.В. АННЕНКОВУ

26 мая (7 июня) 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 7-го июня 79.

Любезнейший друг Павел Васильевич, со мной случилось именно то "необыкновенное происшествие", о котором говорят Бобчинский и Добчинский в "Ревизоре"[1]. — А именно: я получил известие, что Оксфордский

университет намеревается произвести меня в "доктора естественного права" — "Doctor of Common Law"[2]. — Эту честь я, между прочим, буду разделять с Блюхером после 1815-го г.[3] Разумеется, я принял с благодарностью — и так как это событие совершается 18-го июня — то я выезжаю из Парижа (т.е. из Буживаля, куда мы завтра переезжаем) — а вернусь неделю спустя[4]. — В письме из Оксфорда сказано, что это воздаяние за мои труды по освобождению крестьян ("Записки охотника" и т.д.). Я счел долгом сообщить Вам, как старейшему и лучшему моему другу — этот курьезный факт[5]. — Вот что значит долго жить: до всего доживешь. Что-то скажет теперь Стасов, который уверяет, что за границей обращают внимание на таких писателей, на которых "мы, русские", даже плюнуть не хотим? — На этот раз он, вероятно, удостоит: плюнет[6].

Я Вам уже писал в Баден-Баден[7]; получили ли Вы мое письмо? Дайте весточку о себе и о своих[8]. Здешние все здоровы и кланяются Вам; а я Вас обнимаю.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5384. И.Я. ПАВЛОВСКОМУ

26 мая (7 июня) 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота.

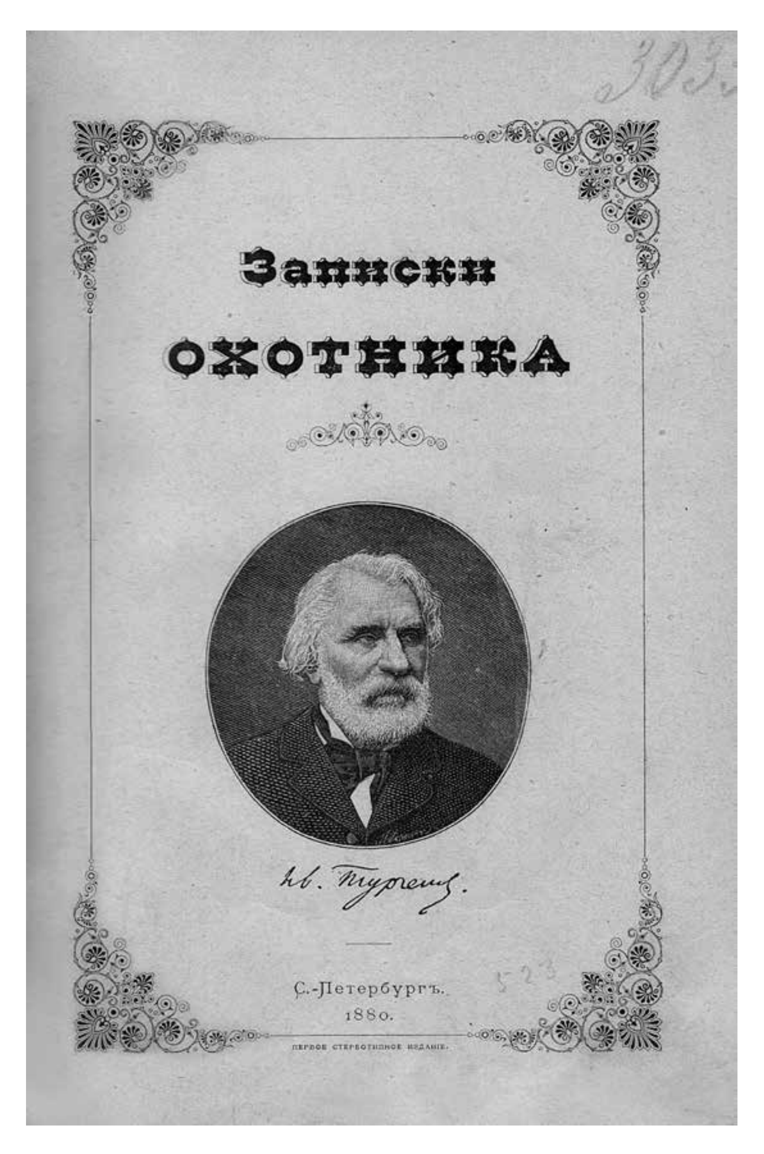
Любезный Павловский,

Мне нужен экземпляр "Нови", который Вы у меня взяли[1]. — Занесите его завтра поутру, когда можете. — Кстати, поболтаем.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur I. Pavlovsky.
32, Avenue d'Italie.
En ville.

ПЕРВОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНИЕ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»
(СПб., 1880). Обложка

5385. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

27 мая (8 июня) 1879 (?). Париж

Mon cher Albert,

Vous êtes gentil comme tout. — Si vous le voulez bien, j'irai chez vous aujourd'hui vers *trois* heures (je serai dans votre voisinage) — ou bien alors j'irai mardi vers *11 h.*[1] — Si vous devez sortir, ne vous gênez pas pour aujourd'hui — je vous répète que je serai dans tous les cas dans votre voisinage.

Tout à vous
Iv. Tourguéneff.

5386. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

27 мая (8 июня) 1879 (?). Париж

50, Rue de Douai.
Dimanche.
1 h.

Mon cher Albert,

A peine votre envoyé était-il parti, que je me suis rappelé que j'étais engagé pour 3 h. aujourd'hui. — Je ne pourrai donc venir chez vous qu'après demain vers *11 h.* $^1/_2$. — Excusez cet embrouillamini — et recevez un cordial shake hand

de votre
Iv. Tourguéneff.

5387. С.Л. КЛЯЧКО

28 мая (9 июня) 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Понедельник утр.

Любезнейший г. Клячко,

Извините меня, пожалуйста, в том, что я Вам еще не послал письма к Гюнцбургу: — Вы его получите *завтра* — а пойдете к нему в *середу* утром[1], так как я завтра вечером его увижу и приготовлю его[2]. — Вы, как придете, попросите передать ему письмо лично. — Оно будет завтра у Вас в руках.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5388. С.Л. КЛЯЧКО

29 мая (10 июня) 1879. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Вторник.

Любезнейший г. Клячко,

С прилагаемым письмом явитесь *завтра*, *в середу*, к г. Гинцбургу — и если его не застанете — то оставьте Ваш адресс. — Я не сомневаюсь, что он пошлет за Вами и обратит внимание на мою рекомендацию[1].

Желаю Вам успеха и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5389. ЭРНЕСТУ РЕНАНУ

24 марта (5 апреля) — 29 мая (10 июня) 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Cher Monsieur Renan,

La présente lettre vous sera remise par Mr H. Boyesen[1], écrivain américain très distingué, qui est venu en Europe avec l'intention d'étudier les Universités des différents pays — et d'en faire l'objet d'un ouvrage spécial[2]. Sans parler de son désir bien naturel de faire la connaissance d'un homme tel que vous, je me suis permis de lui promettre que vous auriez la bonté de lui fournir quelques indications précieuses sur le mode de renseignements qu'il a à prendre — et qu'il trouve plus difficiles à obtenir ici qu'en Italie ou en Allemagne[3]. — J'espère que vous le recevrez avec votre bienveillance ordinaire et vous prie en même temps de recevoir l'assurance de mes sentiments sympathiques et respectueux.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

5390. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

29 мая (10 июня) 1879. Париж

50, Rue de Douai.
Mardi, 4 h.

Mon cher Albert,

Depuis que je vous ai vu voici ce qui est arrivé. — Mon ami H. Gunzbourg a une ânesse de 5 ans qui est une merveille de

beauté! Seulement comme il l'avait achetée pour avoir du lait — il y a un an qu'on ne l'a attelée. — Elle a l'air fier comme un Empereur! — Je crains qu'elle ne soit trop vive. — Aussi voici ce que j'ai fait. Je suis allé chez Blondé, j'ai payé la voiture — il l'enverra demain chez Gunzbourg avec un harnais provisoire. Le cocher de G⟨unzbourg⟩ essayera l'ânesse — et si elle est douce (comme il le prétend) — je la prendrai — et je commanderai un harnais définitif. — Je crois devoir vous dire tout cela, pour que vous ne fassiez plus de démarches — jusqu'à nouvel avertissement[1]. — Cette ânesse tient ses oreilles comme un cerf — comme cela:

Elle est d'un beau gris de fer. Enfin — la mariée est trop belle!

Mille amitiés et remercîments.

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩
J. Tourguéneff.

5391. ГЕНРИ ДЖЕЙМСУ

30 мая (11 июня) 1879. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Wednesday, June 11th, 79.

My dear Mr James,

Ralston has not told you all[1]: I go to Oxford because the University does me the unexpected honour of making me a D. C. L.[2] — the promotion will take place on the 18th: in a week[3].

I leave Paris Sunday evening: I come to London Monday — and leave it the same day for Oxford — or Tuesday very early[4]. I have the greatest desire of seeing you myself; but I still don't know to what hotel I shall go[5] — but as soon as I'll come to London — Monday in the morning — I'll send you a

telegram[6]. On my way back from Oxford I will stop only two days at London — and we could then have a quiet dinner on *Friday the 20th*[7]. I am obliged to be in Paris Sunday the 22d.

"A bientôt" in every case and believe me

yours very truly,
Iv. Tourguéneff.

5392. С.Л. КЛЯЧКО

31 мая (12 июня) 1879. Париж

50, Rue de Douai.
Четверг.

Любезнейший Клячко,

Приходите ко мне в субботу — около 11 часов (я в воскресение уезжаю в Англию[1]). — Вас Гинцбург не принял — и, увы! несмотря на мою рекомендацию — не примет... Я Вам объясню почему[2].

До субботы — а пока жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5393. Г.О. ГИНЦБУРГУ

31 мая (12 июня) 1879. Буживаль

Буживаль. Les Frênes.
Четверг, 12-го июня 79.

Любезнейший Гораций Осипович,

Я сегодня условился с Вашим главным кучером, что я пришлю за ослицей моего кучера в понедельник утром. — Остается мне поблагодарить Вас и узнать, сколько я Вам должен за это прекрасное животное? Дайте мне знать в Rue de Douai, 50 — а деньги я пришлю с кучером — а также и Вашему груму за его хлопоты[1].

Что же касается до Клачко — то, разумеется, я не смею настаивать[2]. А человек он хороший.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5394. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

31 мая (12 июня) 1879. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Thursday, 12 June 79.

My dear friend,

I will leave Paris on Sunday in the evening with the Calais train — and arrive in London Monday morning[1]. — I'll go probably to the Paddington Station Hotel[2] — but I'll send you immediately a telegramme — and we'll breakfast together on[a] *Monday*[3]. — I have many things to tell and to *ask you*[4]. — En attendant — believe me

yours very truly,
Iv. Tourguéneff.

На конверте: *Angleterre.*
W. Ralston, Esq-re.
8, Alfred Place,
Bedford Square,
London.

5395. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

1 (13) июня 1879. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Vendredi soir, ce 13 juin 79.

Mon bon vieux,

Je pars probablement demain soir pour Londres. — Dans tous les cas je ne pourrai pas dîner avec vous et je remets ce grand plaisir à mon retour, qui aura lieu dans une semaine[1]. Ne me grondez pas trop — et quand je vous dirai le pourquoi — vous ne m'en voudrez pas[2]. — En attendant je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

P.S. Il me semble qu'il ⟨y⟩ a un changement pour le mieux dans vos affaires — et je m'en réjouis *beaucoup*[3].

P.⟨P.⟩S. Si je ne pars pas samedi, je viendrai vous voir dimanche[4].

---

[a] on — *вписано поверх* at

5396. П.Л. ЛАВРОВУ

2 (14) июня 1879. Буживаль

Буживаль. Les Frênes.
Суббота утр.

Любезнейший Лавров,

Я еду завтра в Англию[1] — в Оксфорд — меня тамошний университет, сверх всякого чаяния, произвел в доктора![2] — Вернувшись через неделю — увижу Вас и все Вам расскажу. — О Лопатине не слыхал ничего[3] — писем из России получаю мало — и всё деловые, безо всяких подробностей. В улучшение его участи — к сожалению — не могу верить[4].

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5397. ЮДЖИНУ СКАЙЛЕРУ

2 (14) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)
Saturday, June 14th, 79.

Dear Mr Schuyler,

I just received your kind letter[1] — and hasten to answer you — that I never was banished or exiled from Russia[2], that I intend to go to Petersburg before the end of the year[3] — though I certainly received — during my last stay there — some friendly and half official hints: — that my temporal absence was a desirable thing[4]. — I had nothing to fear for myself, but my young friends could suffer from my staying longer — as they did actually...[5] So I went. — All the informations[a] to the contrary in the newspapers etc. — are false.

You know perhaps that I am going to Oxford where the University intends to confer upon me the dignity of D. C. L.[6] A very great — and very unexpected honour. — Especially at the present time.

The perpetual change of residence must be rather annoying to you — but I think it is impossible not to prefer Rome to Birmingham[7]. — I hope I will have the pleasure of seeing you on your way to Italy[8]. — My promotion takes place the 18th of

[a] *Так в подлиннике.*

this month — and on the 21st I am again here — at Bougival[9] — and remain here till the month of November.

Believe me, my dear Mr Schuyler,

yours very faithfully
Iv. Tourguéneff.

5398. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

2 (14) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)
Суббота, $\frac{\text{14-го}}{\text{2-го}}$ июня 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Чудеса совершаются на свете: завтра я уезжаю в Оксфорд — так как тамошний университет вздумал меня произвести в доктора естественного права — Doctor of Common Law![1] — Честь столь же великая, сколь неожиданная. Через неделю я опять возвращаюсь сюда — и уже никуда — до осени[2].

Пишу Вам только несколько слов, ибо не знаю наверное, застанет ли мое письмо Вас еще в Питере[3].

Будьте так добры, велите пропечатать прилагаемое объявление нашего Общества в каком-нибудь журнале, "Новом времени" или "Голосе". — Разумеется, на мой счет[4].

Засим дружески жму Вам руку и остаюсь

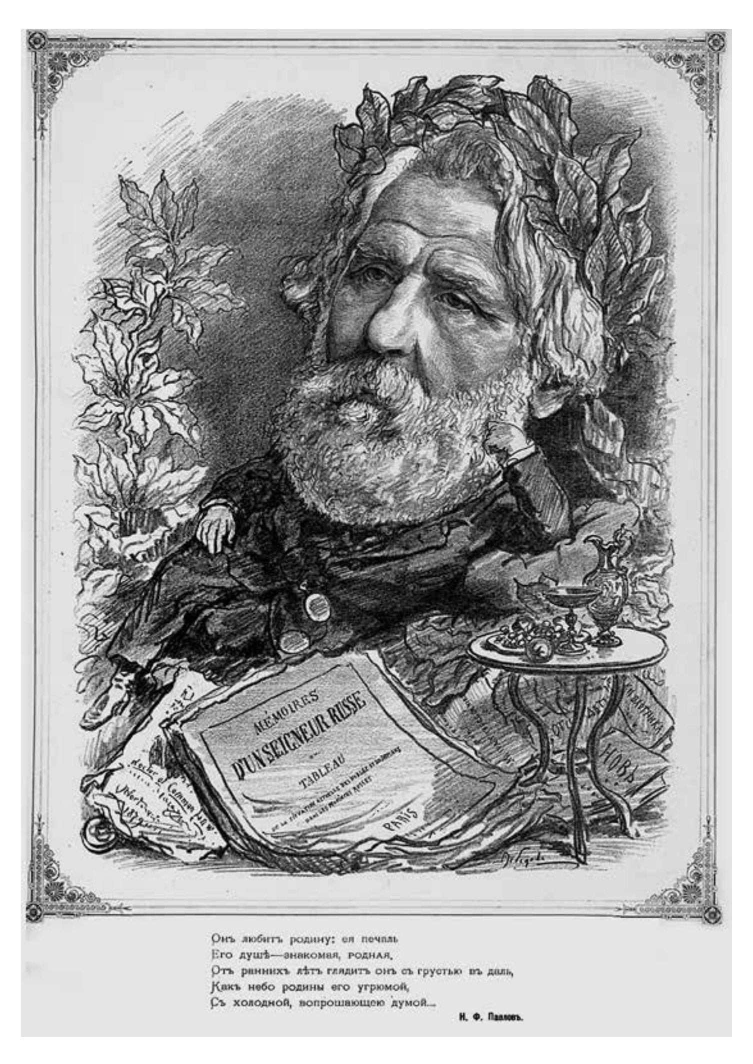
душевно преданный
Ив. Тургенев.

5399. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

2 (14) июня 1879. Буживаль

(Seine-et-Oise.)
BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Суббота, 14/2-го июня 79.

Любезнейшая Любовь Яковлевна, я виноват перед Вами (не в намерении, ибо беспрестанно собирался писать

И.С. ТУРГЕНЕВ
Портрет-шарж работы А.И. Лебедева. Литография. 1879 г.

Вам — но в исполнении — ибо так-таки и не написал); но все это время мне было не по себе... хотя на здоровье пожаловаться не мог. Виноват — да и только. Завтра я на неделю уезжаю в Англию — и не хочу оставить Ваше второе письмо без ответа[1] — хотя короткого. Еду же я в Англию — ибо совершенно неожиданно получил известие, что Оксфордский университет производит меня за мои "литературные заслуги" — в *доктора естественного права*![2] Честь великая — едва ли не я первый русский, ее заслуживший[3] — но как, почему? я до сих пор понять не могу! То-то, я воображаю, на меня прогневаются иные господа в любезном отечестве!

Душевно сожалею о Ваших невзгодах; надеюсь, что болезнь Вашей матушки прошла теперь совершенно. Поклонитесь ей от меня — а также Вашему брату, которому я также до сих пор не собрался написать...[4] Мне все кажется, что литература его настоящее призвание — и напрасно он толкается в другие двери[5]. — Ну, а Вы? Неужели тоже бездействовали? Надеюсь, что нет. Мне очень хочется посмотреть, как Вы напишете Вашу вторую вещь[6]. Вы еще не узнали положительно от Стасюлевича, когда явится первая?[7] В Россию я нынешним летом не приеду... Но на зиму буду, если что-нибудь необыкновенное не помешает, и непременно Вас увижу[8]. А пока желаю Вам всего хорошего, крепко жму Ваши обе руки и остаюсь навсегда

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie*. Gouv-t de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию Суходол, в сельцо Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любовь Яковлевне *Стечькиной*.

5400. А.В. ТОПОРОВУ

2 (14) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET

Суббота, $\frac{14\text{-го}}{2\text{-го}}$ июня 1879.

Любезнейший Топоров,

Сейчас получил Ваше письмо с приятным известием о получении Вами денег за картину[1]. Хотя мне кажется, что я должен был получить 1500 р. без вычета 10% — однако не стану этого утверждать: хорошо и так. — Будьте так добры, отнесите эти деньги к банкиру Гинцбургу (он мой здешний банкир) — на Конногвардейском бульваре — и отправьте их ко мне векселем на три месяца: они со мной много дел переделали — и поступают со мною благоприлично. Очень благодарю Вас за хлопоты; Беггров может продать и другую картину[2].

Я пишу к Вам из деревни — куда мы перебрались дней пять тому назад[3] — а завтра я еду в Англию — в Оксфорд — так как Оксфордский университет — дело, достойное изумления! — производит меня — за "мои литературные заслуги" — в доктора естественного права!!![4] — Я едва ли не первый русский, добившийся подобной чести[5]. — Что скажут гг. Стасов, Михайловский и пр. и пр.?[6] Но я, право же, не виноват.

Через неделю я опять сюда возвращаюсь[7].

Завтра я вышлю Вам из Парижа — письмо к Семевскому[8] и карточку для доктора[9].

Поклонитесь от меня Самарским и М.Г. Савиной и скажите ей, что мне очень жаль, что я не увижу ее вскорости. — Если она позволит, поцелуйте у ней от моего имени ручку.

Остаюсь

искренне преданный
Ив. Тургенев.

5401. Н.А. ЩЕПКИНУ

Конец мая ст. ст. – 3 (15) июня 1879. Буживаль

Любезный Николай Александрович,

Это письмо Вам вручит Марья Николаевна Тургенева, которую я пригласил вместе с ее дочерью прожить лето в Спасском, как то делала Е.И. Бларамбер[1]. Велите им отвести комнаты — а Захар пускай отпускает им нужное белье и пр. — Вы будете так добры и позаботитесь об их содержании — а расходы все по столу, чаю, стирке белья, отоплению и т.д. я беру на себя — и прошу Вас ставить их мне на счет. — Чем Вы меня всячески обяжете. — Также в случае выездов прошу Вас снабжать их экипажем[2].

Засим остаюсь с искренним уважением

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Расходы на приезд и отъезд — дело Марьи Николаевны.

5402. ПОЛИНЕ ВИАРДО

4 (16) июня 1879. Лондон

№ 1[1]

Londres.
Grosvenor Hotel.
Lundi, 16 juin 1879.
5 heures.

Compte-rendu

Départ de Paris hier 7.45 min. — Voyage avec vieil Anglais, vieille Anglaise, bonne française. — Aucun incident. — Traversée superbe: mer immobile... Près des côtes d'Angleterre — brouillard; on marche très lentement et on sonne à chaque instant dans une trompe marine, dont le cri rappelle un éléphant qui brame. — Avant départ — envoyé toutes les lettres et vu Didie, qui me donne son châle bleu — car je ne puis trouver mon plaid: clef de la bibliothèque disparue — et pas de serrurier, vu que c'est dimanche. — Le châle bleu me rend de bons services en mer. Trouvé une bonne chambre au 4-me à Grosvenor Hotel, qui est près de Buckingham palace. Pris un bain à l'hôtel à 7 $^1/_2$; arrivée à 7 h. — Pris du thé qui ne vaut pas celui des Frênes. — Visite du littérateur américain Henri James[2]; puis visite de Ralston[3]. — Appris — ô bonheur! que je n'aurai *aucun speech* à prononcer. — Dois me contenter d'avoir une

contenance "where pride and modesty are mixed up with gratitude"[4]. — Tâcherai de faire de mon mieux. — Nous sommes après-demain[а] 4 Docteurs C. L., l'un d'eux est Leighton, le peintre, Sir Frederick[5]. Déjeuné avec mon ami Hall[6] dans le magnifique "Reform Club" — Pall-Mall — le principal club whig, avec d'horribles portraits de Palmerston, Lord J. Russel et de non moins horribles bustes de Brougham, Cobden et *Cromwell*[7]. Au déjeuner — où l'on mange des white-baits — assistent deux membres du parlement Grant-Duff et Wedderburne[8]. — Ce dernier très gentil. — Fait connaissance avec l'auteur Black, auteur de "La Princesse de Thule", qui ressemble (Black) à un petit domestique noiraud: il a le nez très rouge et des lunettes en or qui lui coupent le nez très bas. — Fait la connaissance de Robinson, l'éditeur du "Daily News". — Homme jeune, très chauve — air bourgeois[9]. — Parlé misérablement et péniblement l'anglais: je me faisais l'effet de Jack[10] traînant une voiture dans la nouvelle allée sablée. — Puis allé voir avec Hall l'exposition des peintres modernes anglais à Grosvenor House: affreux, épouvantable, *chamber* of horrors![11] — Couleur misérable, dessin enfantin; — ces messieurs[б] pensent se rattrapper par l'expression, qui, voulant être profonde et poétique, n'est que vague, bête et maladive. — Il y a une demoiselle moyen-âge avec des manches à gigot qui ceuille[в] des abricots sur une vigne — tout cela dans le *ciel* — (de la ci-devant Mlle Spartalis) — qui ferait rire — ou pleurer — un veau![12] — Et des sujets! Par exemple: un tableau de deux mètres de longueur sur un demi-mètre de large: en haut un ange avec des ailes bigarrées qui tient sous les bras un chevalier bardé de fer — qui tient à son tour — et aussi sous les bras — une femme nue avec un voile en gaze lilas: tout cela se passe dans le ciel — et cela se nomme — dans le livret: Rosamunda!![13] — Tous les 3 personnages absolument sur la même ligne — comme ceci:

Non! les Anglais ne doivent jamais se mêler de peinture! Viardot aurait certainement écumé de rage. — Et tout cela dans la plus belle salle — admirablement éclairée. — Mon ami Hall était dans l'extase.

Retourné à l'hôtel où j'ai dormi pendant 1 h. $^1/_2$, vu que j'ai passé une nuit blanche. Dans ce moment attends Manuel[14], qui doit

---

[а] après- (после) — *вписано над строкой.*
[б] ces messieurs (эти господа) — *вписано над строкой.*
[в] *Так в подлиннике.*

venir me prendre pour aller dîner, chez lui. — Naturellement beaucoup pensé aux Frênes, à ses habitants, à Jack, à Sémiramis[15]. — Est-elle arrivée?

Dans ce moment il fait beau; mais toute la matinée — pluie, brouillard jaune, ciel sale, boue et puanteur. — Dieu! que Londres me semble laid!! — Pars demain matin de bonne heure pour Oxford[16].

Ecrirai tous les jours[17].

Envoyé ce matin un télégramme aux Frênes[18].

J'embrasse tout le monde et vous baise les mains.

Der Ihrige
J. T.

5403. Г.О. ГИНЦБУРГУ

11 (23) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Понедельник утром.

Любезнейший Гораций Осипович,

Я вчера вернулся сюда из Оксфорда, где со всеми онёрами[1] получил чин "доктора естественного права"[2] — и застал здесь всех своих здоровыми; но одна беда: ослица оказалась никуда негодною, не идет ни рысью, ни шагом, всего пугается — словом — кроме молока, от нее ничего получить нельзя. — И потому, зная, что Вы не хотели мне продать существо ненужное, позволяю себе возвратить ее Вам — и стану приискивать другую ослицу — или осла. — Не сомневаюсь в том, что Вы на меня не прогневаетесь[3].

Завтра вечером я прибуду в наш клуб[4] — и, конечно, Вас увижу — и расскажу Вам все мои авантюры — а пока жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5404. П.В. АННЕНКОВУ

12 (24) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Вторник, 24/12-го июня 79.

Третьего дня вернулся я сюда, любезнейший Павел Васильевич — и, кажется, теперь вплоть до октября никуда не тронусь. Церемония в Оксфорде совершилась весьма благополучно: нас было 9 новых докторов в красных хитонах и четвероугольных шапках[1] (между прочим, наследный принц шведский, длинный-длинный *молодой* человек с французским — и глуповатым — лицом[2]) — народу было пропасть — особенно дам — в круглой зале с куполом, где эти "commemorations" происходят[3]; — такой же "доктор" — представлял нас поочередно вице-канцлеру — предварительно возвеличивая каждого в латинской речи[4]: студенты и публика хлопали — вице-канцлер принимал нас также[а] по-латыни, жал руку — и мы шли садиться на наши места. — Откровенно сознаюсь Вам, что, когда очередь дошла до меня — у меня сердце очень сильно билось. — Непривычное дело для нашего брата!

Мне было сказано, что в этот день гг. студенты (undergraduates) позволяют себе всякие вольности — это нечто вроде университетских сатурналий; а так как антирусское чувство все еще очень сильно в Англии — то можно было ожидать свистков[5]; однако ничего подобного не произошло — и даже, по замечанию "Тэймса", мне хлопали больше, чем другим...[6] К тому же в этот день погода была великолепной — а что за чудесный город — единственный в мире — Оксфорд — Вам, вероятно, известно. — Я сделал много новых знакомств и, вообще, не могу довольно[б] нахвалиться ласковым приемом гг. англичан. — Тамошние профессоры подарили мне мою красную робу и шапку[7] — и, по желанию здешних дам, я в этом слегка шутовском наряде сфотографируюсь — и Вам пришлю экземпляр, подписанный: "I. T⟨ourguéneff⟩, D. C. L."[8]. — Теперь остается только, чтобы по этому поводу российские журналы

[а] также — *вписано над строкой.*
[б] довольно — *вписано над строкой.*

меня продернули[9] — а там все канет в Лету, оставив, однако, приятное воспоминанье.

Ну — а что сказать о погибели Prince Impérial?[10] Право, иногда кажется, что Судьба, заправляющая нами, сама себя хочет потешить драматичностью и эффектностью совершающихся событий! — Вздумай наш брат автор сочинить[в] *такой* конец — все бы воскликнули: какая неестественная антитеза! — Рождение при громе пушек, во дворце, в золотой колыбели — в центре мира — и смерть в южноафриканском захолустье от рук дикаря-полугориллы! — Всяко бывает... но тут можно по-гоголевски прибавить: "редко, но бывает"[11].

Для бонапартистов это удар непоправимый; сумеет ли республика воспользоваться этим "большим шлемом"[12] — другой вопрос.

Дайте о себе весточку. Все здешние Вам кланяются; — а я также кланяюсь всем Вашим и Вас обнимаю.

Ив. Тургенев,
D. C. L.

5405. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

12 (24) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Вторник, 24/12-го июня 79.

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

Извините меня, пожалуйста, что я не сдержал слова и не повидался с Вами в воскресение; — приходите ко мне в пятницу, будьте так добры — часу в 12-м; я буду ждать Вас[1].

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de la poste restante
de la rue du Cardinal-Lemoine.
Paris.

[в] *Было*: придумать

5406. И.Я. ПАВЛОВСКОМУ

12 (24) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Вторник, 24/12-го июня 79.

Любезный Павловский

Не удосужитесь ли Вы придти ко мне в Rue de Douai — в четверг часам к *3*? — Я рад буду Вас видеть[1].

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

5407. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

12 (24) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Вторник, 24/12-го июня 79.

Любезнейший Чивилев, по обещанию, пишу Вам несколько слов о церемонии, происходившей в Оксфорде[1]. — Говоря по совести — и эти немногие слова излишни: ибо, в сущности, кого это может интересовать? — Производство мое в доктора Оксфордского университета подаст повод нашим журналам еще раз поглумиться надо мною — вот и всё[2]. — И потому скажу Вам вкратце: Оксфорд — город чрезвычайно интересный; — погода была великолепная — в 12 ч. дня мы, новопожалованные доктора в красных мантиях и четырехугольных шапках, двинулись из квартеры вице-канцлера[3] университета в особое здание, где совершаются эти "commemorations"; шли мы по два в ряд[4] — народ глазел на нас; — здание было наполнено студентами и дамами; — нас поодиночке представлял вице-канцлеру, восседавшему на бархатном кресле, профессор элоквенции, тоже облеченный в красную мантию[5], сопровождая каждое представление небольшой латинской речью, исполненной комплиментов; вице-канцлер отвечал также по-латыни, жал каждому новопожалованному доктору руку — и тот шел садиться на свое место — а публика аплодировала. — Когда дошла до меня очередь — я почувствовал довольно сильное волнение — однако все сошло благополучно. — Меня

предуведомили, что в этот день гг. студенты пользуются правом свистать и шикать — это нечто вроде университетских сатурналий, дозволенных обычаем; — и так как до сих пор в Англии русских терпеть не могут — то следовало ожидать скандала; однако, вопреки ожиданиям, скандалу не произошло — и даже, по уверениям "Тэймса", мне хлопали больше других[6]. — Никаких речей никто из нас не произнес, диплома не получил[7]. — Тамошние профессора, в знак особого благоволения, подарили мне мою мантию и шапку[8] — и теперь я могу, коли придется разыгрывать шараду, щеголять в докторском одеянии. — Были потом обеды, ужины, балы и т.д.[9] — но всё без речей — и слава богу! — Прилагаю Вам программу всей церемонии — и замечу, кстати, что в числе докторов был тоже наследный шведский принц — но его для вящей почести приняли накануне, и потому он в список не попал — но фигюрировал между нами в той же одежде, только с золотой кистью на шапке. — Оказывается, что я всего второй русский, заслуживший подобную честь: первый был сам император Александр[10].

Если Вы найдете, что из этого маленького лимона можно выжать какой-либо сок — ну и прекрасно! Только одно условие: не говорите от моего имени[11].

Желаю Вам всего хорошего — и да будет воздух "Юриажа" Вам благотворен![12]

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur Boris Tchivileff.
Précepteur chez Mme la baronne
Ury de Gunzbourg.
Uriage.
(Isère).

5408. Н.А. ЩЕПКИНУ

12 (24) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Вторник, 24/12-го июня 1879.

Любезнейший Николай Александрович, я окончательно сюда переехал — и, вероятно, останусь здесь безвыездно до сентября мес⟨яца⟩. Жду от Вас известий — а между прочим прошу Вас, по получении сего письма, выслать двести (200) руб. по следующему адрессу (от моего имени):

Ее в⟨ысоко⟩б⟨лагороди⟩ю Варваре Николаевне *Житовой*, *Рязанской* губернии, в город *Егорьевск*[1].

Здоровье мое продолжает быть удовлетворительным; желаю Вам всего хорошего и кланяюсь всем Вашим.

Ив. Тургенев.

P.S. Чем кончилось чаадаевское дело с г-м Маляревским?[2]

5409. Г.О. ГИНЦБУРГУ

13 (25) июня 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг[а], 25-го июня 79.

Любезнейший Гораций Осипович,

Это письмо вручит Вам г-жа Л. Регутенко[1], которой Вы, по доброте Вашей, обещались вручить нужную сумму для покупки необходимых инструментов. — Ей она теперь нужна, так как откладывать свой отъезд она больше не может; — деньги на дорогу она также не имеет: выданные мною ей 150 фр. — она должна употребить на уплату здесь. — Дорога будет стоить 250 фр. — Не желая злоупотреблять Вашим добрым сердцем, я прошу Вас — если сумма окажется слишком великой — дать ей назначенные Вами для покупки инструментов[б] деньги на дорогу — а инструменты она уже как-нибудь добудет на месте.

[а] *Так в подлиннике.*
[б] для покупки инструментов — *вписано над строкой.*

Во всяком случае, искренне благодарю Вас — и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur le baron Horace de *Gunzbourg.*
7, Rue de Tilsitt.
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.
De la part de Tourguéneff.

5410. ПОЛИНЕ БРЮЭР

16 (28) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Samedi, 28 juin 79.

Chère Paulinette,

Grâce à une bêtise de notre concierge — j'ai reçu tes deux lettres à la fois[1]. — Je regrette beaucoup la pauvre Mme Innis — mais je savais qu'elle était perdue, car je l'avais visitée 10 jours avant sa mort[2] — avant d'aller en Angleterre. — J'écris à Mlle Maccarthy[3] — pour prendre un rendez-vous avec elle — et lui payer les 4000 fr⟨ancs⟩ que je devais à la défunte. Je t'enverrai mardi l'eau de Suez[4] et la méthode de piano. J'ai bien l'intention d'aller te voir — mais je ne puis pas encore fixer l'époque. — Ma santé du reste est bonne — et j'ai gaillardement fait le voyage d'Oxford, où j'ai reçu le bonnet de Docteur![5]

En attendant je vous embrasse tous — et au revoir.

Iv. Tourguéneff.

5411. ЛУИ ЛЕЖЕ

16 (28) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Samedi, 28 juin.

Cher Monsieur Léger,

Je viens de recevoir votre petit paquet, je vais le lire — et vous l'aurez demain *sans faute.* — Je ne doute pas que la traduction ne soit excellente[1].

En attendant
жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Je reviens d'Oxford, où l'on m'a *doctorifié*[2].

5412. И.Я. ПАВЛОВСКОМУ

18 (30) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Понедельник, 30 июня 79.

Любезный Павловский,

Я Ваши два письмеца получил[1] — и вот что имею ответить: — Деньги (100 фр.) — Клячко уже переданы третьего дня[2]. — Статья Ваша находится в редакции "Temps"; — но какой результат — еще неизвестно[3]. — Фотографию я с себя в докторском наряде еще не снимал[4]; — как только это будет сделано — Вы получите экземпляр[5]. — В русских газетах об этом уже говорено: кажется, прибавлять нечего[6]. — Я слышал, что Ваш брат женился[7]: поклонитесь ему от меня и пожелайте всего хорошего. — Кланяюсь также Вашей жене и жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Долго ли Вы останетесь в "Les Troux"[8]. — Я в Буживале до сентября.

5413. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 (30) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET

Понедельник, 30/18-го июня 79.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Зная Вашу аккуратность и будучи уверен, что Вы действительно выехали из Петербурга третьего дня — и действительно пробудете в Франценсбаде неделю, смело пишу Вам туда poste restante — так как имею сообщить Вам два-три факта. — Письмо Ваше от 11/23-го июня я получил уже здесь[1] — так как с неделю тому назад вернулся назад из Оксфорда[2], где получил всяческие онёры[3]. Благодарю за дружеское поздравление[4]. Распоряжение Ваше о *не*напечатании вызова к членам нашего Общества оказывается, по размышлении, совершенно правильным[5]. Радуюсь началу стереотипа[6]; но почему же гг. наследники Салаева будут вправе напечатать отдельные экземпляры "Запис⟨ок⟩ охотн⟨ика⟩" — и продавать их отдельно?[7] В контракте[8] обозначена цена всему изданию — без раздробления. — Впрочем — я сознаюсь, что мало смыслю в сих делах.

Теперь — вот что я сделал насчет А.Н. Луканиной. — Статья ее все еще не появилась в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩"[9]; но так как Вы ей уже выдали задаток в 100 р. сер. — то я взял на себя, так как она находится в крайне стесненном положении — выдать ей — якобы от Вашего имени — еще 200 фр.[10] — Надеюсь, что Вы на меня не погневаетесь. Также выслал я в редакцию "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" ее третье продолжение "Старинных дел" — рассказ под заглавием "Дядя Ваня. Идиллия" — которым, я надеюсь, Вы будете довольны. — Тут она говорит не от своего лица — и нарисовала тип новый и хороший. — Рассказ невелик — листа в 2 $^1/_2$ или 3[11].

Очень буду рад свидеться с Вами[12] — я теперь безвыездно буду сидеть в Буживале — до октября. Кланяюсь Вашей жене и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев,
D. C. L.

5414. А.Н. ПЫПИНУ

18 (30) июня 1879. Буживаль

(Seine-et-Oise.)
BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Понедельник, 30/18 июня 79.

Любезнейший Александр Николаевич,

Так как М.М. Стасюлевич теперь в Франценсбаде[1] — то посылаю на Ваше имя в редакцию "Вестника Европы" третий рассказ из "Старинных дел" Луканиной. Мне он кажется очень удачным и достойным явиться на страницах Вашего журнала[2]. (Я об этом также писал М⟨ихаилу⟩ М⟨атвеевич⟩у.)[3] Она в нем говорит не от своего лица — вся вещь вышла *объективней* — как говаривали в старину.

Будьте так добры, уведомьте о получении[4].

Надеюсь, что Вы здоровы — и, по мере возможности, бодры. Я на свое здоровье пожаловаться не могу — и совершил свою поездку в Оксфорд совсем как молодой человек[5]. Останусь теперь здесь до октября.

Поклонитесь от меня Полонскому[6] и прочим приятелям. Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5415. Я.Н. ХАНЫКОВУ

18 (30) июня 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)
Понедельник, 30/18-го июня 79.

Милостивый государь Яков Николаевич!

Отвечаю на Ваше письмо от 17/5-го июня — и прошу извинить меня, что не сделал этого раньше — так как я был в отсутствии — в Англии[1]. Считаю долгом уведомить Вас, что памятник над могилой Н⟨иколая⟩ В⟨ладимировича⟩ вполне окончен — и деньги мною заплочены, на что имею расписку[2]. От Вас зависит, когда Вы захотите приехать, чтобы

присутствовать при его освящении; но прошу Вас дать мне знать об этом заранее, чтобы я мог оповестить других его знакомых, находящихся в Париже[3]. Тогда же Вам будет возможно окончить это скучное дело о *чеке* — так как без *личного* Вашего присутствия оно всё будет откладываться в дальний ящик.

В надежде, что Вы не замедлите ответом, прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

5416. Д.В. ГРИГОРОВИЧУ

20 июня (2 июля) 1879. Буживаль

(*Циркулярно.*)

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Середа, 2 июля[а] 79.

Любезный Григорович,

Вы приглашаетесь прибыть в пятницу, 4-го июля[а], ровно в 3 часа, к воротам Père-Lachaise, чтобы присутствовать при освящении памятника, постановленного над могилою Н.В.[б] Ханыкова[1].

Примите уверение в совершенном уважении.

Ив. Тургенев.

5417. И.П. ПОХИТОНОВУ

20 июня (2 июля) 1879. Буживаль

(*Циркулярно.*)

Любезный Похитонов,

Вы приглашаетесь прибыть в пятницу, 4-го июля, ровно в три часа к воротам Père-Lachaise, чтобы присутствовать при освящении памятника, поставленного над могилой Н.В. Ханыкова[1].

[а] *В тексте публикации ошибочно*: июня
[б] *В тексте публикации ошибочно*: Н.Ц.

Примите уверение в совершенном уважении.

Ив. Тургенев.

P.S. Покорно прошу передать это известие гг. Виллие, Роману, адресса которых мне неизвестны, а также членам семейства Гинцбургов, которые пожелали бы почтить прах покойного[2].

5418. А.В. ТОПОРОВУ

20 июня (2 июля) 1879. Буживаль

(Seine-et-Oise.)
BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET

Вторник[а], $\frac{\text{2-го июля}}{\text{20-го июня}}$ 79.

Любезнейший Топоров,

Прилагаю при сем письмо к Семевскому и был бы очень рад, если бы оно оказалось полезным[1].

Прилагаю также фотографию с надписью для А.К. Соловьева[2].

Вам уже известно, что деньги за картину получены — и мне остается только благодарить Вас. Помоги, Господи, Беггрову продать и другую![3]

В Оксфорд я съездил благополучно — был очень благосклонно принят, студенты мне хлопали во время приема — а профессора подарили мне ту красную мантию и 4-хугольную шапку, в которых я щеголял весь тот день — и которые могут мне теперь служить, если я вздумаю разыграть шараду[4].

Пиэсы мои[б] были поставлены на театр безо всякого заявления с моей стороны ни в Москве, ни в Петербурге[5]. — Если Вы полагаете, что можно чего-нибудь добиться, то пришлите мне форму, как я должен подать это заявление — и если деньги за поспектакельную плату получатся (в чем я сомневаюсь), то покорно прошу принять их для подарка от моего имени Вашей супруге[6].

Теперь идут просьбы. А именно: мне недостают следующие статьи для моего нового полного издания[7].

[а] *Так в подлиннике.*
[б] мои *вписано поверх* были

1.) *Рассказ "Сон".* — Сколько я помню, он был напечатан в "Новом времени" — 1-го января[в] *77-го*[г] года[8].

2.) "Рассказ отца Алексея". — Напечатан в мартовской книжке "Вестника Европы" за *1877-й* год[9].
Будьте так добры, достаньте мне эти две вещи, если нужно — заплатите — и вырежьте — и пришлите мне немедленно.

3.) Недостает также и перевода легенды Флобера "Иродиада"[д]. — Эта статья[е] появилась в *майской* книжке "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" за 1877-й год[10]. — ("Св. Юлиан", появившийся в апрельской — у меня есть.)[11] Достаньте мне также и эту вещь — и пришлите.

Другие критические статьи недостают также; — но об них я Вам напишу впоследствии[12].

А теперь мне остается только сообщить Вам, что мое здоровье весьма удовлетворительно: — и что я остаюсь здесь до октября.

Засим дружески Вам кланяюсь и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5419. М.И. СЕМЕВСКОМУ

20 июня (2 июля) 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
Вторник[а], (20 июня) 2-го июля 1879 г.

Милостивый государь М⟨ихаил⟩ И⟨ванович⟩! Позвольте мне воспользоваться нашим коротким (по времени) знакомством[1], чтобы обратиться к Вам с просьбой, исполнение которой я счел бы за личное одолжение.

Мне известно, что в последнее время С.-Петербургская дума положила открыть несколько новых училищ[2]. Я бы очень был рад, если бы одно из казенных мест классной дамы или учительницы досталось г-же Евдокии Ивановне

[в] *Было*: в "Вестнике Европы" в [первых месяцах] марто⟨вской⟩
[г] *Подчеркнуто двумя чертами.*
[д] *Было*: о Юлиане Милостивом
[е] статья — *вписано над строкой.*
[а] *Так в тексте публикации.*

Кузьминой, дочери крестьянина, 19 лет от роду, имеющей диплом на звание учительницы...[3]

Я имею полное основание думать, что г-жа Кузьмина с совершенной добросовестностью и знанием дела исполнит обязанности, которые будет угодно начальству возложить на нее.

Влияние Ваше, как гласного думы и как человека, пользующегося всеобщим уважением, могло бы быть решительным в подобном случае.

В надежде, что Вы захотите споспешествовать исполнению моей просьбы, прошу Вас принять уверение в глубоком уважении и преданности

Вашего покорного слуги
Ив. Тургенева.

5420. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

21 июня (3 июля) 1879. Париж

50, Rue de Douai.
Четверг.

Любезный Антокольский,

Завтра в 10 ч. утра еду на кладбище Père-Lachaise[a]. Если хотите сопутствовать, видеть Ваш монумент[1], приезжайте ко мне — вместе отправимся.

Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5421. П.Л. ЛАВРОВУ

23 июня (5 июля) 1879. Буживаль

Pierre Lavroff, 328, rue Saint-Jacques, Paris. — Avez autorisation de vous servir du télégramme comme désirez[1]. Tourguéneff.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: в 10 час.

5422. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

24 июня (6 июля) 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)
Понедельник[a], 6-го июля 79.

Любезнейший Чивилев,

Вы желаете знать, что было писано в русских газетах о моем избрании в доктора? Да решительно ничего и нигде — и, вероятно, кроме Вашего фёльетона, ничего и не будет. Повторяю, кого это может интересовать?[1]

Надеюсь, что Ваше здоровье скоро поправится — в Юриаже — и Вы опять почувствуете себя бодрым.

Мое здоровье недурно — и я сижу над предурацкой работой: над поправкой бесчисленных опечаток в моем последнем издании[2].

Желаю Вам всего хорошего и жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur Boris Tchivileff.
Uriage.
Ancien hôtel (près de Grenoble).
Isère.

5423. П.В. АННЕНКОВУ

25 июня (7 июля) 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)
Понедельник, 7-го июля 79.

Милейший Павел Васильевич,

Я все еще не сделал своей *докторской* карточки — но, как только сделаю, немедленно отправлю к Вам экземпляр[1]. — Ничего нет удивительного в том, что ни в одной

[a] *Так в подлиннике.*

русской газете об этом не было сказано ни единого слова: слава Богу, что не глумятся. — Но и этого не избегнешь[2].

К сожаленью, слухи о романе Толстого, до Вас дошедшие, несправедливы. — "Войну" перевела не дама, а некто г. Куррьер, издатель разных сочинений о России — да и то с пропусками. — Появился этот перевод в "Revue Germanique" — и прошел бесследно[3]. — Ни Флобер[4], ни Зола его не прочли — да и вряд ли захотят читать. — Надобно будет попытаться с "Казаками"[5]. — Для французского вкуса Толстой слишком прост — потому что слишком правдив. — А Зола только кричит в фельетонах о натурализме, о "documents humains" — а на деле ни в своих произведениях не придерживается этой *нашей* правды — ни в чужих ее не чует[6]. Тут

"недоступная черта меж нами есть..."[7].

Все мои очень благодарят за память и всё спрашивают, неужели "le bon Annenkoff" никогда в Буживаль не приедет? — А какая есть для Вас комнатка!

Вы, наверное, прочли речь Поль Бера (Paul Bert) — против иезуитов? — Замечательная, решающая вещь![8]

Вы рассказываете о лунных баденских ночах — о прекрасной погоде...[9] Счастливец! — А у нас непрерывные дожди — и от этого — да еще от мучительной корректурной работы (над новым изданием)[10] — я впал в некоторую дурость и апатию. Здоровье — впрочем — ничего.

Кланяюсь всем Вашим и обнимаю Вас.

Ив. Тургенев.

P.S. Le Comité littéraire international избрал, однако, Толстого и Достоевского в свои почетные члены[11].

5424. В КОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АССОЦИАЦИИ

25 июня (7 июля) 1879. Париж (?)

Je serai heureux d'offrir à la Bibliothèque du Comité une collection de mes ouvrages, et je le remercie d'avoir pensé à moi[1].

Agréez l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Ivan Tourguéneff.

Paris, 7 juillet 1879.

5425. П.Л. ЛАВРОВУ

25 июня (7 июля) 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise).
Понедельник, 7-го июля 79.

Любезнейший Петр Лаврович,

Вчера я послал Вам желаемую Вашу ауторизацию[1] насчет телеграммы — а нынче возвращаю Вам письмо Кулешовой[2]. — Надеюсь, что это ей поможет выбраться из тюрьмы... но сомневаюсь[3].

Я вернулся из Оксфорда, где надо мной проделали все церемонии пожалования в докторский чин[4] — и сижу теперь здесь, переправляю мое старое издание[5] — и проклинаю и эту несносную работу, и еще более несносную погоду.

Жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5426. Н.А. ЩЕПКИНУ

25 июня (7 июля) 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)
Понедельник, $\frac{\text{7-го июля}}{\text{25-го июня}}$ 79.

Любезнейший Николай Александрович,

Отвечаю немедленно на Ваше письмо от 19-го июня[1]. — Вы хорошо сделали, что взяли с Маляревского 2358 р. вместо 2850 р. — С лихой собаки хоть шерсти клок — и у нас прежде всего следует бояться процесса[2]. — Будьте так любезны, вышлите мне 1500 р. из этих денег[3] — а остальные храните до дальнейших распоряжений.

Спасибо за высылку денег Житовой и за перестройку богадельни[4].

Я, без сомнения, намерен продолжать воспитание Никиты. — И потому уполномачиваю Вас принять все нужные

меры к его поступлению в Московскую земледельческую школу. — Назначаю ему 250 р. с. в год — и можете также выдать нужную сумму для его переезда в Москву и пр.[5]

Мое здоровье порядочно — и подагра — пока — меня не трогает. — Я ездил в Англию — не на Литературный конгресс — а для получения степени "доктора гражданского права" — которою почтил меня Оксфордский университет[6]. — В Буживале я останусь до осени.

Насчет Волнова я скажу одно: черт его побери с его деньгами — лишь бы Холодово снова поступило в наше распоряжение[7].

Засим желаю Вам всего хорошего и кланяюсь всем Вашим.

Ив. Тургенев.

5427. Н.А. ЩЕПКИНУ

25 июня (7 июля) 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)

Понедельник, $\frac{\text{7-го июля}}{\text{25-го июня}}$ 79.

Любезный Николай Александрович,

В сегодняшнем письме[1] я забыл сообщить Вам следующее: прошу Вас тотчас выслать от моего имени 75 руб. сер. по следующему адрессу:

"В Херсон, в учительскую семинарию, Николаю Ивановичу Рещикову — для передачи г-же[a] Половинской"[2].

Получите от нее расписку для верности.

Засим желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее начато*: Подол⟨инской⟩

5428. ПОЛИНЕ БРЮЭР

27 июня (9 июля) 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)
Mercredi, 9 juillet 79.

Chère Paulinette,

L'école de piano et un grand flacon de Suez (fil vert) — t'ont été expédiés hier[1]. — L'argent que je devais à Mme Innis va être déposé chez le notaire de la successière[2] — et tu n'as plus à t'en occuper.

Ma santé est bonne — malgré le temps horrible qu'il fait. — Dès que la chaleur sera venue (si elle doit venir!) — je ferai mon petit voyage de Rougemont[3].

En attendant je vous embrasse tous.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Fais-moi savoir si tu a reçu les deux paquets[4].

5429. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

30 июня (12 июля) 1879. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
CHALET
(Seine-et-Oise.)
Суббота, 12-го июля 79.

Любезнейший Чивилев,

Возвращаю Вам Ваш фёльетон: он, действительно, очень пикантен — и очень лестен для меня[1]. — Буду ждать присылки другого[2].

Очень рад, что здоровье Ваше поправилось. — Что же касается до "самогрызства" — позволяю себе напомнить Вам одно изречение, слышанное мною из уст *мужика*: "Коли человек сам бы себя не поедал — никто бы с ним не сладил"[3].

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur B. Tchivileff.
Uriage.
Ancien hôtel.
(Isère.)

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

39. ДОВЕРЕННОСТЬ Н.А. ЩЕПКИНУ

17 (29) января 1879. Париж

Милостивый государь Николай Александрович!

Уполномочиваю Вас ходатайствовать об утверждении меня в правах наследства к имению, оставшемуся после смерти родного брата моего надворного советника Николая Сергеевича Тургенева, об утверждении составленного им в мою пользу духовного завещания, о вводе меня во владение оставшимся после него недвижимым имением и о передаче мне движимого имущества и капиталов, принять все оставшееся после него в Ваше заведование, а до принятия заботиться о сбережении и сохранении всего. По всем делам моим, относящимся как до имений, находящихся уже в Вашем управлении, по доверенности, засвидетельствованной в Российском императорском Консульстве в Париже 16/28-го марта 1878-го года[1], так по имению, оставшемуся после смерти брата моего Николая Сергеевича, и вообще по всем другим без исключения иметь за меня везде ходатайство. — Для исполнения всего этого Вы имеете: подавать всякого рода прошения, объявления, обвинения, отзывы, ответы, возражения, опровержения и другие деловые бумаги, представлять на суде словесные и письменные объяснения, делать отводы, привлекать к делу третьих лиц и вступать за меня в дела в качестве третьего лица, представлять встречные иски и отвечать по таковым предъявленным ко мне, заявлять сомнения в подлинности и споры о подлоге актов и документов и давать ответы по такового рода спорам, взыскивать убытки, судебные издержки и за ведение дел, кончать дела миром; ходатайствовать об отмене решений, вступивших в законную силу; приносить частные, апелляционные и кассационные жалобы во все инстанции, не исключая и Правительствующего Сената; получать отовсюду всякого рода: копии, свидетельства, справки, удостоверения, подлинные документы и акты, выписи и копии с актов, исполнительные и вводные листы и другие деловые бумаги; просить о приведении в исполнение решений, вступивших в законную силу,

и указывать способы исполнения, получать от всех мест и лиц следующие мне деньги и доставлять таковые ко мне. — Полномочие это можете передавать другим лицам с правом передоверия. — Во всем, что Вы или поверенные Ваши по сему законно сделаете, я Вам и им верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность эта принадлежит управляющему имениями моими ученому управительному помощнику дворянину Николаю Александровичу Щепкину[2].

Коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев.

Париж.
17/29-го января 1879-го г.

40. ДОВЕРЕННОСТЬ А.В. ТОПОРОВУ

17 (29) марта 1879. Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич!

Поручаю Вам принять на себя заведование и ходатайство по всем делам моим, как ныне где-либо производящимся, так и впредь возникнуть могущим: вчинать от имени моего иски, вступать в ответы, подавать и получать как будут следовать бумаги, вместо меня, где будет нужно, расписываться, предъявлять споры о подлогах и давать по таковым ответы, получать под Вашу расписку подлинные документы, копии и нотариальные акты, приносить апелляционные жалобы, просить об отмене решений, вступивших в законную силу, участвовать при публичных торгах, принимать следующие мне к получению деньги и всякое иное имущество, а равно получать исполнительные листы и деньги, пакеты и посылки, присланные на имя мое по почте, а также и денежные суммы из дирекции императорских театров, причитающиеся мне за представления моих драматических произведений[1], вступать в мировые соглашения и оканчивать дела миром; все сие в частях и в целом можете Вы передоверять, по Вашему усмотрению, другим лицам. Во всем, что Вы или поверенные Вами по сей моей доверенности учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность эта принадлежит коллежскому секретарю Александру Васильевичу Топорову.

Коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургенев.

41. ДОВЕРЕННОСТЬ Н.А. ЩЕПКИНУ

20 марта (1 апреля) 1879. Петербург

Милостивый государь Николай Александрович,

Причитающееся мне после покойного брата моего Николая Сергеевича Тургенева, как по духовному его завещанию, так и по закону, всякое наследство недвижимое и движимое, в том числе выкупную ссуду и капитал в наличных деньгах и всяких процентных бумагах и долговых претензиях и документах, словом в чем бы таковое наследство ни заключалось и где бы ни находилось, уполномочиваю Вас принять и получить от душеприказчика надворного советника Порфирия Константиновича Маляревского, из присутственных мест, от должностных или частных лиц, вообще от кого бы и откуда бы ни было, без всякого исключения, для исполнения чего предоставляю Вам, если потребуется, подавать во все судебные и прочие присутственные места и в кредитные учреждения прошения, объявления и другие бумаги, просить о вводе меня во владение, ходатайствовать о размежевании и выдаче выкупной ссуды, предъявлять иски, отвечать пред судом, возбуждать споры о подлоге актов и против таковых споров отвечать, приносить во все инстанции частные, апелляционные и кассационные жалобы, получать и предъявлять всякие справки и документы, просить о наложении и снятии запрещения, о назначении меня опекуном над оставшимся после помянутого брата моего наследством, принять таковое в Ваше заведование и управление, всякие могущие мне следовать по какому бы праву ни было деньги получать, где по вышеписанным предметам потребуется за меня расписываться, доверенность эту в полном составе или по частям передавать другим лицам, одним словом исполнять все необходимые для получения наследства формальности, и во всем, что Вы по сей доверенности учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду[1].

Коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев.

Доверенность эта принадлежит управляющему моими имениями дворянину Николаю Александровичу Щепкину.

42. КОНТРАКТ С Е.А. ПОГОЖЕВЫМ, С.Д. ДУМНОВОЙ И В.Д. АНДРЕЕВОЙ

1 (13) мая 1879. Париж

Тысяча восемьсот семьдесят девятого года, мая первого числа, мы, нижеподписавшиеся, коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев и наследники книгопродавца Федора Иванова Салаева, полковник Евгений Александрович Погожев, жена московского купеческого сына Софья Дмитриевна Думнова и дочь подольского купца Вера Дмитриевна Андреева, заключили следующее условие:

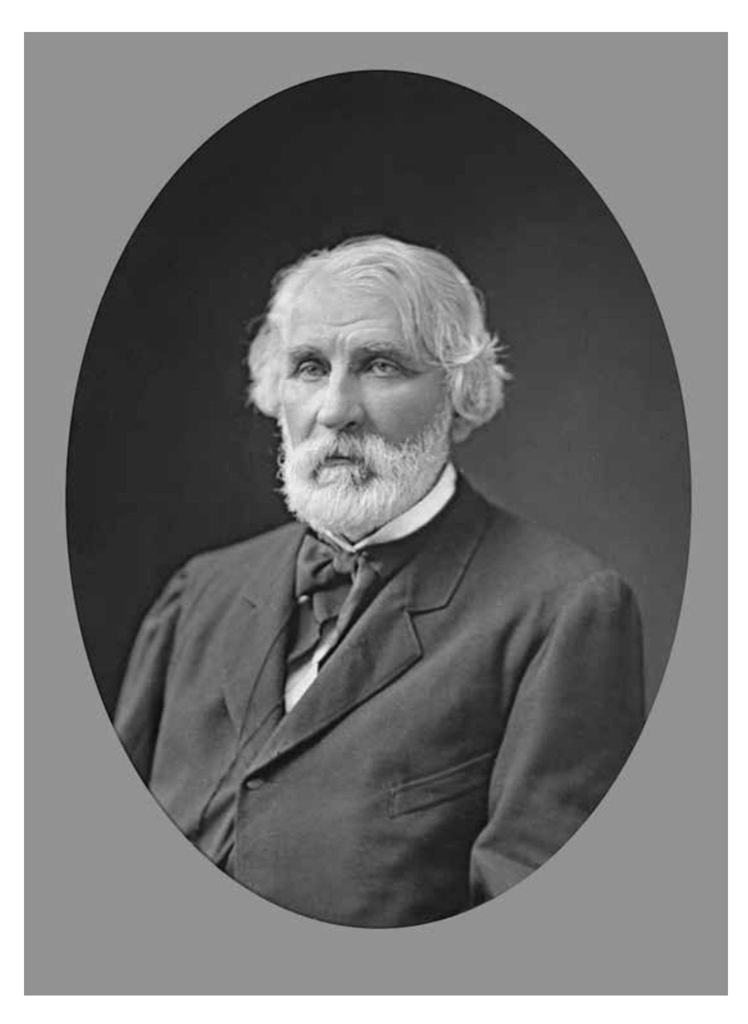
1°.) Я, Тургенев, предоставляю наследникам Ф.И. Салаева право на печатание, издание и продажу в собственную их пользу нового (четвертого) полного собрания моих сочинений в *десяти* томах[1], в которое войдут, сверх всех статей, помещенных в последнем издании 1873-го года[2] — а также и отдельно вышедшего романа "Новь"[3] — следующие статьи: а.) уже напечатанные в "Вестнике Европы" и "Новом времени" рассказы "Часы", "Сон" и "Рассказ отца Алексея"; б.) сделанные мною переводы двух легенд Г. Флобера, тоже напечатанные в "Вестнике Европы": "Иродиада" и "С⟨вято⟩й Июлиан"; в.) три уже напечатанные критические статьи и г.) новые прибавления к "Литературным и житейским воспоминаньям" — а также: д.) новое предисловие к романам. — Статьи под буквами *в*, *г* и *д* объемом приблизительно в восемь листов печатных. — Подробный перечень и порядок расположения статей по томам обозначены в прилагаемом к сему списке[4].

2°.) Издание имеет быть в пять тысяч пятьсот экземпляров (из коих двадцать пять предоставляется мне, Тургеневу, бесплатно) — на бумаге одинакового качества с присланным образцом; шрифт и формат также имеют быть согласны с присланным образцом.

3°.) Я, Тургенев, обязуюсь — прежде чем от этого нового, четвертого, издания 1879-го года не останется у наследников Ф.И. Салаева менее двухсот экземпляров — ни самому не предпринимать другого издания — полного или отдельных статей — ни отчуждать этого права другим лицам.

4°.) К каждому экземпляру этого нового издания прилагается портрет Тургенева, заказ, гравировку и пересылку которого беру я, Тургенев, на себя[5], с тем чтобы наследники Ф.И. Салаева приняли на себя половину всех сделанных по этому пункту издержек.

5°.) Прибавочные статьи обязан я, Тургенев, доставить издателям не позже 1-го/13-го августа нынешнего года — а все сделанные мною в тексте поправки и изменения

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография А. Либера. Париж, август — сентябрь 1879 г.

должны быть мною представлены не позже 1-го/13-го сентября нынешнего же года[6]. — Десятый же том, в котором заключаются комедии, должен быть доставлен немедленно в исправленном виде, с тем чтобы издатели могли начать с него печатание всего издания.

6°.) Я, Тургенев, предоставляю себе право отдельного дешевого (народного) издания "Записок охотника" и продажи его в мою пользу[7].

7°.) Опубликованная цена на полное собрание моих сочинений в *десяти* томах не должна превышать *пятнадцать* рублей за экземпляр.

8°.) Издатели имеют право, по выпуске первых двух или трех томов, открыть, по усмотрению, подписку на остальные и выдавать билеты на их получение.

9°.) Наследники Ф.И. Салаева обязуются обратить особое внимание на корректурную исправность текста[8].

10°.) За право печатания и продажи нового собрания моих сочинений гг. наследники Ф.И. Салаева обязуются взнести мне, Тургеневу, двадцать две тысячи рублей сер. в следующие сроки:

1.) первый платеж — восемь тысяч рублей, в день подписания наследниками Ф.И. Салаева сего контракта, т.е. 15/27-го мая 1879-го года. — (Из этих восьми тысяч рублей полторы тысячи уже взнесены; следовательно, остается шесть тысяч пятьсот);

2.) второй платеж — 15/27-го ноября 1879-го года: три тысячи пятьсот рублей;

3.) третий платеж — 15/27-го мая 1880-го года: три тысячи пятьсот рублей;

4.) четвертый платеж — 15/27-го ноября 1880-го года: три тысячи пятьсот рублей;

и 5.) пятый платеж — 15/27-го мая 1881-го года: три тысячи пятьсот рублей.

Неуплата же денег в один из назначенных сроков влечет за собою уничтожение контракта, и полученные до тех пор деньги остаются в пользу Тургенева[9].

11°.) Контракт сей должен сохраняться обеими сторонами во всех пунктах свято и нерушимо — и имеет одинаковую силу для наших наследников, как и для нас самих.

12°.) Наследники Ф.И. Салаева обязуются доставить мне, Тургеневу, засвидетельствованную копию настоящего контракта с их подписями — а самый контракт с моей подписью хранить у себя[10].

Коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев.

Позднейшие записи Тургенева:

На срок 1-го мая 1879-го года восемь тысяч рублей получил.

Ив. Тургенев.

На срок 15-го ноября 1879-го года три тысячи пятьсот рублей получил.

Ив. Тургенев.

На срок 15-го мая 1880-го года три тысячи пятьсот рублей получил.

Ив. Тургенев.

Расчет сполна учинен согласно условию.

Ив. Тургенев.

25-го мая 1881-го года.
Москва.

43. РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО В.С. ПАВЛОВСКОЙ

2 (14) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что, будучи лично знаком с г-жой Верою Павловской (урожденной Гончаровой) — получившей диплом учительницы из Московского университета, — могу вполне рекомендовать ее как преподавательницу знающую и освоившуюся со всеми новейшими приемами педагогии. — Доверия родителей и наставников она заслуживает вполне[1].

Иван Тургенев.

$\frac{\text{14-го}}{\text{2-го}}$ мая 1879 г.

44. РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО В.С. ПАВЛОВСКОЙ

9 (21) мая 1879. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Je soussigné certifie que Mme Véra Pavlovsky (née Gontcharoff) ayant reçu le diplome d'institutrice à l'Université de Moscou, est une personne digne de toute confiance, et on ne peut plus apte soit à l'enseignement soit à la surveillance

d'une éducation. — Je la recommande tout particulièrement et ne doute pas qu'elle ne remplisse toute fonction pédagogique qui lui serait confiée — d'une manière absolument satisfaisante, vu ses connaissances en langues modernes, musique etc. — et l'honorabilité de son caractère[1].

Ivan Tourguéneff.

Paris.

Ce 21 mai 1879.

45. ДОГОВОР С Н.П. ЧЕРНОСВИТОВЫМ

17 (29) мая 1879. Париж

1879 года, мая 4 дня, нижеподписавшийся, коллежский секретарь Николай Петрович Черносвитов, обязывается пред Иваном Сергеевичем Тургеневым, во-1-х, вести в Тульском окружном суде и Московской судебной палате дело о взыскании с Порфирия Константиновича Моляревского 2850 руб., полученных им с Чедаева за лес на срок 10-го января 1879 года[1], и, во-2-х, вести дело о восстановлении межевых признаков по владению общества крестьян дер. Кольны Троицко-Бачуринской волости Чернского уезда и об изъятии из владения Жикина захваченной земли этого общества[2]. За мой труд по этим делам Иван Сергеевич Тургенев должен заплотить мне: по первому делу 10 % с рубля исковой суммы, т.е. двести восемьдесят пять руб. (285 р.), а по второму сто руб. (100 р.)[3]. Расчеты на бумагу, пошлины и прочее должны быть на счет г. Тургенева, на каковые уполномоченный его г. Щепкин и должен выдать мне сто рублей, отчет в которых я обязан дать по окончании дел. Вознаграждение за мой труд должно быть уплочено не прежде, как по окончании дел.

Коллежский секретарь Николай Петрович Черносвитов.

Один экземпляр этого обязательства должен находиться у Ивана Сергеевича Тургенева, а другой, с его подписью о согласии на принятие его, у меня, Черносвитова. — Черносвитов.

Далее рукой Тургенева:

Соглашаюсь на ведение упомянутых дел г-м Черносвитовым и на условия, им предложенные, в чем удостоверяю своею подписью.

Коллежский секретарь Иван Тургенев.

Париж.

29/17-го мая 1879 г.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

5206. Неизвестному (с. 5)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Воскресенье, 12 янв. 79.

Милостивый государь,

Ваше первое письмо не дошло до меня. — Спешу исполнить просьбу, с которой вы изволили обратиться ко мне, и на следующей странице вы найдете искомую цитату.

Остаюсь, милостивый государь, с совершеннейшим уважением

ваш покорнейший слуга
Иван Тургенев.

"Когда человек хочет казаться умнее, он кажется глупее,
чем есть на самом деле"[1].

Париж.
Январь 1879. Иван Тургенев.

5207. Эмилю Золя (с. 5)

С французского:

Вторник утром.

Мой дорогой Золя,

Пишу вам в постели после бессонной ночи, в течение которой мне два или три раза казалось, что я вот-вот задохнусь. У меня такой фантастический насморк, о каком я никогда и не слыхивал. Я в отчаянии от этой помехи, но двигаться не могу. Вынужден вернуть вам билет[1]. Если у вас есть кому его отдать, то это хорошо; если нет, возвратите мне, и я отлично пристрою его. Я отдам этот билет одному другу, который будет вам аплодировать так же, как это делал бы я сам[2].

Я полон надежд относительно сегодняшнего вечера, но все же очень досадно, что так случилось.

Весь ваш
Ив. Тургенев.

5208. Людвигу Пичу (с. 6)

С немецкого:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Вторник, 14 янв. 79.

Мой дорогой Пич,

Вы неправильно поняли мое письмо[1]. Ведь все эти резкие выражения относились не к Вам — Вы во всей этой истории невиннее агнца — они, конечно, относились к *Дому*, которому Вы должны были показать письмо. — Если Вы взглянете на вещи беспристрастно — то, надеюсь, признаете, что он в самом деле поступил безответственно. — Ему ничего не стоило бы ответить отказом — и отослать рукопись обратно[2]. — Теперь же, несмотря на всю благожелательность великого герцога, Лассена и директора театра[3], дело, вероятно, пойдет прахом[4] — а Луиза, выражаясь изысканным языком Бисмарка (vide[а] Буш), получит "*удар*", от которого ей, бедняжке, не оправиться[5].

Но довольно! Sapienti sat[б]. В моей дружбе Вы можете сомневаться так же мало, как и я в Вашей.

Ваш
Ив. Тургенев.

5212. Каролине Комманвиль (с. 10)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Среда утром.

Любезная госпожа Комманвиль,

Вот видите: человек предполагает — а подагра располагает. — Я твердо решил, что сегодня пойду к вам — (потому что по средам вы дома) — но уже со вчерашнего утра свалился — с сильно распухшим коленом и не в состоянии пошевелиться. Верьте, я очень сожалею об этом! Надеюсь, что это не протянется слишком долго и я скоро смогу лично принести вам свои новогодние поздравления[1] — а также выражение моих самых сердечных чувств.

Ив. Тургенев.

P.S. Мой дружеский привет г-ну Комманвилю.

[а] смотри (*лат.*).
[б] Умному достаточно (*лат.*).

5214. Н.А. Щепкину (с. 12)

С французского:

Щепкину, Мценск, село Спасское, Россия. — Немедленно справьтесь о состоянии моего тяжелобольного брата и пришлите телеграмму, ответ оплачен. Тургенев[1].

5215. Эмилю Золя (с. 12)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Воскресенье утром.

Мой дорогой друг,

Мои самые искренние поздравления со вчерашним большим успехом[1]. Я не мог судить об этом *de visu*[a], так как вот уже шесть дней, как я в постели из-за нового приступа подагры; но я отдал билет сыну г-жи Виардо, одному из ваших больших почитателей. Уверяю вас, он усердно аплодировал[2]. Не сможете ли вы достать мне четырехместную ложу (за деньги, разумеется) на одно из следующих представлений "З⟨ападни⟩"?[3] Если да, я был бы вам чрезвычайно признателен.

Сердечно жму вам руку.

Совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5216. А.Н. Тургеневу (с. 13)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Воскресенье утром.

Мой дорогой Альберт,

Мне необходимо видеть вас и поговорить с вами хотя бы несколько минут[1]. Я сам пришел бы к вам, но вот уже 5 дней, как я свалился с новым приступом подагры. — Если вы вернулись из Вербуа, зайдите ко мне[2]. — Разумеется, вы застанете меня дома.

Тысяча дружеских приветов вам и всем вашим.

Ив. Тургенев.

---

[a] *лично* (*лат.*).

5219. Гюставу Флоберу (с. 16)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Вторник, 21 янв. 79.

Мой добрый старина,

Быть может, вы недоумеваете, почему я не подаю никаких признаков жизни? Увы, друг мой, я стал совершеннейшим калекой, который больше не в состоянии что-либо “предпринять". Вот уже скоро две недели, как в меня опять вцепилась подагра — и лишь со вчерашнего дня я начал ходить по комнате — разумеется, при помощи костылей. — Я не мог присутствовать на первом представлении “Западни"; выхолощенная надлежащим образом, она, по-видимому, имела шумный успех мелодрамы старого доброго времени[1]. — Вчера я получил известие о смерти моего брата[2]; для меня это большое личное горе, связанное с воспоминаниями о прошлом. — Мы виделись с ним очень редко — и между нами не было почти ничего общего... однако брат... иногда это даже меньше, чем друг, но все же нечто совсем особое. — Не такое сильное, но более близкое. — Мой покойный брат был миллионером — но все свое состояние он оставил родственникам жены. — Мне же (как он мне писал) он отказал 250 000 фр<анков> — (это приблизительно одна двадцатая часть его состояния)[3] — но так как люди, окружавшие его в последние годы, весьма смахивают на мошенников — мне, видимо, придется немедля туда отправиться — наследство моего брата может очень легко испариться[4]. — Итак — дней через 10 я, возможно, буду уже на пути в Москву. Но в таком случае когда мы увидимся? Ведь о поездке в Круассе тогда нечего и думать[5]. — А между тем я испытываю сильнейшее желание вас видеть! Так ли уж вам необходимо оставаться там до конца февраля? — Что за грустная зима! — Я живу уединеннее любого крота. — Одиночество, полное одиночество и полное безделье — вот что дает ощутить вкус — и привкус — своей бесполезности[6]. — Но что делать! Терпение!

К счастью, здесь все здоровы.

Напишите мне несколько слов. — Надеюсь, что ваша работа подвигается исправно[7].

Обнимаю вас.

Ваш
И. Тургенев.

5224. Гюставу Флоберу (с. 21)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница, 24 янв. 79.

Мой дорогой старина,

Письмо ваше я получил[1] — а вчера г-жа Комманвиль была столь любезна, что меня навестила. — Мы довольно долго беседовали. — Естественно, главной темой нашей беседы были вы. — Я нашел ее в добром здравии и совершенно расположенной к работе[2]. — Как только смогу ходить без палки и в особенности подниматься по лестнице, нанесу ей ответный визит.

Вполне возможно, что моя поездка в Россию будет отсрочена: все зависит от писем, которые я оттуда получу. — В таком случае я непременно приеду в Круассе[3]. К несчастью, отец наследницы — мошенник, который так и норовит меня обокрасть. — Может быть, хоть мое присутствие ему помешает[4]. — Я в этом далеко не уверен — но, быть может, мне следует все же сделать вид, что я так думаю.

Ваша племянница сказала мне, что здоровье ваше в порядке: это самое важное. — Вы не любите гулять; и все же надо себя заставить. — Однажды мне пришлось больше месяца просидеть в тюрьме (в одиночном заключении): камера была маленькая — жара стояла удушающая. Два раза в день я переносил — по одной — 104 карты (две колоды) из одного угла камеры в другой... это составляло 208 оборотов; — 416 в день — каждый оборот насчитывал 8 шагов — всего более 3300 — около 2 километров! — Пусть этот хитроумный расчет придаст вам бодрости! — В те дни, когда я не совершал своей прогулки, у меня словно вся кровь приливала к голове![5]

Я вырезал для вас из газеты прилагаемую статью, мне кажется, ее написал подлинный г-н Прюдом! — Присоедините ее к своей коллекции[6].

Я напишу вам в самое ближайшее время, как только выяснится что-либо определенное.

А пока обнимаю вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

5225. Каролине Комманвиль (с. 22)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Суббота.

Тысячу раз спасибо за вашу записочку, любезная госпожа Комманвиль[1]. Я чувствую себя немного лучше, то есть передвигаюсь на костылях; но еще не знаю, когда смогу выйти из дому.

Само собой разумеется, что мой первый визит будет к вам. Дружеский привет вам и г. Комманвилю.

Совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5229. Н.А. Щепкину (с. 26)

С французского:

Николаю Щепкину, село Спасское, Мценск, Россия. — Известите Маляревского, что я не разрешаю хоронить брата без меня, о дне сообщу[1]. Тургенев.

5233. Людвигу Пичу (с. 28)

С немецкого:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 29 янв. 79.

Любезнейший Пич!

Во-первых — я должен просить у Вас прощения за то, что так часто докучаю Вам...

Во-вторых: я не могу иначе. Ведь настал крайний срок! Собственно говоря, этот крайний срок уже прошел.

Будьте так безгранично добры — подите сразу же по получении этого письма к Дому — и попросите его передать Вам рукопись — законченную или незаконченную[1]. — Я знаю — он уверяет, что отослал ее; но это такая же неправда, как и его утверждение, что он написал г-же Виардо. Что касается меня — то я убежден, что Д⟨ом⟩ *не написал ни слова* (о переводе) — но все еще надеется сделать это — и, таким образом, оставляет дело висеть в воздухе. — Взовите к его *доброму сердцу*. — Ведь будет совсем скверно, если он, чтобы не опровергать самого себя — и заставить нас поверить, что рукопись якобы отправлена и затерялась в пути, сожжет ее в камине![2] — Как только эта злополучная

рукопись будет в Ваших руках, вышлите ее *stante pede*[a] в Париж г-же Виардо — или нет! *телеграфируйте* сюда[3], что она у Вас — и ждите ответа.

А потом пусть все боги Олимпа (включая Венеру) украсят Ваше божественное чело неувядаемыми лаврами! — Святая Цецилия тоже может помочь[4], так как, не забудьте: все музыкальное будущее Луизы зависит сейчас от Вас и висит на волоске. — Бедняжка совсем заболела от этой истории.

А теперь с богом!

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Через 10 дней я буду в Берлине, так как я еду в Россию[5], где только что умер мой бедный брат — и где я попытаюсь спасти что-нибудь из наследства[6].

5236. Каролине Комманвиль (с. 32)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг утром.

Какой ужасный случай! Я немедленно телеграфировал Флоберу[1] с оплаченным ответом — и ответа не получил — это меня очень беспокоит. — Завтра еду в Круассе[2]. — Может быть, вы сообщите мне что-нибудь новое?

Я пишу в адресе *г-ну* или *г-же*, так как предполагаю, что один из вас уехал в Круассе[3]. Извините бессвязность этой записки. Тысяча дружеских приветов.

Ив. Тургенев.

5237. М.Г. Савиной (с. 32)

С французского:

Марии Савиной, Александринский театр, СПб. — Тысяча благодарностей за трогательное внимание, поздравления с успехом, ставшим возможным благодаря вашему таланту[1]. Тургенев.

---

[a] *немедленно* (*лат.*).

5239. Гюставу Флоберу (с. 34)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница утром.

Мой дорогой больной,

Ваше письмо пришло, когда я собирался в дорогу. — Сегодня я уж не поеду, раз вам так угодно — но я непременно должен с вами повидаться — это необходимо мне, и *вам* также — я приеду в *понедельник*. Что вы там говорите о каких-то *двух* часах? — Я приеду утром и останусь до следующего дня. — Если у вас нет свободной постели — я переночую в Руане. Более чем вероятно, что через неделю я отправлюсь в Россию, а до тех пор обязательно хочу вас увидеть[1].

Почему вы не ответили на мою телеграмму (с оплаченным ответом)?[2] — Из-за этого я провел по-настоящему тревожный день! — равно как и г-жа Виардо, которая просит вам передать, что — до этого дня — сама не знала, как она к вам привязана[3]. — Вчера утром я написал г-же Комманвиль, и ее ответ меня успокоил[4]. — Но она говорила лишь о растяжении связок — а я вижу, что вы все же сломали себе ногу[5]. Мне даже приснилось, что вы мне показываете место перелома: чуть пониже правого колена.

Итак — до *понедельника* — "te volente aut nolente"[a]. — Мне многое нужно вам сказать и многое от вас услышать[6].

Надеюсь, что ко времени моего возвращения из России через полтора месяца вы будете совсем молодцом. — А пока обнимаю вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

5240. Эмилю Золя (с. 35)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Суббота.

Мой дорогой друг,

То, что вы мне только что сообщили, чертовски неприятно[1]. Постараюсь поехать к Флоберу[2]; но так как уезжаю я в 7 ч. вечера, я просил бы вас зайти ко мне завтра для большей верности в *половине двенадцатого*[3]. Нужно подумать, что можно сделать[4].

Итак, до завтра.

Совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

---

[a] "хочешь ты этого или нет" (*лат.*).

5242. Эмилю Золя (с. 36)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Понедельник[a], 5 ч.

Мой дорогой друг,

Я сейчас вернулся от Флобера и спешу уведомить вас, что он чувствует себя хорошо, насколько это возможно. Он очень спокоен и рассудителен и, возможно, дней через десять встанет[1].

Я говорил ему о том *серьезном* деле[2]: он очень признателен и, думаю, *поколеблен*; но хотел бы знать точную сумму вознаграждения. Мне пришлось обещать, что я телеграфирую ему об этой сумме завтра же[3]. От семи до восьми тысяч франков (с квартирой), не так ли? Если вы это точно знаете, пришлите мне записку сегодня же вечером[4]; если нет, нужно будет спросить у Шарпантье[5].

Тысяча дружеских приветов.

Ив. Тургенев.

5243. Эмилю Золя (с. 36)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Четверг утром.

Мой дорогой друг,

Я только что получил письмо от Флобера; он *согласен* и хотел бы знать, может ли он твердо рассчитывать на это[1]. Я заеду к вам к 2 часам (вам это удобно?), и мы обсудим способ действий[2]. Если вы предпочитаете другое время, дайте мне знать об этом. Я свободен до обеда.

Тысяча дружеских приветов.

Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

5244. Гюставу Флоберу (с. 37)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница утром.

Мой дорогой друг,

Вот мой ответ на два ваших письма[1]: будьте спокойны — о вас хлопочут — и должен вам сказать, что Золя и супруги Шарпантье проявляют себя при этом с *наилучшей стороны*[2]. — Я очень рад вашему согласию[3] и *не уеду* в Россию — пока не последует окончательное решение[4]. — Буду держать вас в курсе дела. Правда, ко всему прибавилось еще одно небольшое затруднение: Бодри ведь зять Сенара — а Сенар способствовал созданию нового министерства[5]. — Но Гамбетта продолжает принимать в вас живейшее участие — а это главное[6]. — Мы сделаем все, что потребуется.

Вы ничего не пишете мне о своей ноге — это хороший признак[7]. — По крайней мере, я на это надеюсь. — Передайте от меня привет милому г-ну Лапорту[8]. — Обнимаю вас.

И. Тургенев.

P.S. Вероятно, я напишу вам завтра[9].

5247. Гюставу Флоберу (с. 40)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Воскресенье утром.

Мой дорогой друг,

Сегодня все еще нет ничего нового; — окончательный ответ от Гамбетты мы получим завтра[1]. — Я остаюсь здесь до четверга[2]. — Сведения, которые вы мне сообщаете в сегодняшнем письме, я учту непременно[3]. — Я не знаком с г-жой Пелуз — но думаю, что Шарпантье ее знают; что же касается г-жи Адан, то я как-то повстречался с ней на одном аукционе, и она очень любезно со мной разговаривала. — Я напишу ей и попрошу меня принять[4]. — Почему бы вам, со своей стороны, не написать г-же Пелуз?[5] Теперь, когда вы наконец решились — надо идти вперед. — Самое глупое в этой истории то, что г-н де Саси чувствует себя лучше и даже поговаривают о возможном его выздоровлении![6]

Я рад узнать, что во вторник вы собираетесь подняться с постели[7]. — Только остерегайтесь чрезмерно утомлять ногу. — До самого моего отъезда я буду писать вам ежедневно.

Обнимаю вас.

Ваш
И. Тургенев.

5249. Гюставу Флоберу (с. 41)

С французского:

Гюставу Флоберу, в Круассе, около Руана. — Рассчитывать не на что, отказ окончательный, подробности письмом[1]. Тургенев.

5250. Полине Брюэр (с. 41)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг утром.

Моя дорогая Полинетта,

Только что получил твое письмо[1] и отвечаю тебе коротко — потому что завтра же уезжаю в Россию, где постараюсь собрать какие-нибудь крохи от большого состояния моего брата (полагаю, ты знаешь, что он недавно умер)[2] — состояния, которое он оставил родственникам своей жены. Эти родственники явно намерены присвоить даже то немногое, что брат завещал мне — и мне нужно быть на месте, чтобы постоять за себя[3].

Что касается того, о чем ты просишь[4] — я могу тебе дать лишь один совет. Даже сокрушаясь о неудачах, которые как будто преследуют вас — *держитесь всё же за свою фабрику*. Я абсолютно бессилен что-нибудь для вас сделать. — Совсем недавно я пытался хлопотать о месте (десять раз обещанном) — для моего бедного друга Флобера, который совершенно разорен — и мне было отказано в самой резкой и грубой форме[5]. Я никогда больше не стану с этим связываться. Повторяю, я абсолютно бессилен — и буду тебе весьма признателен, если ты никогда больше об этом не заговоришь.

Я напишу тебе из Москвы — извещу тебя, не идет ли и там все тоже из рук вон плохо[6]. — Пока обнимаю вас всех и желаю вам тысячу благ.

Ив. Тургенев.

P.S. Я уплатил за тебя 124 фр⟨анка⟩ г-же Иннис.

5251. Гюставу Флоберу (с. 42)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг утром.

Мой дорогой друг,

Из моей телеграммы, посланной сегодня утром[1], вы уже знаете о крушении всех наших планов. — А вот и подробности. — После моего возвращения в Париж мы приняли следующее решение: я должен был попытаться поговорить с Гамбеттой, затем с Ферри и, если понадобится, с Бодри[2]. — В четверг вечером — первое письмо от Золя (прилагаемое ниже)[3] — а затем остановка. — Прошу г-жу Адан принять меня; никакого ответа[4]. — В понедельник утром — письмо от Золя вместе с запиской от г-жи Шарпантье (я вам их тоже посылаю)[5]. Представьте себе мое изумление. Нанимаю экипаж и направляюсь прямо в президентский дворец, чтобы увидеться с Гамбеттой (Шарпантье обещали, что окончательный ответ последует в *субботу*). Принят я не был, но мне удалось поговорить с его личным секретарем, г-ном Арно (сыном г-жи Арно де л'Аррьеж). Я излагаю ему наше дело: он очень любезно меня выслушивает, хоть и ерзая все время на месте — что-то записывает на листке бумаги — и клятвенно обещает, что ответ будет сообщен мне завтра же утром. — Конечно, никакого ответа не приходит. — Отправляюсь к его матери, с которой недавно познакомился: каменное лицо. — Возвращаюсь домой, пишу письмо на имя Гамбетты — и в тот же день несу его г-же Арно с просьбой передать мое письмо через ее сына[6]. — При этом добавляю, что приду к ней за ответом — на следующий день. — Назавтра — т.е. вчера, в среду — снова иду к г-же Арно: ничего! — и тут же получаю письмо от г-жи Эдмон Адан, о которой говорили, что она находится в Канне (посылаю вам и это письмо[7]). — Надеваю фрак и белый галстук — и вот я уже в ее гостиной, где собрались едва ли не все влиятельные политики и откуда руководят и управляют Францией. Она радушно меня принимает — я излагаю ей наше дело... "Но Гамбетта здесь — он курит после обеда — мы в одно мгновенье все узнаем". — Две минуты спустя она возвращается: "Дорогой мой, это невозможно! У Гамбетты уже есть собственные кандидаты". — Уверенной поступью приближается диктатор: никогда мне не приходилось видеть, чтобы дрессированные собаки плясали так перед своим хозяином, как окружавшие его министры, сенаторы и т.д. — Он принимается болтать с одним из них. — Г-жа Эд. Адан берет меня за руку и подводит к нему; — но великий человек отклоняет честь знакомства со мной — и повторяет — достаточно громко, чтобы я услышал: "Я не желаю — ведь уже сказано — это невозможно". Я исчезаю — и возвращаюсь домой, *погруженный*, как говорят — в раздумья, о которых мне нет нужды

сообщать вам. Вот как можно полагаться на красивые слова и обещания.

Два места, о которых пишет г-жа Шарпантье, будут предоставлены гг. Бодри и Сури[8].

Итак, мой дорогой старина — надо выкинуть все это из головы — и снова приниматься за работу, я имею в виду литературную работу, единственно подобающую такому человеку, как вы. — Уезжаю я лишь в *субботу* (в 7 ч. утра). У вас достаточно времени, чтобы мне написать[9]. Сообщите мне о себе — теперь вы уже можете ходить на костылях?[10]

Напишу вам из Москвы[11]. Крепко вас обнимаю.

Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Я пишу несколько слов вашей племяннице[12].

5252. Каролине Комманвиль (с. 44)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ

⟨Разочарованный романист должен сообщить⟩ неприятную новость... Вчера Гамбетта объявил, что назначение Флобера невозможно и что у него уже есть собственный кандидат[1]. Нет нужды говорить вам, насколько это разочарование тягостно для меня. Я только что написал об этом Флоберу[2] ⟨...⟩ Завтра я уезжаю в Россию[3]. ⟨...⟩

Ив. Тургенев.

5253. Гюставу Флоберу (с. 44)

С французского:

Париж. Четверг.

Мой дорогой друг,

Я только что видел Золя, которому все рассказал; он вам очень сочувствует (этот молодой человек к вам искренне привязан, уж я-то в этом разбираюсь) и сожалеет, что я сообщил вам всю правду[1]. — Он хотел, чтобы вы не отказывались сразу же от нашего проекта. (NB. Г-жа Эд. Адан обещала мне “хлопотать” за вас в мое отсутствие, причем свои слова она подкрепляла очень сильными выражениями вроде того, что Франция обязана сделать это для вас, и т.д.[2] Я не упомянул об этом в моем письме.) Принимая во внимание все это — я, однако же, считаю, что обязан был сказать вам истинную правду; меня побуждал к этому

инстинкт друга. Тем не менее я передаю вам мнение Золя. *NB*. Я не сказал ему, что послал вам подтверждающие документы — его письма — и, может быть, вам не стоит ему об этом говорить[3]. Не подлежит сомнению, что ваши друзья сделали все, от них зависящее; но, вероятно, они ошибались, предполагая благожелательное к вам отношение.

Надеюсь, вы не подумали, что все эти неприятности сильно раздосадовали меня лично; я очень огорчился неудаче наших хлопот — но огорчился за вас; — что же касается моих встреч с сильными мира сего — то я сказал бы, что меня это почти позабавило — ибо мне довелось увидеть довольно неприглядную изнанку жизни[4].

Итак — не будем больше об этом говорить — и позвольте мне еще раз обнять вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

5254. А.А. Трубецкой (с. 45)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница, 14 фев. 79.

Дорогая княгиня,

Ваше письмо[1] пришло ко мне накануне моего отъезда в Россию[2]. Дела по наследованию, очень важные и весьма неприятные, требуют моего присутствия там[3]. Если со мной ничего не случится, я надеюсь вернуться через 6 недель[4].

Спешу сообщить вам сведения, о которых вы спрашиваете. Вот уже почти год как я принимаю пилюли Ф. Жозефа[5] — по утрам, поднявшись с постели, по 9 штук одновременно, в небольшом количестве подсахаренной воды. — Они не причиняют никакого беспокойства. Во время приступа, особенно если он сильный, прием их следует прервать. Единственное, что подходит в этом случае — это положить на больное место согревающий компресс, т.е. ткань, смоченную в холодной воде, с растворенным в ней небольшим количеством арники, на нее побольше ваты, клеенку — и шерстяной платок — менять все это только раз в сутки — и терпеть!

NB. Пилюли Ф. Жозефа продаются по *20* франков (а не по 25) в аптеке Лепердриеля, в доме № 70 по улице ф⟨обур⟩-Монмартр.

Все семейство Виардо пребывает в добром здравии и передает вам тысячу приветов. — Музыкальные четверги возобновлены и проходят очень интересно.

Что касается до событий во Франции, самое время сказать: "Novus verum nascitur ordo"[а, 6]. Но будут не только трудности (я говорю о Гамбетте), но и судороги и срывы... начиная с того же Гамбетты. — Буржуазная республика, эта последняя, чисто *политическая* форма общественной жизни, вступила в свой цикл: надо, чтобы она прошла его до конца[7]. — Ни вы, ни я (я в особенности) не увидим его завершения. — Это будет несколько серо, несколько тускло; но, в конечном счете, это лучше, чем тот ужасающий общественный и правительственный маразм, который захлестнул Россию[8]. Вот чему хотелось бы увидеть конец! — Может быть, мы его и увидим... но уверенности в этом нет.

Вы оказываете мне большую честь, перечитывая "Асю"[б, 9]. — Насколько я помню эту небольшую повесть, в ней есть изрядная доля искренности. Однако, чтобы избежать опасностей сравнения, вам не следовало предварять это чтением "Мастеров-звонарей"![10] — Что ж, будь... что будет.

Вы ничего не сообщаете мне о своем здоровье: предполагаю, что оно в порядке. — Мне пришлось пострадать — умеренно — от подагры; только бы она оставила меня в покое на время моего путешествия! — Что касается до чумы, то о ней лучше не говорить[11].

Передайте мои наилучшие пожелания обитателям Бельфонтена и позвольте со всей силой моей дружбы пожать вам руку.

Ив. Тургенев.

P.S. Дела Луизы идут так себе; ей пока не удалось поставить или исполнить свое произведение[12]. — Я скажу ей о "Соловушке"[13].

На конверте: Госпоже княгине Трубецкой,
в замке Бельфонтен,
близ *Фонтенбло.*

5255. Гюставу Флоберу (с. 46)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота утром.

Мой дорогой друг,

Через час я уезжаю, и у меня только и остается времени, чтобы сказать вам, как меня радует ваше отношение ко всей этой истории[1]. — Хорошо бы вам написать несколько слов Шарпантье и Золя. — Что же касается г-жи Адан, быть может, лучше промолчать[2].

[а] "Новый порядок нарождается" (*лат.*).
[б] *Название в оригинале написано по-русски.*

Я вернусь недель через 5 или 6, и тогда посмотрим. Может быть, к тому времени вы уже будете в Париже[3].

Я напишу вам из *Москвы*[4]. А пока обнимаю вас.

Ваш
И. Т.

5257. Людвигу Пичу (с. 47)

С немецкого:

ГОСТИНИЦА "С.-ПЕТЕРБУРГ"
У. Д. ЛИНДЕН, 31
БЕРЛИН

Настоящим предоставляю писателю господину Людвигу Пичу в Берлине исключительное право ставить на немецких сценах написанную мною двухактную драму — "Нахлебник" — в немецкой переработке и передаю ему мои авторские права на нее в полном, определенном законом объеме[1].

Иван Тургенев.

Берлин.
18-го февраля 1879.

5258. Гюставу Флоберу (с. 48)

С французского:

ГОСТИНИЦА "С.-ПЕТЕРБУРГ"
У. Д. ЛИНДЕН, 31
БЕРЛИН
Берлин.
Вторник, 18 февр. 79.

Мой дорогой друг,

Можете ли вы себе представить, какую досаду вызвала во мне статья в "Figaro" — с которой я ознакомился лишь в воскресенье в поезде не помню уж на какой железнодорожной станции?[1] — Эта досада особенно усилилась при мысли о том, как вы сами должны были огорчиться[2]. — Черт меня побери — если я знаю, кто такой этот г-н Аристофан[3]. Мой визит к г-же Э⟨дмон⟩ А⟨дан⟩ состоялся в среду вечером[4] — в четверг и пятницу я не выходил совсем из-за ужасного насморка — а в субботу уехал в Россию. — Об этом деле я говорил лишь с Виардо и его женой — и с Золя; но уж они-то с "Figaro" связи не имеют[5]. — Словом — видно, суждено, чтобы в этом деле все шло вкривь и вкось.

Здесь я нахожусь со вчерашнего вечера; сегодня выезжаю в Петербург, куда рассчитываю прибыть послезавтра.

В воскресенье я буду уже в Москве — а в понедельник или вторник напишу вам[6].

А пока будьте здоровы — т.е. старайтесь ходить без костылей — и на меня не сердитесь. — Обнимаю вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

5266. Клоди Шамро (с. 51)

С французского:

Москва.
Удельная контора.
Воскресенье, 18 февраля / 2 марта 1879.

Дорогая, горячо любимая Диди, вчера минуло две недели, как я покинул Париж, а я все еще не написал тебе; это вызывает у меня некоторые угрызения совести — и я беру в руки перо. Ты должна была получать известия обо мне от мамы[1]; а я, в свою очередь, знаю, что у тебя все в порядке, как и у Жоржа и у малышки Жанны; но у меня есть потребность обратиться к тебе напрямую. — Я нахожусь в Москве со среды[2], устроился очень хорошо, обласкан и накормлен моим старым другом Масловым, ни в чем не нуждаюсь — в смысле физическом — или, вернее, имею одну вещь даже в избытке: сильнейший насморк, который не желает покидать меня и который напоминает мне о прекрасных баденских временах. Что касается моего наследства, то я повидался с адвокатами, юристами[3], видел моего управляющего[4] — и, наконец, увиделся с хищной птицей, столь основательно меня ощипавшей[5]: итог всех этих встреч таков, что вместо 100 000 р. я получу лишь 50 000[6] — и к тому же хищная птица имела наглость заявить, что в конечном счете брат проявил щедрость в отношении меня!![7] Недели через две все юридические формальности будут выполнены — и я смогу возобновить свой полет[*, 8]. Только бы карантин не задержал меня на границе![9]

Вчера вечером я был в Консерватории, где под управлением Николая Рубинштейна состоялась генеральная репетиция оперы Чайковского "Евгений Онегин"[10]. Музыка показалась мне очаровательной: горячей, страстной, юной, очень колоритной и очень поэтичной. — В особенности игра оркестра была исполнена свежести и удивительного вдохновения. — Пели воспитанники Консерватории: отсюда — можешь видеть уровень исполнения... я говорю — можешь видеть, потому что, к счастью,

---

* И хищная птица тоже — в обоих смыслах. — Этот каламбур пришел мне в голову неожиданно. — *Примеч. Тургенева.*

слышать ты этого не можешь. — Особо отличился один молодой еврей, исполнявший партию влюбленного тенора Ленского[11], который имел вид самый презабавный, какой только можно представить: что за отличный набросок ты бы сделала с этого бедолаги, сухопарого, тощего, с приклеенными к туловищу руками, одной к груди, другой к бедру, с заостренными локтями, выдвинутой вперед головой, с жалко болтающейся на его неловких членах одеждой. — Напротив, м-ль Клименко[а,12], исполнявшая партию героини, Татьяны, обладает красивым голосом, хотя пока сыроватым, и подлинным драматическим темпераментом: попади она в хорошие руки, из нее вышел бы толк. — В целом, я получил удовольствие.

Понедельник утром.

На этом месте своего письма я получил твое — а также письмо от мамы[13], сообщающее о триумфе Марианны в цирке Паделу[14]. — Ни минуты не сомневаюсь в правдивости сказанного тобой — однако, может быть, тебе следовало сделать усилие — наперекор мигрени — чтобы не давать повода к ложным толкам. — Ну, да дело сделано — не стоит больше о нем говорить; — остается лишь радоваться этому успеху, который, судя по всему, превзошел обычные мерки — и, возможно, решит будущую карьеру твоей сестры[15]. К сожалению, эта карьера останется неполной без театра... а театр имеет свои неудобства, о которых нет нужды распространяться. — Что ж! поживем — увидим. — Впрочем, о триумфе Марианны я узнал из телеграммы еще в прошлый понедельник[16]. Из письма твоей мамы я узнал, что вчера она должна была снова петь; на этот раз, я уверен, ты присутствовала и успех, должно быть, снова был так же велик[17]. Забавно: в то время как Марианне рукоплескали в Париже — я тоже стал объектом очень неожиданной и шумной овации (!!)[18]: я рассказываю об этом в письме к маме[19], и ты узнаешь у нее подробности.

Что меня беспокоит со вчерашнего вечера, так это боль в правом колене — и я начинаю опасаться, как бы не было приступа: я собираюсь спокойно отсидеться дома — возможно, обойдется.

До скорой встречи, mein Herzensdidel[б]. Обнимаю Жоржа, Жанну und ich küsse deine schönen Augen und deine lieben Hände. Dein treuer[в]

И. Т.

[а] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: Климентова

[б] сердечко мое Диди (*нем.*).

[в] и целую твои прекрасные глазки и дорогие ручки. Твой верный (*нем.*).

5268. Раби (с. 54)

С французского:

Господину Раби (в Фонтвро).

Москва.

20 февр. / 4 марта 1879.

Милостивый государь,

Ваше письмо получено мною только вчера[1]; вот почему я отвечаю на него так поздно. Я едва ли достоин того высокого звания, которого вы соблаговолили меня удостоить; но я счастлив видеть, что литература моей страны начинает внушать интерес таким ученым, как вы. Пусть же сочувствие ваших читателей поощряет вас в ваших исследованиях[2].

Примите, милостивый государь, уверение в моих лучших чувствах.

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

5270. О.А. Новиковой (с. 56)

С французского:

Среда.

Любезная госпожа Новикова,

Я действительно обещал г-же Нейдгардт принять участие в субботнем утреннике[1] и намерен сделать это, несмотря на приступ подагры, который держит меня дома с понедельника. — Теперь мне лучше, и думаю, что, начиная с пятницы, я смогу выходить[2].

Весьма благодарен вам за присылку вашей брошюры — и примусь читать ее с большим интересом[3].

Примите, сударыня, уверение в моих лучших чувствах.

Иван Тургенев.

На конверте: Госпоже Ольге Новиковой
от Тургенева.

5272. О.А. Новиковой (с. 58)

С французского:

Суббота.

Любезная госпожа Новикова,

Я еще не выхожу из комнаты — но мне лучше — и я надеюсь, что в понедельник утром буду в состоянии явиться к г-же Нейдгардт. — Завтра буду знать это наверное[1]. — Я прочел вашу брошюру[2] с большим интересом — все, что вы там пишете, кажется мне истинным и справедливым; но ведь, вообще говоря, в дипломатии об этом заботятся меньше всего. — Вы были бы бесконечно добры, прислав английские газеты, о которых говорите, — заранее благодарю вас за это[3].

Примите выражение моих наилучших чувств.

Ив. Тургенев.

5274. О.А. Новиковой (с. 60)

С французского:

Любезная госпожа Новикова,

Чтение непременно состоится во *вторник*, в 2 ч. [1] — Я чувствую себя лучше, но пока еще не выхожу. — Большое спасибо за английские газеты[2].

Тысяча дружеских приветов.

Совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

Воскресенье.

5282. Полине Виардо (с. 65)

С французского:

№ 14

Москва.
Удельная контора.
Пятница, 14/2 марта 1879.

Theuerste Freundinn[a],

В течение четырех дней ни одного письма из Парижа! — Это меня немного беспокоит — так как в последнем письме, полученном от вас, вы жаловались, что чувствуете себя очень утомленной. — Посмотрим, что принесет сегодняшняя почта[1]. — Моя

---

[a] Самый дорогой друг (*нем.*).

подагра почти прошла — приступ, в целом, был довольно слабым[2]. — Я продолжаю наносить визиты. Сегодня должен предстать перед судом, чтобы попытаться ускорить утверждение меня в правах наследования[3]. — Чтение, с которым я должен был выступить в *воскресенье* в пользу недостаточных студентов, было решительным образом не дозволено: предполагаю, что опасались какой-либо манифестации[4]. — Но в понедельник я должен выступить с другим чтением в благотворительных целях — и догадайтесь где? — в Большом театре[5], в огромном московском театре, где мой голос потеряется, подобно писку комара в соборе. Меня водрузят на те же подмостки, на которых много лет тому назад — помните? — вы дали три ваших *знаменитых* концерта[6]. — Назвался груздем — полезай в кузов — но Боже правый! как же я буду рад, когда все это окончится — и я снова окажусь в моей тихой комнатке на улице Дуэ!

Кстати о беспокойстве — здесь очень озабочены оборотом дел во Франции. — Если Гамбетта не имеет достаточного влияния или не проявит достаточной энергии, чтобы обойти этот подводный риф в виде процесса министров[7] — государственная колесница, выражаясь языком г-на Прюдома[8], сильно рискует быть поглощенной волнами... С тревогой ждут телеграмм. — Что до чумы — о ней нет и помину[9]. И тем не менее курсы не растут. Решительно не стоит труда пересылать деньги от м-ль Шмейссер и взнос за *бал*, который, надеюсь, прошел как нельзя более блестяще[10]: я все привезу с собой.

Завтра день рождения Марианны... 25 лет!! — а послезавтра ее дебют в Консерватории[11]. — Как летит время — Боги великие!

Я надеюсь, что "La Calandrina"[б] произведет в Консерватории то же впечатление, что и везде[12].

А что с молодыми людьми, о которых вы говорите и которых хотели представить? Никакой новой фигуры *этого сорта* не было на бале?

Мне пришла в голову мысль послать вам одно из *не*изданных стихотворений поэта Тютчева — которое мне кажется прелестным и из которого можно было бы (в особенности вам) сделать прелестную музыкальную вещицу. — В нем представлено сражение между Зимой и Летом; — (по-русски Зима и Лето женского рода). Я напишу перевод для вас рядом[в, 13].
Сделайте из этого что-нибудь вроде "Синицы" или "Птичка Божия"[г, 14].

Сию минуту припомнил, что через три дня читаю в Большом театре... и содрогнулся от ужаса. — Злоупотребление моей

[б] "Жаворонок" (*итал.*).

[в] *Далее текст стихотворения Тютчева по-русски и по-французски в переводе Тургенева.*

[г] *Последнее заглавие написано по-русски.*

несчастной слабостью дойдет до того, что меня заставят публично плясать качучу![15]

Ну что ж! покойной ночи. — Заканчиваю моим обычным припевом: тысячу раз обнимаю всех — и — Küsse für Ihre lieben Hände.

Der Ihrige[А]
И. Т.

5283. Полине Виардо (с. 68)

С французского:

№ 15

Москва.
Удельная контора.
Понедельник вечером, 17/5 марта 79.

Theuerste Freundinn[а],

Es geht mir[б] в Москве в этом году по нарастающей, как у Николе[1]. Вчера, тем не менее, состоялся вечер для недостаточных студентов — хотя разрешение пришло только накануне...[2] и, Боже мой, что там было! Представьте себе более тысячи студентов в огромной зале Благородного собрания; я вхожу, раздается оглушительный шум, такой, что впору рухнуть зданию, крики ура, в воздух взлетают шляпы, потом вносят два огромных венка, потом мне в ухо молодой представитель студенчества выкрикивает спич, полный запретных выражений, что вызывает взрыв[3]; в первых рядах кресел бледный от страха ректор Университета[4]; я, стараясь не подлить масла в огонь, отвечаю, пытаюсь сказать хоть сколько-нибудь не избитое[5], потом, после чтения, вся эта толпа провожает меня в соседние залы, неистово вызывая меня 20 раз кряду; барышни хватают меня за руки... чтобы поцеловать их!! Безумие да и только! Если бы меня не вызволил жандармский полковник самых любезных манер и не затолкал меня в мой экипаж, быть бы мне там по сию пору[6]. Причину всего этого я хорошо понимаю; накануне вечно обещаемых и вечно откладываемых реформ, накануне пробуждения к политической жизни, вся эта молодежь наэлектризована, как лейденская банка; а я служил чем-то вроде машины для ее разрядки. И в этом мои либеральные взгляды повинны по крайней мере столь же, сколь литературные заслуги. Если бы эта бедная молодежь не выступала, она бы взорвалась! Все это не мешает тому, что я был чрезвычайно растроган тем, что приключилось со мной столь

[А] поцелуи вашим любимым рукам. / Ваш (*нем.*).
[а] Самый дорогой друг (*нем.*).
[б] Дела мои идут (*нем.*).

неожиданно, и совершенно изможден. Сегодня вечером я должен еще читать в Большом театре, но там ничего не случится[7], а еще завтра все здешние знаменитости всех партий дают в мою честь чудовищный обед (80 приглашенных), и начнутся *спичи*![8] Вот каким образом занимаются политикой, если нет другого способа. В среду я уезжаю в Петербург[9]; в пятницу состоится последнее чтение в Благородном собрании[10]; уже неделя, как все билеты разобраны, а потом свобода! свобода уехать...[11] по крайней мере, я на это надеюсь.

Завтра я окончательно узнаю, когда я могу рассчитывать на получение наследства[12].

Я привезу вам тексты двух приветственных выступлений студентов, мой ответ и завтрашнюю речь[13], а также несколько довольно любопытных *анонимных* писем[14]. Что за бурную жизнь я здесь веду... Решительно, это не по мне.

Это письмо отправится сегодня какое есть; завтра я начну другое[15]. Всех вас обнимаю очень нежно und bleibe auf ewig

Der Ihrige[в]

И. Т.

5285. О.А. Новиковой (с. 72)

С французского:

Вторник вечером.

Любезная госпожа Новикова,

Я постараюсь зайти к г-же К.[1], может быть, с небольшим опозданием. — Во всяком случае, очень надеюсь увидеться с вами в С.-Петербурге[2].

Примите уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

5289. Клоди Шамро (с. 74)

С французского:

Москва.
Удельная контора.
Воскресенье, 16/4 марта 79.

Моя дорогая, горячо любимая Диди, ты доставила мне величайшее удовольствие, написав милое письмо, которое я только что получил[1]. — Ты не говоришь о своем самочувствии — это заставляет меня предположить, что на сей раз твое “interesting

---

[в] и остаюсь навсегда / Ваш (*нем.*).

situation"[а] не причиняет тебе никаких неудобств, которым ты была подвержена в прошлый раз[2]. — Я также счастлив узнать, что ты меня читала — или перечитывала — и что на этот раз я тебе понравился больше. — В нынешнем году мне решительно везет как литератору (злые языки сказали бы: потому что я больше ничего не пишу и объявил, что впредь ничего более писать не намерен...[3]) — здесь меня превозносят до небес — и когда я вернусь, я заставлю вас всех не раз улыбнуться, рассказывая о том, что со мной происходило: и о визитах, и об анонимных письмах и адресах, и т.д. и т.д. — Сегодня вечером, напр⟨имер⟩, — студенты университета устроили мне невероятную "овацию": крики ура, взлетающие в воздух шапки, ошеломляющий спич — лавровый венок, такой большой, что через него могла проскочить цирковая наездница — и двадцать вызовов кряду — и объятия и shake-hands[б, 4]. Это очень приятно... но трудно переносимо. Это как будто тебя расстреливают конфетами. В конце концов — со мной такое случается в первый — и возможно, в последний раз: примем это — раз уж Господь это посылает. — Но ты тоже — купаешься в почестях: Стать супругой помощника мэра!.. Черт возьми! — Но я предсказываю тебе еще более счастливую судьбу: не пройдет и *пяти* лет, как твой муж станет депутатом, кавалером ордена Почетного легиона — а там кто знает? что за этим последует?

Возвращаюсь к своему постоянному припеву: Ах! если бы Марианне удалось найти себе мужа, подобного тому, что послало тебе провидение![5]

Терпение... но не будем терпеть слишком долго.

С.-Петербург.
"Европейская гостиница", № 194.
Пятница, 21/9 марта.

Mein vielgeliebtes Didel[в], мое московское письмо осталось неоконченным — и с тех пор я успел покинуть эту столь гостеприимную и любезную по отношению ко мне столицу — и со вчерашнего утра я в Петербурге[6]. — Начиная с воскресенья я снова был осыпан всевозможными почестями: в особенности на чудовищном обеде на 100 персон[7], где я, подобно Калхасу[8], чуть не задохнулся под ворохом цветов красноречия — все завершилось пением старинной студенческой песни: "Gaudeamus igitur!"[г, 9] и т.д. и т.д. Обо всем этом я подробно расскажу тебе — сейчас я совершенно ошеломлен — да еще столько дел — (сегодня вечером я снова участвую в чтениях[10] — кроме того в 3 ч. репетиция чтений — с очень

[а] "интересное положение" (*англ.*).
[б] рукопожатия (*англ.*).
[в] Моя горячо любимая Дидель (*нем.*).
[г] "Будем веселиться!" (*лат.*).

красивой актрисой, по имени Мария Савина[11] — я привезу ее фотографию и т.д. и т.д.). — Вдобавок ко всему проклятый насморк, не отпускающий меня в течение 6 недель, совершенно не дает уснуть — и я провожу бессонные ночи с медленными и тягостно напряженными перебоями в сердце, — как будто оно сделано из каучука. Ничего — все это пройдет, как только я вернусь в мой милый Париж — а это случится, я надеюсь, через неделю![12] — Назавтра по приезде я приглашаю себя к вам, чтобы *присутствовать* на вашем завтраке — и тогда — очередь за языком!!

Сейчас же удовольствуюсь тем, что со всей силой моей любви к тебе обнимаю тебя, рискуя задушить в объятиях — обнимаю также Жаннетон и Жоржа[13].

Mein liebes Kind, ich liebe dich *sehr*.

Dein alter[A]
И. Т.

5291. О.А. Новиковой (с. 78)

С французского:

Пятница.
2 ч.

Любезная госпожа Новикова,

Я могу послать вам визитную карточку вместе с пропуском[1] — спешу это сделать и надеюсь, что вам достанется не слишком плохое место.

Тысяча дружеских приветов.

Ив. Тургенев.

5294. О.А. Новиковой (с. 81)

С французского:

"Европейская гостиница".
n° 194.

Любезная госпожа Новикова,

Место, которое вы вчера занимали, стоило 10 рублей[1]. Если вам угодно прислать их мне, я передам их от вашего имени г-ну Гаевскому, председателю нашего Общества.

К великому моему сожалению, я не смогу совершить с вами намеченную на завтра поездку[2]: у меня не будет ни минуты свободного времени[3]. — Прошу вас великодушно меня простить и принять уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

[A] Мое возлюбленное дитя, я *очень* тебя люблю. / Твой старый (*нем.*).

5295. О.А. Новиковой (с. 81)

С французского:

Любезная госпожа Новикова,

К сожалению, все утро я буду занят; — мы можем условиться на завтра или послезавтра, если вам угодно[1].

Совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

На обороте: Г-же Новиковой.

5296. О.А. Новиковой (с. 82)

С французского:

Вторник. 5 ч.

Любезная госпожа Новикова,

Вот мой парижский адрес:

Улица Дуэ, 50.

Я так завален делами, что у меня нет ни одной свободной минуты; но я не уеду из П⟨етербур⟩га, не доставив себе удовольствия повидать вас[1]. — Тысяча извинений и дружеских приветов.

Ив. Тургенев.

5314. Полине Брюэр (с. 95)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Воскресенье, 6 апреля 1879.

Дорогая Полинетта,

Я вернулся сюда только вчера[1] — и должен очень извиниться перед тобой за то, что не сумел написать тебе из России[2]: я был там буквально завален делами разного рода. — Дело с завещанием моего брата окончилось довольно жалким для меня образом: вместо обещанных 100 000 р. — брат оставил мне чуть больше трети — это увеличит мои доходы на 4000 ф⟨ранко⟩в. — Все его большое состояние (более полутора миллионов) — перешло к родным его жены[3]. — Я очень охотно пойду на то, чтобы и ты выиграла от этого увеличения дохода — и, начиная с 1-го января, ты вместо 2400 фр⟨анков⟩ будешь получать 3000 — а кроме того, я смогу подарить тебе тысячу франков. — Напиши мне немедленно, до какого числа я выплатил тебе пенсию. Если не ошибаюсь,

я отправил тебе первую половину твоего дохода за 1879 год. — Как только получу от тебя ответ, перешлю то, что тебе следует.

Рад узнать, что ваши дела идут не слишком плохо. — Надо, чтобы так и продолжалось[4].

Мое здоровье недурно, а приступ подагры, случившийся со мной в России, был незначителен.

Не оставляю мысли навестить вас весной. А пока обнимаю всех вас — начиная с тебя.

Иван Тургенев.

5322. Полине Брюэр (с. 102)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота, 12 апреля 79.

Дорогая Полинетта,

Пишу тебе сегодня только словечко, чтобы предупредить тебя, что в *понедельник* (послезавтра) — высылаю тебе *1500* фр⟨анков⟩ — из которых *300* полагаются тебе как добавление к твоей пенсии (3000 фр⟨анков⟩, начиная с 1-го января) — а 1200 фр⟨анков⟩ как подарок[1]. — Сожалею, что я не могу сделать больше в данный момент. — Не забудь, что я должен еще выплатить долг г-же Иннис[2].

До понедельника. — А пока обнимаю всех вас.

Ив. Тургенев.

5325. Морицу Нехелесу (с. 103)

С немецкого:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 16 апреля 79.

Милостивый государь,

Я получил Ваше весьма лестное письмо с двумя номерами "Literatur-Blatt" и прочел Ваш "Литературный портрет"[1]. Очень благодарен за честь, оказанную мне; — и должен сказать, что многое в Вашем этюде мне кажется вполне верным и глубоко обдуманным. — Вы сами знаете лучше, чем я смогу это высказать, что писатель не облекает в образы предвзятых идей: все вырастает из его души наполовину бессознательно. — Иной критик указал бы, может быть, и с не меньшей основательностью, на другие мотивы моего творчества. — Если бы мне понадобилось назвать истинную

основу своей деятельности — я бы, пожалуй, сказал так: "Я писал потому, что мне самому это доставляло искреннюю радость". — Свой народ, человеческая жизнь, человеческие лица — вот определяющие данные; писатель делает из них, что может... и что он не в состоянии сделать иначе. — Это весьма неопределенная теория: для меня же она единственная[2]. Во всяком случае я прошу Вас принять мою искреннюю благодарность за Вашу неподдельную симпатию. — Считаю великим счастьем своей жизни, что я несколько приблизил свое отечество к восприятию европейской публики. Примите уверение в моем глубоком уважении.

Иван Тургенев.

5330. Эмилю Золя (с. 109)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота утром.

Мой дорогой друг,

Признаюсь вам чистосердечно, что мне претит входить в отношения с "Figaro"[1]. Я не знаю в Париже никого, кто был бы способен выполнить эту работу (разве попробовать обратиться к г. Дюран-Гревилю, мужу г-жи Анри Гревиль, живущему в Батиньоле, улица Турлак, 1)[2].

В России — другое дело. Кто, я думаю, охотно сделал бы это — причем быстро и хорошо — так это наш общий друг Петр Боборыкин[3], живущий в Москве: Сретенский бульвар, Фроловская улица, дом Губонина. Пусть обратятся к нему, рекомендуя быть не слишком многословным, но мое имя пусть не называют[4].

Тысяча дружеских приветов.

Весь ваш
Ив. Тургенев.

5338. Редактору "Le Temps" (с. 116)

С французского:

...Позавчера газета "Soleil"[1] сообщила, что после манифестаций в честь г. Ивана Тургенева, организованных учащейся молодежью Москвы и Петербурга[2], знаменитый русский писатель должен был быть выслан из страны; в депеше также сообщалось, что последствия могли быть более серьезными, если бы г. Тургенев не имел французского гражданства.

Истинного в этой новости только то, что манифестации имели место; русское правительство не предпринимало никаких

строгих мер против г. Тургенева, который, к тому же, не принимал французского гражданства. ⟨...⟩

5339. Гюставу Флоберу (с. 117)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота утром.

Мой дорогой старина,

Уж на сей раз вы, конечно, станете называть меня прелой грушей, тряпкой, лохмотьем и т.д. — и окажетесь правы[1]. — Но *прежде чем* нанести удар — выслушайте меня. (В этом я отличаюсь от Фемистокла.)[2] — Все мои сегодня уезжают[3] — и я мог бы располагать собой — *но* Поль Виардо дает завтра концерт (я об этом совсем забыл) — и я не могу на нем не присутствовать[4]. — Во вторник вечером я должен выступать с благотворительной целью (в нашем Обществе поощрения русских художников)![5] — Следовательно, я мог бы приехать в среду... *но* на достойном Сарданапала обеде, которым позавчера нас угостил Золя, было решено, что мы с ним, Доде и Гонкуром отправимся к вам в *воскресенье* (не завтра, а через неделю) — приедем мы к завтраку — они уедут в тот же вечер — а я проведу с вами весь понедельник[6]. — Разумеется — теперь вы вправе больше мне не верить — и я покорно выслушаю любую вашу брань. — Но думаю, что на этот раз все именно так и будет!

А пока обнимаю вас и остаюсь

ваш
Ив. Тургенев.

5341. Редактору "L'Indépendance Belge" (с. 118)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Воскресенье, 27 апреля 79.

Милостивый государь,

Я был бы вам весьма признателен, если бы вы соблаговолили поместить в вашей газете небольшое уточнение, которое появилось в "Temps" и которое прилагается — оно опровергает новость, напечатанную в "Soleil"[1] и повторенную в "Indépendance"[2].

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении.

Иван Тургенев.

5342. А.Н. Тургеневу (с. 118)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Воскресенье вечером.

Мой дорогой Альберт,

Подписываюсь обеими руками под тем, что вы предлагаете — и надеюсь, что испытание кончится "ad majorem equi gloriam"[a, 1].

Не попросите ли вы вашу матушку перенести завтрашний обед на *вторник*? Это меня очень устроило бы — а так как обед будет "запросто", то, надеюсь, это ничего не расстроит[2].

Тысяча дружеских приветов.

В⟨есь⟩ в⟨аш⟩
Ив. Тургенев.

5343. А.А. Трубецкой (с. 119)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Понедельник, 28 апреля 79.

Дорогая княгиня Трубецкая,

Пишу вам, так как не могу не откликнуться на желание, выраженное столь энергично, а также сознавая, что сильно опоздал с его исполнением[1]. Но клянусь вам, что не могу предоставить вам ничего кроме бездоказательного резюме (поскольку следовало бы написать целую брошюру[2]). Да, положение России очень тяжелое, нынешнее правительство в этом ничего не понимает и совершает только глупости; мы стоим накануне не революции, для этого в России не хватает определенных факторов, но, может быть, накануне социального распада "Смутного времени"[a, 3]. Обещаю, что как только у вас появится время и вы дадите мне об этом знать, я приеду в Бельфонтен с целой кипой документов, писем, газетных вырезок под мышкой, и тогда, в течение часа, надеюсь, смогу ввести вас в курс существующего положения дел. Это положение почти не имело примеров в нашей истории, как и то, что приключилось со мной на протяжении 6 недель, которые я там провел; голова моя до сих пор полна тем, что я видел, слышал от этого множества новых лиц и т.д. и т.д.[4] Но мне остается лишь повторить сказанное в начале этого письма: это можно только рассказать, а не написать. Следовательно, откладываю все это до нашей встречи.

---

[a] "к вящей славе коня" (*лат.*).
[a] "Смутного времени" *написано по-русски.*

Я очень рад, что здоровье ваше почти сносно: мое тоже ничего. Все здешние обитатели посылают вам свои наилучшие пожелания: г-жа Виардо и Луиза сейчас в Веймаре, где собираются поставить (в четверг) маленькую одноактную оперу, музыка которой принадлежит Луизе[5]. Поль занят концертами, он выступает очень успешно[6]; Марианна держится в резерве. Клоди is in an interesting situation[б, 7]; ее муж недавно стал помощником мэра в своем округе[8].

Я чувствую себя глубоким стариком, особенно после моего путешествия; но по существу из этого ничего не следует.

До скорого свидания, не так ли?[9] Очень сердечно пожимаю вам руку и остаюсь навсегда

преданный вам
Ив. Тургенев.

P.S. Мои поклоны м-ль Марианне[10].

На конверте: Г-же княгине Трубецкой,
в замке *Бельфонтен*
(близ *Фонтенбло*).

5344. Эдмону де Гонкуру (с. 120)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда утром.

Мой дорогой друг,

Придется отказаться от нашей совместной поездки в воскресенье. Флобер просит уведомить вас, что такая поездка невозможна, так как домашние условия позволяют ему принять сразу не более одного приятеля[1].

Я пишу об этом также Золя и Доде[2]. Что до меня, то я поеду[3].

Тысяча дружеских приветов.

Весь ваш
Ив. Тургенев.

[б] в интересном положении (*англ.*).

5346. Жюлю Этцелю (с. 121)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница утром.

Мой дорогой друг,

Посылаю вам французский перевод маленького русского рассказа, на который прошу обратить особое внимание. — Автор (ее зовут Аделаида Луканина) — особа весьма достойная, очень ученая — даже — и очень несчастная. — Это не имело бы большого отношения к делу — но в ее рассказе виден настоящий талант — сдержанное и глубокое волнение и превосходное знание среды, которую она описывает. Все это восхитило меня и, надеюсь, произведет на вас такое же впечатление. — Там есть образ *современной* русской девушки, нарисованный уверенной рукой. В настоящее время, когда внимание публики снова обращено к России[1], я полагаю, что, например, в "Temps" охотно бы приняли "Любу". — Если вы согласны со мной, то не смогли бы вы поговорить с Эбраром? Ваша рекомендация была бы для него очень веской — а я буду счастлив присоединить к ней свою. — Мне достаточно известна ваша любезность, и я не сомневаюсь, что вы не откажетесь кое-где исправить стиль. Впрочем, эти поправки, вероятно, будут немногочисленны. Одним словом, прочитайте — и посмотрите, что нужно сделать[2].

В ожидании ответа остаюсь сердечно

весь ваш
Ив. Тургенев.

5350. Эдмону де Гонкуру (с. 124)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда утром.

Мой дорогой друг,

Спешу поблагодарить вас за присланную книгу, которую я сейчас читаю и которая мне кажется одним из лучших ваших произведений. — Уже одно предисловие само по себе превосходно — а будучи написано вами, оно приобретает особый вес[1].

Я провел два дня в Круассе — у Флобера[2]. Его здоровье в общем неплохо — и работа подвигается. Он прочитал мне три

главы, которые мне очень понравились[3]. — Ходит он пока еще с трудом и приедет в Париж только через месяц[4].

Тысяча дружеских приветов и до свидания.

Иван Тургенев.

5351. Гюставу Флоберу (с. 124)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда утром.

Мой дорогой старина,

"Шпроты" прибудут лишь через неделю; — а пока посылаю вам другой шведской рыбы, которая, однако, хуже "шпрот"[1]. — Обе книги будут отправлены сегодня[2] — и сегодня же я увижу вашу племянницу[3]. — 3 главы, которые вы мне прочли, доставили мне огромное удовольствие, особенно 2-я и 3-я[4]. — Работайте вовсю, не падайте духом и приезжайте сюда, как только сможете.

А я пока тоже буду стараться работать[5] и обнимаю вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

5352. Альфонсу Доде (с. 125)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 7 мая 79.

Мой дорогой Доде,

Это письмо вручит вам один из ваших больших поклонников, мой добрый друг г. Х. Бойесен, молодой и весьма известный американский писатель[1]. — Он очень хочет с вами познакомиться — и я, находя это желание вполне естественным, предоставляю ему возможность удовлетворить его[2]. — Не сомневаюсь, что вы примете его с вашим обычным радушием — и заранее благодарю вас за это.

Дружески жму вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

5353. Редактору "Le Globe" (с. 125)

С французского:

Среда, 7 мая 1879.

Милостивый государь,

Покорнейше прошу вас опровергнуть известие, опубликованное в немецких газетах и перепечатанное в "Globe"[1]: меня не высылали, не изгоняли из России, и я надеюсь, что и впредь со мною подобного не случится[2].

Примите, милостивый государь, уверение в моих наилучших чувствах[3].

Иван Тургенев.

5354. А.Н. Тургеневу (с. 125)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг утр.

Мой дорогой Альберт,

Я думаю, что действительно надо купить коляску n° 1 через г-на Мишалона — за назначенную цену. Она вполне подходит.

Что же касается испытания юного "ученика"[1] — то я не смогу заняться этим сегодня — так как мы идем in corpore[a] в театр марионеток Ольдена[2] (в час); — но вот что я вам предлагаю: я завтракаю завтра в 12 $^1/_4$ у князя Орлова. — Хотите, я зайду к вам в 11 ч.?[3] — Мы могли бы немного прокатиться, и вы отвезли бы меня в посольство.

Тысяча благодарностей за все ваши любезности — и тысяча дружеских приветов.

Ив. Тургенев.

---

[a] в полном составе (*лат.*).

5355. А.Н. Тургеневу (с. 126)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Воскресенье утром.

Мой дорогой Альберт,

Будем считать, что я ничего не сказал — и займемся окончанием дрессировки лошади[1]. — Я поистине злоупотребляю вашей добротой — но попрошу вас заказать и упряжь... Да, а еще кучер!

Вы бесконечно любезны — и я дружески жму вам руку.

В⟨есь⟩ в⟨аш⟩
Ив. Тургенев.

5357. Полине Брюэр (с. 127)

С французского:

Дорогая Полинетта,

Вот *1000 фр⟨анков⟩*. — Это все, что я могу сейчас сделать. Около 15 мая ты получишь еще 1000 фр⟨анков⟩.

Таким образом, вместе с теми 4000 фр⟨анков⟩, которые я должен буду заплатить 1-го декабря г-же Иннис[1], ты получишь за год *10 000 фр⟨анков⟩*. Это намного больше того, что я смогу делать впредь.

Обнимаю тебя, а также всех твоих.

Ив. Тургенев.

5361. Виктору Гюго (с. 130)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница, 16 мая 79.

Высокочтимый мэтр!

Эту записку вам вручит мой друг, г. Х. Бойесен, талантливейший американский писатель — и, надо ли это добавлять, один из самых ревностных ваших почитателей. Весьма известный у него на родине издатель поручил ему написать статью о вас, которая будет сопровождаться иллюстрациями[1]. Он смеет надеяться, что вы соблаговолите поставить ваш автограф под портретом, который он принесет; вместе с тем ему хотелось бы узнать, где он мог бы найти фотографию либо вашей резиденции на Гернсее, либо вашего кабинета?[2] Я взял на себя смелость обещать г. Бойесену,

что вы примете его с той доброжелательностью, которая является одной из отличительных черт вашего гения — и, заранее благодарный за ваш прием[3], прошу вас принять уверение в самом глубоком моем к вам уважении.

Иван Тургенев.

5365. А.Н. Тургеневу (с. 132)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Вторник. 5 ч. $^1/_2$.

Мой дорогой Альберт,

Я вернулся из Буживаля, куда совершил маленькую *экскурсию.* Я решительно доволен лошадью — думаю, что буду доволен и кучером. — Это великолепное животное (лошадь, не кучер) — тихое, как утро, и очень *хороших статей*, как говорит Юбло. — Вы были бы... нет, вы продолжали бы быть самыми любезными людьми — вы и Пьер, если бы могли завтра утром прислать мне следующие вещи, которые просит Флери[1]:

a.) козлы,
b.) подставку,
c.) пару ножниц,
d.) обтянутый кожей гребень
и e.) резиновое пальто.

Я прошу все это (во всяком случае, 4 первые вещи) на завтра, так как работник, которому мы отдаем в стирку наше белье в Буживале, приедет завтра днем в одноколке — и мог бы все это захватить с собой. — Деньгам не лежится у меня в кармане! — Во всяком случае, надо заплатить Юбло.

Еще раз — спасибо — за прошлое, настоящее и будущее — и тысяча дружеских приветов вам и всем вашим.

Преданный вам
Ив. Тургенев.

5369. П.Н. Тургеневу (с. 136)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Воскресенье утром.

Мой дорогой Пьер,

Я подумал, что вам пришлось бы сделать большой крюк для того, чтобы заехать за мной завтра утром; мне кажется, будет

разумнее, если я сам приду к вам. — Поэтому прошу вас ждать меня завтра *ровно в 8 $^{1}/_{2}$ ч.* — Мы сейчас же отправимся в Буживаль[1].

Тысяча дружеских приветов.

Ив. Тургенев.

На конверте: Господину Пьеру Тургеневу.
Улица Лилль, 97.
Городское.

5370. Гюставу Флоберу (с. 136)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Воскресенье утром.

Мой дорогой старина,

Мне необходимо получить от вас весточку. — Сообщите непременно: 1°) Хотите ли вы мне *что-либо* сказать? Произошло ли какое-нибудь *улучшение* в ваших делах?[1] — 2°) Как ваше здоровье? как работа?[2] — 3°) Собираетесь ли в Париж и когда?[3] — Начиная с этой пятницы, я буду в Буживале. У меня есть для вас комната. Воздух там отличный, а в доме есть большие диваны, на которых можно растянуться во весь рост[4]. Но напишите поскорее[5]. — А пока обнимаю вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

5372. Александру Гессе (?) (с. 137)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
26 мая 79.

Милостивый государь,

С удовольствием исполняю Ваше желание, посылая Вам эти строки[1].

С почтением,
Иван Тургенев.

На конверте: *Autriche*[a].
Господину Александру Гессе
в *Граце.*
(Штирия).
Шлегельгассе, 3.

---

[a] *Австрия (франц.).*

5382. Гюставу Флоберу (с. 145)

С французского:

Гюставу Флоберу, улица Фобур Сент-Оноре, 240, Париж. — В воскресенье буду непременно, завтра заеду около четырех часов[1]. Тургенев.

5385. А.Н. Тургеневу (с. 148)

С французского:

Мой дорогой Альберт,

Вы исключительно любезны. — Если Вы согласны, я зайду к вам сегодня около *трех* часов (я буду по соседству с вами) — или же приду во вторник около *11 ч.* [1] — Если вам нужно уйти сегодня — не стесняйтесь — повторяю, что я в любом случае буду по соседству с вами.

Весь ваш
Ив. Тургенев.

5386. А.Н. Тургеневу (с. 148)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Воскресенье.
1 ч.

Мой дорогой Альберт,

Едва ваш посланный ушел, как я вспомнил, что уже приглашен сегодня на 3 ч. — Следовательно, я смогу быть у вас только послезавтра в *половине двенадцатого.* Простите за эту путаницу — и примите сердечное shake hand[a]

вашего
Ив. Тургенева.

5389. Эрнесту Ренану (с. 149)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ

Любезный господин Ренан,

Это письмо передаст вам г. Х. Бойесен[1], видный американский писатель, приехавший в Европу, чтобы ознакомиться

---

[a] рукопожатие (*англ.*).

с университетами различных стран — и написать об этом специальную работу[2]. Не говоря уже о его вполне естественном желании познакомиться с таким человеком, как вы, я позволил себе обещать ему, что вы любезно согласитесь дать ему несколько ценных советов, как лучше взяться за сбор необходимых сведений, — что кажется ему более затруднительным здесь, чем в Италии или Германии[3]. — Надеюсь, что вы примете его с обычной вашей благосклонностью; одновременно прошу принять уверение в моих лучших чувствах и уважении.

Совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5390. А.Н. Тургеневу (с. 149)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Вторник, 4 ч.

Мой дорогой Альберт,

С тех пор, как я вас видел, произошло вот что. — У моего друга, Г. Гинцбурга, есть ослица 5-ти лет, чудо красоты! Но так как он купил ее, чтобы иметь молоко — то вот уже год, как ее не запрягали. — Вид у нее гордый, как у императора! — Я боюсь, не слишком ли она резвая. — И вот что я сделал. Я пошел к Блонде и купил повозку — завтра он доставит ее к Гинцбургу вместе с временной упряжью. Кучер Г⟨инцбурга⟩ испытает ослицу — и, если она спокойная (как он уверяет) — я ее возьму — и закажу постоянную упряжь. — Считаю долгом сказать вам все это, чтобы вы больше не хлопотали — пока я вам не сообщу чего-нибудь нового[1]. — Эта ослица держит уши, как олень, вот так:

⟨рисунок⟩

Она прекрасного стального цвета. Одним словом — невеста хоть куда!

Тысяча дружеских приветов и благодарностей.

В⟨есь⟩ в⟨аш⟩
И. Тургенев.

5391. Генри Джеймсу (с. 150)

С английского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Среда, 11-го июня 79.

Любезный г-н Джеймс,

Рольстон не все сказал вам[1]: я еду в Оксфорд, потому что Университет оказывает мне неожиданную честь, избирая меня D. C. L.[2] — церемония состоится 18-го: через неделю[3].

Я уезжаю из Парижа в воскресенье вечером: в понедельник приеду в Лондон — и уеду оттуда в Оксфорд в тот же день — или очень рано во вторник[4]. Мне самому очень хочется повидать вас; но я пока не знаю, в какой гостинице остановлюсь[5] — но как только приеду в Лондон — утром в понедельник — пошлю вам телеграмму[6]. На обратном пути из Оксфорда я пробуду в Лондоне только два дня — и мы тогда смогли бы спокойно пообедать в *пятницу, 20-го*[7]. В Париже я должен быть в воскресенье, 22-го.

"A bientôt"[a] во всяком случае, остаюсь

совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5394. Вильяму Рольстону (с. 152)

С английского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Четверг, 12 июня 79.

Мой дорогой друг,

Я выеду из Парижа в воскресенье вечером поездом до Кале — и прибуду в Лондон в понедельник утром[1]. — Я остановлюсь, наверное, в гостинице около Паддингтонского вокзала[2] — однако я немедленно пошлю вам телеграмму — и мы позавтракаем вместе в *понедельник*[3]. — Мне нужно о многом вам рассказать и *расспросить вас*[4]. — En attendant[a] — остаюсь

совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

На конверте: *Angleterre*[б].
В. Рольстону, экс⟨вай⟩ру.
Альфред Плейс, 8,
Бедфорд Сквер,
Лондон.

---

[a] "До скорой встречи" (*франц.*).

[a] А пока (*франц.*).

[б] *Англия* (*франц.*).

5395. Гюставу Флоберу (с. 152)

С французского:

Буживаль. Ле Френ.
Пятница вечером, 13 июня 79.

Мой добрый старина,

Вероятно, завтра я уеду в Лондон. — Во всяком случае, я не смогу с вами обедать и откладываю это большое удовольствие до моего возвращения, которое произойдет через неделю[1]. Не браните меня слишком сильно — когда я сообщу вам причину — вы не станете на меня сердиться[2]. — А пока обнимаю вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Мне кажется, что в ваших делах наметился поворот к лучшему — и я этому *очень* рад[3].

P.⟨P.⟩S. Если я не уеду в субботу, то в воскресенье навещу вас[4].

5397. Юджину Скайлеру (с. 153)

С английского:

БУЖИВАЛЬ
ЛЕ ФРЕН
ШАЛЕ
(Сена-и-Уаза.)
Суббота, 14-го июня 79.

Любезный г. Скайлер,

Только что получил ваше любезное письмо[1] — и спешу известить вас — что вовсе не был изгнан или выслан из России[2], что до конца нынешнего года я намереваюсь отправиться в Петербург[3] — хотя во время моего последнего пребывания там я на самом деле получил несколько дружеских и полуофициальных намеков: — о желательности моего временного отъезда[4]. — Мне нечего было опасаться за себя — но мои юные друзья могли пострадать в случае моего дальнейшего пребывания в России — что в действительности и произошло...[5] И я уехал. — Все иные домыслы газет и т.п. по этому поводу — неверны.

Вам известно, возможно, что я отправляюсь в Оксфорд — где Университет намеревается присудить мне почетную степень D. C. L.[6] Очень большая — и очень неожиданная честь. — Особенно в настоящий момент.

Постоянная смена местопребывания, должно быть, вам изрядно надоела — однако, полагаю, нельзя не отдать предпочтения Риму в сравнении с Бирмингемом[7]. — Надеюсь, я буду иметь удовольствие

повидаться с вами на вашем пути в Италию[8]. — Церемония присуждения мне степени состоится 18-го числа нынешнего месяца — а 21-го я снова здесь — в Буживале[9] — и пробуду здесь до ноября месяца.

Остаюсь, любезный г. Скайлер,

совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5402. Полине Виардо (с. 158)

С французского:

№ 1[1]

Лондон.
Гостиница "Гросвенор".
Понедельник, 16 июня 1879.
5 часов.

Отчет

Отъезд из Парижа вчера в 7 ч. 45 мин. — Путешествие со стариком англичанином, старой англичанкой, французской горничной. — Происшествий никаких. — Переезд превосходный: море спокойное... Вблизи английского берега — туман; двигаемся очень медленно и то и дело подаем сигналы гудком, звук которого напоминает трубящего слона. — Перед отъездом — разослал все письма и повидался с Диди, которая дала мне свою синюю шаль — поскольку я не мог отыскать свой плед: ключ от библиотеки затерялся — и никакого слесаря ввиду воскресенья. — Эта синяя шаль сослужила мне на море добрую службу. Нашел хорошую комнату на 5-м этаже в гостинице "Гросвенор", близ Букингемского дворца. В 7 $^1/_2$ принял в гостинице ванну; прибытие в 7 часов. — Выпил чаю, который не идет в сравнение с тем, что пьют в "Ле Френ". — Визит американского литератора Генри Джеймса[2]; потом визит Рольстона[3]. — Узнал — о счастье! что мне не придется произносить *никакого спича*. — Довольно будет делать вид "where pride and modesty are mixed with gratitude"[а, 4]. — Постараюсь быть на высоте. — Послезавтра нас будет 4 доктора г⟨ражданского⟩ п⟨рава⟩, один из них Лейтон, художник, сэр Фредерик[5]. Позавтракал с моим другом Холлом[6] в великолепном "Reform Club"[б] — Пэл-Мэл — главный клуб вигов, где висят ужасные портреты Пальмерстона, лорда Дж. Рассела и стоят не менее ужасные бюсты Брума, Кобдена и *Кромвеля*[7]. За завтраком — к которому подают white baits[в] — два члена

[а] "сочетающий достоинство и скромность с признательностью" (*англ.*).

[б] "Реформаторском клубе" (*англ.*).

[в] мелкую рыбу (*англ.*).

парламента: Грант-Дафф и Уэддерберн[8]. — Последний весьма мил. — Познакомился с Блэком, автором "Принцессы Фульской", который сильно смахивает (Блэк) на маленького черномазого слугу: у него очень красный нос, на котором низко посажены очки в золотой оправе. — Познакомился с Робинсоном, издателем "Daily News". — Молодой человек, совсем лысый — буржуазного вида[9]. — Скверно и с трудом говорил по-английски: казался себе Джеком[10], тянущим экипаж по свежепосыпанной песком аллее. — Затем пошел с Холлом на выставку современных английских художников в Grosvenor House: ужасно, страшно, *chamber* of horrors![г, 11] — Колорит жалкий, рисунок детский; — эти господа думают взять экспрессивностью, которая, претендуя на глубину и поэтичность, на деле оказывается вялой, глупой и болезненной. — Есть там одна барышня средних лет, рукава буфами, которая собирает абрикосы в винограднике — дело происходит на *небе* — (кисти бывшей м-ль Спарталис) — от нее хочется не то смеяться — не то реветь — белугой![12] — А сюжеты! Например: двухметровой длины и в полметра шириной картина: наверху ангел с пестрыми крыльями, который держит закованного в броню рыцаря, а тот, в свою очередь, и тоже в руках — держит обнаженную женщину с лиловой газовой вуалью: действие происходит на небесах — и в каталоге именуется — "Розамунда"!![13] — Вся троица выстроена в один ряд — вот так:

⟨рисунок⟩

Нет! англичанам решительно нельзя браться за кисть! Виардо, несомненно, исходил бы пеной. — И все это в великолепнейшем зале — прекрасно освещенном. — Мой друг Холл был в восторге.

Вернулся в гостиницу, где проспал полтора часа из-за того, что провел бессонную ночь накануне. Сию минуту ожидаю Мануэля[14], который должен зайти за мной, чтобы отвести обедать к себе. — Само собой, много думал о "Ле Френ", о его обитателях, о Джеке, о Семирамиде[15]. — Прибыла ли она?

В настоящий момент стоит прекрасная погода; но все утро — дождь, желтый туман, небо заволокло, кругом грязь и смрад. — Боже! до чего уродливым кажется мне Лондон!! — Завтра рано утром уезжаю в Оксфорд[16].

Буду писать ежедневно[17].

Сегодня послал телеграмму в "Ле Френ"[18].

Обнимаю всех, а вам целую руки.

Der Ihrige[д]

И. Т.

[г] *комната* ужасов (*англ.*).

[д] Ваш (*нем.*).

5410. Полине Брюэр (с. 166)

С французского:

БУЖИВАЛЬ
ЛЕ ФРЕН
ШАЛЕ
Суббота, 28 июня 79.

Дорогая Полинетта,

Из-за глупости нашего швейцара я получил два твои письма одновременно[1]. — Очень жаль бедную г-жу Иннис — но я знал, что она обречена, ибо навестил ее за 10 дней до смерти[2], перед тем как отправиться в Англию. — Я написал г-же Маккарти[3] — чтобы договориться с нею о встрече — и уплатить ей 4000 фр⟨анков⟩, которые я был должен покойной. Во вторник пошлю тебе Суэцкую воду[4] и школу фортепианной игры. Я собираюсь навестить тебя — но пока я не могу точно сказать когда. — Здоровье мое, впрочем, неплохо, и я молодцом съездил в Оксфорд, где получил звание доктора![5]

А пока обнимаю вас всех — и до свидания.

Ив. Тургенев.

5411. Луи Леже (с. 167)

С французского:

БУЖИВАЛЬ
ЛЕ ФРЕН
ШАЛЕ
Суббота, 28 июня.

Любезный господин Леже,

Только что получил вашу посылочку, перевод я прочту — и вы получите его завтра *непременно*. — Не сомневаюсь, что он превосходен[1].

А пока
жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев[a].

P.S. Я только что возвратился из Оксфорда, где меня *произвели в доктора*[2].

---

[a] *Слова*: жму ~ Тургенев — *написаны по-русски.*

5421. П.Л. Лаврову (с. 173)

С французского:

Петру Лаврову, улица Сен-Жак, 328, Париж. — Даю вам право воспользоваться телеграммой по вашему усмотрению[1]. Тургенев.

5424. В Комитет Международной литературной ассоциации (с. 175)

С французского:

Буду счастлив подарить Библиотеке Комитета собрание моих сочинений и благодарю за то, что вспомнили обо мне[1].

Примите уверение в моих наилучших чувствах.

Иван Тургенев.

Париж, 7 июля 1879.

5428. Полине Брюэр (с. 178)

С французского:

БУЖИВАЛЬ
ЛЕ ФРЕН
ШАЛЕ
(Сена-и-Уаза.)
Среда, 9 июля 79.

Дорогая Полинетта,

Школа фортепианной игры и большой флакон Суэцкой воды (с зеленой ниткой) — отправлены тебе вчера[1]. — Деньги, которые я был должен г-же Иннис, будут переданы нотариусу наследницы[2] — и тебе не надо больше о них беспокоиться.

Мое здоровье в порядке — несмотря на отвратительную погоду. — Как только наступят теплые дни (если они наступят!) — я ненадолго приеду в Ружмон[3].

А пока обнимаю вас всех.

Ив. Тургенев.

P.S. Дай мне знать, получила ли ты оба пакета[4].

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

44. Рекомендательное письмо В.С. Павловской (с. 185)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ

Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что г-жа Вера Павловская (урожденная Гончарова), получившая диплом учительницы в Московском университете, заслуживает всяческого доверия и проявляет исключительные способности как к преподаванию, так и к надзору за обучением. — Я всячески рекомендую ее и не сомневаюсь, что она справится с любыми педагогическими обязанностями, которые ей будут доверены — самым удовлетворительным образом, ввиду ее знания живых языков, музыки и т.д. — а также благородства ее характера[1].

Иван Тургенев.

Париж.
21 мая 1879.

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Алексеев. Т — пропагандист — Алексеев М.П. И.С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Труды отдела новой русской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 37 — 80.

Анненков. Письма — Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подгот. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).

Бирж Вед — "Биржевые ведомости" (газета).

Бларамберг. Воспоминания — Воспоминания Е.И. Бларамберг (Апрелева-Ардов) / Публ. С.А. Ипатовой // И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2016. Вып. 4. С. 676 — 783.

Боборыкин — Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Э. Виленской, Л. Ройтберг. М., 1965 (Сер. литературных мемуаров).

Васильев. Описание торжеств — П.В. <Васильев П.П.> Описание торжеств, происходивших в честь И.С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. Казань, 1880 (цензурное разрешение: 29 ноября ст. ст. 1880 г.). *ИРЛИ.* Ф. 283. Оп. 2. № 229.

ВЕ — "Вестник Европы" (журнал).

Викторов. Воспоминания — Алексеева Н.В. Воспоминания П.П. Викторова о Тургеневе // И.С. Тургенев (1818 — 1883 — 1958): Статьи и материалы. Орел, 1960. С. 288 — 343.

ВЛ — "Вопросы литературы" (журнал).

Гальп.-Кам. Письма — Письма И.С. Тургенева к Полине Виардо и его французским друзьям / Изд. И.Д. Гальпериным-Каминским. М., 1900.

ГАРФ (ранее *ЦГАОР*) — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГМТ — Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва).

Гоголь — Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / Гл. ред. Н.Л. Мещеряков. М.; Л., 1937 — 1952.

Гонкур. Дневник — Гонкур Э., Гонкур Ж., де. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы: В 2 т. / Пер. с франц.; сост. и коммент. С. Лейбович. М., 1964.

Достоевский — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. / Гл. ред. В.Г. Базанов, зам. гл. ред. Г.М. Фридлендер. Л., 1972 — 1990.

Достоевский. Летопись — Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821 — 1881. СПб., 1999. Т. 3: 1875 — 1881 / Сост. А.В. Архипова, И.А. Битюгова и др.; ред. Н.Ф. Буданова, Г.М. Фридлендер.

Звенья — Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV — XX вв. / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича, А.В. Луначарского и др. М.; Л., 1932 — 1936. Вып. 1 — 6; М., 1950 — 1951. Вып. 8 — 9.

Золя — *Золя Э.* Собр. соч.: В 26 т. / Под общ. ред. И. Анисимова, Д. Обломиевского, А. Пузикова. М., 1960—1967.
ИВ — "Исторический вестник" (журнал).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).
Каталог рукописей — Каталог рукописей, поступивших в редакцию "Вестника Европы" в 1877—1886 гг.: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 3. № 4.
Летопись (1818—1858) — Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818—1858) / Авт.-сост. Н.С. Никитина. СПб., 1995.
Летопись (1876—1883) — Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876—1883) / Авт.-сост. Н.Н. Мостовская. СПб., 2003.
Лит Арх — Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. М.П. Алексеева. М.; Л., 1938—1968. Т. 1—6.
Лит Мысль — Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922—1923. Т. 1—2; Л., 1925. Т. 3.
ЛН — Литературное наследство. М., 1931—2016. Т. 1—105 (Изд. продолжается).
Мин Годы — "Минувшие годы" (журнал).
Моск Вед — "Московские ведомости" (газета).
Моск Некрополь — Московский некрополь: В 3 т. / Сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. СПб., 1907—1908.
Н Вр —"Новое время" (газета).
Некрасов — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л./СПб., 1981—2000.
ОГЛМТ — Объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева (Орел).
ОЗ — "Отечественные записки" (журнал).
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ПД. Описание — Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И.С. Тургенев / Сост.: И.Е. Грудинина, Л.М. Добровольский и др.; под ред. М.П. Алексеева.
Писемский — *Писемский А.Ф.* Письма / Подгот. текста и коммент. М.К. Клемана, А.П. Могилянского. М.; Л., 1936.
Письма к Пичу — Письма И.С. Тургенева к Людвигу Пичу. 1864—1883 / Пер. Н. Тролль; ред., вступ. ст. и примеч. Л. Гроссмана. М.; Л., 1924.
Письма к Стечькиным — Письма И.С. Тургенева к Л.Н. и Л.Я. Стечькиным. Одесса, 1903.
ПССиП(1). Письма — *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1961—1969.
ПССиП(1). Соч — *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1961—1968.
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (С.-Петербург).
РА — "Русский архив" (журнал).
РВ — "Русский вестник" (журнал).
РГАДА (ранее *ЦГАДА*) — Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГАЛИ (ранее *ЦГАЛИ*) — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ (ранее *ГБЛ*) — Российская государственная библиотека (Москва).

РГИА (ранее *ЦГИА*) — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
Революционеры-семидесятники — И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и коммент. М.К. Клеман; ред. и введ. Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1930.
РЛ — "Русская литература" (журнал).
РНБ (ранее *ГПБ*) — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).
РСт — "Русская старина" (журнал).
Рус Вед — "Русские ведомости" (газета).
Рус Курьер — "Русский курьер" (газета).
Рус Мысль — "Русская мысль" (журнал).
Садовников. Встречи с Т — *Садовников Д.Н.* Встречи с И.С. Тургеневым: "Пятницы" у поэта Я.П. Полонского в 1879 году // Русское прошлое. 1923. № 1. С. 74—86.
Сб ГПБ (1955) — Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955.
СВ — "Северный вестник" (журнал).
Совр — "Современник" (журнал).
Совр Изв — "Современные известия" (газета).
СПб Вед — "Санкт-Петербургские ведомости" (газета).
Стасюлевич — М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. СПб., 1911—1913. Т. 1—5.
Стечькин. Воспоминания — *Стечькин Н.Я.* Из воспоминаний об И.С. Тургеневе (с приложением семи его неизданных писем). СПб., 1903.
Т в восп совр — И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и подгот. текста С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд. М., 1983.
Т в восп совр. Переписка (1988) — И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И.С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей / Сост., вступ. ст. и коммент. к разделу "Воспоминания" В.Г. Фридлянд; сост., пер. писем, вступ. ст. и коммент. к разделу "Переписка И.С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей" Н.П. Генераловой. М., 1988.
Т и его время — Тургенев и его время / Под ред. Н.Л. Бродского. М., 1923. Сб. 1.
Т и его современники — Тургенев и его современники / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л., 1977.
Т и Савина — Тургенев и Савина: Письма И.С. Тургенева к М.Г. Савиной. Воспоминания М.Г. Савиной об И.С. Тургеневе / С предисл. и под ред. А.Ф. Кони, при ближайшем сотрудничестве А.Е. Молчанова. Пг., 1918.
Толстой. Летопись (1828—1890) — *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958.
Толстой/Страхов — Л.Н. Толстой — Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. / Ред. А.А. Донсков; сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. Оттава, 2003.
Т. Первое собрание писем — Первое собрание писем И.С. Тургенева. 1840—1883 гг. (Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым). СПб., 1884.
Т сб — Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева / Ред. М.П. Алексеев, Н.В. Измайлов. М.; Л., 1964, 1966. Вып. 1—2; Л., 1967—1969. Вып. 3—5.

Т сб (1940) — И.С. Тургенев: Материалы и исследования / Под ред. Н.Л. Бродского. Орел, 1940.
Т сб (1960) — И.С. Тургенев (1818—1883—1958): Статьи и материалы / Под ред. М.П. Алексеева. Орел, 1960.
Т сб (ГБЛ) — И.С. Тургенев. Сб. / Под ред. Н.Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина).
Т. Соч (1880) — Сочинения И.С. Тургенева (1844—1868—1874—1880): В 10 т. / Изд. книжного магазина наследников братьев Салаевых. М., 1880.
Т. Соч (1929—1934) — *Тургенев И.С.* Соч.: В 12 т. / Под ред. К. Халабаева, Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929—1934.
Тургенев. НИиМ — И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб., 2009—2016. Вып. 1—4 (Изд. продолжается).
Флобер. Письма. Статьи — *Флобер Г.* О литературе, искусстве и писательском труде. Письма. Статьи: В 2 т. М., 1984.
Центрархив. Документы — Документы по истории литературы и общественности: И.С. Тургенев. М.; Пг., 1923. Вып. 2.
Шнейдерман — *Шнейдерман И.* Мария Гавриловна Савина. 1854—1915. М.; Л., 1956.

Bibl Lovenjoul — Bibliothèque Spoelberch de Lovenjoul (Шантийи, близ Парижа).
Bibl Nat — Bibliothèque Nationale de France (Париж).
Cahiers — Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1977—2016. № 1—35 (Изд. продолжается).
Fischer/Žekulin — *Fischer K.-D.*, *Žekulin N.* Die Beziehungen Pauline Viardots und Ivan S. Turgenevs zu Weimar. Hildesheim; Zürich; New York, 2016.
Flaubert. Corr (1973—2007) — *Flaubert G.* Correspondance / Ed. de J. Bruneau. Paris, 1973—2007. T. 1—5.
Goncourt. Journal — *Goncourt E. et J., de.* Journal. Mémoires de la vie littéraire / Avant-propos de l'Académie Goncourt; texte intégral établi et annoté par R. Ricatte. Paris, 1956—1958. T. 1—4.
Gunzburg — *Vries-de Gunzburg I., de.* Some Letters of Ivan Turgenev to Baron Horace de Gunzburg, 1877—83 // Oxford Slavonic Papers. 1960. Vol. 9. P. 73—103.
Halp.-Kam. Corr — *Halpérine-Kaminsky I.* Ivan Tourguéniev d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris, 1901 (Bibliothèque Charpentier).
Mémoires — *Héritte de la Tour Louis.* Mémoires de Louise Héritte-Viardot: une famille de grands musiciens: notes et souvenirs anecdotiques sur Garcia, Pauline Viardot, La Malibran, Louise Héritte-Viardot et leur entourage. Paris, 1922.
NAF — Nouvelles acquisitions françaises.
N Z Sl J — "New Zealand Slavonic Journal" (журнал).
Pavlovsky. Souvenirs — *Pavlovsky I.* Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887.
Pietsch (1923) — Ivan Turgenjew an Ludwig Pietsch: Briefe aus den Jahren 1864—1883 / Hsg. von A. Doren. Berlin, 1923.
Pietsch (1968) — *Turgenjew I.* Briefe an Ludwig Pietsch. Berlin; Weimar, 1968.
SBB (ранее *DSB*) — Staatsbibliothek zu Berlin (Берлин).
T and Pavlovsky — *Waddington P.* Turgenev and Pavlovsky: A Friendship and a Correspondence. Pinehaven, Upper Hutt (New Zealand), 1998.

T. Lettres inéd — *Tourguénev I.* Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille / Publiées et annotées par H. Granjard et A. Zviguilsky. Lausanne, 1972.

T. Nouv corr inéd — *Tourguénev I.* Nouvelle correspondance inédite / Textes recueillis, annotés et précédés d'une introduction par A. Zviguilsky. Paris, 1971. T. 1; 1972. T. 2.

T. Portraits Catalogue — *Waddington P.* A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818—83). Pinehaven (New Zealand), 1999.

T. Quelques lettres — Quelques lettres d'Ivan Tourguéniev à Pauline Viardot / Textes établis, introduits et annotés par H. Granjard. Paris; Mouton; La Haye, 1974.

Tourguéniev/Flaubert — Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev: Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky. Paris, 1989.

Viardot Catalogue — The Musical Works of Pauline Viardot-Garcia (1821—1910): A chronological catalogue with indexes of titles and first lines and a list of writers set, composers arranged, publishers, translators and arrangers compiled by Patrick Waddington, together with the musical *incipits* of works and a discography compiled by Nicholas G. Žekulin. 2nd online edition. Heretaunga (New Zealand); Calgary (Canada), 2013.

Waddington. T and England — *Waddington P.* Turgenev and England. London, 1980.

Zola. Corr — *Zola E.* Correspondance / Editée sous la direction de B.H. Bakker. Paris; Montréal, 1978—1995. T. 1—10.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вторая книга шестнадцатого тома писем И.С. Тургенева содержит 224 письма и семь документов, отнесенных к разделу "Официальные письма и деловые бумаги", за время с 31 декабря 1878 г. (12 января 1879 г.) по 30 июня (12 июля) 1879 г. включительно, которые обращены к 80 адресатам. Из них 160 писем печатаются по подлинникам, хранящимся в отечественных и зарубежных архивохранилищах и частных собраниях; 47 писем — по цифровым копиям, фотокопиям и факсимиле; 20 — по печатным текстам и текстам первых публикаций; четыре — по рукописным и машинописным копиям. По сравнению с предыдущим изданием по автографам и другим авторитетным источникам уточнены тексты двенадцати писем (5212, 5215, 5233 (частично), 5236, 5240, 5242, 5243, 5251, 5344, 5350, 5363, 5389), ранее воспроизводившихся по печатным публикациям.

Впервые включается в полное академическое собрание Писем И.С. Тургенева 32 эпистолярных текста, в том числе четыре официальных письма и деловые бумаги. Из них семь писем к И.Я. Павловскому (5324, 5356, 5362, 5381, 5384, 5406, 5412); три — к Полине Виардо (5282, 5283, 5402); два — к А.А. Трубецкой (5254, 5343); два — к Клоди Шамро (5266, 5289); одно — к В.П. Гаевскому (5277); одно — к Александру Гессе (?) (5372); одно — к Альфонсу Доде (5352); одно — в Комитет Международной литературной ассоциации (5424); одно — к Каролине Комманвиль (5252); одно — к неизвестному французскому корреспонденту (5206); одно — к И.П. Похитонову (5417); одно — к редактору "Le Globe" (Гюставу Эйресу) (5353); одно — к редактору "L'Indépendance Belge" (Шарлю Тардье) (5341); одно — к редактору "Le Temps" (Адриену Эбрару) (5338); одно — к Вильяму Рольстону (5394); одно — к Юджину Скайлеру (5397); одно — к С.Н. Тютчеву (5211); одно — к Е.Ф. Шнейдеру (5333). В разделе "Официальные письма и деловые бумаги" впервые помещаются две доверенности Н.А. Щепкину (№ 39, 41); одно рекомендательное письмо В.С. Павловской (№ 44) и один договор с Н.П. Черносвитовым (№ 45), из них три документа (№ 39, 41, 45) публикуются впервые. Впервые вводятся в научный оборот также письма к В.П. Гаевскому (5277) и к Александру Гессе (?) (5372).

Включены в настоящий том и два тургеневских письма в редакции газет "Русская правда" (Д.К. Гирсу) (5231) и "Биржевые ведомости" ("Молва") (В.А. Полетике) (5248), а также три открытых письма: к представителям харьковской интеллигенции (5331), к студентам Петербургского университета и Горного института (5305) и к ректору Киевского университета (5363),

которые в первом академическом собрании печатались в пятнадцатом томе Сочинений. Установлен адресат рекомендательного письма от 2 (14) мая 1879 г. — В.С. Павловская, которое перенесено в раздел "Официальные письма и деловые бумаги" (№ 43).

По сравнению с предыдущим изданием уточнены датировки 18 писем (5232, 5240, 5248, 5262, 5291, 5292, 5294—5296, 5301, 5308, 5329, 5330, 5342, 5354, 5365, 5389, 5401), в том числе трех писем — к Г.О. Гинцбургу (5308), к Эмилю Золя (5330) и к А.В. Половцову (5262), ранее датировавшихся 1880 г.

С этого тома в состав академического собрания Писем И.С. Тургенева начинают включаться письма к И.Я. Павловскому, ранее преимущественно известные в нескольких отрывках, которые приведены в воспоминаниях Павловского[1]. Впервые эти письма по автографам, хранящимся в Национальной библиотеке Франции, были расшифрованы, прокомментированы и введены в научный оборот Патриком Уоддингтоном в некоммерческой брошюре "Turgenev and Pavlovsky: a friendship and a correspondence" (Pinehaven (New Zealand), 1998), изданной тиражом в 50 экземпляров и распространявшейся частным образом среди тургеневедов и по специализированным архивохранилищам. В настоящем издании письма к И.Я. Павловскому публикуются по фотокопиям, переданным его дочерью, Н.И. де Биндер, в РГАЛИ в составе фонда И.Я. Павловского.

Однако тексты еще более 20 тургеневских писем, написанных в этот период, о существовании которых становится известно из эпистолярия писателя, остаются пока неизвестными и зафиксированы в указателе утраченных писем, составленном Н.А. Хмелевской[2]. Необходимо отметить, что три письма из этого перечня были обнаружены и включены в настоящий том, в частности: доверенность Н.А. Щепкину от 17 (29) января (№ 39, "Официальные письма и деловые бумаги"), а также фрагмент письма к Каролине Комманвиль от 1 (13) февраля (5252) и письмо к В.П. Гаевскому от 26 февраля (10 марта) (5277) (причем обнаруженный автограф позволил скорректировать дату письма, которой ранее считалось 24 февраля (8 марта) 1879 г.)[3].

Вместе с тем, помимо писем, включенных в данный указатель Н.А. Хмелевской, из публикуемых в настоящем томе новонайденных писем и других источников стало известно еще о нескольких утраченных или не разысканных до настоящего времени письмах к Полине Виардо, написанных во время пребывания

---

[1] О причинах, по которым эти отрывки не были включены в состав первого академического собрания, см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 399.

[2] См.: *Хмелевская Н.А.* Утраченные письма И.С. Тургенева (1877—1883 и дополнения) // *Т сб.* Вып. 5. С. 442—446.

[3] Там же. С. 443.

Тургенева в России (по крайней мере тринадцати) и в Англии; нескольких письмах к Виктору Дерели, касающихся перевода последних произведений А.Ф. Писемского и относящихся к марту — апрелю 1879 г.; нескольких письмах к В.В. Думнову, связанных с заключением контракта на издание нового собрания сочинений 1880 г. и относящихся к апрелю 1879 г.; одном письме к Жюльетте Адан от 28 января (9 февраля) и одном письме к Леону Гамбетте от 30 января (11 февраля) по поводу предоставления Гюставу Флоберу места хранителя Библиотеки Мазарини; одном письме к В.П. Гаевскому, посланном в ответ на его письмо от 5 (17) февраля; одном письме к П.П. Трубецкому от 20 февраля (4 марта) в связи с оформлением бумаг по делу о наследстве Н.С. Тургенева; по крайней мере одном письме к Хьялмору Бойесену от 4 (16) мая, посланном вместе с рекомендательным письмом к Виктору Гюго; одном письме в Комитет Международной литературной ассоциации с отказом от участия во втором Международном литературном конгрессе, который состоялся в Лондоне с 9 по 14 июня н. ст. 1879 г.; одном письме в Оксфордский университет с согласием приехать на церемонию присуждения степени почетного доктора гражданского права и др.

Кроме того, о существовании нескольких писем, относящихся к январю — июню ст. ст. 1879 г., стало известно после того, как они были выставлены на различных аукционах. Среди них письмо к Лесли Стивену на английском языке от 26 мая (7 июня) 1879 г., краткое содержание которого опубликовано в каталоге № 828 антикварного магазина Maggs Bros в 1955 г. под № 832. В нем Тургенев сообщает, что отклонил приглашение Комитета принять участие во втором Международном литературном конгрессе, но прибудет в Оксфорд на церемонию присуждения ему почетной степени доктора гражданского права[4]. Зафиксированы сведения о письме к неизвестному корреспонденту от 27 апреля н. ст. на французском языке (полстраницы), никаких дополнительных данных о котором не приводится (выставлено на аукционе Сотбис в Лондоне 24—25 мая 1940 г.), а также о еще одном письме к неизвестному от 26 (?) мая н. ст. на русском языке (одна страница, на именной бумаге со штампом: «50, RUE DE DOUAI / PARIS»), с приглашением на литературно-музыкальное утро, состоявшееся 15 (27) мая 1879 г., в котором Тургенев обещает, что "программа будет очень интересной" (выставлено на аукционе "Les Argonautes" в Париже в 1976 г.)[5].

Электронные ресурсы, на которые имеются ссылки в примечаниях, посещены в ноябре 2017 г.

---

[4] См.: *Waddington P.* Still more letters of Turgenev // *N Z Sl J.* 1979. № 1. P. 17—18.

[5] Оба письма упомянуты П. Уоддингтоном: Ibid. 1981. № 2. С. 10.

Год 1879-й, в определенном смысле ключевой в биографии Тургенева, начался для него печальной новостью: в родовом имении Тургенево Тульской губернии на 63-м году жизни умер его старший брат Николай, с которым он постоянно поддерживал если не дружеские, то семейные отношения. "Мы с ним видались редко, интересов общих не имели... а все-таки: брат! — писал Тургенев близкому другу П.В. Анненкову. — Тут есть кровная, бессознательная связь, которая сильнее многих других". Удар был тем более неожиданным, что близкие к брату в последние годы люди, а именно семья его управляющего П.К. Маляревского, женатого на племяннице его покойной жены Анны Яковлевны (рожд. Шварц), не сообщили писателю о смертельной болезни Николая Сергеевича. Обида на Маляревских лишь возросла, когда стало известно, что они оказались главными наследниками брата писателя. Значительно проясняют ситуацию с наследством Н.С. Тургенева сохранившиеся копии его завещания и письмо П.К. Маляревского, которые впервые вводятся в научный оборот в настоящем томе, а также письма управляющего Тургенева с 1876 г. Н.А. Щепкина к жене Софье Георгиевне, любезно предоставленные редколлегии нынешнего издания дирекцией Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева. Извлеченные из различных архивов материалы, связанные с делом о наследстве брата, дали возможность впервые представить этот немаловажный эпизод жизни Тургенева в максимально полном виде.

Очередной приступ подагры не позволил писателю немедленно выехать в Россию, все заботы по делу о похоронах брата и о наследстве Тургенев препоручил Н.А. Щепкину, который тут же приступил к возложенным на него обязанностям. Сам писатель смог покинуть Париж лишь месяц спустя, 3 (15) февраля 1879 г.

Помимо болезни, Тургенева задержали в Париже дела его друга Г. Флобера, который оказался в сложном положении после разорения своей любимой племянницы Каролины Комманвиль и ее мужа Эрнеста, втянутых в коммерческую авантюру. В ситуации почти полного разорения Флобер обратился к друзьям, не замедлившим откликнуться. Э. Гонкур, Э. Золя, издатель Жорж Шарпантье и его жена и, конечно, Тургенев предпринимают ряд шагов, чтобы добиться для Флобера места хранителя Библиотеки Мазарини, которое должно было освободиться в связи со смертельной болезнью С. де Саси. В конце концов Тургеневу, едва вставшему на ноги, пришлось не только ехать в Руан, чтобы уговорить Флобера согласиться принять должность хранителя, но и письменно обратиться к главе только что избранного республиканского правительства Леону Гамбетте, который, по слухам, высказывал желание помочь знаменитому автору "Госпожи Бовари". Не получив ответа, накануне своего отъезда в Россию,

31 января (12 февраля) Тургенев, используя знакомство с хозяйкой известного литературно-политического салона Жюльеттой Адан, отправился на встречу с Гамбеттой и потерпел неудачу: премьер наотрез отказался удовлетворить просьбу, имея собственного кандидата на этот пост. Сохранившаяся переписка и комментарии к ней восстанавливают этот немаловажный эпизод в биографии писателя, который обсуждался как во французской, так и в русской прессе.

Тургенев ехал в Россию в удрученном состоянии, к тому же он был еще не вполне здоров. Однако по приезде его ждал прием, которого он не мог предполагать со стороны соотечественников. Еще 13 (25) января 1879 г. Тургенев писал начинающей писательнице Л.Я. Стечькиной, обратившейся к нему за разрешением посвятить ему свой роман "Варенька Ульмина" (первоначальное заглавие "Кривые деревья"): "...принимаю Ваше посвящение как великую честь — хотя, при настоящем настроении нашей публики, — мое имя может только повредить Вам". В ответном письме от 21 января ст. ст. 1879 г. Стечькина горячо опровергала мнение писателя о русской публике: «...разве Вас теперь читают меньше прежнего, разве те томики "Русс<кой> библ<иотеки>", которые носят Ваше имя, не разошлись сразу, наравне с Пушкиным или Лермонтовым? <...> я могла бы привести Вам целый ряд подчас забавных доказательств того, какое обаяние заключает в себе одно Ваше имя: рассказать Вам и о лицах, ездивших (в бытность Вашу прошлой осенью в Туле) в вокзал жел<езной> дороги и гостиницы взглянуть на Вас, и о смиренном начальнике станции в Суходоле, который, узнав, что ждут *Вас*, своими руками сделал ступеньки в насыпи, чтобы Вам удобнее было сойти к экипажу. Нет, не обижайте русскую публику. Не она говорит устами безграмотных петербургских журналистов и несправедливо заставить ее отвечать за их вздорные речи. Эти господа вон и Пушкина бранили; неужели же вследствие этого можно сказать, что Россия перестала любить и ценить Пушкина? Нет, русская публика не изменила Вам!!»[6]. Даже тот факт, что введенное Тургеневым в русский язык слово "нигилист" прижилось, подтверждал, с точки зрения молодой писательницы, неразрывную связь писателя с русской публикой. Не прошло и месяца, как Тургенев убедился в правоте своей корреспондентки: в России его ждал подлинный триумф.

Совершившиеся чествования в Москве и Петербурге в феврале — марте 1879 г. подтвердили слова и другой молодой писательницы, Е.И. Бларамберг, которая еще в 1875 г. писала Тургеневу: "А если б Вы знали, так, как *я* знаю, так, как знает вся читающая публика, какое влияние *Вы* имели в России, какую массу

---

[6] *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 374. Л. 2 об.—3. См. также: *Т сб.* Вып. 3. С. 378—379. Публ. Г.В. Степановой.

наслаждений, светлые, дорогие минуты Вы заставили пережить нас, и старых, и малых! Ни один значительный писатель ни в одной стране не пользуется не только славой, но именно такою любовью, как Вы в России, в той России, которая, как говорят, не имеет потребности в художественном произведении, в искусстве!"[7].

Первой ласточкой будущих широкомасштабных торжеств в Петербурге и Москве стал факт, почти не замеченный тогдашними газетами, которые в ближайшем будущем будут шаг за шагом отслеживать буквально каждый день тургеневского пребывания в обеих столицах. Е.И. Бларамберг, которой Тургенев покровительствовал, случайно встретила писателя 10 февраля ст. ст. 1879 г., через сутки после его приезда из Парижа, в петербургском клубе художников на представлении "Грозы" А.Н. Островского, с П.А. Стрепетовой в роли Катерины. Позднее она вспоминала: "Разговаривая, мы вошли в театральную залу, переполненную публикой. Лишь только высокая фигура Тургенева появилась в дверях, какой-то трепет и шепот пронесся по рядам стульев; все начали вставать, и зала разразилась аплодисментами. Тургенев, несколько озадаченный, на мгновение остановился, потом заторопился двинуться вперед вслед за распорядителем, сопровождаемый дружными аплодисментами. — Что это, — сказал он мне взволнованным голосом. — Настроение будто изменилось"[8].

Изменение в настроениях русского общества Тургенев особенно явно ощутил сразу по приезде из Петербурга в Москву. На следующий день после появления в первопрестольной, а именно 15 (27) февраля, он присутствовал на обеде, данном в его честь молодыми московскими профессорами во главе с М.М. Ковалевским, сгруппировавшимися вокруг недолго просуществовавшего журнала "Критическое обозрение". С Ковалевским писатель познакомился в июне 1878 г. во время Литературного конгресса по авторским правам в Париже, куда тот прибыл в составе русской делегации. Тургеневу пришлось сыграть значительную роль на этом конгрессе, заняв должность сопредседателя вместе с Виктором Гюго, и защищать интересы русских издателей и переводчиков от сплотившихся вокруг французских литераторов европейских коллег, требовавших, чтобы переводы их произведений, в том числе драматических, гарантированно оплачивались редакторами, издателями и директорами театров[9]. Во время заседаний этого форума русские участники (в том числе писатель П.Д. Боборыкин) смогли по достоинству оценить авторитет Тургенева в европейских литературных кругах. Недаром

---

[7] См.: *Бларамберг. Воспоминания.* С. 765—766.

[8] Там же. С. 732—733.

[9] См. об этом примеч. 2 к письму 5028, примеч. 1, 2 к письму 5049, письмо 5051 и примеч. к нему, а также примеч. 2 к письму 5055 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1.

именно Боборыкин, обязанный Тургеневу личным знакомством в 1878 г. со знаменитыми французскими романистами Э. Гонкуром, Э. Золя и А. Доде (вскоре он опубликует о них статью "У романистов"), стал одним из деятельных участников состоявшихся в феврале — марте 1879 г. чествований Тургенева на родине. Опишет он эти знаменательные торжества и в своих воспоминаниях. Подчеркивая спонтанность случившихся в ближайшие полтора месяца событий, и Боборыкин, и другие свидетели и мемуаристы не указали на один немаловажный факт: идея чествований Тургенева могла возникнуть в кругу московской профессуры в связи с прошедшим не так давно (28 октября ст. ст. 1878 г.) и никак не отмеченным в России 60-летием писателя.

В газете "Русские ведомости" анонимный корреспондент подробно рассказал об обеде, данном писателю 15 (27) февраля группой профессоров Московского университета: "В четверг один из симпатичных профессоров Московского университета М.М. Ковалевский чествовал у себя высокодаровитого нашего романиста обедом, на котором собрался обычный молодой кружок, сгруппировавшийся в последние два года. <...> Хозяин приветствовал дорогого гостя горячим обращением к нему как к гражданскому и эстетическому воспитателю тех поколений, к которым принадлежат все присутствовавшие на обеде. В таком же смысле говорили потом гг. Чупров, Бугаев, Веселовский, Боборыкин, выражая Ивану Сергеевичу единодушное желание — видеть новые явления русской жизни в его творческой обработке, и заявляя ему: до какой степени понимание и симпатии русского общества и к последним его произведениям расходятся с той тенденциозностью органов прессы, которая могла сильно охладить его любовь к родному слову и писательскому труду"[10]. По существу, Тургенев услышал на этом обеде решительную переоценку его последних романов "Дым" (1867) и "Новь" (1877), столь недоброжелательно встреченных русской критикой, что не могло не растрогать его. От избытка чувств он даже не смог сдержать слез. "По его собственному признанию, — говорилось в корреспонденции "Русских ведомостей", — никогда еще ему (Тургеневу. — *Ред.*) не становилось так жаль того, что обстоятельства отдалили его от русской действительности"[11]. Характерно, что в этой дружественной обстановке Тургенев предложил тост за Белинского, которого с первых своих шагов считал «несравненным учителем в деле литературного творчества, любил и почитал как чистую душу, как одаренного "центрального" русского человека-гражданина». С восхищением отзываясь о затянувшейся до ночи беседе, автор корреспонденции выражал уверенность, что "и вся московская публика будет восторженно

[10] *Рус Вед.* 1879. 17 февраля. № 42. С. 3.
[11] Там же.

принимать знаменитого гостя везде, где только представится к этому повод". Первым он назвал заседание Общества любителей российской словесности 18 февраля ст. ст., которое действительно вылилось в торжественное чествование Тургенева[12].

В том же номере газеты Боборыкин (под псевдонимом "Писатель") дал отпор суворинскому "Новому времени" по поводу насмешек над неудачным визитом Тургенева к Л. Гамбетте. Эта история была предана огласке газетой "Le Figaro". Протестуя против "невыносимо дерзкого тона, каким первый попавшийся пасквилянт может оскорблять в печати русское литературное имя, дорогое не для одной России, а для всего образованного мира", автор статьи "Алексей Суворин и Иван Тургенев (Письмо в редакцию)" призвал читающую публику "заклеймить позорную клику, забравшуюся в нашу прессу", а честных литераторов "сплотиться между собою против такой заразы литературного растления".

Продолжая хронику чествований Тургенева в одном из ближайших номеров "Русских ведомостей", корреспондент описывал небывалое стечение народа 18 февраля ст. ст. на публичном заседании Общества любителей российской словесности в зале физической аудитории Московского университета, которая не смогла вместить всех желающих: "Уже к половине первого были заняты не только все места для сиденья, но и все свободные между ними проходы. Хоры были окаймлены живым плющом студенческих голов. Многие из членов Общества, за неимением мест, расположились на ступенях и краях эстрады в живописном беспорядке"[13]. Передал автор корреспонденции и смущение, которое испытал Тургенев, услыхав неумолкающие аплодисменты: «На симпатичных чертах лица И<вана> С<ергеевича> выражалось умиление и... "удивление": он, по-видимому, не ожидал такого приема от "Москвы". Все ниже и ниже наклонял И<ван> С<ергеевич> свою многодумную голову, выражая свою благодарность». Прозвучало в статье и неодобрение "несколько длинной и резонерской" речи студента Викторова, в которой молодой радикал бросил писателю упрек в непонимании молодого поколения. После мастерского чтения А.Ф. Писемским главы из своего нового романа "Масоны" на эстраду поднялся председатель Общества и объявил об избрании Тургенева его почетным членом, вызвав слезы на глазах писателя, которому пришлось просить пощады и, спасаясь от поджидавших его поклонников, выехать через другой подъезд. "Прием, сделанный ему (Тургеневу. — *Ред.*), превзошел все мои ожидания, — вспоминал позднее

---

[12] См. описание этого заседания в письме 5266 и примеч. 18 к нему в наст. томе.

[13] *Рус Вед.* 1879. 21 февраля. № 45. С. 2. Раздел "Московские вести".

Ковалевский. — При его появлении в зале <...> поднялся буквально гром рукоплесканий и не стихал несколько минут"[14].

Воспроизводя много позже по памяти свое выступление, П.П. Викторов писал: «Я приветствовал Тургенева как человека, в котором наше поколение видит живого носителя преемственных традиций 40-х годов, славного представителя блестящей плеяды кружка Герцена и, что нам особенно дорого, доброго друга одного из наиболее близких нам духовных отцов нашего поколения — Белинского, человека, свято сохранившего светлые заветы своей молодости до наших дней, в отличие от близких ему современников, ставших ренегатами и отступниками (намеренный удар по Каткову, кажется, здесь же находившемуся). / Дальше я указал в своей речи на то, что Тургенев чутко улавливал в смене поколений основное содержание их запросов и устремлений, создав ряд образов, на которых мы, молодежь, воспитывались. Мы высоко ценим огромное общественно-политическое значение "Записок охотника", ударивших по крепостному праву, и видим в этой книге основную заслугу писателя перед русской общественностью. "К сожалению, и теперь, как и тогда, почва под ногами закована, но только иначе закована". / Нашему поколению <...> вы принесли и "Новь", но, чтобы правдиво изобразить новь, недостаточно ее наблюдать со стороны, необходимо пережить хотя бы часть того, что перенесла новь за свое недавнее, но многострадальное существование...»[15]. Впрочем, в некоторых газетах эта речь была названа "зрело-обдуманною и глубоко прочувствованною"[16].

Несмотря на неоднозначное восприятие частью слушателей отдельных моментов речи Викторова (см., например, примеч. 5 к письму 5269), сам Тургенев не только не обиделся на молодого человека, но позже, встретив его на заседании в зале Благородного собрания 4 (16) марта 1879 г., тепло приветствовал, а через несколько дней пригласил зайти к нему на квартиру своего друга И.И. Маслова, где он по обычаю остановился, и попросил принести с собой текст речи "студента с хор". Вспоминая впоследствии эту незабываемую встречу, Викторов подробно описал ее, как и еще одну, состоявшуюся, также по желанию писателя, у сестер Калиновских на Спиридоновке. По свидетельству Викторова, Тургенев живо интересовался положением дел в революционно настроенной студенческой среде, расспрашивал молодежь, кто оказал на нее наибольшее влияние, услыхав в ответ, что, наряду с К. Марксом, П.Л. Лавровым, В.Г. Белинским, Ч. Дарвиным, Д.И. Писаревым, Н.Г. Чернышевским, М.Е. Салтыковым

---

[14] *Ковалевский М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // *Мин Годы.* 1908. № 8. С. 10; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 139.

[15] *Викторов. Воспоминания.* С. 334—335.

[16] См., например: *Совр Изв.* 1879. 20 февраля. № 50. С. 2.

(Н. Щедриным), Г.И. Успенским, молодые люди увлекались и его произведениями, в том числе романом "Отцы и дети" и его главным героем Базаровым. Заботило писателя и то, что молодежь мало читает и ценит Пушкина. Спустя много лет Викторов отмечал, что писателя интересовала именно "новь", та "новь", "с художественным изображением которой он так досадно поторопился", имея в виду то обстоятельство, что роман появился "до развертывания главных сил революционного народничества и его наиболее ярких и типичных представителей". Однако Викторов ошибался: Тургенев не только интересовался революционным движением, но и, по мере сил, пытался воздействовать на молодежь, в том числе в ряде своих устных выступлений во время чествований весной 1879 г.

В своих воспоминаниях Викторов оставил выразительный и характерный портрет писателя: "Весь этот вечер Тургенев был бодр и оживлен, сверкая своим пенснэ, которое он то сбрасывал, то с необычайной ловкостью накидывал. Повороты его головы были красивы и величавы, жесты коротки и изящны. Перед нами был человек аристократической породы, взращенный рядом поколений благодаря классовому отбору на почве, обильно удобренной тем самым крепостничеством, которое он так ненавидел". Мемуарист обратил внимание на "слегка завуалированный грустью" взгляд писателя, находя, что портрет работы В.Г. Перова наиболее удачно передал характерные черты облика Тургенева. Под конец беседы писатель пошутил: "В обществе говорят, что я, слушая вашу речь, слезы вытирал платком... А у меня просто был насморк"[17].

Между тем время, в которое Тургенев появился в столицах, было до крайности напряженным. В Москве, как и в других городах, действовало несколько революционных организаций, шла активная работа по налаживанию связей с рабочими и т.д., подпольные типографии печатали не только изготовленную за границей агитационную литературу, но и собственные журналы ("Земля и воля" и др.). 26 февраля ст. ст. 1879 г., когда Тургенев уже был в Москве, по приговору Исполнительного комитета "Народной воли" в Замоскворечье, в номерах Мамонтова, революционерами был убит обвиненный в провокаторской деятельности Н.В. Рейнштейн, после чего начались массовые аресты. 25 лиц, заподозренных в намерении создать "центральный кружок вроде распорядительного комитета", были арестованы и затем высланы из Москвы. Среди них оказался и П.П. Викторов, тот самый студент-медик, который выступил на чествованиях Тургенева накануне. Почти все они вернулись в Москву в 1880 г. по частичной амнистии в период "диктатуры сердца" М.Т. Лорис-Меликова. Характерно, что через провокатора Рейнштейна

[17] *Викторов. Воспоминания.* С. 337—341.

Викторов отправил в редакцию журнала "Земля и воля" в Петербург рукопись своих стихов на смерть скончавшегося в тюрьме в 1876 г. товарища (П.Ф. Чернышева)[18]. Позже копию этого стихотворения он вручил вместе со своей речью и Тургеневу для передачи за границу П.Л. Лаврову. Однако Лавров получил от Тургенева не только этот документ, но и многие другие, связанные с пребыванием писателя в России, и воспользовался ими в обзорной статье, опубликованной в Швейцарии в том же 1879 г. В ней он прямо писал, что "в речах и адресах профессора, представители литературы и искусства, делегаты и депутации учащейся молодежи обоего пола высказывали смелые вещи и вызывали героя торжеств (Тургенева. — *Ред.*) на смелые высказывания"[19].

Писатель был довольно хорошо осведомлен о настроениях молодежи и об общей политической ситуации в России, поскольку тесно общался со многими революционерами, вынужденными эмигрировать после ряда политических процессов 1870-х гг. Он по мере сил поддерживал соотечественников, оказавшихся за границей в сложном положении, организовывая литературно-музыкальные благотворительные вечера, субсидируя газету и непериодическое издание П.Л. Лаврова "Вперед!", подыскивая работу для нуждающихся молодых людей, прося за них перед богатыми знакомыми (Г.О. Гинцбургом и др.) или просто "одалживая" им деньги из собственного кармана. Вводимые в научный оборот письма к И.Я. Павловскому, наконец ставшие доступными исследователям, расширяют круг знакомств и отдельные эпизоды деятельности Тургенева в этом направлении и дополняют богатый материал, собранный в не потерявшей своего значения книге "И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников", изданной в 1930 г. под редакцией Н.К. Пиксанова, автора содержательной вступительной статьи "Тургенев и революционеры-семидесятники".

В этот приезд в Россию Тургенев расширил круг знакомств с революционерами, особенно из студенческой среды, и, слушая их взволнованные речи, пристально всматривался в новые лица. С другой стороны, он сошелся с кругом московской и петербургской профессуры, которая в значительной части поддерживала молодежь, стремившуюся к борьбе со все усиливавшимся полицейским произволом. Помимо многочисленных адресов и обращений, привезенных из России в Париж, в руках Тургенева оказался ряд документов, отражавших накал политического противостояния революционно настроенной интеллигенции

---

[18] См.: *Викторова-Вальтер С.А.* Из жизни революционной молодежи 2-й половины 1870-х годов // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 77.

[19] Jahrbuch für sozialistischen Bewegung. Zürich, 1879. S. 296. Цит. по: *Т. Соч (1929—1934).* Т. 12. С. 545 (коммент. и пер. М.К. Клемана).

и правительственных сил. Часть их впервые вводится в примечаниях к публикуемым письмам, давая более ясное представление о раскладе политических группировок и партий в стране. Среди них — "Доклад Комиссии Совета С.-Петербургского округа университета по поводу записки орд. проф. А.С. Фаминцина", названный в письме Тургенева к И.Я. Павловскому "рапортом петербургских профессоров" (№ 5324), где был представлен красноречивый анализ причин студенческих волнений и предлагались меры для их пресечения (см. примеч. к Приложению в наст. томе). Помеченный "говорящей" датой "14 декабря 1878 года", этот документ звучал грозным предостережением правительству и поначалу должен был быть представлен Александру II, однако, не надеясь на его действенность в создавшихся условиях, авторы документа, очевидно, решили предать его гласности через Тургенева. Характерно, что по приезде в Париж писатель вручил его беглому эмигранту И.Я. Павловскому для перевода на французский язык. Конечно, он мог сделать это сам, но в данном случае перевод был заказан с целью поддержать молодого человека материально. С той же целью Тургенев написал рекомендательное письмо для его жены, искавшей работу. Конечной же целью Тургенева было, без сомнения, напечатание этого доклада во французской прессе, чтобы привлечь внимание западной общественности к положению дел в России. Таким образом писатель как бы подхватывал знамя, выпавшее из рук Герцена, принимая на себя роль заступника за преследуемых правительством. Публикация в либеральной газете "Le Temps" очерка Павловского "В одиночном заключении" имела в виду те же цели, что и предисловие, написанное к нему Тургеневым.

Комментируя речь писателя к московским студентам 4 (16) марта 1879 г., М.К. Клеман справедливо писал: "Чествование Тургенева имело характер именно политической либеральной антиправительственной демонстрации. Обращенные к писателю речи и адреса были переполнены более или менее прозрачными политическими намеками"[20]. В прессе в это время активно обсуждался проект болгарской конституции, а принявший участие в этом обсуждении М.М. Ковалевский был заподозрен в симпатиях к республиканскому строю[21].

Агент III отделения, следивший за чествованиями писателя, в агентурной записке прямо писал: "В последние дни в Москве устроены были шумные и небывалые овации известному писателю И.С. Тургеневу. В честь его давались обеды, на которых произносили страстные речи студенты, профессора

---

[20] *Т. Соч (1929—1934).* Т. 12. С. 545.

[21] См.: *Ковалевский М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // *ВЕ.* 1910. № 5. С. 184.

университета, редакторы газет, адвокаты и сам г. Тургенев. В речах этих почти прямо высказывалось, что Россия стоит накануне конституционного переворота и какой-то особой демократизации. Овации сопровождались поднесением лавровых венков и другими признаками воодушевления, так что этими празднествами исключительно была занята Москва последнее время"[22]. Тот же агент предупреждал о том, что в Петербурге чествования Тургенева могут принять еще более серьезный характер и значение.

Насколько напряженной была обстановка, говорят факты. Так, буквально на следующий день по приезде Тургенева из Парижа в Петербург, 9 февраля ст. ст., был убит харьковский губернатор князь Д.Н. Кропоткин; 13 марта ст. ст., когда писатель выслушивал приветственные речи в петербургском ресторане Бореля и сам произносил прочувствованную речь, на Лебяжьей канавке произошло покушение на шефа жандармов А.Р. Дрентельна, с которым Тургенев был лично знаком (по странному совпадению, на одной странице петербургской газеты столкнулись окончание воспроизведенной речи Тургенева и сообщение о приметах еще не пойманного террориста Л.Ф. Мирского, покушавшегося на шефа жандармов[23]). А 2 апреля ст. ст., через десять дней после отъезда писателя в Париж, произошло неудачное покушение террориста-народника А.К. Соловьева на Александра II, надолго отложившее чаяния русских либералов на введение конституции. Да и сам отъезд был не вполне добровольным: писателю стали прямо намекать, что он весьма желателен.

Кульминацией московских чествований стал упомянутый выше литературно-музыкальный вечер в пользу недостаточных студентов Московского университета 4 (16) марта. Правительство недаром начало опасаться шумных оваций и сделало все возможное, чтобы отложить мероприятие, обернувшееся новой демонстрацией со стороны молодежи. Знакомой писателя Е.И. Бларамберг довелось присутствовать на этом торжестве: "Бурными, долго не умолкавшими аплодисментами встретили его, лишь только он взошел на эстраду, и восторженными овациями благодарили за чтение, по окончании которого на эстраду вошел студент (Н.Н. Чихачев. — *Ред.*) и, поднесши Ивану Сергеевичу лавровый венок, произнес краткую прочувствованную речь. Тургенев положил венок к подножию находившегося на эстраде бюста Пушкина и ответил несколькими словами, вызвавшими новую бурю восторгов"[24]. "Прием, оказанный г. Тургеневу на этом вечере, — писал хроникер тургеневских торжеств в Москве и Петербурге П.П. Васильев, — был сделан университетом, литераторами

[22] *ЛН.* Т. 76. С. 325.
[23] См.: *Н Вр.* 1879. 16 марта. № 1094. С. 3.
[24] *Бларамберг. Воспоминания.* С. 733.

и всеми, что есть в Москве мыслящего и развитого в женщинах и молодых людях. При появлении в зале дорогого романиста вся публика, не исключая и дам, разом поднялась со своих мест и в течение нескольких минут стоя рукоплескала виновнику торжества. В этих долгих и громких овациях чувствовалось накопление нравственных общественных стремлений, ждавших только повода, чтобы проявить себя... А лучшего повода нельзя было и придумать"[25].

Благодаря впервые включаемым в настоящий том письмам Тургенева к Полине Виардо и ее дочери Клоди Шамро мы имеем возможность узнать непосредственную реакцию писателя на столь внезапно выпавшие на его долю чествования. Из писем к П. Виардо (№ 5282 и 5283) видно, что он хорошо понимал причину на первый взгляд неожиданной вспышки интереса к нему. 5 (17) марта 1879 г. Тургенев писал: "Представьте себе более тысячи студентов в огромной зале Благородного собрания; я вхожу, раздается оглушительный шум, такой, что впору рухнуть зданию, крики ура, в воздух взлетают шляпы, потом вносят два огромных венка, потом мне в ухо молодой представитель студенчества выкрикивает спич, полный запретных выражений, что вызывает взрыв; в первых рядах кресел бледный от страха ректор Университета; я, стараясь не подлить масла в огонь, отвечаю, пытаюсь сказать хоть сколько-нибудь не избитое, потом, после чтения, вся эта толпа провожает меня в соседние залы, неистово вызывая меня 20 раз кряду; барышни хватают меня за руки... чтобы поцеловать их!!! Безумие да и только!". И далее: "Причину всего этого я хорошо понимаю; накануне вечно обещаемых и вечно откладываемых реформ, накануне пробуждения к политической жизни, вся эта молодежь наэлектризована, как лейденская банка; а я служил чем-то вроде машины для ее разрядки. И в этом мои либеральные взгляды повинны по крайней мере столь же, сколь литературные заслуги. Если бы эта бедная молодежь не выступала, она бы взорвалась!". Тем не менее писатель был чрезвычайно растроган и не скрывал этого. В газетах Тургенева называли "национальным художником-воспитателем целых поколений"[26], представители молодого поколения, еще недавно обиженные за "Отцов и детей" и за "Новь", оказывали знаки самого горячего и восторженного внимания, целые делегации студентов и курсисток являлись к нему, вручали адреса и т.д. и т.д. Не только Тургенев, но, кажется, и само общество не ожидало подобного всплеска эмоций.

Однако не одна молодежь приветствовала Тургенева в эти знаменательные дни: писатели, художники, музыканты, профессора, адвокаты, многочисленные представители культуры и ис-

---

[25] *Васильев. Описание торжеств.* С. 4.

[26] *Рус Вед.* 1879. 6 марта. № 57. С. 2.

кусства спешили засвидетельствовать свое уважение и любовь к писателю. Группа молодых профессоров Московского университета во главе с М.М. Ковалевским, ректор Н.С. Тихонравов, писатели А.Ф. Писемский, А.Н. Островский, П.Д. Боборыкин, председатель Общества любителей российской словесности С.А. Юрьев, редакторы газет и журналов Н.П. Гиляров-Платонов, П.И. Бартенев и сотни других приняли участие в чествованиях. Пребывание Тургенева в столицах было ознаменовано множеством новых впечатлений и знакомств. Правы были те, кто утверждал, что подобного проявления всенародной любви к писателю русское общество еще не знало.

5 (17) марта небольшая группа профессоров и писателей дала Тургеневу "интимный" обед в гостинице "Эрмитаж", а 6 (18) марта там же его ждал грандиозный обед на 100 персон (см. отклик писателя на это событие в письме 5289 и примеч. 7 к нему), где звучали спичи, стихи, пение студенческого гимна "Gaudeamus" и многое другое. И хотя в письме Тургенев шутил, что чуть не задохнулся под ворохом цветов красноречия, он был не на шутку растроган. Наиболее значительной была речь профессора математики Н.В. Бугаева (отца поэта, известного под псевдонимом Андрей Белый). "Руководясь замечательным чувством меры, — сказал профессор, — Вы относились к нашим общественным явлениям объективно и разумно, не только как художник, но и как глубокий мыслитель, как человек, обладающий тонким социальным чутьем. Вы мягко, верно и правдиво указывали, где нарушалось чувство общественной гармонии и человеческого достоинства. Вы были верным оберегателем и охранителем этой гармонии и этого достоинства. <...> Вы были регулятором нашего развития, совестью нашего общественного организма"[27].

Русское общество, будто спохватившись после бурного и часто недоброжелательного обсуждения произведений Тургенева в 1860—1870-е гг. (начиная с "Накануне", затем "Отцов и детей", "Дыма" и "Нови"), старалось продемонстрировать писателю свою любовь и уважение и как будто принести извинения за прошлые несправедливые нападки. Так, в анонимной статье газеты "Современные известия", принадлежавшей, судя по всему, ее редактору Н.П. Гилярову-Платонову, Тургенев прямо назывался "первым нашим руководителем за последние тридцать пять лет", "благороднейшим из русских деятелей, давно покинувшим свою родину" и отправившимся в "добровольное изгнание", и высказывалось пожелание, чтобы писатель вернулся в Россию и продолжил свою "поэтическую летопись". Обращаясь уже не от лица отцов и детей, а от лица внуков, критик несколько наивно утверждал, что эти внуки "через наше издание, всегда чуждое литературных партий, приветствуют своего

---

[27] Цит. по: *Васильев. Описание торжеств.* С. 9.

дедушку!". «Кому как не Тургеневу, — заключал автор заметки, — лучше всех нас известно, как бежит, через край хлещет наша жизнь <...>? Наш мировой институт, наша судебная реформа, наше земское и городское самоуправление безвозвратно, пожалуй, ушли от поэтической летописи Тургенева, а будущий историк прибавит к этому: была сербская война, была война за освобождение многострадальной Болгарии, восстановлено царство, спавшее 500 лет, а творца "Накануне" тут не было...»[28].

Разумеется, полного единодушия, как и следовало ожидать, не было и не могло быть. Так, главный охранительный орган "Московские ведомости", всячески замалчивавший масштаб тургеневских чествований, хотя и признавал, что "лестным приемом, который встретил г. Тургенев в нынешний приезд свой в Россию со стороны публики, он обязан исключительно своему яркому и симпатичному беллетристическому таланту", не преминул заметить, что "роль какого-то чревовещателя общества", "выразителя и истолкователя разных фазисов русского умственного движения" является "странной", а его "расплывчатый, смутный, лишенный всякой действительной народной подкладки либерализм способен был гораздо более служить заблуждениям, чем действительному *воспитанию* русского общества в строгом значении этого слова..."[29].

Писательница С.В. Энгельгардт, ранее горячая поклонница Тургенева, сообщала А.А. Фету 5 (17) марта 1879 г.: «Тургенев гостил у нас, да, кажется, и теперь он еще в Москве. Его приняли с восторгом. — За что именно? За "Дым" или за "Новь"? — Студенты делали ему овации, должно быть, за обе повести. Он рассказывал, что получил выговор от к<н>. Орлова за чтение в пользу парижских русских нигилистов. Они берут у него деньги нахрапом, вот он и принужден от них отделываться чтениями. Я знаю из верного источника, что их наглость его бесит, но он не смеет им отказывать; он добивается их хорошего расположения. — Как грустно видеть, что человек пережил себя»[30]. Отвечая своей корреспондентке, Фет был еще более суров: "Даже обидно слышать и читать, что человек, как Тургенев, всюду заносивший <?> на языке слово *свобода*, подпал вследствие мелкого самолюбия под такое рабство — и у кого же? У грязных подонков народной жизни. Что так<ое> наши современные университеты и студенты? Непроглядная трущоба невежества — и только"[31]. А в письме к Л.Н. Толстому от 3 (15) июня 1879 г. Фет замечал:

---

[28] *Совр Изв.* 1879. 3 марта. № 61. С. 2.

[29] *Иногородний обыватель <Маркевич Б.М.>*. С берегов Невы. XI // *Моск Вед.* 1879. 20 марта. № 70. С. 1.

[30] "Я так давно привык к вашим дружеским письмам..." (34 письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету) / Публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 219.

[31] <Письма Фета к С.В. Энгельгардт / Публ. Н.Г. Охотина> // *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 384.

"Тургенева попросили уехать из Петербурга, по случаю этих мальчишеских оваций. <...> Ничего нельзя придумать нелепее и безобразнее"[32]. Однако подобные недоброжелательные отклики тонули в общем хоре восторженных голосов.

Не раз в устных выступлениях, в газетных и журнальных обзорах звучала общая оценка произведений Тургенева, побудившая его самого по-новому взглянуть на свое творчество. Так, газета "Современные известия" уже после первого крупного торжества в Москве, состоявшегося 18 февраля (2 марта), писала: "И.С. Тургенев останется навсегда одним из благороднейших образов в нашей литературе: имя его так же чисто, как бела его голова. Не говорим о его таланте: почти четыре десятилетия читали его с неослабевающим художественным наслаждением. Длинный ряд его крупных вещей стал поэтической летописью, в которой тонким чутьем художника угаданы и воспроизведены с глубокой обдуманностью самые сокровенные движения в нашей общественной и нравственной жизни за последние 30—40 лет. Герои его главных романов сделались нарицательными именами. Будущий историк живущих и отживающих теперь поколений нашего общества, разбираясь в своем материале, схватится прежде всего за произведения И.С. Тургенева и не только узнает из них многое, может быть больше, чем из какого-либо другого источника, но и отдохнет на них нравственно и эстетически"[33].

В ответных речах Тургенев говорил от лица поколения 1840-х гг. и приветствовал сближение с молодежью, осознавая, что Россия стоит накануне "хотя мирного и законно-правильного, но значительного перестроя общественной жизни", т.е. введения конституции, которую ожидали и старые либералы, и новые общественные деятели. Оказавшись в роли представителя старшего поколения, писатель заново пытался дать отчет в его исторических заслугах и нащупать преемственную связь между новым и старым. Недаром П.Д. Боборыкин назвал речь Тургенева на обеде 6 (18) марта в ресторане "Эрмитаж" "историческим документом": "Никогда <...> русский писатель не давал такого содержательного и глубоко искреннего ответа перед лицом представителей разных поколений <...>"[34].

7 (19) марта писатель покинул гостеприимную Москву, намереваясь провести несколько дней в Петербурге, где его ждали не менее горячий прием и овации. В обзоре московских чествований Тургенева Боборыкин, как бы бросая вызов петербуржцам, писал: "Даже и не москвич может сказать, что Петербургу надо

---

[32] *ЛН.* Т. 103. Кн. 2. С. 79. Публ. Т.Г. Никифоровой.

[33] *Совр Изв.* 1879. 20 февраля. № 50. С. 1—2. Автором обзора был, очевидно, редактор газеты Н.П. Гиляров-Платонов.

[34] *Боборыкин П.* Хорошая реакция // *Рус Вед.* 1879. 11 марта. № 62. С. 2. Подробнее об этом обеде см. примеч. 4 к письму 5290.

позавидовать Москве. Хорошо, если и в нем скажется то же единодушие и та же чуткость, какие сказались в овациях национальному романисту. <...> Петербургу остается теперь, в лице своих литературных критиков, обобщить это и присоединиться к общерусскому чествованию писателя, на долю которого выпала высокая честь сделаться, на склоне своей карьеры, как бы новым провозвестником иных, лучших форм жизни, иного, лучшего содержания"[35]. Петербургские чествования писателя оказались едва ли не более масштабными, нежели московские.

На следующий день по приезде в столицу, 9 (21) марта 1879 г., в зале Благородного собрания Тургенев вместе с М.Е. Салтыковым, Ф.М. Достоевским, А.А. Потехиным, А.Н. Плещеевым и Я.П. Полонским участвовал в чтениях в пользу Литературного фонда и был встречен, как писали в газетах, восторженными криками, не умолкавшими несколько минут (см. примеч. 10 к письму 5289). Стоит отметить, что обозреватель газеты "Петербургский листок", описывая это событие, назвал Тургенева не только "маститым ветераном нашей литературы", но и "великим писателем", в то время как М.Е. Салтыков и Ф.М. Достоевский были названы "талантливыми"[36].

12 (24) марта на общем заседании санкт-петербургского собрания художников Тургенев был единогласно избран почетным членом[37].

13 (25) марта петербургские литераторы и ученые дали обед в честь Тургенева в ресторане Бореля на Большой Морской, где собрался цвет тогдашнего ученого и литературного мира. Известные адвокаты, публицисты, профессора университета, академики приветствовали в лице любимого писателя воспитателя нескольких поколений. За столом Тургенев оказался в окружении старых товарищей: по левую руку от него сидели К.Д. Кавелин и Я.К. Грот, по правую — Я.П. Полонский и Д.В. Григорович (подробнее см. примеч. 11 к письму 5297). Присутствовали на обеде Ф.М. Достоевский, А.А. Потехин, известный актер и рассказчик И.Ф. Горбунов.

Не обошлось, правда, и без неприятных моментов. Так, многими было отмечено отсутствие на обеде представителей редакции "Отечественных записок" во главе с М.Е. Салтыковым, усмотревшим в поведении Тургенева искание славы и почестей, а также И.А. Гончарова, не участвовавшего в чтениях 9 марта ст. ст., хотя имя его было заявлено еще на 2 марта ст. ст., когда чтения сорвались из-за болезни Тургенева[38]. Тогда еще никто не знал, что

---

[35] Там же.

[36] Петербургский листок. 1879. 11 марта. № 49. С. 2.

[37] *СПб Вед.* 1879. 14 марта. № 72. С. 2.

[38] См.: *Алексеев А.Д.* Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 234.

Гончаров уже "свел счеты" с Тургеневым в печально известной "Необыкновенной истории", где писатель был представлен в самом неприглядном и искаженном свете. Что касается Ф.М. Достоевского, то его давняя неприязнь к Тургеневу, наиболее ярко сказавшаяся в романе "Бесы", где автор "Отцов и детей" был выведен в карикатурном образе Кармазинова, проявилась уже во время совместных чтений 9 марта ст. ст. 1879 г. Несмотря на явный успех автора, читавшего еще не опубликованный отрывок из начавшегося печатанием в январской книжке "Русского вестника" романа "Братья Карамазовы", ему, по-видимому, показались не вполне заслуженными аплодисменты по адресу Тургенева. Очевидцы обратили внимание на сцену в комнате для чтецов, назвав ее "маленьким скандалом": когда Тургенев протянул руку М.Е. Салтыкову, "тот слегка взял ее и отворотился. Достоевский сделал то же". "Здесь что-то холодно! — заметил Тургенев своему спутнику и вышел из комнаты"[39].

На обеде у Бореля поведение Достоевского обратило на себя уже всеобщее внимание. После ответной речи Тургенева, указавшего на существование в обществе "не отдаленного и не туманного, а определенного, осуществимого и, может быть, близкого" идеала, в который верят поколения и "отцов", и "детей", Достоевский громко спросил, каков же этот идеал. Тургенев, не поддавшийся на "провокацию", побуждавшую его произнести вслух запретное слово "конституция", в ответ лишь развел руками и был поддержан восклицаниями большинства присутствующих: "не говорите! знаем!"[40]. Впрочем, через несколько дней, на совместном чтении 16 марта ст. ст., публика все же настояла на "примирении" двух писателей, которые вышли на сцену рука об руку[41]. Н.Н. Страхов с удовлетворением писал Фету: "А у нас здесь восхищались Тургеневым и Достоевским. Вы, верно, читали описания этих неслыханных торжеств. Достоевский в первый раз получил овации, которые поставили его наряду с Тургеневым. Он очень рад"[42]. Через год с небольшим противостояние Тургенева и Достоевского снова окажется в центре внимания на торжествах по случаю открытия памятника Пушкину в Москве.

15 (27) марта Тургенев, после шумных оваций, которыми его наградила публика в Александринском театре, где он смотрел "Месяц в деревне" с М.Г. Савиной в роли Верочки, принял участие в благотворительном литературном вечере, организованном Женскими педагогическими курсами при Александровской

---

[39] *Садовников. Встречи с Т.К.* 79.

[40] *ВЕ*. 1879. № 4. С. 822.

[41] *Садовников. Встречи с Т.* С. 83.

[42] *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 272. Письмо от 12 (24) апреля 1879 г. Публ. Н.П. Генераловой.

женской гимназии, где прочел еще один рассказ из "Записок охотника" ("Льгов") и вновь был награжден восторженными овациями, трогательными адресами слушательниц курсов и лавровыми венками[43].

Наконец, последнее публичное выступление Тургенева в Петербурге пришлось на 16 (28) марта 1879 г. в зале Благородного собрания, где состоялся второй вечер в пользу Литературного фонда. Тургенев выступал на нем дважды: в первом отделении он читал рассказ "Бирюк", а во втором — вместе с М.Г. Савиной — два явления из комедии "Провинциалка" (см. примеч. 1 к письму 5300). От последующих выступлений писатель вынужден был отказаться по состоянию здоровья. Недаром П.В. Анненков, внимательно следивший за ходом тургеневских торжеств, высказывал опасения, что "герой дня" может заболеть "от душевного волнения и от физического таскания его телес по всем этим обедам, собраниям, театрам и проч.". В письме к В.М. Михайлову от 21 марта (2 апреля) 1879 г. он не без доли юмора подвел итог этим событиям и попытался понять причину неожиданно восторженного приема: "Там (в Петербурге. — *Ред.*) происходит теперь нечто совсем новое. Невиданная еще овация *всем обществом* коллежскому секретарю из дворян И.С. Тургеневу, похожая на прием, сделанный парижанами старику Вольтеру (намек на торжества в Париже в 1878 г. по случаю 100-летия со дня смерти. — *Ред.*). <...> Слушательницы учебных курсов подносят ему in corpore (зд.: совместно — *лат.*) лавровые венки, сопровождая их речами, в которых называют его своим спасителем. Студенты толпятся у его подъезда, на улицах неизвестные люди из интеллигенции снимают шляпы при встрече с ним, на обедах в честь его с первых ложек супа начинает развиваться энтузиазм — и к соусу уже превращается в неудержимый поток. Сам Спасович гремит на всю залу. Звездоносцы и разночинцы, тузы и пигмеи, молодые и старые торопятся сказать ему наиболее крупную хвалу и перещеголять друг друга в выражениях восторга и признательности. Если не построили ему еще триумфальной арки, то только потому, что у него нет парадного экипажа, а на извозчике проезжать через нее неловко. Вместе с ним и все его ровесники, Достоевские, Полонские, Потехины, делаются причастниками славы и на них льется теплый дождь общего увлечения и благорасположения"[44]. Заметил Анненков и почти курьезный факт: 17 (29) марта, на обеде в честь Тургенева, данном петербургскими художниками, где писатель отсутствовал по нездоровью, в его честь произносились речи и тосты. "Дают ему *обед*, — иронизировал Анненков в том же письме, — на котором он не присутствует, — но

[43] См.: *Васильев. Описание торжеств.* С. 26—29.

[44] *ИРЛИ.* Ф. 384. № 16. Л. 1—2.

обращаясь к *пустому месту его* — читают стихи, говорят речи и подносят венки!"[45].

Общий смысл происходящего представлялся Анненкову следующим образом: "Словом, происходит полная реабилитация людей 40-х годов, устранение всех их врагов, публичное признание их заслуг и отдается им глубокий, всесословный и общерусский поклон до земли и *до метания*"[46]. Потрясенный этим необычным явлением, автор письма задается вопросом, как подобное может соседствовать с активизацией террористов, которые "заявляют о своем существовании убийствами, работой кинжалами, револьверов etc.", и делает неожиданный вывод: "Может быть, подвиги деток Нечаева, Ткачева e tutti quanti (и всех прочих — *итал.*) и повернули все общество в сторону старого развития, начинавшегося под знаменами искусства, философии и морали, но как бы то ни было — нынешняя минута в России, может быть, самая важная из всех, какие она переживала в последние 20 лет, только мысли, ею возбуждаемые — не могут уложиться в простом письме, а требуют долгих бесед, долгих вечеров или ряда статей"[47]. Любопытно, что последний пассаж приведенного фрагмента отчеркнут на полях и помечен знаком "NB": он может принадлежать как адресату Анненкова, так и знаменитому эмигранту В.С. Печерину, в архиве которого письмо Анненкова сохранилось.

Глубокая мысль автора письма перекликается с рассуждениями Тургенева, зафиксированными в дневнике немецкого дипломата Х. Гогенлоэ. В записи от 1 (13) апреля 1879 г. передается беседа с Тургеневым, который довольно откровенно поделился своими впечатлениями от пребывания в России и охарактеризовал русское общество как находящееся "в брожении" ("Le peuple russe est frémissant" — "Русский народ в брожении")[48]. Ошибку правящих кругов Тургенев видел в том, что они не различают нигилистов и либералов. Образованные круги, по словам Тургенева, убеждены, что Россия должна получить конституцию, и царь таким образом мог бы легко привлечь на свою сторону народ, однако именно этого он не желает делать. Несмотря на неверие в революцию и отрицательное отношение к террористам, Тургенев высказал сочувствие к тысячам заключенных, которых бросили в тюрьмы за мечты о конституции. Считая, что в настоящее время настал самый благоприятный момент для реформ, писатель был убежден, что откладывание их может привести к краху. Беседа произвела столь сильное впечатление на

---

[45] Там же. Л. 2 об.
[46] Там же. Л. 3.
[47] Там же. Л. 3—3 об.
[48] См.: *ЛН.* Т. 76. С. 437.

Гогенлоэ, что он записал: "Если бы я был царем Александром, я поручил бы Тургеневу составить кабинет"[49].

Схожие мысли высказывал Тургенев и бывшему министру народного просвещения А.В. Головнину, который сообщил их в письме к военному министру Д.А. Милютину[50]. Откровенно разъяснил свою позицию Тургенев также американскому писателю Х. Бойесену, к которому испытывал искреннюю симпатию. Излагая, со слов Тургенева, суть его выступления на обеде 13 (25) марта 1879 г. в ресторане Бореля в Петербурге, Бойесен писал, что "он имел мужество высказать откровенно то, что было у него на сердце. Он призывал к спокойствию, пытался сдержать безудержный натиск революционеров и их доброжелателей, и тем не менее он прямо сказал, что в известной мере разделяет их надежды и сочувствует их конечной цели — уничтожению деспотизма. Положение России было до того плачевным, что трудно представлялось, может ли оно быть еще хуже"[51].

Известно, что Тургенев собирался изложить свои соображения о происходящем в России в специальной "политической" статье для "Вестника Европы" (об этом он писал нескольким корреспондентам, а также говорил в частных беседах, в том числе Гогенлоэ), однако после покушения 2 (14) апреля А.К. Соловьева на Александра II замысел этот был оставлен (см. письмо 5316 и примеч. к нему). Откровенно оценил он смысл происходящего в разговоре с навестившим его в Петербурге Г.А. Лопатиным: "Ведь я понимаю, что не меня чествуют, а что мною, как бревном, бьют в правительство. <...> Ну и пусть, и пусть, я очень рад"[52].

Был еще один момент в последние дни пребывания Тургенева в Петербурге, свидетельствующий о том, какие серьезные последствия могли иметь торжества февраля—марта 1879 г. За три дня до отъезда писателя в Париж к нему в "Европейскую гостиницу" явилась делегация студентов Университета и Горного института с просьбой принять участие в благотворительном вечере, однако Тургенев отказался, сославшись на нездоровье. Сохранившиеся воспоминания одного из студентов позволили раскрыть подробности этой встречи и выявить подлинные причины едва не свершившегося поворотного события в жизни писателя, а именно возвращения навсегда в Россию после долгих лет фактической эмиграции.

---

[49] Там же. С. 438—439.

[50] См.: Там же. С. 439, примеч. 3.

[51] *Бойесен Я.* Воспоминания о Тургеневе / Пер. и публ. В.А. Александрова // *ВЛ.* 1981. № 6. С. 191.

[52] См. запись беседы с Лопатиным: *Революционеры-семидесятники.* С. 126.

Воспроизводя по памяти текст адреса петербургских студентов, анонимный участник встречи свидетельствовал, что в беседе со студентами Тургенев упомянул о желании вернуться в Россию. Это побудило молодежь немедленно составить адрес, в котором говорилось, что студенты глубоко сочувствуют такому намерению и считают, что только один Тургенев может объединить разрозненные силы интеллигенции: "И мы говорим Вам, Иван Сергеевич, что только Вы одни в настоящее время сумеете объединить все направления и партии, сумеете оформить это движение, придать ему силу и прочность: подымайте смело и высоко ваше светлое знамя: на ваш могучий и чистый голос откликнется вся Россия: Вас поймут и отцы и дети"[53]. Выслушав этот адрес стоя, растроганный писатель признался, что, несмотря на все сложности принятого решения, он понимает, что в данный момент в России нет человека, "который обладал бы более серьезным образованием, лучшим положением в русском обществе и большим политическим тактом", чем он, и что он готов решиться на этот шаг. О том, что это намерение было обдуманным, свидетельствовал и П.Л. Лавров, с которым Тургенев постоянно общался в Париже. Хотя Тургенев не сообщил ему о своем решении сразу по приезде, он "много раз после того в следующем году высказывал свою решимость вернуться в Россию и там поселиться, разорвав с долголетними привычками обстановки"[54].

Поделился Тургенев своим замыслом и с верным другом П.В. Анненковым в письме от 12 (24) апреля 1879 г. (№ 5337), хотя после 2 (14) апреля (неудачного покушения Соловьева на Александра II) стало очевидно, что планам писателя не суждено было сбыться: «Как они просили меня в России вернуться туда, остаться там — конечно, не для того чтобы сделаться "вождем" — (это не в моей натуре — да и не в данных условиях современности) — но центральным пунктом, знаменем... Несмотря на мои уже преклонные годы <...> я, пожалуй, решился бы вырвать все корни, которые я пустил здесь — но зачем, к чему?». На высказанное в том же письме "глубокое сострадание к нашей прекрасной молодежи — мужской и женской, которая просто задыхается от недостатка воздуха, как птица под пневматическим колоколом", писатель получил жесткий ответ, весьма далекий от сочувствия к студентам. "Главный вопрос, — писал Анненков, — по-моему, состоит в том, что никакого реального, а не *эфемерного* центра для движения молодежи теперь составить нельзя, без донкихотства и без напрасной жертвы собственным существованием — и Вы хорошо сделали, что отказались от этой перспективы"[55]. Последующее рассуждение

---

[53] Цит. по: Там же. С. 87.

[54] Цит. по: *Лавров П.Л.* И.С. Тургенев и развитие русского общества // Там же. С. 53.

[55] *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 103.

исключало всякую возможность возвращения на родину: "Бывают такие эпохи, когда руководящая мысль удаляется из центра общества на его периферию и там только может жить и действовать плодотворно. В этом положении находитесь и Вы — и не меняйте его. Мне были всегда жалки и смешны лицемерные вопли негодования и крокодиловы слезы по поводу Вашего удаления из России. Веское слово и прежде ковалось и теперь куется вдали от тех, на которых оно должно действовать"[56].

Лучше всех почувствовала опасность в настроениях Тургенева, очевидно, П. Виардо, регулярно получавшая от него письма. "Ведь вы не хотите нас покинуть, не правда ли? — тревожно спрашивала она в письме от 13 (25) марта 1879 г. — Вам будет скучно в Париже, ведь вокруг не будет этой лихорадки обожания — а будут только постаревшие знакомые лица, с каждым днем все более стареющие, или все менее молодые, которые будут смотреть на вас с радостью, но спокойной радостью, будет несколько чудаковатых друзей, кое-какие добрые знакомые и множество докучливых, и все тот же размеренный образ жизни, все в свое время, как обычно... Господи! какое это будет счастье снова увидеть вас! Никогда не хватит у вас сил оторваться от всей этой кипящей и бурлящей вокруг вас юности! Вы совсем перестали говорить о возвращении <...>"[57]. Вернувшись в Париж, писатель, конечно, оценил смысл этих слов.

Особое значение в этот приезд в Россию имела для Тургенева встреча с молодой актрисой Александринского театра М.Г. Савиной. Заочное знакомство в январе 1879 г. (Савина обратилась к писателю за разрешением поставить в свой бенефис "Месяц в деревне"), недовольство Тургенева выбором пьесы, которую он считал несценичной, ожидаемый провал и неожиданный блистательный успех побудили его к личному знакомству. Увлеченный талантом и красотой актрисы, писатель пережил один из прекраснейших эпизодов своей жизни и до конца дней испытывал глубокую привязанность к этой яркой личности.

Другим неожиданным событием в жизни Тургенева первой половины 1879 г. стало присуждение ему Оксфордским университетом степени почетного доктора гражданского права, состоявшееся 18 июня н. ст. Сам факт избрания — а Тургенев оказался первым романистом, удостоившимся подобной чести, — и торжественная церемония, в которой ему пришлось принять участие, произвели на него неизгладимое впечатление. Уезжая в Лондон, он обещал писать П. Виардо каждый день отчеты о своем путешествии, однако из всех отосланных из Англии писем

---

[56] Там же. С. 103—104.

[57] См.: *Т в восп совр. Переписка (1988).* С. 538. Подлинник по-франц.

известно, к сожалению, лишь одно, но и оно, впервые включенное в настоящее издание (№ 5402), значительно расширяет наши представления об этом немаловажном событии, вводя в круг общения писателя десятки новых имен.

До сих пор нет точных данных, кто был непосредственным инициатором выдвижения кандидатуры Тургенева. Первая попытка была предпринята еще в 1874 г., причем Тургеневу об этом сообщил его переводчик и горячий почитатель В. Рольстон[58]. Возможно, он и был главной движущей силой, подсказавшей баллиольским профессорам идею выдвижения кандидатуры русского писателя, однако не приходится сомневаться, что встречи с именитыми представителями Оксфорда осенью 1878 г., беседы с ними о литературе и искусстве должны были произвести на них сильное впечатление и дали возможность оценить масштаб личности Тургенева. Вводимые в примечаниях к настоящему тому материалы (статьи из английских газет, мемуары и письма современников) значительно обогащают представления об этом значительном в жизни Тургенева событии.

Поездка в Россию и торжества в Оксфорде повлияли на общее умонастроение писателя, придав ему уверенность в своих творческих силах. Убежденность в своей "нужности" русскому обществу и в качестве литератора, и в качестве общественного деятеля побудила его вернуться к мысли об издании полного собрания своих сочинений в десяти томах в издательстве братьев Салаевых, а также принять предложение М.М. Стасюлевича об отдельном, так называемом стереотипном издании "Записок охотника", которое должно было стать доступным широкому читателю и народным библиотекам. Значительная часть переписки данного периода была посвящена этим вопросам, в результате чего доработанные "Записки охотника", под знаком которых прошли торжества в России и в Англии, вышли в свет уже в октябре 1879 г., а в следующем году появилось и десятитомное дополненное издание сочинений Тургенева.

Несмотря на огромную занятость, всю половину года Тургенев продолжал опекать молодых писателей и в особенности писательниц. Сказанное в первую очередь относится к Л.Я. Стечькиной, чей роман "Варенька Ульмина" писатель не только редактировал сам, но и привлек к этому П.В. Анненкова. Он обсуждал с автором все детали, неоднократно встречался с нею и всячески поддерживал ее дальнейшую литературную работу. Не менее активно помогал он и оказавшейся в эмиграции А.Н. Луканиной, братьям Исааку и Аарону Павловским, С.Л. Клячко, Б.А. Чивилеву и многим другим. Регулярно поддерживал переписку

---

[58] См. ответное письмо Тургенева от 10 (22) февраля 1874 г.: наст. изд. Письма. Т. 13. № 3609.

с зарубежными писателями, прежде всего с Г. Флобером, переживавшим нелегкий период, с А. Доде, Э. Золя, Г. Джеймсом, В. Рольстоном и др.

Помещенное в конце тома Приложение представляет собой беловой автограф (с собственноручной правкой) речи, произнесенной Тургеневым на обеде в ресторане "Эрмитаж" 6 (18) марта 1879 г. при большом стечении публики. Ранее, в т. 12 Сочинений наст. издания этот текст печатался по неисправной публикации в газете "Русские ведомости". Редколлегия сочла уместным включение этого документа в том Писем в связи с тем, что в нем представлены письма, где комментируется это событие.

В первом издании (1967) тексты писем, включенных в настоящий том, подготовили к печати и примечания к ним составили: *А.Д. Алексеев* (Офиц. письма и делов. бумаги, 40); *А.И. Батюто* (5371, 5387, 5388, 5392); *И.А. Битюгова* (5301, 5415, 5416); *Т.И. Бронь* и *М.П. Султан-Шах* (5250, 5357); *Н.Ф. Буданова* (5305, 5331, 5340, 5363; Офиц. письма и делов. бумаги, 43); *Г.Я. Галаган* (5218, 5241, 5286, 5299, 5334; Офиц. письма и делов. бумаги, 42); *Э.А. Гессен* (5280); *Е.А. Гитлиц* (5373); *Р.М. Горохова* (5344, 5346, 5350); *Ю.Н. Жуйкин* — текст и перевод, *Г.Ф. Перминов* — примечания (5208, 5257); *П.Р. Заборов* (5219, 5224, 5239, 5244, 5247, 5249, 5251, 5253, 5255, 5258, 5339, 5351, 5361, 5370, 5382, 5395); *Р.Б. Заборова* (5332); *Д.М. Климова* (5268, 5389); *Г.В. Коган*, *М.И. Перпер* (5270, 5272, 5274, 5285, 5291, 5292, 5294, 5295, 5296); *Ю.А. Красовский* (5318, 5323, 5396, 5421, 5425); *Л.И. Кузьмина* (5220, 5227, 5232, 5308, 5325, 5328, 5329, 5335, 5366, 5368, 5393, 5403, 5409, 5420); *Т.А. Лапицкая* (5414); *Т.А. Лапицкая* — текст, *Т.П. Голованова* — примечания (5327, 5379); *Ю.Д. Левин* (5391); *К. Леман-Шульце* — текст, *Ю.Н. Жуйкин* — перевод, *К. Леман-Шульце* и *Г.Ф. Перминов* — примечания (5233); *Н.Н. Мостовская* (5262, 5303, 5374, 5419); *Н.Н. Мостовская* — текст, *И.А. Битюгова* — примечания (5267, 5271); *А.Б. Муратов* (5207, 5215, 5240, 5242, 5243, 5330); *Л.Н. Назарова* (5209, 5210, 5222, 5256, 5269, 5315, 5320, 5349, 5376, 5380, 5400, 5418); *Н.С. Никитина* (5212, 5216, 5225, 5230, 5236, 5265, 5290, 5298, 5342, 5354, 5355, 5365, 5367, 5369, 5385, 5386, 5390); *Н.С. Никитина* — текст, *А.И. Батюто* — примечания (5234, 5273, 5278, 5306, 5308, 5316, 5321, 5326, 5358, 5375, 5398, 5413); *Т.И. Орнатская* (5276, 5284, 5287); *Т.И. Орнатская* — текст, *Б.В. Богданов* и *В.А. Громов* — примечания (5217, 5228, 5235, 5246, 5261, 5293, 5311—5313, 5317, 5336, 5348, 5377, 5401, 5408, 5426, 5427); *Г.Ф. Перминов* (5223, 5337, 5378, 5383, 5404, 5423); *А.И. Понятовский* (5214, 5229, 5259, 5260, 5304, 5307); *Л.И. Ровнякова* (5411); *Г.В. Степанова* (5221, 5226, 5231, 5237, 5238, 5245, 5248, 5263, 5264, 5275, 5288, 5297, 5300, 5302, 5310, 5319, 5347, 5364, 5399); *М.П. Султан-Шах* (5314, 5322, 5410, 5428); *М.А. Турьян* (5281); *Е.М. Хмелевская* (5345, 5360, 5405); *Н.А. Хмелевская* (5279, 5309); *И.С. Чистова* (5359, 5407, 5422, 5429).

Для второго издания тексты всех писем, ранее напечатанных в первом академическом собрании, заново сверены по автографам и авторитетным публикациям В.А. Лукиной и Н.П. Генераловой, при участии С.А. Ипатовой, Л.А. Балыковой и А. Звигильского. Обновление и дополнение примечаний ко всем указанным письмам выполнено Н.П. Генераловой и В.А. Лукиной.

Тексты впервые включаемых в состав академического собрания писем второй книги шестнадцатого тома подготовили к печати и примечания к ним составили: *Н.П. Генералова* (5211, 5341, 5424; Офиц. письма и делов. бумаги, 44; Приложение); *А.Я. Звигильский* — текст, *Н.П. Генералова* — перевод и примечания (5254, 5266, 5282, 5289, 5343, 5352, 5402); *С.А. Ипатова* (5277); *В.А. Лукина* (5324, 5333, 5338, 5356, 5362, 5372, 5381, 5384, 5397, 5406, 5412, 5417; Офиц. письма и делов. бумаги, 39, 41, 45); *Е.В. Полянская* — текст и перевод, *В.А. Лукина* — примечания (5394); *П. Уоддингтон* — текст, *Н.П. Генералова* — перевод и примечания (5206, 5252, 5282, 5353).

Аннотированный указатель личных имен и названий периодической печати, указатель произведений и замыслов И.С. Тургенева к обеим книгам шестнадцатого тома, указатель писем по адресатам и указатель мест пребывания Тургенева в январе — июне 1879 г. подготовлены Н.П. Генераловой и В.А. Лукиной.

Общая редакция тома принадлежит Н.П. Генераловой и В.А. Лукиной; ими же написана вступительная статья к примечаниям.

Научно-техническая подготовка тома осуществлена В.А. Лукиной.

Полноте и достоверности издания содействовали Е.Н. Ашихмина, А.Г. Гродецкая, С.А. Ипатова, И.А. Кузьмина, Флоранс Монрейно и Н.М. Сквира. Всем им редакция приносит глубокую благодарность.

Редакция выражает глубокую признательность сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Литературного музея и Библиотеки ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева и его директору В.В. Ефремовой, а также лично Н.В. Ураковой, Е.М. Шинковой и Л.А. Балыковой; Отдела рукописных фондов Государственного литературного музея и его заведующей Е.М. Варенцовой; Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета и его зам. заведующего И.Л. Великодной; Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque Nationale de France); Отдела письменных источников Государственного исторического музея; Отдела рукописей Российской национальной библиотеки; Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки; Российского государственного архива литературы и искусства; ГМПМЗ И.С. Тургенева "Спасское-Лутовиново" и его

директору Е.Н. Левиной; Музея И.С. Тургенева в Москве и лично Е.В. Полянской; Центральной и Земельной библиотеки Берлина (Zentral- und Landesbibliothek Berlin, Германия) и лично Анке Шпилле; Хоутонской библиотеки (Houghton Library) Гарвардского университета (США); Musée de la Vie romantique (Париж, Франция); National Art Library (Лондон, Великобритания).

5206. Неизвестному (с. 5 и 189)

Печатается по тексту первой публикации (во французском оригинале) П. Уоддингтона: Nine new short Turgenev items // *N Z Sl J.* 1986. P. 30. Подлинник хранится в Boston Public Library (Массачусетс, США): MS E.9.4.63.37.

Установить адресата настоящего письма тем более затруднительно, что Тургеневу не раз приходилось исполнять подобные просьбы, с которыми к нему обращались Г. Флобер, Э. де Гонкур, Э. Ренан и другие знакомые. Скорее всего, в данном случае адресатом являлся один из французских корреспондентов писателя.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Ставшая крылатым выражением цитата из комедии "Le Méchant" ("Озлобленный", 1745) Жана-Батиста-Луи Грессе (акт IV, сцена 7). Заглавие пьесы переводилось на русский также как "Злой", "Злоязычный" "Злюка", "Злой человек" и даже "Сплетни".

5207. Эмилю Золя (с. 5 и 189)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 24524. F. 204.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. T. 6. № 17 (Mai). P. 440; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 6. С. 245.

Датируется по содержанию и сопоставлению с письмами 5209, 5215 и 5219. Премьера пьесы "L'Assommoir", о которой идет речь в письме, состоялась 6 (18) января 1879 г., в субботу, в театре Ambigu. Ближайший к этой субботе вторник — 2 (14) января. В этот же вторник состоялась первая генеральная репетиция "Западни", затянувшаяся, по сообщению "Le Figaro", до половины четвертого утра (1879. 16 janvier. P. 3).

[1] Речь идет о несколько раз откладывавшейся премьере пьесы "L'Assommoir" ("Западня"), написанной по одноименному роману Золя и при его участии В. Бюснаком и О. Гастино (в 12 картинах), на которую Золя пригласил Тургенева. Присутствовавший на премьере Э. де Гонкур иронически сравнил ее успех с провалом собственной пьесы "Анриетта Марешаль", написанной с братом Жюлем, в Comédie Française в 1865 г. и записал в своем дневнике: «Публика тепло принимает пьесу, много аплодирует, а неодобрение, как видно затаившееся кое-где в зрительном зале, не смеет открыто проявиться. Как изменяет время лицо поколений! Мысль моя с грустью обращается к покойному брату, и, встретив в коридоре Лафонтена (актера Л.-М.-А. Тома. — *Ред.*), я говорю ему: "Да, на представлении «Анриетты Марешаль» была совсем другая публика!" Все в пьесе хорошо принимается, награждается щедрыми аплодисментами, и только два-три робких случайных свистка под

занавес выдают чье-то неодобрение, сразу же стыдливо умолкающее среди всеобщего восторга» (*Гонкур. Дневник.* Т. 2. С. 267. Пер. И. Грушецкой. См.: *Goncourt. Journal.* T. 3. P. 7). Г. Флобер не имел возможности присутствовать на премьере; познакомившись с отзывами в прессе, присланными ему Ги де Мопассаном, он иронически писал ему 22 января н. ст. 1879 г.: «Я рад за Золя в денежном отношении. Но это отнюдь не укрепляет позиций натурализма (определения которого мы все еще тщетно ждем) и никак не возвышает нашего друга в качестве драматического автора. Ему теперь надлежит создать пьесу "по собственной системе"» (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 221. Здесь и далее, если не оговаривается особо, пер. А. Андрес. См.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 507). В отличие от представителей старшего поколения, молодые французские писатели — поклонники Золя, например А. Сеар и Гюисманс, восприняли успех "Западни" на сцене как победу натурализма в театре (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 280—281, note 4).

Сам Золя был в целом доволен постановкой, хотя не считал пьесу удачной. 22 января н. ст. 1879 г. он писал Флоберу: "Первое представление прошло великолепно; подлинный триумф первых пяти картин, несколько холоднее приняли шестую, седьмую и восьмую, и затем полная победа девятой; в общем, успех очень большой. Сцена в прачечной, за которую я так боялся, подняла зал. Надо сказать, что актеры держались молодцом и играли мастерски. 〈...〉 Между нами говоря, пьеса не ахти что. Кроме нескольких любопытных картин, например первой, очень ладной, под которой я бы охотно подписался, остальные — более чем посредственны. Роман был растоптан, пьеса превратилась в идиотскую мелодраму с двумя злодеями; но, к счастью, сохранила простоту, она умным образом глупа" (Ibid. P. 278—279). За 1879 г. пьеса выдержала 254 представления (Ibid. P. 281, note 6). 100-е представление пьесы (14 апреля н. ст.) было сделано бесплатным (Ibid. P. 268). См. письма 5215 и 5219, примеч. 1.

Успех "Западни" был отмечен и русскими периодическими изданиями. Так, "Санкт-Петербургские ведомости" сообщали 16 января ст. ст. 1879 г.: «Известный роман Золя "L'Assommoir" переделан в драму, которая, под тем же названием, шла в Париже, на сцене театра Ambigu с большим успехом. Декорации и постановка пьесы поразительны. Парижские рецензенты пророчили ей долгую жизнь. Отечественные "переделыватели", вероятно, не замедлят познакомить с этой новинкой посетителей Александринского театра, благо что впереди имеются великопостные и весенние бенефисы русских актеров» (№ 16. С. 2. Раздел "Театральные новости"). Вслед за тем откликнулись все ведущие петербургские и московские газеты ("Голос", "Новости", "Московские ведомости", а также Б.Н. Чивилев в одесской "Правде"). Восторженный отзыв о спектакле в "Новом времени" опубликовал А. Доде, посвятив «Первому представлению драмы

“Assommoir”» одно из своих “Парижских писем” (1879. 31 января. № 1051. С. 2—3. Ранее этот обзор вышел по-французски: *Daudet A.* Revue dramatique // Journal officiel de la République Française. 1879. 27 janvier. № 26. P. 586—587. См. об этом: *Фифис А.* Альфонс Доде — сотрудник петербургской газеты “Новое время” // *Тургенев. НИиМ.* Вып. 1. С. 216). Подробный разбор постановки в “Отечественных записках” поместил Ш.-Л. Шассен: «“L'Assommoir” сделался совершенно обыкновенной мелодрамой, вместо того чтобы быть новым словом искусства и первым резким насаждением сценического реализма. Таким образом, революция, которую затевал Золя и о которой, прежде ее осуществления, так много кричала печать, обратилась на деле в самую скромную попытку». Тем не менее критик назвал Золя “самым могущественным из всех современных французских романистов” (*Людовик ⟨Шассен Ш.-Л.⟩.* Хроника парижской жизни // *ОЗ.* 1879. № 2. Отд. II. С. 179). Библиографию отзывов о первой постановке “L'Assommoir” в русской прессе см.: *Лещинская Г.И.* Эмиль Золя: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1865—1974. М., 1975. С. 108—111.

[2] Имеется в виду Поль Виардо (см. письмо 5215).

5208. Людвигу Пичу (с. 6 и 190)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 366. Л. 62. Подлинник хранится в *SBB.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ.* 1909. № 6. С. 644; в английском переводе — Saturday Review. Supplement. 1909. August 14. № 2807. P. 1. Вновь опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch (1923).* S. 142—143; в русском переводе — *Письма к Пичу.* С. 196—197.

[1] Тургенев отвечает на неизвестное письмо Л. Пича, в котором, очевидно, тот выражал обиду, приняв на свой счет высказанные писателем в письме от 28 декабря 1878 г. (9 января 1879 г.) претензии Э. Дому, обещавшему перевести на немецкий язык либретто оперы Л. Эритт-Виардо “Lindoro” (“Линдоро”), которую собирались поставить в Веймаре 8 апреля н. ст. 1879 г., в день рождения великой герцогини Софии Луизы Саксен-Веймарской. По традиции дни рождения великогерцогской четы отмечались в Веймарском придворном театре особыми представлениями — ко дню рождения Карла Александра (24 июня н. ст.) ставились преимущественно пьесы, ко дню рождения великой герцогини (8 апреля н. ст.) — оперы (см.: *Fischer/Žekulin.* S. 44. Так, в 1869 г. Полине Виардо поступило предложение поставить в Веймаре ко дню рождения Софии Луизы на выбор одну из ее оперетт, которой стал “Последний колдун”. См.: Ibid. 41—72;

Žekulin N.G. The Story of an Operetta: "Le Dernier Sorcier" by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. München, 1989. P. 29—45). Ссылаясь на необходимость доработки музыки под немецкий текст и нехватку времени, Тургенев, несомненно по поручению П. Виардо, писал Пичу в упомянутом письме: "...Дом даже не подтвердил ее (рукописи. — *Ред.*) получения — и не ответил ни *одной* строкой ни на одно из трех настоятельных писем г-жи Виардо. Это же геркулесовы столбы... как это назвать? — бесцеремонности. ⟨...⟩ Заклинаю Вас — нашей старой дружбой — покажите и прочитайте это письмо Дому — а если и тогда ничего не произойдет — ну что же — я буду знать, какого мнения мне вообще следует придерживаться о немецкой пунктуальности, немецкой дружбе — и т.д." (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5198 и примеч. к нему. Дата 8 марта н. ст. 1879 г., указанная в этом письме как день постановки "Линдоро", возможно, была названа Тургеневым ошибочно). В дальнейшем постановка оперы была, по другим причинам, перенесена дирекцией Веймарского театра на май, о чем Э. Лассен известил Полину Виардо сначала телеграммой (неизвестна), а затем письмом от 7 апреля н. ст. 1879 г. (текст письма см.: *Fischer/Žekulin.* S. 110—111). См. также примеч. 2 к письму 5233.

[2] Рукопись либретто была послана Э. Дому, скорее всего, Полиной Виардо летом или осенью (не позднее октября) 1878 г., поскольку уже 21 ноября (3 декабря) 1878 г. Тургенев, по ее просьбе, вторично обращался к Пичу с просьбой выяснить, как обстояло дело с переводом (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5153). По всей видимости, автором французского текста либретто, сюжетно близкого опере Россини "Севильский цирюльник", была Л. Эритт-Виардо. Высказывавшиеся предположения о возможном авторстве Тургенева (см., например: *Schwirtz G.* I.S. Turgenev in Deutschland. Untersuchungen zur Persönlichkeit und zum Schaffen des Dichters in den sechziger Jahren. Diss. Jena, 1974. S. 76—77) следует, вероятно, считать несостоятельными. Однако не исключено, что первоначальный текст либретто, показавшийся писателю "слишком кратким" и даже "слегка мрачноватым", был им отредактирован или частично переработан (в прозаической части), о чем свидетельствует его письмо к Клоди Шамро от 28 августа (9 сентября) 1877 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4827). Подробнее об этом, а также об истории постановки "Линдоро" в Веймаре см.: *Fischer/Žekulin.* S. 107—119.

[3] Имеется в виду барон Август фон Лоен, возглавлявший придворный театр в Веймаре.

[4] Комическая одноактная опера Л. Эритт-Виардо "Линдоро" была поставлена в Веймаре 2 мая н. ст. 1879 г. Если в театральной афише премьерного спектакля она обозначена как "оперетта", то в афише второго представления, состоявшегося 7 мая н. ст.,

уже как "комическая опера". Великогерцогская чета на первом представлении не присутствовала, поскольку с 17 апреля н. ст. находилась в Голландии и вернулась в Веймар только утром 7 мая н. ст. Тем не менее второе представление они предположительно посетили (см.: *Fischer/Žekulin.* S. 108, 111, 116).

Успеха опера не имела и выдержала только два представления. Так, 22 мая н. ст. 1879 г. местная "Weimarische Zeitung" отмечала "наивную простоту" либретто "Линдоро", которое, "заимствуя хорошо знакомые нам оперные образы, возвращает их в гомеопатически разбавленном виде, в котором они едва ли оправдывают свое существование на сцене" (№ 119; раздел "Großherzogliches Hoftheater". Цит. по: *Fischer/Žekulin.* S. 116). Довольно суровый отзыв, прежде всего о либретто, дала и немецкая "Neue Zeitschrift für Musik", корреспондент которой ("W. Gottschalg") охарактеризовал оперу как "музыкально-драматическую новеллетту", заметив, что она «написана не без ума и таланта (нам довелось слышать у Листа весьма небезынтересный фортепьянный квартет того же автора (по-видимому, речь идет о вечере у Ф. Листа, состоявшемся в воскресенье 4 мая н. ст. 1879 г., на котором присутствовала также П. Виардо. — *Ред.*)), но потерпела неудачу из-за посредственного либретто, сюжет которого является не более чем жалким подобием "Цирюльника" Россини». "Не понимаю, — продолжил рецензент, — как умную даму может привлечь такая избитая тема, когда немолодой богатый дядя влюбляется в свою племянницу, обрученную с молодым человеком, который естественно прилагает все силы, чтобы обвести старика вокруг пальца. Попытки всех исполнителей спасти положение были тщетны. Было действительно несколько довольно красивых номеров, но и в них так мало самобытного и так много скучного и вымученного, что и они не могли спасти этот эксперимент" (Neue Zeitschrift für Musik. 1879. 13. Juni. № 25. S. 259).

Ф. Лист, причастный, по-видимому, к постановке оперы и присутствовавший на представлении, видел причину неуспеха в недостатке темперамента у немецкой публики. «Ее (Л. Эритт-Виардо. — *Ред.*) одноактная комическая опера "Линдоро", — писал он 12 мая н. ст. 1879 г. Каролине Сайн-Витгенштейн, — ⟨...⟩ не могла претендовать на успех у немецкого темперамента — но могла снискать его в Париже посредством актеров, которые даже во время пения способны произносить умные вещи» (Franz Liszts Briefe an die Fürstin Carolyne Sayn-Wittgenstein. 2. Ausgabe. Leipzig, 1902. S. 251. Подлинник по-франц. (Franz Liszts Briefe. Bd. 4)). По всей видимости, Лист довольно высоко ценил Л. Эритт-Виардо как композитора. "До сих пор мне не довелось встречать композитора женщину со столь неистово пылким талантом!" — писал он, например, К. Сайн-Витгенштейн в скором времени после премьеры "Линдоро" (Ibid. S. 254. Письмо от 26 мая н. ст. 1879 г. Подлинник по-франц.). Сохранилось рекомендательное письмо Листа

от 25 мая н. ст. 1879 г. (адресат неизвестен): "Там, где ценятся ум и поэзия в музыке, найдут соответствующий отклик и одобрение и в высшей степени достойные внимания сочинения госпожи Эритт" (цит. по: Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1992. Fasc. 1/2. P. 201. Подлинник по-нем.).

Французская публика также была оповещена о постановке "Линдоро". В ряде газет было напечатано следующее объявление: «Немецкие газеты сообщают нам, что в Веймарском театре ставят неизданную одноактную оперу "Линдоро" сочинения г-жи Эритт-Виардо. Г-жа Полина Виардо помогает своей дочери с репетициями» (см., например: Ménestrel. 1879. 11 mai. № 24. P. 189; Presse. 1879. 13 mai. № 133). Тот же "Le Ménestrel" в номере от 18 мая н. ст. 1879 г. сообщал о трех (а не о двух как было в действительности) представлениях оперы, которые прошли с возрастающим успехом. См. также письмо 5233 и примеч. к нему, а также письмо 5339, примеч. 3.

[5] Тургенев намекает на известную грубость выражений Бисмарка, возможно имея в виду вышедшую незадолго до этого первую книгу о нем верного апологета немецкого канцлера М. Буша, исполнявшего во время франко-прусской войны обязанности его личного секретаря, "Graf Bismarck und seine Leute während des Krieges mit Frankreich. Nach Tagebuchblättern" ("Граф Бисмарк и его люди во время войны с Францией. По дневниковым записям") (Leipzig, 1878).

5209. А.В. Топорову (с. 6)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 3—3 об.
Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 274—275.

[1] Письмо Топорова с новогодними поздравлениями неизвестно.

[2] Еще 14 (26) декабря 1878 г. Тургенев просил Топорова подписаться на журналы и газеты: "Отечественные записки", "Русский вестник", "Слово", "Новое время", отказавшись от "Голоса" (заменив его на "Биржевые ведомости") и "Московских ведомостей" ("очень уже противны стали"). На усмотрение адресата Тургенев оставлял также подписку на "Новое время" (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5176). Топоров выполнил просьбу писателя, заменив "Новое время" на "Биржевые ведомости", о чем, вероятно, сообщил в неизвестном письме. Просьба оформить полугодовую подписку на газету "Русская правда", которая начала выходить с октября 1878 г., содержалась в письме к Топорову от 29 декабря 1878 г. (10 января 1879 г.). Одновременно Тургенев сообщал, что написал редактору этой газеты Д.К. Гирсу по другому поводу (это письмо неизвестно) и надеется на то, что Гирс будет высылать ему свою

газету даром (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5200). См. также письмо 5222.

[3] См. письмо 5210.

[4] Квартира М.М. Стасюлевича, как и редакция "Вестника Европы", находилась по адресу ул. Галерная, 20. О предстоящем визите Топорова с подписным листом на памятник Н.В. Ханыкову Тургенев извещал Стасюлевича 31 декабря 1878 г. (12 января 1879 г.) — см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5202.

[5] Речь идет о картине Э.-Т. Бланшара "Куртизанка" или "Женщина, лежащая и играющая со змеей" (Тургенев называл ее иногда "Клеопатрой" или "Чаровницей"), деньги за которую (1500 руб.) должны были поступить в январе. В связи с финансовыми проблемами писатель решил продать две картины из своей коллекции через магазин Беггрова в Петербурге. См. письмо 4911 и примеч. 3 к нему, а также письма 5165 и 5176 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. Деньги за картину Бланшара Тургенев смог получить только в июне 1879 г. (см. письмо 5400).

[6] Тургенев напоминает о просьбе, содержавшейся в письме к Топорову от 14 (26) декабря 1878 г. Эту сумму писатель просил М.М. Стасюлевича передать в качестве символической платы студентам Института инженеров путей сообщения, устроившим музыкально-литературный вечер в пользу недостаточных студентов, за присланный ими почетный билет. См.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5176, 5179. О том, что Стасюлевич передал деньги по назначению, свидетельствует сохранившаяся в бумагах Тургенева расписка: "Мы, нижеподписавшиеся, получили присланные Иваном Сергеевичем Тургеневым в пользу недостаточных студентов Института инженеров путей сообщения двадцать пять (25) рублей с письмом, адресованным на имя распорядителей по устройству вечера. 27 января 1879 г. С.-Петербург" (см.: *Bibl Nat.* Slave 82. F. 304). Далее следуют подписи семи распорядителей, первым из которых значится студент Н. Исаев, упомянутый Тургеневым ранее в письме к Стасюлевичу от 14 (26) декабря 1878 г. (№ 5179).

5210. А.В. Топорову (с. 7)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 5—5 об.
Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 275—276.

[1] Н.В. Ханыков умер 3 (15) ноября 1878 г. в Рамбулье под Парижем. Тургенев принял деятельное участие в организации похорон и увековечении его памяти. См. письмо 5144 и примеч. к нему, а также письма 5146—5148, 5152 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1.

[2] Памятник на могиле Н.В. Ханыкова работы М.М. Антокольского, в виде серого гранитного камня с лежащей на нем

стопкой книг, символизирующих труды Ханыкова по востоковедению, был освящен 4 июля н. ст. 1879 г. Тургеневым и Ж. Дюлу на кладбище Пер-Лашез. Сообщение об этом было напечатано в газетах "Le Temps" (1879. 6 juillet. № 6650. P. 4; русский перевод см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5154, примеч. 2) и "Le Rappel" (1879. 7 juillet. № 3405. P. 2). Описание памятника см.: *Розенфельд А.З.* Тургенев и Н.В. Ханыков // *Т и его современники.* С. 83—84. Здесь же воспроизведена фотография могилы Ханыкова (между с. 144 и 145). См. также письмо 5420.

[3] Ранее Тургенев обращался с просьбой о подписке на памятник Н.В. Ханыкову непосредственно к М.М. Стасюлевичу (см. письмо 5156 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1) и А.В. Головнину (письмо неизвестно), с которым Ханыков близко сошелся у Н.И. Надеждина еще в начале 1840-х гг., во время службы в Министерстве внутренних дел (где одновременно служил и сам Тургенев), и с которым его в дальнейшем связывали не только служебные отношения, но и тесная дружба (*Головнин А.В.* Записки для немногих. СПб., 2004. С. 58; см. также: *Громов В.А.* Тургенев в "Записках" А.В. Головнина // *Т сб.* Вып. 3. С. 219. Письма (182) Головнина к Ханыкову хранятся в РНБ и частично опубликованы: Исторический архив. 1950. № 5). Двоюродному брату и наследнику покойного, Я.Н. Ханыкову Тургенев сообщил 21 ноября (3 декабря) 1878 г. о том, что в два дня было собрано 500 франков (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5154).

[4] С 1852 г. Ханыков был членом-корреспондентом Академии наук по восточному разряду Историко-филологического отделения.

5211. С.Н. Тютчеву (с. 8)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 2567. Оп. 2. № 461. Л. 1—1 об. На первой странице в верхнем левом углу помета чернилами рукой С.Н. Тютчева: "Ответ не требуется".

Впервые опубликовано В.А. Черных: Новые письма И.С. Тургенева (Письма к С.Н. Тютчеву и Н.А. Щепкину) // Встречи с прошлым. М., 1976. Вып. 2. С. 54.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Это письмо С.Н. Тютчева, сообщавшего подробности о смерти своего брата Н.Н. Тютчева, последовавшей 15 (27) декабря 1878 г., не сохранилось. В письме к П.В. Анненкову от 22 декабря 1878 г. (3 января 1879 г.) С.Н. Тютчев подробно описал последние дни своего брата и "друга человечества", который еще 25 ноября ст. ст. был "совершенно здоров и обедал в клубе", а ночью почувствовал "сильные колики в желудке". Приехавший С.П. Боткин определил кишечную непроходимость

и прописал промывания желудка и диету, что на время облегчило состояние больного. Взятые анализы показали, что почки "отказались функционировать, кишки перестали всасывать пищу, и в ночь с 13 на 14 дек⟨абря⟩ у брата последовал страшный упадок сил. Ничто уже не могло их восстановить, и утром 15 числа, в 1 час ночи, брата не стало. Агония продолжалась минут 40. Смерть наступила без страданий". "Говорить ли Вам, — писал далее С.Н. Тютчев, — что в течение всей болезни у брата не было даже намека на капризы, что он был кроток, добр, ровен, как всегда, и, как всегда, заботлив о всех и о вся? Он сохранил незнание начала агонии". Описывая состояние жены Н.Н. Тютчева Александры Петровны, С.Н. Тютчев писал: "Все, что только можно себе вообразить относительно высшего проявления женской любви, самоотвержения, мужества, выносливости, все это олицетворилось в Александре Петровне" (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 106. Л. 7—8 об.). В письме сообщалось также о том, что к умирающему приехали Е.К. Станкевич (В издании *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 277 упомянутая П.В. Анненковым в письме к Тургеневу фамилия Станкевич ошибочно раскрыта как Александр Владимирович Станкевич, брат Н.В. Станкевича, в то время как в письме имеется в виду его жена Елена Константиновна) и И.И. Маслов. См. также письмо 5189 и примеч. 2, 4 к нему — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. 25 октября (6 ноября) 1879 г. С.Н. Тютчев сообщил Анненкову: «Над могилой брата устроена гранитная плита с лаконическою надписью: "Николай Николаевич Тютчев; родился 27 октября 1815, скончался 15 дек⟨абря⟩ 1878"» (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 106. Л. 26 об.).

[2] Между 27 июля (2 августа) и 2 (14) августа 1878 г. Тургенев навестил Н.Н. Тютчева во время своего пребывания в Петербурге, о чем свидетельствует письмо к нему от 2 (14) августа 1878 г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5066. В частности, он хлопотал об устройстве на службу своего приятеля А.В. Топорова. О визите Тургенева на их дачу в Лесном Н.Н. Тютчев сообщал П.В. Анненкову 8 (20) августа 1878 г.: "Здесь на днях проездом был Ив. Серг. Тургенев и провел у нас полдня. Он здоровее и оживленнее, чем когда-либо. Теперь он в Москве или в Спасском, которое надеется продать брату своему" (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 105. Л. 96—96 об.).

[3] 26 декабря 1878 г. (7 января 1879 г.) П.В. Анненков писал Тургеневу: "Известие о Тютчеве, добрейший И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, меня ошеломило, и целую неделю ходил, как сонный. Я потерял в нем большого друга. Целые годы проходили над нами, а какая-то натуральная, негласная привязанность между нами не старела и не изменялась, сохраняя свое первоначальное спокойное, хладнокровно-дружеское выражение. ⟨...⟩ Он умер от какого-то стремительного перерождения или загниения почек, прекративших всасывание и деятельность кишок в какие-нибудь три дня

и приведших пациента к легкой смерти, после получасовой, не тяжелой агонии. ⟨...⟩ В одну неделю нет целого дома, семьи точно и не бывало" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 98).

[4] Анненков писал Тургеневу в упомянутом выше письме: "Алекс⟨андра⟩ Петровна мужественна и бодра, без эффектов ⟨...⟩" (Там же). К А.П. Тютчевой Тургенев был искренне привязан, высоко ценя ее душевные качества и музыкальные способности. Еще во время пребывания в 1851—1853 гг. Н.Н. Тютчева с семьей в качестве управляющего тургеневскими имениями А.П. Тютчева нередко скрашивала время ссылки опального писателя игрой на фортепиано. Глубоко сочувствовал Тургенев и потере Тютчевыми единственной дочери Ольги, умершей в 1851 г. в Спасском в результате несчастного случая и там же похороненной (вблизи усадебной церкви сохранился надгробный камень с надписью: "Ольга Тютчева. 1845—1851"). См.: *Громов В.А.* И.С. Тургенев и Н.Н. Тютчев (По новым данным) // Спасский вестник. 1993. № 2. С. 67. После смерти мужа А.П. Тютчева уехала 6 (18) февраля 1879 г. в сопровождении С.Н. Тютчева в Италию, куда позднее, после его отъезда, прибыла и семья А.В. Станкевича, с которой она съехалась (см. письмо С.Н. Тютчева к П.В. Анненкову от 15 (27) февраля 1879 г. из Пизы: *ИРЛИ.* Ф. 7. № 106. Л. 13 об.). В июле она уже вернулась в Петербург (письмо к П.В. Анненкову от 6 (18) июля 1879 г.: Там же. Л. 19). А 25 октября (6 ноября) того же года С.Н. Тютчев сообщал, что А.П. Тютчева "положительно поправилась не только физически, но и морально", "поневоле снова приняла в руки бразды домохозяйства", "часто посещаема знакомыми, очень много читает ⟨...⟩ и, по-видимому, никогда уже не впадет в то страшное состояние нравственной прострации, в каком находилась после смерти брата моего" (Там же. Л. 26—26 об.). Вскоре, однако, состояние А.П. Тютчевой ухудшилось, и С.Н. Тютчев регулярно докладывал Анненкову о ее положении, откликаясь на просьбы своего корреспондента. Подробное описание последних дней Тютчевой С.Н. Тютчев оставил в письме к Анненкову от 6 (18) апреля 1883 г. (Там же. Л. 66—67). Из него же известно, что по завещанию Тютчева оставила шесть тысяч руб. в пользу Педагогических врачебных женских курсов с тем, чтобы были учреждены две стипендии имени ее покойного мужа.

[5] Имеется в виду Дария (Дарья) Ивановна Яздовская, жившая в семье Тютчевых более 50 лет. 25 октября (6 ноября) 1879 г. С.Н. Тютчев писал Анненкову, что А.П. Тютчева "на присутствие в доме Д⟨арии⟩ Ив⟨ановны⟩ смотрит как на нечто, определенное судьбою" (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 106. Л. 26 об.). После смерти Н.Н. Тютчева Яздовская продолжала оставаться с его вдовой вплоть до смерти последней в Петербурге 20 марта ст. ст. 1883 г., хотя отношения их не были безоблачными. Яздовская скончалась в тот же день, что

и А.П. Тютчева (Там же. Л. 66—66 об. Письмо от 6 (18) апреля 1883 г.).

[6] В Петербурге Тургенев оказался раньше, 8 (20) февраля 1879 г., в связи со смертью брата Н.С. Тургенева, однако С.Н. Тютчева не застал, поскольку тот уже уехал с А.П. Тютчевой в Италию, где оставался до конца февраля ст. ст. Сведений о встрече Тургенева с С.Н. Тютчевым в этот приезд обнаружить не удалось.

5212. Каролине Комманвиль (с. 10 и 190)

Печатается по тексту: *Tourguéniev/Flaubert*. P. 322—323, с исправлением некоторых неточностей. Подлинник хранится в собрании Манфреда Шнеля (Баден-Баден).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 160—161; в русском переводе — *Рус Мысль*. 1896. № 10. С. 76.

Датируется предположительно по связи с письмом 5213 и указанному дню недели.

[1] Вопреки ожиданиям Тургенева приступ подагры затянулся, и К. Комманвиль сама нанесла ему визит 11 (23) января 1879 г. См. письмо 5224.

5213. М.М. Стасюлевичу (с. 10)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 228. На первой странице письма в левом верхнем углу помета чернилами рукой М.М. Стасюлевича: “10.I.79” — дата получения письма.

Впервые опубликовано: *ВЕ*. 1911. № 12. С. 10—11.

Стр. 11. Когда возникает печальнейшая картина той ночи,
Которая для меня была последней в Риме,
Когда я вспоминаю ту ночь, в которую я покинул
столько мне дорогого,
То и теперь катится слеза из моих глаз.
Уже замолкли голоса людей и лай собак
И высокая луна правила ночными конями,
Когда я заметил ее и под ней видел Капитолий,
С которым напрасно были связаны наши Лары (*лат.*).

Стр. 11. “Я был скован в собственном творчестве” (*нем.*).

Стр. 11. Капитолийский храм,
с которым напрасно так близко связаны наши Лары (*нем.*).

[1] Так Тургенев называл подагру, по имени редактора “Русского вестника” и “Московских ведомостей” М.Н. Каткова.

[2] Речь идет о статье И.Р. Тарханова "Психомоторные центры у человека и животных. Из популярных лекций" (*ВЕ.* 1879. № 1. С. 7—58). С Тархановым Тургенев, по всей видимости, виделся на обеде у Стасюлевичей 12 (24) февраля 1879 г., во время своего приезда в Петербург (см. примеч. 4 к письму 5234).

[3] Опубликованная под псевдонимом "К. Никулина" повесть "Специалист" (*ВЕ.* 1879. № 1. С. 63—94; с подзаголовком "Страница из женской жизни") — литературный дебют К.В. Назарьевой, представляющий собой рассказ об унижениях и злоупотреблениях, с которыми сопряжен судебный бракоразводный процесс в России. Повесть основана на личном опыте Назарьевой, которая после расторжения брака вынуждена была содержать своих четырех внебрачных детей на литературные заработки.

[4] Драма В.А. Крылова "Горе-злосчастье" (*ВЕ.* 1879. № 1. С. 126—204). Говоря о "прискучивших" умирающих на сцене чахоточных, Тургенев, возможно, имел в виду известную мелодраму А. Дюма-сына "Дама с камелиями" (написана по одноименному роману), поставленную впервые в 1852 г. и выдержавшую множество представлений. Героиня пьесы куртизанка Маргарита Готье умирает от чахотки. На сюжет пьесы была написана опера Дж. Верди "Травиата" (1853). С оценкой Тургенева во многом совпадает и отзыв П.В. Анненкова, который отметил, что "драма Крылова весьма недурна, чтобы там ни говорили господа, желающие, чтобы все являющиеся на сцену походили на Островских и Гоголей. Французы и немцы, да и англичане современные только и живут что Крыловыми и очень высоко их ценят. Почему же у нас Крылову не было бы места? Я, напротив, немало ценю в нем ум и сноровку, которые проглядывают во всех его пьесах" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 364).

[5] Статья "Социальное движение в Германии" — краткое изложение книги Ф. Меринга "Die deutsche Socialdemokratie, ihre Geschichte und ihre Lehre. Eine historisch-kritische Darstellung" (Bremen, 1878), — подписанная Л. А—в, принадлежала Л.А. Полонскому (*ВЕ.* 1879. № 1. С. 205—252). Во введении Полонский дал очень высокую оценку этому сочинению, прежде всего за исчерпывающее и фактологическое изложение происхождения социал-демократического движения в Германии, а самого Меринга (в прошлом социал-демократа и большого радикала) охарактеризовал если не как прогрессиста, "то уже во всяком случае безусловного противника социалистов", отметив его резко отрицательное отношение "к личностям всех вождей германских социалистов, особенно к Марксу" (Там же. С. 206).

[6] Статья А. В—на (А.Н. Пыпина) "Знатный барин прошлого века" (*ВЕ.* 1879. № 1. С. 272—286) посвящена двухтомной книге "Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Составлен внуком его, графом Владимиром Орловым-Давыдовым" (СПб., 1878).

[7] В № 1 "Вестника Европы" за 1879 г. (С. 405—436) под рубрикой "Парижские письма" (Письмо XLIV) была напечатана статья Э. Золя от 12 (24) декабря 1878 г. "Современная драматическая сцена". Обосновывая свою теорию натурализма/реализма, Золя прибегал к экскурсам в далекое прошлое, начиная с Гомера, и пытался доказать, что в XVIII в., в частности в произведениях Руссо и Дидро, в литературе, как и в политической сфере, произошла революция, связанная с научным прогрессом. Обратившись к опыту и к природе, литература "последовала за наукой и также усвоила себе экспериментальный метод": "Реализм в литературе — это тоже возврат к природе и человеку, непосредственное наблюдение, точная анатомия, наблюдение и передача действительности" (*ВЕ.* 1879. № 1. С. 409). Появление романтизма уже после победы реализма, которое следовало как-то объяснить, Золя связывал с перенапряжением, вызванным французской революцией: "Редко бывает, чтобы какой-нибудь переворот совершился мирно и здраво. Умы сбиваются с толку, воображение напрягается, омрачается, населяется призраками. После страшных потрясений в конце прошлого века и под влиянием чувствительности Руссо поэты начинают принимать меланхолические и фатальные позы" (Там же. С. 410). Единственное, что оправдывает романтиков, с точки зрения Золя, это их мятежность, но, к счастью, мятеж длился недолго ("всего какую-нибудь четверть столетия") и оказался "простой вспышкой", расчистив путь для торжества натуралистов, "родных сынов Дидро". Победив в области романа, реализм перекинулся на сцену и должен завершить переворот, однако в настоящее время это только мечта, которую лелеял Золя, решившийся и сам попробовать свои силы в драматургии. Отбрасывая в сторону романы "сказочника" А. Дюма, "мечты" Ж. Санд и прозу В. Гюго, Золя отсчитывал победу реализма от Бальзака и Стендаля, которым удалось уберечься от "романтического безумия", до Флобера, который "завершает современную формулу", и братьев Гонкур (Там же. С. 410—411, 413—414). Очевидное несоответствие постулатов реализма, выдвинутых Золя, подлинному значению открытий Флобера и Гонкуров, отрицание роли воображения ("воображению тут больше нечего делать"), утверждения вроде того, что "произведение превращается в протокол", а "романист превратился в судебного пристава" (Там же. С. 415—416), и т.п., не могли не вызывать сопротивления у Тургенева. Возможно также, что, будучи постоянным советчиком Золя относительно тематики "Парижских писем" в "Вестнике Европы", он ознакомился с его очередной статьей еще до отсылки ее в Россию. Внимательно следил Тургенев и за еженедельными драматическими обозрениями Золя в газете "Le Voltaire" (см., например,

письмо 5162 и примеч. 2 и 4 к нему — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1).

[8] Разбор философской драмы Э. Ренана "Калибан" был сделан в № 1 "Вестника Европы" за 1879 г. (С. 95—125) К.К. Арсеньевым, который упрекал автора в тенденциозности и ходульности представленных им персонажей, каждый из которых имел "политический ярлычок" (С. 107). Главное обвинение критика состояло в том, что, следуя своей концепции вечной борьбы "аристократии духа" и темных масс, поборник цивилизации Ренан выказал в пьесе презрение к народу: "Для народа цивилизация, выработанная в его среде, не есть нечто внешнее, постороннее; это не дар, приносимый ему из милости, а результат общего труда, в котором и он принимал то прямое, то косвенное участие" (Там же. С. 114). Тургенев присутствовал на чтении пьесы, которое состоялось, очевидно, 9 марта н. ст. 1878 г., и сделал автору несколько существенных замечаний, согласившись с которыми, Ренан внес изменения в текст и даже дописал еще один акт (см. письма 4970, 4972, 4978 и примеч. к ним — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1). См. также: *Генералова Н.П.* Тургенев — Ренан — Тэн: Две встречи с большими последствиями (Дополнения к Летописи жизни и творчества Тургенева) // Тургеневский ежегодник 2014 года. Орел, 2015. С. 35—46.

[9] В № 1 "Вестника Европы" за 1879 г. было опубликовано два стихотворения С.А. Андреевского — "Силуэт" ("Их больше нет! — Средь горестей земных...") и "Вот скоро сметутся наносы мятели...", а также три перевода из Катюля Мендеса (С. 59—62). Тургенев критикует конец 1-й и начало 2-й строфы второго стихотворения:

В раздумьи вечернем, у окон открытых
О радостях, нами давно пережитых,
    И синие тучи весны
    На западе будут видны...

И нам лучезарное время светило,
И небо весеннее к жизни манило,
    И легкие тучи на нем
    Мелькали заманчивым сном ⟨...⟩

(*ВЕ.* 1879. № 1. С. 61). В недостаточной отделке Тургенев, полагавший, что "в лирическом стихотворении все должно быть безупречно", укорял Андреевского и ранее, подвергнув критике, например, его стихотворения из декабрьской книжки "Вестника Европы" за 1878 г. (см. письмо 5184 и примеч. 4 к нему — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1).

[10] Эту поговорку Тургенев использовал в повести "Степной король Лир" (1870), вложив ее в уста зятя главного героя: "Разбойники, разбойники! Вот уж точно правду говорят, что не верь Еськову, Беськову, Ерину, Белину (так назывались четыре

окрестные деревни)" (см.: наст. изд. Соч. Т. 8. С. 171, глава VIII), да и сама усадьба Мартына Петровича Харлова находилась в сельце Еськово Чернского уезда Тульской губернии, на правом берегу речки Малый Снежедок. В 1833 г. одной из его владелиц числилась "полковница Варвара Петрова, дочь Тургенева". Все указанные деревни находились в окрестностях с. Тургенево, некоторые из них сохранились до сих пор: Еськово называется ныне Животовка; сельцо Ерино, Кузмино тож (ныне Гвоздево), располагалось на обоих берегах Малого Снежедка, владел им А.В. Чапкин; в двух верстах от него находится село Белино, которым владел Ант.А. Дельвиг, затем его сын Александр, от их усадьбы сохранился лишь липовый парк и большой пруд с островом. Деревни Беськово, находившейся в верховье Малого Снежедка, ныне не существует. Дурную славу эти деревни приобрели из-за постоянных нападений на проезжающих по Киевскому и Белевскому трактам, недалеко от села Белино, где, по преданию, жил знаменитый разбойник Кудеяр (см.: *Зайцев В.А.* "...не верь Еськову, Беськову, Ерину, Белину" // Спасский вестник. 2011. Вып. 19. С. 154—160).

[11] Называя в одном ряду имена Д.В. Григоровича, Г.П. Данилевского и П.Д. Боборыкина, Тургенев имеет в виду склонность этих литераторов к распространению всевозможных слухов и сплетен.

[12] Переводные стихотворения Н.В. Гербеля "Амур" ("Амур, легкомысленный, дерзкий, упрямый и хитрый мальчишка!..") и "Рим" ("В миг, когда предо мною встает картина той ночи..."), напечатанные в № 1 "Вестника Европы" за 1879 г. (С. 5—6), были объединены общим заглавием "Из Гёте", в то время как "Рим" в действительности являлся переводом двух фрагментов одной из скорбных элегий Овидия (ст. 1—4 и 27—30 третьей элегии из первой книги "Скорбей" ("Tristia")). Подлинная элегия Овидия состоит из 102 стихов, между тем как гербелевский перевод всего из восьми, причем именно эти строки — сначала в немецком переводе, а затем и по латыни — приводятся в книге Гёте "Путешествие в Италию". В переводе С.В. Шервинского ст. 27—30 звучат так:

Но и людей и собак голоса понемногу притихли,
И уж луна в небесах ночи коней погнала.
Я поглядел на нее, а потом и на тот Капитолий,
Чья не на пользу стена с Ларом сомкнулась моим.

Ср. в переводе А.А. Фета:

Уже умолкли людей и собак голоса, и ночными
Управляла в выси неба конями луна.
На нее посмотрев и затем Капитолий увидя,
Что вотще к моему дому так близко стоял ⟨...⟩
(Скорби Овидия (Tristia) / Пер. А. Фета. М., 1893. С. 13).

Возможно, именно вследствие негативного отклика Тургенева последующие переводы Гербеля из Гёте, предложенные им в феврале ст. ст. 1879 г. для публикации в "Вестнике Европы", не были приняты Стасюлевичем (см.: *Каталог рукописей.* Л. 67. № 42).

[13] Второе пребывание Гёте в Риме относится к апрелю 1788 г. Характеризуя свое душевное состояние во время последней прогулки по ночному Риму, Гёте писал в конце книги "Путешествие в Италию": "И как могла мне не прийти на память именно в подобные мгновения элегия Овидия, который, отправляясь в изгнание, покидает Рим в одну из лунных ночей ⟨...⟩ я повторял стихотворение, которое частично пришло мне точно на память, сбивая меня, однако, с толку и мешая моему собственному творчеству ⟨...⟩" (*Гёте.* Собр. соч. М., 1935. Т. 11. С. 586). Немецкий перевод отрывка из элегии Овидия, приведенный в "Путешествии в Италию", был сделан, однако, не Гёте, а Римером (см.: Там же. С. 586, 620).

[14] В античной мифологии Лары — домашние божества.

[15] Речь идет о министре народного просвещения графе Д.А. Толстом, усиленно насаждавшем классицизм в средних учебных заведениях.

5214. Н.А. Щепкину (с. 12 и 191)

Печатается по подлиннику: *ОГЛМТ.* Инв. № 227 оф. На обороте телеграммы помета: "Сдана рассыльному 6/I-го 10 час. 35 м. пополуд⟨ни⟩".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 9.

Датируется по телеграфным пометам на лицевой части телеграммы: "Подана 18/I-го 2 ч. 20 м. пополун⟨очи⟩"; "Принята с аппарата января 6-го 1879 г.".

[1] О предсмертной болезни брата Н.С. Тургенева Тургенев узнал, очевидно, из телеграммы (неизвестна; Тургенев процитировал ее в письме 5228), предположительно посланной 5 (17) января из Петербурга от имени П.К. Маляревского его женой Н.А. Маляревской (см. письмо 5218 и примеч. 3 и 4 к нему). Из сохранившегося письма Маляревского к Тургеневу от 25 января ст. ст. 1879 г. известно, что Щепкин выполнил просьбу писателя и приехал в с. Тургенево: "Минут за 10 до смерти был у Николая Сергеевича Николай Александрович Щепкин — с первой телеграммою от Вас — видел Н⟨иколая⟩ С⟨ергеевича⟩, но видел умирающим ⟨...⟩" (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 2 об.).

5215. Эмилю Золя (с. 12 и 191)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 24524. F. 222.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. T. 6. № 17 (Mai). P. 441; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 6. С. 246.

Датируется по связи с письмом 5207 и по содержанию: премьера пьесы "L'Assommoir", о которой идет речь в данном письме, состоялась накануне — 6 (18) января 1879 г.

[1] Речь идет о состоявшейся премьере пьесы "L'Assommoir" ("Западня"), написанной по одноименному роману Золя и при его участии В. Бюснаком и О. Гастино, на которой Тургенев не смог присутствовать по болезни (см. письмо 5207 и примеч. 1 к нему). Премьера прошла с большим успехом. Даже неблагожелательная к Золя газета "Le Figaro", назвавшая пьесу третьеразрядной и посредственной мелодрамой, констатировала на следующий день большой актерский и театральный успех (1879. 19 anvier. № 19). В то же время в воскресном литературном прибавлении было напечатано письмо Марка Фурнье, в котором он осуждал автора романа за извращенное изображение человеческой природы и, в частности, женщины, а также за избыток вульгарных слов и выражений. В том же номере вновь был поднят вопрос о заимствованиях, почерпнутых Золя из книги Дени Пуло "Le Sublime, ou le Travailleur comme il est en 1870 ou ce qu'il peut être" ("Возвышенный, или Труженик, каков он есть в 1870 году или каким может быть") (Figaro. Supplément littéraire du dimanche. 1879. 19 janvier. № 3. P. 1), хотя еще в 1877 г. писатель публично признал, что книга Пуло, вышедшая в 1870 г., послужила одним из источников "Западни" (см. письмо Золя к редактору газеты "Le Télégraphe" О. Дюмону от 16 марта н. ст. 1877 г. и примеч. к нему: *Zola. Corr.* T. 2. P. 548—549). Более доброжелательные к Золя газеты, например "Le Gaulois", отдавали разбору пьесы всю первую полосу (1879. 19 janvier. № 3739). Постоянный театральный обозреватель газеты "Le Temps" Ф. Сарсе в своей хронике прежде всего отметил затянутость пьесы, которая шла более четырех с половиной часов, а также ее ординарность. В издевательском тоне он пересказал сюжет, заключив свой обзор весьма однозначным выводом: "Это ужасно! Во всем этом нет ни тени искусства! ⟨...⟩ Я нахожу спектакль отвратительным и не понимаю неистового восторга публики" (1879. 20 janvier. № 6483). В одном все критики были единодушны: в том, что пьеса является не чем иным, как старой доброй мелодрамой. Это понимал и сам Золя, который писал Г. Флоберу 22 января н. ст. 1879 г.: "Самое забавное — это досада, которую вызвал успех. Никто в него не верил, даже я. И вот, подумайте, какой удар грома! Есть люди, которые до сих пор не могут от него оправиться. Они поливают меня грязью в газетах, но не могут отрицать успех, и это

их бесит" (*Zola. Corr.* T. 3. P. 279). Об отношении Тургенева к пьесе см. письмо 5219.

[2] См. письмо 5207.

[3] Для кого Тургенев просил билеты — установить не удалось; сведений о том, что он сам был на одном из представлений "Западни", не сохранилось.

5216. А.Н. Тургеневу (с. 13 и 191)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4710. Л. 62.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 268.

Датируется по сопоставлению содержания с дневниковыми записями Ф.Н. Тургеневой и письмами 5212, 5213 и 5215, где также упоминается об очередном приступе подагры, который поразил Тургенева, очевидно, утром 2 (14) января 1879 г. Характер бумаги указывает на то, что письмо могло быть написано в период с 1876 по 1880 гг. В письме речь идет о возвращении семьи Тургеневых из Вербуа в Париж, что обычно происходило поздней осенью или зимой. В тетрадях Ф.Н. Тургеневой зарегистрировано за этот период 3 неизвестных письма писателя к А.Н. Тургеневу, относящихся именно к такому времени года: от 14 декабря н. ст. 1876 г., 11 ноября н. ст. 1878 г. и 19 января н. ст. 1879 г. (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4626, 4610, 4611. Подлинник по-франц. См. также: *ЛН.* Т. 76. С. 394). Вероятнее всего, комментируемое письмо было написано 19 января н. ст. 1879 г.: только этот день приходился на воскресенье и именно в это время могла идти речь о болезни. Кроме того, как свидетельствует Ф.Н. Тургенева в своем дневнике, семья Тургеневых действительно в это время находилась еще в Вербуа и письмо писателя было привезено из Парижа слугой Тургеневых: "*19 ⟨января⟩.* Фриц возвращается из Парижа вечером и приносит Альберу письмо от Ивана" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 20 об. Подлинник по-франц. См. также: *ЛН.* Т. 76. С. 394).

[1] Возможно, Тургенев вызвал А.Н. Тургенева в связи с полученным из России известием о болезни брата. Вместе с тем речь могла идти и о других совместных делах: например, о подписке на памятник Н.В. Ханыкову, с которым всю семью Н.И. Тургенева связывали длительные дружеские отношения (см. письмо 5158 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1), или о непростом финансовом положении дочери писателя П. Брюэр. Тургенев неоднократно обращался к А.Н. Тургеневу с различными комиссиями (см. письма 4702, 5034 и др. — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2; Т. 16. Кн. 1).

[2] 20 января н. ст. 1879 г. Ф.Н. Тургенева записала в дневнике, что ее брат Альберт ездил к Тургеневу в Париж: "Альбер к ⟨...⟩

Ивану, который узнает о смерти брата" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 21. Подлинник по-франц. См. также: *ЛН.* Т. 76. С. 394).

5217. Н.А. Щепкину (с. 13)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 250 – 251.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 10 – 11.

[1] Эта телеграмма Тургенева неизвестна. Очевидно, она была послана 8 (20) января в ответ на полученную в тот же день неизвестную телеграмму Н.А. Щепкина, в которой сообщалось о кончине Н.С. Тургенева, умершего в его присутствии 7 (19) января 1879 г. между 17.30 и 17.45 от отека легких в своем родовом имении Тургенево. В письме от 25 января ст. ст. 1879 г. П.К. Маляревский подробно описал, очевидно со слов врачей, как развивалась предсмертная болезнь Н.С. Тургенева, у которого зимой на теле ("выше паха левой (больной) ноги — на животе и ниже того же паха") появились новообразования ("желваки"), в одном из них началось нагноение, и с 29 на 30 декабря ст. ст. 1878 г. оно было вскрыто его лечащим врачом А.М. Рудневым, после чего состояние больного резко ухудшилось. 30 декабря ст. ст. Н.С. Тургенев "почувствовал лихорадку и легкий кашель", а в ночь с 31 декабря на 1 января ст. ст. начала развиваться легочная недостаточность и стало ясно, что положение его безнадежно, "что у него правое легкое уже все поражено воспалением, воспаление уже частию перешло на левое, притом отек легких и неправильное биение сердца" (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 1 об.).

[2] Исполняя данное в телеграмме поручение писателя, 9 и 10 января ст. ст. 1879 г. Н.А. Щепкин присутствовал в Тургенево на процедуре описания имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева. Об этом свидетельствует сохранившаяся в ОГЛМТ заверенная копия описи имущества, где указано: "При описи находился поверенный коллежского советника (sic! — *Ред.*) Ивана Сергеевича Тургенева дворянин Николай Александрович Щепкин, нашел опись неполною и подал заявление" (*ОГЛМТ.* Инв. № 253 оф. Л. 6 об.). См. также примеч. 1 к письму 5218. Текст заявления Щепкина неизвестен, но о сути претензий он тотчас известил писателя в письме, отправленном им, по-видимому, сразу по завершении составления описи или на следующий день, т.е. 10 или 11 января ст. ст. 1879 г. На это письмо Щепкина Тургенев откликнулся 17 (29) января — см. письмо 5235 и примеч. к нему.

[3] Эта телеграмма П.К. Маляревского неизвестна. Возможно, речь идет о телеграмме, посланной из Петербурга женой

Маляревского Н.А. Маляревской по его просьбе и от его имени, поскольку сам он, как следует из его письма к Тургеневу от 25 января ст. ст. 1879 г., приехал в с. Тургенево 4 января ст. ст., хотя уже 1 января ст. ст. получил телеграмму о тяжелом состоянии больного: "Я вернулся в Тургенево 4-го и узнал, что доктор (А.М. Руднев. — *Ред.*), бывши накануне, т.е. 3, объявил, что больной безнадежен; что Н⟨иколай⟩ С⟨ергеевич⟩ сам по желанию своему уже исповедовался и приобщился. — Я тотчас же по приезде распорядился составить консилиум ⟨...⟩". Консилиум состоялся 6 января ст. ст., однако по признанию самого Маляревского, "больше для успокоения собственной совести, чем для предполагаемой пользы": "Доктора из Тулы ⟨...⟩ подтвердили предрешение Руднева — объявив, что у больного уже распалось правое легкое. Сердце сжалось мучительно тяжко..." (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 1 об.—2). "Зажгите лучинку, погасите пламя, а затем следите за углем на лучинке — он потухнет, — так потух и Николай Сергеевич — тихо, молча, без страданий, — писал Маляревский. — Он не угас, как угасает, напр., лампада — то вспыхнет, то погасает; он именно потух; даже нельзя определить момент смерти. — Он скончался 7 января между половиною шестого и $^{3}/_{4}$ шестого. Дня за 3 до смерти он страдал, жалуясь на боль внутри со стороны спины, — у него ослаб мочевой пузырь, — он весь ослаб, но память редко изменяла ему. Он вспоминал чаще всех Вас и меня, мою жену и дочь. Юлия Яковлевна (Федорова. — *Ред.*) в полном значении ни днем, ни ночью — не отходила от больного, и он умер, гладя руку ее, а она щеку его" (Там же. Л. 2). См. также примеч. 4 к письму 5218.

[4] Денежные взаиморасчеты между братьями были довольно сложными. Первоначально Н.С. Тургенев действительно обещал, в случае своей смерти, оставить младшему брату 100 000 руб. По всей видимости, обещание это было задокументировано, скорее всего в одном из двух ранних вариантов завещания, текст которых остается неизвестным, или в ином документе. "Два старых" завещания, "не имеющих значения, как надписано на конверте собственноручно покойным о замене их первым", упомянуты в описи имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева в с. Тургенево (*ОГЛМТ.* Инв. № 253 оф. Л. 4).

В свою очередь, в случае смерти младшего брата эту же сумму Н.С. Тургенев обязался выплатить его наследникам во Франции, которыми, согласно первоначальной договоренности, должны были стать в равных долях П. Виардо и дочь И.С. Тургенева — П. Брюэр (обеим назначалось по 50 000 руб.). Однако в дальнейшем (ввиду расстройства дел зятя) намерения писателя несколько изменились: в письме от 20 июня (2 июля) 1876 г. он просил брата, в случае своей смерти, передать всю эту сумму П. Виардо или, "если и ее не будет", ее дочерям Клоди и Марианне, подчеркивая, что продажа Спасского "с лихвою" вознаградит Н.С. Тургенева, поскольку Спасское

можно будет продать за 150 000 руб. В качестве дополнительной просьбы Тургенев просил также выделить некоторую сумму в пользу своей дочери: "...если даже ты найдешь возможным дать еще 10 или 15 000 моей дочери Полине Брюэр — то я тебе скажу загробное спасибо" (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4378). Как видно из письма писателя от 3 (15) июля 1876 г., брат на его просьбу согласился (Там же. № 4389).

Между тем еще в 1875 г., в связи с покупкой дачи в Буживале, потребовавшей от И.С. Тургенева дополнительных затрат на постройку собственного дома и пр., он одолжил у брата 10 000 руб. по годовому векселю в 9% (см. письма 3911, 3915, 3925, 3935, 3950 — Там же. Т. 14). Условия займа были предложены самим писателем, рассчитывавшим расплатиться в течение года. По получении денег "простая расписка" на 10 000 руб. была выслана им Н.С. Тургеневу 18 февраля (2 марта) 1875 г., она же упомянута в описи имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, под № 148 (*ОГЛМТ.* Инв. № 253 оф. Л. 5).

Однако в феврале 1876 г. финансовое положение писателя, резко поколебленное в результате мошеннических действий его управляющего Н.А. Кишинского, не позволило ему, по всей видимости, в годовой срок рассчитаться по векселю. Тем не менее проценты по долгу были им выплачены: просьба о выделении 900 руб. Н.С. Тургеневу (9% от 10 000 руб.) была им отправлена Кишинскому еще 18 (30) ноября 1875 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 14. № 4143). В начале 1876 г. Тургенев, очевидно, обратился к брату за отсрочкой долга еще на год и одновременно просил дополнительно ссудить ему 5000 руб. Хотя переписка по этому поводу неизвестна, данный факт подтверждается "простой распиской" И.С. Тургенева от 3 февраля ст. ст. 1876 г. на 5000 руб., значащейся в описи имущества покойного Н.С. Тургенева под № 147 (*ОГЛМТ.* Инв. № 253 оф. Л. 5). Несмотря на то что в январе 1877 г. проценты по обоим векселям в размере 1350 руб. были писателем исправно выплачены при посредстве М.М. Стасюлевича, перечислившего ему внушительный гонорар за роман "Новь" (см. письмо 4587 и примеч. 3 к нему — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2), общее состояние его финансовых дел существенно не улучшилось, и он снова вынужден был просить брата о годовой отсрочке (Там же. № 4585).

Но и 1877 г. оказался на редкость неудачным, доведя положение Тургенева до критического, чему во многом способствовало резкое падение рубля из-за русско-турецкой войны, а также плачевные обстоятельства дочери писателя, оказавшейся вследствие банкротства мужа практически на грани разорения. Все это вынудило Тургенева в июне 1877 г. обратиться к брату с щекотливой просьбой простить ему долг, зачтя его в счет той суммы в 100 000 руб., которая должна была последовать ему по завещанию. Дерзнул Тургенев также завуалированно просить брата

выделить ему еще 5000 руб. и таким образом округлить сумму долга до 20 000, с тем чтобы в случае смерти Н.С. Тургенева сумма завещанных денег составила 80 000 руб. Это освободило бы Тургенева от уплаты годовых процентов по долгу, которые он рассчитывал употребить на "пенсион" разоренной дочери (Там же. № 4778). Ответ Н.С. Тургенева неизвестен, однако в ноябре ст. ст. того же года, получив от него письмо (неизвестно), из которого следовало, что брат находится "в положении стесненном", И.С. Тургенев вынужден был отказаться от своей просьбы, обязуясь и далее выплачивать 9% с одолженной суммы в 15 000 руб. (Там же. № 4879).

Тем временем в преддверии срока уплаты процентов за 1878 г. Тургенев попытался уговорить брата принять в счет процентов с долга картину Э.-Т. Бланшара "Куртизанка" (или, как он ее называл, "Клеопатра"), однако получил отказ, взамен Н.С. Тургенев предложил выплатить причитавшиеся ему 1350 руб. процентов в рассрочку, на что писатель согласился (см. письма 4938 и 4958 — Там же. Т. 16. Кн. 1). Распоряжение об отправке Н.С. Тургеневу 500 руб. писатель дал Н.А. Щепкину 11 (23) февраля, а оставшуюся сумму планировал выплатить до 15 июля (Там же. № 4960).

Вопрос о завещании Н.С. Тургенева, вероятно, обсуждался в августе ст. ст. 1878 г., во время нескольких свиданий в с. Тургенево, хотя к этому времени уже было составлено и заверено новое завещание, в котором сумма, причитавшаяся И.С. Тургеневу, составляла уже не 100 000, а 55 000 руб. (подробнее о завещании Н.С. Тургенева см. примеч. 5 к наст. письму). Однако, судя по дальнейшим письмам Тургенева, Н.С. Тургенев с его текстом брата не ознакомил. Одна из встреч братьев состоялась, очевидно, 11 (22) августа (Там же. № 5071). Еще раз Тургенев навестил брата 22 августа (3 сентября), но накануне подробно известил его о своем материальном положении и отказался от обещанной ему в завещании суммы в 100 000 руб., попросив назначить ему лишь 15 000 руб. без процентов. Назвав подобную услугу "истинно братским одолжением", Тургенев напомнил, что в случае собственной смерти брат получит гораздо более 100 000 руб. за родовые имения, будучи его единственным законным наследником. Ссылаясь на обещание брата в этом случае выплатить семье Виардо 50 000 руб., Тургенев писал, что даже после этой выплаты брат получит более 200 000 руб. (Там же. № 5084). Тем не менее Н.С. Тургенев не отказался от процентов за выданные в долг брату 15 000 руб., о чем свидетельствуют письма Тургенева к управляющему Н.А. Щепкину от 24 октября (5 ноября) и к брату от 25 октября (6 ноября) 1878 г. (Там же. № 5124, 5127). Таким образом, общая сумма, которую рассчитывал получить Тургенев в случае смерти брата, должна была составить не менее 85 000 руб. См. также: *Генералова Н.П.*,

Лукина В.А. Дело о духовном завещании Н.С. Тургенева (1879) // Тургеневский ежегодник 2015 года. Орел, 2017. С. 23–48.

[5] Когда именно было вскрыто завещание Н.С. Тургенева — неизвестно. Завещание было обнаружено при наложении печатей на имущество покойного в с. Тургенево и внесено в опись под № 128 (*ОГЛМТ.* Инв. № 253 оф. Л. 4). О его содержании писателя сначала в общих чертах уведомил Н.А. Щепкин (см. письма 5234, примеч. 3, и 5235), а затем более подробно — П.К. Маляревский в письме от 25 января ст. ст. 1879 г., к которому приложил нотариально заверенную копию как самого завещания, так и двух описей имущества (в доме Н.С. Тургенева в с. Тургенево и в Москве). Как показывают документы дела об утверждении нотариального духовного завещания Н.С. Тургенева, открытого Московским окружным судом 28 февраля ст. ст. и закрытого 14 марта ст. ст. 1879 г., завещание Н.С. Тургенева было составлено в с. Тургенево и заверено еще 14 ноября ст. ст. 1877 г. чернским нотариусом А.Ф. Белобородовым (см.: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 3. № 10). Копия этого завещания, заверенная печатью московского нотариуса С.А. Кедрова 16 (28) марта 1879 г., хранится также в ОГЛМТ (Инв. № 249 оф.). Копию "Выписи из актовой книги чернского нотариуса Андрея Белобородова для актов на недвижимое имущество за 1877 год" (в случае нотариального оформления подобная выпись, выданная завещателю, была равносильна подлинному завещанию и выдавалась сразу же после подписания завещания в актовой книге в обязательном присутствии установленных по закону трех свидетелей подписания завещания) см.: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 23–27 об. Согласно этому завещанию общая сумма наличного и долгового (среди должников числился и двоюродный брат Н.П. Тургенев, выдавший вексель на 3000 руб.) капитала Н.С. Тургенева составляла 502 000 руб. Душеприказчиком был назначен П.К. Маляревский, который, как и его жена Н.А. Маляревская, стали главными наследниками, получив по завещанию более 300 000 руб., причем родовое имение Тургенево, а также сельцо Слободка и хутор Велевашев по закладной в 150 000 руб. числились за Маляревской еще с 13 ноября ст. ст. 1877 г. Ей же был оставлен и московский дом на Пречистенке "с местом" (*РГБ.* Ф. 306. Карт. 3. № 10. Л. 5). Сам Маляревский получал мельницу при Стекольной Слободке в 20 000 руб. (по закладной с А.В. Чедаевым от 3 февраля ст. ст. 1876 г.) и имение Сычи (Сычево), Никольское тож, Мценского уезда Орловской губернии (по собственной закладной Н.С. Тургенева от 26 марта ст. ст. 1876 г.) в 150 000 руб., а также по заемному письму А.Ф. Карцева и векселю Э.И. Крюгера 7500 руб.; всего же на сумму 177 500 руб. (Там же. Л. 5 об.). Не были забыты и другие родственники покойной жены Н.С. Тургенева: брат Е.Я. Шварц и его дети получили 50 000 руб., столько же досталось Е.И. Шварц и ее дочерям, 19 500 руб. было оставлено родной сестре А.Я. Тургеневой и матери Н.А. Маляревской — Ю.Я. Федоровой, жившей вместе с семьей

дочери в с. Тургенево и там же впоследствии похороненной. И.С. Тургеневу по завещанию 1877 г. причитались 55 000 руб., из них только 22 200 руб. наличным капиталом, а оставшуюся сумму составляли долговые обязательства на 22 800 руб., которые должны были выплатить купец А.В. Чедаев (по контракту на рубку леса, заключенному 22 декабря 1875 г. (3 января 1876 г.) сроком на 10 лет) и С.О. Бородаевский (по долговому векселю в 10 000 руб.) (Там же. Л. 5). Однако со времени подписания завещания состояние Н.С. Тургенева, прежде всего в отношении поименованных в нем денежных обязательств третьих лиц, претерпело некоторые изменения. О том, какая сумма в действительности, по его подсчетам, должна была достаться писателю, его известил П.К. Маляревский в упомянутом выше письме (см. об этом примеч. 3 к письму 5235).

[6] См. письмо 5218.

[7] Извещения о смерти брата и о дне его похорон Тургенев от Маляревского не получил (см. письмо 5228). Подробное описание последних дней Н.С. Тургенева и его похорон содержится в письме Маляревского к писателю от 25 января ст. ст. 1879 г. Оправдывая свое молчание, он писал: "Торжество смерти при кончине сердечно любимого Николая Сергеевича, само собою разумеется, отозвалось во мне потрясающе, тем более, что мне еще впервые пришлось видеть, как умирает человек! Расстроенный, потрясенный с основания во всем своем бытии, я чувствовал, что к первому, к кому я должен писать — так это к Вам и как к брату и как к другу покойного — но не мог! Я мог распоряжаться, мог телеграфировать, но спокойно выражаться не мог, — потому до сего времени не писал к Вам" (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 1). Кроме того, он объяснял невозможность послать телеграмму в Париж незнанием иностранных языков и отсутствием у него адреса Тургенева (Там же. Л. 2).

[8] Сведений о вызове от мирового судьи не обнаружено.

[9] Мировым судьей 1-го участка Чернского округа, к которому относилось с. Тургенево, в это время значился коллежский секретарь Василий Александрович Кретов (см.: Памятная книжка Тульской губернии на 1879 год. Тула, 1879. С. 45).

[10] Н.С. Тургенев был похоронен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря (*Моск Некрополь.* Т. 3. С. 233). Объявление о дате похорон было напечатано в "Московских ведомостях": "Надежда Андреевна и Порфирий Константинович Моляревские с душевным прискорбием извещают родных и знакомых о кончине Николая Сергеевича Тургенева, последовавшей 7 сего января, в 5 часов пополудни, в селе Тургеневе. Погребение будет в Москве, — куда тело последует по Московско-Курской железной дороге, в ночь с 16 на 17, — в Новодевичьем монастыре. Особых приглашений не будет" (1879. 14 января. № 11. С. 1). Похоронен Н.С. Тургенев был, очевидно, 17 января ст. ст. в семейном склепе, возведенном им для

своей жены А.Я. Тургеневой, умершей в 1872 г. В "Московском некрополе" отмечено: "Тургенева Анна Яковлевна. † 23 марта 1872; возле *Ник. Серг. Тургенева* (Новодевичий монастырь)" (*Моск Некрополь.* Т. 3. С. 232). В упомянутом выше единственном сохранившемся письме (от 25 января 1879 г.) Маляревский подробно описал трогательное прощание с Н.С. Тургеневым его бывших крепостных в с. Тургенево, отпевание и перевозку тела в Москву: "Тело стояло в зале большого холодного дома. Отпевание совершено 14-го в церкви села Тургенева, а с 16-го на 17-е тело, сопровождаемое священником села Тургенева, проследовало по железной дороге в Москву, а затем с вокзала в Новодевичий монастырь, где и поставлено в склепе, еще при жизни заготовленном самим Николаем Сергеевичем, рядом с гробом покойной супруги его. Всюду, как в деревне, так и в Москве, похороны были парадные; — было все, что обычай и люди до сего времени придумали, лучшего, почетнейшего для отдания последнего долга любимому, чтимому, незабвенному существу!.." (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 2 об.). И.С. Тургенев на похоронах брата присутствовать не смог. Он приехал в Москву лишь 14 (26) февраля 1879 г. На похоронах присутствовал Н.А. Щепкин, который в этот день ездил на вокзал встречать тело Н.С. Тургенева (см. его письмо к С.Г. Щепкиной от 17 января ст. ст. 1879 г.: *ОГЛМТ.* Инв. № 312 оф. Л. 1).

5218. П.К. Маляревскому (с. 14)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 142. Л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Т сб (ГБЛ).* С. 84—85. Письмо до адресата не дошло, поскольку Н.А. Щепкин не счел нужным передать его (см. письмо 5246).

[1] О смерти брата Тургенев узнал, судя по всему, из телеграммы (неизвестна) Н.А. Щепкина, который присутствовал при его кончине (см. примеч. 1 к письму 5214, а также примеч. 1 к письму 5217). 9 и 10 января ст. ст. 1879 г. в его присутствии было описано имущество, оставшееся после смерти Н.С. Тургенева. В письме от 25 января ст. ст. 1879 г. П.К. Маляревский сообщал, что в день смерти Н.С. Тургенева "в 10-ть часов вечера помощник исправника Туленинов, Ваш сосед по Спасскому, уже опечатал комнату покойного и сообщил мировому судье (по-видимому, В.А. Кретову. — *Ред.*), распоряжением которого судебный пристав при съезде мировых судей, Протасов, при бытности Щепкина, 9-го января составил опись имуществу" (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 2 об.). См. письмо 5217, примеч. 2. В ОГЛМТ сохранилась заверенная копия с копии данной описи (Инв. № 253 оф. 6 л.), составленной 9—10 января ст. ст. 1879 г. губернским секретарем Л.С. Протасовым "согласно

предписания господина мирового судьи 1 участка Чернского округа от 8 января сего 1879 года за № 33". Здесь упомянуто, что "при описи находился поверенный коллежского советника (sic! — *Ред.*) Ивана Сергеевича Тургенева дворянин Николай Александрович Щепкин, нашел опись неполною и подал заявление" (Там же. Л. 6 об.). Текст этого заявления остается неизвестным.

[2] Это письмо Маляревского неизвестно.

[3] Телеграмма, о которой идет речь, неизвестна. Она была послана женой П.К. Маляревского Надеждой Андреевной, по его просьбе и от его имени. См. примеч. 4 к наст. письму, а также примеч. 3 к письму 5217 и письмо 5228, где Тургенев, по-видимому, процитировал текст данной телеграммы.

[4] В ответе Тургеневу 25 января ст. ст. 1879 г. Маляревский писал: "1-го января о грозящей опасности телеграфировано мне в Петербург, куда я с женою и дочерью выехал 24 декабря из Москвы и где семья моя предполагала прожить до весны, я же лично — похлопотать о разрешении выдачи ссуды за земельный надел крестьянам деревни Долгое Мценского уезда". Получив телеграмму, Маляревский немедленно возвратился в Тургенево, откуда телеграфировал жене, чтобы она сообщила Тургеневу "о грозящей опасности здоровью и жизни Ник⟨олая⟩ Серг⟨еевича⟩". "И жена два раза телеграфировала Вам", — пишет он далее (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 1 об.—2).

[5] Эта телеграмма Н.А. Щепкина неизвестна. Очевидно, имеется в виду телеграмма, в которой он извещал писателя о смерти Н.С. Тургенева, предположительно посланная им 8 января ст. ст. 1879 г.

[6] Указанная телеграмма Н.А. Щепкину неизвестна. О ней Тургенев упоминает в письме 5217.

[7] Имя дочери Маляревского А.П. Маляревской в завещании Н.С. Тургенева не фигурирует. См. примеч. 5 к письму 5217. Судя по более ранним письмам Тургенева, первоначально Н.С. Тургенев действительно собирался завещать все свое состояние малолетней дочери Маляревских (см., например: наст. изд. Письма. Т. 12. № 3300). Вероятно, это решение было зафиксировано в одном из двух ранних вариантов завещания, которые находились в бумагах Н.С. Тургенева и упомянуты под № 128 в описи имущества, составленной в с. Тургенево, наряду с новым: "Духовное завещание покойного Николая Сергеевича Тургенева, совершенное в 1877 году у чернского нотариуса Белобородова под № 331 в 14 число ноября, и два старых, не имеющих значения, как надписано на конверте собственноручно покойным о замене их первым" (*ОГЛМТ.* Инв. № 253 оф. Л. 4). Тем не менее упоминание А.П. Маляревской как главной наследницы Н.С. Тургенева бытует в специальной литературе (см.: *Flaubert/Tourguéniev.* P. 247; *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 1321). См. также примеч. 3 к письму 5223.

[8] См. примеч. 4 и 5 к письму 5217.

[9] См. письмо 5217.

[10] Тургенев на похоронах Н.С. Тургенева не присутствовал (см. примеч. 10 к письму 5217).

5219. Гюставу Флоберу (с. 16 и 192)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 152–153. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 149–150; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 10. С. 65–66.

[1] Имеется в виду пьеса, написанная В. Бюснаком и О. Гастино по мотивам одноименного романа Э. Золя и при его участии (см. письма 5207, 5215 и примеч. к ним). Премьера ее была воспринята приверженцами Золя как победа натурализма на театральных подмостках. См., например, "Le Figaro" от 19 января н. ст. 1879 г. (№ 19) и литературное приложение № 3 к этой газете. См. также: *Carter L.A.* Zola and the theater. New Haven; Paris, 1963. P. 108–118. На успех постановки Флобер смотрел скептически. «Я прочел несколько отчетов о постановке "Западни", — писал он Тургеневу 10 (22) января 1879 г., — ее успех (коммерческий) побуждает меня радоваться за Золя, но ничего не доказывает относительно *Натурализма*, поскольку это мелодрама — весьма заурядная и не выдвигающая нашего друга в ряды драматургов, будучи написанной не им» (*Flaubert. Corr (1973–2007).* Т. 5. P. 509. Впервые опубликовано А. Звигильским: *Cahiers*. № 22 (1998). P. 162–163).

[2] О смерти брата, последовавшей 7 (19) января 1879 г., Тургенева известил Н.А. Щепкин телеграммой. См. письмо 5217 и примеч. 1 к нему.

[3] Н.С. Тургенев не известил брата об окончательной сумме завещанного ему наличного и долгового капитала, который составил не 100 000, а 55 000 руб., поскольку названная Тургеневым сумма в 250 000 фр. равнялась примерно именно 100 000 руб. Тургенев несколько преувеличивал состояние покойного брата, имущество которого было оценено в 502 000 руб. См. примеч. 4 и 5 к письму 5217.

[4] Мошенниками Тургенев называет семью П.К. Маляревского, под влиянием которого, с его точки зрения, брат изменил завещание. Откликаясь на сообщение о смерти брата Тургенева и на весть о новом приступе подагры, Флобер писал 10 (22) января 1879 г.: "Снова подагра, мой дорогой старина! — Да еще смерть вашего брата! Повсюду горе, несчастье! Неприятности и печали! Время убираться восвояси! Что до меня, то я живу лишь этой мыслью! Пора заканчивать. Жизнь слишком сурова". По поводу возможной потери завещанных денег Флобер, полностью разорившийся

в связи с финансовым крахом семьи его племянницы К. Комманвиль, не без горечи заметил: "...не потеряйте наследства. Деньги полезны. С тех пор как их у меня нет — в полном смысле слова, я решительно убедился в этой истине" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 508).

[5] Тургенев долго собирался и не мог выбраться в Круассе, он навестил Флобера лишь 22 — 23 января (3 — 4 февраля) 1879 г. См. письма 5239 и 5242. В Москву Тургенев приехал 14 (26) февраля 1879 г.

[6] Откликаясь на это признание, Флобер писал 10 (22) января 1879 г.: "Ваше одиночество не идет в сравнение с моим. Вы живете рядом с людьми умными и прелестными. А я, дорогой друг, со 2 января не видел *ни единой* живой души. Мои утра и вечера я коротаю наедине со своей собакой. Заметьте, что я даже не пишу — только читаю — и читаю по философии! — ничего иного — а когда меня начинает тошнить от этого занятия, в качестве развлечения приходит мысль о моей нищете, которая становится все более ощутимой. / Хорошей передышкой для моего сердца и нервов был бы долгий разговор наедине с моим другом, великим Тургеневым! — но от этого следует отказаться. Пишите мне, по крайней мере. Этим летом вы не были слишком любезны. Вы слишком долго не давали о себе знать" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 508).

[7] Речь идет о романе Флобера "Bouvard et Pécuchet" ("Бувар и Пекюше"), над которым писатель начал работать еще в 1874 г. и испытывал немало трудностей, воплощая свой замысел. См. письмо 3737 — наст. изд. Письма. Т. 13, а также письмо 4983 и примеч. 3, 4 к нему — Там же. Т. 16. Кн. 1. Роман так и остался незавершенным. 9 января н. ст. 1879 г. Флобер писал Тургеневу: "...работаю я как вол. Я прочту вам три главы: о Литературе, о Политике и о Любви! — Сейчас готовлю три последние: Философия — Религия — Мораль. / Друг ваш заплутался в Метафизике" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 495; *Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 220). Несколько позднее он, однако, признавался племяннице К. Комманвиль: «..."Б⟨увар⟩ и П⟨екюше⟩" нисколько не движутся. Я изнемогаю под грузом богословия! — И уверяю тебя ⟨...⟩, нужно обладать крепкой и вместительной головой, чтобы выразить в пластической форме и скоординировать между собой все те вопросы, которые предстоит трактовать в этой чертовой главе!» (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 751 — 752. Письмо от 27 ноября н. ст. 1879 г.; *Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 221, где письмо ошибочно датировано 23 января н. ст. 1879 г.). В письме к Леони Бренн от 30 — 31 декабря н. ст. 1878 г. Флобер определил свою работу над романом как "гигантскую": "Она довела бы меня до Шарантона, будь у меня менее трезвая голова. Впрочем, это моя цель (тайная): так ошеломить читателя, чтобы он с ума свихнулся. Но цель моя не будет достигнута по той причине, что читатель меня читать не станет. Он заснет на первых

же страницах" (Там же. С. 218). Отвечая на вопрос Тургенева, писатель высказался еще более пессимистично: "Какая книга! Какая тяжкая ноша! И не ошибочен ли сам замысел? Вполне вероятно, что на этой идее невозможно создать роман? Она слишком *натянута.* Быть может, и не было никогда двух подобных чудаков? — Вот еще повод для внутренних терзаний". Сравнивая себя с римским военачальником Регулом, потерпевшим поражение в Карфагене, взятым в плен, посланным затем в Рим для переговоров и вернувшимся обратно, чтобы быть преданным мучительной казни, Флобер считал, что его поражение ничто в сравнении с собственным (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 509).

5220. Г.О. Гинцбургу (с. 17)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 12—13; конверт — л. 14. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg.* P. 87.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] В своих воспоминаниях А.Н. Луканина приводит слова Тургенева: "Никогда не было такого количества чающих движения воды (нуждающихся) и никогда не было так мало воды. Прежде я мог помогать, теперь и у меня средств мало. ⟨...⟩ Да откуда взять денег? Только Гинцбург и дает" (*СВ.* 1887. № 3. С. 60).

[3] Тургенев ошибся в инициалах. Речь идет о брате И.Я. Павловского — Аароне Яковлевиче, который судился по "процессу 193-х", после почти четырехмесячного заключения в Петропавловской крепости был переведен в III отделение, а в октябре 1875 г. освобожден из-под стражи и подчинен надзору полиции; в январе 1877 г. бежал за границу и два года прожил в Америке (см.: Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. М., 1931. Т. 2. Вып. 3. Стб. 1130).

[4] Речь идет об И.Я. Павловском. В русском варианте своих воспоминаний И.Я. Павловский также упоминает о том, что "зимою 1878 г. ⟨...⟩ жил в Италии по совету врачей". Именно там, по его словам, он и получил от брата Аарона (в тексте воспоминаний он обозначен как "один приятель" П.) «из Парижа (он только что прибыл туда из С⟨еверной⟩ Америки) письмо, в котором он рассказывал мне подробности о своем знакомстве с Иваном Сергеевичем. "Что он великий писатель — об этом знает весь мир, но что у этого человека совсем детская, открытая душа, что этот гений умеет спускаться с своего лучезарного престола так низко, чтобы интересоваться, и как! как добрый, любящий дедушка судьбою таких маленьких людей, как я, — этого никто не знает!" и т.д. Зная своего приятеля, я понимал отлично, что он восхищается в Тургеневе человеком, а не писателем. В литературных

делах мой приятель смыслил очень мало 〈...〉» (*Рус Курьер.* 1884. 20 мая. № 137. С. 1).

[5] Поручительство Тургенева помогло А.Я. Павловскому поступить в высшую сельскохозяйственную школу в Монпелье, в которой он проучился три года, а затем — в Агрономический институт в Париже; во время обучения в институте Тургенев продолжал материально его поддерживать (см. письмо Тургенева к С.С. Полякову от сентября — ноября 1881 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2; о роли Тургенева в судьбе А.Я. Павловского см.: *П〈авловский〉 И.* Воспоминание об И.С. Тургеневе // *Рус Курьер.* 1884. 15 августа. № 224). Откликнулся ли Гинцбург на просьбу Тургенева — установить не удалось.

5221. М.Г. Савиной (с. 18)

Печатается по тексту: *Т и Савина.* С. 63. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: Театр и искусство. 1900. № 2. С. 31. Вновь опубликовано: *Т и Савина.* С. 63.

Телеграмма датируется по связи с письмом 5222.

[1] Тургенев отвечает на неизвестную телеграмму Савиной. В своих воспоминаниях актриса писала: «В 1879 году, затрудняясь в выборе пьесы для бенефиса и отыскивая что-нибудь "литературное", я напала случайно на "Месяц в деревне" Тургенева. Роль Верочки, хотя и не центральная, мне очень понравилась, но пьеса, в том виде, как она напечатана, показалась скучна и длинна; тем не менее я твердо решила ее поставить. Сазонов тоже указал мне на этот недостаток и посоветовал попросить Крылова, как знатока сцены, урезать ее, на что я согласилась под условием разрешения автора. / Послав Ивану Сергеевичу телеграмму в Париж, я очень скоро получила ответ 〈...〉 (Далее воспроизводится текст телеграммы. — *Ред.*)» (*Т и Савина.* С. 63; *Т в восп совр.* Т. 2. С. 349). См. письмо 5222, а также письма 5231, 5237 и примеч. к ним. Первоначально, однако, Савина выбрала для бенефиса другую пьесу — "Даму с камелиями" А. Дюма-сына, о чем еще 6 января ст. ст. 1879 г. поспешили сообщить петербургские газеты. «Окончательно решено, — заявляли "Санкт-Петербургские ведомости", — что г-жа Савина ставит в свой бенефис, который должен состояться в половине января, драму Дюма "La dame aux camélias" в русском переводе, под названием "Как поживешь, так и прослывешь"» (1879. 6 января. № 6. С. 4. Раздел "Театральные новости". Ср.: *Н Вр.* 1879. 6 января. № 1026. С. 3. Раздел "Театр и музыка"). Однако уже 9 января ст. ст. 1879 г. в той же газете появилось опровержение: «Действительно выбор этот был решен, пьеса расписана и роли розданы актерам для разучения. Но вдруг, в силу непонятных соображений, бенефициантка отказалась от исполнения роли Готье и избрала для

своего артистического торжества ⟨...⟩ комедию И.С. Тургенева — "Месяц в деревне" и одноактную пьесу А.Н. Островского "Добрый барин" ⟨...⟩» (Там же. № 9. С. 2). Замена пьесы не всеми была воспринята однозначно. Так, Ф.А. Бурдин замечал по этому поводу 8 января ст. ст. 1879 г. в письме к А.Н. Островскому: «Савина с ума сходит: представь себе, она берет пьесу Тургенева "Месяц в деревне", в которой столько же сценического, сколько в моей корзинке, куда я бросаю негодные бумаги. Я не могу себе и представить, что это будет в действии. Не поблагодарит за это и Тургенев, потому что пьесу дают, не спросивши его разрешения» (см.: А.Н. Островский и Ф.А. Бурдин: Неизданные письма. М.; Пг., 1923. С. 241, где письмо ошибочно датировано 1878 г.). См. также: наст. изд. Соч. Т. 2. С. 651—654.

5222. А.В. Топорову (с. 18)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 6—7.
Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 277—278.

[1] О смерти Н.С. Тургенева см. примеч. 1 к письму 5217. Сообщение о смерти Н.С. Тургенева было напечатано в газете "Новое время": «Из села Тургенева, в Курской (ошибочно, вместо: Тульской. — *Ред.*) губернии, сообщают в "St.-Petersburger Herold" о последовавшей там на днях кончине старшего брата Ивана Сергеевича Тургенева, Николая Сергеевича. Болезнь, унесшая последнего в могилу, — воспаление легких» (1879. 11 января. № 1031. С. 4. Раздел "Хроника").

[2] Речь идет о семье П.К. и Н.А. Маляревских. Н.А. Маляревская была племянницей жены Н.С. Тургенева — А.Я. Тургеневой. См. также письмо 5219, и примеч. 4, 5 к письму 5217.

[3] Тургенев смог выехать в Россию только 3 (15) февраля.

[4] Подписку на "Биржевые ведомости" и "Русскую правду" Топоров, по просьбе писателя, в 1879 г. оформил для него впервые (см. письмо 5209 и примеч. 2 к нему).

[5] Эта телеграмма М.Г. Савиной неизвестна.

[6] 13 (25) января 1872 г. в бенефис артистки московского Малого театра Е.Н. Васильевой в связи с 25-летним юбилеем ее сценической деятельности состоялась первая постановка пьесы Тургенева "Месяц в деревне". Отзывы критики были весьма неблагосклонны, тем не менее пьеса была повторена в Малом театре в январе 1872 г. еще четыре раза. Сам Тургенев ни на одном из представлений не присутствовал, но, ознакомившись с присланными Н.С. Тургеневым газетными отзывами, пришел к выводу, что комедия получила фиаско (см. письма 2906, 3099, 3110 и примеч. к ним — наст. изд. Письма. Т. 11). См. также: наст. изд. Соч. Т. 2. С. 650—651.

[7] См. письмо 5221.

[8] Дав разрешение на “какие угодно вырезы и урезы", Тургенев, однако, был встревожен слухом о том, что В.А. Крылов, который взялся за переделку пьесы, сократил ее до трех актов, и в довольно резкой форме заявил протест в газете “Русская правда", но вынужден был снять его, убедившись, что речь шла лишь о сокращении длиннот (см. письма 5231, 5248 и примеч. к ним).

[9] См. письмо 5209, примеч. 5.

5223. П.В. Анненкову (с. 19)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 2. Л. 1—2. Находящийся в этой единице хранения конверт (Л. 3), воспроизводившийся ранее вместе с данным письмом (*ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 16), имеет следующие почтовые штемпели: 1) 20 janv. 82, Paris; 2) 21.I.82, Baden — и на самом деле относится к письму от 8 (20) января 1882 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2).

Впервые опубликовано: *Т сб (ГБЛ).* С. 5—7.

Стр. 20. вездесущим; *букв.*: здесь и там (*лат.*).

[1] См. письмо 5217, примеч. 1.

[2] “По себе знаю, любезный друг И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, — откликнулся Анненков, потерявший к тому времени двух братьев, в ответном письме от 15 (27) января 1879 г., — что потеря людей, лежавших в одной утробе материнской с Вами, как бы ни были малы умственные связи с ними при жизни — не проходит без боли и огорчения..." (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 101).

[3] “Племянницей жены" брата, Анны Яковлевны Тургеневой, Тургенев называет, по-видимому, не Н.А. Маляревскую, а ее дочь Анну, которой первоначально был завещан весь капитал Н.С. Тургенева. В действительности она приходилась ей внучатой племянницей. 18 (30) ноября 1872 г. Тургенев писал брату: “Я очень рад, что ты собираешься превратить свое имение в капитал: и спокойнее, и свободнее. Передачу Тургенева Анюте я тоже вполне одобряю; она премилая девочка — да и, кроме того, ничего не может быть приятнее сердцу, как обеспечивать существование существ любимых или близких тем, которых мы любили ⟨...⟩. Лучше пусть владеет Анюта или дочь г-жи Виардо, чем наши так называемые наследницы!" (см.: наст. изд. Письма. Т. 12. № 3300).

[4] Письмо Н.С. Тургенева, на которое ссылается Тургенев, неизвестно, но очевидно, что оно было написано до ноября 1877 г., когда было составлено новое завещание, в котором имя А.П. Маляревской, дочери П.К. и Н.А. Маляревских, не фигурирует и где была также изменена сумма завещанных Тургеневу денег. См. примеч. 4 и 5 к письму 5217.

[5] Неизвестно, когда мнение Тургенева о П.К. Маляревском и его семье изменилось в худшую сторону. Как свидетельствуют

письма к нему Тургенева, написанные летом 1876 г., когда писатель был вынужден заменить своего управляющего Н.А. Кишинского на Н.А. Щепкина, он прибегал к помощи Маляревского в оценке "живого инвентаря" в Спасском и к другим его услугам (см. письма 4390 и 4395 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1). Судя по письмам-отчетам Маляревского к Н.С. Тургеневу, которого он неизменно называл "дядей", подчеркивая тем самым близкое родство, отношения между ним и И.С. Тургеневым сложились вполне доверительные, во время приездов писателя на родину они неоднократно приглашали друг друга к обеду (см.: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 180. Л. 2 об. и след.), в свою очередь в письмах к брату И.С. Тургенев неизменно передавал приветы Маляревскому и членам его семьи. Так, в письме от 8 (20) июля 1876 г. Маляревский сообщал Н.С. Тургеневу, что получил от его брата письмо "и понял, что И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ в беспокойстве. Вместо того чтобы отвечать письменно, сам лично в понедельник отправился к нему в Спасское. Он, как видно, и не ожидал такой любезности. Он видимо повеселел и все время называл меня другом и приятелем, сам подавал спички, вообще был любезен, ласков так, как я его еще никогда не видел, но при этом по обыкновению прост во всем обращении" (Там же. Л. 3). Войдя в подробности проделок Кишинского, Маляревский был готов взять на себя наблюдение за исполнением контрактов по имениям Тургенева Кадное и Тапки (Топки), а также Спасского, "из уважения к Вам, дядя, ради всего того, что Вы для нас сделали, без всякого вознаграждения со стороны И⟨вана⟩ С⟨ергеевича⟩" (Там же. Л. 7). В письме от 15 (27) июня 1876 г. Маляревский подробно описал приезд Тургенева в имение брата 12 (24) июня и обед с ним, а также заметил: "Вы знаете, что я влюблен в Ивана Сергеевича, а потому мне *очень* приятно писать о нем подробно до мелочей и для того, чтоб показать Вам его здоровье" (Там же. Л. 10 об.—11. Этот визит не отмечен в *Летописи (1876—1883).* Фрагмент письма с описанием визита Тургенева, но с ошибочной датой (15 июля ⟨1876 г.⟩) приведен в статье: *Зайцев В.А.* Семейство Маляревских // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 54. См. также примеч. 1 к письму 4374 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1). В ответ на замечание в настоящем письме Тургенева о Маляревских Анненков писал: "Старик (Н.С. Тургенев. — *Ред.*), вероятно, умер на лицемерных и корыстных руках своих прихвостников — незавидная смерть" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 101).

[6] Под "мерами предосторожности" Тургенев подразумевает привлечение к наложению печатей на имущество покойного брата своего управляющего Н.А. Щепкина (см. письма 5214, 5217 и 5218, а также примеч. к ним).

[7] Это, как и другие письма Н.А. Щепкина, не сохранилось.

[8] Тургенев выполнил обещание и повидался с Анненковым в Брюсселе 3 (15) февраля 1879 г. проездом в Россию.

[9] Тургенев откликается на строки из письма Анненкова от 8 (20) января 1879 г., касающиеся назначенных на 20 января н. ст. прений в палате депутатов: «Сегодня понедельник, и у вас решается министерский вопрос. Представьте себе, что мы трепещем при мысли, что дюфоровский кабинет сгибнет, т.е. не я трепещу ⟨...⟩, а Бельгия трепещет. Удивительно, как все здесь озабоченно ждут результата прений, как об одном только и говорят, "а что если кризис, война с Сенатом, отставка М⟨ак⟩-Магона и Флоке, Наке с возвращенными коммунарами диктаторы?". Некоторые даже молятся по церквам. Никогда не видал я такого одушевления по поводу путаницы у соседа. Любопытно. / Sanctus Gambetta (Святой Гамбетта — *лат.*) — спаси!» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 100—101). Речь шла о том, кто получит вотум доверия в Сенате — умеренные республиканцы во главе с Л. Гамбеттой или крайние левые во главе с Ш.-Т. Флоке и А. Наке, ратовавшие за амнистию для участников Парижской коммуны 1871 г. Занимавший правые позиции президент Мак-Магон всячески препятствовал реформам, которые начали проводить выигравшие 5 января н. ст. 1879 г. выборы в Сенат республиканцы. Несмотря на то, что по ряду вопросов они вынуждены были пойти на уступки, закон об амнистии коммунарам был принят, и Мак-Магон 30 января н. ст. подал в отставку. На бурном заседании 20 января н. ст. глава правительства Дюфор заявил, что "он будет действовать еще строже по отношению к чиновникам, не забывая, однако, оказанных ими услуг" (*СПб Вед.* 1879. 10 января. № 10. С. 3).

[10] В письме от 8 (20) января 1879 г. Анненков иронизировал по поводу изъятого цензурой из первого номера "Вестника Европы" "Внутреннего обозрения" Л.А. Полонского: «"Вестник Европы" явился ныне без "Внутреннего обозр⟨ения⟩", т.е. без детородного своего члена, который только и давал ему мужественный вид и умеренный баритон в голосе. И действительно, новая книжка выглядит как-то кисло без этого жезла любезности, как называл М. Языков человеческий производительный орган» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 100). Очередная статья Л.А. Полонского, который обычно вел "Внутренние обозрения" в журнале Стасюлевича, была посвящена сравнительному анализу реформ в России и в Западной Европе. Получив от Стасюлевича изъятую статью (опубликована: *Стасюлевич.* Т. 1. С. 464—482), Анненков писал ему 12 (24) января 1879 г.: «И какая дельная вещь. Убив это превосходное Обозрение в чреве его матери — недальновидные операторы убили все его потомство, то есть консервативную полемику, которая из него могла бы выйти. Судите — чего же хотят операторы? Жалуются, что общество не дает поддержки администрации, а когда народилась поддержка (настоящая, т.е. умная), вытаскивают ее щипцами или целиком, или по частям и бросают собакам. Не нужно нам-де такой, а вот давайте нам поддержку вроде "Московских ведомостей", где Охотный ряд

является представителем православия и народности, — вот это хорошая поддержка. А потом удивляются, что апатия общественная не уступает никаким призывам к спасению государства, которое ни в каком спасении не нуждается, а нуждается только в обсуждении своих дел. Бедные! Дельный, мыслящий консерватизм становится для них противнее, подозрительнее и гаже самой "Общины", издающейся где-то в Швейцарии. ⟨...⟩ а мы попридержим вздорный консерватизм, который еще придумает, пожалуй, возлагать на нас новые, очень сложные обязанности. Черт с ним! ⟨...⟩ То ли дело радикализм — ничего не требует, ничего не ждет, никаких уроков не задает и говорит только о *будущем.* Самое любезное дело!» (Там же. Т. 3. С. 363—364). Вырезанную цензурой статью Стасюлевич прислал и Тургеневу, отзыв о ней см. в письме 5234.

[11] По поводу нарисованной Тургеневым в письме от 28 декабря 1878 г. (9 января 1879 г.) (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5197) сцены с П.Л. Лавровым при обсуждении "Внутреннего обозрения" Л.А. Полонского в декабрьской книжке "Вестника Европы" за 1878 г. Анненков в ответном письме от 8 (20) января 1879 г. заметил: "Какой прелестный и вместе верный портретец сделали вы сего господина несколькими штрихами. Он как живой встал передо мной — с свирепым словом своим и ласкающим взором. Мастер Вы" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 100). Анненкова особенно интересовало мнение Лаврова, поскольку Полонский в своем обозрении, обратившись к полемике с П.П. Цитовичем, автором брошюры «Ответ на "Письма к ученым людям"» (спор с Н.К. Михайловским), сделал несколько выпадов против заграничной русской печати, пропагандировавшей радикальные идеи, в том числе против Лаврова (см. примеч. 4, 5 к письму 5197 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1). По этому поводу об обозрении Полонского высказался сам М.М. Стасюлевич: "Вот положение — и цензуру оскорбил, и Лаврова возмутил" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 100). В подтверждение оценки позиции Лаврова, прозвучавшей в письме Тургенева, Анненков писал 15 (27) января 1879 г.: «Не могу удержаться, чтобы не сообщить Вам анекдота из жизни того же курьезного Лаврова. При арестовании Чернышевского он явился на заседание Комитета л⟨итературного⟩ фонда ⟨...⟩ с предложением выйти в полном составе на площадь и от имени всех литераторов требовать, через депутацию, у царя освобождения Чернышевского. Ковалевский предложил прежде обсуждения практического плана этого спросить у самого Чернышевского, находит ли он целесообразной подобную манифестацию. А Лавров отвечал — что уже спрашивали и Ч⟨ернышевский⟩ того мнения, что это глупость, но человек в тюрьме перестает быть авторитетом. Мы, однако ж, приняли мнение Чернышевского. "Вы изменяете своим убеждениям, господа", — заметил чрезвычайно ласковым голосом Лавров

и, пожимая руки присутствующим, — удалился с негодованием» (Там же. С. 101—102).

[12] "Своей ясностию, твердым шагом, рассчитанностию изложения" статья И.Р. Тарханова в январской книжке "Вестника Европы" увлекла и Анненкова. "...Он хороший популяризатор, — заметил Анненков о Тарханове в письме к М.М. Стасюлевичу от 12 (24) января 1879 г. — С такими людьми можно безбоязненно приступать к самым трущобам наук, и это люди драгоценные для журнала" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 364).

[13] Имеется в виду повесть "Специалист" К.В. Назарьевой. См. примеч. 3 к письму 5213.

[14] Речь идет о статье Л.А. Полонского "Социальное движение в Германии" (см. примеч. 5 к письму 5213). Более подробную характеристику первого номера "Вестника Европы" см. также в письме 5213. Говоря о "вездесущности" Полонского, Тургенев, по всей видимости, намекал на то, что он не только отлично вел в "Вестнике Европы" раздел "Внутреннее обозрение" и писал различные обзоры и рецензии, но и проявил себя как талантливый писатель (см. его отзыв о рассказе Полонского "Надо жить": наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5184, 5189, 5202).

[15] В письме от 8 (20) января 1879 г. Анненков сообщал Тургеневу, что посылает ему через Стасюлевича "2-й томик" своих "собранных вкупе писаний за 20 лет, насчет коего я не ошибаюсь: развернет его ныне разве тот, кто сплошь интересуется всем, чем занимались когда-нибудь российские умы" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 100). Речь шла о втором томе издания "Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова" (СПб., 1879), выпущенного М.М. Стасюлевичем, куда вошли статьи 1840—1860-х гг. По поводу этого тома Анненков писал Стасюлевичу 3 (15) января 1879 г.: "...по чести говоря, нельзя сделать лучшего распорядка статей и увенчать его более лестным и вместе осторожным предисловием. Мне остается сделать то, что меня заставил сделать понапрасну на новый год священник в посольской церкви, то есть преклонша колена благодарить бога, подающего таких издателей, как Вы" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 362—363). В том же письме Анненков, перечисляя тех, кому следовало разослать экземпляры тома, назвал и Тургенева (Там же. С. 363). Вскоре писатель действительно получил от Стасюлевича экземпляр (см. письмо 5234). Возможно, свое мнение об этом издании Тургенев высказал Анненкову лично при встрече в Брюсселе 3 (15) февраля (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 279, примеч. 1).

[16] Речь идет о IX томе "Русской библиотеки", в котором были напечатаны произведения Л.Н. Толстого и помещен его портрет (гравюра на дереве И.И. Матюшина с фотографии 1877 г.). Первоначально Стасюлевич собирался поместить в томе снимок с одного из портретов И.Н. Крамского, однако фотографии не были ему присланы. Помещенная в томе фотография, выполненная в 1877 г.

в фотоателье Сокольникова (бывшем Дьяговченко), была прислана Стасюлевичу Н.Н. Страховым (см.: *Щербакова М.И.* История одного издания: "Русская библиотека", том IX — "Л.Н. Толстой" // Толстой и о Толстом: Материалы и исследования. М., 2002. Вып. 2. С. 124—125). Об этом портрете Анненков писал 8 (20) января 1879 г.: "А вот художник, снявший портрет со Льва Толстого в альманахе того же Стасюлевича — так тот ухитрился придать ему сходство с Валентином Коршем! Чудовищная игра фотографии, совершенно равная с той игрой природы, которая оказалась в девушке, родившей недавно в Париже младенца с двумя головами, различными по типу. А все, кажется, широкая борода сделала в этом несчастном портрете" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 100). В схожих выражениях он писал и Стасюлевичу 3 (15) января 1879 г. (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 362). Подробнее об издании этого тома и участии в нем Тургенева см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5074 и примеч. 1 к нему.

[17] В IX том "Русской библиотеки", издававшейся М.М. Стасюлевичем, вошли рассказы "Севастополь в декабре 1854 года", "Три смерти", басни, рассказы для детей, а также отрывки из повести "Детство" и романов "Война и мир" и "Анна Каренина". Изначально Стасюлевич настаивал на включении в сборник отрывка из повести "Казаки" ("с начала до того, как Оленин расположился на квартире"), однако Н.Н. Страхов, который занимался отбором произведений для толстовского тома, колебался (свои сомнения он озвучил в письме к Л.Н. Толстому от 10—11 октября ст. ст. 1878 г.: *Толстой/Страхов.* Т. 1. С. 469) и в окончательную подборку "Казаки" не вошли. Об отношении Тургенева к повести "Казаки" см.: *Алексеев. Т — пропагандист.* С. 72—75, а также письмо к А.А. Фету от 4 (16) марта 1874 г. — наст. изд. Письма. Т. 13. № 3624. Подробнее об этом издании см.: *Щербакова М.И.* История одного издания: "Русская библиотека", том IX — "Л.Н. Толстой". С. 110—131.

5224. Гюставу Флоберу (с. 21 и 193)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 154—156. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано с сокращениями: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 150—151; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 10. С. 66—67.

[1] Тургенев отвечает на письмо Флобера от 10 (22) января 1879 г., в котором тот жаловался на свое финансовое положение в связи с разорением семьи племянницы и на плохое самочувствие, а также на трудности в работе над романом "Бувар и Пекюше" (см. примеч. 6, 7 к письму 5219). В том же письме он признавался: «Вы спрашиваете, так ли уж необходимо, чтобы я оставался в Круассе до конца февраля, — не необходимо, а непреложно. Моя бедная племянница сдала свое жилье.

А я предоставил им свое в ожидании окончательного решения нашего "дела". Вот так-то! / Что станется со мною дальше? Не знаю. В моем возрасте это тяжело. Вот что значит, мой дорогой, иметь любимых племянниц. Я отдал *все* на службу предрассудку *Чести.* Коротко говоря, надежда восстановить наше состояние потеряна навсегда. Поразмыслите-ка над этим» (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 508. Впервые опубликовано А. Звигильским: *Cahiers.* № 22 (1998). P. 162—163).

[2] К. Комманвиль увлекалась живописью.

[3] В письме от 10 (22) января 1879 г. Флобер высказывал беспокойство по поводу поездки Тургенева в Россию: "Но не собираетесь же вы пуститься в путь в эти ужасные холода? и таким больным! Подождите немного" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 508). До отъезда в Россию Тургенев навестил Флобера 22—23 января (3—4 февраля) 1879 г.

[4] О завещании Н.С. Тургенева и о роли в нем семьи П.К. Маляревского см. примеч. 4, 5 к письму 5217, примеч. 7 к письму 5218, примеч. 3, 4 к письму 5219 и примеч. 3—5 к письму 5223.

[5] Тургенев имеет в виду свое пребывание под арестом на "съезжей" 2-й Адмиралтейской части в Петербурге (с 16 (28) апреля по 16 (28) мая 1852 г.), куда он был посажен за опубликование статьи о Гоголе (см.: наст. изд. Соч. Т. 11. С. 66—67, 359—360; Письма. Т. 2. № 210 и примеч. к нему; раздел "Официальные письма и деловые бумаги", № 16, примеч. 2).

[6] О какой газетной статье идет речь, установить не удалось. По всей вероятности, это был материал для неоконченного романа Флобера "Бувар и Пекюше", прежде всего второй его части, задуманной как собрание почерпнутых из разных источников образцов пошлости и глупости. См. также: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4545 и примеч. к нему. Г-н Жозеф Прюдом — персонаж нескольких произведений А. Монье, начиная со сборника сатирических пьес "Народные сценки, нарисованные пером" ("Scènes populaires dessinées à la plume", 1830), ставший олицетворением самодовольного и пошлого буржуа (ср. аналогичный образ Козьмы Пруткова, созданный братьями Алексеем, Александром и В.М. Жемчужниковыми и А.К. Толстым).

5225. Каролине Комманвиль (с. 22 и 194)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam. Corr.* P. 139—140. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 162; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 10. С. 77. Вновь опубликовано: во французском оригинале — *Halp.-Kam. Corr.* P. 139—140; в русском переводе — *Гальп.-Кам. Письма.* С. 219.

Датируется предположительно по связи с письмами 5223, 5224 и указанному дню недели.

[1] Эта записка К. Комманвиль неизвестна.

5226. Л.Я. Стечькиной (с. 22)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 36—38.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным*. С. 15—17.

Стр. 23. "умствования" (*нем.*).

[1] Из этих трех писем Стечькиной к Тургеневу известно лишь письмо от 8 января ст. ст. 1879 г., оно, очевидно, было последним, ответом на которое является настоящее письмо (*ИРЛИ.* № 5837. Л. 1—1 об. См.: *Т сб.* Вып. 3. С. 377—378. Публ. Г.В. Степановой).

[2] Первую часть романа Стечькиной (первоначальное название — "Кривые деревья", в печати — "Варенька Ульмина") Тургенев получил 19 (31) января 1879 г. (см. письмо 5238). Вторая часть была ему отправлена еще в 1878 г. (см. письмо 5193 и примеч. 1 к нему — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1).

[3] В письме от 8 января ст. ст. 1879 г. Стечькина напоминала: "С нетерпением жду Вашего решения: позволите или не позволите Вы посвятить роман Вам? / Еще раз повторю: мне никогда не выразить вполне моей благодарности за все, что Вы сделали для меня" (см.: *Т сб.* Вып. 3. С. 378). В ответ на согласие Тургенева Стечькина писала ему 21 января ст. ст. 1879 г.: "Не знаю, как благодарить Вас за принятое посвящение. И в таких словах выразили Вы Ваше согласие! Нужно большое усилие над собою, чтобы не возгордиться" (Там же). Повесть "Варенька Ульмина" появилась в печати с посвящением Тургеневу (*ВЕ.* 1879. № 11. С. 165).

[4] В ответном письме Стечькина горячо возражала против мнения Тургенева: «Но неужели под публикой, в глазах которой мне может повредить Ваше великое имя, Вы действительно разумеете всех теперешних русских читателей или хоть значительное большинство их? Не рассердитесь на меня за мою смелость. Но, при всем моем безграничном почитании, я не могу удержаться и не сказать: на этот раз Вы ошибаетесь, ей-Богу ошибаетесь, Россия не заслужила от Вас такого упрека, и мне как русской больно слышать это. Простите, что я спорю с Вами, что я осмеливаюсь спросить: что заставило Вас так обидно думать о нашем поколении? Если позволите, я мои слова поддержу фактами: разве Вас теперь читают меньше прежнего, разве те томики "Рус⟨ской⟩ библ⟨иотеки⟩", которые носят Ваше имя, не разошлись сразу, наравне с Пушкиным и Лермонтовым? (А между тем издавать такими кусочками романиста — вещь почти немыслимая.)

Потом я могла бы привести Вам целый ряд подчас забавных доказательств того, какое обаяние заключает в себе одно Ваше имя: рассказать Вам и о лицах, ездивших (в бытность Вашу прошлой осенью в Туле) в вокзал жел⟨езной⟩ дороги и гостиницы взглянуть на Вас, и о смиренном начальнике станции в Суходоле, который, узнав, что ждут *Вас*, своими руками сделал ступеньки в насыпи, чтобы Вам удобнее было сойти к экипажу. Нет, не обижайте русскую публику. Не она говорит устами безграмотных петербургских журналистов, и несправедливо заставить ее отвечать за их вздорные речи. Эти господа вон и Пушкина бранили; неужели же вследствие этого можно сказать, что Россия перестала любить или ценить Пушкина? Нет, русская публика не изменила Вам! Конечно, после "Отцов и детей", после того как Вы вдруг ослепили ее ярким, направленным ей прямо в лицо светом и она ответила громадным стоном боли, чувство ее к Вам приняло новый оттенок: прежде Вы пленяли ее, тут она стала трепетать перед Вами и, разумеется, *скрывать свой страх*, храбриться (но самые слова "нигилист", "нигилизм", вошедшие в употребление, доказали, что никогда связь ее с Вами не была теснее). Это чувство, почти без изменения, унаследовало и наше поколение; только выражается оно у нас уж очень по-детски — мы еще так молоды. Вот истинное настроение действительно русской публики, половина которой потому и станет читать мой роман, что он посвящен *Вам*, хотя, может быть, и не признается в этом. Мне сделалось совестно, когда я написала все это: даже Ваша постоянная снисходительность не дает мне права говорить Вам об этом и в такой форме. Но я все-таки пошлю это письмо: я уверена, что Вы скорее посмеетесь надо мною, нежели рассердитесь на меня» (*ИРЛИ.* № 5837. Л. 3—4 об. См. также: *Т сб.* Вып. 3. С. 378—379).

[5] Заменить заглавие Тургенев советовал Стечькиной в письме от 26 декабря 1878 г. (7 января 1879 г.). См.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5194 и примеч. к нему.

[6] Тургенев упоминает роман А. Михайлова (А.К. Шеллер) "Гнилые болота" (СПб., 1867).

[7] «Посылаю Вам первую часть моего романа и листок с несколькими заглавиями, которыми предполагается заменить "Кривые деревья", — писала Стечькина 8 января ст. ст. 1879 г. — 5-го, получив Ваше письмо, я писала Вам, какого рода заглавие было бы мне приятнее всего (не знаю, дошло ли мое письмо: кучер, относивший его на почту, как оказалось после, был не совсем в трезвом состоянии). Из посылаемых заглавий ни одно не удовлетворяет меня, но два первых имеют за себя хоть то, что не очень бросаются в глаза; впрочем, я все их вообще предпочитаю "Кривым деревьям". Удивительно трудно "окрестить" свое произведение; право, легче написать еще другой роман. Из прилагаемых названий выберите то, которое менее плохо» (*ИРЛИ.* № 5837. Л. 1—1 об. См. также: *Т сб.* Вып. 3. С. 377—378). Листок с заглавиями не сохранился,

однако можно предположить, что окончательное заглавие "Варенька Ульмина" было среди вариантов, посланных Стечькиной (см. также письмо 5238). Предлагая свое заглавие, Тургенев имеет в виду слова Лира из 6-й сцены IV акта трагедии Шекспира "Король Лир". Стечькина писала в ответ Тургеневу в письме от 21 января ст. ст. 1879 г.: «Как хорошо придуманное Вами название: "Ни правых, ни виноватых"! Ведь вот не пришло же оно в мою глупую голову! Может быть, Вы позволите мне озаглавить так мой роман? Право, один раз можно согрешить против восьмой заповеди. А как бы это украсило мою вещь!» (Там же. Л. 3. См. также: *Т сб.* Вып. 3. С. 378).

[8] В дошедших до нас письмах Стечькиной о предполагаемом к повести эпиграфе речь не идет. Роман "Варенька Ульмина" появился в печати без эпиграфа.

[9] Получив от Стечькиной вторую часть романа, Тургенев писал М.М. Стасюлевичу 31 декабря 1878 г. (12 января 1879 г.): "...либо я олух непроходимый — либо у ней талант самородный, оригинальный — из ряду вон. Я тотчас дал ей знать, чтобы она также прислала мне *первую* часть — и обе отправятся к Вам. — Полагаю, что Вы ей дадите место в апреле — если только разделите мое мнение на ее счет — в чем я позволяю себе не сомневаться" (наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5202). Обе части Тургенев отослал Стасюлевичу из Москвы 27 февраля (11 марта) 1879 г. (см. письмо 5278). 10 марта ст. ст. рукопись поступила в редакцию "Вестника Европы" (см.: *Каталог рукописей.* Л. 69. № 70).

[10] Выслать свою новую фотографию взамен посланной ранее неудачной Тургенев обещал еще с сентября 1878 г. (см. письма 5095, 5149, 5164 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1). В ответном письме от 21 января ст. ст. 1879 г. Стечькина писала: "Мне очень совестно, что я побеспокоила Вас напоминанием о фотографии в то время, когда Вы так страдали. Но как предположить, что Вы, больной, все так же внимательно и заботливо, все с тем же несравненным и постоянным участием занимаетесь чужим делом! Дай Бог, чтобы это письмо застало Вас совсем выздоровевшим" (*ИРЛИ.* № 5837. Л. 4 об., 3. Окончание письма приписано на первой странице. См. также: *Т сб.* Вып. 3. С. 379—380).

5227. М.М. Антокольскому (с. 24)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 19.

Датируется предположительно по связи с письмом 5232 и указанному дню недели.

[1] Тургенев, после исключительного успеха работ Антокольского на Парижской всемирной выставке 1878 г. (большая золотая медаль и орден Почетного легиона), поддерживал идею выставки

Антокольского в Лондоне. Текст прилагаемого письма, о котором идет речь, не сохранился. Выставка не состоялась. См. письмо 5232.

[2] Имеются в виду собрания Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, в организации которого Антокольский, наряду с Тургеневым, принял деятельное участие. Встреча и спор с Антокольским 18 или 25 января н. ст. 1879 г. не зафиксированы в *Летописи (1876—1883).* Упоминание о том, что Тургенев намеревался произнести "речь об искусстве" на обеде в его честь, устроенном по подписке петербургскими художниками 17 марта ст. ст. 1879 г., см.: Петербургский листок. 1879. 18 марта. № 54. С. 2. Однако на этом обеде Тургенев по болезни присутствовать не смог. Сведений о том, был ли осуществлен какой-то из этих замыслов, обнаружить не удалось, но в августе 1879 г., при подготовке нового салаевского издания своих сочинений, он написал "Предисловие к романам", в котором были сформулированы важные для понимания литературно-эстетических воззрений писателя положения. Сохранившийся в бумагах писателя текст выступления без даты, опубликованный под условным заглавием "⟨Речь, подготовленная для обеда в собрании петербургских художников 17/29 марта 1879 г.⟩" (см.: *ПССиП(1). Соч.* Т. 15. С. 62; наст. изд. Соч. Т. 12. С. 340. Публ. и примеч. Н.Ф. Будановой), относится, как убедительно показано В.А. Громовым, к более позднему периоду, а именно к апрелю 1880 г. (см.: *Громов В.* Месяц в столицах: Документальный рассказ о национальном чествовании Ивана Сергеевича Тургенева в 1879 году. Орел, 1995. С. 115—122).

5228. Н.А. Щепкину (с. 24)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 252—253 об.

Впервые опубликовано: *РСт*. 1886. № 3. С. 601—602.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно. Оно было послано вслед за телеграммой, извещавшей о смерти Н.С. Тургенева, которая также, по-видимому, была отправлена Щепкиным 8 января ст. ст. 1879 г. П.К. Маляревский подробно изложил ход предсмертной болезни Н.С. Тургенева в письме к Тургеневу лишь 25 января ст. ст. 1879 г. (см. примеч. 1, 3 и 7 к письму 5217).

[2] Телеграмма, которую упоминает Тургенев, была послана из Петербурга женой Маляревского Надеждой Андреевной, текст ее также неизвестен (см. письмо 5214, примеч. 1, а также 5218 и примеч. 3, 4 к нему).

[3] О завещании Н.С. Тургенева и о роли в нем семьи П.К. Маляревского см. примеч. 4, 5 к письму 5217, примеч. 7 к письму 5218, примеч. 3, 4 к письму 5219 и примеч. 3—5 к письму 5223.

[4] Очевидно, Тургеневу было известно, за что заведовавший Волковским лесничеством в Гродненской губернии и не участвовавший "ни в сражениях, ни в походах против неприятеля" П.К. Маляревский был награжден медалью "За усмирение польского мятежа 1863—1864 гг." (см.: *Зайцев В.А.* Семья Маляревских // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 53). Граф М.Н. Муравьев был в связи с началом восстания назначен генерал-губернатором Виленской, Гродненской и Минской губерний и командующим войсками Виленского военного округа. Отличившись решительными мерами в подавлении восстания, в том числе публичными казнями, в либеральной среде М.Н. Муравьев получил прозвище "Муравьев-вешатель".

[5] О том, что Маляревский известил Н.П. Тургенева о кончине Н.С. Тургенева, писатель узнал, по-видимому, из письма Н.А. Щепкина, который прибыл к умирающему за пять минут до Н.П. Тургенева. К нему, как сообщал Маляревский 25 января ст. ст. 1879 г., был послан нарочный еще 4 января н. ст. 1879 г. В тот же день была послана телеграмма Е.П. Крюгер в Москву (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 2 об.). Возможно, Щепкин, ссылаясь на слова Маляревского, написал Тургеневу, что тот не знал парижского адреса писателя и не владел иностранными языками, чтобы составить текст телеграммы (об этом писал Тургеневу сам Маляревский в упомянутом письме), но Тургенев счел особо возмутительным, что управляющий брата не сообщил немедленно о ситуации его управляющему, т.е. Щепкину, с которым был хорошо знаком.

[6] Об отношении Тургенева к Маляревскому см. примеч. 5 к письму 5223.

[7] Речь идет о доверенности на имя Щепкина для ведения дел по наследству покойного Н.С. Тургенева, образец которой управляющий выслал писателю в следующем письме (неизвестно). 17 (29) января 1879 г. Тургенев засвидетельствовал доверенность у российского вице-консула в Париже П.И. Рюмина и в тот же день отослал ее М.М. Стасюлевичу с просьбой заверить в Министерстве иностранных дел и затем переслать Щепкину (см. письмо 5234 и примеч. 1 к нему, а также письмо 5235). Текст доверенности см. в разделе "Официальные письма и деловые бумаги" (№ 39).

[8] Тургенев не смог присутствовать на погребении брата, так как к этому времени вопрос с похоронами был уже решен. В день написания письма в "Московских ведомостях" было напечатано объявление о перевозе тела Н.С. Тургенева в Москву в ночь с 16 на 17 января ст. ст. и захоронении его в семейном склепе Новодевичьего монастыря (см. примеч. 10 к письму 5217 и примеч. 1 к письму 5229). Н.А. Щепкин сообщал жене, С.Г. Щепкиной, 17 января ст. ст. 1879 г., что спешит на вокзал встречать тело Н.С. Тургенева (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 312 оф. Л. 1). Получив

телеграмму от Тургенева, извещавшую, что он не дает разрешения хоронить брата без него (см. письмо 5229), Щепкин оказался в сложном положении, поскольку П.К. Маляревский мотивировал необходимость скорейшего захоронения тем, что в церкви, где можно было оставить гроб, было слишком тепло (см. примеч. 1 к письму 5229). Узнав 16 января ст. ст. от И.И. Маслова, что Тургенев сообщил ему о намерении приехать в Москву к 22 января ст. ст. (письмо Тургенева к Маслову неизвестно), Щепкин писал жене: "Я теперь положительно не знаю, как быть, если не получу от него никакого письма, то придется подождать его приезда, а то очень неудобно в другой раз приезжать в Москву. Пожалуйста, Сонюшка, если будут письмо от Тургенева или телеграмма, то немедленно высылай их ко мне, ты каждый день высылай на почту" (*ОГЛМТ.* Инв. № 312 оф. Л. 2—2 об.). О том, что Маляревский решил не затягивать с похоронами, Тургеневу стало известно из следующего письма Щепкина, предположительно посланного сразу по завершении составления описи имущества в с. Тургенево или на следующий день, т.е. 10 или 11 января ст. ст. 1879 г. (см. об этом письмо 5235).

[9] Эта телеграмма неизвестна или не была послана.

[10] Тургенев выехал из Парижа в Россию лишь 3 (15) февраля 1879 г.

5229. Н.А. Щепкину (с. 26 и 194)

Печатается по подлиннику: *ОГЛМТ*. Инв. № 226 оф. На обороте телеграммы помета: "Сдана рассыльному 15-го/I 6 час. 10 м. пополун⟨очи⟩".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 20.

Датируется по телеграфным пометам на лицевой части телеграммы: "Подана ⟨2⟩6-го 1 ч. 20 м. пополун⟨очи⟩"; "Принята с аппарата янв. 14-го 1878 г.". Год (1878) в телеграфной помете указан ошибочно: Н.С. Тургенев умер в 1879 г. О его похоронах и идет речь в данной телеграмме.

[1] Щепкин выполнил просьбу Тургенева и передал Маляревскому распоряжение писателя. Настоящая телеграмма была получена женой Н.А. Щепкина Софьей Георгиевной, когда он сам был в Москве, куда уехал не позднее 14 января ст. ст. 1879 г. для наблюдения за описью имущества в московском доме Н.С. Тургенева на Пречистенке. В письме от 17 января ст. ст. 1879 г. Щепкин сообщал: "Телеграмму от тебя я получил, в которой ты даешь знать мне, что И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ не дозволяет хоронить Н⟨иколая⟩ С⟨ергеевича⟩ до распоряжения его, а Маляревскому жена телеграфировала так, что: И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ разрешает хоронить Н⟨иколая⟩ С⟨ергеевича⟩,

вероятно, она всё врала в телеграмме. Маляревский на телеграммы мало обратил внимание и сказал, что он останавливать хоронить не станет, потому что в Новодевичьем монастыре церкви теплые, отчего и тело держать долго нельзя, хотя я его просил это сделать" (*ОГЛМТ.* Инв. № 312 оф. Л. 1 об. — 2).

5230. А.Ф. Онегину (с. 26)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 29352. Л. 68; конверт — л. 69. Почтовый штемпель: 27 janv. 79, R. Milton, Paris. На подлиннике карандашом рукой Онегина помечена дата письма: "27/I/1879".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 20 — 21.

Датируется предположительно, так как дата в штемпеле городской почты на конверте и помета Онегина не соответствуют указанному самим Тургеневым дню недели: 27 января н. ст. 1879 г. приходилось на понедельник.

[1] Имеется в виду комитет Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, основанного в конце 1877 г. Тургенев был секретарем этого общества.

5231. Редактору "Русской правды" (с. 26)

Печатается по тексту первой публикации: Русская правда. 1879. 21 января. № 20. С. 2, с заметкой от редакции: «По поводу переделки для сцены комедии "Месяц в деревне" И.С. Тургенев прислал из Парижа на имя редактора "Русской правды" следующее письмо ⟨...⟩». Редактором газеты был Д.К. Гирс. Подлинник неизвестен.

В собрание сочинений впервые включено: *Т. Соч (1929—1934).* Т. 12. С. 402 — 403. В *ПССиП(1)* включено в состав Сочинений (Т. XV. С. 178).

[1] Эта телеграмма М.Г. Савиной неизвестна.

[2] Историю постановки "Месяца в деревне" в свой бенефис М.Г. Савина описала в воспоминаниях (см. примеч. 1 к письму 5221). См. также письмо 5222 и примеч. 6, 8 к нему.

[3] Из какого источника Тургенев получил сведения о том, что в "Биржевых ведомостях" было сообщение о сокращении В.А. Крыловым "Месяца в деревне" на два акта, установить не удалось. Вскоре писателю пришлось публично извиняться за свою ошибку (см. письмо 5248 в редакцию газеты "Молва" — так с 1 (13) февраля 1879 г. стала называться газета "Биржевые ведомости"), поскольку в "Биржевых ведомостях" такая информация не публиковалась. В действительности заметка о том, что пьесу

Тургенева сокращает В.А. Крылов, была помещена в газете “Петербургский листок”: «Г-жа Савина ставит в свой бенефис, который должен состояться 15-го января, комедию в 5 д. И.С. Тургенева “Месяц в деревне” 〈...〉. Говорят, комедию г. Тургенева сокращает для сцены Виктор Александров (???!) (псевдоним В.А. Крылова. — *Ред.*)» (1879. 10 января. № 7. С. 3). А в газете “Новое время”, на которую позже сослался Тургенев (см. письмо 5248 и примеч. 2 к нему), были лишь перепечатаны (со ссылкой) сведения из “Петербургского листка” (*Н Вр.* 1879. 11 января. № 1031. С. 4).

[4] Первую публикацию “Месяца в деревне” в “Современнике” предваряла небольшая заметка от автора: “Комедия эта написана четыре года тому назад и никогда не назначалась для сцены. Это собственно не комедия, — а повесть в драматической форме. Для сцены она не годится, это ясно; благосклонному читателю остается решить, годится ли она в печати. И. Т. Декабрь 1854. С.-Петербург” (*Совр.* 1855. № 1. С. 29; см. также: *ПССиП(1). Соч.* Т. III. С. 333). Тургенев и в дальнейшем придерживался мнения, что из “Месяца в деревне” следовало сделать повесть (см. письмо к Ю. Шмидту от 25 июля (6 августа) 1868 г. — наст. изд. Письма. Т. 9. № 2318). В заметке “Вместо предисловия” к первому отдельному изданию своих драматических произведений в 1869 г. Тургенев писал: «Издавая в первый раз собрание моих “Сцен и комедий”, я считаю долгом оговориться перед читателем. Не признавая в себе драматического таланта, я бы не уступил одним просьбам г-д издателей, желавших напечатать мои сочинения в возможной полноте, если б я не думал, что пиесы мои, неудовлетворительные на сцене, могут представить некоторый интерес в чтении. Я, быть может, ошибаюсь и в этом; пусть судит публика» (наст. изд. Соч. Т. 2. С. 481). Восстанавливая в этом издании текст “Месяца в деревне” “в первобытном виде”, писатель признавался, что поставил себе в этой комедии “довольно сложную психологическую задачу” (Там же).

[5] Тургенев имеет в виду первую постановку пьесы “Месяц в деревне” 13 января ст. ст. 1872 г. на сцене московского Малого театра в бенефис актрисы Е.Н. Васильевой, исполнившей роль Натальи Петровны. Тогда писатель также дал согласие на все сокращения, “которые окажутся необходимыми” (см. письмо 2906 — наст. изд. Письма. Т. 11). Постановка оказалась неудачной (см. примеч. к письму 2906; наст. изд. Соч. Т. 2. С. 650—651, а также примеч. 6 к письму 5222 в наст. томе).

[6] Вопреки ожиданиям Тургенева постановка “Месяца в деревне” с М.Г. Савиной в роли Верочки имела большой успех. Даже не всегда дружелюбно настроенное к писателю “Новое время” вынуждено было констатировать: «Кто бы мог ожидать: пятиактная комедия И.С. Тургенева “Месяц в деревне”, данная сегодня в бенефис г-жи Савиной и немножко сокращенная

г. Крыловым, имела успех, да еще вовсе не дюжинный успех» (1879. 18 января. № 1038. С. 3. См. также более развернутый отзыв А.С. Суворина (Незнакомца): Там же. 19 января. № 1039. С. 3). Многие рецензенты отмечали литературные достоинства пьесы, хотя и сходились во мнении о ее несценичности, называя ее "диалогированной повестью" (см.: наст. изд. Соч. Т. 2. С. 651—654). С тех пор пьеса неоднократно ставилась и прочно вошла в репертуар многих театров.

5232. М.М. Антокольскому (с. 27)

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 25. № 25.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 24.

Датируется на основании следующих данных: по связи с письмом 5227 устанавливаются год и месяц написания письма — январь 1879 г., когда Тургенев хлопотал о надгробном памятнике Н.В. Ханыкову. Период написания письма — 8 (20) — 16 (28) января — определяется окончанием приступа подагры у писателя (см. письма 5222—5228). Вторая крайняя дата устанавливается предположительно, по упоминанию о концерте с участием Марианны Виардо и Клоди Шамро, который состоялся 16 (28) января 1879 г. (см. примеч. 4 к наст. письму).

[1] Очевидно, речь идет о предполагаемой, но не состоявшейся выставке произведений Антокольского в Англии (см. письмо 5227).

[2] Тургенев взял на себя все хлопоты, связанные с похоронами Н.В. Ханыкова, умершего в ноябре 1877 г. По его инициативе и при активном его участии были собраны деньги на надгробный памятник. Проект памятника сделал Антокольский (см. об этом письмо 5210).

[3] Памятник, открытый на могиле Н.В. Ханыкова 22 июня (4 июля) 1879 г., сохранился: «Это прямоугольный серый гранитный камень, высотой в 2 м. В верхней его части и на доске (67 × 80 см), как бы на загибающемся листе бумаги, лежащем на пюпитре, изображена карта Ирана и слово Perse. На самом верху — стопка книг, первая из которых, по-видимому, толстый том "Землеведения" Риттера. Надпись на памятнике гласит: Nicolas de Khanykoff. 1819—1878. По бокам памятника высечены гирлянды, виньетки и другие украшения» (*Розенфельд А.З.* Тургенев и Н.В. Ханыков // *Т и его современники.* С. 83—84). См. также примеч. 2 к письму 5210.

[4] Возможно, имеется в виду концерт в пользу гобоиста Жоржа Жилле, солиста концертного общества Парижской консерватории, состоявшийся во вторник, 28 января н. ст. 1879 г., в зале Плейель. 19 января н. ст. французский еженедельник "Le Ménestrel" анонсировал этот "очень интересный концерт", где, помимо ведущих инструменталистов, должны были выступить "в вокальной партии" Марианна Виардо и Клоди Шамро-Виардо. Именно они, очевидно,

подразумевались под “юными певицами” (1879. 19 janvier. № 8. P. 64). 2 февраля н. ст. “Le Ménestrel” восторженно отозвался об этом концерте, в том числе о пении сестер Виардо: “Обе сестры пели восхитительно ⟨...⟩”, — упомянув, что за роялем была сама П. Виардо, “столь же искусная пианистка, сколь и великая певица”, причем ей же принадлежала аранжировка некоторых произведений, исполненных ее дочерьми (№ 10. P. 80).

[5] Имеется в виду известный богач и комиссионер С.С. Поляков, с которым Антокольский был хорошо знаком. Сохранился бюст Полякова работы Антокольского.

5233. Людвигу Пичу (с. 28 и 194)

Печатается по цифровой копии (первая страница письма), дополненной по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно. Письмо было продано на аукционе Sotheby's “Music, Continental and Russian Books and Manuscripts” 28 мая 2015 г. (лот № 182).

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 21.

[1] Речь идет о либретто оперы Л. Эритт-Виардо “Линдоро”, которое Э. Дом должен был перевести на немецкий язык. См. письмо 5208 и примеч. к нему.

[2] По-видимому, Пичу удалось убедить Э. Дома поторопиться с переводом либретто, поскольку опера была поставлена в Веймаре 2 мая н. ст. 1879 г. Дата постановки “Линдоро” переносилась не один раз, в том числе по техническим причинам, о которых Э. Лассен извещал П. Виардо, в частности, в письме от 7 апреля н. ст. 1879 г. Из этого письма следует, что первое представление должно было состояться раньше — в воскресенье 13 апреля н. ст., но из-за необходимости согласовать график выступлений нескольких исполнителей, а также ввиду предстоящих трех (фактически шести) представлений двух частей “Фауста”, которые должны был пройти с 19 по 27 апреля н. ст. и которые не представлялось возможным перенести, решено было отложить премьеру “Линдоро” на воскресенье 4 мая н. ст. Впоследствии, вероятно, и эта дата подверглась корректировке (текст письма Лассена см.: *Fischer/Žekulin*. S. 110—111).

[3] Такая телеграмма Пича до нас не дошла или не была послана.

[4] Св. Цецилия в католической церкви считается покровительницей музыки и музыкантов. На знаменитом органе П. Виардо (изготовлен в 1851 г.; ныне в церкви Нотр-Дам в Мелёне, Франция) находился медальон с изображением св. Цецилии, известный в двух вариантах (предположительно один из них или оба кисти Ари Шеффера): ранний (см. гравюру по рисунку А. Валантена: Illustration. 1853. Vol. 21. 19 mars. P. 184), очевидно, утрачен и был впоследствии

заменен на другой, где (как и в первом) в образе св. Цецилии, написанной на золотом фоне, угадываются черты самой П. Виардо (ныне в Musée de la Vie romantique в Париже; см. иллюстрацию на с. 9). По другому предположению, на втором медальоне портрет М. Малибран. См.: *Waddington P.* Pauline Viardot's organ // *N Z Sl J.* 1983. P. 215—216.

[5] С Пичем Тургенев увиделся в Берлине во время своей двухдневной остановки там на пути в Россию 6 (18) февраля 1879 г.

[6] О наследстве, завещанном Н.С. Тургеневым брату, см. примеч. 5 к письму 5217, об отношении к семье П.К. Маляревского, ставшего главным наследником Н.С. Тургенева, см. письмо 5223 и примеч. 5 к нему.

5234. М.М. Стасюлевичу (с. 29)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 229.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 159—160.

Стр. 30. Кого Юпитер хочет погубить, тех он лишает разума (*лат.*).

[1] Имеется в виду доверенность на имя Н.А. Щепкина на ведение дел по наследству покойного брата Н.С. Тургенева, образец которой Тургенев получил от своего управляющего (см. письмо 5235) и которую заверил 17 (29) января 1879 г. в генеральном консульстве в Париже. Стасюлевич выполнил просьбу Тургенева и 21 января (2 февраля) 1879 г. в Департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел удостоверил подпись русского вице-консула в Париже П.И. Рюмина, заверившего доверенность за генерального консула А.М. Кумани (см. № 39 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги").

[2] Об этом сообщил Тургеневу Н.А. Щепкин (см. письмо 5235). В Описи имущества, составленной после смерти Н.С. Тургенева, под № 170 числится "наличных денег кредитными билетами, серебром и медью" всего 1231 руб. 79 коп. (*ОГЛМТ.* Инв. № 253 оф. Л. 6).

[3] О наследстве, завещанном Н.С. Тургеневым брату, см. примеч. 5 к письму 5217, об отношении к семье П.К. Маляревского, ставшего главным наследником Н.С. Тургенева, см. письмо 5223 и примеч. 5 к нему. Указанная в данном письме Тургеневым общая сумма в 520 000 руб. относилась к фактическому объему наследства на момент смерти Н.С. Тургенева (в то время как согласно завещанию 1877 г. общая сумма завещанного капитала составляла 502 000 руб.) и, очевидно, была сообщена писателю Щепкиным со слов Маляревского (см. письмо 5235). Более точную цифру (523 364 руб. 79 коп.) озвучил в письме к писателю от 25 января ст. ст. 1879 г. сам Маляревский, приведя скрупулезным образом составленный им расчет как всего имущества,

оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, так и той части, которая в итоге причиталась писателю и по его подсчетам равнялась 78 001 руб. (см. письма 5266, примеч. 7, 5269, примеч. 2).

[4] В Петербург Тургенев приехал лишь 8 (20) февраля 1879 г. 12 (24) февраля он обедал у Стасюлевича, где, согласно записи в дневнике К.К. Арсеньева, присутствовали сам Арсеньев, а также К.Д. Кавелин, Я.П. Полонский, Утины (по-видимому, братья Николай и Евгений), П.А. Брюллов, В.А. Арцимович, В.Д. Спасович и др. После обеда к ним присоединились А.Н. Пыпин и И.Р. Тарханов (см.: *РГАЛИ.* Ф. 40. Оп. 1. № 27. Л. 91 об.; *Летопись (1876—1883).* С. 242). В Москву писатель прибыл из Петербурга 14 (26) февраля 1879 г.

[5] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[6] Имеются в виду IX том "Русской библиотеки", в котором были напечатаны произведения Л.Н. Толстого (СПб., 1879), и "Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова. 1849—1868. Отдел второй" (СПб., 1879). Оба издания выходили под редакцией Стасюлевича и печатались в его типографии. См. отзывы о них в письме 5223 и примеч. 15—17 к нему. О "Внутреннем обозрении" Л.А. Полонского, вырезанном цензурой из первой книжки "Вестника Европы" за 1879 г. (см. его текст: *Стасюлевич.* Т. 1. С. 464—482) и присланном редактором Тургеневу, см. письмо 5223 и примеч. 10 к нему.

[7] Речь идет о сборе денег на памятник Н.В. Ханыкову (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5167, а также письмо 5210 и примеч. к нему в наст. томе).

[8] Тургенев возвращается к разговору о "Внутреннем обозрении" Л.А. Полонского, вырезанном цензурой. В этом обозрении Полонский доказывал, что политика реформ "сверху", проводившаяся Александром II, может быть успешной лишь в том случае, если будет опираться на содействие и поддержку либеральных слоев русского общества. Касаясь далее "беспорядков" среди молодежи, происходивших в 1878 г., Полонский добавлял, что их не было бы, "если бы общественные условия были несколько другие". "Расширение сферы общественной деятельности в России, — настаивал Полонский, — вызвало бы к жизни не разрушительные, а охранительные цели" (см.: *Стасюлевич.* Т. 1. С. 477). Полонский выступил резко против распространявшейся радикальными представителями молодого поколения точки зрения о том, что "одни насильственные перевороты могут создавать что-нибудь прочное", одновременно убедительно доказывая, что в России "реформы могут исходить сверху, истекать из сознания власти и являться все-таки прочными" (Там же. С. 481). «Русское общество уже вполне сознает, что необходимы дальнейшие меры для улучшения экономического быта народной массы, — писал в завершение январского обозрения за 1879 г. Полонский, — для поднятия финансовых средств и обеспечения кредита твердым контролем; что самому обществу необходимы исход из положения нравственно-тяжелого,

прекращение нравственных болезней, обновление жизни, которое отметет в сторону как мелочи разные нынешние "беспорядки", кажущиеся важными только по недоразумению, — что необходима, одним словом, дальнейшая расчистка пути для спокойного обеспечения монархической России в будущем — развития и благосостояния, как материального, так и еще более — нравственного» (Там же. С. 482).

[9] 18 (30) января 1879 г. республиканцы, располагавшие большинством голосов в Национальном собрании, потребовали от маршала Мак-Магона подписания декрета о смещении нескольких близких ему командиров корпусов французской армии. Мак-Магон не согласился с этим требованием и в тот же день подал в отставку. Президентом Франции стал Франсуа-Поль-Жюль Греви, занимавший до этого пост председателя палаты депутатов (см.: *ВЕ.* 1879. № 3. С. 435—436).

[10] См. письмо 5226, примеч. 2 и 9. О повести Л.Я. Стечькиной "Кривые деревья" (опубликована под заглавием "Варенька Ульмина") и возможности ее помещения в "Вестнике Европы" Тургенев впервые говорил со Стасюлевичем во время личной встречи в Париже, которая состоялась, по-видимому, 9 (21) сентября 1878 г. (см. письмо 5106 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1). В последующих письмах к Стасюлевичу он неизменно высоко отзывался о таланте начинающей писательницы и информировал о ходе ее работы по редактированию повести (Там же. № 5117, 5184, 5202). Рукопись Стечькиной Тургенев привез с собой в Москву, откуда отправил ее Стасюлевичу 27 февраля (11 марта) 1879 г. (см. письмо 5278).

[11] Отсутствие части переписки Золя и Стасюлевича за период с ноября 1878 по сентябрь 1879 г., а также письма Стасюлевича, на которое отвечает Тургенев, не позволяет установить, о чем должен был поговорить писатель с автором "Парижских писем". Возможно, Стасюлевич опасался, что Золя, активно включившийся в парижскую театральную жизнь и ставший постоянным сотрудником сразу нескольких французских газет ("Le Figaro", "La Réforme", "Le Voltaire", "La Rue"), начнет пренебрегать своими обязанностями корреспондента русского журнала, как вскоре и произошло. Несмотря на то, что за 1879 г. в "Вестнике Европы" было опубликовано 11 статей Золя, М.К. Клеман заключал: «Окончательное охлаждение редакции "Вестника Европы" к Э. Зола определилось в течение 1879 года. Стасюлевич предоставлял охотно своему парижскому корреспонденту страницы журнала для пропаганды натурализма, пока она не вызвала резких возражений в русской печати, но не считал возможным ввязываться из-за нее в серьезную журнальную полемику. С первых номеров "Вестника Европы" за 1879 год в переводе "Парижских писем" были изгнаны одиозные, по мнению редактора, термины "натурализм", "натуралистический", замененные привычными и почти нейтральными "реализм", "реалистический", а когда в ряде газетных и журнальных статей

стали появляться намеки, что редакция "Вестника Европы" во всем согласна с теориями, проповедуемыми Э. Зола и вытекающими из них критическими оценками, Стасюлевич поспешил отмежеваться от своего корреспондента» (*Клеман М.К.* Эмиль Зола — сотрудник "Вестника Европы" // Клеман М.К. Эмиль Зола. Сб. ст. Л., 1934. С. 298—299). См. также: *Montreynaud Fl.* La correspondance entre Zola et Stassioulevitch, directeur du "Messager de l'Europe" (Deuxième partie) // Cahiers naturalistes. 1974. № 47. P. 3—4. См. письмо к Стасюлевичу от 21 октября (2 ноября) 1879 г.

5235. Н.А. Щепкину (с. 30)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 254—255 об.

Впервые опубликовано: *РСт*. 1885. № 12. С. 603.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно. Оно было написано по завершении составления описи имущества в с. Тургенево или на следующий день, т.е. 10 или 11 января ст. ст. 1879 г. Вскоре после этого (не позднее 14 января ст. ст. 1879 г.) Щепкин отправился в Москву для наблюдения за описанием имущества в городском доме Н.С. Тургенева на Пречистенке. "...У меня до сего время ни одной минуты не было свободной, — замечал он по этому поводу 17 января ст. ст. 1879 г. в письме к жене С.Г. Щепкиной, — но наконец вчерась вечером всё окончили по описи движимости в доме. Маляревский был очень озадачен моим неожиданным приездом в Москву. — Но все-таки они очень хитры, успели заранее все обработать, но все-таки в доме довольно много оказалось мебели хорошей" (*ОГЛМТ.* Инв. № 312 оф. Л. 1—1 об.).

[2] См. № 39 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги". Просьба к М.М. Стасюлевичу заверить подпись вице-консула П.И. Рюмина и отправить доверенность Щепкину содержится в письме 5234.

[3] В письме к Тургеневу от 25 января ст. ст. 1879 г., подробно описав причитающееся ему по завещанию Н.С. Тургенева имущество (см. примеч. 5 к письму 5217), Маляревский сообщал: "Еще, помимо духовной и ни в какой описи не значащееся, переходит к Вам, говоря языком закона, *населенное имение Мценского уезда сельцо Долгое*, а попросту неполученная выкупная сумма, за вычетом из которой долга в Опекунский совет, очищается в пользу Вашу около 7000 руб. Выдача ссуды отказана в ноябре 1878 по той причине, что Долгое состоит в неразмежеванной между совладельцами даче, хотя они и владеют *ОСОБНЯКАМИ*. За долг Опекунскому совету из этих 7000 руб. бежит налогу по 82 коп. в день. — Если знать да уметь, как за дело взяться, можно кончить к зиме 1879 г. Об этих-то деньгах я интересовался хлопотать в Петербурге" (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 5 об.). В начале письма, объясняя свое отсутствие

в с. Тургенево во время предсмертной болезни Н.С. Тургенева и пребывание в Петербурге, Маляревский писал: "1-го января о грозящей опасности телеграфировано мне в Петербург, куда я с женою и дочерью выехал 24 декабря из Москвы и где семья моя предполагала прожить до весны, я же лично — похлопотать о разрешении выдачи ссуды за земельный надел крестьянам деревни Долгой, Мценского уезда, для чего и запасся рекомендательными письмами. Впрочем, об этом деле, как теперь лично касающемся Вас, я напишу подробнее в конце" (Там же. Л. 1 об.). Очевидно, отсутствие надлежащих документов на владение с. Долгим — Долгий Колодезь, Никулино тож, Мценского уезда Орловской губернии — было причиной, по которой оно не было упомянуто в завещании Н.С. Тургенева, а его смерть помешала Маляревскому оформить Долгое в собственность. Тургенев воспользовался советом Маляревского, и 17 августа ст. ст. 1879 г. Московский окружной суд по прошению, поданному 27 февраля ст. ст. 1879 г., утвердил его в правах наследства "после надворного советника Николая Сергеевича Тургенева в имении (с. Долгом. — *Ред.*), оставшемся без завещательного распоряжения" (см. копию определения Московского окружного суда: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 98—98 об.). Сам писатель на этом заседании не присутствовал, доверив вести свои дела Щепкину, которому 23 августа ст. ст. 1879 г. была выдана копия определения суда. Прогнозы Маляревского о возможности завершить дело зимой 1879 г., однако, не оправдались: начатое Орловским окружным судом 9 ноября ст. ст. 1879 г., оно затянулось до марта ст. ст. 1880 г. и закончилось введением Тургенева "во владение имением, заключающемся в крестьянском наделе при с. Долгом Мценского уезда в количестве 386 дес⟨ятин⟩" (Там же. Л. 110 об. Копии всех документов по этому делу см.: Там же. Л. 95—113). В ведомости расходов по имениям Тургенева с 1 октября 1879 г. по 12 марта 1880 г. указано: "Судебному приставу за ввод во владение по Долгому прогонных 34 р. 72 коп." (*ОГЛМТ.* Инв. № 201 оф. Л. 2). Здесь же отмечены затраты на "проезд управляющего в разное время по делу о вводе во владение по Долгому в Орел и в Долгое, на гербовые марки и переписку бумаг и на подарки чиновникам" в сумме 22 руб. 48 коп. (Там же). Считая, что Долгое братом продано, Тургенев, возможно, имел в виду деревню Долгую Козельского уезда Калужской губернии, которая также досталась Н.С. Тургеневу по наследству после смерти матери (см. копию раздельного акта между И.С. и Н.С. Тургеневыми: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 5).

[4] В духовном завещании Н.С. Тургенева село Сычево (Сычи) включено в перечисление движимого и недвижимого имущества под литерой "з": "в закладной крепости, выданной мне на сумму сто пятьдесят тысяч рублей надворным советником Порфирием Константиновичем Маляревским, совершенной 26 марта 1876 г. московским нотариусом Смиренским, утвержденной старшим нотариусом Орловского окружного суда 29 апреля того же года,

на землю Орловской губернии Мценского уезда село Сычи, Никольское тож" (*РГБ*. Ф. 306. Карт. 3. № 10. Л. 4). Таким образом, еще в 1876 г. Сычево было передано Н.С. Тургеневым Маляревскому, который, судя по сохранившимся письмам его к брату писателя, активно там хозяйничал. Что касается родового имения Тургенево, то оно было оформлено на имя жены Маляревского. В завещании оно числится под литерой "м": "в закладной крепости на имя мое от жены надворного советника Надежды Андреевны Маляревской в сумме ста пятидесяти тысяч рублей на недвижимое имение ее, заключающееся в крестьянских наделах и в свободной от надела земле Тульской губернии Чернского уезда в селе Тургеневе, сельце Слободке и хуторе Велевашеве, с мельницею и строениями, совершенной 13 сего ноября 1877 года чернским нотариусом Белобородовым, внесенной в актовую его книгу под № 30" (Там же. Л. 4 об. — 5).

[5] В Москву Тургенев приехал 14 (26) февраля 1879 г., в Спасском он в этот свой приезд в Россию не побывал.

[6] См. письмо 5229.

[7] О похоронах Н.С. Тургенева см. примеч. 10 к письму 5217.

[8] Письмо к П.К. Маляревскому Щепкиным адресату передано не было (см. письмо 5218 и примеч. к нему).

5236. Каролине Комманвиль (с. 32 и 195)

Печатается по тексту: *Tourguéniev/Flaubert*. P. 323—324, где письмо опубликовано по фотокопии; с исправлением некоторых неточностей. Местонахождение подлинника неизвестно. Письмо было продано на аукционе в Hôtel Drouot 1 июня 1970 г.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 161; в русском переводе — *Рус Мысль*. 1896. № 10. С. 77.

Датируется по содержанию, по связи с письмами 5239—5242 и на основании указанного дня недели. Во всех этих письмах речь идет о несчастном случае, произошедшем с Флобером 13 (25) января 1879 г.

[1] Эта телеграмма Тургенева неизвестна. О несчастном случае с Флобером, поскользнувшимся на замерзшей земле в своем саду в Круассе 25 января н. ст. 1879 г. и повредившим ногу (вывих и трещина малой берцовой кости), Тургенев мог узнать из сообщения "Le Figaro" от 28 января н. ст. 1879 г.: "Руан. 27 января. — Гюстав Флобер сломал ногу в своем имении в Круассе, открывая дверь друзьям, пришедшим навестить его" (№ 28. P. 3). Это сообщение особенно возмутило Флобера, не любившего выставлять напоказ свою частную жизнь. В ответном письме к Тургеневу от 30 января н. ст. 1879 г. он писал: «Поскольку "Figaro" имела глупость сообщить о том, что со мной случилось, все друзья мои всполошились,

и я вчера получил пятнадцать писем, а нынче — одиннадцать. Вот они, благодетельные плоды газетного дела. По какому праву моя нога становится собственностью Вильмессана? И ведь заметьте — он воображает, будто оказывает мне этим честь и делает мне приятное. А мне это сообщение было *неприятно в высшей степени.* Не люблю, чтобы публика проявляла "интерес" к моей *особе*» (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 222). Племяннице К. Комманвиль Флобер сообщал 27 января н. ст.: "В субботу я поскользнулся и получил *очень сильный вывих* с трещиной в берцовой кости. Однако нога не сломана" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 510—511).

[2] По-видимому, в не дошедшей до нас телеграмме Тургенев сообщал и Флоберу о своем скором приезде в Круассе, поскольку в ответном письме от 30 января н. ст. 1879 г. Флобер писал: "Нет, мой добрый старина, не приезжайте. Мне было бы слишком, слишком грустно вас отпускать; и, откровенно говоря, не стоит беспокоить себя ради двухчасового визита. Когда я буду в состоянии подниматься с постели и подолгу с вами беседовать, что, полагаю, произойдет недели через две, я вас позову, разумеется, если вы до тех пор не уедете в Россию" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 513—514). Тургенев все же навестил Флобера в Круассе до своего отъезда в Россию 22—23 января (3—4 февраля) 1879 г.

[3] По настоятельной просьбе Флобера не торопиться с приездом и не тратить лишние деньги, а также уверявшего, что он чувствует себя хорошо и за ним хорошо ухаживают, Комманвили отложили поездку в Круассе и в это время находились еще в Париже. Каролина выехала в Круассе 1 февраля н. ст. 1879 г. (см.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 516). Приехавший туда Тургенев застал супругов у Флобера.

5237. М.Г. Савиной (с. 32 и 195)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 853. Оп. 2. № 1285. Л. 24—24 об. Факсимиле см. также: Там же. Ф. 3102. Оп. 2. № 294. На подлиннике помета Савиной: «На телеграмму, посланную после 1-го представл⟨ения⟩ "Месяца в деревне" в бенефис 1879 г. М. Савина».

Впервые опубликовано: *Т и Савина.* С. 62—63 (факсимиле, на вклейке в иллюстрированной части тиража); в неточном переводе на русский язык — Театр и искусство. 1900. № 2. С. 31.

Датируется по содержанию и телеграфным пометам: "Принята с аппарата ⟨...⟩ 19/I-го 1879 г." и на обороте бланка: "Сдана рассыльному 19-го 2 часа".

[1] Первое представление пьесы "Месяц в деревне" в Александринском театре состоялось 17 января ст. ст. 1879 г. в бенефис Савиной, одновременно с первым представлением "Доброго барина" А.Н. Островского. В день представления газета "Биржевые

ведомости" поместила следующий анонс: «Сегодня назначен бенефис М.Г. Савиной. Говорят, что через несколько часов после того, как в афишах было о нем объявлено, все, за исключением небольшого числа кресел в первых рядах, было уже разобрано ⟨...⟩. У г-жи Савиной не было под рукой никакой новой пьесы, и она остановилась на пятиактной комедии И.С. Тургенева "Месяц в деревне", которая никогда еще не шла в Петербурге. За этой комедией будет следовать новая одноактная пьеса А.Н. Островского ⟨...⟩ По всей вероятности, нам снова придется быть свидетелями таких же оваций, каких г-жа Савина удостоилась на своем бенефисе в прошедшем году, — оваций, прибавим мы, вполне заслуженных, потому что нет почти ни одной новой пьесы, которая бы не была обязана ей главным образом успехом своим» (1879. 17 января. № 16. С. 2. Раздел "Театр и музыка"). В своих воспоминаниях "Мое знакомство с Тургеневым" Савина писала: «Пьесу сыграли — и она произвела фурор. Я имела огромный успех в роли Верочки — и она сделалась моей любимой, моим "созданием". Автора вызывали без конца, о чем я на другой день ему телеграфировала» (*Т и Савина.* С. 63). Телеграмма Савиной, на которую откликнулся Тургенев, неизвестна. Присутствовавший на премьере А.С. Суворин также высоко оценил исполнение Савиной, особо отметив, что сцена в 3-м действии, "где Наталья Петровна выспрашивает Верочку, исполнена была ею с такой поэзией правды, грации и задушевности, сама она представляла собою такую изящную фигуру, полную стыдливости, первой любви и первых, полусознаваемых восторгов, что я не знаю в ее репертуаре более совершенного, более глубокого исполнения" (*Н Вр.* 1879. 19 января. № 1039. С. 3). Записавший позднее воспоминания Савиной о первом представлении "Месяца в деревне" Ю.Д. Беляев отметил, что актриса и двадцать лет спустя помнила всех, кто играл в этом спектакле. Помнила она и о сложностях в подборе актеров: некоторые из них отказывались играть в пьесе, никогда не ставившейся на петербургской сцене. О своей роли она говорила: "Я вся отдалась роли и не играла Верочку, а священнодействовала. Или точнее — я ходила по облакам. Между мной и публикой был ток в этот вечер. Я чувствовала, что публика любит меня — Верочку за то, что я отдавала ей всю себя" (*Беляев Юр.* "Месяц в деревне" (Из воспоминаний М.Г. Савиной) // *Т и Савина.* С. 75). В январе 1879 г. "Месяц в деревне" шел еще дважды — 22 и 30 января ст. ст. Роль Верочки оставалась в репертуаре актрисы до 1892 г., всего же с 1879 по 1892 гг. она сыграла ее 31 раз (см.: *Т и Савина.* С. 107). Фотографию Савиной в роли Верочки (1879) см.: *Савина М.Г.* Горести и скитания: Записки. 1854—1877. Л.; М., 1961, на вклейке между с. 112 и 113. О Савиной — Верочке см. подробно: *Шнейдерман.* С. 114—120. Помимо М.Г. Савиной, в спектакле были задействованы: Н.Ф. Сазонов (Ислаев), А.И. Абаринова (Наталья Петровна), А.С. Полонский (Ракитин),

М.М. Петипа (Беляев), К.А. Варламов (Большинцов) и др. "...Вспоминается то время, когда Верочку играла Савина, — писал впоследствии Ф.Д. Батюшков, — костюм и манеры ее не запоминались; выбегала она в коротком платьице, кажется с фартучком, как одевались девочки-подростки ⟨...⟩ но помню, до сих пор помню это брызжущее весельем и молодостью личико, лучистые глаза, быстрые переходы от непринужденной резвости расшалившейся девочки к вынужденной сдержанности, вследствие замечаний тетки; и эти первые проблески зарождающегося чувства в сцене с Беляевым, и опьянение страстью, и постепенное перерождение из девочки в женщину, в один день после испытанных разочарований" (*Батюшков Ф.* Тургенев и Островский на сцене Московского Художественного театра // Современный мир. 1910. № 5. Отд. 2. С. 95). См. также: *Гроссман Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1928. Т. 3: Тургенев. С. 230—231.

5238. Л.Я. Стечькиной (с. 32)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 39—41.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным*. С. 17.

[1] Это письмо Тургенева является ответом на письмо Стечькиной к нему от 8 (20) января 1879 г., в котором она писала: «Посылаю Вам первую часть моего романа и листок с несколькими заглавиями, которыми предполагается заменить "Кривые деревья"» (*ИРЛИ*. № 5837. Л. 1. См.: *Т сб.* Вып. 3. С. 378—380. Публ. Г.В. Степановой). См. также примеч. 7 к письму 5226.

[2] Тургенев приводит заглавия романов Ч. Диккенса (1838), Джордж Элиот (1859), романа в стихах А.С. Пушкина (1833) и романа Л.Н. Толстого (1878).

[3] Тургенев выехал в Россию 3(15) февраля 1879 г. М.М. Стасюлевичу он переслал полный текст романа из Москвы 27 февраля (11 марта) (см. письмо 5278, а также примеч. 9 к письму 5226), а до этого ознакомил Стечькину с замечаниями П.В. Анненкова. См. письмо 5264.

[4] В деревню, т.е. в Спасское, писатель на этот раз не смог выбраться и попросил Стечькину приехать для встречи с ним в Москву. См. примеч. 2 к письму 5264.

[5] "Пожалуйста, если найдете время, поправьте язык в первой части", — просила Стечькина Тургенева в письме от 8 (20) января 1879 г. (*Т сб.* Вып. 3. С. 378).

5239. Гюставу Флоберу (с. 34 и 196)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 157—158. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 151—152; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 10. С. 68.

Датируется по содержанию, связи с письмами 5236, 5242 и указанию дня недели.

[1] Тургенев отвечает на письмо Флобера от 30 января н. ст. 1879 г., в котором тот просил повременить с визитом, отложив его до того времени, когда он будет "в состоянии подниматься с постели и подолгу 〈...〉 беседовать" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 513—514). «А знаете, я сломал себе "лапу" спустя пять минут после того, как прочел ваше письмо, в котором вы рекомендовали мне ходьбу!!! Не смешно ли? — прибавлял он далее, вспоминая совет Тургенева, данный в письме от 12 (24) января (№ 5224). — Теперь я смогу ходить не раньше полутора-двух месяцев и долго еще буду хромать» (Ibid. P. 514). Тургенев выполнил свое обещание и навестил Флобера в Круассе 22—23 января (3—4 февраля). В Россию он отправился лишь 3 (15) февраля.

[2] Эта телеграмма Тургенева неизвестна. См. письмо 5236 и примеч. к нему.

[3] Об отношениях Флобера и П. Виардо см.: *Заборов П.Р.* Тургенев в письмах П. Виардо к Г. Флоберу // *Т сб.* Вып. 2. С. 372—377; *Zviguilsky A.* Une correspondance entre Flaubert et Pauline Viardot // *Cahiers.* № 4 (1980). P. 73—75.

[4] См. письмо 5236 и примеч. 1 к нему. Ответное письмо К. Комманвиль, которое упоминает Тургенев, неизвестно.

[5] См. письмо 5236, примеч. 1.

[6] Тургенев собирался убедить Флобера принять должность хранителя Библиотеки Мазарини (Bibliothèque Mazarine). См. примеч. 2 к письму 5242.

5240. Эмилю Золя (с. 35 и 196)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 24524. F. 218.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. T. 6. № 17 (Mai). P. 441, между письмами к Флоберу от 19 (31) января и 23 января (4 февраля) 1879 г., с предположительной датой "Суббота 1879 г.", т.е. 20 января (1 февраля) 1879 г.; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 6. С. 246, с расширенной датировкой "1879". В *ПССиП(1). Письма* (Т. XII. Кн. 2. № 4747) опубликовано с датой: 25 января (6 февраля) 1879 г.

Датируется предположительно, на следующих основаниях. Датировать письмо периодом между 25 января (6 февраля) и 3 (15) февраля 1879 г. (датой отъезда Тургенева в Россию), как

предлагалось ранее, не представляется возможным. 1) Тургенев упоминает о том, что уезжает вечером, тогда как в Россию он отправлялся утром (см. письмо 5255). 2) Известное нам письмо Золя от 6 февраля н. ст. 1879 г. не содержало ничего, что могло быть "чертовски неприятно", как пишет Тургенев, в нем была лишь просьба повременить с намеченными визитами к Ж. Ферри или Ф. Бодри, о чем договаривались ранее (см.: *Zola. Corr.* Т. 3. P. 290). Письмо Тургенева к Г. Флоберу от 26 января (7 февраля) 1879 г. (№ 5244) также свидетельствует о том, что в это время Тургенев ожидал, когда будет решено действовать. Следовательно, принятая в *ПССиП(1). Письма* датировка — 25 января (6 февраля) 1879 г. — не вполне обоснованна. 3) Дата 27 января (8 февраля) 1879 г., предложенная Ф. Монрейно (Cahiers naturalistes. 1978. № 52. P. 228), может быть отклонена на том основании, что Тургенев упоминает о завтрашнем отъезде и о том, что собирается навестить Флобера, а поскольку поездка к Флоберу состоялась 22 января (3 февраля), в понедельник, логично предположить, что данное письмо написано накануне, т.е. в субботу, 20 января (1 февраля) 1879 г.

[1] Письмо Золя, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

[2] Очевидно, речь идет о поездке к Флоберу в Круассе, имевшей место 22 января (3 февраля) 1879 г. О цели поездки см. примеч. 2 к письму 5242.

[3] Во время свидания утром 22 января (3 февраля) 1879 г. Золя, возможно, предупредил Тургенева о неожиданных препятствиях, возникших в связи с предполагаемым назначением Флобера на должность хранителя Библиотеки Мазарини (см. письмо 5244 и примеч. 5 к нему).

[4] По поводу выработанных друзьями Флобера мер содействия в его назначении хранителем Библиотеки Мазарини см. примеч. 2 к письму 5243.

5241. В.А. Соллогубу (с. 35)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 453. Оп. 1. № 1601. Л. 11.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма*. Т. XII. Кн. 2. С. 26.

Датируется по содержанию и указанному дню недели. 18 (30) января 1879 г. Тургенев узнает о несчастном случае с Флобером, а в письме 5239 сообщает о намерении приехать в понедельник, т.е. 22 января (3 февраля). Это намерение Тургенев осуществил (см. письмо 5242). Воскресенье, которым помечено датируемое письмо, приходится на 21 января (2 февраля) 1879 г.

[1] О несчастном случае, произошедшем с Г. Флобером 25 января н. ст. 1879 г., см. примеч. 1 к письму 5236. Тургенев навестил его в Круассе 22—23 января (3—4 февраля).

[2] О смерти Н.С. Тургенева и необходимости поездки в Россию для вступления в наследственные права см. письма 5217, примеч. 1, 5223, примеч. 5, 5234, 5235 и 5269.

[3] Поселившись в Париже после второй женитьбы, Соллогуб часто устраивал обеды и вечера, на которых собирался "довольно обширный кружок русских и иностранцев-приятелей. Ханыков, Тургенев, Григорович, когда он бывал в Париже, были ⟨...⟩ усердными завсегдатаями" (*Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Чистовой. Л., 1988. С. 510).

5242. Эмилю Золя (с. 36 и 197)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 24524. F. 203.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. T. 6. № 17 (Mai). P. 441—442; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 6. С. 246—247.

Датируется по содержанию и сопоставлению с письмами 5239, 5244, 5247, 5249 и др. Письмо написано сразу же по возвращении писателя из Круассе в Париж, т.е. во вторник 23 января (4 февраля) 1879 г. Пометив письмо "понедельником", Тургенев ошибся: в понедельник он был еще в Круассе.

[1] О несчастном случае, произошедшем с Г. Флобером 25 января н. ст. 1879 г., см. примеч. 1 к письму 5236.

[2] После того как стало известно о смертельной болезни хранителя Библиотеки Мазарини С. де Саси, который занимал эту должность с 1836 г., друзья Флобера (Тургенев, Золя, Тэн, супруги Шарпантье), уже давно с тревогой следившие за состоянием его денежных дел, решили начать хлопоты о предоставлении ему этого места. Еще раньше Э. Гонкур безуспешно пытался добиться для Флобера места хранителя библиотеки в Компьене (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 249, note 8). Направляясь в Круассе, Тургенев должен был убедить Флобера принять должность хранителя Библиотеки Мазарини. Он приехал в Круассе 22 января (3 февраля) 1879 г. и уехал оттуда на следующий день. Поначалу Флобер решительно отказывался принять эту должность. 10 января н. ст. 1879 г. он писал И. Тэну: "Не могу выразить, до какой степени я растроган вашими дружескими намерениями. Но место бедного старика де Саси мне не подходит, и вот почему. / Я был бы тогда вынужден жить в Париже по меньшей мере восемь месяцев в году. С теми тремя тысячами, которые я бы там получал, я оказался бы беднее, чем теперь, ибо в деревне жить дешевле. Правда, квартира меня прельщает. Но согласиться было бы безумием, я сдох бы там с голоду. Уж лучше как можно дольше оставаться в своей хижине, а в Париж приезжать лишь иногда. И потом, я питаю глупое, но *непреодолимое* отвращение ко всякой государственной службе, в чем бы она ни состояла" (*Флобер.*

Статьи. Письма. Т. 2. С. 219. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 496). Лишь после разговора с Тургеневым Флобер утром 23 января (4 февраля) дал свое согласие. На следующий день, 5 февраля н. ст. 1879 г., он написал Тургеневу: "Я упрятал в карман свою дурацкую гордыню и соглашаюсь. Ибо прежде всего, не следует подыхать с голоду, нет ничего глупее, чем подохнуть подобным образом. / Теперь я очень хотел бы знать, что из этого получится и могу ли я *рассчитывать* на это место. ⟨...⟩ своим здравым решением я обязан вашим ласковым уговорам" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 222). Через несколько дней он писал: "Теперь, когда вы меня уговорили, мне уже *хочется* получить это место, одна мысль о котором вызывала мое негодование. Но поскольку я этого хочу, боюсь, мне его не видать" (Там же. Письмо от 13 февраля н. ст. 1879 г.). В том же письме Флобер высказывал беспокойство, что с отъездом Тургенева в Россию некому будет "наблюдать за погодой": "Кто сразу отправится к Гамбетте, чтобы он сказал свое слово?" (Там же. С. 223). Позднее (22 февраля н. ст. 1879 г.) Флобер описал визит Тургенева своей племяннице следующим образом: «Когда вы (супруги Комманвиль. — *Ред.*) уехали, Тургенев принял торжественный вид и заявил мне: "Гамбетта просил узнать, согласитесь ли вы занять место г-на де Саси. Восемь тысяч франков и квартира. Ответ нужен немедленно!". Он так красноречиво и так любовно (и это еще слабо сказано) меня уговаривал — причем Лапорт все время ему подпевал, — что сумел побороть то отвращение, которое я питаю ко всякой службе! Мысль о том, что я был бы вам тогда меньше в тягость, в сущности, окончательно меня убедила. И после бессонной ночи я сказал Тургеневу: "Действуйте"» (Там же. С. 224—225. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 552—553).

[3] Эта телеграмма Тургенева неизвестна, однако она существовала, поскольку Флобер поблагодарил за нее Тургенева в письме от 5 февраля н. ст. 1879 г. В письме к К. Комманвиль от 22 февраля н. ст. 1879 г. Флобер сообщал, что сутки спустя после визита Тургенева, который сначала назвал сумму в восемь тысяч франков (и квартиру в Париже), им было прислано письмо с сообщением, что в действительности сумма жалованья хранителя библиотеки составляет шесть тысяч, в следующем письме было названо уже четыре тысячи (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 225. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 553). О посланной Флоберу телеграмме писал и Золя (см. примеч. 5 к наст. письму).

[4] Письмо Золя неизвестно. Тургенев ошибся: жалованье хранителя Библиотеки Мазарини должно было составить лишь шесть тысяч франков. Об этом, вероятнее всего, и писал ему Золя. О получении письма от Тургенева Флобер сообщал позже К. Комманвиль (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 553. Письмо от

22 февраля н. ст. 1879 г.). Флобер согласился и на эти условия (см. письма 5243 и 5244).

[5] Золя последовал совету Тургенева и уточнил сумму жалованья у Маргариты Шарпантье, которой писал 5 февраля н. ст. 1879 г.: "Я действительно виделся с Тургеневым, приехавшим из Круассе. Ему удалось сильно поколебать Флобера, который, прежде чем сказать окончательное да, хотел бы знать сумму жалованья, положенного за эту должность. Тургенев только что ему телеграфировал, что жалованье составляет шесть тысяч франков, и он ожидает согласия Флобера, которое может дойти до Парижа лишь завтра или послезавтра. Возможно, это будет отказ; но в таком случае можно будет вернуться в Руан и постараться убедить нашего друга. / Таким образом, мое желание состоит в том, чтобы вы действовали немедленно и решительно. Проясните ситуацию для Флобера, в особенности относительно того, действительно ли жалованье составляет шесть тысяч, не считая квартиры" (*Zola. Corr.* T. 3. P. 289). Супруги Шарпантье принимали большое участие в хлопотах о месте хранителя Библиотеки Мазарини для Флобера: в частности, они вели переговоры с Гамбеттой. В одном из писем М. Шарпантье сообщала Золя об обещании Гамбетты предоставить Флоберу первое же освободившееся место (см.: Ibid., note 1).

5243. Эмилю Золя (с. 36 и 197)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 24524. F. 210.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. T. 6. № 17 (Mai). P. 442; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 6. С. 247.

Датируется по содержанию. Ведя переговоры с Флобером о месте хранителя Библиотеки Мазарини, Тургенев назвал неверную сумму жалованья (см. письмо 5242 и примеч. к нему). Комментируемая записка написана после получения согласия Флобера на новые условия. Ближайший к 23 января (4 февраля) четверг — 25 января (6 февраля) 1879 г.

[1] Об этом письме Флобера к Тургеневу от 5 февраля н. ст. 1879 г. (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 520) см. также примеч. 2 к письму 5242. Соглашаясь на предложение занять должность хранителя Библиотеки Мазарини, Флобер писал: "Теперь я очень хотел бы знать, что из этого получится и могу ли я *рассчитывать* на это место. Боюсь, как бы у Ферри не оказалось своих кандидатов и они, узнав об этом, не обошли бы меня. Постарайтесь до своего отъезда каким-либо способом сообщить мне, в какой мере я могу надеяться" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 222. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 520). Опасения Флобера по поводу возможных кандидатов у назначенного 4 февраля н. ст. 1879 г. министром

народного просвещения Ж. Ферри, сменившего на этом посту старого знакомого писателя А. Барду, подтвердились. См. примеч. 2 к наст. письму и примеч. 5 к письму 5244.

[2] Назначенная встреча действительно состоялась в этот день — 25 января (6 февраля) 1879 г. Как свидетельствуют письма Э. Золя к Тургеневу от 6 февраля и Тургенева к Флоберу от 13 февраля н. ст. 1879 г. (см. письмо 5253), во время этой встречи обсуждался вопрос о том, чтобы Тургенев ходатайствовал за Флобера перед новым министром народного просвещения Ж. Ферри, перед Ф. Бодри или самим Л. Гамбеттой. Возможно, подобные варианты обсуждались Тургеневым накануне с Флобером в Круассе (см. примеч. 1 к наст. письму). Однако после встречи с Тургеневым Золя обратился за советом к М. Шарпантье, и она отсоветовала предпринимать какие-либо шаги до получения окончательного ответа от Л. Гамбетты. "Все зависит от Гамбетты, — писал Золя 6 февраля н. ст. 1879 г. — Если он пообещает, опасно будет на следующий день идти к г. Бодри. Если не пообещает, ваш демарш будет безнадежным. Подождите, пока я не напишу вам; госпожа Шарпантье скажет мне, что нам нужно делать. / В случае если вы будете писать Флоберу, скажите ему, что нечто определенное может быть только после того, как место освободится" (*Zola. Corr.* T. 3. P. 290).

5244. Гюставу Флоберу (с. 37 и 198)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 159. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 685; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 28.

Датируется по содержанию, связи с письмами 5242, 5243 и указанному дню недели.

[1] Существуют указания на не дошедшую до нас телеграмму Флобера к Тургеневу от 5 февраля н. ст. 1879 г., о которой Флобер сообщал Тургеневу в письме от того же дня: "Спасибо за вашу телеграмму, мой дорогой друг. Я тоже послал вам депешу, которую вы получите раньше этой записки" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 222. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 520). В том же письме Флобер писал, что "упрятал в карман свою дурацкую гордыню" и согласен принять место хранителя в Библиотеке Мазарини (Ibid.). См. также примеч. 2 к письму 5242. Говоря о двух полученных письмах Флобера, Тургенев, по-видимому, имеет в виду приведенное выше письмо и неизвестную телеграмму.

[2] См. письма 5242, 5243 и примеч. к ним.

[3] См. письмо Флобера к Тургеневу от 5 февраля н. ст. 1879 г. (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 222, а также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 520), а также примеч. 2 к письму 5242 и примеч. 1 к письму 5243.

[4] Флобер беспокоился, что с отъездом Тургенева хлопоты по его делу прекратятся (см. примеч. 2 к письму 5242). Отвечая на данное письмо, он признался 8 февраля н. ст. 1879 г., что мысль о том, что ради него Тургенев откладывает свою поездку в Россию, его "угнетает" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 524). Тургенев отложил свой отъезд сначала до понедельника 29 января (10 февраля) (см. письма 5245, 5246), потом до четверга, но из-за простуды уехал лишь в субботу, 3 (15) февраля.

[5] Возможно, сведения о том, что Ф. Бодри является зятем Ж. Сенара (он был женат на его дочери Люсиль), а Сенар, в свою очередь, близок к только что образовавшемуся министерству В.-Г. Ваддингтона, к формированию которого оказался причастен, Тургенев получил от Э. Золя накануне, во время встречи 6 февраля н. ст. 1879 г. (см. письмо 5243, примеч. 2). Место хранителя Библиотеки Мазарини, по ходатайству Сенара, было отдано его зятю Ф. Бодри, служившему в то время библиотекарем в Арсенальной библиотеке, о чем Флобер писал своей племяннице Каролине 22 февраля н. ст. 1879 г. В том же письме Флобер излагал содержание письма к нему самого Бодри, считая, что "сей лицемер разоблачает себя в нем полностью" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 225. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 553). Отвечая Тургеневу, Флобер признавался 8 февраля н. ст. 1879 г.: "Более чем когда-либо я решился не жертвовать собой ради этого распрекрасного г. Бодри" (*Ibid.* Т. 5. P. 524), а в письме от 14 февраля н. ст., радуясь, что "в своем усердии" Тургенев не добрался до Бодри, он писал: "... Бодри ⟨...⟩ ведет себя со мной как настоящая свинья. Будучи совершенно свободным в отношении него, я по крайней мере смогу высказать ему свое мнение на этот счет" (Ibid. P. 539). Негодование Флобера усугублялось тем фактом, что Бодри был его другом детства, а Сенар — адвокатом, выступившим в качестве защитника на процессе по "Госпоже Бовари" (см.: *ЛН.* Т. 31—32. С. 686, примеч. 3 к письму 12. Публ. М.К. Клемана). Некоторое время спустя (в конце мая н. ст. 1879 г.) Флобер все же получил должность внештатного хранителя Библиотеки Мазарини (см.: *Descharmes R.*, *Dumesnil R.* Autour de Flaubert. Paris, 1912. Vol. 2. P. 172). См. также примеч. 1 к письму 5370.

[6] Сведения о том, что Л. Гамбетта сочувственно относится к делу Флобера, Тургенев мог получить от М. Шарпантье через Золя, см. примеч. 2 к письму 5243.

[7] Имеется в виду несчастный случай с Флобером, сломавшим ногу в своем имении Круассе, см. об этом примеч. 1 к письму 5236.

[8] Очевидно, Тургенев познакомился с близким другом Флобера Э. Лапортом во время своего приезда в Круассе 3—4 февраля н. ст.

1879 г. Ранее Лапорт, находясь среди нескольких приглашенных в Круассе, оказался одним из первых на месте происшествия с Флобером, случившегося 25 января н. ст. 1879 г. (см. примеч. 1 к письму 5236). Будучи сведущ в медицине, он оказал писателю первую помощь, в дальнейшем постоянно навещал его и даже оставался на ночь, о чем Флобер сообщал своим близким, называя его иногда "сестрой ⟨милосердия⟩" (см., например, письма к К. Комманвиль от 27, 30 января и 6 февраля н. ст. 1879 г.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 511, 512, 522). Из письма Флобера к племяннице от 22 февраля н. ст. следует, что Лапорт горячо поддержал Тургенева, уговаривавшегося его во время визита в Круассе согласиться на должность хранителя Библиотеки Мазарини (см.: *Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 224. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 552). Лапорт пытался предотвратить разорение Комманвилей, одолжив им значительную сумму. Получив первоначально неполное медицинское образование, он оказался незаменимым помощником в подборе материалов по медицине и естественным наукам для романа "Бувар и Пекюше". В дальнейшем, в связи с продолжавшимися финансовыми неприятностями Комманвилей, отношения Флобера и Лапорта испортились, хотя до конца дней последний хранил добрую память о писателе (см.: *Andrieu L.* L'ami de Flaubert: Edmond Laporte (1832—1906) // Les amis de Flaubert. 1976. № 49).

[9] См. письмо 5247.

5245. Л.Я. Стечькиной (с. 37)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 42—44.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 18—19, с постскриптумами от письма к Стечькиной от 25 февраля (9 марта) 1879 г. (№ 5275).

[1] Имеется в виду повесть Стечькиной "Варенька Ульмина", первую часть которой Тургенев получил 19 (31) января 1879 г. (см. письмо 5238 и примеч. к нему; вторая часть была ему отослана еще в 1878 г.) с ее просьбой "поправить язык" (см.: *Т сб.* Вып. 3. С. 378).

[2] У Тургенева ошибка: Верочка вместо Варенька.

[3] Эти планы нарушились в связи с участием Тургенева в делах Флобера, см. письмо 5244 и примеч. 4 к нему. В Петербург писатель приехал 8 (20) февраля и задержался там почти на неделю. В Москве он оказался лишь 14 (26) февраля. Оттуда 27 февраля (11 марта) он и отправил Стасюлевичу обе части романа, рукопись которого привез с собой из Парижа (см. письмо 5278, а также примеч. 9 к письму 5226).

[4] В этот приезд Тургенев не смог побывать в Спасском, со Стечькиной он увиделся в Москве (см. примеч. 2 к письму 5264).

[5] Будучи проездом в Брюсселе, Тургенев познакомил Анненкова с романом Стечькиной и позднее сообщил ей его замечания (см. письмо 5264).

5246. Н.А. Щепкину (с. 38)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 256—256 об.

Впервые опубликовано: *РСт*. 1886. № 3. С. 604.

[1] Письмо Щепкина неизвестно. Оно было написано после возвращения Щепкина из Москвы, где он присутствовал при описании имущества покойного Н.С. Тургенева в его московском доме на Пречистенке (см. примеч. 1 к письму 5235), а также на похоронах, состоявшихся 17 января ст. ст. 1879 г.

[2] Имеется в виду письмо 5218.

[3] См. письмо 5235.

[4] В Москву Тургенев приехал позже, 14 (26) февраля 1879 г., см. примеч. 3 к письму 5245.

[5] Тургенев телеграфировал Щепкину из Петербурга 9 (21) февраля 1879 г. (см. письмо 5259), а 10 (22) февраля просил его приехать к 14 (26) февраля в Москву, куда планировал прибыть к этому времени (см. письмо 5261). По всей видимости, именно в этот день и состоялась его первая встреча с управляющим у И.И. Маслова, где писатель остановился. См. примеч. 1 к письму 5260, а также примеч. 4 к письму 5261.

[6] Имеется в виду доверенность на имя Н.А. Щепкина на ведение всех дел, связанных с вступлением в наследство, оставленное по завещанию братом писателя Н.С. Тургеневым. Она была заверена Тургеневым 17 (29) января 1879 г. в генеральном консульстве в Париже и удостоверена при посредстве М.М. Стасюлевича печатью Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел 21 января (2 февраля) 1879 г. (см. № 39 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги", а также примеч. 7 к письму 5228 и письмо 5234). Этой доверенности, однако, оказалось недостаточно, и в Петербурге Тургенев вынужден был оформить новую (см. № 41 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"). См. также примеч. 4 к письму 5293.

5247. Гюставу Флоберу (с. 40 и 198)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 160. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН*. Т. 31—32. С. 686; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма*. Т. XII. Кн. 2. С. 30.

Датируется по связи с письмом 5244 и указанному дню недели.

[1] Говоря "мы", Тургенев имеет в виду прежде всего себя, Э. Золя и супругов Шарпантье, через которых получались сведения о продвижении дела Флобера по линии Л. Гамбетты (см. примеч. 2 к письму 5243). Заболевшая Маргарита Шарпантье не смогла участвовать в деле непосредственно и получать сведения из первых рук, однако взяла на себя роль руководителя действиями всех заинтересованных лиц. Так, 7 февраля н. ст. 1879 г. она известила Золя о том, что передала Гамбетте письмо и что ее муж Жорж советует подождать до воскресенья, надеясь на случайную встречу с Гамбеттой (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 291—292, note 1). Очевидно также, что она преувеличивала решимость политика назначить Флобера хранителем Библиотеки Мазарини в случае смерти С. де Саси (ср. письмо 5244 и примеч. к нему). Однако "завтра", т.е. 10 февраля н. ст. 1879 г., Тургенев получил от Золя письмо М. Шарпантье (от 9 февраля н. ст. 1879 г.), в котором она сообщала, что ее мужу не удалось повидаться с Гамбеттой, вследствие чего Тургеневу предлагалось действовать по своему усмотрению. Кроме того, М. Шарпантье советовала оставить идею с местом хранителя Библиотеки Мазарини и попытаться получить для Флобера освободившееся после смерти Ж.-А. Шмидта место помощника директора Национальной библиотеки с бóльшим окладом. В сопровождавшей это письмо записке Золя по сути предлагал действовать в том же направлении (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 293). Подобный поворот событий удивил Тургенева. Получив означенные письма, он, очевидно, в тот же день, т.е. 10 февраля н. ст. 1879 г., отправился прямо в президентский дворец для встречи с Гамбеттой, однако не был принят и встретился с его секретарем Арно, пообещавшим дать ответ на следующее утро. Утром 11 февраля н. ст. 1879 г., не получив ответа от секретаря Гамбетты, Тургенев отправился к его матери, г-же Арно, с той же просьбой, но здесь его встретил холодный прием. Тем не менее, вернувшись домой, он написал Гамбетте (письмо неизвестно) и вечером отнес это письмо к г-же Арно с просьбой передать его через сына по назначению. Однако и данная попытка связаться напрямую с Гамбеттой не увенчалась успехом: на следующее утро, 12 февраля н. ст. 1879 г., он узнал, что его письмо осталось без ответа. Получив в тот же день, 12 февраля н. ст., приглашение от Ж. Адан, он отправился в ее салон (см. письмо 5251 и примеч. к нему). Судя по тому, как сложились обстоятельства встречи с Л. Гамбеттой 12 февраля н. ст. в салоне Ж. Адан, Тургенев не воспользовался последним предложением Золя и М. Шарпантье и не упомянул об освободившемся месте Ж.-А. Шмидта в Национальной библиотеке.

[2] В действительности Тургенев выехал в Россию в субботу, 3 (15) февраля 1879 г. (см. письмо 5255). В *Летописи (1876—1883)* (С. 240) дата отъезда указана неверно: 2 (14) февраля.

[3] Догадываясь о трудностях, с которыми столкнулись его друзья в своих хлопотах, Флобер в письме к Тургеневу от 8 февраля н. ст. 1879 г. посоветовал ему обратиться за помощью к "г-же Адан, приятельнице Гамбетты, и к г-же Пелуз, приятельнице Ж. Греви", с которыми у него были "превосходные отношения" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 524).

[4] Тургенев воспользовался подсказкой Флобера и обратился письменно к Ж. Адан (письмо неизвестно), которая ответила ему 12 февраля н. ст. 1879 г. См. письмо 5251 и примеч. 4, 7 к нему.

[5] "Если бы мне удобно было писать в кровати, я бы объяснил вам, почему не могу обратиться прямо к г-же Пелуз, — отвечал на это предложение Флобер 10 февраля н. ст. 1879 г. — Рекомендовать поговорить с нею, да. Но просить о чем-либо мне самому, нет" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 526). Флобер не хотел лично обращаться к помощи владелицы замка Шенонсо Маргарите Пелуз, у которой он несколько раз гостил и которая в 1878 г. одолжила 50 000 франков мужу его племянницы Э. Комманвилю для поправления его дел, однако он хорошо знал о приятельских отношениях г-жи Пелуз с избранным 30 января н. ст. 1879 г. первым президентом Франции Ж. Греви (вскоре его дочь Алиса вышла замуж за брата М. Пелуз Даниэля Вильсона). В письме к К. Комманвиль от 29 мая н. ст. 1878 г. Флобер высказывал недовольство тем, что М. Пелуз не отвечала на письма его племянницы, и советовал не писать ей (см.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 387—388). Сведений о том, пытался ли Тургенев обратиться к г-же Пелуз, обнаружить не удалось.

[6] Об улучшении состояния здоровья С. де Саси Тургенев мог узнать из письма Э. Золя от 6 февраля н. ст. 1879 г. (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 290). "Вот увидите, — иронизировал в ответном письме от 10 февраля н. ст. 1879 г. Флобер, — папаша Саси поправится, а если он и не выздоровеет, то место все равно будет отдано другому. Меня преследует несчастье" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 526). С. де Саси умер 14 февраля н. ст. 1879 г.

[7] В письме от 8 февраля н. ст. 1879 г. Флобер сообщил, что заказал пару костылей и собирается опробовать их во вторник (см.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 524).

5248. Редактору "Биржевых ведомостей" ("Молвы") (с. 41)

Печатается по тексту первой публикации: Молва. 1879. 1 февраля. № 31. С. 1, в разделе "Мимоходом". Публикация предварялась следующим редакционным примечанием: «Читатели, вероятно, помнят нашу заметку, вызванную тем, что И.С. Тургенев, говоря

о сокращениях, сделанных в его комедии "Месяц в деревне", ссылался на нашу газету. В настоящее время мы получили от него следующее письмо ⟨...⟩». Завершалась публикация также комментарием от редакции: "Желательно было бы, чтобы наши доморощенные Шекспиры, снабжающие своими произведениями бенефициантов Александринского театра, взяли себе в этом случае знаменитого романиста за образец и не считали каждой строчки своей святыней, к которой никакая посторонняя рука не должна сметь прикоснуться". Редактором газеты был В.А. Полетика. Подлинник неизвестен, однако сохранился черновик письма:

М⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩,

Вслед⟨ствие⟩ заявления Вашего в

по поводу моего письма в "Рус⟨скую⟩ п⟨равду⟩" [мне остается] спешу извиниться перед Вами: слух о сокращении (*было*: сокращениях — *Ред.*) [сов] "М⟨есяца⟩ в д⟨еревне⟩" был [мной] вычитан мною в "Н⟨овом⟩ в⟨ремени⟩" (№ ...), и имя "Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩" [было мною поставлено] попало мне под перо ошибкой. — Что же касается до г-на К⟨рылова⟩ — если точно *он* взял на себя труд необходимых сокр⟨ащений⟩, то ввиду неожиданного успеха комедии, мне остается только сожалеть о том, что он не строго отнесся к ней и не выкинул (*было*: не довольно выкинул и — *Ред.*) также те длинноты, [которые ему угодно было сок⟨ратить⟩] на которые [в ней] [он счел] указывает Ваша рецензия

(*Bibl Nat.* Slave 80. F. 25; см.: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b105222003/f85.item).

Датируется предположительно периодом между выходом в свет номера газеты "Биржевые ведомости" от 22 января (3 февраля) 1879 г. с редакционной заметкой, на которую отвечает Тургенев, и выходом в свет номера "Молвы" с текстом данного письма. При этом верхняя и нижняя границы письма устанавливаются на том основании, что обычное время доставления корреспонденции составляло около трех дней.

В собрание сочинений впервые включено: *Т. Соч (1929—1934).* Т. 12. С. 403. В *ПССиП(1)* включено в состав Сочинений (Т. XV. С. 179).

[1] Данное письмо было вызвано заметкой в № 22 газеты "Биржевые ведомости" от 23 января ст. ст. (подпись: "*Ред.*"), опровергавшей сведения из письма Тургенева, напечатанного в газете "Русская правда" (см. письмо 5231). Перепечатав письмо Тургенева из "Русской правды", редакция "Биржевых ведомостей" заявляла: «Так как И.С. Тургенев ссылается в своем письме на нашу газету, из которой он будто бы узнал, что его пьесу переделал г. В. Крылов и что из пяти актов его комедии вышло всего три, то мы считаем нужным заметить, что тут, очевидно, произошло какое-то недоразумение: в нашей газете никогда, ни до бенефиса, ни после него, не было названо имя лица, принявшего на себя произвести купюры

в комедии г. Тургенева, а равным образом нигде и никогда не было сказано, чтобы под рукою этого лица пять актов превратились в три». В подтверждение сказанного редакция ссылалась на два упоминания в газете о бенефисе и приводила их: один раз до спектакля (в номере от 17 января ст. ст.), второй — через день после него (в номере от 19 января ст. ст.). "Очевидно, — говорилось в заключение, — что почтенный наш романист был введен в заблуждение каким-нибудь неверным слухом о том, будто для постановки на сцене комедия его превратилась из пятиактной в трехактную; но он несомненно ошибается, приписывая сообщение этого слуха и имени переделывателя нашей газете" (*Бирж Вед.* 1879. 23 января. № 22. С. 2. Раздел "Хроника").

[2] В номере "Нового времени", на который ссылается Тургенев, было помещено краткое сообщение: «Сегодня мы прочли в "Петербургском листке" слух, что комедию И.С. Тургенева "Месяц в деревне" сокращает для сцены г. Крылов» (1879. 11 января. № 1031. С. 4). В комментариях М.К. Клемана замечено, что ссылка Тургенева на "Новое время" "не точна": "...здесь не сообщалось о сокращении пьесы до трех актов. К тому же номер газеты от 11 января не мог быть доступен Тургеневу в Париже уже 15 числа (дата письма в "Русскую правду")» (*Т. Соч (1929—1934).* Т. 12. С. 673). Последнее утверждение вряд ли можно признать обоснованным.

[3] В заметке "Биржевых ведомостей", на которую отвечает Тургенев, по поводу сокращений его пьесы приводилась цитата из номера газеты от 19 января ст. ст., где за подписью "А. П." был опубликован отзыв о бенефисе М.Г. Савиной, большая часть которого отводилась "Месяцу в деревне": "Разумеется, в ней (пьесе) сделаны были кое-какие купюры и, сказать по правде, могли бы быть сделаны даже еще большие, от которых бы пьеса только выиграла на сцене; но лицо, на которое это было возложено, проникнутое уважением к таланту нашего знаменитого писателя, действовало в этом случае с весьма понятною осторожностью, боясь принести в жертву сценическим условиям какую-нибудь художественную подробность, какую-нибудь тонкую психологическую черту, хотя бенефициантка и получила от автора carte blanche (разрешение — *франц.*) на все сокращения, какие она найдет нужными" (см.: *Бирж Вед.* 1879. 23 января. № 22; ср. также: Там же. 19 января. № 18. С. 2, раздел "Театр и музыка"). Далее в № 22 приводилась еще одна цитата из отчета газеты о бенефисе, касающаяся сокращений: «Мы сказали в начале нашей заметки, что если бы сделаны были еще некоторые сокращения, то пьеса от этого бы еще выиграла. Действительно, если бы в четвертом акте занавес опустился после слов Натальи Беляеву: "Останьтесь, — и пусть Бог нас рассудит", то впечатление, произведенное этим актом, было бы несравненно сильнее» (Там же). Ко времени написания своего письма в редакцию "Биржевых ведомостей" Тургенев, выписывавший эту газету, несомненно

познакомился и с полным текстом отчета о спектакле, опубликованного 19 января ст. ст. 1879 г., где не только говорилось о "несценичности" пьесы, но и высоко оценивались ее литературные достоинства. «Успех комедии г. Тургенева тем более удивителен, что наша публика вовсе не привыкла "слушать". Ей подавай занимательный сюжет, быстро развивающееся действие, а язык пьесы и ее внутреннее содержание — дело второстепенное. Но такова сила действительного таланта, что он невольно приковывает к себе внимание самого индифферентного в этом отношении зрителя. "Месяц в деревне" нельзя даже назвать комедией, — это просто диалогированная повесть; отсутствие драматической жилки бросается здесь в глаза на каждом шагу, так же как и блестящие достоинства романиста-художника. Это замечательно тонкий психологический этюд, требующий от актеров большого художественного чутья и известного культурного уровня» (*Бирж Вед.* 1879. 19 января. № 18. С. 2). Говорилось в отчете и об "обаянии имени г. Тургенева", и о том, что автора неоднократно вызывали, рецензент показал также знание текста пьесы и даже ремарок, что не могло не понравиться Тургеневу.

5249. Гюставу Флоберу (с. 41 и 199)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 161. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.* На телеграфном бланке запись: "Rouen de Paris 82834 16 13 9 20 M", означающая, что телеграмма была отправлена из Парижа в Руан 13 февраля в 9 ч. 20 м.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 686; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 30.

Датируется на основании почтового штемпеля на телеграфном бланке: 13 févr. 79, Rouen Central.

[1] Содержание телеграммы кратко резюмирует результат визита Тургенева к Л. Гамбетте по делу Флобера. Подробнее см. в письме 5251.

5250. Полине Брюэр (с. 41 и 199)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 348—348 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 30—31.

Датируется на следующем основании: Тургенев выехал из Парижа в Россию по делам наследства брата (с заездом в Бельгию) 3 (15) февраля 1879 г. — в субботу; ближайший перед днем выезда четверг приходился на 1 (13) февраля 1879 г.

[1] Это письмо Полины Брюэр неизвестно.

[2] Н.С. Тургенев умер 7 (19) января 1879 г. (см. письмо 5217 и примеч. 1, 3, 5 к нему). Тургенев получил известие о его смерти 8 (20) января 1879 г.

[3] О завещании Н.С. Тургенева и отношении Тургенева к семье П.К. Маляревского см. примеч. 4, 5 к письму 5217, примеч. 7 к письму 5218, примеч. 4 к письму 5219, а также письмо 5223 и примеч. 5 к нему.

[4] По-видимому, в связи с денежными затруднениями зять Тургенева Г. Брюэр намеревался покинуть стекольную фабрику в Ружмоне, которая с 1871 г. находилась в его единоличной аренде (в 1873 г. он возобновил аренду еще на 16 лет), и Полина просила отца похлопотать о новом месте для мужа или посодействовать в поисках нового арендатора. См.: *Бронь Т.И.* Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // *Т сб.* Вып. 2. С. 330—331.

[5] Тургенев имеет в виду свой неудачный визит накануне — 31 января (12 февраля) 1879 г. — к Л. Гамбетте в связи с попыткой добиться для Г. Флобера места хранителя Библиотеки Мазарини (см. письмо 5251 и примеч. к нему).

[6] По возвращении в Париж в письме к дочери от 25 марта (6 апреля) 1879 г. (№ 5314) Тургенев упомянул, что из России он ей не писал.

5251. Гюставу Флоберу (с. 42 и 200)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 162—165. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 687—688; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 31—32, с пропуском фразы: “Je m'en vais chez sa mère ~ visage de bois".

Датируется по связи с письмом 5249.

[1] Упомянутая телеграмма (см. письмо 5249) была послана Флоберу на следующее утро после неудачной встречи Тургенева с Л. Гамбеттой, которая состоялась в салоне Ж. Адан в среду, 31 января (12 февраля) 1879 г.

[2] Тургенев обговаривал возможные пути для достижения цели с Э. Золя 25 января (6 февраля) 1879 г., уже после возвращения из Круассе, где ему удалось уговорить Флобера принять должность хранителя Библиотеки Мазарини (см. примеч. 2 к письму 5242).

[3] Имеется в виду письмо Э. Золя к Тургеневу от 6 февраля н. ст. 1879 г., сохранившееся в фонде Флобера в Bibliothèque Spoelberch de Lovenjoul (Шантийи, близ Парижа) (H 1366. F. 459—460). В нем Золя, уже после встречи с Тургеневым посоветовавшись с М. Шарпантье, сообщал ему их общее мнение: “не

обмолвиться ни словом" о деле Флобера с Ж. Ферри ("будет лучше, если он не будет предупрежден"), не говорить с Ф. Бодри, а ждать решения Гамбетты и указаний г-жи Шарпантье. Золя просил также не слишком обнадеживать Флобера, пока место хранителя не окажется вакантным (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 290).

[4] Письмо Тургенева к Ж. Адан от 28 января (9 февраля) 1879 г. с просьбой о встрече неизвестно, однако можно предположить, что она получила его (возможно, по возвращении из Канн) с опозданием, поскольку ответ с приглашением посетить ее салон датирован 12 февраля н. ст. 1879 г. (см. примеч. 7 к наст. письму).

[5] Оба упомянутых письма — Золя к Тургеневу от 10 февраля н. ст. и М. Шарпантье к Золя от 9 февраля н. ст. — были пересланы Флоберу и сохранились в его архиве (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 293—294, note 1). Накануне Золя получил от М. Шарпантье записку от 7 февраля н. ст., в которой она сообщала, что ее письмо к Гамбетте по поводу Флобера было передано ему в самый неподходящий момент, но ее муж (Ж. Шарпантье) считает, что следует подождать до воскресенья (9 февраля н. ст.), когда Гамбетта может зайти к Шарпантье. При этом сама М. Шарпантье не была уверена, что это произойдет (см.: Ibid. P. 292, note 1). В ответной записке Золя писал, что Тургенев сообщил ему (письмо неизвестно) о намерении отправиться в Россию в среду, 12 февраля н. ст., и о желании узнать, должен ли он до своего отъезда посетить Ж. Ферри, Ф. Бодри или самого Гамбетту. "Он готов на любые действия, только следует поторопиться, —замечал Золя. — Смотрите сами, на что можно его использовать в понедельник и вторник, и напишите об этом как можно скорее" (Ibid. P. 291). 9 февраля н. ст. М. Шарпантье известила Золя, что ее мужу не удалось повидаться с Гамбеттой: "Пусть теперь г. Тургенев делает все, что может, поскольку я больше не знаю, что делать. Если ему удастся, пусть он увидится с Ферри или даже с Гамбеттой". Кроме того, Маргарита Шарпантье сообщала, что жалованье обещанного для Ф. Бодри места де Саси составляет всего четыре тысячи франков, но имеется еще одно место, помощника директора Национальной библиотеки, освободившееся после смерти Ж.-А. Шмидта, с жалованьем от семи до восьми тысяч франков, которое можно просить для Флобера. В случае неудачи М. Шарпантье обещала лично переговорить по этому поводу с Гамбеттой, когда представится возможность (цит. по: Ibid. P. 293—294, note 1). Пересылая данное письмо Тургеневу, Золя в свою очередь резюмировал: "На мой взгляд, вам следует действовать незамедлительно, попытавшись увидеть Гамбетту, затем отправиться к г. Ферри, в зависимости от того, что скажет первый. / Поскольку место г. де Саси действительно дает лишь 4000 фр., можно было бы оставить хлопоты о нем, что прекратило бы неприятности с г. Бодри. В таком случае следовало бы вернуться

к месту г. Шмидта, о котором говорит г-жа Шарпантье. / Итак, делайте что возможно и держите меня в курсе, чтобы можно было действовать согласованно" (Ibid. P. 293).

[6] Это письмо Тургенева к Л. Гамбетте остается неизвестным. Не удалось также установить, было ли оно передано по назначению.

[7] Упомянутое письмо Ж. Адан от 12 февраля н. ст. 1879 г., помеченное "Среда, 4 часа", было переслано Тургеневым Флоберу и сохранилось в архиве последнего (*Bibl Lovenjoul.* H 1366. F. 359—360), однако было ошибочно атрибутировано как адресованное Ги де Мопассану. Впервые определено как письмо к Тургеневу и опубликовано А. Звигильским: *Tourguéniev/Flaubert.* P. 257. "Не знаю почему, — писала Ж. Адан, — но я получила ваше письмо, написанное в воскресенье, только сейчас. Как устроить, чтобы вы могли поговорить о Флобере? Не изволите ли прийти ко мне сегодня, в среду, в 6 ч. 30 м., или принять сегодня вечером, в окружении моих друзей по средам, приглашение, которое я давно хотела вам сделать, или же прийти завтра в четверг, с 12 до часу? / С самыми дружескими чувствами / Ж. Адан".

[8] Как и предполагалось, место хранителя Библиотеки Мазарини после смерти С. де Саси было отдано Ф. Бодри, а место помощника директора Национальной библиотеки, о котором писала М. Шарпантье Э. Золя (см. примеч. 5 к наст. письму), — историку и психологу Ж.-О. Сури.

[9] Тургенев действительно отправился в Россию в субботу, 3 (15) февраля 1879 г. (см. письмо 5255). 14 февраля н. ст. 1879 г. Флобер отвечал Тургеневу: "Я совершенно хладнокровно *поставил на всем этом крест.* — А в глубине души (в этом вы меня узнаете, вы ведь психолог), я, *быть может*, не так и огорчен этим" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 223). Объясняя свое отношение к неудачной попытке получить место в Библиотеке Мазарини, Флобер писал: "К тому же жалованье незавидное. Должность, требующая столь длительного пребывания в Париже, лишь способствовала бы моему дальнейшему обнищанию. В Круассе я живу лучше и дешевле, чем в столице. Итак, поскольку доход в 6 тысяч франков не был бы для меня настоящей *синекурой*, уж лучше сохранить спокойствие. Передайте это друзьям Шарпантье и Золя, чье поведение меня растрогало" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 539).

[10] В том же письме от 14 февраля н. ст. 1879 г. Флобер сообщал, что ноге его лучше, но жаловался на общую слабость и нервозное состояние (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 539—540).

[11] Тургенев написал еще одно письмо в тот же день, что и настоящее (№ 5253), а также еще одно в день отъезда (№ 5255). Из России Тургенев в этот свой приезд Флоберу, по всей видимости, так и не написал (см. примеч. 6 к письму 5258).

[12] См. письмо 5252.

5252. Каролине Комманвиль (с. 44 и 201)

Печатается по неполному тексту, опубликованному П. Уоддингтоном: More Turgenev gleanings // *N Z Sl J.* 1988. Part 2. P. 88. Подлинник неизвестен. Письмо было представлено на аукционе Librairie de l'Abbaye в Париже в 1986 г. (Catalogue 293. Item 218).

Датируется по содержанию и связи с письмом 5251. Датировка впервые предложена П. Уоддингтоном.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Тургенев излагает результат визита к Л. Гамбетте, которого он хотел просить за своего друга Флобера. Подробности этой встречи, состоявшейся накануне в салоне Ж. Адан, он изложил в письме к Флоберу того же дня (см. письмо 5251). Кандидатом, которому было предоставлено место хранителя Библиотеки Мазарини, оказался Ф. Бодри.

[2] См. письмо 5251.

[3] В действительности Тургенев выехал из Парижа в Россию 3 (15) февраля 1879 г.

5253. Гюставу Флоберу (с. 44 и 201)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 166—167. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 689; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 32—33.

Датируется по связи с письмами 5249 и 5251.

[1] Тургенев имеет в виду свое письмо, написанное утром, в котором он откровенно рассказал все подробности визита к Ж. Адан и встречи с Л. Гамбеттой (см. письмо 5251).

[2] Откликаясь на это письмо 14 февраля н. ст. 1879 г., Флобер, хотя и писал о том, что растроган отношением к нему друзей (см. примеч. 9 к письму 5251), просил прекратить все дальнейшие хлопоты и высказывал беспокойство по поводу заботы о нем Ж. Адан: "Я боюсь, чтобы в ваше отсутствие г-жа Адан не переусердствовала и чтобы в один прекрасный день на меня не свалилось какое-нибудь смехотворное предложение, от которого я откажусь — приобретя вид неблагодарного брюзги" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 539).

[3] В ответном письме Флобер заверил, что ничего не сообщит Золя о пересылке ему Тургеневым писем Золя и М. Шарпантье (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 539).

[4] Тургенев имеет в виду свой визит к Л. Гамбетте, подробно описанный в письме к Флоберу того же дня (см. письмо 5251).

5254. А.А. Трубецкой (с. 45 и 202)

Печатается по тексту первой публикации А. Звигильского: *T. Nouv corr inéd*. Т. 1. P. 335—337. Подлинник хранился в частном собрании Дины Виерни (Париж). Почтовые штемпели: 1) 14 févr. 79, Paris; 2) 15 févr. 79, Fontainebleau Seine-et-Marne.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Это письмо Трубецкой неизвестно.

[2] Тургенев выехал в Россию утром на следующий день, 3 (15) февраля 1879 г. См. письмо 5255.

[3] Тургенев отправился в Россию, чтобы уладить дела с наследством, оставленным писателю братом Н.С. Тургеневым, который скончался 7 (19) января 1879 г. в своем имении Тургенево. См. письмо 5217 и примеч. к нему.

[4] Тургенев вернулся в Париж через семь недель — 24 марта (5 апреля) 1879 г.

[5] Очевидно, имеется в виду известный врач, основатель фитотерапии Франсуа-Жозеф Казен, автор книги "Traité pratique et raisonné des plantes médicinales indigènes" ("Толковый и практический трактат о местных лекарственных растениях", 1850). Эти же пилюли осенью 1878 г. Тургенев рекомендовал Г. Льюису и даже выслал ему одну коробку (см. письмо 5120 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1).

[6] Аллюзия на 4-ю эклогу "Буколик" Вергилия: "Magnus ab integro saeclorum nascitur ordo" (ст. 5). В переводе С.В. Шервинского: "Сызнова ныне времен начинается строй величавый".

[7] Оценка Тургеневым политической ситуации во Франции после прихода к власти республиканцев (см. также письмо 5223 и примеч. 9 к нему) и роли в ней Л. Гамбетты оказалась дальновидной: несмотря на то, что при активном содействии последнего президентом Третьей республики был избран Ж. Греви, а сам Гамбетта занял пост председателя Палаты депутатов, вскоре его обвинили в стремлении к диктатуре. В начале 1882 г. он вынужден был уйти с поста главы правительства.

[8] Тургенев внимательно следил за событиями в России и был обеспокоен как экономическим, связанным с русско-турецкой войной 1877—1878 гг., так и внутренним положением в стране: падающим курсом рубля, студенческими беспорядками, нарастающим революционным движением и т.д. Получаемые известия подтверждали его мрачные предчувствия. Так, 26 января (7 февраля) 1878 г. он писал Е.С. Рахмановой: "Переданные Вами известия о наших беспорядках и неурядицах огорчили меня — но не удивили. — Окончание войны (которое, однако, не так близко, по уверениям многих — несмотря на перемирие) — столь же необходимо России, как и славянским княжествам... а то, пожалуй, мы вконец разоримся и дойдем до банкротства" (наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 4937). Вызванная патриотическим подъемом журнальная шумиха,

особенно в катковских "Московских ведомостях", пробуждала у писателя активное неприятие. «О том, что происходит внутри России — лучше ни слова; — писал он П.В. Анненкову 11 (23) апреля 1878 г., вновь вспоминая Вергилия, — скажу только, что давно ничто не возбуждало во мне такого негодованья, как статьи Каткова, Любимова и др. в "М⟨осковских⟩ в⟨едомостях⟩"! — "Cela fait tache sur la boue" ("Это оставляет пятна даже на грязи" — *франц.*), — как говаривал Ривароль. — Рано мы с Вами родились, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩; — мы увидим только одни безобразия нарождающегося нового времени — а что оно нарождается — в этом я не сомневаюсь» (Там же. № 5005).

[9] Повесть "Ася" была впервые опубликована в 1858 г. в "Современнике" (№ 1), затем включалась во все собрания сочинений Тургенева, начиная с издания Н.А. Основского (1860—1861). Отзыв Трубецкой о ней неизвестен.

[10] Имеется в виду исторический роман Ж. Санд "Мастера-звонари" (1853).

[11] Очевидно, в не дошедшем до нас письме Трубецкая выражала опасения в связи с сообщениями о случаях появления в России чумы, начавшейся в Астраханской губернии и якобы распространившейся по другим "ближайшим к средним губерниям городам", которые печатались в российских и иностранных газетах и вызвали "нечто вроде паники" (*ВЕ.* 1879. № 3. С. 374). Со слов "Вестника Европы", первые официальные сообщения об эпидемии в Ветлянке Астраханской губернии были получены в Петербурге 16 декабря ст. ст. 1878 г., когда эпидемия была в самом разгаре, а первое официальное обстоятельное сообщение о чуме было помещено в "Правительственном вестнике" лишь 8 января ст. ст. 1879 г., тогда как сама эпидемия началась еще в октябре прошлого года. Замалчивание властями сведений о чуме было поставлено "Вестником Европы" в вину местным административным органам, поскольку послужило основанием для распространения преувеличенных слухов о масштабах эпидемии (Там же. С. 371—378). В связи с угрозой эпидемии был предпринят ряд мер профилактического характера, в частности по очистке территории Москвы от мусора. Этот вопрос широко освещался в газетах. В хронике "Московские письма" корреспондент "Молвы" А.П. Лукин так комментировал ситуацию: «"Чумный вопрос" покончил свое существование. В Астраханской губернии не только нет новых случаев заболеваний, но, по официальным сведениям, даже и в будущем таковых не предвидится. Вместе со слухами о прекращении чумной эпидемии прекратилась и та энергическая деятельность, с которою мы принялись было за очистку нашего города. Это и понятно: к чему спешить, когда опасность устранена? Ведь жили же мы десятки лет при самых отвратительных санитарных условиях, — отчего же не жить нам так же и впредь?». Сатирически изображая всеобщий подъем по наведению порядка в городах и весях и последующее затем всеобщее успокоение, корреспондент

ядовито высмеивал газету "Московские ведомости" и ее главного редактора М.Н. Каткова, объявивших слухи о чуме происками "зловредных агитаторов с г. Боткиным (С.П. Боткиным. — *Ред.*) во главе", стремящихся спровоцировать "народные волнения". Обрушивая свой сарказм на вдохновителей газеты, Лукин фактически обвинил Каткова в распространении ложных сведений и косвенно объявил о том, что Катков сошел с ума: «Бесспорно, в последнее время в статьях "Московск⟨их⟩ ведом⟨остей⟩" обнаруживалось что-то странное и болезненное, но ведь и прежде эта газета не была чужда подобных же "странностей": говорит, говорит, бывало, да вдруг и сообщит *кстати*, что у алжирского бея под самым носом шишка» (Молва. 1879. 10 марта. № 67. С. 1—2). В то же время многие иностранные газеты уже с конца 1878 г. публиковали сведения о заградительных мерах, предпринимаемых разными государствами против надвигающейся опасности, объявляли карантины, обвиняя русское правительство в недостаточности предпринимаемых мер по борьбе с чумой (см., например: Figaro. 1879. 28 janvier. № 28. P. 3; Temps. 10 janvier. № 6473. P. 2; Ibid. 7 février. № 6501. P. 1; Ibid. 14 février. № 6508. P. 1 и др.). Однако к началу марта н. ст. слухи о чуме затихли, было признано, что, скорее всего, это была не чума, а один из видов тифа или другого инфекционного заболевания (Temps. 1879. 5 mars. № 6526. P. 1).

[12] Речь идет об одноактной опере Л. Эритт-Виардо "Линдоро", которую она надеялась поставить на сцене Веймарского оперного театра в марте 1879 г., однако из-за задержки с переводом либретто на немецкий язык и других обстоятельств постановка состоялась лишь 2 мая н. ст. (см. примеч. 1, 4 к письму 5208, а также примеч. 2 к письму 5233).

[13] Не вполне ясно, о каком произведении идет речь. Песня под таким названием (№ 67, текст и музыка) вошла в подготовленный Г. Парисом сборник старинных песен "Chansons du XVe siècle" (1875), откуда П. Виардо впоследствии заимствовала некоторые тексты для своих "песен XV века", шесть из которых, в том числе "Rossignolet" (музыка П. Виардо, поэтическая обработка Л. Поме) были изданы в Париже) : Six chansons du XVe siècle. Paris: au Ménestrel, Henri Heugel, 1886.

5255. Гюставу Флоберу (с. 46 и 203)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 168. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 689; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 33.

Датируется по связи с письмами 5251, 5253.

[1] Флобер был удручен и раздражен постигшей его неудачей, но старался этого не показывать и в письме от 14 февраля н. ст.

1879 г., на которое отвечает писатель, пытался даже утешить Тургенева, утверждая, что невысокое жалованье и необходимость подолгу жить в Париже его не устраивали. См. примеч. 9 к письму 5251. Дело, олнако, было далеко от завершения, поскольку друзья Флобера продолжали предпринимать шаги по устройству его на службу. 21 февраля н. ст. 1879 г. он писал Ги де Мопассану, принимавшему активное участие в обсуждении вопроса: "Неопределенность, в которой я пребываю относительно дела с этой библиотекой, невероятно раздражает меня. Не могли бы вы, вхожий в кабинет министров, ⟨...⟩ узнать, в каком состоянии находится это дело? Мне только это и нужно. Я даже сожалею, что обо мне хлопотали. Виноват в том этот добряк Тургенев. Становиться служащим мне отвратительно" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. Р. 551).

[2] В письме от 14 февраля н. ст. 1879 г. Флобер спрашивал Тургенева, следует ли ему написать благодарственные письма супругам Шарпантье, Золя и Ж. Адан (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. Р. 539). Последовав совету Тургенева, 16 февраля н. ст. 1879 г. он поблагодарил супругов Шарпантье (в письме к Жоржу Шарпантье) и Э. Золя за хлопоты по его делу (Ibid. Р. 543, 547). Письмо к Ж. Адан, очевидно, написано не было.

[3] Писатель вернулся во Францию через семь недель — 24 марта (5 апреля) 1879 г. Флобер в это время все еще оставался в Круассе, в Париж он приехал только в начале июня н. ст. 1879 г.

[4] Тургенев написал Флоберу уже из Берлина (см. письмо 5258 и примеч. 6 к нему).

5256. А.В. Топорову (с. 47)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 8.
Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 278—279.

[1] Тургенев действительно прибыл в Петербург в четверг — 8 (20) февраля 1879 г., остановившись в "Европейской гостинице". Была ли отправлена эта телеграмма — неизвестно.

5257. Людвигу Пичу (с. 47 и 204)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 366. Л. 63. Подлинник хранится в *SBB.*

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch (1923).* S. 143; в русском переводе — *Письма к Пичу.* С. 197.

[1] Перевод "Нахлебника" на немецкий язык был сделан Пичем (по утверждению А. Дорена, он был осуществлен им совместно с дочерью — Женни: *Pietsch (1923).* S. 175) с французского перевода, в свою очередь осуществленного самим Тургеневым совместно с Луи Виардо и вышедшего в 1858 г. в составе

сборника “Scènes de la vie russe. Deuxième série”. Как и во французском переводе (“Le pain d'autrui”), немецкое заглавие комедии “Das Gnadenbrot” ближе к заглавию “Чужой хлеб”, под которым пьеса впервые появилась в печати в 1857 г. (см. также: наст. изд. Соч. Т. 2. С. 602). Перевод в печати не появился, были отпечатаны только сценические экземпляры (Leipzig: Druck von Hundertstund & Pries, 1881. 44 S.). Переведенная Пичем пьеса была впервые поставлена 2 ноября н. ст. 1883 г. в государственном театре во Франкфурте-на-Майне и имела большой успех (см.: Schlesische Zeitung. 1883. 4. November. № 774. S. 1; 8. Dezember. № 861. S. 2). О немецких постановках “Нахлебника” см. также: *Zabel E.* Iwan Turgenjew als Dramatiker // Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885. S. 151—161; *Сукенников М.* 1) Тургенев на немецкой сцене // Театр и искусство. 1909. 26 июля. № 30. С. 518; 2) Тургеневский “Нахлебник” в Германии (Письмо из Берлина) // Раннее утро. 1911. 3 мая. № 50. С. 4.

5258. Гюставу Флоберу (с. 48 и 204)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 169—170. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 690; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 34.

[1] Речь идет о статье под рубрикой “La République athénienne” (“Афинская республика”), появившейся в газете “Le Figaro” от 15 февраля н. ст. 1879 г. за подписью “Aristophane”, в которой красочно излагались слухи о разорении Флобера и о встрече Тургенева с Л. Гамбеттой. «Вот совершенно свежая и пикантная история, — писал автор статьи. — Известно, что г. Гюстав Флобер, автор “Госпожи Бовари”, потерял почти все свое состояние, ввязавшись в коммерческое предприятие ради одного из своих родственников вследствие одной только своей доброты. Друзья романиста задумали помочь ему, добившись для него места в Библиотеке Мазарини, хранитель которой г. де Саси был при смерти. / Выдающийся русский писатель Тургенев взялся исполнить необходимые хлопоты: он направился к одной светской дамереспубликанке, салон которой служит местом встреч всех влиятельных особ. — Окажите честь посетить первый же мой вечер, — отвечала дама г. Тургеневу, — я представлю вас г-ну Гамбетте. / В назначенный день г. Тургенев является; он видит председателя Палаты депутатов небрежно развалившимся на софе в состоянии переваривания пищи; рядом с ним хозяйка дома; за его спиной весь штаб функционеров и депутатов. / Г-н Тургенев приближается к группе, приветствует хозяйку дома, которая тут же склоняется к г. Гамбетте и называет ему

имя посетителя. / Г-н председатель Палаты едва удостаивает писателя взглядом; на такие мелочи он не отвлекается. Весьма удивленный, г. Тургенев в нескольких словах излагает цель своего визита; холодный прием его не останавливает, поскольку он явился, чтобы оказать услугу другу». Не менее красочно представил "Аристофан" ответ Гамбетты: «Нет, этому не бывать! Я этого не желаю! / "Я этого не желаю!" После того как feringhea (азиатское название европейцев. — *Ред.*) высказался, г. Тургенев, вполне просвещенный относительно аттической утонченности диктатора, удалился, поклявшись, правда, с некоторым опозданием, что больше его так не проведут. / Итак, один из первых писателей нашего времени не сменит на посту г. де Саси, поскольку г. Гамбетта этого не желает. ⟨...⟩ / Вот так нами правят! Конечно, никто не скажет, что мы живем при режиме доброй воли!» (1879. 15 février. № 46. P. 1).

Отклики на статью в скором времени появились и в русской прессе, причем мнения оказались резко полярными. Первой отозвалась газета "Санкт-Петербургские ведомости", парижский корреспондент которой Петр Петров (П.А. Монтеверде) в статье "Тургенев и Гамбетта" (датированной 3 (15) февраля 1879 г., т.е. тем же днем, что и выпуск "Le Figaro") в сочувственном к русскому писателю тоне довольно подробно пересказал содержание заметки "Аристофана" без ссылки на нее, прибавив к портрету французского политика несколько весьма нелицеприятных штрихов и представив его чуть ли не "падишахом-самодержцем, с тою только разницей, что здесь это приправлено распущенно-вульгарными манерами зазнавшейся и разжиревшей богемы" (*СПб Вед.* 1879. 8 февраля. № 39. С. 3). В статье "Санкт-Петербургских ведомостей" впервые прозвучало имя хозяйки салона, в котором якобы состоялась встреча Тургенева и Гамбетты, опущенное корреспондентом "Le Figaro": ею Монтеверде ошибочно (вместо Ж. Адан) посчитал "г-жу Арну (Арно. — *Ред.*), вдову депутата, особу ныне очень влиятельную". Неточно было указано и время этой встречи — "вторник вечером", в то время как на самом деле она произошла в среду (Там же). Очевидно, ошибка возникла из-за того, что Монтеверде или кто-то из его окружения действительно видел Тургенева в салоне г-жи Арно вечером 30 января (11 февраля) 1879 г., однако не знал, что писатель приходил туда, чтобы передать ей письмо на имя Гамбетты, а не для встречи с политиком (см. письмо 5247 и примеч. 1 к нему). Впоследствии эту ошибку повторили и некоторые другие газеты. Передавая подробности "аудиенции" у Гамбетты, корреспондент в духе бульварной прессы существенно сгустил краски: в его изложении "Иван Сергеевич подходит к хозяйке дома. Та наклоняется к Гамбетте и произносит на ухо имя вошедшего. Гамбетта бросает взгляд и отвечает легким кивком головы на поклон Тургенева. Последний, смущен-

ный подобным приемом, решается, однако, изложить свою просьбу. Госпожа Арну, с своей стороны, говорит что-то на ухо Гамбетте, вероятно упрашивая его. Тогда новый президент палаты, не поворачивая головы, кашлянул два раза, вынул платок, при помощи которого, не торопясь, громко высморкался, и наконец, обращаясь к г-же Арну, произнес громким, резким голосом буквально следующее: — Нет, этого не будет. Я этого не хочу" (Там же). Между тем письмо Флобера к Э. Роже де Женетт от 5 марта н. ст. 1879 г. свидетельствует о том, что сам Тургенев мог ошибаться по поводу несколько пренебрежительного отношения к нему Гамбетты. «Там есть немного правды и много лжи, — писал он о статье в "Le Figaro". — Во-первых, я ни о чем не просил, а Гамбетта даже не *видел* Тургенева, поскольку его представили с той стороны, где у него нет глаза (чего Тургенев, находящийся сейчас в Москве, еще не знает)» (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 564. Ранее письмо ошибочно датировалось 14 марта н. ст. 1879 г. См., например: *Tourguéniev/Flaubert*. P. 262). Как свидетельствуют воспоминания М.М. Ковалевского, Флобер сообщил Тургеневу о том, что "Гамбетта не поднялся с кресла только потому, что не заметил Тургенева, так как в это время смотрел в другую сторону своим одиноким глазом" (см.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 145).

Газета "Молва" поначалу даже не поверила в сам факт встречи Тургенева с Гамбеттой, посчитав его "анекдотом", выдуманным «прихвостнем и прихлебателем бонапартизма, продажным и развращенным "Figaro"». Пересказывая (с неточностями) статью из "Le Figaro" (вслед за статьей Монтеверде вместо салона Ж. Адан назван салон г-жи Арно; Флобер претендовал на место не хранителя, а напрямую директора Библиотеки Мазарини и т.д.), корреспондент писал: «Подобный анекдот в понятиях "Figaro" должен представляться, конечно, совершенно возможным и естественным. Холопу до мозга костей, каков есть "Figaro", только в этом виде и могут представляться отношения между ходатаем, кто бы он ни был, и таким влиятельным лицом, каким Гамбетта является в настоящую минуту во Франции». Пытаясь выгородить вождя республиканцев, корреспондент изображал его человеком высоких гражданских доблестей, "который силою своего громадного таланта примирил между собою разнообразные требования всевозможных политических мечтателей и, подчинив их себе, связал в одно целое и направил к одной общей цели, столь для его отечества благодетельной ⟨...⟩ каждое слово которого громко раздается теперь среди всего просвещенного человечества и всеми встречается с сочувствием и уважением" (Молва. 1879. 11 февраля. № 41. С. 1. Раздел "Мимоходом"). В свою очередь, петербургское "Новое время" и "Московские ведомости" сошлись в горячем осуждении поведения Гамбетты, одновременно упрекая Тургенева в отсутствии такта и достоинства. Ернически изложив статью из "Le Figaro", коррес-

пондент одной из газет высмеял панегирик Гамбетте, прозвучавший на страницах "Молвы": «Вот, знай г. Гамбетта, — соединивший, по словам "Молвы", на благо Франции все политические мечтания в одну кучу, — что у него есть такие почитатели между петербургскими журналистами, он, нет сомнения, благосклоннее отнесся бы к русскому писателю» (*Моск Вед.* 1879. 14 февраля. № 38. С. 5). "Новое время" опубликовало возмущенное письмо некоего "Читателя" (возможно, В.В. Стасова, который ранее за этой подписью уже помещал в "Новом времени" резкое по отношению к Тургеневу письмо "По поводу одного русского на французском конгрессе". См. примеч. 2 к письму 5054 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1), удивившегося решению Тургенева просить за Флобера и одобрившего поведение Гамбетты. «В самом деле, неужели места надо давать за дружбу, как у Манилова? — писал "Читатель". — Неужели одну из знаменитейших библиотек во Франции ⟨...⟩ надо поручить французскому романисту только за то, что какой-то иностранец, тоже романист, пришел и попросил о том вечерком ⟨...⟩? Вы все, ученые Франции, из среды кого всегда выбирались люди на такие места, сидите и ждите: романисты гораздо больше вашего годятся, потому что им надо 5000 франков ⟨...⟩» (Леон Гамбетта и Иван Тургенев // *Н Вр.* 1879. 15 февраля. № 1065. С. 3). Правда, в следующем номере газета несколько сбавила тон и опубликовала еще одно письмо в редакцию, подписанное "S.", в котором опровергались доводы "Читателя" в пользу ученых и приводился пример с посредственным писателем Л. Ульбахом, получившим "на днях" место старшего библиотекаря в библиотеке Арсенала именно по протекции Гамбетты. Объявляя Флобера не только знаменитым романистом, "одним из первых в Европе", но и ученым, "S." одновременно бросал камешек в огород покойного С. де Саси, которого окрестил автором нескольких сотен бойких передовых статеек в "Journal des Débats" и "довольно жиденьких этюдов о литературе" (К истории Гамбетты и г. Тургенева // Там же. 16 февраля. № 1066. С. 2). В заметке "От редакции", помещенной после письма "S.", было добавлено несколько уточнений, полученных из "достоверных источников". Так, говорилось, что Гамбетта "уже раньше выразил свое неофициальное согласие на назначение Флобера библиотекарем, но затем, вследствие ходатайства каких-то родственников своих, остановился на другом лице". Сообщалось также об "обстоятельном" письме Тургенева к Гамбетте, оставшемся без ответа; "главной невежливостью" со стороны политика было признано молчание в ответ на письмо Тургенева, в отношении других проявлений невежливости, по мнению редакции, в газетных сообщениях было "много преувеличенного" (Там же). На публикацию письма "Читателя" в "Новом времени" откликнулась газета "Русские ведомости" письмом возмущенного "до глубины души" "Писателя" (П.Д. Боборыкина), прямо обвинившего А.С. Суворина в "цинизме и безнаказанном нахальстве": "Газета, и еще такая,

смеет так третировать Тургенева, издеваться над ним по поводу сплетни, в которой правда только то, что Гамбетта обошелся с нашим славным соотечественником чрезвычайно невежливо. ⟨...⟩ Автору ли письма ⟨...⟩ учить такту, приличию и уместности поступков таких людей, как И.С. Тургенев?" (Алексей Суворин и Иван Тургенев (Письмо в редакцию) // *Рус Вед*. 1879. 17 февраля. № 42. С. 3). Выпад Боборыкина против «развязности "откровенных" публицистов "Нового времени"» поддержал и А.П. Лукин, язвительно заметивший на следующий день в тех же "Русских ведомостях": «Вам уже известно, с какою назойливостью и необузданным нахальством газ⟨ета⟩ "Новое время" набросилась на И.С. Тургенева за его будто бы бестактное поведение при разговоре с Гамбеттою на вечере у г-жи Арно. Подобная пошлая выходка не могла не возмутить каждого, кому хоть сколько-нибудь дорого имя нашего талантливого писателя ⟨...⟩». Демонстративно удивляясь тому факту, что то же "Новое время" поместило на своих страницах реабилитирующую Тургенева заметку, фельетонист резюмировал: «Вот что значит "откровенное" направление: сегодня, на основании вздорных сплетен, обливают помоями человека, а завтра, получив "достоверное" известие, — пред тем же человеком расшаркиваются: "Извините, мол, мы в вас бросили грязью по ошибке"!» (*Скромный Наблюдатель ⟨Лукин А.П.⟩*. Наблюдения и заметки // Там же. 18 февраля. № 43. С. 3). Продолжая утверждать на страницах "Молвы", что свидание Гамбетты с Тургеневым не более чем сплетня, Лукин увидел истоки единения двух охранительных органов ("Нового времени" и "Московских ведомостей") в оценке истории с Гамбеттой в том, что Тургенев, приехав в Россию и встретив неожиданно горячий прием, в одной из речей заявил о своей верности идеалам молодости и "либеральному направлению" (1879. 17 марта. № 74. С. 2).

[2] Статья из "Le Figaro", присланная Флоберу Эрнестом Доде тотчас по выходе в свет номера газеты, особенно задела писателя. «Меня, признаюсь, они (слухи. — *Ред.*) заставили плакать кровавыми слезами, — писал он племяннице К. Комманвиль 22 февраля н. ст. 1879 г. — Объявлять всем о моей нищете! и эти людишки жалеют меня. — Пишут о моей "доброте". Как это жестоко! До чего же это жестоко! ⟨...⟩ Я требую, чтобы обо мне забыли, чтобы меня оставили в покое, чтобы никто никогда не упоминал больше моего имени! Я сам себе становлюсь ненавистен! — Когда же я наконец подохну, чтобы мною больше не занимались. ⟨...⟩ Сердце мое разрывается от ярости — под бременем всех этих унижений я изнемогаю» (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 226. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 554). О том же он писал Мопассану, Золя, Э. Лапорту и другим (см.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 543—545, 547, 550—551).

[3] Статья была подписана псевдонимом "Аристофан". Возможно, автором ее был А. Карр.

[4] Подробное описание этого визита см. в письме 5251.

[5] Тургенев не без оснований опасался, что Флобер заподозрит его в предоставлении журналистам информации о своем визите к Гамбетте. Ш. Лапьер, друг Флобера, выславший ему, как и Эрнест Доде, статью из "Le Figaro", писал: "Это, должно быть, следствие болтливости Тургенева. Но знали ли вы что-либо об этом демарше? Если нет, то мне кажется, что следует поручить кому-нибудь из ваших друзей предать это огласке, в особенности ввиду приема, устроенного по просьбе Тургенева" (цит. по: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 1335—1336). Флобер, однако, решительно отказался от предложения, прося лишь о том, чтобы его оставили в покое. Называя журналистов новой инквизицией и выражая уверенность, что статья была написана с полемической целью и желанием обругать Гамбетту и к тому же могла поссорить писателя с Ж. Адан, в ответном письме Лапьеру от 16 февраля н. ст. 1879 г. Флобер на предположение о причастности к статье самого Тургенева сообщал, что "Тургенев находится в России, вот истинная правда", а также просил передать редактору "Le Figaro" Вильмессану просьбу никогда больше не упоминать его имени: «Что касается до опровержения (или авторизации кого-то из друзей для опровержения) статьи в "Figaro", *то ни за что.* Что бы ни случилось, я не собираюсь "просвещать Публику", пусть она верит чему угодно» (Ibid. P. 544—545).

[6] Из Берлина Тургенев действительно выехал 6 (18) февраля 1879 г., прибыв в Петербург, как и рассчитывал, в четверг — 8 (20) февраля. В Москву, однако, писатель попал не в воскресенье, а лишь в среду — 14 (26) февраля. Вопреки обещанию, из Москвы Тургенев Флоберу не написал. По всей видимости, за все время пребывания в России он не отправил Флоберу ни одного письма. Обеспокоенный его молчанием и газетными сообщениями о чуме, якобы свирепствовавшей в России, сам Флобер обратился в конце марта н. ст. 1879 г. к Полине Виардо (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 594). Очевидно, П. Виардо откликнулась на просьбу Флобера и сообщила ему о планах писателя, в том числе о предполагаемых сроках его возвращения в Париж, поскольку 5 апреля н. ст. он справлялся уже у Луи Виардо, вернулся ли Тургенев, и просил передать, чтобы тот ему написал (Ibid. P. 596).

5259. Н.А. Щепкину (с. 48)

Печатается по подлиннику: *ОГЛМТ.* Инв. № 228 оф. На обороте телеграммы помета: "Сдана рассыльному 9-го/II час. м. пополудни" (точное время не проставлено).

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 35.

Датируется по телеграфным пометам на лицевой части телеграммы: "Подана 9/II 10 ч. 5 м. пополун⟨очи⟩"; "Принята с аппарата февраля 9-го 1879 г.".

[1] С П.К. Маляревским Тургенев встретился позже, в Москве, между 15 (27) февраля (датой приезда из Петербурга в Москву) и 18 февраля (2 марта) 1879 г. (датой письма Тургенева к Клоди Шамро (№ 5266), в котором он упоминает об этой встрече как о состоявшейся). Эта встреча Тургенева с Маляревским в *Летописи (1876—1883)* не отмечена. 21 февраля ст. ст. Щепкин сообщал жене: "Пишу письмо это из Москвы, куда я приехал вчерась, т.е. 20 числа утром рано, и остановился в Лоскутной гостинице в 78 № ; тотчас же отправился к Ивану Сергеевичу; застал его не совсем здоровым, у него, кажется, опять хочет быть подагра, так он никуда не выходит. — Был у него Маляревский, с которым он обошелся очень сухо" (*ОГЛМТ.* Инв. № 313 оф. Л. 1. Не отмечена в *Летописи (1876—1883)* и встреча Тургенева с П.Т. Кудряшовым, о которой упоминает Щепкин в том же письме). В *Летописи (1876—1883)* встречи 14 (26) февраля (см. примеч. 4 к письму 5261) и 20 февраля (4 марта) 1879 г. Тургенева со Щепкиным у И.И. Маслова, где остановился писатель, не зафиксированы, как и встреча, которая состоялась 21 февраля (5 марта) и о которой Щепкин упоминает в том же письме; дата приезда Щепкина в Москву указана неверно: "Ранее 18 февраля (2 марта)" (*Летопись (1876—1883).* С. 243), так как очевидно, что во время пребывания Тургенева в Москве Щепкин приезжал туда по меньшей мере дважды. Там же, со ссылкой на приведенное выше письмо Щепкина, ошибочно указано, что управляющий приехал в Москву "по вопросу о наследстве и описи движимости в московском доме" брата Тургенева. В действительности о том, что он присутствовал при описи имущества в доме покойного Н.С. Тургенева, Щепкин сообщал на месяц раньше, в письме от 17 января ст. ст. 1879 г. (см. примеч. 1 к письму 5235). Без сомнения, Щепкин сообщал Тургеневу обо всех своих действиях, однако письма и телеграммы его не сохранились.

5260. Н.А. Щепкину (с. 48)

Печатается по подлиннику: *ОГЛМТ.* Инв. № 229 оф. На лицевой части телеграммы в графе "Служебные отметки" помета: "За нароч⟨ного⟩ взято 75 коп.". На обороте телеграммы пометы: "Прошу уплатить нарочному 35 коп. по случаю погоды"; "Сдана рассыльному 9-го/II 5 час. 30 м. пополудни".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 35.

Датируется по телеграфным пометам на лицевой части телеграммы: "Подана 9-го/II 12 ч. 10 м. пополуд⟨ни⟩"; "Принята с аппарата февр. 9-го 1879 г.".

[1] Тургенев приехал в Петербург 8 (20) февраля 1879 г. В газетах сообщалось о его прибытии: "Нам сообщают, что наш маститый романист, И.С. Тургенев, только что прибыл в Петербург" (Русская правда. 1879. 10 февраля. № 40. С. 2). 13 (25) февраля вечером, во вторник, он выехал в Москву. Очевидно, посылая данные

о рождении и крещении брата, Тургенев отвечал на просьбу Щепкина, содержавшуюся в не дошедшей до нас телеграмме. Сведения эти были необходимы для представления в Московский окружной суд по делу об утверждении Тургенева в правах наследства, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева (см. также примеч. 5 к письму 5261). О ходе этого дела см. примеч. 3 к письму 5235.

5261. Н.А. Щепкину (с. 49)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 257 — 257 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма*. Т. XII. Кн. 2. С. 35.

[1] См. письмо 5260.

[2] См. письмо 5259.

[3] Судя по письмам Тургенева к Клоди Шамро от 18 — 19 февраля (2 — 3 марта) 1879 г. (№ 5266), а также Щепкина к жене от 21 февраля (5 марта) 1879 г. (см. примеч. 1 к письму 5259), встреча Тургенева с П.К. Маляревским состоялась позже, и не в Петербурге, а в Москве.

[4] С Н.А. Щепкиным Тургенев намеревался обсудить план действий в отношении Маляревского, игравшего ключевую роль в деле о наследстве Н.С. Тургенева. Очевидно, встреча их состоялась, как и просил Тургенев, сразу по приезде его в Москву, т.е. в среду 14 (26) февраля 1879 г., после чего Щепкин отправился в Тулу, Орел и т.д. за документами, вернувшись в Москву 20 февраля (4 марта). См. примеч. 1 к письму 5259, а также письмо 5266.

[5] В связи с неожиданным для Тургенева началом многочисленных чествований его в Москве и Петербурге поездка в Тулу, Спасское и имение брата в с. Тургенево по делам наследства вместе с управляющим не состоялась. В качестве поверенного писателя Щепкин вынужден был отправиться один: основной целью его поездки был сбор недостающих документов. Так, 16 (28) февраля 1879 г. из Тульского дворянского депутатского собрания “для представления в Окружной суд на предмет утверждения в правах наследства Ивана Сергеевича Тургенева, как к движимому, так и недвижимому имению, оставшемуся после смерти надворного советника Николая Сергеевича Тургенева, а равно и для утверждения духовного завещания, составленного помянутым Тургеневым”, Щепкиным были получены копия родословной Тургеневых (см.: *ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1293. Л. 1 — 1 об.), подтверждавшая, что у В.П. и С.Н. Тургеневых было трое детей (сыновья Николай, Иван и Сергей), а также свидетельство о рождении и крещении у В.П. и С.Н. Тургеневых в 1821 г. сына Сергея (Там же. № 1292. Л. 1 — 2. В этом свидетельстве допущена ошибка в дате рождения С.С. Тургенева: вместо 16 марта ст. ст. 1821 г. указано 18-е. Неверно указана и дата крещения: 20 марта ст. ст. 1821 г. вместо 22-го).

На следующий день, 17 февраля (1 марта) 1879 г., Щепкиным были получены метрические свидетельства о рождении у В.П. и С.Н. Тургеневых сыновей Николая и Ивана, истребованные им в Орловской духовной консистории. Оба свидетельства, как и указанные выше документы, ныне хранятся в составе собрания П.Я. Дашкова в ИРЛИ (Там же. № 1290, 1291). "По указу его императорского величества, — сообщалось в первом из них, — дано сие свидетельство из Орловской духовной консистории поверенному коллежского секретаря Ивана Сергеева Тургенева дворянину Николаю Александрову Щепкину, по его прошению, о том, что рождение и крещение брата доверителя его Николая Сергеева Тургенева в метрической Орловской градской Сретенской церкви за 1816 год книге записано под № 110-м так: у поручика Сергея Николаева Тургенева от жены Варвары Петровой родился сын Николай тысяча восемьсот шестнадцатого года ноября четвертого, а крещен четырнадцатого числ. Восприемником был лейб-гвардии прапорщик Николай Алексеев сын Тургенев. Крестил священник Афанасий Лавров с причтом. Февраля 17-го дня 1879 года" (Там же. № 1291). Кроме того, в тот же день из Орловской духовной консистории Щепкиным было получено свидетельство о том, что "событие смерти родного брата доверителя его (И.С. Тургенева. — *Ред.*) Сергея в метрической книге Мценского уезда села Спасского, Лутовиново тож, за 1837 год, под № 10-м записано так: села Спасского у полковницы Варвары Петровой Тургеневой сын Сергей Сергеев Тургенев 14 лет умер от жестоких припадков тысяча восемьсот тридцать седьмого года, апреля четырнадцатого, а похоронен шестнадцатого дня, погребение отпевал священник Федор Гедеоновский с причтом" (Там же. № 1292. Л. 3). В с. Тургенево Щепкин, по всей видимости, получил от священника свидетельство о бездетности Н.С. Тургенева, однако, как выяснилось по прибытии его в Москву 20 февраля (4 марта) 1879 г., этого документа оказалось недостаточно, и в тот же день, после встречи с Тургеневым у И.И. Маслова, с письмом от писателя (неизвестно) он отправился к московскому уездному предводителю дворянства князю П.П. Трубецкому, который пообещал выправить требуемую бумагу на следующий день, к 12 часам дня (об этом Щепкин сообщил в письме к жене от 21 февраля (5 марта) 1879 г.: *ОГЛМТ.* Инв. № 313 оф. Л. 1—1 об. Текст свидетельства, выданного Трубецким, неизвестен. В Московский окружной суд было предоставлено "свидетельство причта Введенской церкви с. Тургенева о том, что прихожанин той церкви Николай Сергеевич Тургенев был вдов и бездетен": *РГБ.* Ф. 306. Карт. 3. № 10. Л. 7). Все эти документы должны были в первую очередь засвидетельствовать, что в отсутствие прямых наследников по нисходящей линии ближайшее право по наследству в отношении движимого и недвижимого имущества, не упомянутого в завещании Н.С. Тургенева, — в частности, речь шла об имении Долгом Мценского уезда (см. о нем примеч. 3

к письму 5235), о мебели в московском доме Н.С. Тургенева и др., — принадлежало И.С. Тургеневу как единственному родственнику по боковой линии.

[6] Как отмечено в ведомости о расходе денег по имениям Тургенева за декабрь 1878 г. и январь — сентябрь 1879 г., в Москве Щепкин передал писателю 3500 руб. (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1).

5262. А.В. Половцову (с. 49)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 14869. Л. 2.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 234, с датой: 16 (28) апреля 1880 г.

Датируется по содержанию и связи с письмом 5301. Именно в этот приезд Тургенева в Россию Половцов и его невеста Е.Н. Кравченко несколько раз встречались с ним в Петербурге, о чем свидетельствуют подаренные им писателем фотографический портрет и том его Сочинений (М., 1874) (см. примеч. 1 и 2 к письму 5301). Письмо написано накануне отъезда в Москву, куда Тургенев отправился по делам наследства вечером 13 (25) февраля 1879 г.

[1] В Москве Тургенев вынужден был задержаться дольше, чем рассчитывал, вернувшись в Петербург лишь 8 (20) марта 1879 г.

5263. Н.П. Аловерту (с. 49)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 502. Карт. 1. № 10. Л. 1.

Впервые опубликовано: *Т сб (ГБЛ).* С. 5.

[1] Тургенев выражает благодарность за предложение присылать журнал "Огонек", который начал издаваться в 1879 г. под редакцией Аловерта. Так, 12 марта ст. ст. 1879 г. Аловерт писал, очевидно в схожем тоне, Ф.М. Достоевскому: «...редакция журнала "Огонек", желая выразить вам свое глубокое уважение как писателю, так много трудившемуся для славы и пользы родной словесности, просит позволить ей высылать вам один экземпляр своего журнала. Позволяя себе надеяться, что предложение это будет принято так же искренно, как оно сделано, я пользуюсь случаем выразить свое искреннее уважение» (цит. по: *ЛН.* Т. 86. С. 481). В отделе рукописей РГБ имеется группа писем писателей — И.А. Гончарова, А.А. Потехина, Н.П. Вагнера и др. — в редакцию "Огонька", сходных по содержанию с комментируемым тургеневским письмом (см.: *Т сб (ГБЛ).* С. 5; *Алексеев А.Д.* Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 234).

[2] В дальнейшем знакомство Тургенева с Аловертом состоялось. Д.Н. Садовников в своих воспоминаниях "Встречи с И.С. Тургеневым" отметил присутствие обоих на "пятнице"

Я.П. Полонского 14 (26) марта 1880 г. (Русское прошлое. 1923. № 3. С. 115). До этого, в письме от 24 мая ст. ст. 1879 г., Аловерта Тургеневу рекомендовал сам Полонский, который начал успешно сотрудничать в "Огоньке": «Из всех издателей и редакторов, как кажется, симпатичнее всех Аловерт, редактор "Огонька", с которым я познакомился. Он, как кажется, человек очень деликатный, честный и образованный» (*Звенья.* Вып. 8. С. 216).

5264. Л.Я. Стечькиной (с. 50)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 45—47.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 19—20.

[1] «И.С. Тургенев — в Москве со среды 14-го февраля, — сообщалось по этому поводу в газете "Русские ведомости", — и как мы знаем положительно, пробудет здесь около двух недель» (1879. 17 февраля. № 42. С. 3. Раздел "Московские вести").

[2] В 1879 г. Тургенев виделся со Стечькиной в Москве в период 15—18 февраля ст. ст. «Тургенев вызвал сестру мою в Москву, — вспоминал Н.Я. Стечькин, — для свидания с ним и окончательных переговоров о ее романе. / Любовь Яковлевна не замедлила приехать с ⟨...⟩ кузиной нашей ⟨А.А.⟩ Заблоцкой. В день приезда молодых девушек (т.е. 15 или 16 февраля ст. ст. — *Ред.*) Тургенев навестил сестру в "Славянском базаре"» (*Стечькин. Воспоминания.* С. 17). Здесь он познакомился с известной актрисой Малого театра Г.Н. Федотовой ("Ранее они знакомы не были"), которая просила посетить ее, что Тургенев "дал слово" исполнить "в ближайшее воскресенье", до которого оставалось "всего два-три дня" (Там же. С. 18). После торжественного заседания в Обществе любителей российской словесности, которое состоялось в воскресенье, 18 февраля ст. ст. 1879 г., в 1 час пополудни в Московском университете, Тургенев, несмотря на пережитые волнения и усталость, навестил Федотову в Леонтьевском переулке, где актриса занимала флигель-особняк во дворе дома Мамонтовых (описание этой встречи см.: *Стечькин. Воспоминания.* С. 19). Встреча с Федотовой не отмечена в *Летописи (1876—1883).* В тот же день вечером Федотова и Тургенев присутствовали на спектакле "Генрих IV", поставленном силами членов Шекспировского общества, основанного Л.И. Поливановым и С.А. Юрьевым. Тургенев сидел в первом ряду вместе с И.С. Аксаковым, который был одним из учредителей Общества. По-видимому, 4 (16) марта 1879 г. на концерте в пользу недостаточных студентов Московского университета в Благородном собрании (а не "на другой день" после спектакля, как утверждает в своих воспоминаниях В.Н. Лясковский: И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 200. Публ. С.А. Полозковой) в антракте Тургенев встречался с исполнителем роли Фальстафа

в пьесе Шекспира И.И. Лавровым. Лясковский приводит замечание Тургенева по поводу одной неточности в переводе (Там же). Мемуарист не называет имени Федотовой, однако в корреспонденции "Голоса", где давалось довольно подробное описание этой постановки, говорилось: "На спектакле присутствовали многие из представителей высшей московской интеллигенции; в числе зрителей мы видели и г-жу Федотову, оставшуюся очень довольною исполнением пьесы. Приехал на спектакль и И.С. Тургенев, который с видимым удовольствием прослушал всю трагедию" (Московские заметки // Голос. 1879. 13 марта. № 72. С. 2. См. также: *Рус Вед.* 1879. 21 февраля. № 45. С. 3). Кроме того, газеты сообщали об устроенном Федотовой "в честь романиста" завтраке, во время которого ему "поднесли лавровый венок, перевитый лентами с вышитыми на них заглавиями всех его произведений" (*Н Вр.* 1879. 25 марта. № 1103. С. 4). Поездка Тургенева в Тулу в этот приезд не состоялась (см. примеч. 5 к письму 5261).

[3] Эта телеграмма Тургенева Стечькиной неизвестна.

[4] "Варенька Ульмина" была напечатана в ноябрьской и декабрьской книжках "Вестника Европы" за 1879 г.

5265. М.М. Ковалевскому (с. 51)

Печатается по копии, сделанной рукой А.Н. Пыпина: *ИРЛИ*. Ф. 250. Оп. 1. № 337. Л. 1. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: в отрывке — *Рус Вед.* 1883. 27 сентября. № 265. С. 2 (перепечатано: *Мин Годы*. 1908. № 8. С. 9—10); полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 36—37.

В дате допущена ошибка, сделанная, возможно, самим Тургеневым: пятница в 1879 г. приходилась на 16 февраля ст. ст. В этот день и было написано комментируемое письмо, так как в нем идет речь о событиях, происшедших накануне, в четверг 15 (27) февраля 1879 г.

[1] Речь идет об обеде в честь Тургенева, который был устроен 15 (27) февраля 1879 г. на одном из четвергов у М.М. Ковалевского; на нем выступали с приветственными речами П.Д. Боборыкин и молодые профессора Московского университета Н.В. Бугаев, А.Н. Веселовский, А.И. Чупров. «Небывалою Тургеневу показалась сердечность, — вспоминал позднее Ковалевский, комментируя фразу из настоящего письма, — с какой молодые преподаватели старейшего университета чествовали в нем, авторе "Нови", искреннего и любящего наставника. Развитие этой мысли и составило предмет моего тоста». За него, по свидетельству мемуариста, он "получил отповедь и от некоторой части более радикально настроенного студенчества", и от М.Е. Салтыкова, сказавшего ему при встрече: "Так вы — тот молодой человек, который благодарил Тургенева за то, что он ваше поколение выставляет дураками"

(*Ковалевский М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // *ВЕ*. 1910. № 5. С. 212). По свидетельству того же Ковалевского, "Тургенев не дослушал этого приветствия и разрыдался!". В ответ на тост Ковалевского писатель предложил тост за В.Г. Белинского. См. также: *Ковалевский М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // *Мин Годы.* 1908. № 8. С. 9—10; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 139. Описание обеда см. также во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе.

5266. Клоди Шамро (с. 51 и 205)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранился в собрании Оливье Ле Сена.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T. Nouv corr inéd.* Т. 1. P. 291—293; в русском переводе (в отрывке) — *Зильберштейн И.С.* Триумф русской музыки (Тургенев о Мусоргском и Чайковском) // Огонек. 1973. № 3. С. 22.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] После отъезда в Россию Тургеневым к этому моменту было написано 13 писем к П. Виардо, которые остаются неизвестными. Сохранилось лишь два письма (помеченные Тургеневым № 14 и 15) — от 2 (14) марта (№ 5282) и от 5 (17) марта 1879 г. (№ 5283), посланные из Москвы.

[2] Тургенев приехал из Петербурга в Москву в среду 14 (26) февраля 1879 г.

[3] Необходимость юридических консультаций возникла в связи с неблаговидным поведением П.К. Маляревского, главного наследника и управляющего брата писателя — Н.С. Тургенева, умершего 7 января ст. ст. 1879 г. (см. примеч. 1, 3, 5 к письму 5217, а также письмо 5223 и примеч. 5 к нему). В Москву, по совету А.В. Топорова, его сопровождал адвокат А.Н. Ткачев (см. письмо к А.В. Топорову от 7 (19) декабря 1882 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2). Среди тех, к кому обращался Тургенев, был и В.В. Самарский-Быховец (см. письмо 5269 и примеч. 3 к нему).

[4] Н.А. Щепкин, с которым Тургенев увиделся, по-видимому, сразу по приезде в Москву (см. письмо 5261 и примеч. 4 к нему).

[5] Имеется в виду управляющий имениями Н.С. Тургенева, а после его смерти его душеприказчик П.К. Маляревский, ставший вместе со своей женой Н.А. Маляревской основным наследником брата Тургенева.

[6] Тургенев по-прежнему упоминает о завещанных ему братом 100 000 руб., хотя к этому времени ему уже было известно о последнем завещании Н.С. Тургенева, по которому он получал наличным и долговым капиталом около 55 000 руб. (см. письмо 5234, а также примеч. 4, 5 к письму 5217 и примеч. 3 к письму 5219).

[7] Что имел в виду П.К. Маляревский, говоря о щедрости Н.С. Тургенева по отношению к брату, становится ясно из его письма к Тургеневу от 25 января ст. ст. 1879 г., в котором он, подробно разъяснив сумму завещанного писателю, включил в нее долговые расписки Тургенева на 15 000 руб., которые, не будучи упомянуты в завещании, по закону должны были возвратиться к нему (обе расписки внесены в опись имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева в с. Тургенево: *ОГЛМТ.* Инв. 253 оф. Л. 5. № 147, 148. В настоящее время хранятся в ГИМ. См. также: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2, раздел "Дополнения"). По его подсчетам общая сумма тургеневской доли наследства равнялась 78 001 руб.: "По духовной наличного и долгового капитала 57 340 р. 76. / Помимо духовной Ваши расписки на 15 000. / Выкупной ссуды сельца Долгого Мцен⟨ского⟩ уезда пример⟨но⟩ 5660 24. / ВСЕГО — 78 001 р." (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 5 об. См. примеч. 5 к письму 5217). Таким образом, за вычетом собственных долговых расписок писателя общая сумма причитавшегося ему наследства составила 63 001 руб. О фактическом размере полученного Тургеневым наследства см. примеч. к письму 5311.

[8] В действительности Тургенев покинул Россию гораздо позже — 21 марта (2 апреля) 1879 г.

[9] Тургенев имеет в виду эпидемию чумы, случаи которой были зафиксированы первоначально в Астраханской губернии (см. примеч. 11 к письму 5254). Информация о заболевании регулярно появлялась и во французской прессе (см., например: Figaro. 1879. 28 janvier. № 28. P. 3; Temps. 10 janvier. № 6473. P. 2; Rappel. 1879. 1 mars. № 3277. P. 3; Revue des Deux Mondes. 1879. 15 mars и др.). Правда, уже в начале марта в газетах была опубликована телеграмма от 27 февраля (11 марта) из Астрахани "от графа Лорис-Меликова" (назначенного временным Астраханским, Саратовским и Самарским генерал-губернатором с практически неограниченными полномочиями для борьбы с чумой) о том, что "больных эпидемиею не имеется" (*Совр Изв.* 1879. 3 марта. № 61. С. 2).

[10] Это свидетельство опровергает устоявшееся мнение, что Тургенев не присутствовал на премьере оперы и "*никогда не видел ⟨ее⟩ на сцене*" (*Шольп А.Е.* И.С. Тургенев и "Евгений Онегин" Чайковского // *Т сб (1960).* С. 166—167; выделено А.Е. Шольп). Впервые, со ссылкой на данное письмо к К. Шамро, отмечено И.С. Зильберштейном: Триумф русской музыки (Тургенев о Мусоргском и Чайковском) // Огонек. 1973. № 3. С. 22—23; см. также: *Шольп А.Е.* "Евгений Онегин" Чайковского: Очерки. М., 1982. С. 11—12). Сюжет оперы, точнее "лирических сцен" (либретто М.И. Чайковского, при участии К.С. Шиловского), был подсказан композитору ученицей П. Виардо Е.А. Лавровской в мае 1877 г., а к началу 1878 г. работа Чайковского над оперой была завершена. 3 (15) августа 1878 г. Чайковский писал П.И. Юргенсону: "Я просил тебя озаглавить так: / *Евгений Онегин / Лирические сцены в 3-х*

действиях. / Это необходимо. Я не хочу по многим причинам называть эту вещь оперой" (*Чайковский П.И.*, *Юргенсон П.И.* Переписка: В 2 т. / Сост. и науч. ред. П.Е. Вайдман. М., 2011. Т. 1. С. 60; см. также: *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. М., 1962. Т. 7. С. 353—354). Узнав, что в Петербурге вышел в свет клавир оперы, Тургенев просил А.В. Топорова немедленно приобрести его и прислать в Париж (см. письмо 5139 — наст. изд. Т. 16. Кн. 1), а 15 (27) ноября 1878 г. уже писал Л.Н. Толстому: «"Евгений Онегин" Чайковского прибыл сюда в фортепианной партитуре. — Г-жа Виардо начала разбирать эту вещь по вечерам. — Несомненно замечательная музыка; особенно хороши лирические, мелодические места. Но что за либретто!» (Там же. № 5150). О том, что Тургенев 1 (13) марта 1879 г. на вечере у композитора В.Н. Кашперова (этот визит не отмечен в *Летописи (1876—1883)*) «говорил много про "Онегина", восторгался музыкой и смеялся добродушно над либретто, называя оное "чимборассо"», 2 марта ст. ст. 1879 г. писал Чайковскому Юргенсон (см.: *Чайковский П.И.*, *Юргенсон П.И.* Переписка. Т. 1. С. 122—123. Чимборасо — название потухшего вулкана на территории нынешнего Эквадора, его вершина — самая удаленная от центра Земли точка поверхности, здесь, очевидно, употреблено в смысле чего-то в высшей степени нелепого). В том же письме Юргенсон сообщал, что Тургенев является "пламенным поклонником" композитора, "знает и имеет все твои вещи, все решительно", расспрашивал о неизданных произведениях и просил прислать некоторые изданные, что Юргенсон и поспешил исполнить (Там же. С. 122—123).

Опасаясь того, что на казенной сцене это лирическое произведение будет испорчено рутинными приемами исполнения, композитор предложил оперу директору Московской консерватории Н.Г. Рубинштейну и приветствовал первую постановку силами воспитанников консерватории, выбрав сам исполнителей. «Что касается постановки в Консерватории, — писал Чайковский Юргенсону 4 (16) февраля 1878 г., — то это будет для "Онегина" большим счастьем. Там будут петь птенцы, но зато не будет рутины. Консерватория должна дать образец постановки этой оперы 〈...〉» (*Чайковский П.И.*, *Юргенсон П.И.* Переписка. Т. 1. С. 39; см. также: *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 97). Премьера оперы состоялась через месяц — 17 марта ст. ст. 1879 г. В отличие от первой полной репетиции, на которой присутствовал Тургенев (об этой репетиции Юргенсон телеграфировал Чайковскому: «Субботу исполняли "Онегина" всего с оркестром. Чудесно! Пойдет неминуемо 17 марта» (*Чайковский П.И.*, *Юргенсон П.И.* Переписка. Т. 1. С. 124), как следующая генеральная репетиция (на которой присутствовал сам Чайковский), состоявшаяся накануне премьеры — 16 марта ст. ст. 1879 г., так

и премьера прошли уже не в Консерватории, а на сцене Малого театра в Москве.

[11] Первым исполнителем партии Ленского в студенческой постановке "Евгения Онегина" был начинающий тенор М.Е. Медведев (наст. имя М.Х. Бернштейн), приглашенный в Московскую консерваторию самим Н.Г. Рубинштейном. Свою партию он готовил под непосредственным руководством П.И. Чайковского и в дальнейшем заслужил от композитора звание "лучшего Германа" в опере "Пиковая дама". По воспоминаниям Н.Д. Кашкина, позднее Тургенев признавался, что образ Ленского у Чайковского "как будто вырос, стал чем-то бóльшим, нежели у Пушкина" (*Кашкин Н.Д.* Избранные статьи о П.И. Чайковском. М., 1954. С. 46).

[12] Имеется в виду М.Н. Климентова, в то время студентка Московской консерватории. Она оказалась первой исполнительницей партии Татьяны в опере "Евгений Онегин". Как отмечал сам П.И. Чайковский после премьеры, "*Татьяна — Климентова* более приближается к моему идеалу, особенно благодаря тому обстоятельству, что у ней, несмотря на большую сценическую неумелость, есть теплота и искренность" (*Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. М., 1963. Т. 8. С. 155. Письмо от 19 марта ст. ст. 1879 г. к Н.Ф. фон Мекк). О "большем радушии", с которым ее встречала публика по сравнению с исполнителями ролей Онегина и Ленского, писал Чайковский и П.И. Юргенсону (Там же. С. 177. Письмо от 19 апреля ст. ст. 1879 г.). Впоследствии Тургенев познакомился с Климентовой, оставившей воспоминания об их знакомстве (текст воспоминаний во французском оригинале см.: Souvenirs de M.N. Klimentova-Muromceva / Publ., comment. et notes de J. Catteau // Revue des études slaves. 2005. T. 76. Fasc. 1. P. 113—112; в русском изложении (по английскому переводу): *Джанумов С.А.* И.С. Тургенев в воспоминаниях М.Н. Климентовой-Муромцевой // Спасский вестник. 2004. Вып. 11. С 194—202). В 1880 г. Тургенев присутствовал на дебюте Климентовой в опере Гуно "Фауст" (партия Гретхен) вместе с художником В.Д. Поленовым, которому повторил свое впечатление от исполнительского мастерства певицы: "крупный талант, как вокальный, так и драматический" и совет поучиться "четыре-пять месяцев у хорошего профессора, как, например, Viardot" (письмо Поленова к Климентовой от 18 апреля 1880 г.: *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов: Письма, дневники, воспоминания. М.; Л., 1948. С. 279). Впоследствии, благодаря Тургеневу, Климентова познакомилась с П. Виардо, однако достоверных данных о том, что она брала у нее уроки, обнаружить не удалось. На пушкинских торжествах в Москве в июне 1880 г. Климентова исполняла арии Татьяны из оперы "Евгений Онегин" (см.: Чайковский на московской сцене. М.; Л., 1940. С. 83).

[13] Упомянутое письмо, как и большинство других писем П. Виардо периода пребывания Тургенева в России в феврале — марте

1879 г., остается неизвестным. Письма К. Шамро к Тургеневу также неизвестны. Если верить воспоминаниям Е.И. Бларамберг, во время приезда в Москву Тургенев читал ей "выдержки из писем Марианны об ее блестящем дебюте" (*Бларамберг. Воспоминания*. С. 734). Эти письма также остаются неизвестными.

[14] Имеется в виду воскресное выступление 23 февраля н. ст. 1879 г. Марианны Виардо в Зимнем цирке, где французский дирижер Ж.-Э. Паделу организовал общедоступные концерты на базе Общества молодых артистов консерватории (по его имени этот Зимний цирк стал называться цирком Паделу). Марианна исполнила арию из оперы "Ксеркс" Генделя и ариетту "Жаворонок" из оперы Н. Джомелли "Ловля птиц", обработанную специально для нее П. Виардо. Клавир ариетты с текстами на итальянском и французском языках (для сопрано и меццо-сопрано) был переиздан в июле того же 1879 г. в серии шедевров итальянской музыки XVII—XVIII вв. "Les Gloires de l'Italie": La Calandrina, ou la Marchande d'oiseaux. Arietta tirée du Parataglio de Jomelli (1750). Chantée par Mlle Marianne Viardot et variée pour elle par Mme Pauline Viardot. Paris: au Ménestrel (Heugel & fils), 1879 (объявление о продаже см.: Les petites annonces théâtrales et musicales. 1879. 5 juillet. P. 8). На обложке значились оба имени: Марианны Виардо и (крупным шрифтом) ее матери (см. факсимильное воспроизведение: http://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?id=0000112141&page=1). Подробнее об истории этого издания см.: *Viardot Catalogue*. P. 73—74. Объявления о выступлении Марианны Виардо в Зимнем цирке появились в ведущих газетах: например, в "Le Figaro" (1879. 20 février. № 51. P. 3) и "Le XIXe siècle" (1879. 22 février. № 2621. P. 4), где Марианна была по ошибке названа "мадам" (эта ошибка была отмечена в № 6517 "Le Temps" от 23 февраля н. ст.), в "Journal des Débats" и др. Отзывы музыкальных критиков об этом выступлении М. Виардо были чрезвычайно хвалебными. Так, журнал "Le Ménestrel", давая оценку всему концерту, писал: «Но огромный и заслуженный успех этого дня выпал на арию из "Ксеркса" (1738) Генделя и арию "Жаворонка" (1755) Джомелли, исполненные м-ль Марианной Виардо: одобрительные выкрики, вызовы, *бисирование* — всего было в избытке в триумфе очаровательной артистки. Это было чудо слышать столь чистый и звучный голос, который выказывал себя без усилий; — исполнив две арии совершенно различного плана, м-ль Виардо продемонстрировала удивительную гибкость своего дарования. 〈...〉 М-ль Виардо прирожденная артистка, она принадлежит к одной из тех избранных семей, где искусство передается как священный сосуд» (1879. 2 mars. № 14. P. 111). Тургенев мог присутствовать на более раннем выступлении Клоди и Марианны (на благотворительном концерте) 8 февраля н. ст. 1879 г., где Марианна с большим успехом также исполняла "Жаворонка" (см.: Ibid. 16 février. № 12. P. 95).

[15] Как и Тургенев, журнал "Le Ménestrel" предрекал Марианне Виардо большое будущее: "Она не выпустит этот сосуд из

своих рук, и мы предсказываем ей, не боясь впасть в ошибку, самое блестящее артистическое будущее" (1879. 2 mars. № 14. P. 111). Однако, несмотря на все усилия П. Виардо, Марианна не сделала артистической карьеры. В воспоминаниях одной из учениц П. Виардо есть свидетельство, что французский композитор Амбруаз Тома «упрашивал Марианну создать заглавную роль в его опере "Франческа да Римини", находя Марианну как бы воплощением Франчески, предлагал ей блестящий ангажемент в Большую Оперу, но Марианна ни за что не хотела артистической карьеры и наотрез отказалась создать Франческу. Mme Виардо прибавила: "C'est une petite bourgeoise!" ("Она — мещаночка!" — *франц.*)» (*Ромм С.* Из далекого прошлого: Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе // *ВЕ.* 1916. № 12. С. 101).

[16] Эта телеграмма, посланная, очевидно, П. Виардо, неизвестна.

[17] После блестящего успеха М. Виардо 23 февраля н. ст. 1879 г. Ж.-Э. Паделу решил объявить о ее участии в следующем воскресном концерте, выпавшем на 2 марта н. ст. Газета "Le Rappel" писала по этому поводу: «Дочь великой драматической певицы Полины Виардо м-ль Марианна Виардо снискала столь оглушительный успех дебютом в общедоступном концерте двумя ариями из композиторов XVIII века, что г. Паделу назначил новое ее выступление с арией из "Филемона и Бавкиды" Гуно для завсегдатаев этих концертов в воскресенье» (1879. 1 mars. № 3277. P. 3). При этом в концерте должен был выступить и сын Виардо скрипач Поль Виардо с исполнением "Интродукции и рондо" Сен-Санса (Journal des Débats. 1879. 2 mars. P. 3). Откликаясь на этот концерт, "Le Ménestrel" писал об очередном выступлении Марианны теперь уже с современным произведением: «Новый большой успех, хотя ария из "Филемона и Бавкиды" непременно требует сцены, чтобы быть оцененной в полной мере. Рядом с м-ль Виардо выступал ее брат, скрипач, владеющий смычком умело и с блеском, указывающим на стиль великой семьи Гарсиа. Воистину можно сказать, что г. Поль Виардо появился на свет играющим на скрипке: с какой прирожденной легкостью он обходится с трудностями! Его вызывали, наравне с сестрой, в рондо каприччиозо Сен-Санса, который явно хочет поспорить с "Венецианским карнавалом" Паганини» (1879. 9 mars. № 15. P. 119).

[18] Сопоставляя успех Марианны Виардо с горячим приемом, который ему в этот приезд оказали в России, Тургенев упоминает лишь об одном эпизоде, а именно о заседании Общества любителей российской словесности (ОЛРС), состоявшемся в физической аудитории Московского университета 18 февраля (2 марта) 1879 г., куда он был приглашен, "сдавшись", по свидетельству Н.Я. Стечькина, "на долгие настоя-

ния" А.Ф. Писемского (*Стечькин. Воспоминания.* С. 18). Однако знаки особого отношения к появлению Тургенева в России обнаружились раньше, еще в Петербурге, а также по приезде в Москву, когда писателю 15 (27) февраля был дан обед М.М. Ковалевским и группой молодых московских профессоров (см. об этом во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе и примеч. 1 к письму 5265). Тем не менее Тургенев, по свидетельству Н.Я. Стечькина, сомневался, идти ли ему на заседание ОЛРС, "так как боялся какой-либо неблагоприятной для себя выходки. Популярность его среди публики в то время стояла ниже нуля. И.И. Маслов уговаривал приятеля ехать, но сам нестерпимо трусил за него и уклонился от посещения заседания" (*Стечькин. Воспоминания.* С. 18). Заседание вылилось в подлинное чествование Тургенева, о чем сохранилось немало свидетельств очевидцев. Студентом, произнесшим речь, был П.П. Викторов, к тому времени популярный среди революционно настроенной молодежи оратор, которому удалось лично познакомиться с писателем, позже пригласившим его к себе для беседы и попросившим принести ему текст прозвучавшей речи. Подробнее описание этого заседания см. во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе. Отклик Тургенева на заседание 18 февраля (2 марта) 1879 г. см. также в письме 5269.

[19] Это письмо к П. Виардо неизвестно.

5267. С.А. Юрьеву (с. 54)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 636. Оп. 1. № 493. Л. 1.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 37.

Датируется на следующем основании: записка написана в период пребывания Тургенева в Москве зимой 1879 г., когда на следующий день после публичного заседания при Московском университете 18 февраля (2 марта) 1879 г. Общества любителей российской словесности, председателем которого был С.А. Юрьев, у Тургенева внезапно разболелась нога (см. письма 5266 и 5269). В письме 5271 Тургенев извещал уже, что его "ноге лучше", и условливался о предстоящем на будущей неделе литературном вечере.

[1] Не исключено, что Тургенев рекомендовал Юрьеву Н.Н. Спигглазова как поэта и переводчика на предмет возможного сотрудничества в организованном Юрьевым журнале "Русская мысль" (об официальном разрешении на издание нового журнала сообщали газеты; см., например: Петербургский листок. 1879. 22 марта. № 57. С. 2). Его дарование было отмечено еще в 1849 г. Н.А. Некрасовым в статье "Русские второстепенные поэты" (см.: *Некрасов.* Т. 11. Кн. 2. С. 36—38). Оригинальные стихотворения Спиглазова

и переводы его из Байрона в 50-х годах неоднократно печатались на страницах "Современника".

5268. Раби (с. 54 и 207)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 179. Подлинник хранится: *SBB.* Handschriftenabteilung; Slg. Darmstaedter 2m 1844 (ранее хранился в Westdeutsche Bibliothek Marburg). Возможно, письмо адресовано некоему г-ну Раби, бакалавру литературы и естественных наук, преподававшему и даже занимавшему должность директора в различных французских колледжах, с 1875 г. служившему в Академии Тулузы (см., например: Bulletin administratif du Ministère de l'instruction publique des cultes et des beaux-arts. Paris, 1874. T. 16. P. 393; Ibid. Paris, 1876. T. 18. P. 733).

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 37. Описание письма см.: *Rösel Hubert.* Autographe bekannter Slaven in der Sammlung Darmstaedter // Die Welt der Slaven. 1960. Jahr. 5. H. 2. S. 197.

[1] Это письмо Раби к Тургеневу неизвестно. Очевидно, оно было переслано Тургеневу из Парижа П. Виардо или кем-то из ее дочерей.

[2] О каком "высоком звании" идет речь, установить не удалось. Исследования Раби, о которых упоминает Тургенев, по-видимому, печатались в периодических изданиях.

5269. А.В. Топорову (с. 55)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 10.

Впервые опубликовано: Новый мир. 1930. № 2. С. 216—217.

[1] О последнем завещании Н.С. Тургенева, составленном 14 ноября ст. ст. 1877 г., и о денежных взаиморасчетах между братьями см. примеч. 4 и 5 к письму 5217. О П.К. Маляревском и его роли в деле о наследстве Н.С. Тургенева см. примеч. 4 к письму 5219, а также примеч. 5 к письму 5223. См. также примеч. 7 к письму 5266.

[2] Заседание Московского окружного суда по делу об утверждении духовного завещания надворного советника Н.С. Тургенева было отложено (см. письмо 5273) и состоялось в среду 28 февраля ст. ст. 1879 г. под председательством известного юриста Э.Н. Сумбула. Сохранился протокол этого заседания: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 3. № 10. П.К. Маляревский на заседании не присутствовал, вместо него присутствовал его поверенный А.И. Тибеньков. По итогам рассмотрения дела завещание Н.С. Тургенева было утверждено к исполнению "как составленное и явленное

с соблюдением правил и сроков" (Там же. Л. 2). Днем оглашения определения было назначено 14 марта ст. ст. 1879 г. (Там же. Л. 1). Тургенев в это время находился в Петербурге. О размере капитала, который Тургенев фактически получил по завещанию брата, см. и примеч. 1, 2 к письму 5311. Накануне заседания по делу об утверждении завещания, однако, Тургенев подал в тот же Московский окружной суд прошение о признании его наследственных прав на имущество брата, оставшееся без завещательного распоряжения, в частности на имение Долгий Колодезь, Никулино тож, Мценского уезда Орловской губернии (см.: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 98). О ходе этого дела см. примеч. 3 к письму 5235, а также письмо 5293 и примеч. 3 к нему.

[3] К В.В. Самарскому-Быховцу Тургенев часто обращался как к адвокату по всякого рода юридическим вопросам.

[4] Об обеде 15 (27) февраля, данном Тургеневу М.М. Ковалевским и группой московских профессоров, см. примеч. 1 к письму 5265.

[5] 18 февраля (2 марта) 1879 г. Тургенев присутствовал на публичном заседании Общества любителей российской словесности, превратившемся в торжественное чествование писателя (см. письмо 5266 и примеч. 18 к нему). Еще до начала заседания с приветственной речью к писателю обратился с хоров студент П.П. Викторов. Речь эта, подготовленная заранее (возможно, вместе с товарищами, будущими членами Центрального исполнительного комитета "Народной воли" В.С. Лебедевым и П.А. Теллаловым, как в случае с несколькими другими его речами; см. также: *Алексеева Н.В.* Воспоминания П.П. Викторова о Тургеневе *// Т сб (1960).* С. 295), сохранилась в различных изложениях, в том числе в конспекте воспоминаний В.С. Лебедева, который записал: «IV. *Восстановление более близких отношений И.С. Тургенева с русской интеллигенцией и вообще с Россией* (январь – февр. 1879 г.). Приезд Тургенева из Парижа в Москву. Заседание "О⟨бщест⟩ва любителей российской словесности" с участием Тургенева. Обращенная с хор к Тургеневу речь П.П. Викторова. В речи было выражено, что в свое время Тургеневым были напечатаны "Записки охотника", послужившие боевым кличем к низвержению крепостного рабства. Затем наступили времена, когда произошло некоторое расхождение и охлаждение между Тургеневым и представителями следующего поколения. С тех пор прошло много лет; эти отношения успели сгладиться, смягчиться; в русском обществе назрели новые задачи и потребности; поднимаются снова идеалистические порывы, нужны своего рода новые "Записки охотника", которые, однако, уже не напишет И.С. Тургенев. Тем не менее современное поколение снова находит точки соприкосновения с И.С. Тургеневым, возвращаясь к прежнему идеализму» (цит. по: Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М., 1928. С. 161 – 162). Как и речь Н.Н. Чихачева (см. примеч. 3 к письму 5283),

речь Викторова была результатом коллективного творчества (об утрате этого "любопытного исторического документа" сожалел и сам автор), хотя прямых данных об этом не сохранилось. Далеко не все согласились с оратором, бросившим писателю своего рода упрек в непонимании молодого поколения. Корреспонденту "Русских ведомостей" речь Викторова показалась "несколько длинною и резонерскою для данной минуты" (1879. 21 февраля. № 45. С. 2. Раздел "Московские вести"). Н.Я. Стечькин позже писал: "Он (Викторов. — *Ред.*) приветствовал Тургенева, но несколько с высоты своего юного величия, несколько покровительственно. Потом этот оттенок разобрали и отметили 〈...〉" (*Стечькин. Воспоминания.* С. 18). Писательница Е.П. Леткова, в то время курсистка, свидетельствовала, что упреки Тургеневу возмутили многих и вызвали споры среди учащихся, а то «сдержанно критическое отношение к Ивану Сергеевичу, которое было обязательным после "Нови" — вдруг пропало. Всплыло чувство преклонения перед громадным талантом и певцом русской женщины» (*Леткова Е.П.* Об Ив.С. Тургеневе (Из воспоминаний курсистки) // К свету. Научно-литературный сборник / Под ред. Ек.П. Летковой и Ф.Д. Батюшкова. Издание Комитета Общества доставления средств С.-Петербургским Высшим женским курсам. СПб., 1904. С. 452—453). Большинством молодежи речь была воспринята восторженно. В то же время недоброжелательные к писателю "Московские ведомости" саркастически замечали, что «некто, никем без сомнения не уполномоченный, 〈...〉 наконец делает мягкосердному старцу нотацию за то, что тот не умел понять стремления молодого поколения, и заявляет, что будущих "Отцов и детей" напишет уже не Тургенев. И что же? Маститый писатель, повинуясь духу времени, преклоняет седую голову, трогательно благодарит и объявляет, что вкушает высшую и лучшую награду в своей жизни!» (1879. 31 марта. № 81. С. 4). Тургенев действительно произнес краткое ответное слово, суть которого М.М. Ковалевский воспроизвел в своих воспоминаниях: "Я отношу ваши похвалы более к моим намерениям, нежели к исполнению, — сказал он, — от всей души благодарю вас!" (*Ковалевский М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // *Мин Годы.* 1908. № 8. С. 11; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 140. Более развернутый ответ писателя см. также: *Рус Вед.* 1879. 21 февраля. № 45. С. 2). Текст речи Викторова, позже врученный им писателю, был передан Тургеневым П.Л. Лаврову, который, по свидетельству самого Викторова, процитировал часть ее в своей статье "Социалистическое движение в России" (впервые статья под заглавием "Russland. Bericht über den Fortgang der sozialistischen Bewegung" была за подписью "P. L." опубликована в 1879 г. в первом выпуске немецкого журнала "Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", а затем в русском переводе

в журнале "Каторга и ссылка" в 1925 г.). Сравнивая положение России до отмены крепостного права и после, Викторов, обращаясь к Тургеневу, говорил, что "положение общества таково же; и тогда под ногами была связанная (sic!) почва, только иначе связанная, и народ ждет, чтобы нашему неустройству пришел конец. Печальные и ужасные явления нашей общественной жизни, которые строго логически проистекают из наших специальных порядков, должны потрясать вас, как и нас, до глубины души" (Каторга и ссылка. 1925. № 1. С. 74). Припоминая русский текст своей речи, Викторов поправил обратный перевод с немецкого, предложив вместо "связанная почва" читать "закованная", а также сделал несколько уточнений к воспоминаниям Ковалевского (см.: *Викторов. Воспоминания.* С. 336—337, 341—342). От лица молодежи Викторов призывал писателя "вступить в ряды той интеллигенции нашего общества, которая стремится тем или другим образом разрушить существующий порядок" (Каторга и ссылка. 1925. № 1. С. 74). Прочитав много лет спустя отрывок из своей речи, хотя и без указания на источник и имя автора, Викторов "был счастлив убедиться" в том, что Тургенев выполнил свое обещание и ознакомил с его речью Лаврова (*Викторов. Воспоминания.* С. 342). Устроителям заседания было известно о том, что от студенчества ожидается выступление, в связи с чем на хоры поднялся председатель ОЛРС С.А. Юрьев и посоветовал Викторову выступить до начала заседания, чтобы не нарушать устав Общества (Там же. С. 334). В воспоминаниях Викторов воспроизвел по памяти свою речь (см. вступит. статью к Примечаниям в наст. томе) и реакцию на нее, в частности М.Н. Каткова в "Московских ведомостях" (см. выше) и А.С. Суворина в "Новом времени", охарактеризовавшего речь Викторова как "благоволение", произнесенное "с высоты своей юношеской заносчивости и легкомыслия" (1879. 25 февраля. № 1075).

[6] На заседании 18 февраля (2 марта) 1879 г. председатель Общества С.А. Юрьев объявил действительного члена Общества любителей российской словесности Тургенева почетным членом.

[7] Припадок оказался "настоящим", продержав Тургенева в постели около 10 дней (см. письма *5270*, *5275* и *5278*).

[8] В Петербург Тургенев выехал из Москвы 7 (19) марта 1879 г. 9 (21) марта он выступил на литературном вечере в Благородном собрании в пользу Литфонда.

5270. О.А. Новиковой (с. 56 и 207)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 345. Оп. 1. № 776. Л. 19; конверт — л. 20.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 38.

Датируется по содержанию и указанию дня недели. Упоминание имени М.А. Нейдгардт, жены Б.А. Нейдгардта, проживавших в Москве, свидетельствует о том, что письмо было написано Тургеневым в Москве, а упоминание брошюры Новиковой позволяет отнести его к 1879 г. Из писем 5266, 5267, 5269, 5273, 5275 и др. очевидно, что с понедельника 19 февраля (3 марта) по вторник 27 февраля (11 марта) у Тургенева был сильный приступ подагры (первые симптомы которого проявились еще вечером в воскресенье 18 февраля (2 марта)). 7 (19) марта Тургенев уехал в Петербург и больше в Москву не возвращался. Следовательно, среда, которой помечено письмо, приходится на 21 февраля (5 марта) 1879 г.

[1] Утренник — по-видимому, одно из чтений, которыми М.А. Нейдгардт старалась ежегодно отмечать дату основанного в 1851 г. ее матерью О.Н. Талызиной Мариинского училища (5 марта ст. ст.), приняв от нее пост попечительницы в 1865 г. Очевидно, чтение у М.А. Нейдгардт состоялось 27 февраля (11 марта) 1879 г. (см. письма 5274 и 5278). Не исключено, что именно о нем вспоминала впоследствии М.А. Нейдгардт, со слов ее внучки М.П. Бок, перебирая альбом с автографами знаменитых людей, который собирала с юности и в котором имелся автограф Тургенева (неизвестен): «Тургенев в свое время читал у бабушки вслух "Записки охотника"» (*Бок М.П.* П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 71).

[2] Приступ подагры оказался более затяжным: Тургенев смог впервые выйти из дома с помощью палки лишь 27 февраля (11 марта) (см. письмо 5278 и примеч. 1 к письму 5274).

[3] Брошюра Новиковой вышла в Лондоне в самом конце 1878 г. под заглавием: «Friends or foes? A sequel to "Is Russia wrong?" by a Russian lady, O. K.» («Друзья или враги? Продолжение книги "Неправа ли Россия?", написанное русской дамой, О. К.»). Оценку брошюры Тургенев дал в письме к Новиковой от 24 февраля (8 марта) 1879 г. (№ 5272).

5271. С.А. Юрьеву (с. 56)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ.* Ф. 17. Оп. 1. № 22. Л. 1, 2 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 38–39.

Датируется по связи с письмом 5267 (см. обоснование датировки к нему) и указанию дня недели.

[1] Надежды Тургенева не оправдались: приступ подагры затянулся. Впервые он смог выйти из дома (с палкой) лишь

27 февраля (11 марта) (см. письмо 5278), но состояние писателя оставалось все еще плачевным, в результате чего его участие в литературно-музыкальном вечере в пользу недостаточных студентов Московского университета до последнего оставалось под вопросом. Тем не менее вечер в итоге состоялся в воскресенье 4 (16) марта 1879 г. в Большой зале Благородного собрания, однако объявления о нем, вопреки обыкновению, в газетах практически не печатались. Лишь накануне вечера, 3 (15) марта, извещение появилось в "Современных известиях". О том, что этот вечер "встретил разные затруднения" (прежде всего подразумевалась политическая подоплека), сообщали "Русские ведомости", заметив, что "поэтому афиши были разосланы только в самый день, и никто наверное не знал даже: состоится ли чтение И.С. Тургенева или нет". С последним обстоятельством газета связывала отсутствие "множества обычных посетителей и посетительниц всевозможных концертов" и практически полное отсутствие «так называемого "бомонда"» (1879. 6 марта. № 57. С. 2. Раздел "Московские вести"). На этом вечере Тургенев в ответ на выступление студента Н.Н. Чихачева произнес "⟨Речь к московским студентам...⟩" и прочел из "Записок охотника" очерк "Бурмистр" (см.: *Васильев. Описание торжеств.* С. 4—6; наст. изд. Соч. Т. 12. С. 335, 676—677). В программе вечера приняли участие также сам С.А. Юрьев, С.И. Танеев и др. (см.: *Совр Изв.* 1879. 7 марта. № 65. С. 2). Подробное описание вечера см. в письме 5283, а также во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе.

5272. О.А. Новиковой (с. 58 и 208)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 345. Оп. 1. № 776. Л. 21; конверт — л. 22.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма*. Т. XII. Кн. 2. С. 39.

Датируется по связи с письмом 5270 и в соответствии с указанным днем недели.

[1] О намеченном выступлении на утреннике у М.А. Нейдгардт см. примеч. 1 к письму 5270. На следующий день Тургенев убедился, что не сможет посетить ее в понедельник, 26 февраля (10 марта), и отложил чтение на вторник, 27 февраля (11 марта) 1879 г. (см. письма 5274 и 5278).

[2] См. примеч. 3 к письму 5270.

[3] О каких английских газетах идет речь — неизвестно.

5273. М.М. Стасюлевичу (с. 58)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 230.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 160.

[1] Эта телеграмма Тургенева, как и запрос Стасюлевича, неизвестны.

[2] Имеется в виду назначенный на 25 февраля (9 марта) 1879 г. благотворительный концерт в пользу только что учрежденной в Москве (Мариинским комитетом Общества Красного креста) школы фельдшериц (см. о ней: *Моск Вед.* 1879. 21 февраля. № 44. С. 5), об участии в котором Тургенева (с чтением отрывка из "Записок охотника") накануне поспешили сообщить все ведущие московские газеты. Так, в газете "Московские ведомости" на первой полосе появилось объявление, где имя писателя было напечатано существенно более крупным шрифтом, чем имена всех остальных участников (1879. 24 февраля. № 47. С. 1; см. также иллюстрацию на с. 59). Таким же образом были отпечатаны и афиши концерта (см.: *ГИМ.* Ф. 456. № 23. Л. 18, а также письмо 5282 и примеч. 5 к нему). «Нам сообщают, — говорилось в "Русских ведомостях", — что в концерте любителей (в пользу школы фельдшериц, устраиваемой Мариинским комитетом) завтра, 25-го февраля, в 9 ч. вечера, в зале Благородного собрания, наш дорогой гость И.С. Тургенев будет читать одно из своих произведений. Мы душевно радуемся за всех ценителей таланта высокодаровитого русского писателя-художника, которого Москва в этот приезд принимает с особым радушием и симпатией. Не сомневаемся, что кроме обычных посетителей благотворительных концертов все грамотные люди соберутся послушать автора "Записок охотника" и "Нови"» (1879. 24 февраля. № 48. С. 3. Раздел "Московские вести"). Концерт состоялся (ср.: *Васильев. Описание торжеств.* С. 4, где ошибочно утверждается, что этот концерт по какой-то причине не состоялся), однако из-за приступа подагры Тургенев в нем участия принять не смог. См. также письмо 5278, примеч. 5.

[3] Дело об утверждении духовного завещания брата писателя, Н.С. Тургенева, слушалось в Московском окружном суде в среду 28 февраля (12 марта) 1879 г. (протокол см.: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 3. № 10). На заседании поверенным П.К. Маляревского выступал А.И. Тибеньков. О результатах заседания см. примеч. 2 к письму 5269.

[4] Литературные чтения в пользу Литфонда должны были состояться в Петербурге 2 (14) марта 1879 г. Имя Тургенева было заявлено в уже отпечатанной афише (цензурное разрешение: 20 февраля 1879 г. См.: *ИРЛИ.* Ф. 155. Приложения к журналам заседаний 1875—1879 гг. Л. 325). Газета "Петербургский листок" сообщала: "И.С. Тургенев, находящийся в Москве, заболел, вследствие чего объявленное на 2 марта литературное чтение, в котором он участвует, отложено

до 9-го марта. Взятые билеты действительны и на это число. Все билеты уже проданы" (1879. 1 марта. № 42. С. 3). 9 (21) марта с чтением своих произведений выступили Тургенев, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков (Щедрин), А.Н. Плещеев, Я.П. Полонский и А.А. Потехин. См. также примеч. 10 к письму 5289 и примеч. 1 к письму 5277.

[5] В Петербург Тургенев приехал лишь накануне чтения — 8 (20) марта.

[6] Роман Л.Я. Стечькиной "Варенька Ульмина" был выслан Тургеневым Стасюлевичу 27 февраля ст. ст. 1879 г. (см. письмо 5278). В редакционный портфель рукопись поступила 10 (22) марта 1879 г. (см.: *Каталог рукописей.* Л. 69. № 70), очевидно после личного обсуждения, состоявшегося по приезде писателя в Петербург.

5274. О.А. Новиковой (с. 60 и 208)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 345. Оп. 1. № 776. Л. 23; конверт — л. 24.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 40.

Датируется по связи с письмами 5270 и 5272.

[1] Очевидно, речь идет о чтении у М.А. Нейдгардт, которое пришлось дважды отложить из-за болезни Тургенева (см. письма 5270 и 5272). См. также письмо 5278.

[2] См. письмо 5272.

5275. Л.Я. Стечькиной (с. 60)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 48—50.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 20—21, без обоих постскриптумов, которые ошибочно приписаны к письму от 27 января (8 февраля) 1879 г., причем во втором постскриптуме отсутствует обозначение: "P.S.S." (Там же. С. 19).

[1] Л.Я. Стечькина приехала в Москву из своего имения в сельце Плутнево Тульской губернии по приглашению Тургенева, очевидно, 15 февраля ст. ст. 1879 г. для "окончательных переговоров о ее романе" "Варенька Ульмина", а покинула Москву, как следует из настоящего письма, 19 февраля ст. ст. 1879 г. За это время состоялось несколько встреч Стечькиной с Тургеневым, который, по воспоминаниям ее брата, навестил молодую писательницу в гостинице "Славянский базар" сразу по ее приезде (*Стечькин. Воспоминания.* С. 17); посещала она Тургенева и на квартире И.И. Маслова, где остановился писатель. Стечькина присутствовала на чествовании писателя на заседании Общества любителей российской словесности в Московском университете 18 февраля (2 марта). См. также примеч. 2 к письму 5264.

[2] О какой поправке в романе "Варенька Ульмина" говорит Тургенев — неизвестно. Возможно, речь идет об исправлении, сделанном по совету П.В. Анненкова, который читал роман и сообщил свои замечания Тургеневу (см. письмо 5264). Писатель и сам редактировал роман Стечькиной, отправив рукопись М.М. Стасюлевичу через день — 27 февраля (11 марта) (см. письмо 5278 и примеч. 6 к письму 5273).

[3] В действительности Тургенев выехал из Москвы в Петербург не в понедельник 5 (17) марта, как планировал, а в среду 7 (19) марта 1879 г. (см. письмо 5289 и примеч. 6 к нему).

[4] О пребывании Стечькиной в Москве в феврале 1879 г. и о ее встречах с Тургеневым см.: *Стечькин. Воспоминания.* С. 17—23. Упоминание имени И.И. Маслова свидетельствует о том, что в этот приезд в Москву Стечькина познакомилась с ним, очевидно, в доме Удельной конторы на Пречистенке, где остановился писатель. "Этот милейший и добрейший старый холостяк, — вспоминал Н.Я. Стечькин, также посетивший Тургенева у Маслова, по всей видимости, 14 (26) февраля, — с шаблонной физиономией чиновника прежнего времени, казалось, на первый взгляд не мог иметь ничего общего с Тургеневым. / Между тем Тургенев любил и уважал Маслова и ценил его житейскую опытность и его мнения" (Там же. С. 17).

[5] Мать Л.Я. Стечькиной — Л.Н. Стечькина.

[6] См. письмо 5297.

[7] Ко второму постскриптуму, ошибочно приписанному к письму от 27 января (8 февраля) 1879 г., в первой публикации сделано следующее примечание: "Настоящее письмо написано на 2-й и 3-й страницах обыкновенного почтового листка бумаги" (*Письма к Стечькиным.* С. 19).

5276. Е.И. Бларамберг (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ.* Ф. 3. Оп. 1. № 114. Л. 1—1 об.

Впервые опубликовано с неточностями: *Рус Вед.* 1904. 25 января. № 25. С. 4.

Датируется на следующем основании. По свидетельству самой Бларамберг, данная записка Тургенева относится к периоду пребывания писателя в Москве в феврале — марте 1879 г. (см.: *Рус Вед.* 1904. 25 января. № 25. С. 4; см. также: *Бларамберг. Воспоминания.* С. 734). Содержание записки позволяет отнести ее к последним дням болезни Тургенева. Приступ подагры был в этот период с 19 февраля (3 марта) по 27 февраля (11 марта) 1879 г., когда писатель в первый раз вышел из дому, а следовательно, не мог утверждать, что проведет "целый завтрашний день" в постели (см. письмо 5278).

[1] Вспоминая свои визиты к больному Тургеневу, Бларамберг писала: "Я заставала его одного с закутанною теплыми плэдами ногой, но бодрым и чрезвычайно оживленным. За вечерним чаем с крыжовниковым вареньем, — его любимое варенье, — часы летели незаметно. Он говорил о новой задуманной повести, о своем желании поселиться в Спасском, о решении переделать, перестроить свой старый дом, читал выдержки из писем Марианны об ее блестящем дебюте в концерте Колонна (ошибка памяти мемуаристки: речь шла о дебюте М. Виардо в Зимнем цирке Паделу. См. письмо 5266 и примеч. 14, 15 к нему. — *Ред.*)... Письма эти чрезвычайно волновали его..." (*Бларамберг. Воспоминания.* С. 734). Во время пребывания в Москве Бларамберг несколько раз встречалась с Тургеневым, присутствовала она на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 18 февраля ст. ст., на вечере в пользу недостаточных студентов Московского университета 4 марта ст. ст., а также на состоявшемся после него обеде у А.Ф. Писемского (см.: Там же. С. 732—733).

[2] В 1875 г. по рекомендации Тургенева Бларамберг познакомилась с А.Ф. Писемским (см.: наст. изд. Письма. Т. 14. № 4084), который "особенно радушно" принял ее (см. письмо Бларамберг к Тургеневу от ноября—декабря 1875 г.: *Бларамберг. Воспоминания.* Приложение 1. С. 764) и помог найти литературную работу. О нем Бларамберг также оставила воспоминания (*Ардов (Апрелева) Е.* У Алексея Феофилактовича Писемского // *Рус Вед.* 1905. 10 апреля. № 97. С. 4—5; 14 апреля. № 101. С. 3—4).

5277. В.П. Гаевскому (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 155 (Литфонд). Приложения к журналам заседаний за 1875—1879 гг. Л. 329—329 об. На обороте пометы: "отв⟨етная⟩" (синим карандашом); "Сдана рассыльному 26-го / 12 час. 20 м. пополуд⟨ни⟩".

Датируется по пометам на бланке.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Телеграмма является ответом на запрос по телеграфу Гаевского (неизвестен) с просьбой подтвердить участие в литературных чтениях в пользу Литфонда 2 (14) марта 1879 г. Не получив ответа, Гаевский, очевидно, собирался повторить запрос: сохранился черновик его телеграммы от 26 февраля (10 марта) 1879 г., судя по всему, не отправленной: "Москва. Удельная контора, квартира Маслова [*Было*: Ивану Ильичу Маслову].[Жду ответа. Будет] Ив. Серг. Тургеневу. [Жду ответа на телеграмму 26 февраля.] Чтение назначено 2 марта. Когда возвратитесь. Ответ уплочен. Адрес Лит⟨ейная⟩, 48. Г⟨аевский⟩" (*ИРЛИ.* Ф. 155.

Приложения к журналам заседаний за 1875—1879 гг. Л. 328). К этому времени сообщение о назначенном на 2 (14) марта чтении уже появилось в газетах и были отпечатаны афиши, цензурное разрешение на которые было получено 20 февраля ст. ст. 1879 г. (см.: Там же. Л. 325, а также примеч. 4 к письму 5273). Чтение в пользу Литфонда планировалось заблаговременно, еще в начале февраля. 5 (17) февраля 1879 г. вновь избранный председатель Комитета Гаевский обратился к Тургеневу с просьбой: "Предчувствуете ли Вы, многоуважаемый Иван Сергеевич, что в этот Ваш приезд Вам неизбежно предстоит чтение в пользу литературного фонда? Дела фонда плохи, и Ваше содействие необходимо для их поправления. Я не сомневаюсь в Вашем согласии, но предупреждаю Вас письменно единственно для того, чтоб эта просьба комитета не застала Вас врасплох. Все, что Вы прочтете, разумеется, приведет всех в восторг и сведет с ума барынь, от которых Вам и без того нет отбою. Но мне кажется, что наибольший интерес мог бы возбудить какой-нибудь отрывок из Ваших воспоминаний, не предназначаемый к напечатанию в близком будущем. Как Вы думаете? Если Вы с этим согласны, то захватите с собой или, еще лучше, пришлите мне заблаговременно рукопись для представления в цензуру" (*ИРЛИ.* № 5758. Л. 1—1 об. Хотя ответ Тургенева на данное письмо неизвестен, не вызывает сомнений, что он был положительным). 14 (26) февраля Гаевский, в соответствии с установленным порядком проведения публичных чтений, подал попечителю петербургского учебного округа прошение с программой планируемого литературного вечера (вероятно, вместе с текстами авторов), в котором указано, что Тургенев будет читать рассказ из "Записок охотника" "Бурмистр" (черновик прошения Гаевского см.: *ИРЛИ.* Ф. 155. Приложения к журналам заседаний 1875—1879 гг. Л. 321—321 об.). 17 февраля (1 марта) программа вечера была утверждена (см.: Там же. Л. 322—322 об.). Получив настоящую телеграмму Тургенева, Гаевский 27 февраля (11 марта) 1879 г. подал на имя градоначальника необходимое прошение о переносе чтений с 2 (14) марта на 9 (21) марта 1879 г., черновик которого сохранился в бумагах Литфонда: "27 февр. 1879. № 10. По гор⟨одской⟩ почте. Г⟨-ну⟩ СПб. Градоначальнику. Комитет О⟨бщества⟩ д⟨ля⟩ п⟨особия⟩ н⟨уждающимся⟩ л⟨итераторам⟩ и уч⟨еным⟩, в дополнение к отношениям от 20 и 21 сего февраля за №№ 6 и 9, имеет честь уведомить в⟨аше⟩ пр⟨евосходительст⟩во, что объявленное на 2 марта чтение отлагается, по болезни И.С. Тургенева, до 9 марта. Предс⟨едатель⟩" (Там же. Л. 330). Здесь же сохранился черновик объявления для помещения в газетах: "Объявленное на 2 марта чтение в пользу литер⟨атурного⟩ фонда отлагается, по болезни И.С. Тургенева, до 9 марта. Взятые билеты действительны и на 9-е число. / Все билеты проданы" (Там же. Л. 331. См. также примеч. 4 к письму 5273). О причинах переноса даты

чтений и задержки Тургенева в Москве до 7 (19) марта 1879 г. см в письмах 5273 и 5278.

5278. М.М. Стасюлевичу (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 231.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 161.

[1] После первого восторженного впечатления от второй части романа Стечькиной "Варенька Ульмина" (см.: наст. изд. Т. 16. Кн. 1. № 5193) Тургенев сделал немало критических замечаний и просил П.В. Анненкова также высказаться по поводу этого произведения, сообщив его наблюдения Стечькиной во время встречи в Москве (см. письмо 5264). В Петербург Тургенев приехал не в среду, а в четверг, 8 (20) марта 1879 г. (см. письмо 5289 и примеч. 6 к нему). К приезду Тургенева Стасюлевич еще не был готов поместить роман в майской книжке "Вестника Европы", высказав ряд замечаний, потребовавших согласования с автором (см. письмо 5297). Роман "Варенька Ульмина" был напечатан в ноябрьской и декабрьской книжках.

[2] С Тургеневым случился приступ подагры сразу после чествований его 18 февраля (2 марта) 1879 г. на заседании Общества любителей русской словесности (см. письма 5266 и 5269). Первый выход из дому был связан, очевидно, с посещением М.А. Нейдгардт, у которой он обещал читать какое-то из своих произведений (см. письмо 5270 и примеч. 1 к нему). В этот день Тургенев также подал в Московский окружной суд прошение о вводе его во владение движимым и недвижимым имуществом брата, не упомянутым в его духовном завещании. Речь шла прежде всего о земле в имении Долгий Колодезь, Никулино тож, Мценского уезда Орловской губернии (см.: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 98). Об этом деле см. примеч. 3 к письму 5235, а также письмо 5293 и примеч. 3, 4 к нему.

[3] См. письмо 5273, примеч. 3, а также письмо 5293.

[4] Телеграмма к В.П. Гаевскому была послана 26 февраля (10 марта) 1879 г. (см. письмо 5277), телеграмма к Стасюлевичу неизвестна. Речь идет о чтении в пользу Литературного фонда — см. письмо 5273, примеч. 4, а также примеч. 1 к письму 5277.

[5] Речь идет о благотворительном концерте в пользу учрежденной в Москве школы фельдшериц, который состоялся в воскресенье 25 февраля ст. ст. 1879 г. в большой зале Благородного собрания. 23 февраля ст. ст. 1879 г. газета "Современные известия" писала: «(Чтение И.С. Тургенева). Нам сообщают, что находящийся теперь в Москве Иван Сергеевич Тургенев изъявил желание прочесть в устроиваемом Мариинским комитетом концерте 25 февраля

отрывок из “Записок охотника"» (№ 53. С. 3), однако 27 февраля ст. ст. в заметке “Концерт в пользу школ фельдшериц", посвященной этому событию, та же газета отмечала: «Публика видимо сочувственно отнеслась к благому предприятию, не оставив ни одного свободного места в зале, чему отчасти способствовало и желание послушать нашего талантливого романиста И.С. Тургенева, обещавшего прочесть, как гласили афиши, отрывок из “Записок охотника", но, к сожалению, не явившегося по болезни на концерт» (Там же. № 57. С. 2). Упоминаний о проявлениях недовольства публики в газетах обнаружить не удалось. Об этом концерте см. также примеч. 2 к письму 5273.

5279. В.П. Гаевскому (с. 63)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 171. № 291. Л. 4, на листе именной почтовой бумаги с монограммой И.И. Маслова в левом верхнем углу: переплетенные прописные русские буквы зеленого цвета “ИМ".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 42.

[1] 9 (21) марта 1879 г. вечером Тургенев выступил с чтением рассказа “Бурмистр" на литературном вечере в Петербургском Благородном собрании в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (см. примеч. 10 к письму 5289). В Петербург он прибыл 8 (20) марта (см. письмо 5289 и примеч. 6 к нему).

5280. Л.Н. Толстому (с. 63)

Печатается по подлиннику: *ГМТ.* Ф. 1. 114/25. Л. 1—1 об.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 342.

[1] Тургенев вынужден был задержаться в Москве, куда прибыл 14 (26) февраля 1879 г., в связи с затянувшимся делом о наследстве умершего брата Н.С. Тургенева, которое рассматривалось в Московском окружном суде (см. примеч. 4, 5 к письму 5217), и намеченным участием в нескольких чтениях, а также из-за приступа подагры.

[2] В Петербург Тургенев выехал 7 (19) марта 1879 г., доверив вести свои дела по наследству Н.А. Щепкину (см. письмо 5289, примеч. 6).

[3] Толстой приехал в Москву 19 марта ст. ст. 1879 г. с целью сбора материалов для задуманного им романа из истории XVIII в., когда Тургенева уже там не было (*Толстой. Летопись (1828—1890).* С. 509). В Петербург он в ближайшее время не приезжал. Ответ его на письмо Тургенева неизвестен.

[4] В это время Толстой переживал период сложных творческих исканий: в феврале 1879 г. он оставил начатый роман "Декабристы" и стал собирать материалы для нового, неосуществленного замысла романа из эпохи XVIII столетия.

[5] В 1879 г. Тургенев и Толстой не встречались.

5281. Х.Д. Алчевской (с. 64)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 35. Л. 1.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 43.

[1] Имеется в виду чтение в пользу Литфонда, состоявшееся 9 (21) марта 1879 г. См. примеч. 1 к письму 5277, примеч. 1 к письму 5279, а также примеч. 4 к письму 5273 и примеч. 10 к письму 5289.

[2] О чем здесь идет речь, установить не удалось.

5282. Полине Виардо (с. 65 и 208)

Печатается по подлиннику: Yale University. Beinecke Rare Book and Manuscript Library.

Впервые опубликовано во французском оригинале П. Уоддингтоном: An Unpublished Letter of Turgenev to Pauline Viardot // The Slavonic and East European Review. 1971. April. P. 272—275; перепечатано: *T. Quelques lettres.* P. 225—227.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] За исключением письма от 13 (25) марта 1879 г. (см.: во французском оригинале — *T. Lettres inéd.* P. 328—329; в русском переводе — *Т в восп совр. Переписка (1988).* С. 538—539), ни одно из писем, посланных Полиной Виардо во время пребывания писателя в России в 1879 г., так же как и предыдущие тринадцать писем Тургенева, до настоящего времени неизвестно.

[2] См. письмо 5278 и примеч. 2 к нему.

[3] Дело об утверждении духовного завещания Н.С. Тургенева слушалось в Московском окружном суде в среду 28 февраля (12 марта) 1879 г. (см. письмо 5273 и примеч. 3 к нему, а также примеч. 2 к письму 5269), однако Тургеневу пришлось неоднократно посещать судебные инстанции, чтобы ускорить получение оставленной ему части наследства, а также утвердить свои права на ту часть наследства, которая осталась без завещательного распоряжения. Ускорить срок вступления в наследственные права Тургеневу не удалось отчасти из-за внезапной болезни П.К. Маляревского, а также по формальным причинам (см. письмо 5293 и примеч. к нему).

[4] Имеется в виду музыкально-литературный вечер в пользу недостаточных студентов Московского университета. Описание

его писатель дал в следующем письме к П. Виардо (№ 5283). Тургенев не ошибся: власти пытались воспрепятствовать проведению этого вечера, однако в конце концов он был разрешен и Тургенев выступил на нем 4 (16) марта в Благородном собрании при большом стечении народа. Газета "Русские ведомости" сдержанно намекнула на непростые обстоятельства с устройством этого мероприятия: "Вечер в Благородном собрании, данный с благотворительною целью в воскресенье, 4-го марта, с участием И.С. Тургенева, встретил разные затруднения. Поэтому афиши были разосланы только в самый день, и никто наверное не знал даже: состоится ли чтение И.С. Тургенева или нет. Оно всего сильнее могло привлечь публику" (1879. 6 марта. № 57. С. 2). См. также примеч. 1 к письму 5271 и иллюстрацию на с. 67.

[5] Тургенев действительно принял участие в благотворительном концерте в Большом театре 5 (17) марта 1879 г., подтвердив это в письме к П. Виардо (см. письмо 5283). Сохранилась афиша этого концерта: "В Большом театре / В понедельник, 5-го марта, / г. Кашперов / имеет честь дать / большой / вокальный и инструментальный / концерт, с участием И.С. Тургенева" (*ГИМ.* Ф. 456. № 23. Л. 18; см. иллюстрацию на с. 71). Имя Тургенева, выделенное более крупным шрифтом, выглядело довольно странно на фоне исполнителей романсов, оперных арий, народных песен, оркестровых пьес, соло на арфе, скрипке и т.д. Тургенев уступил просьбам своего давнего знакомого композитора В.Н. Кашперова, решившего внести свой вклад в чествования писателя и устроившего благотворительный концерт силами созданного им общества хорового пения. Неизвестно, что читал Тургенев (в афише под номером 6 указано: «Чтение из "Записок охотника", исполнит И.С. Тургенев»), но он не ошибся: его голос совершенно потерялся в огромном зале (см.: *Ободовский К.П.* Рассказы об И.С. Тургеневе // *ИВ.* 1893. № 2. С. 363). Рассказ об этом концерте сохранился в воспоминаниях Д.Н. Садовникова: "...представьте мое удивление, вижу афишу и на ней крупными буквами, такими, какими о свежих устрицах вывешивают известие, стоит моя фамилия, что я буду что-то читать, — где бы вы думали? — в Большом театре. Просто убили. Явился я в Большой театр, с грехом что-то прочел. Набрал Кашперов, надо вам сказать, каких-то пискунов, визгунов в концерт — просто слушать невозможно" (*Садовников. Встречи с Т.* С. 78). О восторженном приеме, оказанном Тургеневу, свидетельствовал П.Д. Боборыкин: "Его (Тургенева. — *Ред.*) восторженно встречают и приветствуют в самых горячих выражениях и на интимных обедах, и на публичных трапезах, и на заседаниях Обществ, и в Большом театре, и в Благородном собрании" (*Боборыкин П.* Хорошая реакция // *Рус Вед.* 1879. 11 марта. № 62. С. 1).

[6] Говоря о трех "*знаменитых* концертах", Тургенев, очевидно, имел в виду концерты П. Виардо в Москве 17, 19, и 21 апреля ст. ст.

1845 г., которые прошли в Большом театре с оглушительным успехом. На одном из концертов присутствовала В.П. Тургенева. Еще три концерта были даны певицей в Москве 23 марта, 3 и 5 апреля ст. ст. 1853 г. однако они состоялись не в Большом театре, который сгорел 11 марта ст. ст. 1853 г., накануне ее приезда в Москву 16 марта ст. ст., а в зале Дворянского собрания. В это время Тургенев, сосланный в Спасское за публикацию в "Московских ведомостях" статьи о смерти Н.В. Гоголя, по фальшивому виду на жительство приехал в Москву для свидания с П. Виардо и провел там около 10 дней (с 22 по 31 марта ст. ст.) (см.: *Розанов А.С.* Полина Виардо-Гарсиа. 3-е изд., испр., доп. Л., 1982. С. 57—58, 96; *Летопись (1818—1858).* С. 234). Неизвестно, присутствовал ли он на концертах певицы.

[7] После избрания президентом Третьей республики Ж. Греви все ожидали, что премьер-министром будет назначен поддержавший его кандидатуру Л. Гамбетта, однако этого не случилось: на этот пост был назначен В.-Г. Ваддингтон. Гамбетта был избран председателем Палаты депутатов. Несмотря на выдвинутое Э.-А. Бриссоном обвинение против министров, занимавших посты при Мак-Магоне, что могло вызвать очередной громкий скандал, Гамбетте удалось обойти этот "подводный риф" и настоять на прекращении процесса.

[8] Г-н Прюдом — персонаж нескольких произведений А. Монье, образ самодовольного буржуа, ставший нарицательным, которого Тургенев нередко пародировал в письмах.

[9] Об эпидемии чумы на юге России см. примеч. 11 к письму 5254, а также письмо 5266 и примеч. 9 к нему.

[10] М-ль Шмейссер, которой покровительствовал И.И. Маслов, была ученицей П. Виардо. Очевидно, Тургенев собирался передать плату за уроки от Маслова. "Взнос" за бал, возможно, также касался м-ль Шмейссер или являлся обязательством Тургенева по отношению к семье Виардо, которая устраивала балы для молодежи в надежде подыскать хорошую партию для их младшей дочери Марианны. В 1877 г. Марианна была помолвлена с композитором Г. Форе, однако в октябре того же года она расторгла помолвку (см. примеч. 8 к письму 4827 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2).

[11] П. Виардо готовила Марианну к артистической карьере. 23 февраля и 2 марта н. ст. 1879 г. она с большим успехом выступила в Зимнем цирке Паделу (см. примеч. 14, 17 к письму 5266). Выступление М. Виардо в Консерватории 16 марта н. ст. 1879 г. не состоялось из-за ее болезни (см.: Ménestrel. 1879. 16 mars. № 16. P. 127), хотя ранее в газетах было объявлено о ее участии в двух концертах 16 и 23 марта н. ст. (см.: Ibid. 9 mars. № 15. P. 120).

[12] Об исполнении М. Виардо в Зимнем цирке Паделу ариетты "La Calandrina" ("Жаворонок") из оперы Н. Джомелли "Le Parataglio" ("Ловля птиц"), обработанной специально для нее П. Виардо, см. примеч. 14 к письму 5266.

[13] Стихотворение Ф.И. Тютчева "Весна" ("Зима недаром злится..."), которое Тургенев выписал для П. Виардо, могло быть известно ему еще в 1850-х гг., когда он готовил первый поэтический сборник Тютчева (1854), или сообщено зятем поэта И.С. Аксаковым, опубликовавшим его впервые в подборке с другими неизданными стихотворениями в журнале "Русский архив" (1879. № 5. С. 124). Стихотворение предположительно датируется 1836 г. В автографе стихотворение не имеет заглавия; в ст. 6 вместо "Все *гонит* зиму вон" — "Все *нудит* зиму вон"; замена сделана Тургеневым, возможно, сознательно, из опасения, что П. Виардо не поймет редко употребляемую форму глагола. Тургенев ошибся, говоря, что по-русски "зима" и "лето" имеют женский род. Несомненно, он хотел сказать "зима" и "весна".

[14] Называя романсы П. Виардо "Синица" (на стихи Тургенева) и "Птичка Божия" (отрывок из поэмы А.С. Пушкина "Цыганы"), напечатанные в 1864 г. в Петербурге в сборнике романсов певицы, изданном при ближайшем участии Тургенева (№ 7, 11), писатель высказывает желание, чтобы П. Виардо положила стихотворение Тютчева на музыку, однако сведений о таком романсе не обнаружено. Единственным стихотворением Тютчева, положенным на музыку П. Виардо, считается "Ива" ("Что ты клонишь над водами...") (романс вышел впервые в Петербурге в 1865 г.). См.: *Viardot Catalogue.* P. 39.

[15] Качуча — андалузский сольный народный танец, сопровождаемый стуком кастаньет и притоптываньем каблуков. Под своей "несчастной слабостью" Тургенев имеет в виду неспособность отказать в настойчивых просьбах.

5283. Полине Виардо (с. 68 и 210)

Печатается по фотокопии, предоставленной А. Звигильским. Подлинник находился в собрании Оливье Ле Сена.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T. Nouv corr inéd*. T. 1. P. 224—226; в русском переводе — *Т в восп совр. Переписка (1988)*. С. 536—537.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Тургенев употребляет идиоматическое выражение, возникновение которого связано с цирковым артистом Ж.-Б. Николе, выступавшим поначалу на ярмарках в парижских предместьях, затем построившим в Париже собственный театр, ныне "Théâtre de la Gaîté" ("Театр веселья"), где ставились пантомимы, буффонады и т.д., причем номера располагались в таком порядке, что интерес публики постоянно возрастал. Сам директор при этом выкрикивал: "De plus en plus fort!" (*букв.*: "Все сильнее и сильнее!"), что и вошло позднее в выражение "De plus en plus fort comme chez Nicolet", т.е. идти по нарастающей, со все более нарастающим

успехом (см.: *Назарян А.Г.* Почему так говорят по-французски. М., 1968. С. 122—123).

[2] См. письмо 5282 и примеч. 4 к нему.

[3] Студентом, который произнес речь на литературно-музыкальном благотворительном вечере 4 (16) марта 1879 г., устроенном в зале Благородного собрания в пользу недостаточных студентов Московского университета, был Н.Н. Чихачев, преподнесший Тургеневу большой лавровый венок. Речь эта была подготовлена заранее вместе с товарищами, будущими членами Центрального исполнительного комитета "Народной воли" П.П. Викторовым, В.С. Лебедевым и П.А. Теллаловым (см.: *Алексеева Н.В.* Воспоминания П.П. Викторова о Тургеневе *// Т сб (1960).* С. 318—319, а также свидетельство самого В.С. Лебедева: Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М., 1928. С. 162). С сокращениями она была напечатана в либеральной газете "Русские ведомости", к которой имела отношение московская профессура (в том числе М.М. Ковалевский и А.И. Чупров) и были близки революционно настроенные студенты. Сравнивая речь Чихачева с речью П.П. Викторова, прозвучавшей 18 февраля ст. ст. в Московском университете (см. примеч. 5 к письму 5269), корреспондент газеты нашел это приветствие "еще более теплым и сочувственным" (*Рус Вед.* 1879. 6 марта. № 57. С. 2). Называя Тургенева одним из "духовных предшественников" нынешнего молодого поколения, Чихачев обратился к писателю от имени этого поколения: "Мои товарищи приветствуют вас, приветствуют того, чье имя должно быть особенно дорого нашей молодой России, которая пока еще не может похвалиться длинным списком славных имен. Они приветствуют художника, который сумел слить в одно два враждебных направления: романтизм с реализмом. Но не только художника видят они в вас. Вы — живой представитель того поколения сороковых годов, лучшую традицию которого современное поколение принимает как драгоценное наследство, заботясь лишь о дальнейшем ее развитии" (Там же). Как и Викторов, Чихачев прежде всего приветствовал Тургенева как творца "Записок охотника", "одного ⟨...⟩ из тех, кто впервые проникся живым чувством к угнетенному народу, его горю и страданиям ⟨...⟩ кто личным, а не книжным только обращением к народу наметил грядущим поколениям великую цель: обеспечить за народом полную свободу развития" (Там же). В сохранившейся программе воспоминаний В.С. Лебедева раскрыты имена представителей 1840-х гг., которых имел в виду выступавший: "В речи было высказано приветствие в лице Тургенева последнему крупному живому представителю знаменитого поколения 40-х годов, поколения Грановского, Белинского, Герцена, Бакунина ⟨...⟩" (см.: Народовольцы после 1-го марта 1881 года. С. 162). Об ответной речи Тургенева см. примеч. 5 к наст. письму. Затем писатель прочел рассказ "Бурмистр". «В нем, — писали

"Русские ведомости", — освободительные симпатии автора "Записок охотника" сказались всего ярче. И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ читает свои вещи прекрасно, в особенности эту вещь» (1879. 6 марта. № 57. С. 2). Еще после чествования писателя на заседании Общества любителей российской словесности, состоявшегося 18 февраля ст. ст., участие московской молодежи в овациях Тургеневу было особо отмечено петербургским "Новым временем", которое двусмысленно заметило по этому поводу: "...а давно ли, подумаешь, в некоторых якобы прогрессивных органах, с легкой руки Писарева, наш знаменитый романист прославлялся *сыскным* (sic) писателем" (1879. 23 февраля. № 1073. С. 3), за что уже в одном из следующих номеров газете пришлось оправдываться (Там же. 25 февраля. № 1075. С. 3).

[4] Ректором Московского университета в это время был Н.С. Тихонравов.

[5] Речь Тургенева, произнесенная 4 (16) марта 1879 г., известна в нескольких вариантах. Газета "Русские ведомости" опубликовала ее в двух редакциях, которые разнятся между собой. В первый раз в № 57 от 6 марта ст. ст., где давалась подробная информация о вечере в Благородном собрании, и вторично в № 58 от 7 марта ст. ст., где речь Тургенева была напечатана отдельно. Возможно, это было вызвано просьбой самого писателя, желавшего, ввиду пристального внимания к нему со стороны властей, подправить некоторые выражения. При этом второй вариант речи почти совпадает с автографом, по которому речь напечатана в наст. изд. (Соч. Т. 12. С. 335). Тем не менее вариант, первоначально напечатанный в газете, по всей видимости, ближе к тому, что было произнесено писателем, и представляет собой окончательную редакцию. Так, в конце второго варианта газетного текста речи, представленного как "подлинный", читаем: "Желаю и вам, господа, пойти бодро вперед по стезе, проложенной вашими предшественниками, к той прекрасной цели, которая виднелась уже их глазам, но которая, должно надеяться, с каждым днем будет выступать все яснее и яснее" (*Рус Вед*. 1879. 7 марта. № 58. С. 2), в то время как в автографе осталась гораздо более уклончивая формулировка: "...прекрасной цели, которая ⟨...⟩ с каждым днем будет отступать все менее и менее" (наст. изд. Соч. Т. 12. С. 335). Следует отметить, что в обеих приведенных редакциях сама цель не называется, в то время как в номере от 6 марта приведенная фраза звучит следующим образом: "Цели, которые мы намечали себе в университете, для вас представляются в более ясных очертаниях; цель эта — стремление к духовной свободе" (*Рус Вед*. 1879. 6 марта. № 57. С. 2).

[6] "Студенты, — вспоминала Е.И. Бларамберг, — толпой, кликами и аплодисментами провожали писателя по коридорам до швейцарской и высыпали бы на улицу, если бы полиция не поспешила закрыть дверь, когда Тургенев вышел на подъезд.

Пристав предупредительно и почтительно подсадил Ивана Сергеевича под руку в карету. / — С честью провожают! — смеясь сказал он, когда дверка кареты за нами захлопнулась. / Голос его дрожал. Он откинулся в угол кареты и, против обыкновения, молчал, сказав только, как бы про себя: / — Мог ли я это предвидеть!" (*Бларамберг. Воспоминания*. С. 733). Мемуаристка ошиблась, относя эти события к заседанию Общества любителей российской словесности 18 февраля ст. ст. См. письмо 5266, примеч. 18, и письмо 5269, примеч. 5.

[7] См. примеч. 5 к письму 5282.

[8] О прощальном обеде в ресторане "Эрмитаж", данном Тургеневу 6 марта ст. ст. 1879 г., где присутствовало около 100 человек, см. письмо 5289 и примеч. 7 к нему.

[9] Тургенев действительно выехал из Москвы в Петербург вечером в среду, 7 (19) марта 1879 г. См. примеч. 6 к письму 5283.

[10] Литературный вечер в пользу Литфонда, где писатель выступил с чтением рассказа "Бурмистр", состоялся в Петербурге в пятницу, 9 (21) марта 1879 г., в зале Благородного собрания. См. о нем примеч. 10 к письму 5289. Это чтение, однако, не было последним: Тургенева уговорили выступить еще раз 16 (28) марта на чтении в пользу Литфонда, где он читал еще один рассказ из "Записок охотника" — "Бирюк", а также исполнил вместе с М.Г. Савиной сцену из "Провинциалки" (см. примеч. 1 к письму 5300).

[11] Тургенев выехал из Петербурга в Париж 21 марта (2 апреля) 1879 г.

[12] Из-за болезни П.К. Маляревского писателю удалось получить значительную часть (35 000 руб.) из оставленного ему братом наследства только по приезде в Париж (см. письма 5293 и 5311, примеч. 1).

[13] Имеются в виду приветственные речи студентов П.П. Викторова (произнесена 18 февраля ст. ст.) и Н.Н. Чихачева (произнесена 4 марта ст. ст.), переданные Тургеневу выступавшими по его просьбе (см. примеч. 5 к письму 5269, а также примеч. 3 к наст. письму). Ответная краткая речь Тургенева 18 февраля известна лишь в изложении (см. примеч. 5 к письму 5269); под "моим ответом", возможно, имелась в виду речь 4 марта ст. ст. (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 335); "завтрашняя речь" — на обеде в "Эрмитаже" 6 (18) марта (см.: Там же. С. 336—337, а также Приложение к наст. тому).

[14] Эти письма неизвестны. Возможно, что они, как и речи, о которых говорится выше, были переданы по приезде в Париж П.Л. Лаврову. См. примеч. 1 к письму 5318.

[15] Это письмо Тургенева неизвестно. В нем он, по всей видимости, послал Полине Виардо свою фотографию (по предположению П. Уоддингтона, работы А. Деньера: *T. Portraits Catalogue.* P. 42). «Выражение вашего лица на последней фотографии, — замечала П. Виардо в ответном письме от 13 (25) марта, — умиротворенное и счастливое. Видно, что вы и в самом деле счастливы и довольны.

Приятно думать, что "мертвец" и "старая тряпка" снова помолодел и снова на коне» (*T. Lettres inéd.* P. 328–329; цит. по: *Т в восп совр. Переписка (1988).* С. 539. Подлинник по-франц.). Вместе с тем она выражала обеспокоенность тем, что Тургенев, вдохновленный таким горячим приемом, не сможет "оторваться от всей этой кипящей и бурлящей ⟨...⟩ юности" и захочет остаться в России (Там же. С. 538).

5284. Е.И. Бларамберг (с. 70)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ.* Ф. 3. Оп. 1. № 113. Л. 1–2.
Впервые опубликовано: *Рус Вед.* 1904. 25 января. № 25. С. 4.
Датируется на основании свидетельства самой Бларамберг: "Перед отъездом в Петербург он написал мне по поводу переданного мною ему желания Е.Г. Мамонтовой навестить его (Далее текст публикуемого письма. — *Ред.*)" (*Рус Вед.* 1904. 25 января. № 25. С. 4; см. также: *Бларамберг. Воспоминания.* С. 734). Тургенев выехал в Петербург 7 (19) марта. Ближайший вторник приходился на 6 (18) марта. См. также примеч. к письму 5276.

[1] Неизвестно, состоялась ли встреча Тургенева с Е.Г. Мамонтовой и Е.И. Бларамберг в этот день.
[2] В этот свой приезд Тургенев более в Москву не возвращался: из Петербурга он уехал в Париж. См. письмо 5293.

5285. О.А. Новиковой (с. 72 и 211)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 345. Оп. 1. № 776. Л. 25; конверт — л. 26.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 43.
Датируется по содержанию и внешним признакам письма. В левом верхнем углу двойного почтового листка имеется монограмма зеленого цвета: переплетенные прописные русские буквы "ИМ". Это — монограмма московского приятеля Тургенева И.И. Маслова. На такой же бумаге написано письмо Тургенева к В.П. Гаевскому от 1 (13) марта 1879 г. (№ 5279). Сохранившиеся письма Маслова (не к Тургеневу) с этой монограммой относятся к 1880-м гг. (см.: *РГБ.* Ф. 90. Карт. 6. № 82). Данное письмо следует отнести к 1879 г., так как именно в этом году Тургенев уезжал из Москвы в Петербург почти одновременно с Новиковой и в Петербурге остановился в одной с ней гостинице (см. письмо 5291 и примеч. к нему). По-видимому, оно написано в последний день перед отъездом, во вторник, т.е. 6 (18) марта — день, когда московские литераторы давали Тургеневу в ресторане "Эрмитаж" прощальный обед. В Петербург писатель выехал 7 (19) марта, в среду. На этом обеде было произнесено много речей, сам Тургенев также выступил с ответным словом, а после обеда

засиделся до полуночи за дружеской беседой (см.: *Васильев. Описание торжеств.* С. 13). Можно предполагать поэтому, что письмо Новиковой было получено Тургеневым, когда он отправлялся на обед, и что побывать у г-жи К. он так и не успел.

[1] О ком идет речь — установить не удалось.

[2] В Петербурге Новикова остановилась в одной гостинице с Тургеневым и, по всей видимости, виделась с ним. Присутствовала она на литературном вечере в Благородном собрании в пользу Литфонда, состоявшемся 9 (21) мая 1879 г. См. письмо 5291.

5286. Н.П. Гилярову-Платонову (с. 72)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ.* Ф. 23. Оп. 1. № 31. Л. 1—2. К письму приложена вырезка из газеты "Современные известия" с речью Тургенева на обеде в ресторане "Эрмитаж" (1879. 7 марта. № 65. С. 2) с собственноручной правкой писателя. См. иллюстрацию на с. 73.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 44.

Датируется по содержанию и указанию дня недели. Данное письмо написано 7 (19) марта 1879 г., в день публикации "Современными известиями" речи Тургенева, произнесенной им на обеде в ресторане "Эрмитаж" 6 (18) марта 1879 г. 7 (19) марта в 1879 г. приходилось именно на среду.

[1] Указанная вырезка из газеты "Современные известия" с собственноручной правкой Тургенева сохранилась (см. выше).

[2] Просьба Тургенева была выполнена: в следующем номере газеты был помещен список опечаток, объясненных редакцией следующим образом: "Вследствие поспешности набора и корректуры в текст речи И.С. Тургенева, вчера напечатанной, вкрались ошибки, и некоторые из них довольно важные 〈...〉" (см.: *Совр Изв.* 1879. 8 (20) марта. № 66. С. 2, а также иллюстрацию на с. 75). При этом в предпоследнем исправлении была вновь допущена опечатка: вместо "Да возникнут же между вами" напечатано: "Да возникнут же между нами". Здесь же сообщалось, что автограф речи Тургенева по просьбе ректора Московского университета Н.С. Тихонравова был передан в Московский университет "для хранения". Ныне автограф хранится в Отделе редкой книги и рукописей Научной библиотеки МГУ, в фонде Е.Я. Колбасина (Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. № 14), причем на конверте, в котором находится этот документ, указано, что он поступил от Н.С. Тихонравова в октябре 1883 г. См. примеч. 7 к письму 5289, а также Приложение к наст. тому.

5287. Е.И. Бларамберг (с. 74)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ.* Ф. 3. Оп. 1. № 114. Л. 2.

Впервые опубликовано: *Рус Вед.* 1904. 25 января. № 25. С. 4.

Датируется временем пребывания Тургенева в Москве в 1879 г., где он несколько раз встречался с Бларамберг (см. письмо 5276).

5288. С.А. Селиванову (?) (с. 74)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 144. Л. 1.

Впервые опубликовано: *Т сб (ГБЛ).* С. 97—98, с неточностью в стихотворении Н.А. Некрасова.

Датируется временем пребывания Тургенева в Москве в 1879 г.

Адресат устанавливается предположительно (см.: *Моск Некрополь.* Т. 3. С. 88).

[1] Тургенев перефразировал следующие строки из стихотворения Н.А. Некрасова "Поэт и гражданин" (1856):

Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

5289. Клоди Шамро (с. 74 и 211)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 16275. F. 135—136 v. См. также фотокопию: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 422.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T. Lettres inéd.* P. 278—279; в русском переводе — Иностранная литература. 1971. № 1. С. 202—203.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Это письмо К. Шамро неизвестно.

[2] В это время К. Шамро ожидала рождения второй дочери — Марсель, которая появилась на свет 3 октября н. ст. 1879 г. Старшая дочь Ж. и К. Шамро Жанна-Эдме родилась 20 декабря н. ст. 1874 г.

[3] Еще в 1877 г. Тургенев, удрученный резким осуждением русской критикой романа "Новь" и другими неприятными инцидентами в прессе вокруг его последних произведений, принял решение завершить писательскую карьеру. Его частное письмо к редактору одесской газеты "Правда", где было высказано это намерение, без ведома писателя было предано огласке и вызвало ряд откликов. См. письма 4809 (наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2), 4954 (Там же. Т. 16. Кн. 1) и примеч. к ним.

[4] Тургенев вкратце излагает события благотворительного концерта в пользу недостаточных студентов Московского университета, состоявшегося в воскресенье, 4 (16) марта 1879 г. Описание этого вечера см. в письме 5283, а также примеч. к нему. Вечер открылся исполнением С.И. Танеевым и П.А. Пабстом "Вариаций на

тему Бетховена" К. Сен-Санса. "Ошеломляющую" речь произнес студент Н.Н. Чихачев, он же преподнес от лица студентов огромный лавровый венок, от которого Тургенев пытался отказаться. "Что касается этого венка, — произнес он, — то, конечно, лестно получить его, но... мне как-то неловко становится, и потому я советую посвятить его великим людям", указав при этом на бюст Пушкина, стоявший на эстраде (*Совр Изв.* 1879. 7 марта. № 65. С. 2). Чихачеву все же удалось вручить венок писателю. После чтения Тургеневым "Бурмистра" ему был поднесен еще один венок.

[5] Тургенев был в добрых отношениях с мужем К. Виардо Жоржем Шамро, который в 1879 г. был избран помощником мэра Парижа по VI округу; в 1890 г. он действительно стал кавалером ордена Почетного легиона. Беспокойство о судьбе Марианны Виардо было вызвано тем, что после разрыва помолвки с композитором Г. Форе (см. письма 4767, примеч. 10, 4780, 4808, примеч. 3, 4827, примеч. 8 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2) семья Виардо делала все, чтобы устроить судьбу младшей дочери. Марианна вышла замуж в 1881 г. за композитора и пианиста А. Дювернуа.

[6] Это указание на точное время приезда в Петербург подтверждает дату, обозначенную в *ПССиП(1). Письма*: 8 (20) марта 1879 г. (Т. XII. Кн. 2. С. 601), в то время как в *Летописи (1876—1883)* (С. 249) и других источниках (например: *Васильев. Описание торжеств.* С. 13) датой отъезда из Москвы ошибочно называется 8 (20) марта и, соответственно, датой приезда в Петербург — 9 (21) марта 1879 г.

[7] Действительно, начиная с воскресенья 4 (16) марта 1879 г., когда Тургенев принял участие в литературно-музыкальном вечере в пользу недостаточных студентов (см. примеч. 4 к наст. письму), вплоть до отъезда в Петербург 7 (19) марта его пребывание в Москве было отмечено непрерывной чередой чествований, сопровождавшейся многочисленными тостами, чтением стихов и т.д.

5 (17) марта в гостинице "Эрмитаж" он обедал "в интимной группе молодых профессоров и двух-трех литераторов" (Молва. 1879. 17 марта. № 74. С. 1; см. также: *Васильев. Описание торжеств.* С. 6. Это событие не отмечено в *Летописи (1876—1883)*). На этом обеде зашла речь о главном герое романа "Отцы и дети" и «возник спор, 〈...〉 сочувствовал ли г. Тургенев Базарову или нет? За разрешением этого спора, естественно, обратились к самому автору, и Иван Сергеевич был так обязателен, что подробно передал, как создался у него тип Базарова. В Новгородской губернии он встретил уездного врача Д. со всеми задатками базаровского типа. Этот врач произвел на Ивана Сергеевича такое сильное впечатление, что впоследствии у каждого человека он стал отыскивать знакомые черты "новгородца" и находил их. Наконец, "новгородец" сделался неотлучным спутником Ивана Сергеевича: что бы он ни делал, что бы ни говорил, — тотчас являлся вопрос: "А как бы в этом случае поступил

и что бы сказал "новгородец"?" Этот "новгородец" своей резкостью и крайностью убеждений шокировал Ивана Сергеевича как художника, но он не мог не сочувствовать искренности его убеждений, его честности, прямоте и силе характера. Когда этот "новгородец" вполне сложился в законченный тип Базарова, роман был написан» (цит. по: *Васильев. Описание торжеств.* С. 6; см. также: Молва. 1879. 17 марта. № 74. С. 1). Вспоминая полемику, возникшую после появления романа в печати, Тургенев еще раз подчеркнул, что вернее всего его замысел был понят Д.И. Писаревым, и признался: "Я сжился с этим человеком, он был дорог, он был близок мне. Когда я описывал смерть Базарова, *я плакал* и вынужден был держать голову в сторону, чтобы слезы не падали на бумагу..." (*Васильев. Описание торжеств.* С. 7). Вечером того же дня писателя чествовали в Большом театре (см. примеч. 5 к письму 5282, а также письмо 5283).

На следующий день, 6 (18) марта 1879 г., в ресторане той же гостиницы "Эрмитаж" состоялся тот самый "чудовищный обед на 100 персон", который описывает Тургенев. Обед был организован группой молодых профессоров во главе с М.М. Ковалевским, которые сплотились вокруг научного журнала "Критическое обозрение" в 1879 г. Среди выступавших были профессора С.А. Юрьев, К.А. Тимирязев, Н.С. Тихонравов, Н.В. Бугаев, адвокаты и др., звучали посвященные виновнику торжества стихи (Ф.А. Корша и Ф.Б. Миллера). Особенно значительной была речь профессора Бугаева, назвавшего Тургенева "регулятором нашего развития" и "совестью нашего общественного организма" (текст его речи см.: *Рус Вед.* 1879. 8 марта. № 59. С. 3; *Совр Изв.* 1879. 8 марта. № 66. С. 2; см. также вступит. статью к Примечаниям в наст. томе и примеч. 4 к письму 5290). В ответной речи Тургенев дал определение понятию "либерализм", как его понимало поколение 1840-х гг., и приветствовал сближение с ним молодого поколения. При этом он прямо заявил, что Россия стоит накануне "хотя мирного и законно-правильного, но значительного перестроя общественной жизни" (т.е. введения конституции. — *Ред.*) и что он сочувствует "всем стремлениям молодежи" (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 336—337. См. также Приложение к наст. тому). Речь эта, напечатанная несколькими газетами, была названа П.Д. Боборыкиным "историческим документом": "Никогда ⟨...⟩ русский писатель не давал такого содержательного и глубоко искреннего ответа перед лицом представителей разных поколений ⟨...⟩" (*Боборыкин П.* Хорошая реакция // *Рус Вед.* 1879. 11 марта. № 62. С. 2). После Тургенева с приветственной речью выступил также известный адвокат Ф.Н. Плевако и редактор "Современных известий" Н.П. Гиляров-Платонов, позволивший себе обратиться к писателю с "напутствием", суть которого сводилась к тому, что Тургенев должен написать новое произведение, где отразится настоящий момент нашей общественной жизни, и представить "нас всех с той же художественной истиною,

сколько изображали прежние моменты в прежних своих творениях" (*Совр Изв.* 1879. 7 марта. № 65. С. 2; см. также: Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб., 2013. С. 637). Обед продолжился беседой, затянувшейся чуть не до полуночи.

[8] Калхас — в др.-греч. мифологии жрец и прорицатель.

[9] Старинная студенческая песня, созданная на латинском языке в одном из европейских университетов в XIII—XIV вв., звучала на вечере в полном варианте, а не в сокращенном, как было принято в России, где обычно исполняли 1-й, 4-й и заключительный 7-й куплеты, в то время как первые два стиха 6-го куплета прославляли республику и ее правителя ("Vivat et res publica / Et qui illam regunt"). Известно, что "Gaudeamus" исполнялся на обеде "с новыми остроумными прибавками, принадлежавшими одному из профессоров-латинистов" (см.: *Рус Вед.* 1879. 8 марта. № 59. С. 3).

[10] Речь идет о литературных чтениях в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), которые состоялись в зале Благородного собрания 9 (21) марта 1879 г. Первоначально они были назначены на 2 (14) марта, причем все билеты были распроданы заранее, однако из-за задержки Тургенева в Москве (см. письмо 5273 и примеч. 4 к нему, а также примеч. 1 к письму 5277) были перенесены на 9 (21) марта. Помимо Тургенева в чтениях приняли участие встреченный "громом рукоплесканий" М.Е. Салтыков, прочитавший, несмотря на плохое самочувствие, "Современную идиллию"; Ф.М. Достоевский, с большим успехом прочитавший неизданный "Рассказ по секрету" из "Братьев Карамазовых". А.А. Потехин читал отрывок из романа "Молодые побеги", два стихотворения прочел А.Н. Плещеев, стихотворение "Н.А. Грибоедова" прочел Я.П. Полонский. "При появлении на эстраде И.С. Тургенева, который помещен был в программе последним и которого можно назвать героем этого вечера, зала огласилась восторженными криками, не умолкавшими несколько минут. Большая часть публики поднялась с своих мест, чтобы приветствовать маститого художника, которого этот прием видимо растрогал". По сообщениям газет, сбор с этого вечера составил 2400 руб. (Молва. 1879. 11 марта. № 68. С. 2. Раздел "Хроника"; перепечатано: *Рус Вед.* 1879. 13 марта. № 64. С. 2). Тургенев прочел рассказ "Бурмистр" из "Записок охотника". Поскольку многим желающим не удалось попасть на этот вечер, было решено устроить еще один, назначенный на 16 (28) марта, где заранее было обещано чтение Тургеневым рассказа "Бирюк", а также его участие вместе с М.Г. Савиной в чтении сцены из "Провинциалки". После чтений 9 (21) марта Тургенев, как вспоминал Б.Н. Садовников, посетил "пятницу" Я.П. Полонского (этот визит не отмечен в *Летописи (1876—1883)*), где среди поджидавших его было много гостей (Д.В. Григорович, Н.Х. Кетчер и др.; см. записную книжку Я.П. Полонского: *ИРЛИ.* № 11701. С. 100), и в частности В.С. Соловьев, лицо которого напомнило

мемуаристу "какого-то монаха: борода, широкие усы, длинные волосы (черные) — вообще лицо оригинальное и умное" (*Садовников. Встречи с Т.* С. 76). Между прочим Соловьев объяснил мемуаристу, почему первоначальное название журнала С.А. Юрьева "Русская дума" было запрещено и заменено на "Русскую мысль": "конституции испугались" (Там же. С. 76—77). "Все портреты, какие только я видел, — вспоминал мемуарист о своей встрече с Тургеневым, — не передают выражения этого поистине прекрасного лица, прекрасного своей неотразимой симпатичностью, именно тем, чем отличаются все произведения этого широкого лба, этого глубоко чувствующего сердца" (Там же. С. 77. О знакомстве и встречах с Тургеневым, а также о подаренной ему фотографии писателя Садовников сообщил родным, см.: *ИРЛИ.* № 1554. Л. 8—8 об. Письмо от 15 марта ст. ст. 1879 г.). Тургенев немедленно завладел разговором и много рассказывал о своих впечатлениях.

[11] В январе 1879 г. состоялось заочное знакомство Тургенева и М.Г. Савиной, обратившейся к писателю за разрешением поставить в свой бенефис "Месяц в деревне" (см. письмо 5221 и примеч. 1 к нему). Блестящий успех постановки (см. письмо 5237 и примеч. 1 к нему) побудил писателя лично познакомиться с молодой актрисой, что он осуществил вскоре по приезде из Москвы в Петербург, назначив ей встречу через А.В. Топорова в гостинице "Европейская". Рассказ об этой встрече, состоявшейся, скорее всего, в день приезда в Петербург, 8 марта ст. ст. (а не на следующий день, как утверждала актриса), сохранился в воспоминаниях Савиной (встреча не отмечена в *Летописи (1876—1883)*). "Так вот вы какая молодая! — воскликнул писатель. — Я представлял вас себе совсем иною. Да вы и совсем не похожи на актрису" (*Т и Савина.* С. 64; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 350). Он не знал, что Савина исполняла роль Верочки, а не Натальи Петровны. Пользуясь случаем, Савина пригласила Тургенева на спектакль, который должен был пройти в Александринском театре 15 марта ст. ст., причем позаботилась о месте для него в директорской ложе и сама завезла билет. Очевидно, 8 марта ст. ст. Тургенев уже знал, что 16 марта ст. ст. состоится еще одно чтение в пользу Литфонда, на котором он будет не только читать рассказ "Бирюк", но и исполнять вместе с Савиной сцену из "Провинциалки". Во время встречи, вероятно, была назначена репетиция этого совместного чтения, о которой говорится в наст. письме. Впервые Тургенев увидел Савину на сцене Александринского театра в мае 1874 г., отметив ее красоту и талант, хотя и нашел, что выражение ее лица "злое" ("méchante"), а голос "ужасный" ("affreuse") (см. письмо к П. Виардо от 10, 11 (22, 23) мая 1874 г. — наст. изд. Т. 13. № 3687).

[12] В действительности Тургенев задержался в Петербурге из-за дел по наследству и выехал в Париж лишь 21 марта (2 апреля) 1879 г.

[13] Имеются в виду муж Клоди Шамро Жорж и их дочь Жанна-Эдме.

5290. М.М. Ковалевскому (с. 77)

Печатается по подлиннику: *ПФА РАН.* Ф. 103. Оп. 2. № 248. Л. 1 – 1 об.

Впервые опубликовано: Атеней. 1926. Кн. 3. С. 122 – 123.

Стр. 78. рукопожатие (*англ.*).

[1] Болгарское издание романа "Накануне" в переводе С. Бобчева и с предисловием Тургенева неизвестно. Возможно, этот замысел не был осуществлен. Рассказ о Катранове – прототипе Инсарова – Тургенев включил в "Предисловие" к собранию романов в издании: *Т. Соч (1880).* Т. 3 (см.: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 391 – 393). См. также: *Велчев В.* Тургенев в Болгарии (Вторая половина XIX века). София, 1961. С. 16 – 17.

[2] Тургенев выехал из Петербурга в Париж не в субботу, а в среду, 21 марта (2 апреля) 1879 г. О чтениях в пользу Литературного фонда в пятницу, 16 (28) марта, см. примеч. 1 к письму 5300.

[3] Кому предназначались фотографии Тургенева с его автографами – неизвестно. В 1879 г. в ателье известного в Москве фотографа И.Г. Дьяговченко было сделано несколько портретов Тургенева (см. иллюстрацию на с. 61), которые раздавались желающим на обеде в "Эрмитаже" 6 (18) марта. Часть фотографий Тургенев оставил у своего друга И.И. Маслова.

[4] Тургенев имеет в виду свою речь на обеде в "Эрмитаже" 6 (18) марта 1879 г., которая была напечатана в "Русских ведомостях" от 8 (20) марта 1879 г. (№ 59) и "Современных известиях" от 7 (19) марта 1879 г. (№ 65). В "Русских ведомостях" был помещен подробный отчет об обеде, полностью воспроизведено обращенное к писателю стихотворение "молодого адвоката" Ф.А. Корша ("Года идут и гаснут силы..."), в котором, в частности, были следующие строки:

В лице твоем мы чтим преданья
Тех дней, когда среди невзгод
Трудились вы, полны сознанья,
Что труд ваш принесет свой плод.

И вот теперь, вернувшись к нам,
Ты видишь плод трудов твоих
В сердцах, стремящихся к тебе,
И в лицах радостных, живых.

И верь: не предан ты забвенью,
Мы чтим тебя, родной поэт,
И молодое поколенье
Горячий шлет тебе привет!

Были воспроизведены в газете и прозвучавшее на обеде стихотворение Ф.Б. Миллера "В разлуке многолетней с вами...",

и выступления профессоров К.А. Тимирязева, Н.В. Бугаева, Н.С. Тихонравова и др., а также речь самого Тургенева, "прерываемая несколько раз шумными аплодисментами". Провозглашенный писателем тост за Московский университет был принят восторженными криками "ура" (*Рус Вед.* 1879. 8 марта. № 59. С. 2—3. См. также примеч. 7 к письму 5289). Об опечатках в публикации речи Тургенева в "Современных известиях" см. письмо 5286 и примеч. 2 к нему, см. также: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 336—337. В выпуске "Русских ведомостей" от 9 (21) марта 1879 г. Тургеневу посвящено начало фельетона "Московский листок" (№ 60. С. 1), однако оно содержит лишь общую оценку, и для какой цели этот номер потребовался писателю — неизвестно. Возможно, его интересовала большая статья П.Д. Боборыкина "Хорошая реакция", целиком посвященная чествованиям Тургенева в Москве, которая, однако, была напечатана лишь 11 (23) марта 1879 г. (№ 61. С. 1—2).

[5] О чествованиях Тургенева в Москве, проходивших с 15 (27) февраля по 6 (18) марта 1879 г. и принявших невиданный размах, см. письма 5265, 5266, 5269, 5282, 5283, 5289 и примеч. к ним.

5291. О.А. Новиковой (с. 78 и 213)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 345. Оп. 1. № 776. Л. 27—28.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 49, вместе с письмом 5292.

Датируется по содержанию, указанию дня недели, адресу Новиковой и внешним признакам письма. На такой же бумаге (с филигранью "L-J DL & C°") написано письмо 5281. Указанный Тургеневым адрес свидетельствует, что Новикова находилась в той же гостинице, что и Тургенев в марте 1879 г. (см.: *Стечькин. Воспоминания.* С. 20 и письма 5298, 5299, 5309 и др.). Такой же адрес ("Европейская гостиница", № 113) указан в письмах Новиковой к Ф.М. Достоевскому от 6, 10 и 13 марта ст. ст. 1879 г. (см.: Из женского "эпистолярного цикла" архива Достоевского / Подгот. текста и коммент. С.А. Ипатовой // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 256—259). Письмо могло быть написано в одну из пятниц — 9 (21) или 16 (28) марта 1879 г., так как во вторник 21 марта (2 апреля) Тургенев выехал за границу. При этом дата 9 (21) марта 1879 г. представляется наиболее вероятной, поскольку из письма Новиковой к Достоевскому от 13 (25) марта 1879 г. следует, что она собиралась покинуть Петербург в четверг 15 (27) марта, накануне второго чтения в пользу Литфонда. Кроме того, письмо Новиковой к Достоевскому от 10 (22) марта 1879 г. свидетельствует, что она действительно присутствовала на чтении 9 (21) марта (Там же. С. 257). 9 (21) марта Тургенев выступал на чтении в пользу Литературного

фонда с рассказом "Бурмистр", 16 (28) марта — с рассказом "Бирюк"; здесь же 16 (28) марта он читал вместе с Савиной сцену из "Провинциалки". Достать билеты на эти вечера было очень трудно (см. письмо 5290 и письмо Н.А. Соловьева-Несмелова к И.З. Сурикову от 21 марта ст. ст. 1879 г.: *РГБ.* Ф. 295. Карт. 2. № 49). Новикова, очевидно, просила у Тургенева билет. Он мог предложить ей лишь импровизированный пропуск (на своей визитной карточке), приложенный к письму.

[1] См. письмо 5292.

5292. Устроителям литературного вечера в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (с. 78)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 126. Карт. 3608. № 28, на визитной карточке с текстом: "Иван Сергеевич Тургенев".

Впервые опубликовано: *Т сб (ГБЛ).* С. 200. В *ПССиП(1). Письма* (Т. XII. Кн. 2. С. 49) включено в состав письма 5291.

Датируется по связи с письмом 5291.

[1] Новикова присутствовала на чтении в пользу Литфонда, состоявшемся 9 (21) марта 1879 г. (см. о нем примеч. 10 к письму 5289), о чем свидетельствует ее письмо к Ф.М. Достоевскому от 10 (22) марта: "А вчера как Вы читали великолепно: сердце радовалось. Но как это не нашлось доброго человека, чтоб посоветовать Салтыкову прочесть что-нибудь другое: все было бы лучше!" (см.: Из женского "эпистолярного цикла" архива Достоевского / Подгот. текста и коммент. С.А. Ипатовой // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 257). По сообщениям прессы, билеты на этот вечер были распроданы еще за две недели.

5293. Н.А. Щепкину (с. 80)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 258—258 об.

Впервые опубликовано: *РСт.* 1885. № 12. С. 604—605.

[1] Это письмо А.М. Щепкина неизвестно, о его содержании см. ниже.

[2] Тургенев уехал позже — 21 марта (2 апреля) 1879 г.

[3] По прошению, поданному 27 февраля (11 марта) 1879 г., Московский окружной суд 17 (29) августа утвердил писателя в праве наследства и признал его единственным наследником имущества, оставшегося без завещательного распоряжения Н.С. Тургенева (см. копию определения суда: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 98—98 об., а также письмо Щепкина к жене от 22 августа ст. ст. 1879 г.

из Москвы: *ОГЛМТ.* Инв. № 317 оф. Л. 1 об., из которого следует, что копия определения была выдана Щепкину лишь 25 августа ст. ст. См. также примеч. 3 к письму 5235). О том, что в ускорении процедуры Тургеневу было отказано, свидетельствует письмо Щепкина к жене от 25 марта ст. ст. 1879 г.: "Во утверждении же в правоте наследства Тургеневу отказали до 6-тимесячного срока до конца публикации" (Там же. Инв. № 316 оф. Л. 1 об.). Поскольку объявление о вызове наследников Н.С. Тургенева было напечатано в "Санкт-Петербургских сенатских объявлениях по казенным, правительственным и судебным делам" 12 (24) февраля 1879 г. (под № 1315), рассмотрение дела писателя было назначено на август, когда истекали шесть месяцев, установленные на явку потенциальных наследников.

[4] Щепкин приехал в Москву 17 (29) марта, после состоявшегося 14 марта ст. ст. оглашения определения суда об утверждении завещания Н.С. Тургенева, и в тот же день навестил П.К. Маляревского, найдя его "совершенно здоровым" и обговорив с ним порученные Тургеневым вопросы. Вместе с поверенным Маляревский был занят составлением полного расчета имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, между всеми сонаследниками (копия хранится: *ОГЛМТ.* Инв. № 255 оф. О сумме, которая причиталась Тургеневу согласно этому расчету, см. примеч. 1 к письму 5311). "Завтра все завещанное И.С. Тургеневу можно получить, — писал Щепкин жене 18 марта ст. ст. 1879 г., — но со стороны Маляревского есть придирка, его поверенный говорит, что по моей доверенности нельзя выдать капиталов, хотя все говорят, что в моей доверенности (имеется в виду доверенность от 17 (29) января 1879 г. См. № 39 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги". — *Ред.*) все ясно сказано, что я могу получить. Конечно, у нас будет об этом спор, но на всякий случай я вчера же послал Тургеневу в Петербург телеграмму (неизвестна. — *Ред.*) насчет этого, если он еще не уехал, то мне, по всей вероятности, придется ехать к нему" (*ОГЛМТ.* Инв. № 314 оф. Л. 1—1 об.). Несмотря на то, что имевшаяся у Щепкина доверенность действительно содержала разрешение на получение им "движимого имущества и капиталов" доверителя, Тургенев в тот же день телеграфировал ему с просьбой немедленно выехать в Петербург для оформления новой доверенности (см. письмо 5304), повторив свою просьбу на следующий день (см. письмо 5307). 20 марта (1 апреля), по приезде Щепкина в Петербург, была оформлена новая доверенность (см. № 41 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"), а 21 марта (2 апреля) вечером Щепкин вернулся в Москву, где продолжил переговоры с Маляревским. Наследство, причитавшееся Тургеневу по завещанию, было получено Щепкиным лишь 25 марта (6 апреля) 1879 г.

[5] По поводу оставшейся в московском доме Н.С. Тургенева мебели, которая не была оговорена в завещании, Щепкин писал жене 25 марта ст. ст. 1879 г.: "Я обращался сегодня к Маляревскому, спрашивал его, что он согласен дать за мебель в московском доме, он предлагает только одну тысячу руб.; которая при описи была оценена за 1600 руб., по-моему, и эта цена низкая, со стороны Маляревского это великая подлость предлагать за ценную вещь ничтожную сумму. Чего он, конечно, пусть не ожидает, уступки ему никакой не будет" (*ОГЛМТ*. Инв. № 316 оф. Л. 1 об.—2). Не согласившись продать мебель за низкую цену, предложенную Маляревским, Тургенев распорядился выставить ее на аукцион (см. письмо 5317 и примеч. 4 к нему). Распоряжение Тургенева было Щепкиным выполнено, а деньги, полученные за мебель, переданы, по просьбе писателя, Н.П. Тургеневу (см. письмо к Щепкину от 28 ноября (10 декабря) 1879 г.). Что касается движимого имущества в с. Тургенево, то большая часть его, по всей видимости, отошла Маляревскому (см. письмо 5336), хотя в мае 1879 г. в "Тульских губернских ведомостях" мировым судьей 1-го участка Чернского округа Тульской губернии были опубликованы три положенных объявления о вызове наследников Н.С. Тургенева "для предъявления прав на оставшееся после смерти его движимое имущество, заключающееся в золотых и серебряных вещах, разных документах денежных и духовном завещании умершего Тургенева, явленном 14 ноября 1877 года у чернского нотариуса Белобородова" (1879. 19 мая. № 40. С. 214; 23 мая. № 41. С. 221; 26 мая, № 42. С. 226. Указано И.А. Кузьминой).

[6] О ситуации с землей в селе Долгом, не внесенном в завещание Н.С. Тургенева, см. письмо 5235, примеч. 3. Во владение им Тургеневу удалось вступить лишь весной 1880 г.

5294. О.А. Новиковой (с. 81 и 213)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 345. Оп. 1. № 776. Л. 29; конверт — л. 30.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 50.

Датируется по содержанию и связи с письмами 5291 и 5292.

[1] Речь идет о чтении в пользу Литфонда, состоявшемся 9 (21) марта 1879 г., на которое Тургенев послал Новиковой пропуск (см. письма 5291 и 5292), так как все билеты на него были заблаговременно раскуплены.

[2] О какой поездке идет речь, установить не удалось.

[3] Н.Я. Стечькин вспоминал: «Его номер на четвертом этаже "Европейской гостиницы" за эти недели обратился в какой-то проходной двор. Рядом с известнейшими людьми, корифеями журналистики и литературы, тут бывали первые встречные, студенты,

курсистки, депутации от самозваных кружков. 〈...〉 В ту пору в "Европейскую гостиницу" ходили как на поклон. 〈...〉 Молодежь шла к Тургеневу вереницами» (*Стечькин. Воспоминания.* С. 20—21). На следующий день, 11 (23) марта 1879 г., Тургенев присутствовал в Михайловском театре на спектакле с участием М.Г. Савиной и В.В. Самойлова, который был дан в пользу приюта "Ясли". Билет ("кресло") на этот спектакль был передан писателю Савиной через А.В. Топорова (см.: Тургенев в письмах М.Г. Савиной к А.В. Топорову / Публ. Г.В. Степановой // *Т сб.* Вып. 5. С. 520). «Театр был битком набит, — сообщал 13 (25) марта "Петербургский листок". — Об исполнении ролей 〈...〉 говорить излишне — исполнение это, от начала до конца пьесы, вызывало неистовые рукоплескания. Г-же Савиной, в 3-м акте, поднесена была роскошная, громадных размеров корзина из живых цветов, и ее с В.В. Самойловым после каждого акта вызывали по меньшей мере по 6-ти раз. / В первом ряду кресел сидел маститый наш беллетрист И.С. Тургенев, который аплодировал обоим артистам и видимо восхищался их игрою» (№ 30. С. 3).

5295. О.А. Новиковой (с. 81 и 214)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 345. Оп. 1. № 776. Л. 31, 32 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 50.

Датируется по содержанию и связи с письмами 5291 и 5294.

[1] Состоялась ли встреча Тургенева и Новиковой до ее отъезда в Москву в четверг 15 марта ст. ст. 1879 г. — неизвестно. См. также письмо 5296.

5296. О.А. Новиковой (с. 82 и 214)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 345. Оп. 1. № 776. Л. 33; конверт — л. 34.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 52, с датой: 20 марта (11 апреля) 1879 г.

Датируется по адресу Новиковой, содержанию, связи с письмами 5285, 5291, 5294, 5295 и указанному дню недели.

[1] Очевидно, О.А. Новикова, остановившаяся в этот приезд Тургенева в Петербург в той же "Европейской гостинице", приглашала его на какое-то мероприятие. Неизвестно, успел ли писатель повидаться с нею до ее отъезда в Москву, который состоялся 15 (27) марта 1879 г. (см. ее письмо к Ф.М. Достоевскому от 13 (25) марта 1879 г.: Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 257. Публ. С.А. Ипатовой).

5297. Л.Я. Стечькиной (с. 82)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 51—52.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 21—22.

В дате письма ошибка: 14 (26) марта в 1879 г. приходилось на среду.

Стр. 84. с глазу на глаз (*франц.*).

[1] Повесть (или роман) Стечькиной "Варенька Ульмина" в действительности была напечатана в двух книжках журнала "Вестник Европы" за 1879 г. — ноябрьской и декабрьской. В майской книжке было опубликовано окончание второй части романа-хроники Я.П. Полонского "Дешевый город" (главы XIX—XXXIII), а также окончание романа А.А. Потехина "Молодые побеги", очередное парижское письмо Э. Золя (№ XLVIII: "Два литературных торжества: В. Гюго и Ренан") и многое другое.

[2] Сообщить об итогах переговоров с М.М. Стасюлевичем Тургенев обещал Стечькиной в письме 5275, отправив 27 февраля (11 марта) 1879 г. рукопись романа в редакцию "Вестника Европы" (см. письмо 5278). По всей видимости, обсуждение условий публикации произведения Стечькиной состоялось до 10 марта ст. ст., когда рукопись была зарегистрирована Стасюлевичем в редакционном каталоге (см.: *Каталог рукописей.* Л. 69. № 70). Предложения редактора "Вестника Европы" Тургенев сначала озвучил брату писательницы Н.Я. Стечькину, посетившему его в "Европейской гостинице" незадолго до 14 (26) марта, о чем тот поспешил известить сестру, находившуюся к тому времени в с. Плутнево (см. примеч. 4 к наст. письму). "Варенька Ульмина" появилась в печати с посвящением Тургеневу и с подписью "Л. Я. С.", очевидно предложенной самой Стечькиной (*ВЕ.* 1879. № 11). См. также письмо 5347.

[3] Тургенев напоминает об истории публикации первой повести (или рассказа) Стечькиной "Первая гроза" (*РВ.* 1875. № 7) и возникшей вокруг нее полемике, в которой принял участие сам М.Н. Катков, зло высмеявший молодую писательницу за то, что она позволила себе публично высказать недовольство сокращениями и изменениями в ее произведении. В статье "Литературный курьез" (Там же. № 9) редактор журнала, подчеркнуто называя повесть "рассказом", решительно отверг все претензии автора, тщательно сличившего рукописный и печатный тексты, и утверждал, что замеченные Стечькиной малозначимые разночтения содержались в присланной ею рукописи, с которой делался набор. В то же время он настаивал на праве редактора вмешиваться в авторский текст. Так, по воле редактора из повести было исключено авторское суждение о так называемом "тенденциозном" романе, которое Катков назвал "неизвестно о чем

говорящими фразами". Однако самым характерным для редакторского стиля основателя и руководителя "Русского вестника" следует считать рассуждение Каткова о финале повести, в котором герой "поставлен в самое ложное положение: у него на руках легкомысленная женщина, по капризу бросившая мужа и повесившаяся ему на шею; он разлюбил ее, но скованный ложными узами должен отказаться от любящей его девушки". Становясь на сторону попранной добродетели, Катков возмущенно писал: «Что же делает он, неся кару за ложный путь безнравственности, на который вступил? Он прижимает легкомысленную Софи к сердцу и говорит: "Дорогая моя, люби меня, каков бы я ни был"». Такой финал, где "ни одним словом не намекается на ложность положения героя", а "возвращение к положению весьма безнравственного свойства изображается как торжество добродетели", заставил редактора дописать текст и завершить сентенцию героя вопросом: "что ждет нас впереди?", с единственной целью показать, что "перерыв, каким оканчивается рассказ, не есть разрешение дела" (Там же. С. 514). Тургенева, который сам не раз страдал от обвинений в "безнравственности" своих героев, в том числе и со стороны Каткова, не могло не возмутить подобное отношение к молодому автору. См. также: *Письма к Стечькиным.* С. 1; *Стечькин. Воспоминания.* С. 4—5; наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 4992 и примеч. 1 к нему. "Маленькой" прессой Тургенев, очевидно, называет газеты, в частности газету "Московские ведомости", также находившуюся в ведении М.Н. Каткова.

[4] Изначально предложение М.М. Стасюлевича подписать свой роман псевдонимом было воспринято писательницей чрезвычайно болезненно. Узнав о нем из письма брата (Н.Я. Стечькина) еще до получения наст. письма Тургенева, она поспешила обратиться к писателю 15 (27) марта 1879 г.: "Сейчас я получила письмо от брата. Он слышал от Вас о желании Стасюлевича, чтобы мой роман был подписан псевдонимом. Если это conditio sine qua non (непременное условие — *лат.*), придется, разумеется, покориться, хотя мне это и очень неприятно: я бы решительно ничего не имела против псевдонима, не будь уже мое имя в печати; но Вы сами согласитесь, что в принятии псевдонима теперь — после истории и во избежание каких-то последствий этой истории — было бы quelque chose de lâche (что-то трусливое — *франц.*), что-то недостойное, унизительное... И потом... мне немножко больно за мое незамаранное имя, которое *нужно* скрывать. Странно, что Стасюлевичу самому не пришло в голову, что он требует от меня поступка не совсем благовидного" (*Bibl Nat. NAF.* № 16275. F. 436). Пытаясь заручиться поддержкой Тургенева, Стечькина так объясняла причины, по которым она хотела сохранить свое имя при публикации романа: "...право, то, что он (Стасюлевич. — *Ред.*) желает, со временем (кто не мечтает о будущем!) положит на меня некоторую тень, так как

никто не поверит, что моя трусость была вынужденная. И что за мотив такого неожиданного желания? Кому может повредить моя *история*? Неужели уважаемому и известному журналу? Но что же в ней наконец стыдного? Я вижу ее глупую, смешную сторону, отчасти оправдываемую моей тогдашней молодостью, но не вижу ничего такого, что заставляло бы меня краснеть (от действительного стыда, а не от самолюбия). Однако я опять немного горячусь. Итак: если Стасюлевич настойчиво желает псевдонима, придется, как ни неприятно, исполнить его желание" (Ibid. F. 436 — 436 v).

[5] Предложенный Стасюлевичем вариант заглавия, о котором ей стало известно из письма брата, был также категорически отвергнут Стечькиной. «...Если заглавие ему (Стасюлевичу. — *Ред.*) не нравится, — замечала она в том же письме к Тургеневу от 15 (27) марта 1879 г., — кажется подражанием заглавию Толстого, можно будет его переменить, написать: "Грустная повесть" или еще что-нибудь — первое что придет Вам на ум — хотя теперешнее заглавие все-таки удачнее других и уж конечно удачнее "Мити" (!!)» (*Bibl Nat. NAF.* № 16275. F. 436 v).

[6] Еще не зная об этом условии редактора "Вестника Европы", Стечькина обратилась к Тургеневу с просьбой передать М.М. Стасюлевичу ее настоятельное требование не вносить никаких изменений без согласования с ней или с Тургеневым. "...Пожалуйста, скажите откровенно Стасюлевичу, — писала она, — что ни за кем, кроме Вас, я не признаю права на какие бы то ни было изменения и сокращения в моей рукописи без моего ведома. Это единственное условие с моей стороны, но в этом случае я не считаю никакую уступку возможной. Вы знаете, как хорошо я вижу недостатки моего произведения, как послушно и с искренней благодарностью следую всем указаниям, которые мне делаются от имени искусства, но выбросить или вставить одно слово из соображений, не имеющих ничего общего с искусством, на мой взгляд, унижает и произведение, и автора. Я потому прошу Вас сказать это Стасюлевичу, что немножко капризное отношение его к подписи и заглавию невольно заставляет меня бояться, что дело не ограничится одним этим, да и вообще откровенность — вещь хорошая. Впрочем, Вам виднее, как поступить, и все, что Вы сделаете, конечно, будет самое лучшее" (*Bibl Nat. NAF.* № 16275. F. 436 v — 437).

[7] Эти письма Стечькиной к Тургеневу и Стасюлевичу неизвестны. По всей видимости, оба эти письма она отправила в Париж на имя писателя, который, в свою очередь, переслал ее письмо к Стасюлевичу по назначению (см. письмо 5319).

[8] Из-за дел по наследству Тургенев вынужден был задержаться в Петербурге еще на несколько дней и выехал в Париж только в среду 21 марта (2 апреля) 1879 г. «Вчера, 21 марта, утром, в 11 ч. 45 м., — сообщалось по этому поводу в "Петербургском листке", — по Варшавской железной дороге отправился за границу

Иван Сергеевич Тургенев. На проводы маститого беллетриста собрались друзья и знакомые, в числе которых мы видели и г-жу М.Г. Савину» (1879. 22 марта. № 57. С. 2).

[9] Какая из фотографий была послана Тургеневым, выяснить не удалось. Будучи в Москве и Петербурге, он фотографировался несколько раз в разных ателье: у петербургских фотографов А. Деньера и К. Шапиро (у которого сфотографировался 12, а не 20 марта ст. ст. 1879 г., как считалось ранее), а также у И. Дьяговченко в Москве. Описание фотографий см.: *ПД. Описание.* С. 75—80; *T. Portraits Catalogue.* P. 41—45. Однако фотографию Деньера писатель, по-видимому, считал удачной, так как именно она была помещена на фронтисписе первого стереотипного издания "Записок охотника", вышедшего в октябре 1879 г. (на титуле: 1880), в то время как фотографию Дьяговченко — не вполне удовлетворительной. В следующем письме (№ 5310) Тургенев послал Стечькиной еще одну фотографию, но и ее она не сочла удавшейся (см. письмо 5319).

[10] Об этой встрече с Тургеневым Н.Я. Стечькин вспоминал: "Тот обед со мною en tête-à-tête ⟨...⟩ был единственным разом за всю его бытность в Петербурге, когда мне удалось поговорить с ним обстоятельно. Он выспрашивал меня о моих литературных вкусах и заставил признаться, что я втихомолку занимаюсь беллетристикой". Не имея ничего законченного под рукой, Стечькин обещал писателю присылать свои произведения и делиться с ним творческими планами, что и было им выполнено "с полной искренностью" (*Стечькин. Воспоминания.* С. 24). Предложения Стасюлевича, о которых пишет Тургенев, могли заключаться в предоставлении брату Стечькиной какой-то работы в журнале "Вестник Европы". По-видимому, речь шла о написании корреспонденций (так, ранее некоторые заметки Стечькина появлялись в газетах; см., например: *Моск Вед.* 1879. 15 февраля. № 39. С. 5), однако из этой затеи ничего не вышло (см. письмо Тургенева к Н.Я. Стечькину от 14 (26) мая 1880 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1), прежде всего потому, что политические взгляды Стечькина и направление журнала "Вестник Европы" не совпадали.

[11] После трех недель почти ежедневных чествований в Москве (см. письмо 5289 и примеч. 7 к нему, а также вступит. статью к Примечаниям в наст. томе) череда публичных заседаний, чтений, обедов и встреч продолжилась в Петербурге, куда Тургенев приехал 8 (20) марта 1879 г. Уже на следующий день, 9 (21) марта, он принял участие в чтениях в пользу Литературного фонда (см. письмо 5289 и примеч. 10 к нему). Накануне написания наст. письма, 13 (25) марта, петербургскими литераторами и учеными был дан обед в честь Тургенева в большой зале ресторана Бореля (Б. Морская, 16), превратившийся в многочасовое заседание с тостами и спичами и получивший широкое освещение в печати (так, газета "Молва" назвала его "выдающимся

явлением" (1879. 15 марта. № 71. С. 1)). Первым выступил известный адвокат В.Д. Спасович, чья речь позже была названа писателем "блестящей" (см. письмо 5321 и примеч. 5 к нему), затем выступили профессор Н.С. Таганцев, указавший на воспитательное значение произведений Тургенева, Н.И. Костомаров, А.Д. Градовский, А.Н. Бекетов, Я.К. Грот, М.Н. Сухомлинов и многие другие. Особенно выделялась эмоциональная речь Д.В. Григоровича, который, на правах свидетеля первых литературных успехов писателя, подчеркнул значение "прекрасной, глубоко честной и светлой личности" Тургенева и привел услышанные им когда-то слова И.И. Панаева: "Если поставить Тургенева против окна и раздеть его — он будет светиться, как кусок хрусталя, — так чист он нравственно между нами!" (см.: *Н Вр.* 1879. 14 марта. № 1092. С. 1; *Васильев. Описание торжеств.* С. 21—22). От имени людей сороковых годов горячо приветствовал Тургенева его старый товарищ К.Д. Кавелин, назвавший "бессмертной" трилогию "Отцы и дети", "Дым" и "Новь", в которой писатель с неподражаемым искусством передал "заветные стремления, надежды, думы, сомнения, колебанья и скорби русских культурных людей нашего времени" (Там же. С. 22). В.А. Панаев, большую часть своей несколько затянувшейся речи посвятивший В.Г. Белинскому, попытался объяснить, в чем сила и неотразимое нравственное обаяние "людей 40-х годов", и напомнил, что Тургенев был одним из "самых деятельных" и бескорыстных переводчиков для Белинского. При этом оратор сообщил, что готов подтвердить правдивость своих слов, "показав огромные рукописи, посейчас у меня хранящиеся" (*СПб Вед.* 1879. 16 марта. № 74. С. 3). От лица польских литераторов обратился к Тургеневу Э. Пильц, назвавший русского писателя "всеславянским" (*Васильев. Описание торжеств.* С. 24). Тургенев, коротко отвечавший нескольким ораторам (в частности, он поблагодарил ректора Бекетова за сообщение, что приложенное им письмо при посланном в дар Петербургскому университету собрании его сочинений хранится в библиотеке и "зачитывается" студентами), в конце обеда прочитал написанную заранее речь, в которой благодарил присутствующих. При этом писатель подчеркнул, что, несмотря на некоторые "прискорбные" "преступные увлечения" (намек на террористические акции радикального крыла молодежи), нельзя не видеть, что большинство молодых людей нашло общий язык с поколением "отцов" и преодолело рознь между поколениями. Обращаясь к правительству, Тургенев призвал оценить значение этого "исторического мгновения" и приложить силы к тому, чтобы "все сыновья нашей великой семьи слились в одно деятельное, единодушное служение России — той России, какою ее создала история, создало то прошедшее, к которому должно правильно и мирно примкнуть будущее". Завершил свою речь Тургенев перефразированными строками

Пушкина: “В надежде славы и добра / Глядим вперед мы без боязни!” (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 338 – 339). Обед закончился “мастерски прочитанным юмористическим рассказом” И.Ф. Горбунова, изобразившего реакцию на “Записки охотника” “человека 20-х годов” ретроградного генерала Дитятина (см.: *Васильев. Описание торжеств.* С. 25 – 26). Об обеде сообщалось и во французской прессе (см.: Temps. 1879. 27 mars. № 6549. P. 4; Ibid. 2 april. № 6555. P. 1, где были приведены фрагменты из речи Тургенева).

[12] Свою новую повесть Стечькина прислала Тургеневу лишь в 1882 г.

5298. Неизвестной (с. 84)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 227. Оп. 1. № 188. Л. 6а.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 47.

Датируется по адресу и указанному дню недели. Возможно, письмо адресовано А.П. Философовой, которая в это время была занята организацией Общества народного просвещения и могла пригласить Тургенева на заседание Общества, состоявшееся 14 (26) марта 1879 г., в день написания наст. письма.

[1] “Живые мощи”, впервые появившиеся в сборнике “Складчина” (СПб., 1874), в 1876 г. были изданы отдельно Обществом распространения полезных книг.

5299. Ф.И. Салаеву (с. 86)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 277. Л. 1 – 1 об.

Впервые опубликовано: Книга: Исследования и материалы. М., 1961. Сб. 5. С. 346.

[1] Речь идет о предпринятом в 1880 г. четвертом собрании сочинений Тургенева в издании Ф.И. Салаева, перешедшем после его смерти (29 марта ст. ст. 1879 г.) в руки его наследников. См. об этом: *Миронов А.Г.* И.С. Тургенев и книгоиздательство братьев Салаевых в Москве // Книга: Исследования и материалы. М., 1961. Сб. 5. С. 323 – 345.

[2] Еще во время пребывания писателя в Москве Салаев договорился с ним о новом издании, поспешив внести аванс в 1500 руб. (в чем ему была оставлена расписка Тургенева, текст которой неизвестен) и объявить о готовящемся издании в газетах. Так, уже 8 (20) марта “Современные известия” извещали читателей, что “сегодня книжный магазин Ф.И. Салаева приобрел от И.С. Тургенева право на новое издание его сочинений”, которое должно было, по первоначальному замыслу, состоять из девяти томов, причем к 1-му тому (“Литературные и житейские воспоминания”) предполагалось

добавить статьи "о Грановском, Герцене и славянофилах". Здесь же сообщалось об "особых предисловиях" к "Запискам охотника" (т. 2) и томам с повестями (т. 6—8), а также об "особом большом предисловии ко всем 6 романам" (1879. 8 марта. № 66. С. 3). Тем не менее, как следует из наст. письма, контракт так и не был окончательно оформлен, поскольку Тургенев рассчитывал сделать это по возвращении в Париж, однако из-за последовавшей в скором времени смерти Ф.И. Салаева ему пришлось заново договариваться с его наследниками (см. письма 5321, 5326, 5334, а также № 42 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"). Н.А. Щепкин, сообщая жене 25 марта ст. ст. 1879 г. о том, что от П.К. Маляревского удалось наконец получить 35 000 руб. деньгами и контракт на 19 000 руб. с Чадаевым, прибавлял: "...нынешний год он (Тургенев. — *Ред.*) счастлив на деньги, ему еще предстоит получить с книгопродавца Салаева 23 тысячи, которому он продал новое издание своих сочинений" (*ОГЛМТ.* Инв. № 316 оф. Л. 1—1 об.).

[3] Речь идет о М.М. Стасюлевиче, который готов был взять на себя издание сочинений Тургенева в случае отказа Салаева от предложенных условий (см. письмо 5326). Обсуждение условий со Стасюлевичем состоялось, очевидно, незадолго до написания наст. письма, что следует из письма Стасюлевича к Тургеневу от 12 (24) марта 1879 г.: "Добрейший Иван Сергеевич, тут нечего сказать, кроме классического: да будет Вам стыдно! Не спрашиваю даже имени тех обольстителей, которые переманили Вас. Насколько я Вам верю, что Вы будете сегодня вечером — судите сами. На случай, если не будете, прилагаю Вам письмо, полученное сию минуту. Салаевский вопрос разработан в типографии — я сообщу Вам сегодня, если только..." (*Bibl Nat.* Slave 81. F. 35).

[4] Имеется в виду гравер с инициалами "A. Kr.", осуществивший гравировку на стали с фотографии Деньера портрета Н.А. Некрасова, который был помещен в первом томе издания: *Некрасов Н.А.* Стихотворения: В 4 т. СПб., 1879. В подготовке этого издания принял деятельное участие М.М. Стасюлевич, взяв на себя все расходы. Именно он заказал портрет Некрасова в Лейпциге (см.: *ЛН.* Т. 53—54. С. 186, 189). Эта гравюра была признана очень удачной многими современниками, в том числе А.Н. Пыпиным, предоставившим свой экземпляр фотографии для гравировки, а также самим Стасюлевичем (см.: *Стасюлевич.* Т. 5. С. 69), который и посоветовал гравера Тургеневу. О портрете, помещенном в первом томе нового издания сочинений Тургенева, см. примеч. 14 к письму 5334.

[5] О том, что писатель уезжает в воскресенье, 18 (30) марта, сообщалось даже в газетах (см., например: Петербургский листок. 1879. 17 марта. № 53. С. 3). В действительности Тургенев выехал в Париж не в воскресенье, а в среду — 21 марта (2 апреля) 1879 г., задержавшись по делам наследства (см. примеч. 4 к письму 5293, а также письма 5304, 5307 и 5313). Очевидно, Салаев

одобрил предложение Тургенева, однако его письма и телеграммы по этому поводу неизвестны.

[6] Имеется в виду Н.А. Щепкин. По всей видимости, Тургенев надеялся, что Салаев не примет выдвинутые им условия, рассчитывая в таком случае вернуть аванс и передать издание М.М. Стасюлевичу. О намерении "расстаться с Салаевым" он всерьез задумывался еще в конце 1878 г. (см. письмо к А.В. Топорову от 14 (26) декабря 1878 г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5176).

[7] Имеется в виду издание: *Тургенев И.С.* Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847—1876. Первое стереотипное издание. СПб., 1880 (фактически вышло в октябре 1879 г.). Оно набрано по второму тому тщательно выправленного Тургеневым салаевского издания 1874 г. Об этом издании см. письма 5321, 5326 и др. См. также: наст. изд. Соч. Т. 3. С. 440; *Громов В.А.* Судьба "Записок охотника" // Тургенев И.С. Записки охотника. М., 1991. С. 570—572 (Лит. памятники).

5300. М.Г. Савиной (с. 87)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 853. Оп. 2. № 1285. Л. 1а.

Впервые опубликовано: *Т и Савина.* С. 3.

Датируется по содержанию. 15 (27) марта 1879 г. Тургенев присутствовал на представлении "Месяца в деревне" в Александринском театре, где Савина исполняла роль Верочки. "На другой день, — вспоминала она, — Иван Сергеевич был у меня с визитом, о чем добрый Топоров предупредил меня утром" (Там же. С. 66; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 353).

[1] Накануне Савина, опасаясь "затруднить Ивана Сергеевича" поездкой "за пределы цивилизации", через А.В. Топорова передала ему предложение приехать к нему в гостиницу самой (см.: Тургенев в письмах М.Г. Савиной к А.В. Топорову / Публ. Г.В. Степановой // *Т сб.* Вып. 5. С. 520. Письмо от 15 марта ст. ст. 1879 г.). Утром 16 (28) марта она послала к Топорову горничную с запиской: "Могу ли я видеть г. Тургенева часу в 12-м дня 〈...〉" (см.: Там же. С. 521), однако, не поняв ответа, который был передан на словах, вновь обратилась к нему: "Дадите ли Вы мне знать, когда можно видеть Ивана Сергеевича или прямо ехать до часу? Последнее почти невозможно, так как у меня уже назначено троим свиданье сегодня. Я в отчаяньи: без репетиции читать немыслимо. Придется уже в клубе во время антракта. Только ради бога не тревожьте Ивана Сергеевича. Он, я думаю, не рад, что попал в Петербург — замучили совсем. Я свободна до двух ч〈асов〉 и от 4-х до 8-ми" (Там же). На это письмо, по-видимому, и откликается Тургенев.

В день написания письма, врученного актрисе Топоровым, в 8 ч. вечера в переполненной зале Благородного собрания (дом Елисеева у Полицейского моста) состоялось последнее публичное выступление Тургенева на чтениях в пользу Литературного фонда, где писатель в первом отделении должен был прочесть рассказ из "Записок охотника" ("Бирюк"), во втором отделении — вместе с Савиной — сцену из "Провинциалки". Очевидно, поводом для визита была репетиция совместного чтения. Савина вспоминала об этой встрече с Тургеневым: "Нечего и говорить, с каким волнением я ждала этого визита и как готовилась к нему 〈...〉. Иван Сергеевич все всматривался в меня с любопытством, расспрашивал о моем поступлении на сцену, о моих взглядах на искусство, о моем семейном положении 〈...〉" (*Т и Савина.* С. 66; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 353). Задетая замечанием писателя о сходстве ее игры с игрой знаменитой французской актрисы и удивлением ("Вот, мол, ты какая, русская актриса"), Савина «выпалила монолог против его западничества и в защиту русского искусства, которым он "не интересуется, как и забытой им Россией"», чем привела в изумление Тургенева, долго вспоминавшего выражения из ее "монолога", и в восторг присутствовавшего при разговоре А.В. Топорова, мечтавшего "перетащить" писателя "домой" (*Т и Савина.* С. 66—67; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 353—354). Как и 9 (21) марта, в чтениях вместе с Тургеневым приняли участие А.А. Потехин, прочитавший отрывок из повести "На миру", А.Н. Плещеев, затем выступил Тургенев, чье появление было встречено публикой стоя громкими криками и рукоплесканиями. По окончании чтения Тургеневу был преподнесен "толпой молодежи, преимущественно женской", огромный лавровый венок. После небольшого перерыва Ф.М. Достоевский, также встреченный "несмолкающими рукоплесканиями", прочитал, как и 9 (21) марта, отрывок из "Братьев Карамазовых" ("Рассказ по секрету") и также был награжден букетом из живых цветов; со стихотворением "Казимир Великий" выступил Я.П. Полонский; заключило вечер чтение Тургеневым и Савиной сцены из "Провинциалки" (*Н Вр.* 1879. 18 марта. № 1096. С. 3—4). Выбор именно этой пьесы принадлежал Савиной, однако за графа Любина первоначально должен был читать П.И. Вейнберг, который сумел уговорить Тургенева. Чтение прерывалось аплодисментами, в конце его снова последовали шумные овации и вызовы (см.: *Т и Савина.* С. 68—69; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 353—356). После чтений Тургенев присутствовал на "пятнице" Полонского, перенесенной к Гайдебуровым, где были также М.Г. Савина, Ф.М. Достоевский и мн. др. (см.: *Садовников. Встречи с Т.* С. 83—85). В этот день Тургенев подарил Савиной свой фотографический портрет 1879 г. (работы А. Деньера) с надписью: "Марии Гавриловне Савиной в память нашего совместного чтения. Искренне ей преданный Ив. Тургенев. СПб., 16 марта 1879" (хранится в Санкт-Петербургском гос. музее театрального и музыкального искусства;

воспроизведен: *Т и Савина*, между с. 68 и 69, на вклейке в иллюстрированной части тиража).

[2] Похвала вызвана восхищением Тургенева игрой Савиной в пьесе “Месяц в деревне”, которую он видел в Александринском театре накануне, 15 (27) марта 1879 г. «Дирекция императорских театров почтила присутствие Ивана Сергеевича в Петербурге, дав ⟨...⟩ представление, в котором главной пьесой шла поставленная в бенефис г-жи Савиной комедия его — “Месяц в деревне”, — сообщала по этому поводу газета “Петербургский листок”. — Театр был полон; еще накануне почти что все места были проданы — спешили, конечно, увидеть не комедию, виденную уже всеми, а автора ее, так как слух, что И.С. Тургенев будет в театре, распространился в городе» (1879. 17 марта. № 53. С. 3). В этот день актриса сама завезла Тургеневу билет в директорскую ложу. В своих воспоминаниях она подробно описала этот вечер: «С каким замиранием сердца я ждала вечера и как играла — описать не умею; это был один из счастливейших, если не самый счастливый спектакль в моей жизни. Я священнодействовала... Мне совершенно ясно представлялось, что Верочка и я — одно лицо... Что делалось в публике — невообразимо! Иван Сергеевич весь первый акт прятался в тени ложи, но во втором публика его увидела, и не успел занавес опуститься, как в театре со всех сторон раздалось: “Автора!”. Я, в экстазе, бросилась в комнату директорской ложи и, бесцеремонно схватив за рукав Ивана Сергеевича, потащила его на сцену ближайшим путем. Мне так хотелось показать его всем ⟨...⟩. Иван Сергеевич очень решительно заявил, что, выйдя на сцену, он признает себя драматическим писателем, а это ему “и во сне не снилось”, и потому он будет кланяться из ложи, что сейчас же и сделал. “Кланяться” ему пришлось целый вечер, так как публика неистовствовала» (*Т и Савина.* С. 65; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 352). Игра Савиной поразила писателя. “После третьего действия (знаменитая сцена Верочки с Натальей Петровной), — вспоминала Савина, — Иван Сергеевич пришел ко мне в уборную, с широко открытыми глазами подошел ко мне, взял меня за обе руки, подвел к газовому рожку, пристально, как будто в первый раз видя меня, стал рассматривать мое лицо и сказал: — Верочка... Неужели эту Верочку я написал?!.. Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Все дело в Наталье Петровне... Вы живая Верочка... Какой у Вас большой талант!” (*Т и Савина.* С. 65—66; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 352). О том, что Тургенев “вообще остался очень доволен исполнением своей пьесы; но с особенной похвалой отзывался ⟨...⟩ о г-же Савиной, находя, что она в роли Верочки бесподобна”, со слов писателя, упомянул и корреспондент “Молвы” (1879. 17 марта. № 74. С. 2). Столь же высокой была и оценка спектакля в прессе. Сам Тургенев посмотрел только четыре акта пьесы, после чего должен был отправиться на литературный вечер в пользу слушательниц

педагогических курсов (см. о нем примеч. 2 к письму 5301, а также во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе).

5301. Устроителям литературного вечера в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (с. 87)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 601. Карт. 49.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 49.

Датируется по содержанию, так как именно 16 (28) марта 1879 г. А.В. Половцов с невестой (Е.Н. Кравченко) присутствовали на литературном чтении с участием Тургенева в зале Благородного собрания в пользу Литературного фонда.

[1] Имеется в виду А.В. Половцов, с которым Тургенев, по всей видимости, еще раз увиделся накануне отъезда — 20 марта (1 апреля) 1879 г., когда и подарил свою фотографию 1868 г. (работы ателье J. & L. Allgeyer) с дарственной надписью из "Фауста" Гёте на обороте: "Greift nur hinein ins volle Menschenleben; / Ein jeder lebt's, nicht jedem ist's bekannt... / Und wo ihr's packt — da ist's interessant. Goethe. / Ив. Тургенев. 20-го марта 1879. С.П.бург" (*ИРЛИ.* № 14869. Л. 2; см. также иллюстрации на с. 88, 89). К этим словам из "Пролога в театре" Тургенев обращался неоднократно, в том числе в статье «По поводу "Отцов и детей"», включенной в состав "Литературных и житейских воспоминаний", где дал свой перевод: "Запускайте руку (лучше я не умею перевести) внутрь, в глубину человеческой жизни! Всякий живет ею, не многим она знакома — и там, где вы ее схватите, там будет интересно!" (см.: наст. изд. Соч. Т. 11. С. 94. См. также: наст. изд. Письма. Т. 3. № 380). В надписи Половцову Тургенев привел цитату с небольшим разночтением: у Гёте "nicht vielen ist's bekannt". Впоследствии Половцов вспоминал, как однажды просил писателя «подписать на своей карточке самое любимое им место из какого бы то ни было писателя. После минутного раздумья Иван Сергеевич сказал, что из русских авторов он не может привести ни одной фразы, которую бы любил больше всего остального, и вслед за тем написал на карточке стихи из пролога к гётевскому "Фаусту" 〈...〉». "Этих слов, — прибавил Иван Сергеевич, — кладя перо, никогда не должен был бы забывать ни один писатель" (Календарь "Царь-Колокола" на 1887 г. С. 80).

[2] Одной из дам, сопровождавших Половцова, была, очевидно, его невеста Е.Н. Кравченко, которой Тургенев после благотворительного вечера в пользу слушательниц педагогических курсов, состоявшегося 15 (27) марта 1879 г., подарил пятый том своих Сочинений (М., 1874) с дарственной надписью на шмуцтитуле: "Екатерине Николаевне / Кравченко-Половцевой / на память / незабвенного для меня вечера 15-го м〈арт〉а от Ив. Тургенева. / С.-Пб. / 1879" (подлинник хранился в частном собрании В.Г. Лидина (Москва); факсимиле см.: *ЛН.* Т. 76. С. 326). На корешке заказанного

впоследствии Е.Н. Половцовой переплета вытиснено золотом: "16 марта 1879" (см.: *Лидин В.Г.* Друзья мои — книги: Рассказы книголюба. М., 1976. С. 30). По сообщениям газет, на этом литературном вечере, где присутствовали слушательницы как педагогических, так и высших женских курсов, «русская женщина, в лице сотен представительниц женской учащейся молодежи, сказала свое "спасибо" Тургеневу» (*Н Вр.* 1879. 17 марта. № 1095. С. 2). Обе группы курсисток преподнесли Тургеневу по огромному венку из живых лавров (первые — с красной лентой и надписью "От слушательниц педагогических курсов И.С. Тургеневу, 15 марта 1879 года"; вторые — с лентой белого цвета и соответствующей надписью), а также зачитали по адресу. Адрес "педагогичек" зачитала Е.М. Гедда (она же занималась организацией литературно-музыкального вечера, состоявшегося 21 марта ст. ст. 1880 г., в котором также участвовал Тургенев. См. об этом: *ЛН.* Т. 86. С. 315—321. Публ. И.С. Зильберштейна. Участие Тургенева не отмечено в *Летописи (1876—1883)*). "...По мере того, как мы росли, — говорилось в нем, — как расширялся наш умственный горизонт, как наш внутренний мир наполнялся нравственными вопросами, Тургенев приобретал для нас более глубокое и важное значение. В нем мы находили отзывы на наши вопросы, отзвуки нашей собственной жизни, но озаренные таким ярким светом художественного представления, возвышенного чувства, живой любви, что мы не могли не отвечать на нее горячею любовью. Тургенев все более и более становился нашим любимцем" (среди вручавших Тургеневу венок от слушательниц педагогических курсов была Е.С. Султан-Шах, которой Тургенев подарил свою фотографию 1871 г. работы К. Бергамаско с дарственной надписью: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 79, см. иллюстрацию на с. 115). Прочувствованный адрес растрогал Тургенева, который в ответ признался, что "эта минута останется одним из самых дорогих воспоминаний его жизни" (*Н Вр.* 1879. 17 марта. № 1095. С. 2). После того как писатель выступил с чтением рассказа "Льгов", Е.Н. Кравченко зачитала адрес от высших курсов. Во время произнесения ею "задрожавшим от волнения голосом" следующих слов: "Из всех наших писателей, вы, И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, ⟨...⟩ лучше всех поняли сердце русской женщины. Вы отнеслись к ней беспристрастно, не скрыли ее недостатков, но зато поведали всему миру то хорошее, что в ней кроется. Спасибо же вам, И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, сердечное, русское спасибо за правду о нас..." — по толпе словно пробежала "электрическая искра" и "десятки девичьих голосов" подхватили это "спасибо" (среди вручавших Тургеневу венок от "бестужевок" была и В.Г. Гутман, которой писатель надписал четвертый том своих Сочинений (М., 1874). Ныне хранится в ГЛМ. См.: Иван Сергеевич Тургенев и Москва. М., 2009. С. 182). Текст обоих адресов см.: Петербургский листок. 1879. 17 марта. № 53. С. 2—3; об этом вечере см. также: Женское

образование. 1879. № 3. С. 203—206. Под впечатлением от вечера Тургенев по возвращении в Париж написал стихотворение в прозе “Камень” (см.: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 162—163, 509—510).

5302. М.Г. Савиной (с. 90)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 853. Оп. 2. № 1285. Л. 2.
Впервые опубликовано: *Т и Савина.* С. 3.
Датируется по сопоставлению с письмом 5300.

Стр. 90. К сведению читательницы (*франц.*).

5303. А.Ф. Кони (с. 90)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 134. Оп. 3. № 2258.
Впервые опубликовано: *Кони А.Ф.* На жизненном пути. СПб., 1913. Т. 2. С. 85.

[1] Речь идет о дагеротипном портрете Полины Виардо, найденном Кони в бумагах его отца. «Она изображена на нем в костюме начала 50-х годов, в гладкой прическе с пробором посредине, закрывающей наполовину уши, и с “височками”. Крупные черты ее некрасивого лица, с толстыми губами и энергическим подбородком, тем не менее привлекательны благодаря прекрасным, большим, темным глазам с глубоким выражением» (*Кони А.Ф.* На жизненном пути. СПб., 1913. Т. 2. С. 82; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 123). По свидетельству Кони, дагеротип был сделан в 1843 г. и содержал “любезную надпись” его отцу (Там же; см. также: М. Савина и А. Кони. Переписка. 1883—1915. Л.; М., 1938. С. 28). А.Ф. Кони подарил этот дагеротип Тургеневу накануне его отъезда из Петербурга. Других сведений об этом дагеротипе не сохранилось. Вместе с тем известно о дагеротипе, который был выполнен в Петербурге в 1853 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 2. № 263).

5304. Н.А. Щепкину (с. 90)

Печатается по подлиннику: *ОГЛМТ.* Инв. № 230 оф. На обороте телеграммы помета: “Сдана рассыльному 18-го 3 час. 25 м. пополуд⟨ни⟩”.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 51.
Датируется по телеграфным пометам на лицевой части телеграммы: “Подана 18-го 10 ч. 50 м. пополун⟨очи⟩”; “Принята с аппарата мар⟨та⟩ 18-го 1879 г.”.

[1] Тургенев отвечает на неизвестную телеграмму своего управляющего, посланную им накануне (17 марта ст. ст. 1879 г.) из Москвы, в которой тот извещал его о требовании П.К. Маляревского

оформить новую доверенность на имя Щепкина, так как имевшаяся у того на руках якобы не позволяла получить наличный капитал, причитавшийся писателю по завещанию Н.С. Тургенева. См. об этом примеч. 4 к письму 5293. По просьбе писателя, повторенной на следующий день (см. письмо 5307), утром 19 (31) марта Щепкин выехал из Москвы и прибыл в Петербург вечером; на следующий день у нотариуса П.С. Корнеева и была оформлена новая доверенность (см. № 41 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"). О получении наследства см. письма 5311, 5312 и 5317.

5305. Студентам Петербургского университета и Горного института (с. 90)

Печатается по тексту первой публикации: Петербургский листок. 1879. 27 марта (8 апреля). № 60. С. 2. Подлинник неизвестен. Первая публикация письма "Ответ И.С. Тургенева на просьбу студентов" предварялась редакционной заметкой: "Нам сообщают, что за три дня до отъезда И.С. Тургенева за границу студенты Университета и Горного института задумали устроить литературно-музыкальный вечер с благотворительною целию. По этому случаю они обратились к Ивану Сергеевичу Тургеневу, прося его принять участие в нем, подобно тому, как он составил праздник для студентов Московского университета и для слушательниц Педагогических курсов и Высших курсов в Петербурге. / Нездоровье помешало нашему маститому беллетристу исполнить просьбу студентов Петербурга. Вследствие этого он прислал им следующее письмо (Далее текст письма. — *Ред.*)".

В собрание сочинений впервые включено: *Т. Соч (1929—1934).* Т. 12. С. 556. В *ПССиП(1)* включено в состав Сочинений (Т. XV. С. 63).

История этого письма такова. В анонимных воспоминаниях "Бывшего студента Горного института", опубликованных уже после смерти Тургенева в нелегальном издании "Общее дело" (1883. № 56), рассказано, как целая депутация студентов явилась к писателю с просьбой и приглашением принять участие в литературно-музыкальном вечере с чтением какого-либо из его произведений. Придя к нему в "Европейскую гостиницу", они зачитали свое приглашение, однако получили отказ. В беседе со студентами Тургенев не стал скрывать подлинной причины отказа (см. примеч. 2 к наст. письму). После визита к Тургеневу студенты обратились к одному из товарищей с требованием немедленно написать адрес, с которым вернулись к писателю и зачитали его. Как следует из воспроизведенного по памяти текста, Тургенев откровенно признался группе депутатов, что, наблюдая нарастание общественной активности, он почувствовал необходимость своего участия в этом процессе, осознавая, что для этого ему необходимо возвратиться в Россию. По-видимому, обращаясь к молодежи, Тургенев сетовал

на то, что она слишком много сил тратит на бесплодные протесты, подвергая себя опасности, в то время как при разумном использовании своих сил могла бы принести немалую пользу обществу. Вот текст студенческого адреса, воспроизведенного в основных чертах в "Общем деле": "Иван Сергеевич! / Мы, студенты Горного института, узнали, что Вы намереваетесь возвратиться в Россию и принять в делах ее личное, непосредственное участие. Не можем не отнестись к такому решению с глубочайшим сочувствием и живейшей радостью. В настоящее время движение, которое существует среди интеллигенции России, не представляет собою ничего целого, общего — нет определенно выраженных, определенно достигаемых целей — и много пропадает даром труда, и много молодых и свежих сил гибнет напрасно. И мы говорим Вам, Иван Сергеевич, что только Вы одни в настоящее время сумеете объединить все направления и партии, сумеете оформить это движение, придать ему силу и прочность: подымайте смело и высоко ваше светлое знамя: на ваш могучий и чистый голос откликнется вся Россия: Вас поймут и отцы и дети. / Студенты Горного института" (цит. по: *Революционеры-семидесятники*. С. 87). Воспроизвел анонимный мемуарист и реакцию Тургенева на этот адрес, который он выслушал стоя: "Конечно, этот адрес ⟨...⟩ я сохраню до конца моих дней как лучшее воспоминание в моей жизни. ⟨...⟩ Да, я думал ⟨...⟩ что в России я, лично, прямо, не нужен, что я могу спокойно оставаться в Париже... Но после всего того, что мне пришлось здесь видеть и слышать, я прихожу к заключению, что я должен переселиться в Россию. ⟨...⟩ Я знаю, что это дело, за которое приходится мне взяться, ⟨...⟩ что это дело — очень нелегкое дело, — лучше было бы взяться за него молодому, энергичному человеку, а не мне... старику... Но что же делать? Я положительно не вижу и не знаю человека, который обладал бы более серьезным образованием, лучшим положением в русском обществе и большим политическим тактом, чем я... ⟨...⟩ Трудно это, конечно, для меня: приходится от многого отказаться... оторваться от семьи, с которой я давно живу... она за мной не поедет... ⟨...⟩ Ну, что же делать! ⟨...⟩ ведь пришлось же мне не малым пожертвовать, когда начал писать охотничьи рассказы, — значит, и теперь можно..." (Там же. С. 87—88). При всей приблизительности слов Тургенева, воспроизведенных мемуаристом по памяти, суть его размышлений выглядит вполне правдоподобно, как и нежелание, чтобы его слова были услышаны пришедшим Д.В. Григоровичем. "Так я не говорю вам, господа, прощайте, — сказал Тургенев, провожая гостей, — а до свидания" (Там же. С. 88). Таким образом, этот адрес студентов явился как бы продолжением беседы с писателем.

[1] Текст этого приглашения неизвестен.

[2] Подлинная причина отказа Тургенева была иной. В воспоминаниях "Бывшего студента Горного института" (Общее дело.

1883. № 56) сказано, что в ответ на просьбу студентов писатель прямо заявил, что ему "положительно запрещено являться среди молодежи и принимать ее овации". "При этом, — писал мемуарист, — он высказал ряд таких мыслей и своих ближайших намерений, которые произвели потрясающее впечатление на этих депутатов" (цит. по: *Революционеры-семидесятники.* С. 86).

[3] Очевидно, Тургенев прежде всего имел в виду свою речь на концерте в пользу недостаточных студентов Московского университета, произнесенную 4 (16) марта 1879 г. в зале Благородного собрания (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 335), а также речь на обеде в ресторане "Эрмитаж", произнесенную 6 (18) марта (см.: Там же. С. 336—337, а также Приложение к наст. тому). Обе речи неоднократно перепечатывались в газетах.

5306. А.В. Топорову (с. 91)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 41 —41 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XIII. Кн. 2. С. 222—223.

Датируется предположительно. Письмо могло быть написано в Петербурге, где Тургенев лично познакомился с М.Г. Савиной и часто с нею виделся. Топоров с самого начала их знакомства был посредником и нередко присутствовал при их встречах (см., например: *Т и Савина.* С. 67; *Т в восп совр.* Т. 2. С. 349—350). Друг Савиной Ю.Д. Беляев, записавший воспоминания актрисы о встречах с писателем, очевидно, воспроизвел ее слова, назвав Топорова, окаменевшего "в почтительном восхищении", "неугасимой лампадой перед Иваном Сергеевичем" (*Т и Савина.* С. 76). В понедельник 19 (31) марта, после 2 часов дня, Тургенев ждал к себе артистку (см. письмо 5302); в этот день утром и могло быть написано комментируемое письмо, помеченное понедельником.

5307. Н.А. Щепкину (с. 92)

Печатается по подлиннику: *ОГЛМТ.* Инв. № 232 оф.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 51.

Датируется по телеграфным пометам на лицевой части телеграммы: "Подана 19-го 6 ч. 18 м. пополуд⟨ни⟩"; "Принята с аппарата 19-го III 1879 г.".

[1] О цели приезда Щепкина в Петербург см. письмо 5304 и примеч. к нему.

5308. Г.О. Гинцбургу (с. 92)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 64. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg*. Р. 99, с условной датой: "Июнь/июль 1880 г.".

Датируется по содержанию и связи с письмами 5304, 5307, 5311, 5312. Понедельник перед отъездом Тургенева из Петербурга в Париж выпадал на 19 (31) марта 1879 г. В *ПССиП(1). Письма* (Т. XII. Кн. 2. № 5213) опубликовано с датой: 23 июня (5 июля) 1880 г.

[1] Имеется в виду Н.А. Щепкин, который приехал в Петербург вечером 19 (31) марта, по настоятельной просьбе Тургенева, дважды телеграфировавшего ему в Москву (см. письма 5304, 5307), чтобы оформить новую доверенность, потребовавшуюся для получения наследства Н.С. Тургенева. Новая доверенность была оформлена на следующий день (см. № 41 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги", а также примеч. 1 к письму 5304).

[2] Н.А. Щепкин выехал в Москву утром в среду 21 марта (1 апреля) 1879 г.

[3] Ко времени отъезда Н.А. Щепкина в Петербург уже был готов составленный П.К. Маляревским расчет имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, между его сонаследниками. Согласно этому расчету, Тургеневу причиталось не 22 200 руб. наличного капитала, как было указано в завещании брата (см. примеч. 5 к письму 5217), а уже 25 050 руб. (увеличение наличного капитала произошло за счет выплаты за 1878 г. по контракту А.В. Чедаева в 2850 руб., которая была произведена после составления завещания; соответственно, на эту же сумму уменьшался долговой капитал по этому контракту, составивший в итоге 19 950 руб.). Кроме того, Тургенев согласился на предложение Маляревского обналичить закладную С.О. Бородаевского в 10 000 руб. (она заменила вексель на ту же сумму, изначально фигурировавший в тексте завещания 1877 г.), содержавшееся в письме Маляревского к нему от 25 января ст. ст. 1879 г. Таким образом, итоговая сумма наличного капитала, который должен был получить Щепкин по новой доверенности, составила чуть более 35 000 руб. (см. также письмо 5311 и примеч. 1 к нему).

[4] Деньги были получены Н.А. Щепкиным лишь 25 марта ст. ст. 1879 г. и тогда же отправлены в Париж через контору Ценкера и К° (см. примеч. 1 к письму 5311).

[5] Переписка по поводу отправки денег неизвестна, однако об их получении Тургенев уведомил своего управляющего 27 марта (8 апреля) 1879 г. (см. письмо 5317).

5309. В.П. Гаевскому (с. 93)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 171. № 291. Л. 3.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 51.

[1] Письмо С.М. Лободы (Крапивиной) к Тургеневу было переслано им Гаевскому и сохранилось в бумагах Литфонда. См.: *ИРЛИ.* Ф. 155. Приложения к журналам заседаний за 1875—1879 гг. (указано С.А. Ипатовой). "Многоуважаемый Иван Сергеевич, — писала она в нем 6 марта ст. ст. 1879 г. — Простите, Бога ради, что я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбою; но Вы — *сила*, я — беспомощный труженик, пусть этот аргумент будет моим оправданием". Излагая суть своих претензий к бывшему редактору "Пчелы" (1876—1878) М.О. Микешину, писательница продолжала: «Вам, вероятно, известно, что у нас издавался еженедельный журнал "Пчела". Я в нем помещала свои очерки и рассказы, всегда получала за них должное вознаграждение; но потом, сдав редакции *пять* рукописей, приблизительно на сумму 340 р., не могу теперь вырвать их обратно, как ни просила об этом бывшего редактор-издателя (sic! — *Ред.*), художника Микешина. / Будь еще у меня хоть черняки с этих вещей, тогда я могла бы восстановить по ним то, на что у меня пошло minimum *полгода* времени, не говоря уже о затрате здоровья, умственных и нравственных сил; но черняков у меня нет. Что ж мне делать? Где и у кого искать вознаграждения за труд? Я существую этими литературными заработками. Литературный фонд не благоволил ко мне собственно за то, что я — бедна, часто нуждаюсь в поддержке; как будто мне самой сладко просить о помощи! Теперь, например, у меня куча долгов по мелочам благодаря только тому, что "Пчела" сразу умерла... Редактор ее получил даже сотню тысяч "на разорение"; а бедняк — терпи! / Научите меня, что делать? Я вполне убеждена, что одного Вашего слова будет достаточно для того, чтобы справедливость всплыла наверх, и прошу у Вас этого слова, во имя "помощи нуждающимся литераторам". Вообще Ваше *слово* придало бы мне бодрость духа и силу работать, а то мне так трудно бороться с жизнью и различными "случайностями" вроде 〈...〉 "Пчелы"... Ваши произведения разбудили меня к сознательной, человеческой жизни; так не откажите же поддержать Вашу почитательницу до конца!» (Л. 410—411 об.). Письмо С.М. Крапивиной (Лободы) к Тургеневу было получено Гаевским вместе с письмом писателя 21 марта (1 апреля), о чем свидетельствует его помета на первой странице письма Крапивиной. Здесь же рукой Гаевского внесены сведения о помощи, оказанной ей Литфондом в предшествующие годы: "С 1873 по 1878 получала ежегодно по 506 р."; "23 мая 1877 г. в ссуду 350 р." (Там же. Л. 410).

[2] В 1875—1878 гг. С.М. Крапивина (Лобода) сотрудничала в журнале "Пчела", редактором и издателем которого в эти годы был знаменитый скульптор М.О. Микешин. В "Пчеле" Лобода

опубликовала “Дневник княгини Хмуровой” (1875. № 18—21), “Несколько слов о Тарасе Шевченке” (1875. № 42), “Жуткий вечер из жизни Т.Г. Шевченка” (1878. № 5) и др.

[3] Это письмо Тургенева к С.М. Крапивиной неизвестно (очевидно, оно было написано 20 марта ст. ст. 1879 г., как и наст. письмо к Гаевскому), однако сохранилось ее письмо к самому Гаевскому от 21 марта (2 апреля) 1879 г. (получено им 22 марта (3 апреля) 1879 г.), в котором она сообщала: «Мне только что посчастливилось получить очень сочувственное письмо от Ивана Сергеевича Тургенева. Он пишет, что Вы обещали ему выручить меня из долгов (в общей сложности, по мелочам, 200 р.), а главное, что Вы охотно возьмете на себя разбирательство между Вашим редактор-издателем (sic! — *Ред.*) в журнале “Пчела”, г-м Микешиным, и мною, его постоянной сотрудницей. — В силу этого письма я и обращаюсь теперь к Вам, как за денежной помощью, так и насчет возврата рукописей или же наличных за них денег, приблизительно, по крайней мере, около 300 р., от г-на Микешина” (см.: *ИРЛИ.* Ф. 155. Приложения к журналам заседаний за 1875—1879 гг. Л. 408). Далее Крапивина еще раз подробно изложила суть своих претензий к М.О. Микешину. Прежде всего она сообщила, что с 1875 г. “от времени до времени” помещала свои труды в “Пчеле”, за что неизменно получала гонорар, иногда даже вперед. Не имея оснований не доверять редакции, она таким образом, по собственным словам, “за последние два года” отправила туда рукописи четырех произведений, а также один рассказ для издававшегося тем же Микешиным журнала “Русь”, однако из-за прекращения “Пчелы” ни одно из них не было напечатано. Попытки вернуть рукописи не увенчались успехом, так как “г-н Микешин не удостоил” ее “ни словом ответа”. Обращаясь к Литфонду с просьбой “рассудить это вопиющее по своей несправедливости дело”, Крапивина в то же время жаловалась на свои крайне стесненные обстоятельства и осаждавших ее кредиторов. В заключение она пожаловалась также на издававшего журнал “Детское чтение” В.П. Острогорского, который, оскорбившись ее неосторожным замечанием, вернул ей рукописи двух ее произведений, уже принятых редакцией к печати, при этом деньги за них должны были пойти Литфонду в счет уплаты долга Крапивиной (см.: Там же. Л. 408 об.—409 об.).

[4] Несмотря на ходатайство Тургенева и усилия, предпринятые членами Комитета Литфонда, прошение С.М. Крапивиной так и не было удовлетворено. Как видно из объяснительного письма М.О. Микешина к Гаевскому от 28 марта н. ст., а также из ответного письма самой Крапивиной к Гаевскому от 14 апреля ст. ст. 1879 г., Микешин потребовал предоставить квитанции (или расписки) о получении редакцией “Пчелы” работ писательницы, которых у нее не оказалось, так как, по ее уверению, они

никому из литературного отдела за все время работы не выдавались. В пособии от Литфонда ей было также отказано. Получив от Комитета уведомление об отказе, она заметила в том же письме: "Извините, что побеспокоила Фонд, полагаясь на совет Ив⟨ана⟩ Сергеевича!" — и далее в постскриптуме: "Не знаю, почему именно мне отказано в пособии? Если по *недостаточному* количеству работ, то я могла бы представить перечень моих статеек по народному здравию и детской литературе. Так грустно не знать, *за что* отказывают!" (см.: *ИРЛИ.* Ф. 155. Приложения к журналам заседаний за 1875—1879 гг. Л. 414—415, 491—492).

5310. Л.Я. Стечькиной (с. 93)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 53.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 23.

[1] Фотография, которую Тургенев послал Стечькиной, по-видимому, была сделана в ателье К. Шапиро (снята 12 марта ст. ст. 1879 г.). Объявление о продаже этого портрета см.: *Н Вр.* 1879. 24 марта. № 1102. С. 4. В предыдущем письме Тургенев уже высылал Стечькиной свою фотографию (см. письмо 5297 и примеч. 9 к нему), но обе они были сочтены ею не вполне удовлетворительными (см. письмо 5319).

[2] Имеется в виду письмо Стечькиной от 15 (27) марта 1879 г., в котором она, обеспокоенная сообщением брата (Н.Я. Стечькина) о намерении М.М. Стасюлевича внести некоторые изменения в ее роман и изменить заглавие, обращалась к Тургеневу за содействием. См. примеч. 4—6 к письму 5297.

[3] Видимо, письмо 5319.

[4] Этот листок с дарственной надписью Тургенева неизвестен. Вероятно, надпись была вырезана и приклеена к фотографии, местонахождение которой остается неизвестным.

5311. Н.А. Щепкину (с. 94)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 176. Л. 1.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 52—53.

[1] Вероятно, настоящее распоряжение было передано Тургеневым Щепкину лично и предназначалось для банкирской конторы Ценкера. Еще 18 (30) марта 1879 г. П.К. Маляревским был составлен расчет имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, между его сонаследниками (копию см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 255 оф.), однако прежде чем передать Щепкину причитавшуюся писателю по завещанию долю, он потребовал переоформить доверенность,

выданную ранее Тургеневым на имя управляющего, так как прежняя якобы не позволяла получить наличный капитал (см. примеч. 4 к письму 5293, а также № 41 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"). Очевидно, во время пребывания в Петербурге, куда Щепкин специально приехал из Москвы для оформления новой доверенности, он сообщил Тургеневу итоговую сумму, которую ему предстояло получить от Маляревского. Согласно составленному им расчету, Тургеневу отходили контракт с А.В. Чедаевым и 35 441 руб. 87 коп. наличными, причем эта сумма складывалась из суммы наличного капитала, причитавшегося ему по завещанию, к которой добавились 10 000 руб. по закладной С.О. Бородаевского, обналиченной Маляревским. Вернувшись в Москву вечером 21 марта (1 апреля), Щепкин рассчитывал на следующий день закончить дело с наследством (см. его письмо к жене от 22 марта ст. ст.: *ОГЛМТ.* Инв. № 315 оф. Л. 1), однако вынужден был задержаться еще на два дня. 25 марта ст. ст. 1879 г. Щепкин писал жене: "Спешу тебя известить, что я наконец получил с Маляревского сегодня 35 тысяч деньгами и контракт с Чадаевым на 19 тысяч; полученные деньги по поручению Тургенева уже взнес в Банкирский дом Ценкера — для доставления ему в Париж, — об чем его известил телеграммой" (Там же. Инв. № 316 оф. Л. 1).

[2] Телеграмма Щепкина неизвестна. Тургенев получил ее 26 марта (8 апреля), о чем сообщил ему на следующий день (см. письмо 5317). В ведомости по имениям Тургенева за декабрь 1878 г. и январь — сентябрь 1879 г. в графе "Приход" отмечено: "Получено от Маляревского по духовному завещанию после смерти Николая Сергеевича Тургенева 35 441, 87" (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1). Здесь же в графе "Расход" значится: "Послано г. Тургеневу через банкир⟨скую⟩ конт⟨ору⟩ Ценкера 35 000" (Там же). О деньгах, которые Маляревский дополнительно выплатил Тургеневу по завещанию, см. письма 5336, 5377 и примеч. к ним.

5312. Н.А. Щепкину (с. 94)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 69. Л. 3—3 об. На подлиннике помета неизвестной рукой (карандашом): "Март. 1879".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 53.

Датируется на основании пометы, по связи с письмом 5311 и с содержанием записи в "Ведомости о расходе денег по имениям И.С. Тургенева за декабрь 1878 г. и январь—сентябрь 1879 г." (*ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф.), где речь идет о пересылке денег Москалеву и Родионовой и выплате указанной суммы банкирской конторе Ценкера. Записка, по всей вероятности, была написана накануне отъезда Тургенева в Париж и оставлена в Петербурге для Щепкина или передана ему лично.

[1] "Императорское человеколюбивое общество" — самая крупная благотворительная организация России — было основано Александром I еще в 1802 г. (первоначально называлось "Благодетельное общество") в целях оказания помощи неимущим, существовало на частные добровольные пожертвования, прежде всего императорской фамилии. На попечении общества, в деятельности которого особую роль сыграла мать императора Мария Федоровна, были приюты, дома призрения, богадельни, народные столовые и другие благотворительные учреждения (см.: Краткий очерк истории Императорского человеколюбивого общества. СПб., 1875). Согласно составленной Щепкиным ведомости, для отправки В.П. Москалеву в Москву были выделены 100 руб. 64 коп. (*ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1).

[2] Очевидно, речь идет о знаменитом изобретателе П.Н. Яблочкове, который, живя с 1875 г. в Париже, прославился тем, что спроектировал освещение главных улиц столицы, впоследствии, благодаря его открытию, были освещены улицы Лондона, Берлина и других европейских городов, а также городов Америки, Индии, Мексики и других стран. В 1878 г. Яблочков вернулся в Россию и занялся освещением важных объектов Петербурга, в том числе Большого театра, а также других городов России.

[3] Имеется в виду И.А. Афанасьев, сын дворового егеря А.Т. Алифанова.

[4] Речь идет о любимом егере Тургенева А.Т. Алифанове, умершем в 1872 г. В список пенсионеров Тургенева в 1876 г. были внесены четыре дочери Алифанова (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4460; *Рында И.Ф.* Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903. С. 44).

[5] Письмо А.Ф. Родионовой к Тургеневу неизвестно. Щепкин выполнил распоряжение писателя, отправив ей 25 руб. 27 коп. (*ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1).

[6] Щепкин выполнил это распоряжение, см. примеч. 1 к письму 5311, а также письмо 5317.

5313. Н.А. Щепкину (с. 95)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 177. Л. 1.
Впервые опубликовано: *Т сб (ГБЛ).* С. 148.

[1] Деньги требовались Топорову, чтобы оформить для Тургенева подписку на журналы и газеты (см. письма 5320, 5376). Щепкин выполнил это распоряжение (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1, где значится, что ему были отправлены 277 руб. 38 коп.), но, по-видимому, с запозданием (см. письма 5348, 5349).

[2] См. письмо 5317.

[3] См. письма 5311, 5312 и 5317.

5314. Полине Брюэр (с. 95 и 214)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 353—353 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 54.

[1] О возвращении Тургенева в Париж сообщалось и в прессе. См.: Temps. 1879. 7 avril. № 6557. P. 2.

[2] См. письмо 5250.

[3] О завещании Н.С. Тургенева и о роли в нем семьи П.К. Маляревского см. примеч. 4, 5 к письму 5217, примеч. 7 к письму 5218, примеч. 3, 4 к письму 5219 и примеч. 3—5 к письму 5223.

[4] Тургенев мало надеялся на улучшение дел фабрики. Беспокойство о судьбе Полины и ее семьи не покидало его до конца жизни (см.: *Бронь Т.И.* Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // *Т сб.* Вып. 2. С. 324—338).

5315. А.В. Топорову (с. 96)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 12.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 280—281.

[1] Эта телеграмма Н.А. Щепкина к Тургеневу неизвестна.

[2] В телеграмме Щепкин сообщал о получении наследства Н.С. Тургенева и отправке 35 000 руб. в Париж (см. письма 5311—5313 и 5317, а также примеч. к ним).

5316. М.М. Стасюлевичу (с. 96)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 232.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 161—162.

[1] Потентат (от лат. potentatus — верховная власть) — властитель, вельможа, правитель.

[2] Мысль поблагодарить через "Вестник Европы" всех, кто чествовал писателя во время его пребывания в Москве и в Петербурге в феврале—марте 1879 г., могла быть подсказана Тургеневу Стасюлевичем. Задуманную "по этому поводу брошюру" Тургенев впоследствии не написал. О замысле написать "политическую брошюру, в которой намерен изложить мысли, вызванные пребыванием в России", Тургенев говорил также при встрече немецкому дипломату Х. Гогенлоэ 31 марта (12 апреля), о чем последний оставил запись от 1 (13) апреля 1879 г. в своем дневнике, довольно подробно изложив суть беседы: "Я застал его вчера еще под впечатлением пережитого. Он говорил, что был поражен таким чествованием, ведь он никогда не занимался политикой. Он объяснял это потребностью русского народа найти хоть какой-нибудь

объединяющий пункт, чтобы проявить свои либеральные воззрения. Он много рассказывал о русских делах. Правительство не понимает движения. ⟨...⟩ Он прибавил, что действительно существуют тайные общества с радикальными тенденциями. Ему самому приходилось беседовать с такими радикалами; у них нет никакой программы, они только высказывают мысль о том, что старый, обветшалый дом должен быть подожжен со всех четырех сторон, а потом должен быть построен новый. Образованные круги ⟨...⟩ убеждены, что Россия должна получить конституцию, не обязательно по новейшему образцу, но такую, которая включала бы представителей земств, чтобы контролировать финансы и внести порядок в управление. ⟨...⟩ Для царя было бы легко уступками привлечь на свою сторону народ и вызвать в нем по отношению к своей особе необычайный энтузиазм. Сейчас для этого чрезвычайно благоприятный момент. Однако царь ⟨...⟩ не хочет об этом и думать". Говорил Тургенев и о том, что все самым решительным образом осуждают русско-турецкую войну, "которая стоила стольких денег и людей и не принесла России никаких преимуществ", вследствие чего славянофильская партия потеряла почву под ногами, а также о том, что в России "возлагают сейчас надежды на смерть царя и на наследника". При этом он выражал уверенность, что царю ничто не угрожает (*ЛН.* Т. 76. С. 436 — 439. Свидетельство о том, что после возвращения из России в 1879 г. Тургенев планировал написать брошюру, посвященную политическим проблемам, содержится также в воспоминаниях И.Я. Павловского: *Pavlovsky. Souvenirs.* P. 120 — 121). Следует отметить, что многое из размышлений Тургенева о настоящем положении России отразилось в его "Предисловии к романам", написанном в августе 1879 г. для третьего тома Сочинений, вышедшего в издательстве Салаева в 1880 г. Под упомянутыми "литературно-корректурными работами" Тургенев имел в виду подготовку этого издания, а также первого стереотипного издания "Записок охотника" (см. о нем примеч. 7 к письму 5299).

[3] Не желая обозначать политическую подоплеку прошедших торжеств, которая была ясна писателю, он решил, что опытный журналист сделает это более умело. Действительно, бóльшая часть заключительной части "Внутреннего обозрения" в апрельской книжке "Вестника Европы" за 1879 г. (в Содержании она названа "Тургеневский обед") была посвящена оценке чествований писателя в феврале — марте в Москве и Петербурге. Анонимный обозреватель (очевидно, Л.А. Полонский или сам М.М. Стасюлевич), подводя итоги шести недель пребывания Тургенева в России, писал: "...это был какой-то торжественный праздник, сопровождавшийся самыми искренними, задушевными выражениями симпатии и к личности Тургенева со стороны знавших его сколько-нибудь близко, и к его высокому общественному значению, приобретенному им одною силою литературного таланта ⟨...⟩" (*ВЕ.* 1879. № 4. С. 821). Подробно в обзоре был описан обед

профессоров Петербургского университета, данный в честь Тургенева 13 (25) марта 1879 г. в ресторане Бореля, причем полностью были воспроизведены произнесенные на этом обеде речи В.Д. Спасовича, К.Д. Кавелина и Н.И. Костомарова и ответное слово Тургенева (см.: Там же. С. 821—828). В то же время автор обзора недвусмысленно осудил поведение присутствовавшего на обеде Ф.М. Достоевского, который попытался внести "раздор и раскол" в торжество (см. об этом во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе). По этому поводу, прочитав "Обозрение", П.В. Анненков заметил в письме к Стасюлевичу от 4 (16) апреля: «Хорош Достоевский! Не распознал у Тургенева идеалов и пожелал на обеде его выставить его пунцовым драконом, каковые китайцы пишут на своих знаменах. Смелая мысль, не уступающая другой таковой же Салтыкова, который назвал "Новь" водевилем с переодеваниями. Вот образцы справедливости, разумения и чувства дела, а между тем люди эти не Авсеенки и Маркевичи и несомненно высокие таланты и честные деятели. Это явление именно и составляет самую печальную сторону нашего быта, перед которой обыденные нелепости печати бледнеют 〈...〉» (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 367).

5317. Н.А. Щепкину (с. 97)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 259—259 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 55—56.

[1] Щепкин выехал из Москвы 26 марта (7 апреля) и вернулся в Спасское 27 или 28 марта (8 или 9 апреля) 1879 г., задержавшись на день в Туле для уплаты процентов по Кадному и получения платы с арендовавшего его А.Ф. Борисова (см. его письмо к С.Г. Щепкиной от 25 марта (6 апреля) 1879 г.: *ОГЛМТ.* Инв. № 316 оф. Л. 2 об.).

[2] Эта телеграмма Щепкина неизвестна.

[3] Это письмо Г.О. Гинцбурга неизвестно.

[4] 25 марта ст. ст. 1879 г. Щепкин обсуждал с П.К. Маляревским вопрос о продаже ему мебели, оставшейся в московском доме Н.С. Тургенева, однако предложенная тем сумма оказалась слишком заниженной, о чем Щепкин в тот же день известил жену (см.: *ОГЛ МТ.* Инв. № 316 оф. Л. 1 об.—2) и впоследствии самого Тургенева. См. примеч. 5 к письму 5293. В итоге после того, как 17 (29) августа 1879 г. Московский окружной суд утвердил права Тургенева на наследство, не упомянутое в завещании Н.С. Тургенева (к которому относилось и все движимое имущество в доме на Пречистенке), мебель была продана с аукциона в Москве, а деньги за нее переданы, по распоряжению писателя, Н.П. Тургеневу. В "Ведомости о расходе

денег по имениям И.С. Тургенева с 1 октября 1879 по 12 марта 1880 года из конторы села Спасское" указано: "За перевозку мебели в аукционную зал⟨у⟩ уплочено 55 ⟨руб.⟩ 70 ⟨коп.⟩ / Судебному приставу за снятие ареста и сдачи мебели 2 ⟨руб.⟩ 10 ⟨коп.⟩" (*ОГЛМТ.* Инв. № 201 оф. Л. 2).

[5] Имеется в виду объявление о вызове наследников Н.С. Тургенева (см. примеч. 3 к письму 5293).

[6] Об истории имения Долгое, доставшегося Тургеневу по наследству от брата, см. примеч. 3 к письму 5235. Опасения писателя были не беспочвенны: еще в ноябре 1878 г. Главное выкупное учреждение отказало в утверждении выкупа земельного надела в Долгом на том основании, что большая его часть находилась "в неразмежеванной даче", о чем в письме от 25 января ст. ст. 1879 г. Тургенева предупреждал П.К. Маляревский, рассчитывавший, по-видимому, успеть совершить выкупную сделку до смерти Н.С. Тургенева (см.: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 5, а также копию Удостоверения Орловского губернского по крестьянским делам присутствия от 7 ноября ст. ст. 1879 г. из дела по Долгому: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 101 — 101 об.).

[7] Имеются в виду распоряжения для Щепкина в письменном виде, оставленные ему во время пребывания в Петербурге, куда он прибыл для оформления новой доверенности, см. письмо 5312.

5318. П.Л. Лаврову (с. 98)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 52.
Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 43.

[1] Тургенев собирался поделиться с П.Л. Лавровым впечатлениями от поездки в Россию и передать привезенные оттуда бумаги, в том числе речи, произнесенные в его честь студентами, адреса и др. Эти документы, как и устные рассказы Тургенева, Лавров использовал в своей статье "Социалистическое движение в России" (впервые под заглавием "Russland. Bericht über den Fortgang der sozialistischen Bewegung" опубликована в 1879 г. в первом выпуске немецкого журнала "Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", в русском переводе вышла в журнале "Каторга и ссылка" лишь в 1925 г.) (см. примеч. 5 к письму 5269).

[2] Тургенев вернулся в Париж после полуторамесячного пребывания в Москве и Петербурге 24 марта (5 апреля) 1879 г.

5319. Л.Я. Стечькиной (с. 98)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 54 — 56.
Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 23 — 24.

[1] Эти письма Стечькиной, одно из которых было адресовано Стасюлевичу, неизвестны. Очевидно, в них, как и в письме от 15(27) марта 1879 г., полученном писателем еще в Петербурге (см. примеч. 4—6 к письму 5297, а также письмо 5310), Стечькина, узнав о намерении редактора "Вестника Европы", где должен был публиковаться ее роман "Варенька Ульмина", произвести некоторые сокращения, высказывала опасение, что тем самым будет нарушен художественный замысел. Подобное произошло, с ее точки зрения, когда в ее первое произведение, напечатанное в "Русском вестнике", вмешался М.Н. Катков (см. примеч. 3 к письму 5297).

[2] К этому времени еще не был окончательно решен вопрос с заглавием романа "Кривые деревья", а также за какой подписью его помещать в "Вестнике Европы". Предложенное М.М. Стасюлевичем заглавие "Митя" Стечькина категорически отвергла. В конце концов остановились на заглавии "Варенька Ульмина", подпись было решено дать в виде криптонима. См. письма 5297 и 5347.

[3] Тургенев правил корректуру романа Стечькиной (см. письма к Стасюлевичу от 30 сентября (12 октября) и 12 (24) октября 1879 г.).

[4] "Преоккупация" — от франц. préoccupation — забота.

[5] О каких фотографиях идет речь — точно установить не удалось: Тургенев несколько раз снимался в Москве и в Петербурге. Находясь в России, он выслал Стечькиной две свои фотографии (см. письма 5297, примеч. 9, и 5310, примеч. 1).

[6] Тургенев имеет в виду свое пребывание в Москве и Петербурге за предшествующие полтора месяца, в течение которых ему пришлось принять участие в череде торжественных заседаний в его честь. См. об этом во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе.

[7] Речь идет о собрании сочинений в 10 томах, изданном в Москве наследниками братьев Салаевых в 1880 г. Еще 8 марта ст. ст. 1879 г. газета "Современные известия" сообщала, что «сегодня книжный магазин Ф.И. Салаева приобрел от И.С. Тургенева право на новое издание его сочинений, которое будет состоять из следующего: т. 1. Воспоминания литературные и житейские, с прибавлением *статей о Грановском, Герцене и славянофилах*, а также *критических статей о "Фаусте"* и других; том 2. "Записки охотника" вполне *с особым предисловием*; томы 3, 4, 5 романы: "Рудин", "Дворянское гнездо", "Накануне", "Отцы и дети", "Дым" и "Новь" — *с особым большим предисловием ко всем 6 романам*; тома 6, 7, 8 все повести в хронологическом порядке *с особым предисловием*; том 9 драматические сочинения» (№ 66. С. 3). См. также письмо 5299. Идея этого издания, как и отдельного стереотипного издания "Записок охотника", возникла у Тургенева, вероятно, под влиянием торжественного приема его в России в этот приезд.

[8] С братом Л.Я. Стечькиной Николаем Тургенев познакомился в Туле 1 сентября ст. ст. 1878 г., когда ездил на встречу с его сестрой

в их имение Плутнево. Виделся Стечькин с Тургеневым также во время своего пребывания в Москве и Петербурге в феврале — марте 1879 г., общался с ним и позже, в 1880 и 1881 гг. В своих воспоминаниях он подробно описал эти встречи и беседы с писателем (см.: *Стечькин. Воспоминания*).

5320. А.В. Топорову (с. 99)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 14.
Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 281.

[1] Вследствие договоренности с Ф.И. Салаевым (см. письмо 5299 и примеч. 1, 2 к нему) Тургенев по приезде в Париж принялся интенсивно готовить новое издание своих сочинений в 10 томах, начав с "Записок охотника", причем он оставил за собой право на "дешевое народное" (так называемое "стереотипное") издание цикла, которое собирался выпустить отдельно у Стасюлевича (см. письмо 5321). В салаевском издании "Записки охотника" "в полном составе" были напечатаны во втором томе.

[2] Н.А. Щепкин выполнил просьбу писателя, хотя, по всей видимости, с запозданием (см. письма 5313, примеч. 1, 5348 и 5349).

[3] Речь идет о В.И. Бородаевской. Вместе с тремя своими коллегами (среди которых были Е.Н. Кравченко и В.Г. Гутман) она преподнесла Тургеневу 15 (27) марта 1879 г. адрес от Высших женских курсов и венок на благотворительном вечере в пользу недостаточных слушательниц Женских педагогических курсов в Александровской женской гимназии. В газетах писали: "Через несколько часов после того, как разнеслась весть об участии в этом вечере г. Тургенева, были распроданы уже все билеты, несмотря на то, что никаких афиш и объявлений нигде не было" (*Совр Изв.* 1879. 19 марта. № 77. С. 3). Вместительная зала Александровской гимназии была переполнена уже с 8 часов вечера, но Тургенев появился лишь в начале одиннадцатого, поскольку в этот день был в Александринском театре на представлении "Месяца в деревне" с М.Г. Савиной в роли Верочки (см. примеч. 2 к письму 5300). Толпа встретила писателя на лестнице оглушительными аплодисментами и проводила до залы. Вслед за ним на эстраду поднялась депутация и вручила огромный лавровый венок с надписью на ленте (см. примеч. 2 к письму 5301). Затем одной из депутаток, Е.М. Гедда, был зачитан адрес, в котором говорилось: «С детских лет, с тех пор, как мы выучились читать, мы читали Тургенева. Мы начали, конечно, с "Бежина луга". Но по мере того, как мы росли, как расширялся наш умственный горизонт, как наш внутренний мир наполнялся нравственными вопросами, Тургенев приобретал для нас более глубокое и важное значение» (см.: *Н Вр.* 1879. 17 марта. № 1095. С. 2). Тургенев читал на вечере рассказ "Льгов" (как отмечалось в прессе,

“необыкновенно мастерски и весьма просто в то же время”. См.: Женское образование. 1879. № 3. С. 204). После этого был зачитан адрес (читала Е.Н. Кравченко) от слушательниц Высших женских курсов и преподнесен еще один венок, на этот раз с надписью золотыми буквами на белой ленте: “И.С. Тургеневу от слушательниц высших женских курсов, 15 марта 1879 года”. В этом адресе были такие строки: “Из всех наших писателей вы, Иван Сергеевич, творец Лизы, Аси, Натальи, Елены и Марианны, лучше всех поняли сердце русской женщины. 〈...〉 На нашем знамени мы пишем: упорный, неустанный *труд*, серьезное плодотворное *знание*, поднятие значения русской *женщины* и *семьи*”. Взволнованный писатель отвечал: “Я был бы счастлив, если б действительно оказал хоть часть того влияния, о котором вы говорите. Во всяком случае сердечно благодарю вас за ваши искренние, простые слова, без фраз”. Тургенев, по словам современника, “говорил потом, что еще никогда в жизни не доводилось ему переживать таких минут, как в вечер 15 марта” (см.: *Васильев. Описание торжеств.* С. 26—29). О том, какое впечатление произвел на Тургенева этот вечер, свидетельствует дарственная надпись на пятом томе сочинений 1874 г., подаренном одной из присутствующих (см. примеч. 2 к письму 5301). Кроме Тургенева, на вечере читали свои произведения А.А. Потехин, Плещеев, Я.П. Полонский и др. Для чего Тургеневу понадобилась фотография Бородаевской — неизвестно; возможно, он хотел показать ее кому-то из своих знакомых. Позже Бородаевская сама выполнила просьбу писателя, послав ему свою фотографию и письмо.

[4] Фотография была снята 12 марта ст. ст. 1879 г. (см. примеч. 1 к письму 5310). Объявление о ее продаже было напечатано в газетах уже 24 марта ст. ст. 1879 г. (см.: *Н Вр.* 1879. № 1102. С. 4). В газете “Новости” (вероятно, в качестве рекламы) сообщалось, что этот портрет, выпущенный “в формате целой пластинки”, “отличается редкою даже на портретах лучших петербургских фотографов изящностью и тонкостью отделки всех деталей. Каждая складка на лице, каждый волос на голове, все особенности устройства глаз и рта, так резко выделяющие симпатичное лицо И〈вана〉 С〈ергеевича〉 среди тысяч лиц, встречаемых нами ежедневно, одним словом, все мельчайшие подробности его лица схвачены талантливым фотографом с необыкновенным искусством, ставящим его в ряд первоклассных европейских фотографов”. По словам автора заметки, сам Тургенев “был поражен замечательной работой г. Шапиро и, в доказательство своего уважения к его искусству, подарил ему на память *первый* портрет с своею собственноручною надписью” (1879. 25 марта. № 77. С. 5). Газета “Голос” в № 94 от 6 (18) апреля 1879 г. сообщала: “Фотограф К. Шапиро задумал издать *альбом современных писателей и деятелей*, по образцу подобных же фотографических изданий, выходящих во множестве за

границею. Альбом будет появляться выпусками, по возможно дешевой цене, чтоб сделать доступным приобретение его самым небогатым классам общества. На днях издан уже первый лист альбома — портрет И.С. Тургенева" (С. 3). По свидетельству Н.Я. Стечькина, "когда фотограф Шапиро затеял издавать портреты выдающихся русских писателей и в этом самом 1879 году уговорил Тургенева сняться у него, то первый оттиск большого портрета был подарен Тургеневым Топорову, причем в подписи под портретом Иван Сергеевич называл себя другом А.В. Топорова. Портрет этот красовался затем в скромном кабинете Топорова на первом месте, окруженный одним из бесчисленных лавровых венков, поднесенных тогда Тургеневу" (*Стечькин. Воспоминания.* С. 20). Подаренная Топорову фотография ныне хранится в Литературном музее ИРЛИ (№ 5489), на накладном паспарту внизу дарственная надпись чернилами: "Александру Васильевичу Топорову в память старой дружбы от Ив. Тургенева. Март 1879. С.П.бург" (см.: *ПД. Описание.* С. 79. № 513). В 1880 г. Шапиро действительно издал первый выпуск "Портретной галереи русских литераторов, ученых и артистов, с биографиями и факсимиле" (цензурное разрешение: 29 октября 1879 г.), в котором были помещены фотографии Гончарова, Достоевского, Некрасова, Салтыкова и Тургенева. При портретах, окаймленных "изящным бордюром в старинном русском стиле", «приложены, — как указывал Шапиро в заметке "От издателя", — факсимиле и биографии, в коротких чертах напоминающие читателям жизнь и деятельность этих дорогих русскому обществу деятелей в области русской мысли и в которых фактические данные большею частью проверены самими авторами". Объявленная цена выпуска составляла 5 руб., что делало его "доступным для многих» (см. иллюстрацию на с. 101).

5321. М.М. Стасюлевичу (с. 100)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 233.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 162.

[1] Письмо Стасюлевича, на которое откликается Тургенев, неизвестно. Ф.И. Салаев скончался 27 марта ст. ст. 1879 г. В некрологе (автором его, очевидно, был Н.П. Гиляров-Платонов), опубликованном в "Современных известиях", говорилось, что Салаев издал не один миллион учебных книг, причем тиражи некоторых расходились по 500 000 экземпляров. "За несколько дней до кончины он с видимым удовольствием писал нам о приобретении им права издания полного собрания сочинений Тургенева", —отмечал Гиляров-Платонов, причем каждый автор, кому приходилось иметь дело с магазином Салаева, знал, что "расчет всегда бывал

безукоризненный; Салаев всегда предлагал деньги раньше срока уплаты" (1879. 29 марта. № 87. С. 2).

[2] Очевидно, Тургенев, узнав о смерти издателя, обратился в книжный магазин Салаева, однако письмо это остается неизвестным. В дальнейшем, при подготовке издания собрания сочинений 1880 г., Тургенев имел дело с мужем одной из наследниц Ф.И. Салаева В.В. Думновым (см. письма к нему в наст. томе, а также: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1), само же собрание сочинений вышло под грифом "Издание книжного магазина наследников братьев Салаевых". О предварительных условиях контракта с Ф.И. Салаевым см. письма 5299 и 5334; текст контракта, заключенного 1 (13) мая 1879 г. с наследниками Салаева, см. в разделе "Официальные письма и деловые бумаги" (№ 42).

[3] Имеется в виду подготовка издания: *Тургенев И.С.* Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847—1876. Первое стереотипное издание. СПб., 1880 (фактически вышло в октябре 1879 г.), о котором Тургенев договорился со Стасюлевичем в Петербурге. В начале мая текущего года Тургенев уже подписал сметы на издание (см. письмо 5358). Только на протяжении жизни Тургенева вышло пять стереотипных изданий "Записок охотника", шестое появилось через два месяца после его смерти (см.: наст. изд. Соч. Т. 3. С. 440; *Громов В.А.* Судьба "Записок охотника" // Тургенев И.С. Записки охотника. М., 1991 (Лит. памятники). С. 572).

[4] Речь идет о каких-то материалах (не исключено, что это был роман Л.Я. Стечькиной "Кривые деревья" с внесенными редактором журнала сокращениями; см. письмо 5297 и примеч. к нему), присланных Стасюлевичем Тургеневу. О вырезке из "Внутреннего обозрения" апрельской книжки "Вестника Европы", где давался обзор чествований Тургенева в Москве и Петербурге в феврале — марте 1879 г., см. письмо 5316, примеч. 3.

[5] Пространная речь знаменитого адвоката В.Д. Спасовича, произнесенная на обеде в честь Тургенева 13 марта ст. ст. 1879 г. в ресторане Бореля, была полностью напечатана в № 4 (апрель) журнала "Вестник Европы" в разделе "Внутреннее обозрение" (С. 822—825), воспроизводилась она и в газетах. Эта речь была произнесена после заздравного тоста Н.И. Костомарова и вызвала неоднозначную реакцию в прессе (см., например: *Незнакомец* ⟨*Суворин А.С.*⟩. Современные идеалы и Тургенев // *Н Вр.* 1879. 18 марта. № 1096. С. 3; *Моск Вед.* 1879. 27, 31 марта. № 77, 81; и др.). Видному адвокату припомнили его польское происхождение и отказали в праве говорить от имени русского общества. В самом начале Спасович определил историческое место Тургенева ("вы записались в историю и притом в самоважнейшую ее часть — в историю идей в России") и попытался объяснить неожиданный всплеск любви к писателю: "...куда вы ни обращались — толпы незнаемых людей стояли на вашей дороге, к вам простирались незнаемые руки; когда вы появлялись в собраниях, публика, как бы по внезапному

побуждению, вставала, чествуя вас, как умеет чествовать только вольный, самосознающий народ своих именитых граждан, излюбленнейших из своих сынов". Отметил Спасович и тот факт, что в "сплетании" венков участвовали два разряда людей, которых писатель имел право считать своими "непримиримыми" противниками: «В течение вашей литературной деятельности вы, европеец, много стрел каленых пустили и самыми едкими сарказмами преследовали русский шовинизм, увлечения народного самомнения, народную исключительность, а между тем — вас горячо приветствовали в Москве славянофилы. Вы не щадили и молодежи отрезвляющих слов. В "Отцах и детях", в "Нови" вы делали прижигания, как бы ляписом, по больным местам рукою искусного хирурга — и, несмотря на то, эта молодежь писала вам адресы, готова была нести вас на руках». Опровергая мнение, что чествования Тургенева имели характер политический, оратор, вопреки очевидности, утверждал, что "эти овации не содержат в себе никаких манифестаций, никаких протестов против чего бы то ни было". "В вас мы приветствуем художника, одного только художника", — говорил Спасович, хотя не преминул заметить, что Тургенев никогда не был ретроградом, сохранив убеждения юности. Единственным упреком ("претензией") к писателю адвокат назвал его решение оставить литературу, считая, что никто кроме Тургенева не сможет заменить его. Утверждая, что общество "внемлет тому, кто, приникнув чутким ухом к земле, сумеет распознать далекий гул наскакивающих мировых событий, или тому, кто различит первые полоски света, занимающегося зарею на востоке", Спасович призывал писателя, обладающего зрением "проницательным и верным" и сердцем "откликающимся и чутким", оставаться на посту до тех пор, пока Россия не проснется. Правда, после цветистой речи адвоката, оценившего настоящий момент как "глухую ночь" ("на часах нашей общественной жизни стоит час полуночный"), Тургенев вынужден был возразить, что "нельзя назвать ночью то время, когда пишут такие писатели, как Л. Толстой, Достоевский, Гончаров и др." (см.: *ВЕ.* 1879. № 4. С. 822–825).

5322. Полине Брюэр (с. 102 и 215)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 354.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 58.

[1] О намерении увеличить пенсию дочери, благодаря наследству, полученному после смерти брата, Тургенев извещал ее по приезде в Париж (см. письмо 5314).

[2] О долге М. Иннис см. также письма 5357 и 5410.

5323. П.Л. Лаврову (с. 102)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 47. Впервые опубликовано: Былое. 1906. № 2. С. 218.

[1] Г.А. Лопатин был арестован в Петербурге, куда он приехал под именем Севастьянова, 25 марта ст. ст. 1879 г. При встрече с ним в "Европейской гостинице" перед отъездом Тургенев предупредил Лопатина о грядущем аресте. Сопоставляя дату ареста и указание Лопатина на то, что он был арестован через два дня после встречи с Тургеневым, можно было бы предположить, что эта встреча состоялась в последний день пребывания Тургенева в России, т.е. 21 марта ст. ст. (так указано в *Летописи (1876—1883).* С. 255), однако далее Лопатин говорит, что после предупреждения он еще раз виделся с писателем, когда тот уже собирал вещи, следовательно, предыдущая встреча состоялась раньше. Тургеневу не удалось убедить Лопатина немедленно покинуть Петербург (см. об этом в воспоминаниях Лопатина: *Революционеры-семидесятники.* С. 127—128; *Т в восп совр.* Т. 2. С. 389—390).

[2] По-видимому, Тургенев предполагал обратиться к русскому послу в Париже Н.А. Орлову, однако все усилия по освобождению Лопатина оказались напрасными: он был сослан в Ташкент, затем в Вологду, откуда ему удалось бежать за границу лишь в 1883 г. По возвращении в Россию он был снова арестован и провел в Шлиссельбургской крепости более 20 лет.

[3] Имеется в виду статья Лопатина 1874 г. "The Russian Amnesty" ("Русская амнистия"), помещенная без подписи 2 мая н. ст. того же года в лондонской газете "Daily News" (P. 5), по поводу амнистии, объявленной русским правительством 9 января ст. ст. 1874 г. Статья была послана в виде письма Лопатина к издателю "Daily News" и опубликована в выдержках ("из частного письма", как было заявлено в газете). Характеризуя амнистию как "пыль в глаза цивилизованной Европы", которая "вследствие незнакомства с тонкостями языка русских указов и законов" придала ей "более широкое значение и бóльшую важность, чем она на самом деле заслуживает", Лопатин прямо указывал на то, что амнистия распространялась только на обвиненных ранее 1 января 1871 г., т.е. не затрагивала тех, кто был арестован задолго до этого срока, но подвергся обвинению перед судом уже после него (в частности, всех участников так называемого "нечаевского" процесса) или еще не был осужден. Кроме того, Лопатин рассказал английской общественности о существовании двух типов ссылки в России: на житье, "с лишением всех особенных прав" (дворянство, чины, ордена и пр.), и на поселение, "с лишением всех гражданских прав", отметив при этом, что амнистия распространялась только на первую категорию осужденных, в то время как все "сколько-нибудь серьезные государственные преступники принадлежат ко второй".

«...Разницы в одно слово в подлиннике достаточно, — говорилось по этому поводу в "Daily News", — чтобы обмануть весь образованный мир». Прозвучало в статье Лопатина и имя Н.Г. Чернышевского, осужденного "с вопиющим нарушением" "всякого правосудия" в 1864 г., на которого, как и на осужденных в 1866 г. "каракозовцев", данная амнистия также не распространялась. "...Одним словом, она не затрагивает ни одного политического преступника, осужденного по сколько-нибудь важному делу, — заключал Лопатин, — единственным ее результатом является освобождение нескольких незначительных поляков, в то время как ни одному русскому не позволено вернуться домой". Не преминул он отметить и то, что амнистия была поставлена в полную зависимость от административного произвола, так как освобождению подлежали лишь те, кто за истекшее время не был замечен "ни в чем предосудительном". Завершалась статья следующим утверждением, призванным вывести английскую печать из заблуждения о подлинной сути амнистии: "Таков фарс, к которому прибегает современное цивилизованное русское правительство, когда считает необходимым поддержать свою репутацию просвещенной гуманности и доброты". 18 мая н. ст. 1874 г. Лопатин лично отправил вырезку из "Daily News" вместе с нарочито вызывающим письмом к Александру II (датированным 15 мая н. ст.), приехавшему в это время в Лондон по случаю бракосочетания свой дочери великой княжны Марии Александровны и сына королевы Виктории принца Альфреда. Полный русский текст обоих писем был в том же году напечатан (по подлинникам) в составе статьи Лаврова "Благодушное правительство и его лакеи" в непериодическом издании "Вперед!" (Лондон, 1874. Т. 3. Отд. II: Что делается на родине? С. 92—95, причем текст письма к редактору "Daily News" несколько отличается от опубликованного в английской газете). Вероятно, именно в этом издании или от Лаврова они стали известны Тургеневу. Тексты писем воспроизведены также в сборнике: Герман Александрович Лопатин (1845—1918): Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография / Подгот. к печати А.А. Шилов. Пг., 1922. С. 124—127. Неизвестно, дошло ли письмо Лопатина до императора, оно сохранилось среди секретных донесений лондонского агента III отделения А.Ю. Балашевича-Потоцкого без каких-либо помет (см.: Там же. С. 212).

5324. И.Я. Павловскому (с. 103)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 3. Л. 21. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T and Pavlovsky.* P. 49, как письмо к А.Я. Павловскому, с датой: 9 (21) января 1879 г. Адресат установлен П. Уоддингтоном предположительно, на том основании,

что именно А.Я. Павловский, приехавший в начале 1879 г. н. ст. в Париж из Америки, где он прожил почти два года после того, как бежал из России, первым познакомился с Тургеневым, а затем познакомил с ним своего брата — И.Я. Павловского, предварительно заинтересовав писателя очерком последнего "В одиночном заключении". Об этом сам И.Я. Павловский рассказал впоследствии в своих воспоминаниях, где его брат в целях конспирации фигурирует в русском оригинале как "один приятель", "П." и "Z.", а во французском — как "un de mes compatriotes" ("один из соотечественников") и "Polivanoff" ("Поливанов") (см.: *Рус Курьер.* 1884. 20 мая. № 137. С. 1; *Pavlovsky. Souvenirs.* P. 6—7). Вероятно, об одной из первых встреч с И.Я. Павловским или даже о первой встрече, по мнению П. Уоддингтона, и может идти речь в данном письме.

Несмотря на привлекательность высказанной гипотезы, содержание письма заставляет предположить, что его адресатом являлся именно И.Я. Павловский. Прежде всего, в письме упомянут "рапорт петербургских профессоров", который Тургенев привез с собой из поездки в Россию и рукопись которого сохранилась в его бумагах (см.: *ИРЛИ.* Ф. 7. № 132; подробнее о его содержании см. во вступит. статье к Приложению в наст. томе). Перевод этого документа мог понадобиться Тургеневу для помещения в каком-нибудь иностранном периодическом издании или для брошюры о положении дел в России, которую он собирался опубликовать во Франции (см. письмо 5316 и примеч. 2 к нему). Кроме того, из письма к Г.О. Гинцбургу (№ 5220) следует, что А.Я. Павловский недостаточно владел французским языком, чтобы взяться за его перевод. Вместе с тем в других известных письмах к И.Я. Павловскому Тургенев неизменно интересуется делами его брата (см., например, письма 5362, 5412), что также не противоречит выдвинутому предположению.

Датируется предположительно, по содержанию и указанному дню недели. Письмо было написано в один из двух вторников после возвращения писателя из России, состоявшегося 24 марта (5 апреля) 1879 г., которые выпадали на 27 марта (8 апреля) и 3 (15) апреля, поскольку после покушения А.К. Соловьева (2 (14) апреля 1879 г.) публикация рапорта могла быть сочтена несвоевременной.

В собрание сочинений включается впервые.

5325. Морицу Нехелесу (с. 103 и 215)

Печатается по тексту первой публикации: Allgemeine Zeitung. 1883. 20. September. № 262. Beilage. S. 3853; раздел "Verschiedenes" ("Разное"), в составе заметки М. Нехелеса "Ein deutscher Brief Turgénjews" ("Немецкое письмо Тургенева"), подписанной криптонимом "M. N.". Подлинник неизвестен.

В русском переводе впервые опубликовано: *Н Вр.* 1883. 13 (25) сентября № 2709. С. 2, без указания имени адресата. Адресат установлен С.А. Рейсером: Материалы для библиографии писем Тургенева // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 385.

[1] Имеется в виду статья Нехелеса "Ivan Turgenjew. Eine Portretstudie" ("Иван Тургенев. Литературный портрет"), опубликованная в издававшемся в 1877—1879 гг. журнале "Literaturblatt" (Wien; Leipzig, 1879. Bd. 3. 29. März. № 13. S. 205—208; 5. April. № 14. S. 221—226). В статье Нехелес попытался представить творческую манеру, своеобразие и воззрения писателя, обратившись к значительной части его произведений (обойдя вниманием лишь романы "Дворянское гнездо" и "Накануне"). Начиная свою "штудию" с общих рассуждений о развитии свободы в Восточной и Западной Европе, критик не преминул, в духе устоявшихся представлений, отметить "слабость воли" и "терпение" в качестве основополагающих черт славянского характера, однако весьма нестандартно заключил: "Борьба за свободу в России поэтому должна будет, невзирая на национальные особенности, происходить иначе, нежели борьба за свободу в Западной Европе. А поскольку подобные перевороты в государстве никогда не проходят бесследно для людей, не будет слишком смелым предположить, что подобно тому, как Реформация создала в Германии свободу духа, революция в Англии и ее более мощное отражение во Франции принесла конституцию, так и революция в России может повлечь за собой изменение социальных условий". Россия напоминает ему бродящий котел, основные элементы в котором Тургенев, "один из величайших мыслителей нации", окрестил нигилистами. Разбирая затем развитие политических убеждений писателя, которые привели его к скептическому взгляду на деятельность революционеров, Нехелес показывает, что взятые в хронологической последовательности произведения Тургенева наглядно представляют процесс развития цивилизации, при этом писатель остается прежде всего художником. "Самое удивительное у Тургенева, — по мнению Нехелеса, — это то, что, читая его произведения, забываешь про автора. Само повествование так сильно захватывает, дает столько поводов для размышлений и участия в судьбах изображаемых персонажей, что мы всегда имеем дело только с вымышленными героями и событиями, но никогда с авторской волей". Восхищаясь глубоким знанием Тургенева человеческой природы, критик отмечает, что прежде всего писателя интересуют развитие и раскрытие душевных качеств его персонажей. Не ограничивается Тургенев изображением лишь национально типического: во всех его персонажах Нехелес видит, как у Шекспира, общие человеческие черты. Подробнее об этой статье см.: *Wytrzens G.* 1) Zur österreichischen Turgenev-Rezeption bis 1918 // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1982. Vol. 28. P. 119—122; 2) Slawische Literaturen — österreichische Literatur(en). Bern, 2009. S. 190—192.

[2] Сходным образом Тургенев высказался в "Предисловии к романам", написанном в августе 1879 г. и опубликованном впервые в третьем томе собрания сочинений в 10 томах, которое вышло в 1880 г. в "Издании книжного магазина наследников братьев Салаевых": «...я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: "the body and pressure of time" ("самый образ и давление времени" — *англ.*), и ту быстро изменявшуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений. ⟨...⟩ Всякий писатель ⟨...⟩ старается прежде всего верно и живо воспроизводить впечатления, вынесенные им из собственной и чужой жизни ⟨...⟩» (см.: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 390, 395). Высказался в этом Предисловии писатель и по поводу роли "бессознательного" в творчестве (Там же. С. 396).

5326. М.М. Стасюлевичу (с. 104)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 234. На первой странице пометы Стасюлевича: "8.IV.79", дата получения письма, и "отв⟨ечал⟩ 9.IV.79".

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 162—163.

[1] Письмо (или письма) Стасюлевича, на которое отвечает Тургенев, неизвестно, поэтому трудно сказать, что еще было прислано редактором "Вестника Европы" в Париж помимо статьи из журнала "Русская речь" (см. примеч. 2 к наст. письму) и адреса харьковских студентов (см. примеч. 3 к наст. письму).

[2] Возможно, имеется в виду одна или две статьи из цикла Е.Л. Маркова "Критические беседы", посвященного современному состоянию русской литературы (Русская речь. 1879. № 1, 2). Так, в примечании к первой публикации письма М.К. Лемке прямо указал на статью Маркова "о Тургеневе" в февральской книжке "Русской речи" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 163), хотя имя писателя в статье не названо. Продолжение цикла публиковалось в том же журнале на протяжении нескольких номеров в этом и в следующем году, однако специальных статей, посвященных Тургеневу, среди них не было. Творчеству Тургенева были посвящены четыре статьи Маркова в "Голосе" в 1876 г., которые писатель назвал "похоронными". 28 декабря 1876 г. (9 января 1877 г.) он писал Стасюлевичу: «Читал я в "Голосе" похоронную мне речь Евг. Маркова. Каким же он меня представляет *слабосерей*! Так что даже непонятно, как мог я, при такой дряблости, иметь какое-либо влияние?» (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4554). В январской и февральской статьях в "Русской речи" Марков в равной степени нападал на "деспотизм мысли", царящий в современной литературе и журналистике как в стане либералов, так и ретроградов: «...самое либеральное

направление мысли является таким же эгоистичным и непросвещенным, как и притесняющее его господствующее направление, которому оно подражает в приемах нетерпимости. ⟨...⟩ Журнал, поднявший знамя либеральных принципов, немедленно делается своего рода "начальником либерализма", а журнал консервативный — "генералом от консерватизма"» (*Марков Е.Л.* Критические беседы. I. Талмудизм в журналистике // Русская речь. 1879. № 1. С. 268). В февральской книжке очередная "критическая беседа" Маркова имела подзаголовок "Литературная хандра", где автор в очередной раз обвинял современную литературу в пристрастии к обличительству и снова ставил на одну доску "либеральное ханжество, либеральную тупость" и "ханжество и тупость отсталых людей" (Там же. № 2. С. 241). Подобные выпады не могли не задеть редактора ведущего либерального журнала. Цель присылки Стасюлевичем статьи (или статей) из "Русской речи", скорее всего, состояла в желании предотвратить участие в этом журнале Тургенева, к которому редактор А.А. Навроцкий мог обратиться с подобной просьбой во время пребывания писателя в Петербурге, как он сделал это в отношении многих писателей (см., например: *Достоевский. Летопись.* Т. 3. С. 292; *Толстой. Летопись (1828—1890).* С. 503).

[3] Во время пребывания Тургенева в России в феврале — марте 1879 г. ему был преподнесен целый ряд адресов, в том числе от учащейся молодежи. Первыми к писателю публично обратились студенты Московского университета, дважды выступив с приветственными речами, где особо отметили его вклад как представителя "поколения сороковых годов" в дело обеспечения "за народом полной свободы развития" (см.: *Рус Вед.* 1879. 6 марта. № 57. С. 2): 18 февраля ст. ст., на публичном заседании Общества любителей российской словесности, и 4 марта ст. ст., на вечере в пользу недостаточных студентов, когда Тургенев произнес ответную речь, известную как "⟨Речь к московским студентам⟩" (см. об этом примеч. 1 к письму 5271, письмо 5283 и примеч. 3, 5 к нему, а также вступит. статью к Примечаниям в наст. томе). Речь Тургенева неоднократно печаталась в газетах и была горячо встречена молодежью, о чем свидетельствует пересланный ему Стасюлевичем адрес от студентов Харьковского университета: "Милостивый государь Иван Сергеевич! / Мы, нижеподписавшиеся харьковские студенты, с живейшим удовольствием присоединяемся к московским нашим товарищам и спешим выразить Вам те чувства глубокого уважения и признательности, которые, мы уверены, разделяет с нами вся грамотная Россия. Ваши теплые слова о молодежи, произнесенные в Москве, тем более дороги, что нам именно теперь весьма редко приходится слышать, не говорим сочувственное, а хотя бы просто беспристрастное слово... Конечно, Ваши слова есть только констатирование того, что между прочим выражено в целом ряде

Ваших сочинений, имевших благотворное влияние на образование и развитие наших стремлений и идеалов, но нам было приятно услышать из Ваших уст то, в чем мы были давно убеждены" (впервые опубликовано: *ПССиП(1). Соч.* Т. XV. С. 313. Публ. Н.Ф. Будановой). Этот адрес с 544 подписями харьковских студентов ныне хранится в ИРЛИ, в фонде П.В. Анненкова (Ф. 7. № 131; см. также иллюстрации на с. 106, 107). Ответ Тургенева на него неизвестен. Возможно, он не был написан по политическим соображениям или не был передан по назначению, как это произошло с ответом Тургенева на приветствия представителей харьковской интеллигенции (см. письмо 5331). Тем более что Тургеневу было хорошо известно о происходивших в конце 1878 г. студенческих волнениях в Харьковском университете, кульминацией которых стало "битье студентов казаками, с помощью нагаек" 14 декабря ст. ст., вызвавшее официальный протест профессоров университета (текст этого протеста сохранился в бумагах Тургенева, ныне находится в архиве П.В. Анненкова вместе с другими схожими бумагами: *ИРЛИ.* Ф. 7. № 132).

[4] Упомянутые Тургеневым телеграмма и письмо неизвестны.

[5] Основными наследниками Ф.И. Салаева стали две его племянницы, С.Д. Думнова и В.Д. Андреева, а также полковник Е.А. Погожев. 4 (16) апреля 1879 г. с напоминанием о достигнутой ранее в Москве договоренности по поводу нового собрания сочинений к Тургеневу обратился муж одной из наследниц, В.В. Думнов, возглавивший издательское предприятие "Наследники братьев Салаевых". В ответном письме Тургенев подтвердил свое согласие и изложил условия первоначального соглашения с Салаевым (см. письма 5321 и 5334). Официальный договор на издание (несколько отличавшийся от первоначального) был заключен 1 (13) мая 1879 г. (см. № 42 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"). В дальнейшем все дела по подготовке и изданию четвертого салаевского издания Тургенев вел именно с Думновым, а также с Ф.И. Анским. Изданием писатель остался недоволен, неизменно жалуясь на небрежность в ведении корректур, многочисленные ошибки и при первой возможности разорвал отношения с "Наследниками братьев Салаевых", заключив в 1882 г. соглашение с И.И. Глазуновым, которому было продано право на посмертные издания его сочинений. См. также: *Миронов А.Г.* И.С. Тургенев и книгоиздательство братьев Салаевых в Москве // Книга: Исследования и материалы. М., 1961. Сб. 5. С. 323—345.

[6] Речь идет о подготовке первого стереотипного издания "Записок охотника", осуществлявшегося Стасюлевичем. См. о нем примеч. 7 к письму 5299, а также письмо 5321 и примеч. 3 к нему. С 1859 г., когда появилось второе отдельное издание цикла, "Записки охотника" более вне собрания сочинений не выпускались, между тем как на потребность "русской читающей публики"

в недорогом издании этого произведения неоднократно указывалось в печати (см., например: Российская библиография. 1879. 19 мая. № 20. С. 73, а также письмо 5374). Для стереотипного издания Тургенев вычитывал текст по экземпляру предыдущего салаевского собрания своих сочинений (М., 1874. Ч. 1. Экземпляр, по-видимому, не сохранился).

[7] Указанные Тургеневым исправления были внесены в рассказы "Мой сосед Радилов", "Льгов", "Бурмистр", "Два помещика", "Татьяна Борисовна и ее племянник", "Лебедянь", "Петр Петрович Каратаев", "Свидание" и "Стучит!" (частично учтены в разделе "Варианты": *ПССиП(1). Соч.* Т. IV. С. 403, 420, 423, 435, 456). Одним из наиболее значимых исправлений являлись также дата и место написания рассказа "Бурмистр": "Зальцбрунн, в Силезии, июль 1847 г." (дата не вполне точная, так как рассказ был написан в конце мая — первой половине июня 1847 г.), впервые проставленные именно в стереотипном издании. Во многом, несомненно, это решение было принято под воздействием пребывания Тургенева в России, где его чествовали прежде всего как представителя "поколения сороковых годов" и где он неизменно (за исключением совместного выступления с М.Г. Савиной) выступал с чтением рассказов из "Записок охотника", в том числе "Бурмистра" (подробнее см. во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе). Указание на связь с В.Г. Белинским (и, соответственно, его Письмом к Гоголю) было отмечено в биографическом очерке Стасюлевича, предпосланном изданию: «...в Силезии на водах Зальцбрунн, вместе с больным Белинским и П.В. Анненковым, он написал другой рассказ: "Бурмистр"» (С. V). См. также примеч. 10 к письму 5375. Были устранены Тургеневым опечатки, допущенные в предыдущих изданиях и искажавшие смысл. См. также: наст. изд. Соч. Т. 3. С. 440, 471.

[8] Возможно, имеются в виду фотографии Тургенева (увеличенного формата), выполненные ателье К. Шапиро, которые писатель заказал у него перед отъездом (см. письмо 5320 и примеч. 4 к нему). Не исключено, что Стасюлевич выслал писателю, по его просьбе, несколько дополнительных экземпляров его фотографии работы А. Деньера, также снятой в 1879 г. (см. письмо 5375). О каких других распоряжениях идет речь — установить не удалось. См. также письмо 5358.

[9] Тургенев запрашивает об очерке А.Н. Луканиной "Из воспоминаний цюрихской студентки", который поступил в редакцию "Вестника Европы", по его рекомендации, еще 16 (28) сентября 1878 г. (см.: *Каталог рукописей.* Л. 52). О том, что написанию этого очерка содействовал Тургенев, свидетельствуют воспоминания Луканиной (см.: *СВ.* 1887. № 2. С. 46; *Т в восп совр.* Т. 2. С. 194. Запись от 12 февраля н. ст. 1878 г.). Изначально его предполагалось поместить в февральской книжке журнала за 1879 г., однако напечатан он был под заглавием "Палата № 103

(Из дневника)" лишь в декабре (см.: *ВЕ.* 1879. № 12. С. 538–585; подпись "А. Л.". Ср. примеч. 2 к письму 5044 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1, где ошибочно указано, что публикация этого произведения была отклонена). См. также письмо 5413.

[10] Тургенев имеет в виду "Внутреннее обозрение" апрельской книжки "Вестника Европы", заключительная часть которого (под заглавием "Тургеневский обед") подводила итоги его пребыванию в России в феврале — марте 1879 г. Ранее он собирался поместить в журнале по этому поводу что-то вроде "благодарственного и объяснительного письма". См. письмо 5316, примеч. 3.

[11] 2 (14) апреля 1879 г. народник А.К. Соловьев неудачно покушался на жизнь Александра II. О реакции Тургенева на это событие см. письма 5327, 5337 (в схожем ключе он высказался в открытом письме в редакцию "Вестника Европы" от 21 декабря 1879 г. (2 января 1880 г.)). 3 (15) апреля Тургенев вместе с семьей Н.И. Тургенева присутствовал в 11 ч. на молебне по случаю неудавшегося покушения (см.: *ЛН.* Т. 76. С. 394).

[12] Этот замысел не был осуществлен писателем (см. письмо 5316 и примеч. 2 к нему). В воспоминаниях И.Я. Павловского, который увиделся с Тургеневым "дня через два по приезде его в Париж", также содержится свидетельство о нем: «И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ был очень возбужден и весел, казалось, он помолодел лет на двадцать, сравнительно с тем, каким я его видел перед отъездом. "Я так же ждал этих оваций, — сказал он мне, — как то, что меня сделают китайским императором. Это, разумеется, делалось не для меня, а для тех идей, которые я защищал в течение всей моей литературной деятельности. Нужно это выяснить обществу, по возможности резче и рельефнее. Через несколько дней я уеду в деревню, запрусь недели на две, никого не буду принимать и непременно напишу брошюру"...». Добавляя, что далее "явились разные советчики и некоторые соображения, благодаря чему брошюра написана не была", Павловский заключал: "Вряд ли из нее существует что-нибудь больше, чем кое-какие наброски" (см.: *Рус Курьер.* 1884. 16 июня. № 164. С. 1; см. также: *Pavlovsky. Souvenirs.* P. 120–121).

5327. Я.П. Полонскому (с. 105)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Собр. *ОЛДП.* № Q250. Л. 163.
Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 343–344.

[1] Это письмо Полонского к Тургеневу неизвестно.

[2] Имеется в виду работа по подготовке нового собрания сочинений, первый том которых должны были составить "Литературные и житейские воспоминания", а также критические статьи, ранее не перепечатывавшиеся. По предварительному договору

с Ф.И. Салаевым Тургенев планировал расширить состав "Литературных и житейских воспоминаний", включив в них дополнительно как уже публиковавшиеся ранее ("Казнь Тропмана", "Пэгаз", "О соловьях"), так и новые очерки, среди которых читателям были обещаны "статьи о Грановском, Герцене и славянофилах" (см. письмо 5299 и примеч. 2 к нему, а также примеч. 7 к письму 5319. Под статьей о Т.Н. Грановском подразумевались "Два слова о Грановском", вошедшие в первый том издания 1880 г. в раздел "Некрологи"). В дальнейшем в переговорах с В.В. Думновым фигурировали уже две дополнительные статьи — "Семейство Аксаковых" и "Москва и Берлин", которые в итоге были заменены на очерк "Человек в серых очках". Кроме того, Тургеневым были внесены изменения в состав очерка "Воспоминания о Белинском" (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 324, 340).

[3] См. письмо 5326, примеч. 11. Тургенев предвидел, что покушение А.К. Соловьева вызовет усиление политической реакции в стране и приостановит реформаторскую деятельность правительства. Те же опасения он выражал в письме к П.В. Анненкову от 12 (24) апреля 1879 г. (см. письмо 5337). О взглядах Тургенева на сложившуюся в это время политическую ситуацию в России см. примеч. 2 к письму 5316. Вскоре после покушения в крупных городах (Петербурге, Харькове и др.) был введен институт временных генерал-губернаторов, проводились аресты, распространялись слухи о готовящихся новых покушениях.

[4] 23 марта ст. ст. 1879 г. Полонский в дружеской среде (в одну из своих "пятниц") прочел свои стихотворения "Качка в бурю" и "Ночь в Крыму" под импровизированную музыку композитора Г.А. Лишина (см. записную книжку Я.П. Полонского на 1879 г.: *ИРЛИ.* № 11701. С. 121). Некоторые романсы Лишина и симфоническая пьеса "Салимская гетера" были популярны среди современников. Его произведения Тургенев мог слышать у Виардо.

[5] Как и Тургенев, Полонский участвовал 15 (27) марта 1879 г. в благотворительном вечере в пользу слушательниц Женских педагогических курсов, где В.И. Бородаевская вместе с тремя другими курсистками поднесла Тургеневу адрес и венок от Высших женских курсов (см. об этом примеч. 2 к письму 5301, а также примеч. 3 к письму 5320). Полонский читал посвященное Ю.П. Вревской стихотворение "Под Красным крестом". Запись об этом сохранилась в записной книжке поэта на 1879 г. См.: *ИРЛИ.* № 11701. С. 106. Ранее в тот же вечер Полонский присутствовал на представлении "Месяца в деревне" в Александринском театре, где в роли Верочки выступала М.Г. Савина (Там же). По воспоминаниям актрисы, Полонский был «первым "настоящим" литератором», с которым она познакомилась в Петербурге "на одном из благотворительных вечеров в первый сезон" своего поступления на императорскую сцену в 1875 г. Она была приглашена на "пятницы" Полонских,

которые посещала "охотно, когда была свободна" (*РГАЛИ.* Ф. 853. Оп. 2. № 38. Л. 1, 4; цит. по: *Т сб.* Вып. 5. С. 523, примеч. 3 к письму 6). Особенно сблизилась с Полонскими Савина после знакомства с Тургеневым.

[6] Незадолго до отъезда Тургенева из Петербурга, 19 марта ст. ст., Полонский с женой навестили писателя в гостинице (см. записную книжку Полонского на 1879 г.: *ИРЛИ.* № 11701. С. 110). Здесь же отмечены и другие встречи Полонского с Тургеневым (помимо чтений и других общественных мероприятий), не зафиксированные в *Летописи (1876—1883)*: 10 февраля ст. ст. (утром в гостинице), 11 февраля ст. ст. (на обеде, где также присутствовали А.В. Топоров, В.Д. Аленицын и др.), 17 марта ст. ст. (на "вечере у И. П.": "Тургенев болен — устал и охрип") (см.: Там же. С. 73, 74, 108).

5328. Г.О. Гинцбургу (с. 108)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 15; конверт — л. 16. Почтовый штемпель городской почты: 18 avril 79, Rue Milton. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg.* P. 88.

[1] Это письмо Гинцбурга к Тургеневу неизвестно.

[2] Возможно, речь идет об артистке Петербургской оперы Ж.А. Михайловской (Лейброк), с 1872 г. сошедшей со сцены и, очевидно, пытавшейся восстановить утраченный голос. В 1882 г. Ж.А. Михайловская вернулась в театр, но в драматическую труппу, где исполняла небольшие вокальные номера и руководила хором.

[3] По всей вероятности, Тургенев имеет в виду И.Я. Павловского и его воспоминания "В одиночном заключении", рукопись которых он брал с собой в Петербург, намереваясь поместить их в "Вестнике Европы", однако, ознакомившись с текстом очерка, М.М. Стасюлевич от этого предложения отказался. Как следует из каталога рукописей журнала, Тургенев передал воспоминания Павловского Стасюлевичу 13 (25) февраля, а 21 марта (2 апреля), в день отъезда писателя в Париж, тот возвратил их ему на станции (см.: *Каталог рукописей.* Л. 66 об. — 67). По-видимому, намеченное на вторник 10 (22) апреля 1879 г. чтение состоялось, хотя свидетельств об этом не сохранилось. Можно предположить, что оно было успешным, так как уже 3 мая н. ст. Тургенев предложил А.Н. Луканиной взяться за перевод очерка на французский язык, на что она согласилась (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 62). Уже в ноябре того же года очерк Павловского в переводе Луканиной через посредство Тургенева и с его предисловием был опубликован

в газете "Le Temps", что вызвало бурную реакцию в русской прессе. См.: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 599–601.

[4] На этом заседании Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже Гинцбург действительно присутствовал (см. письмо 5335).

5329. Г.О. Гинцбургу (с. 108)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 60–61. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg.* P. 98, с условной датой: "1879 г.". В *ПССиП* (1). *Письма* напечатано с датой: 28 апреля (10 мая) 1879 г. (Т. XII. Кн. 2. № 4836).

Датируется предположительно на следующих основаниях. Хлопоты Тургенева по продаже "Баронаты", виллы К. Кафиеро, относятся к апрелю 1879 г., о чем свидетельствует запись в дневнике А.Н. Луканиной от 21 апреля (3 мая) 1879 г. (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 62). Тургенев вернулся из России в субботу 24 марта (4 апреля) 1879 г., а последнее выступление в Париже американской певицы Эммы Терсби, которая упоминается в письме, состоялось во вторник 17 (29) апреля 1879 г., после чего она отправилась в Орлеан, где выступала вместе с Полем Виардо, а затем в Англию. Таким образом, писатель мог слышать Терсби в одну из пятниц, выпадавших на 11, 18 и 25 апреля н. ст. 1879 г., однако последняя пятница также исключается, поскольку в это время певица вместе с Полем Виардо находилась в Нанте по приглашению Общества изящных искусств. Из двух оставшихся дат наиболее вероятной представляется пятница 18 апреля н. ст. 1879 г., когда Тургенев мог слышать Эмму Терсби на грандиозном вечере у барона М. Гирша, где она исполнила вместе с Ж.-Б. Фором дуэт из "Волшебной флейты" (см.: Figaro. 1879. 19 avril. № 109. P. 1; Ménestrel. 1879. 20 avril. № 21. P. 168). Тем не менее не исключено, что Тургенев мог слышать Терсби и 11 апреля н. ст. 1879 г., когда состоялся концерт с ее участием в Шатле, о котором заблаговременно сообщалось в газетах (см. о нем примеч. 5 к наст. письму). Узнав по возвращении из России о новой "американской звезде", как называли певицу в прессе, Тургенев, несомненно, не мог упустить возможности ее услышать. Настоящее письмо, таким образом, могло быть написано утром следующего дня, т.е. в одну из суббот — 31 марта (12 апреля) или 6 (18) апреля 1879 г.

[1] "Бароната", вилла на берегу озера Лаго Маджоре, недалеко от Локарно, была приобретена в 1873 г. Карлом Кафиеро на имя М.А. Бакунина с целью устроить там тайную типографию, склад оружия и убежище для лиц, преследуемых полицией. Став номинально владельцем виллы, Бакунин прожил там вместе со своей семьей до разыгравшейся летом 1874 г. ссоры с Кафиеро (см. об

этом: *Стеклов Ю.* Михаил Александрович Бакунин: Его жизнь и деятельность. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 323—351; *Пирумова Н.* Михаил Бакунин: Жизнь и деятельность. М., 1966. С. 146—147).

[2] К. Кафиеро все полученные в наследство от отца деньги истратил на приобретение и благоустройство "Баронаты".

[3] "Баронату" купил у К. Кафиеро Г.О. Гинцбург, позже подаривший ее М.М. Антокольскому (см.: *Gunzburg.* P. 82—83).

[4] О каком из братьев Кокленов идет речь — установить не удалось. Как старший, так и младший, помимо театральных представлений, регулярно участвовали в различных концертах.

[5] Возможно, речь идет о последнем в сезоне концерте Э. Колонна, состоявшемся 11 апреля н. ст. в Шатле и посвященном духовной музыке (программу концерта см.: Presse. 1879. 10 avril. № 100. P. 4). С исполнением вариаций П. Рода в нем приняла участие и "очаровательная" Эмма Терсби, которая за три недели выступлений в Париже (у Паделу, Колонна и в частных концертах) снискала себе славу "американской Патти". О горячих аплодисментах, вызовах, криках браво, которыми сопровождалось ее выступление, сообщал, например, журнал "Le Ménestrel" (1879. 20 april. № 21. P. 167). Несколько ревностное сравнение Терсби с Марианной Виардо могло быть обусловлено тем, что незадолго до этого состоялся успешный дебют младшей дочери Полины Виардо, которой писатель пророчил блестящую артистическую карьеру (см., например, письмо 5266 и примеч. 13—15 к нему).

5330. Эмилю Золя (с. 109 и 216)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 24524. F. 219.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. № 17. P. 445; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 6. С. 250. В *ПССиП(1). Письма* датировалось 1880 г., вслед за И.Д. Гальпериным-Каминским (Т. XIII. Кн. 1. С. 32).

Датируется на основании письма Золя к Тургеневу от 18 апреля н. ст. 1879 г., ответом на которое является настоящее письмо (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 315—316). Впервые датировка уточнена: *Montreynaud Fl.* Les relations de Zola et Tourguéniev: documents inédits // Cahiers naturalistes. 1972. № 43. P. 80.

[1] Основанная ловким дельцом Ж-И.-О. Вильмессаном в 1854 г. при Наполеоне III, газета "Le Figaro" отличалась беспринципностью, явной склонностью к дешевым и пикантным сенсациям и носила откровенный антиреспубликанский характер, что делало ее в глазах Тургенева главной представительницей французской "желтой прессы". Совсем недавно он сам стал жертвой "Le Figaro", представившей в самом неприглядном свете его визит к Л. Гамбетте в связи с попыткой ходатайства за Г. Флобера, оказавшегося в сложном материальном положении (см. письмо 5258 и примеч. 1, 2

и 5 к нему, а также письма 5242—5244, 5251 и примеч. к ним). Флобер был в отчаянье от этой статьи. Узнав о смерти основателя "Le Figaro", скончавшегося 11 апреля н. ст. 1879 г., и о готовящихся пышных похоронах, он писал племяннице Каролине Комманвиль: «А чувствуешь ли ты, с каким великолепием хоронят Вильмессана? Бальзамируют словно фараона, заупокойную мессу служит епископ, железнодорожный вокзал напоминает освещенный катафалк ⟨...⟩ И все это ради одной из самых грязных каналий нашей эпохи! Но ведь он "пользовался такой огромной популярностью"! Снимем же шляпы» (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 234. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 607). Между тем именно в это время Золя начал сотрудничать в газете Вильмессана: 20 апреля н. ст. 1879 г. в воскресном прибавлении к "Le Figaro" была опубликована его статья "Республика и литература" ("La République et la littérature"), в которой содержались выпады против республиканского правительства за его отношение к литературе. Незадолго до того статья была напечатана в русском переводе под заглавием "Литература и политика" в качестве очередного письма (№ XLVII) из серии "Парижских писем" (*ВЕ.* 1879. № 4. Впоследствии она была включена в сборник "Экспериментальный роман" (Le roman experimental. Paris, 1880)). Возвращаясь к своей излюбленной идее превосходства натурализма над другими направлениями в искусстве и требуя от республиканского правительства свободы, упразднения цензуры и других притеснений в отношении литературы и театра, Золя писал: "Я ⟨...⟩ утверждаю, что натуральная школа есть литература республиканская, если рассматривать республику как правительство гуманное, по преимуществу основанное на всеобщем анализе, порождаемом большинством фактов, словом, отвечающее наблюденным и анализированным потребностям нации. Вся позитивная наука нашего века — в этом" (*ВЕ.* 1879. № 4. С. 869). Демарш республиканца Золя был неоднозначно воспринят даже его друзьями. Так, Флобер писал Э. Гонкуру 24 апреля н. ст. 1879 г.: "А политический манифест Золя, в котором он угрожает гибелью республике, если та не поднимет знамени реализма, ах да, простите, натурализма! Вот потеха! Вот ведь потеха!" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 234. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 614). Задетый тоном Тургенева в отношении "Le Figaro", Золя откликнулся в письме от 19 апреля н. ст. 1879 г.: «Добавлю, что в настоящее время я вижу между "Le Figaro" и некими газетами, претендующими на честность, разницу лишь в большей или меньшей публичности» (*Zola. Corr.* Т. 3. P. 316). Об отношении Золя к республиканскому правительству см.: *Becker C.* Républicain sous l'Empire // Cahiers naturalistes. 1980. № 54. P. 7—16.

[2] 18 апреля н. ст. 1879 г. Золя обратился к Тургеневу со следующей просьбой: «Меня спросили в "Le Figaro", нет ли у меня знающего человека, который бы написал исчерпывающую и основательную статью о русских нигилистах. Я подумал, что вы

могли бы указать мне на такого человека. ⟨...⟩ Мне кажется, что это могло бы быть полезно и для России, чтобы хорошая и либеральная статья появилась в этом очень популярном издании» (*Zola. Corr.* T. 3. P. 315). Называя имя Э.-А. Дюрана, Тургенев имел в виду, что тот, как и его жена Алиса, долго жил в России и хорошо знал страну. Однако никаких сведений о том, что Золя обратился к Дюрану, не сохранилось. Интерес "Le Figaro" к теме русского нигилизма, очевидно, возник в связи с недавним покушением на Александра II, совершенным А.К. Соловьевым 2 (14) апреля 1879 г. Кроме того, французские газеты намекали на прямые связи известного революционера О. Бланки, томящегося в это время в тюрьме за участие в Парижской коммуне и выставившего свою кандидатуру от Бордо на выборах 6 апреля н. ст. в Палату депутатов. 20 апреля он был избран, однако Палата аннулировала результаты выборов (см.: Ibid. P. 316, note 1). В ближайшее время в "Le Figaro" появилось несколько публикаций, связанных с темой нигилизма в России (см.: Ibid.).

[3] Сведений о том, что Золя обращался к П.Д. Боборыкину с подобной просьбой, обнаружить не удалось. С Золя Боборыкин познакомился еще в 1876 г. при посредстве Тургенева, сначала заочно, написав ему письмо и попросив автобиографические сведения, которые использовал в своих лекциях (см.: *Боборыкин.* Т. 2. С. 189), а затем и лично, когда приехал в Париж в составе русской делегации на Международный литературный конгресс летом 1878 г. (см. письма 5043, примеч. 1, 5163, примеч. 4 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1) и, вновь прибегнув к помощи Тургенева, познакомился с Э. Гонкуром, Золя и А. Доде. Результатом его бесед с французскими писателями стала статья "У романистов", напечатанная в журнале "Слово" (1878. № 11. Отд. II. С. 1—41). Мнение Тургенева об этой статье было резко отрицательным (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5169).

[4] Просьба Тургенева обусловлена не только негативным отношением к привычке Боборыкина предавать огласке источники информации, которую он охотно предоставлял в различные печатные органы, но и недоверием к нему, возникшим в правительственных кругах после триумфальных чествований писателя в феврале — марте 1879 г. в Москве и Петербурге, где он общался с молодыми представителями революционного движения (см. об этом во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе).

5331. Представителям харьковской интеллигенции (с. 109)

Печатается по копии, снятой В.П. Гаевским: *РНБ.* Ф. 171. № 291. Л. 6—6 об. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Сб ГПБ (1955).* С. 80.

В собрание сочинений впервые включено: *ПССиП(1). Соч.* Т. XV. С. 64.

Письмо до адресатов не дошло, поскольку, посоветовавшись с М.М. Стасюлевичем, В.П. Гаевский, через которого оно было послано, не счел возможным его передать (см. письмо 5332 и примеч. к нему).

[1] Адрес от представителей харьковской интеллигенции был переслан Тургеневу В.П. Гаевским, поскольку те не располагали его адресом в Париже. "Сейчас я получил для доставления вам, любезнейший Иван Сергеевич, — писал Гаевский 31 марта (12 апреля) 1879 г., — прилагаемый адрес харьковцев, не знающих вашего парижского адреса. Вместе с сим я извещаю их об исполнении этого поручения. Если вздумаете отвечать им, то ответ можете переслать через меня". Письмо Гаевского, как и текст пересланного им адреса (см. примеч. 2 к наст. письму) сохранились в перлюстрированных копиях в архиве III отделения (*ГАРФ.* Ф. 109. 3 эксп. 1879 г. Д. 22. Л. 14—16; оба документа опубликованы: *ЛН.* Т. 76. С. 325—326).

[2] Адрес представителей харьковской интеллигенции, среди которых были профессора Харьковского университета, земские деятели и др. (всего 50 подписей), датирован 21 марта (2 апреля) 1879 г. Как и другие адресы, полученные Тургеневым во время пребывания в России, а также по возвращении в Париж, он содержит оценку его общественной и литературной деятельности и представляет собой отклик на широко освещавшиеся в русской прессе торжественные чествования писателя, прошедшие в Москве и Петербурге в феврале — марте 1879 г. «В тяжелый момент русской жизни, — говорилось в нем, — харьковцы шлют вам свой привет как светлому другу народа, верному "либералу сороковых годов" и любимому автору отцов, детей и внуков. Они радуются тому восторженному приему, какой сделан был в столицах вам, чуткому наблюдателю и предвестнику новых форм общественного развития» (цит. по: *ЛН.* Т. 76. С. 326). Не исключено, что этот адрес создавался в тесной связи с адресом харьковских студентов (см. о нем примеч. 3 к письму 5326).

[3] Подробнее о чествованиях см. во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе.

5332. В.П. Гаевскому (с. 110)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 171. № 291. Л. 5.

Впервые опубликовано: *Сб ГПБ (1955).* С. 80.

В дате письма число не соответствует дню недели: 9 (21) апреля в 1879 г. приходилось на понедельник.

[1] Тургенев откликается на письмо Гаевского от 31 марта (12 апреля) 1879 г., в котором тот, пересылая адрес от представителей

харьковской интеллигенции, предлагал свое посредство для доставления ответа (см. примеч. 1 к письму 5331).

[2] К наст. письму был приложен ответ Тургенева на адрес представителей харьковской интеллигенции (см. письмо 5331, а также примеч. 2 к нему). Вопреки обещанию, он не был переслан Гаевским по назначению. Возвращая писателю его письмо к представителям харьковской интеллигенции, Гаевский так пояснил свое решение: "16 апр. 1879. Вчера я получил Ваше письмо, любезнейший Иван Сергеевич, с ответом на харьковский адрес; но подумав и посоветовавшись с Стасюл⟨евичем⟩, решился не отправлять ответа: он [возбудил бы толки] сделался бы предметом разговоров, его сообщали бы друг другу, Ваши слова были бы перетолкованы, и вся эта болтовня могла бы вызвать [дурные] неприятные последствия для обеих сторон. Не то теперь время, чтоб давать повод говорить о себе. Нам вблизи это лучше видно, чем Вам издалека. [Уж если] Я хотел даже предупредить Вас, чтоб Вы не отвечали. Уж если отвечать, то [отвечать] печатно, и разом на все адресы. Не сетуйте на меня за эту, мож⟨ет⟩ б⟨ыть⟩, лишнюю осторожность; но я чувствую, что нельзя действовать иначе. Ответ возвращаю" (цит. по черновику письма: *РНБ.* Ф. 171. № 291. Л. 7—7 об. См. также: *Сб ГПБ (1955).* С. 81). Тот факт, что письмо Гаевского и текст адреса сохранились в перлюстрациях III отделения, подтверждает обоснованность опасений Гаевского (см. примеч. 1 к письму 5331). Вероятно, не последнюю роль в решении не отсылать письмо по назначению сыграло состоявшееся незадолго до того покушение на Александра II (см. примеч. 11 к письму 5326), тем не менее Гаевский снял копию с ответа Тургенева, которая сохранилась в его бумагах.

[3] Имеется в виду четвертое салаевское собрание сочинений писателя, об издании которого он договорился во время своего пребывания в Москве (см. письмо 5299 и примеч. к нему, а также письма к В.В. Думнову в наст. томе).

[4] Тургенев выслал М.М. Стасюлевичу 4 (16) апреля 1879 г. тщательно выправленный им экземпляр "Записок охотника" для подготовки первого стереотипного издания (см. письмо 5326 и примеч. 6 и 7 к нему).

5333. Е.Ф. Шнейдеру (с. 111)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 3. № 33. Л. 1; конверт — *ГЛМ.* Ф. 17. Оп.1. № 21, нижняя половина лицевой части конверта с адресом оторвана. Почтовые штемпели: 1) 22 avril ⟨79⟩, Paris, R. Milton; 2) 16 апр. 79, Москва.

Впервые опубликовано Н.М. Черновым: Проверьте свои архивы // Огонек. 1972. № 43. С. 25. Здесь же воспроизведена фотография Е.Ф. Шнейдера 1870-х гг.

В собрание сочинений включается впервые.

Стр. 111. отдать жизнь за правду (*лат.*).

[1] Тургенев откликается на письмо студента филологического факультета Московского университета Е.Ф. Шнейдера (без даты), написанное под впечатлением от тургеневских торжеств, прошедших в Москве и Петербурге в феврале — марте 1879 г. По свидетельству самого писателя, подобных писем (в том числе анонимных) к нему в этот период поступало немало (см., например, письма 5337, 5374). «Многоуважаемый Иван Сергеевич! — писал Шнейдер, называя себя "одним из самых преданных" поклонников писателя. — Странная, неотвязчивая мысль стала преследовать меня несколько дней: мне, человеку Вам неизвестному, пришло в голову написать Вам письмо и поделиться теми чувствами, которыми переполнен к Вам. Много теплого, живого сочувствия встречали Вы от русской учащей и учащейся молодежи везде, где появлялись, в Ваше недавнее пребыванье в России. Вы не могли не тронуться при виде всеобщего одушевления, невольного, благородного волнения, в которое приходила вся молодежь, стоило Вам появиться перед нею. Легко было заметить, что и в Вас загоралось ответное чувство, что в Вашем сердце есть отзвук этим бьющимся неподдельной к Вам любовью сердцам. И мне посчастливилось видеть Вас и пережить минуты чудного душевного движения, которое, подобно электрической искре, охватывает человека при виде того, с кем давно слился, кого привык считать своим, родным, кому обязан многими отрадными минутами жизни и благотворным нравственным влиянием. 〈...〉 Читать я начал Ваши произведения с 14 лет и перечитываю их до сих пор (мне недавно минул 21 год) все с новым и новым наслаждением; 4-й том, где помещены "Дворянское гнездо" и "Накануне", у меня положено перечитывать каждый год, когда, по окончании экзаменов (я обретаюсь в Московском университете по филологическому факультету), приезжаю в деревню. Когда я читаю Ваши произведения, то многие места действуют так сильно, что я чувствую дрожанье в голосе и слезы готовы выступить. Откроешь иногда случайно страницу, и на многие, многие думы наведет она: станешь вдумываться в свое положение, от себя перейдешь к окружающим, а затем пустишься в размышление обо всем человеческом: сам проникнешься той здравой, общепонятной философией, которой проникнуты многие страницы Ваших произведений. Глубоко западают в душу описания тех ощущений, которые испытывают Ваши герои в те минуты, когда вдруг порывается связь со всем, к чему долго всецельно стремились, когда человек теряет в минуту все дорогое ему, впадает в полное отчаяние, чувствует всю "лишность" свою на свете и когда требуется немало героизма, чтобы дожить остаток горькой, разбитой жизни. Такие описания, которые мы находим в "Дворянском гнезде",

“Накануне”, “Дыме”, “Вешних водах” (первые страницы), встречаются только у Вас: такого верного психического анализа не дает Лев Толстой, хоть и провозглашают его лучшим современным аналитиком. Сердца много у Вас, Иван Сергеевич, сердцем веет от каждой Вашей строчки: это сердце и чарует Ваших читателей; оно обеспечивает за Вашими произведениями века бессмертия, быть может, не в одной России, для которой Вы надолго останетесь первым романистом. Благодаря этому сердцу Вы как бы сами воплощаетесь в своих героев и заставляете Ваших читателей чувствовать себя связанными с ними узами духовного родства. С героями Вашими Вы и меня заставляли вместе страдать: оттого я и сжился так с ними и считаю родными себе. Много мыслей, возвышающих, облагораживающих почерпнул я у Вас, потому и считаю себя обязанным благодарить Вас за благотворное нравственное влияние. Дай Бог, чтобы нашлось больше людей, которые умели бы извлекать из Ваших произведений то, что мне удалось извлечь: со многим в жизни поможет оно примириться, высоко поднимет над мелочами, которыми изобилует жизнь» (*ИРЛИ.* № 5794; частично опубликовано Н.А. Хмелевской: Огонек. 1968. № 46. С. 20).

[2] Тургенев цитирует усеченный стих Ювенала (Сатиры, IV, 91), ставший девизом Ж.-Ж. Руссо и использовавшийся в качестве эпиграфа рядом журналов в эпоху первой французской революции.

[3] В письме Шнейдер обращался к Тургеневу с просьбой: “Есть у меня до Вас одна просьба, назовите ее ребячеством. У меня есть Ваш портрет; но мне хотелось бы иметь Ваш автограф: напишите на лоскутке бумаги Вашу фамилию и пришлите по адресу: Москва, Зубово, Малый Трубный пер., д. Шнейдера” (*ИРЛИ.* № 5794). Фотография, посланная Тургеневым Шнейдеру, неизвестна.

5334. В.В. Думнову (с. 111)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 278. Л. 1 – 2. На первой странице письма в левом верхнем углу помета неизвестной рукой: “16 апреля 1879” — дата получения письма.

Впервые опубликовано: Книга: Исследования и материалы. М., 1961. Сб. 5. С. 347.

[1] Это письмо Думнова к Тургеневу неизвестно.

[2] Предположительно 7 (19) марта 1879 г., во время пребывания в Москве, Тургенев договорился с Ф.И. Салаевым о новом (четвертом) издании своих сочинений, получив за него аванс в 1500 р., за который им была выдана расписка, однако составление окончательного текста контракта было отложено писателем до возвращения в Париж, где находились все предыдущие экземпляры контрактов с Салаевым. Не последнюю роль в промедлении сыграло, по-видимому, и желание посоветоваться

с М.М. Стасюлевичем, который был готов сам взяться за издание. См. письмо 5299 и примеч. 2, 3 к нему.

[3] Эти предварительные условия контракта были приняты Думновым с существенными дополнениями, однако его переписка с писателем по этому поводу неизвестна (см.: Официальные письма и деловые бумаги, № 42).

[4] Письмо или телеграмма, о которых идет речь, неизвестны.

[5] Окончательный текст контракта, заключенного с наследниками Ф.И. Салаева, см. в разделе "Официальные письма и деловые бумаги" (№ 42) в наст. томе.

[6] Издание вышло в 10 томах, как и было предусмотрено по контракту, заключенному с наследниками Ф.И. Салаева 1 (13) мая 1879 г. (см.: Официальные письма и деловые бумаги, № 42). Выделение еще одного тома, по сравнению с первоначальным замыслом, произошло из-за того, что повести, согласно новой договоренности, заняли не три (Т. 6—8), а четыре тома (Т. 6—9). Ср. примеч. 7 к письму 5319.

[7] В окончательный текст контракта, по-видимому по инициативе Думнова, был добавлен пункт (№ 3), обязывавший писателя не предпринимать следующего издания как полного собрания своих сочинений, так и отдельных произведений, до тех пор пока у наследников Ф.И. Салаева не останется менее двухсот экземпляров. Согласно этому пункту Тургенев до истечения данного срока не имел права также передавать издательские права другому лицу. В дальнейшем, когда в 1882 г. Тургенев решил передать все права собственности на свои произведения другому издателю, данный пункт доставил ему немало беспокойства, поставив его в зависимость от доброй воли Думнова, в чьей добросовестности и порядочности он имел все основания усомниться (см. письма к Думнову и к А.В. Топорову за июль — сентябрь 1882 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2).

[8] О том, какие произведения были впервые введены писателем в собрание сочинений в издании 1880 г., см. письма к В.В. Думнову от 19 сентября (1 октября), 26 сентября (8 октября) и 1 (13) октября 1879 г., а также примеч. к ним — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

[9] В окончательном тексте контракта срок этот был продлен до 1 (13) августа 1879 г. (см.: Официальные письма и деловые бумаги, № 42). Кроме того, был установлен срок для внесения необходимых поправок и изменений в ранее издававшиеся Салаевыми произведения — 1 (13) сентября 1879 г. В действительности Тургенев задержался с отправкой новых текстов до начала октября ст. ст. (см. письма к Думнову за сентябрь — октябрь 1879 г.).

[10] Эта записка неизвестна. Вероятно, на ее основе было составлено первое объявление о готовящемся издании, напечатанное "Современными известиями" еще 8 (20) марта 1879 г. (№ 66. С. 3; текст его см. в примеч. 7 к письму 5319). Очевидно, основное

отличие от издания 1874 г., помимо добавления новых и не включавшихся в прежние собрания произведений, заключалось в отказе от принятого ранее принципа распределения по томам, который можно условно охарактеризовать как приближенный к хронологическому. Прежде всего, в новом издании Тургенев отдал целый том "Литературным и житейским воспоминаниям", которые уже традиционно (со второго салаевского издания, выпущенного в 1868—1871 гг.) открывали его собрания сочинений, при этом цикл был дополнен шестью новыми очерками, а в сам том впервые за всю историю издания сочинений писателя добавились критические статьи, некрологи и переводы из Флобера. Отдельный (второй) том отводился и "Запискам охотника", воспроизводившимся в том же (окончательном) составе, что и в издании 1874 г. Более радикальному переформированию подверглись следующие тома: впервые отдельно выделялись романы, которые заняли три тома (т. 3—5), и повести (в первоначальном варианте т. 6—8, в окончательном — т. 6—9). Как к романам, так и к повестям предполагались "особые" предисловия ("особое" предисловие планировалось и для "Записок охотника"), однако замысел этот был реализован лишь частично (написаны были лишь "Предисловие к романам" и общее "Предисловие" к изданию; см.: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 390—396, 560—562; Т. 10. С. 364—365, 601). Завершалось издание, как и в 1874 г., томом с драматическими сочинениями. О значении, которое Тургенев придавал новому порядку расположения произведений, он открыто заявил в "Предисловии к романам": "Мне хотелось дать тем из моих читателей, которые возьмут на себя труд прочесть эти шесть романов сподряд, возможность наглядно убедиться, насколько справедливы критики, упрекавшие меня в изменении однажды принятого направления, в отступничестве и т.п. Мне, напротив, кажется, что меня скорее можно упрекнуть в излишнем постоянстве и как бы прямолинейности направления" (см.: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 390). Сказанное, несомненно, относилось не только к романам, но и ко всему творчеству писателя, что было тотчас отмечено критиками. Так, П.Д. Боборыкин в статье "Тургенев — в новом издании", характеризуя первый том Сочинений 1880 г., писал: «В связи с тем, что мы уже имеем в "Литературных и житейских заметках" Тургенева, помещенных в том же первом томе, и в некрологах, — критические статьи Тургенева, хотя и не дают полного понятия о всем ходе его интеллигентного развития, о всей совокупности его политических, социальных, философских и других воззрений, но все-таки составляют нечто целое, довольно гармоническое, показывающее, что, в главных чертах своей нравственной физиономии, Тургенев оставался верен себе на протяжении более чем тридцати лет» (Критическое обозрение. 1880. 15 января. № 2. С. 74). Об этом издании и его композиции см. также: *Громов В.А.* "Записки охотника" в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева //

Восьмой межвузовский Тургеневский сборник: И.С. Тургенев и русская литература. Курск, 1980. С. 94—103.

[11] Имеется в виду осуществлявшееся М.М. Стасюлевичем так называемое стереотипное издание "Записок охотника". См. письмо 5299 и примеч. 7 к нему.

[12] См. примеч. 6 к наст. письму. Сцены и комедии составили 10-й том. Он первым поступил в работу, так как был единственным, который предполагалось печатать в неизменном виде. Как и в салаевском издании 1874 г. (Ч. 8), в него в том же порядке вошли "Неосторожность", "Безденежье", "Где тонко, там и рвется", "Нахлебник", "Холостяк", "Завтрак у предводителя", "Месяц в деревне", "Провинциалка" и "Разговор на большой дороге".

[13] Первый платеж в 8000 руб. Тургенев получил уже 1 (13) мая 1879 г. (см.: Официальные письма и деловые бумаги, № 42, а также письмо 5375).

[14] Для нового собрания сочинений Тургенев специально сфотографировался в Париже в ателье А. Либера (ср.: *ПД. Описание.* С. 77. № 505, где высказано ошибочное предположение, что фотография выполнена С.Л. Левицким). Съемка производилась не ранее второй половины мая ст. ст. (скорее всего, в конце августа — начале сентября) 1879 г. (см. письма 5358, 5375). «Приложенный к изданию фотографический портрет, — замечал Тургенев в общем "Предисловии" к изданию, помещенном в первом томе, — не гравирован на стали, как то сказано на заглавном листе, а воспроизведен новоизобретенным *фотоглиптическим* способом. — Способ этот представляет ту выгоду, что малейшие черты оригинала сохраняются с совершенной точностью; сверх того, полученное изображение никогда не изглаживается и не стирается» (см.: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 364—365). Думнову 5500 экземпляров портрета были отправлены, по всей видимости, не ранее 6 (18) октября 1879 г. (см. письмо к нему от 1 (13) октября 1879 г.). См. иллюстрацию на с. 183. См. также: *T. Portraits Catalogue.* P. 45—46.

[15] Контракт на четвертое издание сочинений был заключен Тургеневым с наследниками Салаева 1 мая ст. ст. 1879 г. См. также примеч. 5 к наст. письму.

5335. Г.О. Гинцбургу (с. 113)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 17. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg*. P. 88.

[1] Имеется в виду концерт с участием Марианны и Поля Виардо, который должен был состояться в воскресенье, 27 апреля н. ст. 1879 г., в зале Эрар (см. о нем. примеч. 4 к письму 5339). Сам писатель на нем также присутствовал. Тургенев оказывал

всяческое содействие скрипачу Полю Виардо в организации его концертов в Париже, а также в России во время его гастролей в 1881 г. Позднее отношение к нему Тургенева резко изменилось (см.: *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 406—407).

[2] Речь идет о состоявшейся накануне встрече Тургенева и Гинцбурга на очередном заседании Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников, где Тургенев читал, по-видимому, очерк И.Я. Павловского "В одиночном заключении" (см. письмо 5328 и примеч. 3 к нему).

5336. Н.А. Щепкину (с. 113)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 2567. Оп. 2. № 462. Л. 1.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 64.

[1] Еще 27 марта (8 апреля) Тургенев обращался к Щепкину с просьбой прислать ему в Париж денег, "как только окажутся таковые свободными" (см. письмо 5317). В ведомости о приходе и расходе денег конторы с. Спасское за декабрь 1878 г. — сентябрь 1879 г., составленной управляющим для писателя, значится сумма в 1008 руб. 25 коп., отправленная Тургеневу в Париж, что примерно соответствовало 2400 франков (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1). Деньги могли поступить в качестве арендной платы за Кадное, которую Щепкин получил от А.Ф. Борисова (см. примеч. 1 к письму 5317).

[2] Имеется в виду письмо П.К. Маляревского Тургеневу от 25 января ст. ст. 1879 г. (*РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114). См. о нем также примеч. 3, 5, 7, 10 к письму 5217, примеч. 4 к письму 5218, примеч. 3 к письму 5235, примеч. 7 к письму 5266 и по указателю в наст. томе.

[3] Речь идет о недоразумении, связанном с расчетами по контракту А.В. Чедаева на рубку леса (при селе Сомове, Павлищеве тож), который достался Тургеневу по наследству от Н.С. Тургенева (см. примеч. 5 к письму 5217, а также примеч. 1 к письму 5311). Контракт (на общую сумму 28 500 руб.) был заключен 22 декабря 1875 г. (3 января 1876 г.) на 10 лет, с обозначенным сроком ежегодного платежа (в сумме 2850 руб.) 10 января ст. ст. Еще в письме от 25 января ст. ст. 1879 г. П.К. Маляревский упомянул о том, что "по слухам" Чедаев осуществил выплату за 1879 г., якобы представив 2850 руб., за смертью Н.С. Тургенева, в Тульский окружной суд. Эти деньги он советовал Тургеневу получить при переходе к нему контракта "по месту нахождения их из Тульского окружного суда" (см.: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 4 об.). Однако после получения в конце марта ст. ст. Тургеневым наследства (см. примеч. 1 к письму 5311) выяснилось, что платеж за 1879 г. был осуществлен Чедаевым задолго до смерти Н.С. Тургенева, т.е. находился в руках

Маляревского и должен был в виде наличного капитала поступить писателю. Об истребовании этих 2850 руб. и идет речь в наст. письме. О дальнейшем ходе дела см. письмо 5377 и примеч. 2 к нему.

[4] Продажа мебели из московского дома Н.С. Тургенева, как и предполагал писатель, была осуществлена лишь в августе 1879 г. См. письма 5293, примеч. 5, 5317, примеч. 4, и письмо к Щепкину от 14 (26) августа 1879 г. Помимо мебели, Тургеневу достались также книги брата, которые были перевезены, по его распоряжению, в Спасское-Лутовиново. В ведомости расходов с. Спасского за октябрь 1879 г. — 12 марта 1880 г. значится, что "за доставку 4 ящиков с книгами из Москвы" было заплачено 17 руб. (*ОГЛМТ.* Инв. № 201 оф. Л. 2).

5337. П.В. Анненкову (с. 114)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 39—40 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 64—65.

Стр. 116. "отсутствие новостей — хорошая новость" (*франц.*).

[1] Пребывание писателя в Москве и Петербурге в феврале — марте 1879 г. было отмечено непрерывной чередой чествований, широко освещавшихся в русской прессе. О восторженном приеме Тургенева в России см. письма 5266, 5269, 5283, 5289 и примеч. к ним, а также во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе. Анненков писал Тургеневу 11 (23) апреля 1879 г., что он следил за всеми перипетиями этого приема, и не настаивал на сообщении подробностей, иронично заметив: "...где же требовать сообщительности, когда только думать надо о том, как нести бремя своей популярности" (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 102—103). Между тем из его переписки с В.М. Михайловым видно, насколько он был потрясен этим неожиданным явлением и какое значение придавал тургеневским чествованиям, видя в них прежде всего "реабилитацию людей 40-х годов, устранение всех их врагов, публичное признание их заслуг" (*ИРЛИ.* Ф. 384. № 16. Л. 2. Письмо от 2 апреля н. ст. 1879 г.; впервые частично опубликовано: *Т сб (1940).* С. 57. Подробнее см. во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе). О том же он написал и самому писателю: "...имею нужду сказать Вам, что я следил за Вашим триумфом и был около Вас при всех обедах, чтениях, театрах и собраниях — и был не праздно, ибо в лице Вашем радовался и переживал торжество людей 40-х годов, их вступление в Капитолий, после насмешек, поруганий, оплеваний и заушений, ими понесенных. Это ли не важное дело? Признаюсь — я и не ожидал, чтобы на Вашем веку произошло то, что должно было произойти на Вашей могиле, но мне кажется, что

и политическая резня, теперь царствующая на родине, играла большую роль в оценке начал, которые управляли нашим временем (т.е. 40-ми гг. — *Ред.*), ускорила рост замешкавшейся оценки их и перекинула публику в объятия идеалов, провозвестником которых Вы были первый на Руси в области искусства. А это такая область, в которой именно и происходят народные, общественные коронации, как государственные и политические в Успенском соборе" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 102).

[2] См. письмо Анненкова от 11 (23) апреля 1879 г.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 102—103. В нем Анненков объяснял свое длительное молчание обещанием Тургенева, данным во время их встречи в Брюсселе, написать ему из Москвы, которое писатель не исполнил.

[3] По возвращении в Париж Тургенев действительно всерьез задумывался о написании "политической брошюры", в которой намеревался подвести итоги своего пребывания в России, однако этот замысел не был осуществлен. См. письма 5316, примеч. 2, 5326, примеч. 12, и 5343, примеч. 2.

[4] Из России Тургенев привез немало бумаг, в том числе обращенные к нему речи студентов Московского университета, зачитанные П.П. Викторовым и Н.Н. Чихачевым и переданные впоследствии писателем П.Л. Лаврову (см. примеч. 5 к письму 5269, а также письмо 5318, примеч. 1), адреса и др. Не исключено, что тогда же были привезены копии различных официальных документов, характеризующих обострившуюся политическую обстановку в России, среди которых доклад Комиссии Совета Петербургского университета от 14 декабря 1878 г. о волнениях среди студенческой молодежи, протокол заседания Совета Харьковского университета от 16 декабря 1878 г. по поводу студенческих беспорядков и другие аналогичные документы, сохранившиеся в архиве П.В. Анненкова (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 132). Так, в докладе Черниговского земства (1878 г.) о "полном бессилии принять какие-либо практические меры к борьбе со злом" при существующих порядках прямо заявлялось: "Положение русского общества, по нашему глубокому убеждению, представляет в настоящую минуту все условия для процветания идей, противных государственному строю, противных желаниям правительства и людей, признающих, что прочно и надежно лишь мирное развитие общественных учреждений. Поэтому борьба против отдельных лиц будет оставаться бесплодною, так как условия останутся те же и на месте каждого пораженного члена немедленно явится несколько новых". Здесь же были названы три основные причины, которые необходимо устранить "для излечения опасного недуга": "1) организация средних и высших учебных заведений, 2) отсутствие свободы слова и печати, 3) отсутствие среди русского общества чувства законности" (Там же. Л. 4, 5 об.).

[5] Об адресе харьковских студентов, пересланном писателю М.М. Стасюлевичем, см. письмо 5326, примеч. 3.

[6] Адрес от представителей харьковской интеллигенции был переслан Тургеневу В.П. Гаевским (текст адреса см. в примеч. 2 к письму 5331). Тургенев откликнулся на него 8 (20) апреля 1879 г. (см. письмо 5331), однако его ответ не был передан по назначению Гаевским по политическим соображениям (см. письма 5331, 5332 и примеч. к ним).

[7] В 1879 г. встреча Анненкова и Тургенева не состоялась. В ответном письме от 19 апреля (1 мая) 1879 г. Анненков отмечал: "Перспектива свидания с Вами так лучезарна, что и не верится ей" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 104).

[8] Имеется в виду покушение А.К. Соловьева на Александра II (см. примеч. 11 к письму 5326, а также письмо 5327), которое, как опасался Тургенев, вновь затормозит реформы в России.

[9] Откликаясь 19 апреля (1 мая) 1879 г. на данный фрагмент письма, Анненков целиком поддержал решение писателя: "Главный вопрос, по-моему, состоит в том, что никакого реального, а не *эфемерного* центра для движения молодежи теперь составить нельзя, без донкихотства и без напрасной жертвы собственным существованием — и Вы хорошо сделали, что отказались от этой перспективы". Справедливо указывая на усиление радикальных настроений среди молодого поколения ("...бедная наша молодежь, задыхающаяся, как говорите, от несбывающихся стремлений и чаяний, до того запуталась со старыми руководителями своими, что уступила свое место кинжальщикам, заговорщикам и даже, как слышно, просто мазурикам, но с либеральными револьверами"), он видел в них своего рода нравственные "наросты", появление которых логично, как "логичны по отношению к организму — чиреи, карбункулы, раки и гангрены", и с которыми следовало бороться не только в политическом смысле, но и в нравственном. Последняя задача существенно затруднялась, по его мнению, тем, "что печати теперь нет, кафедры нет, совещания, собрания, словом, клуба — нет". Задаваясь вопросом: "...так какими же средствами действовать, чтобы показать разницу в направлениях?", чтобы самому не стать "предметом чествования со стороны тупейшего русского радикализма, против которого собирался бороться", Анненков заключал: "Бывают такие эпохи, когда руководящая мысль удаляется из центра общества на его периферию и там только может жить и действовать плодотворно". "В этом положении находитесь и Вы, — продолжал он, — и не меняйте его. Мне были всегда жалки и смешны лицемерные вопли негодования и крокодиловы слезы по поводу Вашего удаления из России. Веское слово и прежде ковалось и теперь куется вдали от тех, на которых оно должно действовать" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 103—104). О том, что Тургенев всерьез рассматривал возможность вернуться в Россию, свидетельствуют воспоминания А.Н. Луканиной, записавшей его слова во время их встречи 29 апреля н. ст. 1879 г.: "Я теперь чувствую

тягость житья за границей — нельзя отрываться от родины и быть там только наездом, нельзя стоять одной ногой там, а другою здесь. Придется вернуться туда и жить там, конечно, не в Петербурге и не в Москве, а в деревне или во внутренних городах... но тяжело отрываться и от того, с чем сжился здесь..." (*СВ.* 1887. № 3. С. 61—62; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 209).

[10] Тургенев отвечает на вопрос Анненкова о наследстве Н.С. Тургенева, получение которого было основной целью поездки писателя в Россию: "Хотелось бы знать, однако ж, как устроилось Ваше денежное, *капитальное* дело?" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 103. Письмо от 11 (23) апреля 1879 г.). О перипетиях вступления в наследственные права и итоговой сумме, которая к этому времени была получена Тургеневым, см. письма 5269, 5283, 5293, 5311, 5317 и примеч. к ним. Отсылая к М.Е. Салтыкову в связи с "курьезными столкновениями" в Москве, Тургенев имеет в виду прежде всего встречи и общение с П.К. Маляревским, ставшим душеприказчиком и основным наследником брата (см. примеч. 5 к письму 5223).

5338. Редактору "Le Temps" (с. 116 и 216)

Печатается по тексту первой (неполной) публикации: Temps. 1879. 26 avril. № 6579. P. 4. Редактором газеты был А. Эбрар, к которому Тургенев неоднократно прибегал в подобных ситуациях. Подлинник неизвестен.

Датируется на основании упоминания даты заметки в газете "Le Soleil" ("позавчера"), которая появилась 22 апреля н. ст. 1879 г.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Текст заметки, опубликованной в "Le Soleil" на основе одной из неустановленных берлинских газет, см. в примеч. 2 к письму 5341. В течение последующих дней она была перепечатана несколькими франкоязычными газетами, в частности, "La Presse" (1879. 24 avril. № 114. P. 2), "L'Indépendance Belge" и "Le Globe", в результате чего Тургеневу пришлось не раз давать публичные опровержения (см. письма 5341, 5353 и примеч. к ним).

[2] О чествованиях Тургенева в Москве и Петербурге, проходивших в феврале—марте 1879 г. и принявших невиданный размах особенно в среде учащейся молодежи, см. письма 5265, 5266, 5269, 5282, 5283, 5289, 5337 и примеч. к ним, а также во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе.

5339. Гюставу Флоберу (с. 117 и 217)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* P. I. Оп. 29. № 188. Л. 171—172. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 159; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 10. С. 74—75.

Датируется по упоминанию концерта Поля Виардо, который состоялся в воскресенье 27 апреля н. ст. 1879 г. в зале Эрар.

[1] Флобер с нетерпением ожидал возвращения Тургенева из России. Прочитав в газете "Le Temps" от 7 апреля н. ст. 1879 г. (№ 6557. P. 2) о его прибытии, он в тот же день писал ему: "Мне не терпится обнять вас. Когда вы приедете? (Согласно обещанию, данному еще в феврале). У нас есть о чем долго поточить лясы! / Час назад уехала моя племянница, которая провела со мной неделю. Я ждал ее отъезда, чтобы сообщить Золя и Шарпантье, что теперь они могут нанести визит. Но поскольку мне прежде всего нужен ваш, жду от вас словечка, чтобы *назначить* им день. Кто вам мешает приехать немедленно? В любом случае, черкните мне, хорошо?" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 600). По-видимому, Тургенев написал Флоберу в тот же день (письмо неизвестно), что хотел бы увидеть его в Париже, и сообщал, что в Круассе собираются Золя и Жорж Шарпантье. 9 апреля н. ст. Флобер отвечал уже на полученное письмо: "Наши письма разминулись, дорогой мой старина. В Париже я не смогу быть раньше чем через *месяц-полтора.* Ждать до того времени нашего свидания слишком уж долго. / Сообщите же мне скорей, когда я буду иметь счастье обнять моего дорогого Тургенева, потому что Золя и Шарпантье я хочу пригласить к себе уже после того, как вы у меня побываете. / Устройте свои дела так, чтобы, во-первых, побыть некоторое время под моим кровом, — ведь нам о стольком нужно поговорить! — и, во-вторых, я должен прочитать вам три главы" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 233. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 602. Под "тремя главами" имеются в виду главы V, VI и VII романа "Бувар и Пекюше"). 12 апреля н. ст. он жаловался племяннице: "Тургенев не отвечает на два моих письма. Тем не менее я желал бы знать, когда он приедет, ввиду Шарпантье и Золя — которые давно уже ждут приглашения к завтраку. — После них у меня будет Гонкур. Молчание московита меня беспокоит. Постарайся вытянуть из него что-нибудь" (Ibid. P. 604—605). По-видимому, К. Комманвиль выполнила просьбу Флобера и заручилась обещанием Тургенева сообщить другу дату приезда в ближайшие дни, поскольку в письме к Э. Лапорту от 16 апреля н. ст. Флобер отмечал: "От Тургенева никаких вестей. Заметьте, что он должен был написать мне позавчера, чтобы известить о своем приезде. Но этот добрый малый — самый необязательный из людей! Я не очень уверен, что он приедет в воскресенье!" (Ibid. P. 608). Еще более раздраженно писал Флобер тому же корреспонденту 25—26 апреля н. ст. (Ibid. P. 618). Отвечая на настоящее письмо,

обиженный задержкой визита Тургенева Флобер написал 27 апреля н. ст. 1879 г.: "Нет, бранить я вас не стану, но если бы вы только знали, до какого *нервного состояния* вы доводите меня, у вас были бы угрызения совести. Не стану передавать всех проклятий моей кухарки по вашему адресу. ⟨...⟩ Откровенно говоря, вы ведете себя со мной не наилучшим образом, если учесть чувства, которые я питаю к вам, а это не так уж мало. Вы в течение долгих месяцев обещаете приехать и *никогда* не держите слова!" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 235—236. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 620). Письмо было подписано: "Ваш старый *обиженный* Г. Флобер". Своей племяннице Флобер сполна высказал всю обиду на друга в письме от 30 апреля н. ст.: "Тургенев и не подозревает, какую горькую чашу он заставил меня выпить в воскресенье. Откровенно говоря, он *обидел* меня, нарушить *четырежды* за одну неделю данное мне слово означает издевку, причем циничную. Вдобавок *легковесный* тон письма усугубил его поступок" (Ibid. P. 622).

[2] Накануне битвы при Саламине (480 г. до н. э.), во время ожесточенных споров греческих вождей, Фемистокл воскликнул, обращаясь к замахнувшемуся на него жезлом спартанскому военачальнику Эврибиаду: "Бей меня! но выслушай!..". Эти слова Тургенев приводит также в стихотворении в прозе "Услышишь суд глупца..." (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 10. С. 133).

[3] По всей видимости, именно в этот день — 14 (26) апреля — П. Виардо выехала в Веймар вместе с Бертой Виардо и своей старшей дочерью Л. Эритт-Виардо для того, чтобы помочь последней с подготовкой к постановке ее оперы "Линдоро" на сцене Веймарского придворного театра (см. примеч. 4 к письму 5208), а также ввести ее в круг влиятельных знакомых, близких музыкальному миру. Сохранилось два письма П. Виардо к Тургеневу из Веймара от 1, 2 мая н. ст. и от 6 мая н. ст. 1879 г. (ответные письма Тургенева неизвестны), в них она красочно рассказывает о ходе репетиций, сложностях с исполнителями, данных ею уроках пения (в частности, одной из дочерей великого герцога Карла Александра, а также супруге прусского посланника в Веймаре графа Лимбург-Штирума) и о той активной светской жизни, которую ей пришлось там вести, возобновляя прежние связи и выступая на вечерах и частных концертах у Лоенов, Э. Лассена, Ф. Листа и др., в том числе у великой герцогини Саксен-Веймарской. Усилия П. Виардо принесли свои плоды, как видно из ее письма к Тургеневу от 1, 2 мая н. ст., где она отметила, что "все отнеслись весьма благосклонно к Луизе, которая, когда захочет, может быть очаровательной" (*Т в восп совр. Переписка (1988).* С. 540. Подлинник по-франц.). Много лет спустя сама Л. Эритт-Виардо вспоминала, что именно в Веймаре "впервые узнала, до какой степени немецкий композитор должен ухаживать за певцами, которые ведут себя так, словно все держится

на них одних. Этот опыт был одним из самых неприятных, но я провела там очень интересное время" (*Héritte-Viardot L.* Memoirs and Adventures. London, 1913. P. 289). Текст писем П. Виардо к Тургеневу см.: во французском оригинале — *T. Nouv corr inéd.* T. 1. P. 359—361; *T. Lettres inéd.* P. 329—331; в русском переводе — *T в восп совр. Переписка (1988).* С. 539—543. Некоторые подробности пребывания в Веймаре содержатся также в письме П. Виардо к мужу от 1 мая н. ст. (Houghton Library. MS Mus 264 (76); см. также: *Fischer/Žekulin.* S. 115, Anm. 28).

[4] В это время Поль Виардо часто выступал в различных концертах. В данном случае речь идет о воскресном концерте 27 апреля н. ст. в зале Эрар, в котором приняла участие и Марианна Виардо (см.: Ménestrel. 1879. 27 avril. № 22. P. 176). Оценивая концерт как восхитительный, "лучший за сезон", одна из газет, называя имена Поля и Марианны Виардо, восклицала: "Подобные имена не являются ли залогом оглушительного успеха, и разве любители классической музыки не будут счастливы услышать и рукоплескать тем, кто напомнит им великую школу г-жи Виардо?" (XIXe siècle. 1879. 27 avril. № 2684. P. 4).

[5] Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, о котором идет речь, было основано при ближайшем участии Тургенева 28 ноября (10 декабря) 1877 г., в день взятия русскими войсками г. Плевны. Писатель пять лет был секретарем Общества и организовал немало благотворительных чтений и концертов в его пользу (см.: *Кузьмина Л.И.* Тургенев и "Русская касса взаимного вспоможения в Париже" // *Т сб.* Вып. 3. С. 254—261). О каком чтении идет речь в данном случае — установить не удалось.

[6] Упомянутый Тургеневым роскошный обед "в духе Сарданапала" (мифического царя Ассирии, прославившегося страстью к роскоши) был устроен Золя 24 апреля н. ст. 1879 г. в продолжение традиционных "обедов пяти", правда, без его главы — Флобера, который все еще не мог выехать из Круассе после перелома ноги, случившегося в конце января (см. примеч. 1 к письму 5236). Друзья собирались все вместе поехать в Круассе, о чем и договорились на обеде, однако это известие не обрадовало Флобера. В ответном письме от 27 апреля н. ст. он писал: "Мне неизвестно, что там было у вас решено на сарданапаловом пиру у Золя. Но, дорогой мой, у меня прислуги всего один человек, и это — женщина, и она не в состоянии приготовить и подать завтрак на шесть персон. Мне *приходится* (!!!!) принимать своих друзей по очереди, а не всех вместе. / И потом, как же так? Неужто вы, дорогой мой старина, не поняли, что вся моя радость от свидания с вами была бы испорчена, если вы приехали бы вместе с другими. Нельзя же обнажать душу на людях, черт вас возьми! Впрочем, вы ведь любитель публичных увеселений, у вас, как видно, все пороки. / Словом, поступайте, как знаете. Приезжайте, когда

освободитесь от всех своих обязательств, и перестаньте будоражить меня, внушая радостные надежды, которые потом не сбываются" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 236. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 620—621). В конце концов Тургенев приехал в Круассе 4 мая н. ст. один и пробыл там два дня, покинув Флобера утром 6 мая, визит Золя, Гонкура и Доде был отменен. Сам Тургенев написал им по этому поводу письма, из которых известно только письмо к Гонкуру (№ 5344).

5340. А.И. Алексееву (с. 117)

Печатается по первой публикации (факсимиле): Звезда. 1903. 15 января. № 5. С. 72. Подлинник неизвестен.

[1] О каком поручении идет речь — установить не удалось. По всей видимости, договоренность с Алексеевым была достигнута во время очередного заседания Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников, которое состоялось во вторник 10 (22) апреля 1879 г.

[2] Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, секретарем которого в 1870-е гг. был Тургенев. Об Алексееве как члене этого Общества и его знакомстве с Тургеневым см.: *Буданова Н.Ф.* Забытый адресат Тургенева // *Т сб.* Вып. 1. С. 323—326, а также в воспоминаниях Алексеева: Звезда. 1903. 15 января. № 5. С. 58—71.

5341. Редактору "L'Indépendance Belge" (с. 118 и 217)

Печатается по факсимиле: *Fiszman S.* Ivan Turgenev's Unknown Letter and His Stay in Russia in 1879 // Slavic Review. 1981. Vol. 40. № 1. P. 78. Подлинник хранится в Lilly Library Университета Индианы (США), куда поступил в составе коллекции историка Уильяма Э.Д. Аллена (Allen).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Fiszman S.* Ivan Turgenev's Unknown Letter and His Stay in Russia in 1879 // Slavic Review. 1981. Vol. 40. № 1. P. 77.

Адресат устанавливается на основании пояснительной записки, приложенной к письму, что подтверждается его содержанием: Шарль Тардье, знакомый семьи Виардо, являлся соредактором газеты "L'Indépendance Belge", к нему и обращается Тургенев.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] К письму приложена вырезка из номера "Le Temps" за 26 апреля н. ст. 1879 г. (№ 6579. P. 4). См. ее текст в письме 5338.

[2] В "L'Indépendance Belge" заметка из "Le Soleil" была перепечатана 26 апреля н. ст. 1879 г. (№ 116. P. 2): «Из Берлина

22 апреля пришло сообщение в "Soleil", что в России идут массовые аресты и высылки. Среди жертв последних мероприятий называют известного писателя г. Ивана Тургенева, которого недавно так горячо чествовали в Санкт-Петербурге и в Москве. Полицию, кажется, задели восторженные манифестации со стороны учащейся молодежи, предметом которых стал знаменитый писатель, и он получил грубый приказ покинуть границы отечества. "Soleil" отмечает, что Тургенев имеет французское гражданство. Это замечательный писатель, изобретший, как известно, слово "нигилизм", которым с тех пор называют всевозможные революционные кружки». Соответствующее опровержение было напечатано в газете 29 апреля н. ст. 1879 г. (№ 119. P. 3): «Несколько дней назад мы сообщали, что согласно парижской газете "Soleil", знаменитый писатель г. Иван Тургенев, вследствие манифестаций в его честь, организованных молодежью Москвы и Санкт-Петербурга, будто бы выслан из страны. Г-н Иван Тургенев просит нас опровергнуть это известие, которое не имеет под собой никаких оснований. Русское правительство не предпринимало никаких строгих мер против г. Тургенева».

5342. А.Н. Тургеневу (с. 118 и 218)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 4710. Л. 77.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 253, с предположительной датой: после 1875 г. В *ПССиП(1). Письма* напечатано с датой: апрель — 20 мая (1 июня) 1879 г. (Т. XII. Кн. 2. № 4859).

Датируется предположительно, по содержанию, указанному дню недели и связи с письмами к А.Н. Тургеневу (№ 5354, 5355), относящимися к этому периоду и касающимися покупки писателем лошади. Тургенев занимался этим вопросом между 11 (23) апреля (см. примеч. 1 к наст. письму) и 29 апреля (11 мая) 1879 г., когда было принято окончательное решение о приобретении лошади у некоего Юбло. Таким образом, письмо было написано в одно из воскресений, выпадавших на 15 (27) апреля и 22 апреля (4 мая) 1879 г. Однако вторая дата исключается, так как 22 апреля (4 мая) Тургенев отправился в Круассе к Г. Флоберу. Дату 15 (27) апреля 1879 г. подтверждает также дневник Ф.Н. Тургеневой, которая записала на следующий день, 16 (28) апреля 1879 г.: "Иван пишет (поскольку письмо Тургенева написано вечером в воскресенье, то получено оно было утром в понедельник. — *Ред.*), Альбер отправляется к нему, затем к Юбло (продавец лошади. — *Ред.*), затем к Сансону" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 55 об. Подлинник по-франц.).

[1] Парафразируя девиз ордена иезуитов "ad majorem Dei gloriam" ("к вящей славе Божией"), Тургенев надеется на успешные испытания лошади, с приобретением которой писателю

оказывали содействие братья А.Н. и П.Н. Тургеневы. Самое раннее упоминание о том, что Тургенев подыскивал себе лошадь, содержится в дневнике Ф.Н. Тургеневой, записавшей 11 (23) апреля 1879 г.: "Альбер и Пьер вых⟨одят⟩ на мгновенье посмотреть лошадь для Ивана, они бегут, что очень нас веселит" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 53 об. Подлинник по-франц.). По всей видимости, о грядущем испытании этой лошади А.Н. Тургеневым и идет речь в наст. письме. Ср. также письма 5354, 5355 и примеч. к ним.

[2] Очевидно, этот обед не состоялся из-за болезни А.Н. Тургенева. См. запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 56.

5343. А.А. Трубецкой (с. 119 и 218)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в частном собрании Дины Виерни (Париж). Почтовые штемпели: 1) 28 avril 79, Paris; 2) 29 (?) avril 79, Fontainebleau Seine-et-Marne.

Впервые опубликовано во французском оригинале: *T. Nouv corr inéd*. Т. 1. P. 337—338.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Тургенев отвечает на неизвестное письмо А.А. Трубецкой, в котором она, очевидно, настоятельно просила рассказать о результатах его поездки в Россию.

[2] Сначала Тургенев собирался написать открытое письмо в "Вестник Европы" и изложить свои впечатления от пребывания в Москве и Петербурге в феврале — марте 1879 г., однако потом решил написать отдельную брошюру с изложением своих размышлений по поводу прошедших в обеих столицах торжеств в его честь и общественно-политической ситуации в стране (см. письмо 5316 и примеч. 2 к нему). Об этом замысле он говорил и немецкому дипломату Х. Гогенлоэ, который зафиксировал их беседу в дневнике записью от 1 (13) апреля 1879 г. (см.: *ЛН.* Т. 76. С. 439, а также вступит. статью к Примечаниям в наст. томе), а также И.Я. Павловскому, упомянувшему об этом впоследствии в своих воспоминаниях (см. примеч. 12 к письму 5326).

[3] "Смутным временем" (или "Смутой") принято называть период с 1584 г. (воцарение сына Ивана Грозного Федора Иоанновича) по 1613 г. (избрание на царство Михаила Федоровича Романова), сопровождавшийся ожесточенной борьбой за власть, появлением самозванцев, иноземными нашествиями. В разговоре с Х. Гогенлоэ Тургенев подробно изложил свою точку зрения на происходящее в России: с одной стороны мыслящая часть общества, ожидающая конституции, с другой — нетерпеливая молодежь, жаждущая немедленных перемен, с третьей — правительство

и царь, медлящие с продолжением реформ. Все вместе создавало напряженную атмосферу, готовую взорваться в любую минуту (см.: *ЛН.* Т. 76. С. 437—439). Призывая молодежь к умеренности, протягивая ей руку от лица поколения 1840-х гг., Тургенев надеялся внести свою лепту в умиротворение взрывоопасной ситуации, однако прозвучавший 2 апреля ст. ст. 1879 г., вскоре после его отъезда, выстрел А.К. Соловьева положил конец либеральным надеждам.

[4] Во время пребывания в Москве и Петербурге Тургенев получал множество обращений, адресов, стихотворений и других подобных проявлений уважения и любви со стороны самых разных слоев общества и прежде всего со стороны учащейся молодежи. Каждое мероприятие, в котором он участвовал, широко освещалось и обсуждалось в газетах и журналах. Все эти материалы писатель собирал и привез в Париж. Он познакомил с ними П.Л. Лаврова, который использовал эти документы в своих политических статьях (см. примеч. 1 к письму 5318).

[5] См. примеч. 3 к письму 5339.

[6] См. примеч. 4 к письму 5339.

[7] См. письмо 5289 и примеч. 2 к нему.

[8] Об этом написала Тургеневу сама К. Шамро (см. письмо 5289). Жорж Шамро был избран помощником мэра в 6-м округе Парижа, о чем сообщалось в газетах (см.: Journal des Débats. 1879. 2 mars. P. 2; XIXe siècle. 1879. 3 mars. № 2630. P. 2 и др.).

[9] Ближайшая поездка Тургенева в Фонтенбло к княгине Трубецкой состоялась 21 мая (2 июня) 1879 г. (см.: *ЛН.* Т. 76. С. 396).

[10] Имеется в виду компаньонка Трубецкой Марианна Турнер.

5344. Эдмону де Гонкуру (с. 120 и 219)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 22477. F. 80.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 703; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 66.

Датируется на следующих основаниях. В субботу 14 (26) апреля 1879 г. Тургенев сообщил Флоберу о намерении друзей посетить его 4 мая н. ст. (см. письмо 5339 и примеч. 1 к нему). Флобер ответил, что предпочитает увидеться сначала с одним Тургеневым (см. письмо Флобера к Тургеневу от 27 апреля н. ст. 1879 г.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 620). После этого в ближайшую среду и было написано данное письмо к Гонкуру. О намеченном визите Тургенева сообщил Гонкуру также и Флобер в письме от 1 мая н. ст. 1879 г. (см.: Ibid. P. 625). В первой публикации М. Горлина письмо ошибочно датировано 7 мая н. ст. 1879 г.

[1] 24 апреля н. ст. 1879 г. Золя собрал друзей (Э. Гонкура, Тургенева и А. Доде) на традиционный обед (так называемые “обеды пяти", в число которых входил Г. Флобер), где было решено

нанести коллективный визит к Флоберу в Круассе, о чем Тургенев сообщил в письме от 14 (26) апреля 1879 г. Однако Флобер отказался от этого визита (см. письмо 5339 и примеч. к нему).

[2] Эти письма к Золя и Доде остаются неизвестными.

[3] Тургенев приехал к Флоберу в воскресенье 4 мая н. ст. 1879 г. и пробыл у него два дня.

5345. А.Н. Луканиной (с. 120)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 20. Л. 7; конверт — л. 9. Почтовые штемпели: 1) 2 mai 79, Montmartre, Paris; 2) 2 mai 79, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 67.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Тургенев вызвал Луканину, чтобы поручить ей перевод очерка И.Я. Павловского "В одиночном заключении". После встречи, состоявшейся на следующий день, 3 мая н. ст. 1879 г., Луканина записала в своем дневнике: «Сегодня я пошла к Ивану Сергеевичу по его зову. Я застала у него П⟨авловско⟩го, с которым Иван Сергеевич и познакомил меня, прося меня взяться за перевод на французский язык статьи его "В одиночном заключении". Я взялась ⟨...⟩» (*СВ.* 1887. № 3. С. 62; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 209). Переводя очерк, Луканина столкнулась с необходимостью внести некоторые стилистические поправки, за помощью в согласовании которых 27 мая н. ст. 1879 г. обратилась к Тургеневу, обосновав свою просьбу следующим образом: "Я высказала Ивану Сергеевичу, что слышала от вполне заслуживающих доверия людей, что П⟨авловс⟩кий в высшей степени самолюбив, и что я поэтому боюсь, чтобы не вышло у нас с ним каких-нибудь неприятностей. Иван Сергеевич успокоил меня, говоря, что устроит все к лучшему" (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 63; *Т в восп совр.* Т. 2. С. 210). Как видно из писем к Павловскому за октябрь — ноябрь 1879 г., писатель действительно держал корректуры его очерка в "Le Temps". Этот перевод под названием "En cellule. Impressions d'un nihiliste", с сопроводительным письмом Тургенева, был напечатан в "Le Temps" с 12 по 25 ноября н. ст. 1879 г. См. письмо к редактору "Le Temps" от 5 (17) октября 1879 г. и примеч. к нему — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1. Кроме того, во время встречи 3 мая н. ст. Луканина обсуждала с Тургеневым вопрос о публикации в "Le Temps" при посредстве Ж. Этцеля французского перевода своего рассказа "Любушка" (см. письмо 5346 и примеч. 2 к нему), а также организацию литературного утра в пользу русской библиотеки в Париже (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 62—63; *Т в восп совр.* Т. 2. С. 209—210).

5346. Жюлю Этцелю (с. 121 и 220)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 67—68.

Датируется на следующих основаниях. Тургенев просил Этцеля помочь в деле публикации перевода рассказа А.Н. Луканиной "Любушка" (см. письмо 5188, примеч. 2, 3 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1). Луканина позднее вспоминала: «*29-го апреля 1879 года.* ⟨...⟩ Иван Сергеевич вернулся (из России. — *Ред.*). ⟨...⟩ За это время я перевела "Любушку" и снесла ее к Гетцелю, который обещал похлопотать о помещении ее в "Temps" и хотел съездить к Ивану Сергеевичу по этому поводу. ⟨...⟩ *3 мая 1879 г.* Сегодня я пошла к Ивану Сергеевичу по его зову. ⟨...⟩ Иван Сергеевич сказал мне, что Гетцель был у него и заявил, что для помещения "Любушки" нужно письмо Ивана Сергеевича к нему, Гетцелю, с рекомендациею. Он же тогда пойдет с этим письмом в редакцию "Temps". Так все и сделали» (*СВ.* 1887. № 3. С. 60—62). Очевидно, именно во время визита Этцеля, состоявшегося между 29 апреля и 3 мая н. ст., в пятницу, т.е. 20 апреля (2 мая) 1879 г., и было написано (умышленно без даты) публикуемое письмо-рекомендация.

[1] По-видимому, Тургенев имеет в виду интерес к русским делам в связи с покушением А.К. Соловьева на Александра II (2 апреля ст. ст. 1879 г.). В связи с этим Э. Золя даже обратился к писателю с просьбой указать на человека, который мог бы написать для "Le Figaro" статью о русских нигилистах (см. письмо 5330 и примеч. 2 к нему).

[2] Несмотря на старания Тургенева и Этцеля, перевод "Любушки" так и не был напечатан. После долгих переговоров редактор газеты "Le Temps" Эбрар возвратил рукопись по требованию Тургенева в январе 1881 г. О переводе "Любушки" и хлопотах Тургенева см. письмо к Шарлю Эдмону от 3 (15) января 1880 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1; см. также: *СВ.* 1887. № 3. С. 55, 60, 62—63, 69—71, 73, 74, 76.

5347. Л.Я. Стечькиной (с. 121)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 57—59.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 24—25.

В дате письма ошибка: 2 мая н. ст. соответствует не 21, а 20 апреля ст. ст.; именно этот день, 20 апреля (2 мая) 1879 г., приходился на пятницу, которой помечено письмо.

Стр. 122. но это несвоевременно (*франц.*).

Стр. 122. "объективным" (*нем.*).

[1] Это письмо Стечькиной к Тургеневу неизвестно. В нем она, по всей видимости, просила совета в том, как лучше вести переговоры с редактором "Вестника Европы", настаивавшим, чтобы печатать ее роман "Варенька Ульмина" под псевдонимом, а также на сокращениях. См. письма 5297, примеч. 4—6, 5319, примеч. 1, 2.

[2] Это письмо Стечькиной к М.М. Стасюлевичу неизвестно.

[3] Данное письмо Стечькиной к Стасюлевичу также неизвестно, однако она последовала совету Тургенева: роман вышел в "Вестнике Европы" за подписью "Л. Я. С." (1879. № 11, 12). См. также примеч. 4 к письму 5297.

[4] Это письмо Н.Я. Стечькина к Тургеневу неизвестно.

[5] Тургенев послал Стечькиной из России две свои фотографии: в письмах от 14 (26) марта и 20 марта (1 апреля) 1879 г. (№ 5297, 5310). В данном случае речь, очевидно, идет о втором снимке, выполненном, скорее всего, в ателье К. Шапиро (см. примеч. 1 к письму 5310).

[6] Имеется в виду ужесточение внутренней политики в России после покушения на Александра II. Ср. письма к другим корреспондентам 5327, 5337, 5349.

5348. Н.А. Щепкину (с. 123)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 38.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 69.
О неточности в дате письма см. примеч. к письму 5347.

[1] См. письмо 5313 и примеч. 1 к нему. Деньги требовались для оформления подписки на газеты и журналы, в том числе "Петербургский листок", "Русский архив", "Русская старина" и др. (см. письмо 5376).

[2] Это письмо А.В. Топорова к Тургеневу неизвестно. См. также письмо 5349.

5349. А.В. Топорову (с. 123)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 15.
Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 282.
О неточности в дате письма см. примеч. к письму 5347.

[1] Это письмо Топорова к Тургеневу неизвестно (так же, как и ответ на него Тургенева).

[2] См. письмо 5320 со списком комиссий для Топорова.

[3] См. письмо 5348.

[4] 13 (25) апреля 1879 г. петербургские газеты сообщали: «Предполагавшееся 14 апреля, в субботу, представление, на сцене

Собрания художников, драмы "Как поживешь, так и прослывешь", не может состояться вследствие болезни М.Г. Савиной» (см.: *Н Вр.* № 1120. С. 3; *СПб Вед.* № 100. С. 2).

[5] См. примеч. 6 к письму 5347.

[6] В Буживаль писатель выехал позднее, чем намеревался первоначально, — 31 мая (12 июня) 1879 г.

5350. Эдмону де Гонкуру (с. 124 и 220)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 22477. F. 81.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 704; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 70.

Датируется ближайшей средой после посещения Тургеневым Флобера в Круассе 4—6 мая н. ст. 1879 г. (ср. письмо 5344 и примеч. к нему). В первой русской публикации М. Горлиным (*ЛН*) письмо ошибочно датировано 14 мая н. ст. 1879 г.

[1] Речь идет о романе "Les frères Zemganno" ("Братья Земганно"), который вышел в свет в конце апреля 1879 г. В трогательной и одновременно трагической истории двух братьев-акробатов, достигших высочайшего мастерства и вынужденных, вследствие стечения обстоятельств, бросить любимое дело, отразились переживания Э. Гонкура, связанные со смертью в 1870 г. его горячо любимого брата Жюля. При написании книги Гонкур обращался к Тургеневу за советами (см. письмо 5136 и примеч. к нему — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1). Современная критика отнеслась к этой книге довольно сурово. "На этот раз я надеялся, что особый характер моей книги и самая моя старость обезоружат критику. Но нет, разнос идет по всей линии ⟨...⟩", — записал Гонкур в своем дневнике 18 мая н. ст. 1879 г. (*Гонкур. Дневник.* Т. 2. С. 269; см. также: *Goncourt. Journal.* Vol. 3. P. 20). Однако друзья Гонкура, в частности Флобер, оценили роман высоко. "Я *в восторге* от вашей книжицы, — писал Флобер 1 мая н. ст. 1879 г. — ⟨...⟩ В некоторых местах я чуть не плакал ⟨...⟩ Никто, думаю, лучше меня не понимает всей *подоплеки* этой книги. Сделана она крепко, стремительно, живописно, очень артистично и, слава богу, без всяких художественных штук" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 236; см. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 624). Роману было предпослано предисловие, в котором автор недвусмысленно критиковал "научную" платформу натурализма и таким образом выступал против его главного идеолога Золя. Предисловие начиналось следующим пассажем: «Можно публиковать такие произведения, как "Западня" и "Жермини Ласерте", и волновать, и возмущать, и восхищать ими часть публики. Да! но для меня успех подобных книг всего лишь блестящие победы авангарда, а великая битва, которая принесет решающую победу реализму, натурализму, *изучению с натуры* в литературе, будет одержана не

на той почве, которую избрали авторы этих двух романов. В тот день, когда беспощадный анализ, привнесенный моим другом г. Золя, а может быть и мною самим в изображение низов общества, будет применен неким талантливым писателем при изображении мужчин и женщин светского общества, среды образованной и утонченной, — лишь тогда классицизм и его охвостье будут разбиты наголову» (*Goncourt E. de.* Les frères Zemganno. Paris, 1879. P. VII—VIII). Выдвигая этот тезис, Гонкур вставал на защиту подлинного реализма (хотя и называл это слово "глупым" — "le mot bête"), который призван изображать не только низкое, отвратительное, то, что дурно пахнет, но и "*художественным* образом" ("de l'écriture *artiste*") живописать возвышенное, красивое, благоухающее. Иными словами, реалистический метод, основывающийся на тщательном изучении натуры, должен быть применен к другим темам. Свой новый роман Гонкур отнес к "попытке изобразить поэтическую реальность" ("une réalité poétique") (Ibid. P. XI), что должно было особенно прийтись по душе Тургеневу, неоднократно выражавшему неприятие некоторых приемов Золя и вообще "новой школы" французского натурализма. Что касается Золя, то он отреагировал на предисловие Гонкура немедленно. Уже на следующий день после получения романа, 1 мая н. ст. 1879 г., он писал: «Кончаю "Братьев Земганно" и пишу вам, чтобы вас поздравить: это одна из ваших лучших книг. / Но, по зрелом размышлении, я глубоко сожалею, что вы написали такое предисловие. Как-то вечером вы мне сказали, что кое-кто прилагает много усилий, чтобы посеять раздор в нашей маленькой группе. И вот посмотрите, что начинает говорить пресса о вашем предисловии: его суют под нос любящей вас молодежи, вас обвиняют в том, что вы от нее отрекаетесь в ту самую минуту, когда ей требуется ваша мощная поддержка. Меня это очень огорчает. / Я собираюсь ответить на ваше предисловие, выразив все свое восхищение вами, но пытаясь в то же время осветить некоторые пункты, которые вы, мне кажется, оставили в тени» (*Золя.* Т. 26. С. 536—537; см. также: *Zola. Corr.* Т. 3. P. 322). На следующий день он уже сообщал Гонкуру о завершении статьи "Братья Земганно", первая часть которой была целиком посвящена предисловию Гонкура и напечатана в номере от 6 мая н. ст. газеты "Le Voltaire". Здесь Золя, стараясь не испортить отношений с Гонкуром, попытался использовать некоторые его уязвимые тезисы (например, об исчерпанности темы изображения низов общества) и показать, что ни предисловие, ни сам роман ни в коем случае не означали разрыва Гонкура с натурализмом (см.: *Золя.* Т. 24. С. 430—438). Флобер счел предисловие к роману излишним, считая публику недостойной откровенности писателя (см.: *Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 237, а также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 625). Отношение Тургенева к творчеству Гонкуров, как и в целом к доктрине натурализма, представленной многочисленными статьями Э. Золя, было противоречиво, однако в романе "Братья Земганно", как

и в предисловии к нему, он мог усмотреть некоторый отход Э. Гонкура от принципов, исповедовавшихся Золя. Полемика между Гонкуром и Золя продолжилась впоследствии (см.: *Zola. Corr.* T. 3. P. 324, note 4).

[2] См. письма 5339, 5344 и примеч. 3 к нему.

[3] Во время пребывания Тургенева в Круассе Флобер прочел ему три главы (V, VI и VII) из неоконченного романа "Бувар и Пекюше" ("Bouvard et Pécuchet"). Ср. письмо 5351. Очевидно, Тургенев делился с Флобером своими впечатлениями от поездки в Россию и от ситуации, сложившейся после покушения 2 (14) апреля на Александра II. 11 мая н. ст. Флобер сообщал принцессе Матильде, что нашел Тургенева удрученным "тем, что делается в его стране. Наша еще не докатилась до такого состояния" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 238; см. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 633).

[4] Перенесший 25 января н. ст. 1879 г. перелом ноги (см. примеч. 1 к письму 5236), Флобер долго не мог оправиться, в Париж он приехал лишь 1 июня н. ст. 1879 г. В письме к племяннице К. Комманвиль от 6 мая н. ст. 1879 г. он еще жаловался на боль в ноге (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 627).

5351. Гюставу Флоберу (с. 124 и 221)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 184. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 157—158; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 10. С. 73—74.

Датируется по связи с письмом 5350.

[1] Очевидно, Тургенев угостил Флобера консервированными шпротами, привезенными из России, и обещал заказать еще. Уже на следующий день, 8 мая н. ст., Флобер, получивший "шведскую рыбу", писал: «Вчера я получил обе банки, мой дорогой старина. Одна уже наполовину опустошена. Спасибо за подарок. Но еще большее спасибо за те тридцать шесть часов, что вы провели со мной. Ваш отъезд очень опечалил меня. "Все не ладится". Я чувствую себя глубоко подавленным. Слишком мало в моей жизни осталось приятного. Что до моей книжицы ("Бувар и Пекюше". — *Ред.*), она угнетает меня. Результат, каким бы он ни был, не покроет усилий» (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 628).

[2] О каких книгах упоминает Тургенев — неизвестно. По-видимому, их просил прислать Флобер в связи с работой над следующей главой романа "Бувар и Пекюше", посвященной философии. Можно предположить, что, обсуждая в Круассе будущую главу, Тургенев посоветовал Флоберу почитать Шопенгауэра, философа, которого он высоко ценил. В письме к Э. Роже де

Женетт от 13 июня н. ст. 1879 г. Флобер сообщал, что читает Шопенгауэра: "Идеалист и пессимист, а вернее сказать, буддист. Это мне подходит" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 239. См. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 659).

[3] 6 мая н. ст. 1879 г., проводив Тургенева, Флобер писал племяннице: "Уехавший утром московит обещал мне завтра между четырьмя и шестью часами навестить тебя, чтобы сообщить новости обо мне. — Они не слишком хороши. — Нет! Дело не ладится! Не ладится! я слишком опечален. Что бы я ни делал, меня душит меланхолия. Необходимость постоянно напрягаться истощает меня. Коротко говоря, я сыт по горло существованием. Вот в чем правда" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 626).

[4] Тургеневу меньше понравилась глава V, посвященная литературе и эстетике, и больше главы VI и VII, посвященные политике и любви. См. также письмо 5350.

[5] Имеется в виду подготовка первого стереотипного издания "Записок охотника" вышедшего у М.М. Стасюлевича (1879), и 10-томного собрания Сочинений в издательстве Ф.И. Салаева, которое начало выходить в конце года и было завершено в 1880 г.

5352. Альфонсу Доде (с. 125 и 221)

Печатается по факсимиле: *Cahiers.* № 15 (1991). P. 153. Подлинник хранится в частной коллекции.

Впервые опубликовано во французском оригинале А. Звигильским: *Cahiers.* № 15 (1991). P. 151.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Рекомендательное письмо к Доде Тургенев дал Х. Бойесену при встрече, которая состоялась, очевидно, в день написания письма, т.е. 7 мая н. ст. 1879 г. В свою очередь, Бойесен 8 мая н. ст. познакомил Тургенева с Марком Твеном, который в этот день записал в дневнике: "Заходил с Бойесеном к Тургеневу, пили чай из самовара" (Mark Twain's Notebooks and Journals. Berkeley, 1975. Vol. 2 (1877—1883). P. 308; цит. по: *Александров В.А.* "Я преклоняюсь перед ним...": Я. Бойесен об И.С. Тургеневе // Литературное обозрение. 1993. № 11/12. С. 15). Об отношениях Тургенева и Твена см.: *Александров В.* Марк Твен в России // *ВЛ.* 1985. № 10. С. 191—204. Познакомившись с творчеством Тургенева в начале 1870-х гг., Бойесен стал горячим его почитателем и пропагандистом, перевел несколько его произведений и содействовал их напечатанию в американских журналах. Тургенев высоко ценил дружбу с Бойесеном, охотно и откровенно беседовал с ним при встречах, первая из которых состоялась в 1873 г., и познакомил с французскими писателями — В. Гюго, Э. Золя, Э. Ренаном и др. (см., например, письмо 5361). См. также примеч. 1 к письму 4567 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2.

[2] Встреча Х. Бойесена и Доде, без сомнения, состоялась, о чем свидетельствует сохранившаяся записка Доде к Тургеневу: "Мой дорогой друг, есть ли у вас, можете ли вы прислать мне как можно скорее нью-йоркский адрес г. Бойесена? Я потерял его визитную карточку. / Сердечно ваш. / Альфонс Доде. / Улица Вогезов, 18" (см.: *Cahiers*. № 14 (1990). P. 128. Публ. А. Звигильского. Подлинник в Гарварде: MS Mus 232 (19)). В публикации письмо Доде условно датировано 1879 г., однако можно с большой долей уверенности предположить, что оно относится к маю 1879 г.

5353. Редактору "Le Globe" (с. 125 и 222)

Печатается по тексту первой публикации: Globe. 1879. 9 mai. P. 2, где письмо было помещено под заглавием: «Correspondance au directeur du "Globe"» («Письмо к редактору "Le Globe"»). В 1879 г. редактором "Le Globe", основанной в конце 1871 г., был Гюстав Эйрес (Eyrès). Возможно, письмо в газету было переслано Тургеневым при посредстве Э. Золя, сотрудничавшего в "Le Globe". Подлинник неизвестен.

Вновь опубликовано П. Уоддингтоном: More Turgenev gleanings // *N Z Sl J*. 1988. Part 2. P. 85.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Указанная заметка в "Le Globe" была напечатана без подписи 8 мая н. ст. 1879 г. (P. 2) и повторяла текст заметок в "Le Soleil" и "L'Indépendance Belge" (см. примеч. 2 к письму 5341, а также: *N Z Sl J*. 1988. Part 2. P. 85).

[2] Аналогичные письма-опровержения были отправлены Тургеневым в газеты "Le Temps" и "L'Indépendance Belge" (см. письма 5338, 5341 и примеч. к ним). Они были вызваны распространившимися слухами о насильственном выдворении писателя из России, которые не были лишены оснований. Г.А. Лопатин, видевшийся несколько раз с писателем во время его пребывания в России весной 1879 г., вспоминал, что однажды застал его в гостинице собирающим вещи, и воспроизвел разговор с ним: « — Иван Сергеевич, да куда же вы? Вы же хотели пожить здесь? А вечер в Дворянском собрании, на котором вас собираются еще чествовать? / — Нет, батюшка мой, оставаться больше не могу. Приезжал флигель-адъютант его величества с деликатнейшим вопросом: его величество интересуется знать, когда вы думаете, Иван Сергеевич, отбыть за границу? / — А на такой вопрос ⟨...⟩ может быть только один ответ: "сегодня или завтра", а затем собрать свои вещи и отправиться» (*Революционеры-семидесятники*. С. 128; *Т в восп совр.* Т. 1. С. 390). Эти сведения подтверждаются и другими источниками, например воспоминаниями Х. Бойесена, опубликованными впервые в нью-йоркском еженедельнике "Harper's Weekly" (1883. September 29. Vol. 27. № 1397.

P. 615). В русском переводе см.: *Бойесен Я.* Воспоминания о Тургеневе // *ВЛ.* 1981. № 6. С. 188—196. Пер. и публ. В.А. Александрова. Здесь высказано неверное предположение, что изложенная Бойесеном речь Тургенева на обеде в его честь неизвестна, в то время как это и была речь, произнесенная в Петербурге в ресторане Бореля 13 (25) марта 1879 г. и воспроизведенная несколькими газетами (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 338—339, а также письмо 5297 и примеч. 11 к нему). Бойесен встречался с Тургеневым в Париже вскоре по возвращении писателя из России и старательно фиксировал их беседы в дневнике, что делает его свидетельства вполне достоверными. Рассказывая об одном из своих последних публичных выступлений, Тургенев изложил суть своей речи, раскрыв ее внутренний посыл. "...Он имел мужество, — писал Бойесен, — высказать откровенно то, что было у него на сердце. Он призывал к спокойствию, пытался сдержать безудержный натиск революционеров и их доброжелателей, и тем не менее он прямо сказал, что в известной мере разделяет их надежды и сочувствует их конечной цели — уничтожению деспотизма. Положение России было до того плачевным, что трудно представлялось, может ли оно быть еще хуже" (*Бойесен Я.* Воспоминания о Тургеневе. С. 191). В воспоминаниях Бойесена содержится также указание, что на следующий день после этого обеда Тургенева посетил агент тайной полиции и пришло письмо от какого-то "высокого лица, советовавшего ему в самых учтивых выражениях уехать из России без дальнейшего промедления" (Там же).

[3] Возможно, подобное письмо в тот же день было послано Тургеневым в газету "Le Soleil", поскольку в "Новом времени" вскоре появилась следующая заметка: «Некоторые немецкие газеты усердно распространяют с некоторого времени слух, будто бы И.С. Тургенев был выслан из Петербурга административным порядком. Чтобы положить конец этим нелепым толкам, Иван Сергеевич обратился на днях с следующею запискою в парижскую газету "Soleil": "Среда, 7-го мая 1879 г. Милостивый государь! Покорнейше прошу вас исправить известие, заимствованное вашею уважаемою газетою из немецких газет. Меня из России не сослали, не выслали, и я надеюсь, что и впоследствии со мною ничего подобного не случится. Примите и т.д. Иван Тургенев"» (1879. 5 мая. № 1142. С. 3. Раздел "Хроника").

5354. А.Н. Тургеневу (с. 125 и 222)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4710. Л. 64.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 269—270.

Датируется предположительно, по возможной связи с письмами к А.Н. Тургеневу, относящимися к этому времени (см. письма 5355, 5365, а также записи в дневнике Ф.Н. Тургеневой:

ЛН. Т. 76. С. 395), а также на основании пометы "четверг" и упоминания о посещении представления Т. Ольдена, которые начали проходить в дневное время по четвергам с 26 апреля (8 мая) 1879 г. В *ПССиП(1). Письма* (Т. XII. Кн. 2. № 4828) опубликовано с датой: 19 апреля (1 мая) 1879 г.

[1] О каком экзамене молодого "ученика" идет речь — выяснить не удалось. Скорее всего, речь шла о лошади, которую хотел показать писателю А.Н. Тургенев. О том же идет речь в письме 5342.

[2] Со второй половины марта н. ст. 1879 г. знаменитый театр марионеток Томаса Ольдена с большим успехом гастролировал в Париже (см., например: Figaro. 1879. 19 mars. № 78. P. 6). Представления были столь популярны, что, начиная с 8 мая н. ст. 1879 г., их стали давать дополнительно по четвергам для детей (см.: Temps. 1879. 1 mai. № 6584. P. 4). На это представление и отправился, по-видимому, писатель вместе с семьей Полины Виардо, в том числе с четырехлетней дочерью Клоди Шамро — Жанной. В 1882 г. театр Ольдена приехал впервые на гастроли в Петербург. А.Н. Бенуа относил воспоминания о спектаклях Ольдена к "самым сильным впечатлениям театрального характера в детстве" (*Бенуа А.* Мои воспоминания: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 288).

[3] В дневнике Ф.Н. Тургеневой отмечено, что на следующий день, в пятницу 9 мая н. ст., писатель действительно нанес им визит: "boys (А.Н. и П.Н. Тургеневы. — *Ред.*) отправляются с Иваном; лошадь и Сансон" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 61. Ср.: *ЛН.* Т. 76. С. 395). Дневник Ф.Н. Тургеневой позволяет отчасти реконструировать дальнейшее развитие событий. Очевидно, Тургенев в целом остался доволен испытанием "ученика", так как следующим утром (10 мая н. ст.) известил А.Н. Тургенева, что "берет лошадь" (письмо неизвестно). Узнав об этом, А.Н. и П.Н. Тургеневы поспешили к продавцу (некоему Юбло) с подтверждением покупки, однако по возвращении обнаружили новое письмо от И.С. Тургенева, в котором тот просил уже "лошади не брать". В ответ А.Н. Тургенев настаивал, чтобы писатель сам сообщил Юбло об отказе. На следующий день, 11 мая н. ст. 1879 г., Тургенев все-таки принял решение о покупке лошади (см. письмо 5355). После этого 12 мая н. ст. А.Н. Тургенев отправился заказывать выбранную писателем коляску, о чем свидетельствует соответствующая запись в дневнике: "Альбер в 4 $^1/_2$ у Мишалона для Ивана". Коляска была получена Тургеневым 26 мая н. ст. 1879 г. (*ЛН.* Т. 76. С. 395).

5355. А.Н. Тургеневу (с. 126 и 223)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4710. Л. 65.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 270.

Датируется по сопоставлению содержания с дневниковыми записями Ф.Н. Тургеневой от 10 и 11 мая н. ст. 1879 г., из

которых явствует, что делами, связанными с приобретением лошадей, экипажа и т.п., Тургенев занимался весной 1879 г. (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 61 об., 62 об.; *ЛН.* Т. 76. С. 395). По-видимому, в последней записи ("Письмо от Ивана, который оставляет лошадь за собой") речь идет о комментируемом письме, тем более что день 11 мая н. ст. 1879 г. приходился на воскресенье, которым оно помечено, а записи в дневнике, следующие после 11 мая, свидетельствуют о хлопотах Альберта, которые можно поставить в связь с содержащимися в комментируемом письме просьбами (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 62 об., 65, 71; *ЛН.* Т. 76. С. 395—396).

[1] Об истории покупки лошади см. письмо 5354 и примеч. 3 к нему, а также письмо 5365. По воспоминаниям А.Н. Луканиной, которую писатель летом 1879 г. подвозил из Буживаля до станции, Тургенев впоследствии сожалел о покупке лошади, оказавшейся "старой и с одышкой" (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 67).

5356. И.Я. Павловскому (с. 126)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 3. Л. 19; конверт — л. 50. Почтовый штемпель: 12 mai 79, Montmartre, Paris. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T and Pavlovsky.* P. 48, с предположительной датой: 21 октября (2 ноября) 1879 г.

Датируется предположительно, по содержанию: контракт с наследниками Ф.И. Салаева на издание нового (четвертого) собрания сочинений, о котором идет речь в письме, был подписан Тургеневым через день — во вторник 1 (13) мая 1879 г. К нему прилагался подробный список с указанием перечня и порядка расположения статей по томам (см. № 42 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"). Для составления этого списка Тургеневу и потребовался срочно экземпляр третьего тома предыдущего салаевского издания (М., 1874), который на тот момент находился у В.С. Павловской. Ближайшее воскресенье перед заключением контракта выпадало на 29 апреля (11 мая) 1879 г.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] В третий том салаевского издания 1874 г. входили "Два приятеля", "Затишье", "Переписка", "Яков Пасынков", "Рудин", "Фауст" и "Поездка в Полесье". В новом издании третий том отводился уже исключительно романам (см. также примеч. 10 к письму 5334).

5357. Полине Брюэр (с. 127 и 223)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 400.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 72.

Датируется предположительно, по содержанию и связи с письмами 5322 и 5410.

[1] О долге М. Иннис см. также письма 5322 и 5410.

5358. М.М. Стасюлевичу (с. 127)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 235. В левом верхнем углу пометы чернилами рукой М.М. Стасюлевича: "6.V.79" — дата получения письма, "отв⟨ечал⟩ 6.V.79".

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 163—164.

[1] Имеются в виду сметы для первого стереотипного издания "Записок охотника", предпринятого Стасюлевичем. См. о нем примеч. 7 к письму 5299, а также письмо 5321 и примеч. 3 к нему.

[2] Эти письма Тургенева и Стасюлевича неизвестны.

[3] Речь идет о портретах Тургенева для первого стереотипного издания "Записок охотника" и нового (четвертого) салаевского собрания его сочинений: *Т. Соч (1880).* Портрет в стереотипном издании "Записок охотника" — гравюра на дереве И.И. Матюшина, оригиналом для которой послужила фотография писателя, сделанная А.И. Деньером в 1879 г.; в издании 1880 г. — изготовленный фотоглиптическим способом портрет Тургенева с фотографии А. Либера, снятой в Париже в 1879 г. (см. о ней примеч. 14 к письму 5334).

5359. Б.А. Чивилеву (с. 129)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 66. Л. 23; конверт — л. 24. Почтовый штемпель городской почты: 16 mai 79, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 365.

Датируется на основании почтового штемпеля и пометы "Пятница", содержащейся в тексте письма, а также по связи с письмом 5360.

[1] Как видно из последующих писем к Чивилеву, тот действительно в скором времени отправился в Швейцарию, но не с Трубецкими, а вместе с семьей супруги У.О. Гинцбурга (см. письма 5407, 5422, 5429), однако, судя по воспоминаниям Чивилева, его отъезд состоялся уже после 1 (13) июня 1879 г. (см.: *Рус Вед.* 1883. 11 октября. № 279. С. 1, а также примеч. 12 к письму 5407).

[2] Речь идет об уроках для А.Н. Луканиной (см. письмо 5360).

5360. А.Н. Луканиной (с. 129)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 20. Л. 10; конверт — л. 11. Почтовые штемпели: 1) 16 mai 79, Montmartre, Paris; 2) 16 mai 79, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 364—365.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Имеется в виду письмо 5359.
[2] Речь идет о приискании уроков для Луканиной и о возможности ее возвращения в Россию.

5361. Виктору Гюго (с. 130 и 223)

Печатается по тексту первой публикации (во французском оригинале): Revue des études slaves. 1951. T. 27. P. 243—244. Подлинник хранится в Музее Виктора Гюго (Франция).

В русском переводе впервые опубликовано: *ПССиП(1). Соч.* Т. XII. Кн. 2. С. 354.

[1] Статья Бойесена была заказана ему журналом "Scribner's Monthly", который до 1879 г. издавался Джоном Скрибнером (ранее поместившим несколько переводов из Тургенева и статью Бойесена о нем), и вышла в декабре 1879 г. под заглавием "Two Visits to Victor Hugo" ("Два визита к Виктору Гюго") (Vol. 19. Issue 2. P. 184—193). В ней был помещен гравированный портрет Гюго, выполненный по фотографии с его последнего портрета работы Л. Бонна (1879). С юмором рассказывая историю своего знакомства с Гюго, Бойесен упомянул и о роли Тургенева: «Прошлым апрелем (имеется в виду апрель н. ст. 1879 г. — *Ред.*) я сидел однажды вечером в библиотеке Тургенева в Париже, обсуждая с ним удручающее положение России, а также безрассудство и хладнокровную жестокость, проявленные правительством в преследовании нигилистов. За несколько дней до того Тургенев вернулся из Петербурга, и в его отсутствие Париж для меня сильно опустел. / "Надеюсь, вы не забудете, — сказал он, когда я собрался уходить, — что я всегда в вашем распоряжении. Я знаком с большинством литературных знаменитостей Парижа и буду очень рад представить вас лично или снабдить рекомендательными письмами. Не сомневаюсь, к примеру, что вам бы доставило много удовольствия знакомство с Альфонсом Доде, который в личной беседе столь же очарователен, сколь и в своих романах. Если же вы ярый импрессионист, вам, возможно, захочется воскурить фимиам Золя, который, хоть и грешит периодически против вкуса, без сомнения является человеком, с которым стоит познакомиться. Виктор Гюго недавно отсюда переехал, и я не знаю его нынешний адрес; но если вы непременно хотите нанести ему визит, могу заранее уверить вас, что вас примут с большой любезностью и доброжелательностью. Я буду рад вас представить"». "Около недели спустя", как следует из дальнейшего изложения, Бойесен получил "восхитительную" ("a very delightful") записку Тургенева (неизвестна) вместе с настоящим письмом к Гюго, которым поспешил воспользоваться. Довольно подробно

Бойесен описал само появление Гюго в день визита к нему на авеню Эйло: «Он (Гюго. — *Ред.*) протянул мне руку, но смотрел несколько вопросительно, проговорив: "Monsieur — Monsieur l'ami de M. Tourguéneff? (Господин — господин друг г. Тургенева? — *франц.*)". Очевидно, он забыл мое имя и не хотел справляться в письме в моем присутствии. "Друзьям г. Тургенева, — добавил он более сердечно, — здесь всегда рады"». Далее последовало знакомство со всеми присутствующими, причем Бойесен не преминул упомянуть, что он так и остался для всех "господином другом г. Тургенева". Находившаяся среди гостей невестка Гюго, вдова его сына, Алиса Локруа оказалась, по словам Бойесена, «горячей почитательницей Тургенева, которого она называла "le Victor Hugo de la Russie" ("русским Виктором Гюго" — *франц.*)». «Мне страстно хотелось возразить на это и сформулировать свои возражения, — тут же заметил Бойесен, — но я сдержался. Суровая реалистичная мощь Тургенева для меня была гораздо более значима, нежели фантастическое и капризное богатство воображения, которое отличает автора "Les Misérables" и "Notre Dame de Paris". Такое еретическое суждение, однако, я вряд ли мог высказать госпоже Локруа, и я, соответственно, удовольствовался ответом, что Тургенев является *facile princeps* (наиболее выдающимся — *лат.*) в России, как Виктор Гюго во Франции» (см.: Ibid. P. 185, 187).

[2] Гернсей — английский остров в проливе Ла-Манш в 48 км от французского побережья, в главном городе которого — Сент-Питер-Порт — В. Гюго провел большую часть своего политического изгнания в период Второй империи. Во время второго визита к Гюго, который состоялся, по словам Бойесена, три недели спустя, перед его отъездом из Парижа, писатель вернул ему свой гравированный портрет с автографом, который Бойесен оставил в прошлый визит. Тогда же Гюго пояснил, что вряд ли фотографии его нынешнего кабинета заинтересуют читателей, поскольку "этот дом новый и ни в коей мере не связан с моей внутренней жизнью". Напротив, дом на Гернсее, по словам Гюго, "мог вобрать в себя частичку моей личности и воплощает многие мои излюбленные идеи". Писатель указал на серию гравюр, изображавших его кабинет, прихожую, красный салон и т.д., которая была опубликована несколько лет назад и которую еще можно было найти (Scribner's Monthly. 1879. December. Vol. 19. Issue 2. P. 192).

[3] Аналогичные письма-рекомендации для Бойесена Тургенев адресовал также Э. Ренану (см. письмо 5389) и А. Доде (см. письмо 5352 и примеч. 1 к нему). О знакомстве Бойесена с Гюго упоминает и Марк Твен, остановившийся с Бойесеном в одном отеле и познакомившийся благодаря ему с Тургеневым: "Бойесен был также у Ренана и Виктора Гюго и хорошо провел время с обоими стариканами, но я не пошел с ним — мой французский недостаточно беглый" (см.: The Letters of Mark Twain and Joseph Hopkins

Twichell. Athens (Georgia, USA), 2017. P. 91. Подлинник по-англ. Письмо от 10 июня н. ст. 1879 г.).

5362. И.Я. Павловскому (с. 130)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 3. Л. 20; конверт — л. 50. Почтовый штемпель: 16 mai 79, R. Milton, Paris. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T and Pavlovsky.* P. 48—49.

Датируется по связи с рекомендательными письмами для В.С. Павловской (см. № 43, 44 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"), указанному дню недели и почтовому штемпелю на конверте.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] "Аттестат" понадобился жене Павловского, поскольку семья Павловских, у которых было двое маленьких детей, находилась в весьма стесненных условиях и нуждалась в любом приработке. Не исключено, что Тургенев пообещал составить его во время визита к нему Павловского. Этот визит 3 мая н. ст. 1879 г. зафиксирован в дневнике А.Н. Луканиной (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 62; *Т в восп совр.* Т. 2. С. 209).

[2] Необходимость в рекомендательном письме на французском языке действительно возникла. Соответствующий "аттестат" Тургенев отправил 9 (21) мая 1879 г. (см. № 44 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги").

[3] Имеется в виду А.Я. Павловский.

5363. Ректору Киевского университета (с. 131)

Печатается по подлиннику: Государственный архив города Киева. Ф. 16. Оп. 318. № 60. Л. 12. В верхней части листа помета: "Доложено Совету 18 мая 1879 года".

Впервые опубликовано (неполностью): Университетские известия. Киев, 1879. № 9. Ч. 1. С. 4—5. Ректором Киевского университета в это время был Н.Х. Бунге.

В *ПССиП(1)* включено в состав Сочинений (Т. XV. С. 64—65).

Стр. 131. Кто жил для лучших людей своего времени,
Тот жил для всех времен! (*нем.*).

[1] Упомянутые в письме копия и диплом, присланные Тургеневу Университетом св. Владимира в Киеве, неизвестны. Решение Совета Киевского университета об избрании Тургенева почетным членом университета было принято 23 марта ст. ст. 1879 г. Выступая с этим предложением, профессор Н.Н. Шиллер отметил: "Несколько дней тому назад представители мысли обеих метрополий нашего отечества с сердечным радушием приветствовали своего гостя И.С. *Тургенева*. Старшие и младшие поколения, люди

различных воззрений и убеждений дружественно соединились в стремлении отдать долг почета писателю, в произведениях которого русская жизнь получила такое правдивое и художественное выражение. Чествовался в лице писателя и гражданин, идеи которого воспитали несколько поколений в понятиях истины и правды, в чувствах добра и изящества. Чествовался и художник-писатель образованного мира, столь достойно представляющий духовные силы русской земли среди первоклассных талантов прочей Европы. / Не сомневаюсь поэтому, что я выражу мысль и симпатии, общие для всех членов Совета, когда позволю себе предложить им принять участие в этом празднике русского таланта избранием его в почетные члены нашего ученого учреждения. К этому предложению присоединились профессоры А.А. Котляревский, И.И. Рахманинов, Н.В. Бобрецкий, В.А. Субботин, В.Б. Томса, П.В. Павлов, К.А. Митюков и П.П. Алексеев" (Университетские известия. Киев, 1879. № 7. С. 6—7). Предложение было принято Советом единогласно. Письмо Тургенева было зачитано на заседании Совета Киевского университета 18 мая ст. ст. 1879 г. (см.: Там же. № 9. С. 4).

[2] О чествованиях писателя во время его пребывания в Москве и Петербурге подробнее см. во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе.

[3] Несколько измененная цитата из пролога к "Лагерю Валленштейна" Шиллера (ст. 48—49). У Шиллера: "Denn wer den Besten seiner Zeit genug / Getan, der hat gelebt für alle Zeiten". Ранее Тургенев уже цитировал эти строки Шиллера именно в таком виде. См.: наст. изд. Письма. Т. 5. № 1300 (к А.Н. Майкову); Т. 12. № 3273 (к Жорж Санд).

5364. А.Ф. Писемскому (с. 131)

Печатается по тексту первой публикации: Новь. 1886. № 23. С. 195. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо является ответом на письмо Писемского от 31 марта ст. ст. 1879 г., в котором он спрашивал Тургенева: «...виделись ли вы с В. Дерели, переводчиком моих романов, если же нет, то умоляю Вас повидаться с ним и разрешить ему те вопросы, котор⟨ые⟩ он поставил мне в письме своем касательно некоторых слов в "Взбала⟨мученном⟩ мор⟨е⟩"» (*Писемский.* С. 406—407). С аналогичным вопросом в тот же день Писемский обратился и к самому Виктору Дерели, работавшему тогда над переводом его романа: «Не знаю, виделись ли вы с Иваном Сергеевичем Турген⟨евым⟩ и написал ли он вам ответ на сделанные вами вопросы касательно выражений в моем "Взбаламученном море", и если не сделал еще того, так единственно потому что охвачен был с головы до ног овациями, которые делались ему в Москве и Петербурге; я же его более уже не видал, так как он

в Москву не возвращался и прямо из Петербурга уехал в Париж» (Там же. С. 406).

[2] Еще во время пребывания Тургенева в Москве в феврале — марте 1879 г. Писемский обратился к нему с просьбой помочь разъяснить Виктору Дерели некоторые "труднопонимаемые" слова в его романе "Взбаламученное море", список которых был ему прислан переводчиком, на что Тургенев охотно согласился, пообещав написать Дерели прямо из Москвы (см. письмо Писемского к Тургеневу от 3 (15) марта 1879 г. с парижским адресом Дерели: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 194). Тогда же, по предложению самого Тургенева, Писемский сообщил Дерели: "...когда Вы при дальнейшем вашем чтении или переводе моих сочинений будете встречать какие бы то ни было затруднения, то прямо обращайтесь к нему (Тургеневу. — *Ред.*), и он с великой охотой будет вам пояснять их. Живет он, как вы, конечно, знаете, постоянно в Париже и вот его адрес: Paris, 50 rue de Douai. Заставать вам его дома всего лучше будет по утрам. В Париж он полагает вернуться дней через двадцать" (*Писемский.* С. 404. Письмо от 3 (15) марта 1879 г.). В ответном письме от 10 (22) марта Дерели восторженно приветствовал возможность познакомиться с "выдающимся писателем, чей талант для меня не является тайной" (Там же. С. 768; цит. по: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 685, по указ.) Как видно из дальнейшей переписки Писемского и Дерели, Тургенев выполнил свое обещание и послал из России французскому переводчику список необходимых пояснений (письмо неизвестно, однако можно предположить, что оно было послано около 10 (22) марта 1879 г.). Более того, по возвращении в Париж он поспешил пригласить Дерели к себе (письмо неизвестно). "Я нанес ему визит в пятницу (по всей видимости, 18 апреля н. ст. 1879 г. — *Ред.*) и до сих пор нахожусь под обаянием ласкового приема, который был мне оказан, — замечал Дерели в письме к Писемскому от 12 (24) апреля 1879 г. — Смогу ли я достаточно благодарить Вас, Дорогой и Досточтимый мэтр, за знакомство с человеком, столь же утонченным, сколь и любезным: среди многого, чем я Вам обязан, это знакомство, конечно, не из числа последних. Г-н Тургенев предоставил себя в мое распоряжение и на будущее, и сделал это в выражениях, способных сломить ту естественную неловкость, которую я испытывал, отвлекая на свою работу время, которое этот выдающийся писатель мог бы употребить в интересах русской литературы. Излишне говорить Вам, насколько его ясное и аналитическое слово пришлось мне кстати. С моим поверхностным знанием русского языка, с моей стороны было большой дерзостью взяться самостоятельно за перевод столь сложного для иностранца автора, каковы суть все писатели, одаренные оригинальным талантом" (*Писемский.* С. 770—771). См. также письма Писемского к Дерели от 3 и 31 марта 1879 г. и ответные письма Дерели к нему: Там же. С. 404, 406, 768, 770.

[3] Оказать содействие в помещении перевода рассказа Писемского "Капитан Рухнев" "в дружественной ему газете" (по всей видимости, имелась в виду газета "Le Temps") Тургенев пообещал еще в Москве, о чем Писемский извещал В. Дерели 3 (15) марта 1879 г. (см.: *Писемский.* С. 404). Тем не менее выполнить это обещание оказалось не просто. В дальнейшем Дерели сам передал рукопись в "Le Figaro", с тем чтобы поместить рассказ в литературном прибавлении газеты, но из-за смерти ее редактора Ж-И.-О. Вильмессана (см. примеч. 1 к письму 5330) дело разладилось, после чего Дерели планировал обратиться в газету "Le Gaulois", "которая, как я полагаю, доходит до России" (Там же. С. 768), однако в итоге рассказ под заглавием " Le capitaine Roukhneff. Nouvelle" был им опубликован в парижской газете "Le Télégraphe" (1879. 25, 26, 27, 28 novembre).

[4] В Буживаль Тургенев смог уехать только 31 мая (12 июня) 1879 г.

[5] В это время Писемский работал над романом "Масоны", главу из которого в исполнении автора Тургенев услышал на заседании Общества любителей российской словесности, состоявшемся 18 февраля ст. ст. 1879 г., и, возможно, также во время посещения им Писемского. Работа над романом, однако, продвигалась медленно и находилась, по словам писателя, "в области *сумрака веры*" из-за "совершенно разбитого здоровья", на которое он жаловался своим корреспондентам (см.: *Писемский*. С. 409).

5365. А.Н. Тургеневу (с. 132 и 224)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 4710. Л. 63—63 об.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 268—269, с условной датой: 1879 г.

Датируется предположительно, по содержанию, указанному дню недели и связи с другими письмами к А.Н. Тургеневу, в которых идет речь о приобретении лошади для писателя (№ 5342, 5354, 5355). Окончательное решение о покупке лошади было принято Тургеневым 29 апреля (11 мая) 1879 г., в тот же день он просил А.Н. Тургенева подыскать ему кучера (см. письмо 5355). Очевидно, наст. письмо было написано в один из трех последующих вторников до 16 (28) мая 1879 г., когда все финансовые вопросы были улажены (см. соответствующую запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой: *ЛН.* Т. 76. С. 395). Однако вторник 15 (27) мая 1879 г. исключается, так как в этот день состоялось ежегодное музыкально-литературное утро в пользу неимущих русских (см. примеч. 1 к письму 5366), на котором писатель присутствовал с утра. Таким образом, письмо было написано 1 (13) мая или 8 (20) мая 1879 г.

[1] Флери, по всей видимости, кучер Тургенева.

5366. Г.О. Гинцбургу (с. 133)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 18. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg.* P. 88.

[1] Музыкально-литературное утро в пользу нуждающихся русских в Париже (Matinée littéraire et musicale au profit des indigents russes à Paris) с участием Тургенева, Полины, Марианны и Поля Виардо, а также знаменитого пианиста Луи Дьемера состоялось во вторник 15 (27) мая 1879 г. В бумагах присутствовавшего на концерте Н.Д. Дмитриева-Оренбургского сохранились билет и программа этого утра (см.: *ИРЛИ.* Ф. 539. № 4. Л. 2, 3, а также иллюстрации на с. 134, 135). Утро собрало довольно многочисленную публику самых разных слоев общества — по воспоминаниям одного из мемуаристов, "около ста человек" (*Pavlovsky. Souvenirs.* P. 150), — прежде всего благодаря энергичным усилиям Тургенева, который сам составлял программу, приглашал участников и развозил билеты (ср. письма 5367, 5371, 5373, однако подобных писем было намного больше. Одно из них к неизвестному русскому корреспонденту было выставлено на аукционе в 1976 г.; см. во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе). Присутствовала на концерте Ф.Н. Тургенева, записавшая в своем дневнике: "Утро очень интересное. Видела Антокольского, который представил меня своей жене" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 72. Подлинник по-франц.). Среди приглашенных были также Б.А. Чивилев, И.Я. Павловский и А.Н. Луканина, оставившие об утре довольно подробные воспоминания. Принимал и усаживал гостей вместе с Полем Виардо сам Тургенев, одетый, "благодаря торжественному случаю, в черный фрак, в котором был так же хорош и непринужден, как в своей душегрейке с лиловыми шелковыми рукавами" (*СВ.* 1887. № 3. С. 64). "Я никогда не видел его более веселым и оживленным, как в тот день", — вспоминал мемуарист (*Pavlovsky. Souvenirs.* P. 150). Открывалось утро фрагментом сонаты А.Г. Рубинштейна в исполнении Поля Виардо и Л. Дьемера, затем Тургенев читал из М.Е. Салтыкова. «Чтение свое, — по воспоминаниям Луканиной, — он начал без всякого предисловия так: "О том, как мужик двух генералов прокормил", сказка для детей и преимущественно для взрослых». Мемуаристка отметила, что хотя на этом утре Тургенев "хуже читал, чем в прошлом году, 〈...〉 тем не менее он читал очень хорошо — никогда я не наслаждалась больше Щедриным, как при этом чтении. Но публика, очень многочисленная на этот раз — отнеслась к прочитанному довольно холодно. Да оно и понятно — это была богатая публика. Что касается нас, задних и боковых, то мы и смеялись и восхищались — вообще у нас это чтение имело большой успех» (*СВ.* 1887. № 3. С. 64). После этого несколько произведений исполнила Марианна Виардо, в том числе

знаменитую “La Calandrina” Н. Джомелли в обработке Полины Виардо (см. о ней примеч. 14 к письму 5266). По воспоминаниям Луканиной, когда пела Марианна, Тургенев “утирал слезы” (Там же. С. 65). Затем вновь следовала инструментальная часть в исполнении Дьемера, после которой Тургенев прочел “Цыган” Пушкина, назвав их, “может быть, лучшей из поэм Пушкина, нашего великого гения, так давно умолкшего и, увы, не нашедшего себе ни одного вполне достойного преемника” (Там же). Оба мемуариста единодушны в том, что Пушкина Тургенев читал особенно вдохновенно: “...увлеченный и растроганный, он, казалось, забыл и о публике, и обо всем на свете, весь отдавшись чудесной иллюзии. Последнюю сцену он прочел почти шепотом. ⟨...⟩ Впечатление от этого чтения было огромное: публика несколько мгновений сидела молча, она как будто была поражена гениальным произведением, точно слышала его в первый раз” (*Рус Курьер.* 1884. 18 июля. № 196. С. 1). Луканина передает также слова Тургенева, сказанные им сразу после чтения “Цыган” И.П. Арапетову: “Чудесная вещь! И сказать, что она пятьдесят пять лет тому назад написана... не написана — из стали выкована!” (*СВ.* 1887. № 3. С. 65). Продолжили утро Поль и Полина Виардо, исполнившая в том числе романс П.И. Чайковского “И больно и сладко”. По словам мемуаристов, во время исполнения Полины Виардо “Иван Сергеевич совершенно воодушевился”, оба они зафиксировали также фразу Тургенева, обращенную к Арапетову: “Замечательная старуха какая!” (у Павловского: “Какова старушка! Какова!..”). Завершилось утро чтением Тургеневым рассказа “Малиновая вода” из “Записок охотника” (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 64—65; *Рус Курьер.* 1884. 18 июля. № 196. С. 1; *Pavlovsky. Souvenirs.* P. 150—152). Об утре сообщалось также во франкоязычной прессе: Globe. 1879. 31 mai. P. 5. См. также примеч. 1 к письму 5367.

[2] См. письмо 5368.

5367. А.Ф. Онегину (с. 133)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 29352. Л. 71; конверт — л. 72. Почтовый штемпель: 23 mai 79, Montmartre, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 76.

[1] Парижский корреспондент одесской “Правды” Б.А. Чивилев сообщал: “Во вторник, 27 мая, состоялось в доме г. Виардо ежегодное литературное утро, устраиваемое Иваном Сергеевичем Тургеневым в пользу неимущих соотечественников. На этот раз билеты, ценою в 15 франков, разошлись в большем числе, чем когда-либо, что можно только объяснить тем переворотом во мнении нашего общества в отношении к знаменитому

писателю, который обнаружился при последнем пребывании Ив⟨ана⟩ Сергеевича в России. Да, воззрения нашего общества на литературную деятельность Тургенева еще раз изменились, он же сам ни в чем не изменился и ни в чем никогда не изменял себе" (1879. 27 мая. № 144. С. 3). Не останавливаясь на музыкальной части мероприятия, Чивилев, без сомнения присутствовавший на "утре", подробно изложил литературную, поскольку она вызвала наибольший интерес у посетителей. Сначала Тургенев прочел "с самым простым и добродушным юмором" сказку Щедрина "Как мужик двух генералов прокормил", вызвав "дружные взрывы хохота, среди которого особенно весело звенели свежие голоса нашей молодежи обоего пола". Автор корреспонденции сообщил также, что эта сказка "превосходно" переведена на французский язык и на днях появится в печати, причем переводчиком выступил "чистокровный парижанин". После Щедрина Тургенев "без малейшей театральности" прочел поэму А.С. Пушкина "Цыганы", произнеся перед тем "коротенький спич, в котором высказал великую истину, а именно ту, что так называемые образованные люди только *воображают*, что знакомы с отечественными классиками, и что в сущности они их позабыли, с тех пор как читали их в ранней молодости" (Там же. С. 4). Чтение Тургеневым поэмы подтвердило, с точки зрения Чивилева, слова лектора: «Большинство "образованных людей" было не только восхищено, но и удивлено могучей поэзией Пушкина» (Там же). Под конец Тургенев прочел рассказ из "Записок охотника" "Малиновая вода". В заключение автор парижской корреспонденции пожелал, чтобы подобные "благотворительные и благотворные" утра устраивались чаще, чем один раз в год, и посоветовал современным художникам предпринять хорошие иллюстрированные издания сочинений Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова и Щедрина, особо выделив среди произведений Тургенева "Записки охотника" и роман "Дым" (Там же). Подробнее об утре см. письмо 5366, примеч. 1. Сохранился билет Онегина на это утро (под № 91): *ИРЛИ.* № 28634. Л. 6; см. также иллюстрацию на с. 134. Ранее воспроизведен: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 41, с ошибочной датой: "27 мая 1875 г."; впервые исправлено П. Уоддингтоном: *N Z Sl J.* 1981. № 2. P. 10.

5368. Г.О. Гинцбургу (с. 134)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 67. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg.* P. 89.

Датируется по сопоставлению с письмом 5366.

[1] Речь идет о билетах на литературно-музыкальное утро, состоявшееся 15 (27) мая 1879 г. (см. письмо 5366, примеч. 1).

5369. П.Н. Тургеневу (с. 136 и 224)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4712. Л. 1; конверт — л. 2. Почтовый штемпель: 25 mai 79, Montmartre, Paris.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 262.

Датируется по штемпелю городской почты на конверте.

[1] 14 (26) мая Тургенев не был в Буживале, так как Ф.Н. Тургенева записала в этот день в своем дневнике: "Утром Иван дает знать, что не приедет. Мама ему отвечает. Уезжаем без него около 9 часов" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4633. Л. 71. Подлинник по-франц. См. также: *ЛН.* Т. 76. С. 395). Как следует из дневника, в этот день А.Н. и П.Н. Тургеневы перевезли в Буживаль коляску писателя (о ее приобретении см. письмо 5354 и примеч. 3 к нему). Возможно, писатель не поехал в Буживаль из-за хлопот по организации литературно-музыкального утра, которое состоялось 15 (27) мая 1879 г. В Вербуа к Тургеневым он приехал 16 (28) мая 1879 г. В этот день были окончательно улажены дела по покупке лошади и коляски для нее (см.: *ЛН.* Т. 76. С. 395).

5370. Гюставу Флоберу (с. 136 и 225)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 139. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 690; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 77.

Датируется по связи с ответным письмом Флобера от 26 мая н. ст. 1879 г.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. Р. 648.

[1] Тургенев хотел узнать, удалось ли Флоберу получить какое-нибудь место, которое дало бы ему возможность поправить свое материальное положение. Помимо шагов, предпринятых Э. Золя, Э. Гонкуром, Тургеневым, Ж. Адан и супругами Шарпантье для получения места смотрителя Библиотеки Мазарини (см. примеч. 2 к письму 5242, а также письма 5240, 5243, примеч. 1, 5244 и др.), Ги де Мопассан, служивший в это время в Министерстве народного образования (место, полученное благодаря усилиям Флобера в конце 1878 г.), хлопотал о назначении писателю почетной литературной пенсии и добился положительного результата, однако Флобер отказался. Еще 7 марта н. ст. 1879 г. он писал Мопассану: «Пенсия, замаскированная названием "награждение за заслуги", была бы мне невыносимо тяжела. "Почетное звание", которым бы она сопровождалась, слишком пахло бы жалостью». В том же письме Флобер просил Мопассана похлопотать о предоставлении ему места в какой-нибудь библиотеке с жалованьем "тысяч так на пять или шесть, и чтобы было немного работы" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 237, где письмо ошибочно датировано 7 мая н. ст. 1879 г.;

Flaubert. Corr (1973—2007). Т. 5. P. 571). В конце концов Флобер занял место помощника хранителя Библиотеки Мазарини Ф. Бодри, которому писал 16 мая н. ст. 1879 г., что уступил уговорам друзей и смирил свою "непреклонную гордыню", согласившись принять предложенную должность: "...я оказался в таком положении, что, того и гляди, сдохну с голоду или вроде того" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 238; *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 637). 8 июня н. ст. Э. Гонкур записал в дневнике разговор с Флобером: "Он сообщает мне, что его дело устроилось. Он назначен сверхштатным хранителем библиотеки Мазарини с окладом в три тысячи франков, который через несколько месяцев будет увеличен. Он добавляет, что неохотно согласился получать эти деньги, но что им уже приняты меры и впоследствии деньги будут возвращены государству. Его богатый брат при смерти и намерен оставить ему по завещанию три тысячи ливров ренты. Эта рента вместе с литературным заработком поможет ему встать на ноги" (*Гонкур. Дневник.* Т. 2. С. 270—271). О том же Флобер подробно написал в письме к Э. Роже де Женетт от 13 июня н. ст. 1879 г. (см.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 658). Позднее, в письме к племяннице К. Комманвиль, Флобер заявил, что более всего обязан своей должностью сверхштатного сотрудника В. Гюго (Ibid. P. 661).

[2] В ответном письме, написанном на следующий день, 26 мая н. ст. 1879 г., Флобер сообщал о своем скором приезде в Париж и о том, что заканчивает "магию" Бувара и Пекюше, т.е. главу VIII романа "Бувар и Пекюше", посвященную философии, магии, христианству и т.д.: "...и сил у меня больше нет" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 238; см. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 648).

[3] "На будущей неделе мы непременно — разве что небо опрокинется на землю — с вами увидимся. / Как только приеду в Париж, тотчас предупрежу вас запиской", — писал Флобер 26 мая н. ст. 1879 г. (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 238). Писатель выбрался из Круассе в Париж 1 июня н. ст. и действительно на следующий день оповестил Тургенева о своем приезде: "Вчера вечером я приехал. Как нам повидаться? Я намерен приехать в Буживаль, но не тотчас, поскольку обременен делами и встречами. Всю эту неделю я обедаю в городе. / Найдется ли у вас денек для поездки в Париж? Не решаюсь назначить вам встречу из боязни пропустить ее. Обычно часам к трем-четырем я возвращаюсь домой, чтобы дать отдых ноге. В это время у вас есть надежда застать меня. / *В ближайшее воскресенье* я в течение всего дня из дому ни ногой. Таким образом, это самое позднее, когда я рассчитываю на вас" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 651). То же расписание Флобер сообщил Золя в письме от 2 июня н. ст., приглашая его, как и Тургенева, к себе в воскресенье (Ibid.). Несмотря на телеграмму Тургенева, извещавшую о его визите в воскресенье 8 июня н. ст. (см. письмо 5382), встретиться с Флобером ему так и не удалось.

[4] В действительности Тургенев, из-за плохой погоды, переехал в Буживаль лишь 12 июня н. ст. 1879 г., однако Флобер не воспользовался его приглашением и в Буживаль не приехал.

[5] См. примеч. 2 к наст. письму.

5371. С.Л. Клячко (с. 137)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 2. № 31. Л. 5.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 77.

Датируется по содержанию, сопоставлению с письмами 5366—5368 и указанному дню недели.

[1] О каких письмах И.Я. или А.Я. Павловского идет речь — установить не удалось. Возможно, речь шла о помощи Л.Б. Гольденбергу, за которого хлопотал И.Я. Павловский (см. письмо 5381).

[2] По-видимому, в письме идет речь о литературно-музыкальном утре в пользу русской колонии в Париже, состоявшемся во вторник 15 (27) мая 1879 г., т.е. на следующий день после написания данного письма (см. о нем примеч. 1 к письму 5366).

5372. Александру Гессе (?) (с. 137 и 225)

Печатается: 1) письмо — по цифровой копии антикварного магазина INLIBRIS Gilhofer Nfg. (Вена, Австрия): https://inlibris.at/?s=turgenev&cat=10%2C9&lang=en. На обороте письма владельческая помета: "19 Mai 79 rec". Подлинник неизвестен; 2) конверт — по подлиннику: Zentral- und Landesbibliothek Berlin (EH 636). Почтовый штемпель: 26 mai 79, Montmartre, Paris.

Публикуется впервые.

Адресат устанавливается предположительно, по сопоставлению дат письма и почтового штемпеля отправления на конверте.

[1] Предположительно к данному письму прилагался автограф писателя, однако он остается неизвестным.

5373. А.П. Боголюбову (с. 137)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 705. Оп. 1. № 76. Л. 20.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 77.

Датируется по содержанию и сопоставлению с письмами 5366—5368. Во вторник 15 (27) мая в 3 ч. дня состоялось музыкально-литературное утро в пользу русской колонии в Париже.

[1] Об этом утре см. примеч. 1 к письму 5366.

5374. П.П. Васильеву (с. 138)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 13888. Л. 1—1 об. На подлиннике помета Васильева: "Получено 27 мая 1879 г.".

Впервые опубликовано: в отрывке — *Васильев. Описание торжеств.* С. 35; полностью (по копии, с искажениями) — Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 26; вторично опубликовано (по подлиннику, в качестве письма к неизвестному) — *Лит Мысль.* 1922. Т. 1. С. 245.

[1] Имеется в виду письмо Васильева к Тургеневу от 4 мая ст. ст. 1879 г., в котором он писал: «Недавно Москва и Петербург чествовали Вас как знаменитого русского писателя, выразителя общественных дум и стремлений. Провинция не могла принять участие в этом торжестве, тем не менее она, как и столица, глубоко чтит Ваш могучий талант и сознает то историческое значение, какое Вы, бесспорно, имеете для всего нашего образованного общества. Скажу прямо: провинция, пожалуй, еще более преклоняется перед творцом "Записок охотника", чем столицы. Для нашего провинциального общества, едва начинающего сознательную жизнь, Ваши высокохудожественные произведения, и прежде и теперь, имели и имеют громадное общественно-воспитательное значение, возбуждая высокие чувства и стремления ко всему честному и благородному. Благодаря Вашим творениям множество молодежи обоего пола на Руси обязаны вам своим умственным и нравственным просветлением. Да! благотворное влияние Ваших произведений я испытал на самом себе... / Читая в газетах описания всех оваций, которыми Вас почтили обе столицы, мы, провинциалы, радовались, что столичное общество в лучших представителях науки, литературы и искусства, а также и молодое поколение воздали Вам, по праву, должное, возведя Вас на такую высоту славы, которая редко достается в удел даже избранным писателям. / Позвольте мне, уважаемый Иван Сергеевич, приветствовать Вас от лица нашей отдаленной провинции и пожелать, чтобы плодотворная творческая деятельность Ваша не прекращалась, но продолжала бы по-прежнему обогащать отечественную литературу новыми произведениями Вашего гениального пера. Если бы Вы, поэт, подольше пожили в России и попутешествовали бы по нашим отдаленным градам и весям, — Вы, наверно, обогатились бы характерными бытовыми картинами из провинциальной жизни, картинами, которые могли бы послужить хорошим материалом для будущего романа или повести» (*Васильев. Описание торжеств.* С. 34—35).

[2] Речь идет о многочисленных адресах и приветствиях, выслушанных Тургеневым во время его пребывания в России в феврале — марте 1879 г., а также полученных по возвращении в Париж (см. письма 5283, 5305, 5331, 5363 и примеч. к ним, а также примеч. 2 к письму 5301, примеч. 3 к письму 5320, примеч. 3 к письму 5326

и вступит. статью к Примечаниям в наст. томе). Сам Васильев выпустил в конце 1880 г. брошюру: *П. В. ⟨Васильев П.П.⟩* Описание торжеств, происходивших в честь И.С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. Казань, 1880 (цензурное разрешение: 29 ноября ст. ст. 1880 г.), которая до сих пор остается одним из ценнейших источников. Один экземпляр был им послан Д.В. Григоровичу, который подарил его А.В. Топорову, снабдив следующей дарственной надписью: "Александру Васильевичу Топорову от Григоровича, его истинно уважающего вообще и за любовь к Тургеневу в особенности" (*ИРЛИ.* Ф. 283. Оп. 2. № 229). См. иллюстрацию на с. 139.

[3] Имеется в виду издание, выпущенное книготорговцем Вольфгангом Гергардом в серии "Русская библиотека" (т. 34—35) под маркой "Центрального книжного магазина для славянских стран": Записки охотника. Лейпциг, 1876. Т. 1—2, которое было запрещено в России как контрафактное. Существовали аналогичные издания других произведений Тургенева: "Отцы и дети" (1869, 1873, 1879), "Дым" (1868, 1876), "Вешние воды" (1873) и т.д. Вскоре после отправки своего письма к писателю Васильев поместил в "Российской библиографии" заметку «Об отдельном издании "Записок охотника" И.С. Тургенева», где, приветствуя известие о готовящемся книгопродавческой фирмой братьев Салаевых новом издании сочинений писателя, вместе с тем отмечал: «Желательно, если бы почтенная фирма, помимо полного собрания сочинений И⟨вана⟩ С⟨ергеевича⟩, подарила бы публику и отдельным изданием "Записок охотника" — этим популярнейшим произведением знаменитого писателя. Напечатанные отдельным изданием "Записки охотника" в 1852 г. (в Москве) и в 1859 г. (в Петербурге) уже давно не находятся в продаже, а между тем спрос на эту книгу всегда существует, по крайней мере в провинции. Правда, в 1876 г. "Записки охотника" напечатаны за границей, в Лейпциге, и, как видно из "Указателя по делам печати" за 1878 г., дозволены к обращению в России, тем не менее издание это не продается в столичных книжных магазинах, а следовательно, и недоступно для публики. Отдельным изданием "Записок охотника", с умеренной платой, братья Салаевы оказали бы большую услугу русской читающей публике, в особенности той большой ее части, которая, по ограниченности средств, не в состоянии приобрести полного собрания сочинений И.С. Тургенева. Был бы счастлив, если бы настоящая заметка не прошла гласом вопиющего в пустыне» (1879. 19 мая. № 20. С. 73. Записка Васильева датирована 8 мая ст. ст. 1879 г.).

[4] Речь идет о первом стереотипном издании "Записок охотника", вышедшем в Петербурге в октябре 1879 г. (на титуле: 1880), (см. примеч. 7 к письму 5299, а также примеч. 3 к письму 5321). Извещая читателей "Вестника Европы" о выходе первого стереотипа, М.М. Стасюлевич поместил в журнале следующее объявление:

«Сверх нового издания полного собрания всех своих сочинений, которое должно вскоре появиться в Москве, И.С. Тургенев выпустил в свет особо "Записки охотника" — и это доставит теперь возможность, без большой затраты денег на приобретение полного собрания, иметь ту часть его трудов, которая навсегда останется классическою, в полном смысле этого слова, помимо ее исторического и общественного значения. К изданию присоединен краткий биографический очерк, а цветная обертка иллюстрирована портретом автора, фотографированным у Деньера весною нынешнего года, и факсимиле» (1879. № 11. Раздел "Библиографический листок"). Информировали о выходе стереотипного издания "Записок охотника" и другие периодические издания. Так, "Нива" сообщала: «Это первое стереотипное издание, которое наш маститый писатель выпустил совершенно отдельно и таким образом дает возможность желающим приобрести, помимо дорогого полного издания, ставшие классическими "Записки охотника". Есть тут и биографический очерк автора и его портрет на обертке» (1880. № 1. С. 19. Раздел "Новые книги"). См. также письма 5321, 5375 и письма к Стасюлевичу от 30 сентября (12 октября) и 21 октября (2 ноября) 1879 г.

5375. М.М. Стасюлевичу (с. 138)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 236. На первой странице письма в левом верхнем углу пометы чернилами рукой М.М. Стасюлевича: "21.V.79" — дата получения письма, "отв⟨ечал⟩ 22.V.79".

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 164.

[1] Это письмо Стасюлевича к Тургеневу неизвестно.

[2] Это письмо Тургенева к Стасюлевичу неизвестно. О том, что оно могло не дойти до адресата, Тургенев сообщал Стасюлевичу еще 2 (14) мая 1879 г. (см. письмо 5358).

[3] См. письмо 5358.

[4] Фотография для нового собрания сочинений была сделана Тургеневым позднее в Париже, в ателье А. Либера (см. примеч. 14 к письму 5334, а также письмо 5358, примеч. 3).

[5] По всей видимости, Тургенев благодарит за присланные ранее Стасюлевичем дополнительные экземпляры своей фотографии, выполненной во время пребывания в Петербурге в ателье А. Деньера (ср. письмо 5326). Гравюра И.И. Матюшина с этой фотографии и была помещена на обложке первого стереотипного издания "Записок охотника" (см. письмо 5358, примеч. 3). См. иллюстрацию на с. 147.

[6] Тургенев получил 8000 руб. двумя платежами: первую часть (1500 руб.) в виде аванса в Москве от Ф.И. Салаева (см. письмо 5299 и примеч. 2 к нему), вторую — по всей видимости, 1 (13) мая 1879 г., ранее оговоренной в контракте даты 15 (27) мая 1879 г.

Соответствующая отметка имеется на его экземпляре контракта с наследниками Ф.И. Салаева (см. № 42 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги").

[7] Имеется в виду пункт 10 контракта (см. № 42 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги").

[8] Все хлопоты и половину издержек по изготовлению портрета, который прилагался к первому тому нового издания, Тургенев взял полностью на себя (см. пункт 4 контракта (№ 42) в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"). Кроме того, он был изготовлен по новой технологии, что должно было не только привлечь читателей, но и обеспечить дополнительную защиту от злоупотреблений со стороны книгоиздателя, в частности припечатывания экземпляров сверх тиража, оговоренного в контракте. Однако принятых мер предосторожности оказалось в конечном итоге недостаточно. См. письмо 5334 и примеч. 7 к нему.

[9] К этому времени у Стасюлевича был уже большой издательский опыт, в том числе по изданию художественной литературы: помимо девяти выпусков серии "Русская библиотека" (в том числе тургеневского, успешно распроданного им за два года; см. письмо 4872 и примеч. 17 к нему — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2), ранее он выпустил сочинения А.К. Толстого, Н.А. Некрасова и др. По всей видимости, Тургеневу он предложил ту же систему расчетов, что и многим другим авторам: как правило, Стасюлевич печатал книги за свой счет, с тем чтобы авторы расплачивались с ним постепенно по мере ее продажи. Расчеты Стасюлевич осуществлял сам, так как продажа книг производилась через открытый им в 1873 г. при типографии книжный склад (см.: *Кельнер В.Е.* Человек своего времени (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 113).

[10] Автором краткого биографического очерка о Тургеневе в первом стереотипном издании "Записок охотника" был М.М. Стасюлевич. Основные сведения для него он почерпнул из автобиографического очерка, составленного ранее писателем по его просьбе для посвященного Тургеневу тома серии "Русская библиотека", где он был помещен в дополненном Стасюлевичем (на основе "Литературных и житейских воспоминаний") виде (см.: наст. изд. Соч. Т. 11. С. 203—204, а также примеч. на с. 475—477). В очерке для стереотипного издания были учтены все сведения из наст. письма о творческой истории "Записок охотника", а также не вполне соответствующие действительности данные о написании "Бурмистра" во время пребывания "в Силезии на водах Зальцбрунн, вместе с больным Белинским и П.В. Анненковым", заимствованные Стасюлевичем из рукописи воспоминаний Анненкова "Замечательное десятилетие", которые готовились к публикации в "Вестнике Европы". Именно в этом издании "Записок охотника" те же дата и место написания ("Зальцбрунн, в Силезии, июль, 1847 г.") были

впервые проставлены в конце текста рассказа (см. примеч. 7 к письму 5326). По убедительному предположению Ю.Г. Оксмана, данное уточнение было введено, чтобы подчеркнуть связь с письмом Белинского к Гоголю (см.: наст. изд. Соч. Т. 3. С. 471). Расширил Стасюлевич и сведения о жизни Тургенева после 1861 г., которыми заканчивался биографический очерк в "Русской библиотеке", отметив, что в это время писатель "направил свою литературную деятельность к изучению и изображению тех новых явлений нашей общественной жизни, которые обращали на себя особенное внимание по уничтожении в России крепостного права" (С. VI). Завершался очерк сообщением о том, что «"Записки охотника", переведенные на главнейшие иностранные языки, сделались известными и заграничной публике, а в мае 1879-го года удостоились особенного внимания одного из старейших ученых учреждений в Европе, Оксфордского университета, который почтил автора "Записок охотника" званием доктора обычного права (doctor of Common Law)» (С. VII. На самом деле Тургеневу была присуждена степень почетного доктора гражданского, а не обычного права (doctor of Civil Law); Стасюлевич здесь повторяет ошибку самого писателя. См. письмо 5398). Очерк был опубликован без подписи и в дальнейшем воспроизводился в неизменном виде вплоть до шестого издания (1880. 2-е изд.; 1881. 3-е изд.; 1882. 4-е изд.; 1883. 5-е изд.), вышедшего через два месяца после смерти писателя и появления пятого стереотипного издания. В нем Стасюлевич впервые подписал очерк инициалами "М. С." и поместил прибавление, датированное 22 октября ст. ст. 1883 г., в котором рассказал об истории издания: «В первый раз в 1880 году И.С. Тургенев, уступив Салаевым право нового, последнего при его жизни издания всех его сочинений, удержал за собою право отдельного издания "Записок охотника" с целью сделать их таким образом более доступными по цене для школ и учащихся. В течение трех с небольшим лет "Записки охотника", отлитые стереотипом, выдержали четыре издания (по 1200 экз. каждое). О выпуске пятого издания автор получил известие за несколько дней до своей смерти на даче в одной из окрестной Парижа — Буживале. За два дня до своей кончины, 20 августа (1 сентября), он поручил, вспоминая, вероятно, особую цель этого издания, выразить, в ответ на извещение о появлении пятого издания "Записок охотника", свое великое удовольствие. Это было одним из последних поручений покойного, так как весь день 21 августа он провел в бессознательном состоянии, а в понедельник, 22-го числа, в два часа пополудни, скончался от тяжкой болезни, мучившей его более года» (*Тургенев И.С.* Записки охотника: Полное собрание очерков и рассказов. 1847—1876. СПб., 1883. 6-е стереотипн. изд. С. VII—VIII).

[11] Во всех стереотипных изданиях "Записки охотника" печатались в том же составе и последовательности, что и в салаевском издании 1874 г., ставших окончательными. Очерки "Живые

мощи" и "Стучит!", задуманные, по утверждению Тургенева, в конце 1840-х гг., были впервые опубликованы в 1874 г. Очерк же "Конец Чертопханова" писался совершенно заново в 1871–1872 гг. См.: наст. изд. Соч. Т. 3. С. 507, 511–513, 516.

[12] В Буживаль Тургенев переехал 31 мая (12 июня) 1879 г.

[13] Тургенев отказался от приглашения на Международный литературный конгресс, который прошел в Лондоне с 9 по 14 июня н. ст. 1879 г. (ср. письма 5378 и 5379), хотя о его участии было заявлено в английских и французских газетах (см., например: Standard. 1879. May 28. P. 5; Gaulois. 1879. 29 mai. № 3867. P. 2; Journal officiel de la République Française. 1879. 30 mai. № 145. P. 4396; Ménestrel. 1879. 1 juin. № 27. P. 214). Писатель входил в постоянный состав почетного комитета Международной литературной ассоциации, образованной 28 июня н. ст. 1878 г., во время первого Литературного конгресса (см. о нем примеч. 2 к письму 5028 – наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1). Письмо Тургенева с отказом от участия в лондонском Конгрессе было адресовано, по всей видимости, председателю организационного Комитета Бланшарду Джерролъду и написано ранее наст. письма. Из аукционного каталога Maggs Bros 1955 г. (№ 828) известно также содержание письма Тургенева от 7 июня н. ст. 1879 г. к еще одному члену Комитета лондонского Конгресса Лесли Стивену (см.: *N Z Sl J.* 1979. № 1. С. 17), в котором писатель подтвердил, что отклонил приглашение Комитета об участии, а также сообщил о своем грядущем приезде в Оксфорд на церемонию присуждения степени почетного доктора гражданского права (см. об этом письма 5402, 5404, 5407 и примеч. к ним). Несмотря на официальный отказ Тургенева, лондонский корреспондент "Le Temps" в заметке о Конгрессе, датированной 8 июня н. ст. 1879 г., сообщал: "Г-н Иван Тургенев в Лондоне. Нет сомнений, что он примет участие в дискуссиях" (1879. 11 juin. № 6625. P. 2), однако данное сообщение оказалось ложным, так как писатель прибыл в британскую столицу лишь 4 (16) июня. Россию на Конгрессе официально представлял Чарльз Тернер, автор неудачного перевода романа "Накануне" на английский язык, в исполнительный комитет входили также М.М. Ковалевский и Г.Н. Вырубов (см.: *N Z Sl J.* 1979. № 1. С. 18; Bulletin de l'Association littéraire internationale. 1879. № 5 (juillet). P. 3).

[14] Статья Л. Виардо о "Дон Кихоте" (см. также примеч. 5 к письму 5376) в "Вестнике Европы" напечатана не была. Кто был переводчиком этой статьи – установить не удалось.

5376. А.В. Топорову (с. 140)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 17–17 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 283.

[1] Это письмо Топорова к Тургеневу неизвестно.

[2] Письма Тургенева к А.Н. Мухортовой неизвестны.

[3] Вероятно, имеются в виду книги: *Flammarion Camille*. Astronomie populaire. Paris, 1880 (вышла в 1879 г.); *Secchi Angelo.* Lezioni elementari di fisica terrestre. Turin, 1879; *De Amicis Edmondo.* Spagna. Firenze, 1873 (выдержала несколько переизданий; французский перевод появился в 1878 г.). По-видимому, вопрос Тургенева был связан с тем, что кто-то из его парижских знакомых (скорее всего, А.Н. Луканина или С.Л. Клячко) выполнил перевод этих книг с целью заработка.

[4] О деятельности И.И. Билибина Тургенев мог узнать от Г.А. Лопатина, который опубликовал у этого издателя несколько своих переводов зарубежных научных трудов (в 1876 г. "Основания психологии" и "Основания социологии", в 1880 г. "Основания науки о нравственности" Г. Спенсера), в том числе в 1880 г. "Происхождение общественного строя современной Франции. Т. 1: Старый порядок" И. Тэна. О переводе этого труда Тургенев беспокоился еще в 1875 г. по выходе его в свет (см.: наст. изд. Письма. Т. 14. № 3992, примеч. 2; Т. 15. Кн. 1. № 4190, примеч. 8, и др.).

[5] Обширное биографически-критическое предисловие "Notice sur la vie et les ouvrages de Cervantès" Луи Виардо, написанное им к французскому переводу "Дон Кихота" (который впервые вышел в 1836—1837 гг. и затем многократно переиздавался), Тургенев рекомендовал также для "Вестника Европы" (см. письмо 5375), однако публикация его, по всей видимости, не состоялась.

[6] См. примеч. 12 к письму 5375.

5377. Н.А. Щепкину (с. 141)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 97. Л. 12—12 об.

Впервые опубликовано: *Центрархив. Документы.* С. 61—62.

[1] Это письмо Щепкина к Тургеневу неизвестно.

[2] Вместе с письмом Щепкин послал Тургеневу два экземпляра договора с адвокатом Н.П. Черносвитовым, которого он предлагал нанять для ведения сразу двух дел: тяжбы крестьян деревни Кальна Чернского уезда Тульской губернии с семейством Жикиных, а также для истребования с П.К. Маляревского 2850 руб., которые были уплачены ранее Н.С. Тургеневу в качестве ежегодного платежа по контракту с А.В. Чедаевым и должны были, согласно завещанию, поступить после его смерти И.С. Тургеневу. Щепкин выполнил поручение писателя, высказанное в письме от 11 (23) апреля 1879 г., где он настаивал на том, чтобы постараться "добыть" эти деньги с Маляревского (см. письмо 5336 и примеч. 3 к нему). Договор был составлен Н.П. Черносвитовым 4 (16) мая и подписан Тургеневым

в Париже 17 (29) мая 1879 г., один экземпляр его был выслан Черносвитову и ныне хранится в ГИМ (см. № 45 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги" и примеч. к нему).

[3] Комиссии Тургенева касались преимущественно урегулирования дел по наследству Н.С. Тургенева и пересылки денег (см. письма 5317, 5336, 5348 и примеч. к ним).

[4] В составленной Щепкиным для писателя ведомости расходов за декабрь 1878 – сентябрь 1879 гг. внесено несколько пунктов, касающихся ремонта крыши в богадельне и флигеле в 1879 г. Так, "за поправку крыши железом" кровельщику было уплачено 70 руб., малярам за окраску новых крыш флигеля и богадельни и всех крыш большого дома — 66 руб., на покупку краски (охра, белила, сурик, мел и пр.) и других материалов ушло свыше 100 руб. Указаны в описи и другие траты на содержание "большого" дома (ремонт печей), училища, конторы, богадельни и пр. (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 2).

[5] Речь идет о взыскании с С.И. Волнова, ранее арендовавшего Холодово и Кадное, невыплаченных платежей, а также изъятии из его пользования земли в Холодово. См. письма 4939, примеч. 4, 4988, примеч. 2, 5009, 5036 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1, а также письмо 5426 в наст. томе. Документы по делу Волнова неизвестны, однако первые подвижки по нему, по всей видимости, произошли уже осенью 1879 г. Так, в ведомости о приходе денег по имениям Тургенева за декабрь 1878 — сентябрь 1879 гг. последним пунктом значится: "Получено с Волнова по присуждению Окружного суда" 762 руб. 30 коп. (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1). Тем не менее Тургенева больше интересовала судьба земли в Холодово и возможность сдать ее в наем более надежному арендатору. См. письма к Н.А. Щепкину за август — ноябрь 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

[6] О судебном деле по утверждению наследственных прав на с. Долгое Мценского уезда см. письмо 5235 и примеч. 3 к нему.

[7] См. примеч. 12 к письму 5375.

5378. П.В. Анненкову (с. 142)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 41–42 об.

Впервые опубликовано: Печать и революция. 1922. Кн. 2. № 5. С. 97–98.

[1] Еще в письме от 19 апреля (1 мая) 1879 г. Анненков сообщал Тургеневу, что с 1 июня н. ст. вместе с семьей будет находиться в Баден-Бадене, "под кровом г-жи Анстетихи (Минны Анштетт. — *Ред.*)". О намеченном на 30 мая н. ст. выезде в Баден-Баден он известил писателя и в следующем письме от 14 (26) мая 1879 г., на которое отвечает Тургенев (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 104).

[2] Достать книгу французского египтолога Г. Масперо "Histoire ancienne des peuples de l'Orient" ("Древняя история народов Востока"), вышедшую во Франции в 1875 г. и позднее неоднократно переиздававшуюся, Анненков просил Тургенева в письме от 19 апреля (1 мая) 1879 г. (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 104. Фамилия Масперо была им написана как "Масморо"), однако Тургенев затянул с исполнением этой комиссии, и в следующем письме Анненков сообщал ему, что книгу Масперо он уже имеет (Там же. Письмо от 14 (26) мая 1879 г.).

[3] О какой просьбе Анненкова идет речь — неизвестно.

[4] Тургенев откликается на письмо Анненкова от 14 (26) мая 1879 г., которое он начал с шутливого освобождения от комиссии по приобретению книги Г. Масперо, заметив: "...но не освобождаю от обязанности известить меня, как Вы живете, что делаете и что намереваетесь делать летом (слышно, в Англию собираетесь), хотя и знаю, что разнообразные и крупные интересы заслоняют от Вас, покамест, наши стоячие фигуры" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 104).

[5] См. примеч. 12 к письму 5375.

[6] Имеется в виду салаевское издание 1880 г. (см. письмо 5299 и примеч. к нему).

[7] Речь идет о приглашении Тургенева на Международный литературный конгресс в Лондоне, от которого он отказался (см. примеч. 13 к письму 5375). На решение Тургенева могли повлиять итоги предыдущего Конгресса, состоявшегося в Париже в 1878 г., где отстаивались прежде всего коммерческие интересы (см. письмо 5051 и примеч. 4—8 к нему — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1), а также общая политическая обстановка после русско-турецкой войны.

[8] Тургенев имеет в виду покушение на Александра II и последовавшие за ним волнения в России (в том числе поджоги в городах, деревнях и т.д., которые приняли, как сообщалось в иностранной прессе, гигантский размах), вызвавшие усиление полицейских мер, многочисленные аресты, закрытие двух подпольных типографий в Петербурге, а также разработку усиленных мер по борьбе с революционной пропагандой в университетах и других учебных учреждениях. Так, в иностранных газетах еще в конце апреля н. ст. 1879 г. сообщалось: "Около 2000 человек было арестовано в Петербурге за последние несколько дней по политическим причинам. Предполагают, что университеты будут реорганизованы на военный манер, как в Николаевское время, многие профессоры подают в отставку. Из губерний сообщают о новых убийствах чиновников" (Standard. 1879. April 24. № 17084. P. 5). Не мог пройти мимо внимания писателя и политический процесс, проходивший в Киеве с 12 по 24 мая н. ст. 1879 г. и окончившийся расстрелом двух обвиняемых, чьи имена так и не были установлены, и каторжными работами от 4 до 14 лет для еще десяти (см. также письмо к П.В. Анненкову

от 27 июля (8 августа) 1879 г. и примеч. к нему — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

[9] В письме от 14 (26) мая 1879 г. Анненков, оценивая очередное "Парижское письмо" Э. Золя (№ XLVIII: "Два литературных торжества: В. Гюго и Ренан"), опубликованное в майской книжке "Вестника Европы" за 1879 г. и посвященное возобновлению на сцене Comédie Française романтической драмы Гюго "Рюи Блаз", а также избранию Э. Ренана во Французскую Академию, замечал: «Много верного и очень ярко и метко выраженного в определении Э. Золя "Рью-Блаза" и Ренана, но теория, этому предпосланная, изобличает французскую голову, которая может быть гениальной, но никогда философской. Он смешивает печальнейшим образом идеализм с риторикой и романтизмом, не подозревая, что идеализм такая же прирожденная сила в человечестве, как и все остальное, и что этот идеализм сделал возможным и его собственное положение как писателя и критика. Потребность научных формул, о которых он так много говорит — есть уже идеализм. Все, чего он ищет и желает — зародилось в идеализме и идеализмом же и кончается. Amen!» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 104—105). Вступая в полемику с ведущими периодическими изданиями, певшими "гимны национальному гению" в лице Гюго и Ренана и расценивавшими два указанных события как "славу и украшение просвещенной и либеральной Франции", Золя не без оснований увидел в восторженных оценках прессы выпад против "писателей натуральной школы" в целом и себя лично и запальчиво утверждал в предпосланном статье своего рода предисловии: «Завтра начнется двадцатый век, трудным родам которого помогает научный прогресс! Завтра восторжествует научный метод, дух истины, преобразующий общества! и если мы хотим, чтобы "завтра" принадлежало нам, мы должны быть новыми людьми, идущими вперед путем метода, логики, науки и знания действительности. Рукоплескать риторике, восторгаться идеалом — все это одни только нервы ⟨...⟩ В настоящее время нам нужна трезвая правда для того, чтобы быть победоносными и на будущее время, как мы были в прошлом. ⟨...⟩ Я желал бы внушить ненависть к фразерству и витанию в пустоте. Нас, людей, верящих только в факты, изучающих все задачи жизни по документам, нас обвиняют в цинизме и обзывают развратителями. Пора доказать всем, что истинные развратители это — риторы и что за каждым витанием в идеальных сферах следует роковое падение в грязь» (*ВЕ.* 1879. № 5. С. 349—351). Говоря о присущей Золя "потребности литературных формул", Анненков отсылает и к его весьма злободневному апрельскому "Парижскому письму" "Литература и политика". В нем французский писатель, рассматривая "жгучий" вопрос о том, "будут ли жить в ладу республика и литература или нет", связывал жизнеспособность республиканской формы правления с наличием в ней своей литературы в целом и приверженности нынешней республики "натуральному методу"

в частности ("Республика будет, так сказать, реалистической или ее совсем не будет"). Заключалось это "Парижское письмо" весьма идеалистически: "В настоящее время наша республика, по-видимому, основана и, следовательно, у ней должна явиться своя литературная формула. Должна же существовать связь между общественным движением, являющимся причиной, и литературной формулой, являющейся результатом. Если республика, ослепленная насчет самой себя, не поймет, что она существует лишь в силу научной формулы, и примется угнетать эту научную формулу в литературе, то это будет знаком, что сама республика еще не созрела для фактов и что она должна снова уступить место факту — диктатуре" (Там же. № 4. С. 852, 876—877). Главенство научной формулы отстаивалось и в завершении майского "Парижского письма": "...путь намечен перед нами, если мы хотим снова занять первенствующее место в мире. Нам стоит только ревностно предаться науке. Прочь лиризм, прочь громкие, но бессодержательные слова! ⟨...⟩ Владычество над миром будет принадлежать той нации, которая будет отличаться самой точной наблюдательностью и самым верным анализом. ⟨...⟩ Мы будем только сильнее, когда изберем орудием своим науку и употребим ее для торжества свободы с тем великодушием характера, которое нам свойственно. Пусть наше молодое поколение поймет меня: патриотизм заключается в этом, и применяя научную формулу повсюду, она со временем снова завладеет всем, что было утрачено нами" (Там же. № 5. С. 376—377). Подобные декларации вызывали неприятие не только в среде русскоязычных читателей, но и у ближайших сподвижников Золя — Флобера, Э. Гонкура, Мопассана и др.

[10] Оценивая вышедший в конце апреля новый роман Э. де Гонкура, Анненков писал Тургеневу 14 (26) мая 1879 г.: «"Братья Земгано" Гонкура интересны, но представляют тоже своего рода акробатическую штуку, вроде той, о которой мечтал герой романа. Это реализм вычурный не менее романтических чудовищностей Гюго и братии» (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 12. Л. 100; *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 105). О романе см. примеч. 1 к письму 5350.

[11] Речь идет о вышедшем в 1879 г. у Ж. Шарпантье отдельном издании романа Жюля Валлеса "Жак Вентра", который впоследствии — под заглавием "L'enfant" (в русском переводе "Детство") — стал первой частью его одноименной автобиографической трилогии. Роман был написан автором в изгнании (в Англии) и опубликован под псевдонимом Jean La Rue (фрагмент романа в том же 1879 г. был напечатан также в литературном приложении "Le Siècle" под псевдонимом La Chaussade). Под русифицированным вариантом этого псевдонима (Жан Ля-Рю) сокращенный перевод романа печатался в 1879 г. в журнале "Слово" (№ 9, 10, 12), сотрудничество Валлеса в котором состоялось при посредстве Тургенева (см.: *Генералова Н.П.* Неопубликованное письмо к Тургеневу Жюля Валлеса (1877) // *Тургенев. НИиМ.*

Вып. 4. С. 620—632). В отдельном издании роману было предпослано посвящение: "Всем подыхающим от тоски в колледжах или плачущим в семьях, тем, кого в детстве мучили учителя или колотили родители, посвящаю эту книгу". Ознакомившись, по рекомендации Тургенева, с романом, Анненков дал ему высокую оценку в письме от 28 мая (9 июня) 1879 г.: «Я выписал книгу Валлеса — "Jacques Vingtras" — и остановился на посвящении, которое кладет повесть к ногам всех детей, тиранизированных учителями и сеченных родителями. Большая будет публика у книги. Прочел несколько глав: это новый мир для меня! Уездный французский городишко с людишками, его наполняющими начистоту, и между ними прежалкий и презабавный мальчишка, который сделается потом коммюнаром. Это история. Благодарю Вас за рекомендацию книги — не оставляйте и впредь таковыми рекомендациями. Скоро ли доберешься отсюда до замечательных явлений литературы парижской?» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 105).

[12] В это время во французской печати велась оживленная полемика по поводу разграничения прав церкви и государства, а также о роли государства в жизни церкви в целом. Тургенев здесь, по-видимому, откликается на обсуждение речи президента Ж. Греви, которую тот произнес 27 мая н. ст. 1879 г. на церемонии посвящения в кардиналы архиепископа Тулузы (Ж. Депре) и епископа Пуатье (Л.-Э. Пи). «Прозвучавшие речи, — подводила итог официальная газета "Le Moniteur", — ⟨...⟩ своей умеренностью, мудростью, взаимным уважением к правам церкви и правам государства являются подлинным утешением среди разгоряченной полемики ⟨...⟩ последнего времени. Мы счастливы констатировать ⟨...⟩, что в этих обстоятельствах язык Президента республики, в отличие от языка некоторых министров, столь пристрастного и раздраженного, ведет, напротив, к установлению спокойствия и сдержанности в умах тех, кто любит, желает и уважает свободу совести и кто не понимает, каким образом свобода может привести к преследованию церкви» (цит. по: Figaro. 1879. 28 mai. P. 5). Газета "Le Temps" освещала эту церемонию более подробно и остро. В частности, в целом отметив спокойный характер речей новоиспеченных кардиналов (формально признававших невмешательство государства в вопросы верований и догм церкви и, соответственно, невмешательство церкви в светские вопросы), она задавалась вопросом о том, где же проходит демаркационная линия между этими сферами (см.: Temps. 1879. 28 mai. № 6611. P. 1).

5379. Я.П. Полонскому (с. 143)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Собр. *ОЛДП.* № Q250. Л. 164.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 344—345.

[1] Это письмо Полонского к Тургеневу неизвестно.

[2] Схожие проблемы Тургенев испытывал и ранее (в 1869 и 1876 гг.), в ноябре 1879 г. его вновь стали беспокоить "сердцебиения" и "спазмы по ночам" (см. письмо к Г. Флоберу от 25 октября (6 ноября) 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1), резко усилившиеся в ноябре 1880 г., так что он вынужден был обратиться за консультацией к "сердцеведцу" (см. письма к П.В. Анненкову от 7 (19) декабря 1880 г. и к Я.П. Полонскому от 10 (22) декабря 1880 г. — наст. изд. Письма Т. 17. Кн. 1). См. также: *Waddington P.* Turgenev's mortal illness from its origins to the autopsy. Pinehaven (New Zealand), 1999. P. 8.

[3] См. примеч. 12 к письму 5375.

[4] Тургенев готовил в это время к переизданию собрание своих сочинений, которое появилось в печати в 1880 г. На момент написания письма он был занят, по всей видимости, редактированием томов, содержавших повести и романы. Об этом издании см. письма 5299, 5334 и примеч. к ним. В ответном письме от 24 мая ст. ст. Полонский замечал: "...очень жаль, что ты теперь занят работой, которая тебе противна — но что же делать? Нужно же заняться изданием, чтобы оно вышло хорошо" (*Звенья.* Вып. 8. С. 215).

[5] О своем отказе от участия в Международном литературном конгрессе Тургенев сообщал также М.М. Стасюлевичу и П.В. Анненкову. См. письма 5375, примеч. 13, и 5378.

[6] На Полонского произвела впечатление блуза, которую носил Тургенев во время приезда в Петербург весной 1879 г. В ответном письме Полонский просил не хлопотать более: "Право, я вовсе не буду несчастнее, если не получу ее, и, пожалуйста, если и впредь будут приходить мне в голову глупые фантазии, не обращай на них внимания" (*Звенья.* Вып. 8. С. 215, 217). Тургенев, по всей видимости, впоследствии все же выполнил свое обещание и подарил ему такую же блузу черного цвета, так как во время приезда в Спасское в 1880 г. Полонский ее надевал (см. воспоминания С.Г. Щепкиной: Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 205).

[7] Имеется в виду печатавшийся в "Вестнике Европы" (1879. № 2—6) роман Полонского "Дешевый город", который был посвящен Тургеневу. Тургенев ознакомился с романом лишь в октябре — ноябре 1879 г. Отзывы о нем см. в письмах к Полонскому от 3 (15) октября и 5 (17) ноября 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1. В ответном письме от 24 мая ст. ст. 1879 г. Полонский высказывал недовольство отношением к нему редактора "Вестника Европы" М.М. Стасюлевича, его отказом печатать примечание о продолжении романа, а также сокращениями, произведенными в романе без согласования, которые, по его мнению, привели к нарушению логики повествования. "Странный он редактор, — замечал Полонский, — каков бы то ни был мой роман, я знаю, что он прочитывается не без удовольствия, что он написан живым языком и не

скучен и что, стало быть, мое перо не может подорвать подписки, вообще уронить его журнала... Отчего же он все как будто чуждается меня и даже в романе моем делал выпуски без всякого смысла (кроме одной нецензурной) и даже во вред течения речи". "Если же ты меня спросишь, — продолжал он не без обиды, — зачем я не расширил рамку романа и не пошел дальше, то на это я пока одно скажу. Если 26 листов стесняли и приводили в ужас Стасюлевича, то для 40 листов у него положительно не было ни места в журнале, ни охоты печатать. Если бы не снизил окончания к известному сроку (а именно к 15 января), то роман мой не начался бы в феврале и мне нечем было бы заплатить кое-какие долги свои. / Одним словом, я в самых неважных условиях — у меня нет ни уютного тихого кабинета, ни уединения, ни снисходительных друзей в области журналистики" (*Звенья.* Вып. 8. С. 216). Самому Стасюлевичу по поводу замеченных "выбросок и сокращений" Полонский писал 10 мая ст. ст. 1879 г.: "Не знаю, может быть, так и следовало Вам поступить, и я по зрелом размышлении останусь благодарен Вам. Но... мне кажется, что некоторые выпуски затемняют психологическую причинность или подкладку некоторых поступков моих героев" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 515).

[8] Речь идет об очередной статье В.Н. Назарьева из цикла "Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи", напечатанной с подзаголовком "XIII. Весна и осень мировых учреждений" в майском номере "Вестника Европы" за 1879 г. Первую статью из этого цикла, опубликованную еще в феврале 1872 г., Тургенев оценил очень высоко (см. письмо 3112 — наст. изд. Письма. Т. 11). Следующий очерк из этой серии (*ВЕ.* 1880. № 3) Назарьев, с разрешения Тургенева, посвятил ему (см. письмо к П.В. Анненкову от 26 декабря 1879 г. (7 января 1880 г.) — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

[9] Полонский вынужден был отложить поездку на остров Эзель из-за болезни детей (см.: *Звенья.* Вып. 8. С. 214) и выехал в Аренсбург 27 мая ст. ст., где провел вместе с семьей июнь — август 1879 г.

[10] В ответном письме, жалуясь на недостаток средств и времени, Полонский сообщал: "О живописи я мечтаю, как пьяница о водке или голодный о куске хлеба. Даже не верится, что нашлось такое свободное золотое время! Совет твой исполню когда-нибудь, иметь честь и величайшее для меня наслаждение держать кисть и палитру. Я уже купил кое-что по части живописи... и как все это дорого здесь... Боже мой! как дорого! За 15 кистей я должен был заплатить 4 руб. 60 коп. Одним словом, вся провизия будет стоить недешево — а теперь пока деньги уходят на доктора да на лекарства и пр. и пр." (*Звенья.* Вып. 8. С. 217). Во время отдыха на Эзеле Полонскому удалось уделить время живописи, один из написанных им там этюдов — "Аренсбургский замок на о. Эзеле" (картон, масло) ныне хранится в Литературном музее ИРЛИ (21,5 × 27. № 1753).

[11] Полонский выполнил просьбу писателя: стихотворение к Тургеневу, посланное ему еще в 1877 г., когда писатель резко

возражал против его обнародования (см. о нем: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4688, 4693 и примеч. к ним), было напечатано под заглавием "Старое послание" в журнале "Огонек" (1879. № 24. С. 496—497; цензурное разрешение: 6 июня 1879 г.). В ответном письме Полонский, указывая на пренебрежительное отношение к журналу "Огонек" "среди нашей журнальной аристократии" и "даже в глазах наших фельетонных судей и деятелей", замечал: «Таким образом, будь уверен, что если старое послание к *** появится в "Огоньке" — кроме читателей нелитературных, никто и внимания на него не обратит. И разве только Анненков, если прочтет, подумает: не Тургеневу ли было это послание? 〈...〉 Без твоего дозволения — я и без твоего имени не стал бы печатать этого стихотворения. Мне расположение твое дороже в 100 раз, да и вообще — верь не верь, ни за какие деньги я не желал бы сделать тебе какую-нибудь неприятность» (*Звенья.* Вып. 8. С. 216—217). Возражения Тургенева были вызваны прежде всего тем, что в стихотворении легко угадывался образ Полины Виардо, о чем он ранее прямо писал Полонскому:

Туда, в Париж, где я когда-то
Впервые, искренно и свято,
Любим был женскою душой...
Туда, где ныне образ твой,
Еще живой, мне свят и дорог,
Не раз стремился я мечтой 〈...〉

Но где друзья? — друзей немного...
Я их не вижу по годам;
Подчас глуха моя дорога...
В разброде мы: я — здесь, ты — там.

Донашивать свои седины
Нам порознь суждено судьбой!..
Тебе — в объятиях чужбины,
Мне — в кандалах нужды родной.

〈...〉

Но — чу! гремят рукоплесканья,
Ты дрогнул, — жадное вниманье
Приподнимает складки лба;
(Как будто что тебя толкнуло)!
Ты тяжело привстал со стула,
В перчатке, сжатою рукой
Прижал к глазам лорнет двойной,
И — побледнел —
Она выходит...

〈...〉

О, это вкрадчивое пенье!
В нем пламя скрыто — нет спасенья!
Восторг, похожий на испуг,
Уже захватывает дух —
Опять весь зал гремит и плещет...
Ты замер. — Сладко замирать,
Когда, как бы ожив, опять
Пришла любовь с тобой страдать —
И на груди твоей трепещет...
Ты молча голову склонил,
Как юноша, лишенный сил,
Перед разлукой...
Но — быть может —

(Кто знает?!) грустною мечтой
Перелетел ты в край родной,
Туда, где все тебя тревожит,
И слава, и судьба друзей,
И тот народ, что от цепей
Страдал и — без цепей страдает?..

〈...〉

Быть может, видишь ты свой дом,
Забитый ставнями кругом, —
Гнилой забор, — оранжерею, —
И ту заглохшую аллею,
С неподметенною листвой,
Где пахнет детской стариной
И где теперь еще, быть может,
Когда луна светла как день,
Блуждает молодая тень —
Тот бледный призрак, что тревожит
Сердца, когда поет она
Перед толпой, окружена
Лучами славы...

5380. А.В. Топорову (с. 144)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 19—19 об. Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 284.

[1] См. письмо 5376.

[2] Речь идет о хлопотах Тургенева по устройству судьбы Е.И. Кузьминой, являвшейся предположительно его внебрачной дочерью. См. письмо 5419. С М.И. Семевским писатель встречался, по всей видимости, во время приезда в Петербург весной

1879 г. В собрании Семевского сохранилось меню обеда, данного в честь Тургенева 13 (25) марта 1879 г. в ресторане Бореля.

[3] Это письмо Топорова к Тургеневу неизвестно.

[4] См. примеч. 12 к письму 5375.

[5] Речь идет о картине Э.-Т. Бланшара (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 4911, примеч. 3, 4938, 4958, 5165). О том, что деньги за нее получены, Топоров сообщил Тургеневу в ответном послании (см. письмо 5400).

[6] О какой второй картине идет речь — установить не удалось. Она была передана в магазин Беггрова одновременно с картиной Бланшара (см. письмо 4911 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1).

5381. И.Я. Павловскому (с. 145)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 3. Л. 5—6; конверт — л. 56. Почтовый штемпель: 3 juin 79, Montmartre, Paris. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T and Pavlovsky.* P. 23.

Датируется по содержанию, указанному дню недели и почтовому штемпелю на конверте.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Это письмо Павловского к Тургеневу неизвестно.

[2] Возможно, Павловский хлопотал за эмигранта, чайковца Л.Б. Гольденберга, активно сотрудничавшего в типографии "Вперед!", после этого перебравшегося во Францию, где он работал сначала в красильне под Парижем, затем на фабрике у П.Н. Яблочкова, в 1880 г. был выслан из Парижа по делу Л.Н. Гартмана (см. воспоминания Гольденберга: Каторга и ссылка. 1925. № 6. С. 114—116).

[3] Имеется в виду основанная летом 1877 г. при содействии Тургенева "Русская касса взаимного вспоможения в Париже", основной фонд которой пополнялся во многом за счет проводимых им литературно-музыкальных собраний (см. статью Л.И. Кузьминой: *Т сб.* Вып. 3. С. 254—261).

[4] По всей видимости, речь идет о литературно-музыкальном утре, устроенном Тургеневым 15 (27) мая 1879 г. в пользу неимущих русских в Париже, которое собрало многочисленную публику (см. о нем примеч. 1 к письму 5366 и примеч. 1 к письму 5367).

[5] Тургенев часто бывал в парижском салоне княгини М.С. Урусовой на улице Вашингтона (ранее Бийо), 18. Среди посетителей этого влиятельного салона были также Виктор Гюго, Ги де Мопассан, Генри Джеймс, Оскар Уайльд и др. Об одном из совместных с Тургеневым посещений М.С. Урусовой Павловский упомянул в своих воспоминаниях: «Однажды княгиня Урусова в моем присутствии спросила его (Тургенева. — *Ред.*), подписывается ли он на

"Голос". / Он совершенно серьезно ответил ей: — Нет, это слишком дорого» (*Pavlovsky. Souvenirs.* P. 164).

[6] Данное письмо уточняет время знакомства Тургенева с Н.В. Чайковским, которое ранее относилось к лету 1879 г. (см., например: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 87). Не исключено, что оно состоялось через посредство С.Л. Клячко, вместе с которым Чайковский в 1875 г. организовал коммуну в штате Канзас в Америке, или через А.Я. Павловского, который, как и Чайковский, также прожил некоторое время в общине шекеров (впервые предположение высказано П. Уоддингтоном: *T and Pavlovsky.* P. 22). Более развернутый отзыв писателя о Чайковском см. в письме к М.М. Стасюлевичу от 23 августа (4 сентября) 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

[7] Речь идет о переводе на французский язык очерка Павловского "В одиночном заключении", за который взялась А.Н. Луканина (см. примеч. 3 к письму 5328, а также примеч. 1 к письму 5345). В дневнике Луканиной не содержится сведений о том, когда именно она передала Тургеневу рукопись перевода. Известно, что она была у него около 1 июня н. ст., а также несколько раз в течение июня — июля 1879 г. (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 65). Очевидно, что перевод оказался в руках Тургенева до конца июня н. ст., так как 18 (30) июня 1879 г. он сообщал Павловскому, что рукопись находится в редакции "Le Temps". См. письма 5405, 5412 и примеч. к ним.

5382. Гюставу Флоберу (с. 145 и 226)

Печатается по машинописной копии, предоставленной А. Мазоном: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 174. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.* На бланке штемпель: 5 juin 79, rue Clichy, Paris (см.: *Tourguéniev/Flaubert.* P. 269).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 692, с датой: 15 июня 1879 г.; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 84.

В машинописной копии дата 5 июня н. ст. 1879 г. поставлена под сомнение; в первой публикации телеграмма ошибочно передатирована (15 июня н. ст. 1879 г.). Тем не менее она подтверждается письмом Флобера от 2 июня н. ст., в котором он сообщал Тургеневу, что обычно бывает дома часа в 3—4, а в воскресенье не собирается выходить вообще (см.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 651. См. также примеч. 3 к письму 5370).

[1] Неизвестно, заехал ли Тургенев к Флоберу 6 июня н. ст., в пятницу, как сообщается в телеграмме, однако в воскресенье 8 июня н. ст. он у Флобера не появлялся. В этот день у Флобера целый день провел Э. Гонкур ("Целый день мы яростно спорили об эстетике", — записал он в своем дневнике), а в 5 часов вечера к ним присоединился Э. Золя (см.: *Гонкур. Дневник.* Т. 2. С. 271, а также: *Goncourt. Journal.* T. 3. P. 25).

5383. П.В. Анненкову (с. 145)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 43—43 об.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 84.

Стр. 146. доктор общего права (*англ.*), ошибочно, вместо: доктор гражданского права (Doctor of Civil Law).

[1] Тургенев отсылает к началу явления III действия I "Ревизора" Н.В. Гоголя (см.: *Гоголь.* Т. 4. С. 18).

[2] От кого Тургенев получил это известие — неизвестно (возможно, письмо было отправлено Б. Джоветтом, выдвинувшим кандидатуру Тургенева на голосование). О присуждении степени почетного доктора гражданского (а не естественного, как ошибочно указывает писатель) права Тургеневу и другим представителям России см. письма 5402, 5404, 5407 и примеч. к ним, а также: *Симмонс Д.С.Г.* Тургенев и Оксфорд // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 392—398; *Waddington. T and England.* P. 249—274.

[3] 15 июня н. ст. 1814 г. фельдмаршалу Г.-Л. фон Блюхеру была присвоена степень почетного доктора права (LL. D., т.е. Legum Doctor или Doctor of Laws) (см.: Morning Chronicle. 1814. June 17. P. 3; *Varnhagen von Ense K.A.* Leben des Fürsten Blücher von Wahlstadt. 2-te Auflage. Berlin, 1845. S. 394—395). Дипломы почетного доктора гражданского права (Doctor of Civil Law) были в тот же день вручены императору Александру I и королю Пруссии Фридриху-Вильгельму III.

[4] Тургенев перебрался в Буживаль только 31 мая (12 июня) 1879 г., откуда в воскресенье 3 (15) июня выехал в Лондон. В Париж писатель вернулся, как и планировал, 10 (22) июня.

[5] Горячо приветствуя решение Оксфордского университета, в котором он видел прежде всего признание заслуг поколения 40-х годов, Анненков отвечал Тургеневу 28 мая (9 июня) 1879 г.: "Вы не обманулись, друг И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, полагая, что известие о получении Вами докторской шапки в Оксфорде доставит мне искреннее, сердечное удовольствие. Всего замечательнее, что Оксфорд сделал то, что прежде его должна была сделать русская Академия. Выходит, что выбор английский есть в одно время и почет для Вас и урок кому следует. Я ненавижу Российскую академию с ее тупейшими Я. Гротами, Безобразовыми и т.п. Авось будет теперь им стыдно, да вряд ли! Ведь за Вами не числится ни одной важно-пошлой страницы, никакой гнилой и жидкой компиляции. Ради Бога, уведомьте меня о церемониале приема в доктора (все ведь церемонно в Англии), что Вам будут говорить, что Вы будете отвечать? Как любопытно!" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 105). Тургенев удовлетворил просьбу Анненкова в следующем письме (№ 5404). В завершение своего письма Анненков вновь вернулся к этой новости и процитировал поэта

В.П. Петрова, который "невыразимо глупо, но чрезвычайно искренно пел": "Свершение надежды, / Моими зря днесь вежды / И славу сбытия / Не возыграю ль я!", заключив: "C'est mon cas (Это и мой случай — *франц.*). Взыграла душа моя от сбытия, но уже совершенно неожиданного" (см.: Там же. С. 106).

[6] Вероятно, имеется в виду отклик В.В. Стасова на выступление Тургенева на Парижском литературном конгрессе, где после упоминания о рукоплесканиях и хвалебных возгласах иностранцев в адрес Тургенева дается резкая критика его речи. См.: *Читатель ⟨Стасов В.В.⟩.* По поводу одного русского на французском конгрессе // *Н Вр.* 1878. 13 июня. № 821. С. 2, а также примеч. 2 к письму 5054 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. На факт присвоения Тургеневу степени доктора гражданского права Стасов не откликнулся. В ответном письме от 28 мая (9 июня) 1879 г. Анненков на выпад против Стасова замечал: "Что Стасов? Parlez-moi de (Расскажите мне о — *франц.*) Михайловский, Елисеев — etc. — эти сгорают негодованием, что на свете были люди 40-х годов. Что они скажут?" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 105). Отклики в прессе действительно были немногочисленны. См. письмо 5404 и примеч. 9 к нему.

[7] См. письмо 5378.

[8] "А мы словно из тюрьмы выпущены и блаженствуем здесь, — замечал в ответ Анненков. — Баден великолепен, наполнен благоуханием до одурения, дети пьяны от лесного воздуха, зелени, цветов. Как я их обратно повезу в подлейший Брюссель — и представить себе не могу" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 105—106).

5384. И.Я. Павловскому (с. 146)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 3. Л. 1; конверт — л. 2. Почтовый штемпель: 7 juin 79, Paris. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T and Pavlovsky.* P. 23.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте и указанному дню недели.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Экземпляр "Нови" потребовался Тургеневу, очевидно, для работы над новым собранием своих сочинений, которое должно было выйти в 1880 г. у наследников братьев Салаевых. См. о нем письма 5299, 5334 и примеч. к ним.

5385. А.Н. Тургеневу (с. 148 и 226)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4710. Л. 71.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 251—252.

Датируется предположительно, по характеру бумаги и на основании записей в тетради Ф.Н. Тургеневой. Бумага (почтовая, серого цвета), на которой написаны только три письма Тургенева к А.Н. Тургеневу (№ 5385, 5386, 5390, а также письмо к В. Рольстону от 31 мая (12 июня) 1879 г. (№ 5394)), позволяет предположить, что все эти письма написаны приблизительно в одно время. Одно из писем легко датируется по содержанию 29 мая (10 июня) 1879 г. (см. письмо 5390). Следовательно, оставшиеся два тоже могут быть отнесены к июню н. ст. 1879 г. Тетрадь записей Ф.Н. Тургеневой указывает на то, что в июне 1879 г. А.Н. Тургеневым были получены от писателя три письма и два из них датируются воскресеньем 8 июня н. ст. (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4610. Л. 38. Здесь же зафиксировано, что в этот день было послано письмо А.Н. Тургенева к И.С. Тургеневу; ср.: *ЛН.* Т. 76. С. 306, где отмечено только одно письмо, посланное писателем А.Н. Тургеневу в этот день). Содержание этого и следующего писем позволяет предположить, что они были написаны в один день, и продатировать их 27 мая (8 июня) 1879 г.

[1] Запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой за вторник 10 июня н. ст. не содержит упоминаний ни об Альбере, ни об И.С. Тургеневе, поскольку большую часть дня она провела нанося визиты вместе с матерью, Кларой Тургеневой. Писатель посетил Тургеневых в четверг, 12 июня н. ст. 1879 г., накануне своего отъезда в Англию (см.: *ЛН.* Т. 76. С. 396).

5386. А.Н. Тургеневу (с. 148 и 226)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4710. Л. 72.
Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 251.
Датируется предположительно, по характеру бумаги и на основании записей в тетради Ф.Н. Тургеневой. Обоснование датировки см. в примеч. к письму 5385.

5387. С.Л. Клячко (с. 148)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 2. № 31. Л. 7.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 85.
Датируется по связи с письмами 5388, 5392, 5393 и указанному дню недели.

[1] Это письмо Тургенева к Г.О. Гинцбургу неизвестно. Ходатайство Тургенева перед Гинцбургом о работе для Клячко успеха не имело (см. письма 5392 и 5393).

[2] С Гинцбургом Тургенев планировал увидеться на очередном собрании Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, которые проходили по вторникам.

5388. С.Л. Клячко (с. 149)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 2. № 31. Л. 8.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 85.
Датируется на тех же основаниях, что и письмо 5387.

[1] См. письма 5387, примеч. 1, 5392 и 5393.

5389. Эрнесту Ренану (с. 149 и 226)

Печатается по подлиннику: Musée de la Vie romantique. CSR MS 34.121 (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. T. 5 (mars). P. 737; в русском переводе — *Гальп.-Кам. Письма.* С. 325—326.

Датируется предположительно, по времени пребывания Х. Бойесена в Париже в 1879 г., по связи с письмами 5352 и 5361, а также по упоминанию в письме Марка Твена (см. ниже).

[1] Тургенев снабдил Х. Бойесена аналогичными рекомендательными письмами к Альфонсу Доде (№ 5352) и Виктору Гюго (№ 5361). О том, что визит к Ренану состоялся, свидетельствует письмо Марка Твена от 10 июня н. ст. 1879 г.: "Бойесен был также у Ренана ⟨...⟩" (см.: The Letters of Mark Twain and Joseph Hopkins Twichell. Athens (Georgia, USA), 2017. P. 91. Подлинник по-англ. Письмо от 10 июня н. ст. 1879 г.; см. также примеч. 3 к письму 5361). Впоследствии Бойесен также вспоминал, как во время своего двухлетнего пребывания в Германии выбрался на несколько недель в Париж: «Эта поездка знаменательна для меня, поскольку мне представилась возможность увидеться с Тургеневым, который оказал огромное влияние на меня и мое творчество. Когда я навестил его, то обнаружил его в глубоком отчаянии, в том, что он называл своей "азиатской хандрой", его излюбленное выражение. ⟨...⟩ Он принял меня с большой теплотой, ввел во все литературные *salons* (салоны — *франц.*) Парижа, где я познакомился с Виктором Гюго, Доде, Гонкуром, Ренаном ⟨...⟩» (Illustrated American. 1895. February 9. Vol. 17. P. 179).

[2] Эта работа была заказана Бойесену журналом "Scribner's Monthly", с редактором которого, Р.У. Гилдером, Бойесен, по предположению П. Уоддингтона, весной 1879 г. познакомил Тургенева (см.: *N Z Sl J.* 1988. Part 2. P. 103).

[3] Статьи Бойесена о Римском и Берлинском университетах были напечатаны в американском журнале в июне и сентябре 1879 г. (см.: Scribner's Monthly. 1879. Vol. 18. Issue 2. P. 205—217; Issue 5. P. 654—667).

5390. А.Н. Тургеневу (с. 149 и 227)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4710. Л. 73—74.
Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 250.

Датируется по сопоставлению с письмом 5393 и указанному дню недели. Датировка подтверждается записью в тетради Ф.Н. Тургеневой, где среди полученных членами семьи писем значится письмо Тургенева к А.Н. Тургеневу от 10 июня н. ст. 1879 г. (см.: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4610. Л. 38 об.).

[1] Несмотря на то, что испытание ослицы, состоявшееся 30 мая (11 июня), прошло, по всей видимости, успешно (см. письмо 5393), в дальнейшем Тургенев вынужден был вернуть ее Г.О. Гинцбургу, так как запрячь ее не представлялось возможным (см. письмо 5403).

5391. Генри Джеймсу (с. 150 и 228)

Печатается по тексту первой публикации: Comparative Literature. 1949. Vol. 1. № 3. P. 206—207. Подлинник хранится в Хоутонской библиотеке Гарвардского университета (США): MS Am 1094. № 461.

[1] Письмо Джеймса, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

[2] D. C. L. — Doctor of Civil Law (доктор гражданского права). Сам Тургенев толковал букву C. как Common (общий, обычный) — см. письма 5383, 5398. Выдвижение кандидатуры Тургенева на присуждение степени почетного доктора гражданского права состоялось 2 июня н. ст. 1879 г. на Еженедельном Совете Оксфордского университета. Подробнее см. примеч. 1 к письму 5402, а также: *Waddington. T and England.* P. 252, где приведены сведения из протоколов Совета, хранящихся в Bodleian Library.

[3] О церемонии см. письма 5402, 5404 и 5407. Официальное объявление о ней с подробным описанием программы см.: Oxford Times. 1879. June 14. P. 5. Ранее о предстоящем присуждении сообщила также “Pall Mall Gazette” (1879. June 11. № 4462. P. 7).

[4] Поездка Тургенева в Англию практически полностью прошла согласно обозначенному плану: писатель выехал из Парижа вечером в воскресенье 15 июня н. ст. и 16 июня н. ст. 1879 г. в 7 часов утра прибыл в Лондон. В Оксфорд он отправился рано утром во вторник, 17 июня н. ст., где остановился у ректора Баллиольского колледжа Б. Джоветта. См. также подробный отчет о первых днях путешествия в письме 5402. В Париж писатель вернулся 10 (22) июня.

[5] В Лондоне Тургенев остановился в гостинице Гросвенор (Grosvenor Hotel).

[6] Эта телеграмма Джеймсу неизвестна, однако очевидно, что она была послана, так как 16 июня н. ст., в день прибытия Тургенева в Лондон, Джеймс первым навестил его в гостинице. В тот же день Джеймс и Тургенев встретились также на завтраке

в "Реформаторском клубе", на который старинный знакомый писателя В.Г. Беллок (Холл) в честь его приезда пригласил еще четверых влиятельных гостей (см. письмо 5402 и примеч. 6–9 к нему).

[7] Запланированный на 20 июня н. ст. 1879 г. обед с Джеймсом действительно состоялся в 8 часов вечера в лондонском "Реформаторском клубе" (Reform Club). Джеймс заблаговременно пригласил на него нескольких своих лондонских знакомых, среди которых были хорошо известные Тургеневу Вильям Рольстон и Джон Уолтер Кросс, ставший в мае 1880 г. мужем Джордж Элиот. Кроме того, Тургенев на обеде познакомился еще с двумя выпускниками Оксфорда — историком-позитивистом и журналистом Джеймсом А. Коттером Морисоном, а также с великолепным знатоком английской поэзии и драматургии Моубри Моррисом, сотрудничавшим в "The Times" и "The Macmillan's Magazine". Из американских приятелей Джеймса смог присутствовать только историк и писатель Джон Фиск (большой друг Рольстона), с которым Тургенев ранее не был знаком. "Я дал приятнейший в моей жизни обед, — сообщал впоследствии Джеймс своей матери, Мери Р. Джеймс, — обед, на который пригласил Тургенева. Все замечательно удалось" (см.: *James H.* Letters / Ed. L. Edel. Cambridge (Mass.), 1975. Vol. 2. P. 248; пер. цит. по: *РЛ.* 1983. № 2. С. 141. Публ. М.А. Шерешевской. Письмо от 6 июля н. ст. 1879 г.). "...Всем было чрезвычайно приятно, — вспоминал Джеймс, — милейший Иван Сергеич был в ударе и обаятелен как никогда 〈...〉. Его простота и обходительность не уступают его остроумию и уму, а его умение вести беседу приправлено (прошу прощения за сие кулинарное выражение) самой пленительной *bonhomie* (доброжелательностью — *франц.*)" (цит. по: Там же). После обеда к ним присоединились молодой Хью Арнольд-Форстер, только что принятый в адвокатуру и впоследствии сделавший блестящую парламентскую карьеру, а также профессор Джеймс Брайс, который за два дня до этого произнес представление на присуждении Тургеневу степени почетного доктора гражданского права (см. примеч. 4 к письму 5404). Схожее впечатление осталось и у Фиска: "Тургенев был героем дня, и он великолепен, — внешне напоминает Лонгфелло. Джеймс Брайс, величайший историк, также был там и мой как всегда очаровательный Рольстон. Роскошный обед и блестящая дружеская беседа. Рольстон проводил меня пешком в полночь" (цит. по: The Life and Letters of John Fiske. Boston; New York, 1917. Vol. 2. P. 137). Об этом обеде см. также: *Waddington. T and England.* P. 275–276.

5392. С.Л. Клячко (с. 151)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 2. № 31. Л. 9.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 87.

Датируется по содержанию, связи с письмами 5387, 5388, 5393 и указанному дню недели.

[1] В Англию Тургенев отправился на церемонию присуждения ему степени почетного доктора гражданского права Оксфордского университета (см. об этом письма 5383, 5391, 5398, 5402, 5404 и 5407).

[2] По всей видимости, отказ Г.О. Гинцбурга, о котором Тургенев узнал во время встречи 29 мая (10 июня) на собрании Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, был вызван неблагонадежностью Клячко в глазах официальных кругов и прежде всего его связями с революционно настроенными эмигрантами. Так, например, осенью 1879 г. М.О. Вольф, привлекший по рекомендации Тургенева Клячко в качестве переводчика, был обвинен III отделением в "покровительстве революции" (см.: *Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Пг.; М., 1916. С. 64—65). См. письма 5387, 5388 и 5393, а также письмо к М.О. Вольфу от 27 октября (8 ноября) 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

5393. Г.О. Гинцбургу (с. 151)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 19—20. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg*. P. 89.

[1] О покупке ослицы у Гинцбурга и последующем отказе от нее см. письма 5390, 5403.

[2] Тургенев неоднократно составлял протекцию переводчику С.Л. Клячко (см. письма к М.О. Вольфу от 27 октября (8 ноября) 1879 г. и к М.М. Стасюлевичу от 3 (15) января 1881 г.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1, 2; см. также письма 5387, 5388 и 5392).

5394. Вильяму Рольстону (с. 152 и 228)

Печатается по подлиннику: Государственный музей А.С. Пушкина. Инв. 24826. Почтовые штемпели: 1) 12 juin 79, Montmartre, Paris; 2) Jun. 13 79, London.

Впервые опубликовано Е.В. Полянской: Письмо Тургенева к В. Рольстону (1879) (Об одном автографе И.С. Тургенева в собрании Государственного музея А.С. Пушкина) // *Тургенев. НИиМ*. Вып. 4. С. 517—519. Здесь же на с. 518 воспроизведено факсимиле письма.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] В Англию Тургенев выехал, чтобы присутствовать на церемонии присуждения ему степени почетного доктора гражданского

права Оксфордского университета (см. примеч. 1 к письму 5402). О ходе поездки см. примеч. 4 к письму 5391, а также письма 5402, 5404, 5407 и примеч. к ним.

[2] Писатель остановился в гостинице Гросвенор, недалеко от Букингемского дворца.

[3] Эта телеграмма Рольстону неизвестна, однако очевидно, что она была послана, так как в понедельник 4 (16) июня 1879 г., в день прибытия Тургенева в Лондон, Рольстон был вторым, кто навестил его в гостинице (первым был Г. Джеймс — см. письмо 5402, а также примеч. 6 к письму 5391).

[4] Некоторое представление о содержании разговора дает письмо-отчет Тургенева к Полине Виардо от 4 (16) июня 1879 г. (№ 5402). Очевидно, писателя прежде всего интересовало, как будет проходить церемония, в частности — нужно ли ему будет выступать. Вероятно, обсуждались и другие вопросы, в том числе чествования, которых Тургенев удостоился во время своего пребывания в России в феврале — марте 1879 г.

5395. Гюставу Флоберу (с. 152 и 229)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 173. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 690—691; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 87—88.

[1] Возможно, получив какое-то письмо или телеграмму, призывающую срочно отправиться в Лондон на церемонию присуждения ему степени почетного доктора гражданского права Оксфордского университета, Тургенев намеревался изменить свои планы. Не исключено, что у него была и иная причина отправиться в Англию на день раньше, чем он рассчитывал изначально (см. письма 5391, 5392, 5394, где днем отъезда названо воскресенье). Церемония состоялась 18 июня н. ст. 1879 г. (см.: *Симмонс Д.С.Г.* Тургенев и Оксфорд // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 392—398). Накануне (12 июня н. ст. 1879 г.), переехав из Парижа в Буживаль, он тут же отправил Флоберу телеграмму (неизвестна) и пригласил его на обед в субботу 14 июня н. ст. Настоящее письмо является ответом на письмо Флобера, отправленное утром того же дня, 13 июня н. ст. 1879 г. (впервые датировка предложена А. Звигильским: *Tourguéniev/Flaubert.* P. 270, note 1): «Ваша вчерашняя телеграмма непонятна. "Приезжайте завтра". Но куда приезжать? В Буживаль? Это невозможно. Если речь идет о Париже, то отлично. Итак, завтра я на всякий случай около трех часов пополудни позвоню в дверь на улице Дуэ. Но не хлопочите на мой счет, потому что я смогу уделить вам лишь малую толику времени» (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5.

P. 654). Комментаторы собрания писем Флобера поставили датировку А. Звигильского под сомнение и предположительно датировали это письмо 6 июня н. ст. 1879 г. на том основании, что Тургенев не мог 12 июня н. ст. телеграммой приглашать Флобера на 13 июня н. ст., поскольку в тот же день, 13 июня н. ст., из-за поездки в Лондон отменил свое приглашение уже на 14 июня н. ст. Вместе с тем комментаторы признают, что данное письмо Флобера не является и ответом на телеграмму Тургенева от 5 июня н. ст. (№ 5382) и, следовательно, было написано в ответ на другую телеграмму, также посланную 5 июня н. ст., которая остается неизвестной (Ibid. P. 1373). Тем не менее очевидно, что Тургенев изначально мог пригласить Флобера отобедать не в пятницу (13 июня н. ст.), а в субботу (14 июня н. ст.), так как Флобер, цитируя (или перефразируя) лишь часть телеграммы, говорит о своем завтрашнем (т.е. субботнем) визите. В этом случае становится понятным и второй постскриптум в настоящем письме Тургенева: в случае переноса отъезда на вечер воскресенья он вполне успевал зайти к Флоберу днем.

[2] Флобер, в ответ на жалобы Тургенева на тяжелое душевное состояние, высказанные им в письме от 26 июля (7 августа) 1879 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1), не без сарказма заметил: "Не связаны ли нравственные ваши страдания с академической шапочкой или с тем, что не представляется случай обмануть мои ожидания?" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 241, см. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 687).

[3] Тургенев имеет в виду назначение Флобера внештатным помощником хранителя Библиотеки Мазарини, что значительно улучшало его материальное положение (см. примеч. 1 к письму 5370).

[4] Тургеневу так и не удалось в ближайшее время повидаться с Флобером ни до отъезда в Лондон, ни после возвращения. После долгого перерыва он навестил писателя в Круассе 15 сентября н. ст. 1879 г. Обиженный Флобер писал 9 августа н. ст. 1879 г.: "А я жду теперь, как станете вы оправдываться за последнее свое вероломство — ведь вы должны были у меня обедать в некую субботу в июне месяце, и вот с тех пор от вас ни слуху ни духу" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 241; см. также: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 687).

5396. П.Л. Лаврову (с. 153)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 49.
Впервые опубликовано: *Мин Годы.* 1908. № 8. С. 24.
Датируется по содержанию и указанному дню недели.

[1] Тургенев откликается на письмо Лаврова от 13 июня н. ст. 1879 г., в котором тот интересовался судьбой Г.А. Лопатина: "Слышу, что Вы на днях уезжаете в Лондон. Не имея поэтому надежды

видеть Вас до отъезда, обращаюсь к Вам письменно. Нет ли каких известий о Лопатине? Я очень удивлен, что его жена (З.С. Корали. — *Ред.*) мне уже давно не пишет ни строчки, и боюсь, чтобы там не стало хуже, хотя стороной из источников не особенно достоверных мне сообщили подтверждение прежних хороших слухов. Если Вы что-нибудь слышали или получили, черкните две строчки" (*N Z Sl J.* 1985. P. 79—80. Публ. П. Уоддингтона).

[2] О присуждении Тургеневу степени доктора гражданского права см. письма 5383, 5402, 5404, 5407 и примеч. к ним.

[3] Об аресте Лопатина в Петербурге в марте 1879 г. см. письмо 5323 и примеч. к нему.

[4] В это время Лопатин находился в тюрьме в Иркутске. Из-за выдвинутых против него серьезных обвинений (в том числе в причастности к покушению А.К. Соловьева на Александра II), большая часть которых была основана на случайных совпадениях, слухи о его будущем разнились от освобождения до смертной казни (см.: Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Пг., 1922. С. 12—13). Известие о снятии наиболее тяжких обвинений Тургенев воспринял с облегчением (см. письма к Лаврову от 28 сентября (10 октября) и 16 (28) октября 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

5397. Юджину Скайлеру (с. 153 и 229)

Печатается по цифровой копии антикварного магазина Heritage auctions (США), где письмо было продано 19 октября 2017 г. Подлинник ранее хранился в частном собрании А. Сискоу в Нью-Йорке (США).

Впервые опубликовано: в английском оригинале — Russian Literature Triquarterly. 1982. № 17. P. 189; в русском переводе (с пропуском обращения и заключительной части письма) — *ВЛ.* 1983. № 9. С. 127.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Это письмо Скайлера к Тургеневу неизвестно.

[2] Сообщение о высылке Тургенева из России появилось вскоре после его отъезда из Петербурга в одной из немецких газет (не установлена) и было перепечатано рядом франкоязычных, а также британских изданий. Писатель был вынужден даже обратиться в некоторые из них с опровержением (см. письма 5338, 5341, 5353 и примеч. к ним). Так, например, лондонская "The Standard" опубликовала заметку своего парижского корреспондента "Arrests in Russia" ("Аресты в России"), перепечатанную впоследствии другими газетами, часть которой отводилась Тургеневу: «Среди тех, кто удостоился недовольства со стороны русских властей в С.-Петербурге, упомянуто имя известного писателя г. Ивана Тургенева. Оказывается, полиция была задета тем, что студенты устроили ему овацию, и ему было приказано покинуть страну.

Г-н Иван Тургенев, полагаю, является французским гражданином. Как ни странно, но именно он был тем, кто в одном из своих романов изобрел термин "нигилист" для характеристики революционной секты в России. Г-н Маков, министр внутренних дел России, запретил петербургской прессе под страхом сурового наказания критиковать действия правительства и в особенности меры, предпринимаемые в отношении учебных заведений» (1879. April 24. № 17084. P. 5).

[3] Тургенев смог приехать в Россию только в конце января ст. ст. 1880 г., в том числе из-за общественного резонанса, который получило его предисловие к публикации французского перевода очерка И.Я. Павловского "В одиночном заключении" (см. об этом: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 601, а также письмо к П.В. Анненкову от 13 (25) ноября 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

[4] От кого именно поступили предостережения — остается неизвестным. Схожие свидетельства сохранились в воспоминаниях Г.А. Лопатина, Х. Бойесена, Х. Гогенлоэ и др. См. об этом примеч. 2 к письму 5353, а также во вступит. статье к Примечаниям в наст. томе.

[5] По всей видимости, Тургенев имеет в виду массовые аресты, которые были произведены в Москве в марте ст. ст. 1879 г. по делу Н.В. Рейнштейна: среди арестованных оказался, например, студент Московского университета П.П. Викторов, который произносил речь в честь писателя на заседании Общества любителей российской словесности 18 февраля (2 марта) 1879 г., а также его жена С.А. Вальтер. По подозрению в убийстве Рейнштейна и намерении создать "Центральный кружок вроде распорядительного комитета" разыскивался также В.Ф. Гинтовт-Дзевалтовский, эмигрировавший за границу и с конца 1880 г. живший в Париже, где общался с Тургеневым (см. его воспоминания о встречах с писателем: *Революционеры-семидесятники.* С. 302—325). Кроме того, известно Тургеневу было и об арестах среди студентов и профессоров, последовавших в апреле ст. ст. 1879 г. в Петербурге после покушения А.К. Соловьева, а также ранее в связи с обнаружением подпольной типографии. Х. Бойесену, с которым Тургенев увиделся вскоре после возвращения из России в Париж, он также признавался, что уехать ранее намеченного срока его заставили в том числе опасения за судьбу студентов, которые были настроены продолжать манифестации в его честь: "Напрасно я умолял их (студентов. — *Ред.*) оставить меня в покое и затаиться. И снова я получил предупреждение от властей, настаивавших, что если я не покину Россию по собственной воле, то должен осознавать, что мое присутствие служит предлогом для антиправительственных демонстраций и что, не давая ни малейшего повода со своей стороны, я навлеку на многих молодых людей несчастье. Этот довод я не мог игнорировать, поскольку понимал, что это правда" (Harper's Weekly.

1883. September 29. Vol. 27. № 1397. P. 615; ср.: *Бойесен Я.* Воспоминания о Тургеневе / Публ. В. Александрова // *ВЛ.* 1981. № 6. С. 192. Несмотря на некоторые фактические неточности в воспоминаниях Бойесена, общий смысл, как представляется, был передан им верно).

[6] О присуждении ему Оксфордским университетом почетной степени D. C. L. — Doctor of Civil Law (доктор гражданского права) — Тургенев сообщал и другим корреспондентам, неизменно трактуя букву C. как Common (общий, обычный; в передаче писателя "доктор естественного права") (см. письма 5383, 5391, 5394, 5398—5400, 5402, 5403). О церемонии, которая состоялась 6 (18) июня 1879 г., см. письма 5404, 5407 и примеч. к ним.

[7] Осенью 1878 г. Скайлер был назначен консулом в Бирмингеме, что было воспринято неоднозначно, так как он являлся признанным специалистом по Восточному вопросу, а после его активного участия в обнародовании турецких зверств в Болгарии считался в Великобритании чуть ли не русским шпионом и "пожирателем турок" (см.: *Schuyler E.* Selected Essays. New York, 1901. P. 89, 131, 133). О своем назначении американским генеральным консулом в Риме Скайлер узнал во время пребывания в Лондоне в мае 1879 г. из газет (см., например: The Globe. 1879. May 27. № 25206. P. 5. Телеграмма от 27 мая 1879 г.).

[8] В Рим Скайлер отправился лишь в конце августа 1879 г., заехав перед этим на родину своих предков — в Голландию. Состоялась ли его встреча с Тургеневым — неизвестно. Уже в июне 1880 г. Скайлер был назначен генеральным консулом в Бухарест.

[9] В Буживаль Тургенев действительно вернулся 10 (22) июня 1879 г. и оставался там до конца ноября ст. ст. 1879 г., лишь периодически выезжая в Париж по делам.

5398. М.М. Стасюлевичу (с. 154)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 237.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 165—166.

[1] Описание этой церемонии см. в письмах 5404 и 5407. Тургенев ошибочно раскрывает аббревиатуру D. C. L. как Doctor of Common Law (доктор общего права), в то время как в действительности речь шла о степени Doctor of Civil Law (доктор гражданского права), что подчеркивало вклад писателя в развитие гражданского общества, т.е. в отмену крепостного права в России посредством цикла рассказов "Записки охотника", носившего ярко выраженный антикрепостнический характер. Ошибка Тургенева была повторена Стасюлевичем в биографическом очерке, предпосланном первому стереотипному изданию "Записок охотника" (СПб., 1880), которое фактически вышло в конце 1879 г.

(см. примеч. 10 к письму 5375), а также на портрете-шарже писателя, выполненном А.И. Лебедевым (цензурное разрешение: 12 сентября ст. ст. 1879 г.), который вошел в третью серию "Карикатурного альбома современных русских деятелей", изданного журналом "Стрекоза". В редакционном примечании к карикатуре говорилось: «Тургенев И.С. — это имя бросает от себя целый конус ярких, согревающих лучей; любовь к нему публики росла в прямопропорциональном отношении квадрату расстояний; чем дальше он отодвигался, тем больше его любили; громадное дарование слилось в его лице с чрезвычайно симпатичными личными качествами; сед как лунь и чист как белый голубь; с течением времени все нападки и упреки, все старые счеты и полемические выходки незаметно рассеялись и провалились, а на виду у всех остались только доброе имя, неумирающая слава и огромная популярность этого наиболее близкого, наиболее понятного и наиболее дорогого для всей русской публики писателя; единственный упрек, с которым можно бы к нему обратиться, — это его несколько преждевременный отдых на лаврах, — на что и намекает портрет нашего "Альбома"» (цензурное разрешение: 20 ноября ст. ст. 1879 г.; см. также иллюстрацию на с. 155).

[2] Тургенев вернулся из Лондона в Буживаль 10 (22) июня, пробыв в Англии в общей сложности неделю.

[3] Стасюлевич получил письмо Тургенева и ответил ему 11 (23) июня 1879 г., поздравив прежде всего с присуждением почетной степени в Оксфорде: "Добрейший Иван Сергеевич и новопоставленный Доктор естественного права, приветствую Вас самым сердечным образом с честью, которая есть и наша честь. Надобно отдать справедливость англичанам: они нас недолюбливают, но это не мешает им быть беспристрастными". Стасюлевич сообщал также, что уезжает во Франценсбад 16 (28) июня, откуда через неделю собирается поехать на месяц в Киссинген (см.: *Т сб.* Вып. 3. С. 395. Публ. Н.Н. Мостовской). Поездка на курорты была связана с необходимостью лечения жены Стасюлевича Любови Исааковны.

[4] Текст упомянутого объявления не сохранился. Под "нашим Обществом" имеется в виду Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, секретарем которого Тургенев был с января 1878 по 1883 гг. Очевидно, объявление касалось членов Общества (в частности, Красносельского, Розенталя и Кумберга), забывших уплатить взносы, поскольку 11 (23) июня 1879 г. Стасюлевич писал Тургеневу: "...Ваше поручение не исполняю, не переписавшись с Вами: вызывать кого-нибудь к сообщению адресса жительства чрез газеты по поводу членских взносов, а не по получению наследства — крайне неловко и даже обидно, так как это покажется, что их ищут для напоминания им их обязанностей. У нас это не принято и огорчит многих. Надобно постараться разузнать их адрессы частным образом, через тех лиц, которые их представляли. Например, адресс Красносельского

и Розенталя известен Гинцбургу; адресс Кумберга известен всему Петербургу, и странно было бы требовать его адресса через газеты" (см.: *Т сб.* Вып. 3. С. 395. Публ. Н.Н. Мостовской).

5399. Л.Я. Стечькиной (с. 154)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 60—62.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным*. С. 26—27.

[1] Письма Стечькиной, на которые откликается Тургенев, неизвестны.

[2] О присуждении ему Оксфордским университетом степени почетного доктора гражданского права (D. C. L.) Тургенев сообщал и другим корреспондентам (см. письма 5383, 5391, 5394, 5398, 5400, 5402, 5403). Описание церемонии, состоявшейся 6 (18) июня 1879 г., см. в письмах 5404, 5407 и примеч. к ним.

[3] Тургенев ошибся: до него степень почетного доктора гражданского права была присуждена Оксфордским университетом нескольким русским, в том числе В.А. Жуковскому (см. примеч. 10 к письму 5407).

[4] Это письмо Н.Я. Стечькина к Тургеневу неизвестно. По-видимому, писатель так и не ответил на него, а откликнулся лишь на следующее письмо к нему 18 (30) августа 1879 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

[5] Тургенев неоднократно высказывался о литературном призвании Н.Я. Стечькина и даже предпринимал шаги к тому, чтобы устроить его сотрудничество в "Вестнике Европы", однако из этой затеи ничего не вышло (см. письмо 5297 и примеч. 10 к нему). В это время Стечькин пытался устроиться на службу в Киеве (см. письмо к нему от 18 (30) августа 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

[6] В 1882 г. Стечькина закончила работу над второй повестью, но в печати она не появилась (см. письма Тургенева к Стечькиной от 6 (18) августа 1882 г. и к М.М. Стасюлевичу от 12 (24) ноября 1882 г.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2; см. также: *Т сб.* Вып. 3. С. 377, 382).

[7] О публикации романа Стечькиной "Варенька Ульмина" см. письмо 5297 и примеч. 1 к нему.

[8] Тургенев увиделся со Стечькиной в Петербурге во время своего приезда в Россию в 1880 г. (см. письмо к ней от 25 марта (6 апреля) 1880 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

5400. А.В. Топорову (с. 157)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 20—20 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 285—286.

[1] Это письмо Топорова к Тургеневу неизвестно. В нем шла речь о получении денег за картину Э.-Т. Бланшара, проданную через магазин Беггрова (см. письмо 5209 и примеч. 5 к нему).

[2] О какой другой картине идет речь — установить не удалось (см. о ней также в письме 5380).

[3] В Буживаль Тургенев переехал 31 мая (12 июня) 1879 г.

[4] О присуждении писателю степени почетного доктора гражданского права см. письма 5383, 5391, 5394, 5398, 5399, 5402, а также примеч. к ним; описание церемонии см. в письмах 5404 и 5407.

[5] Хотя Тургенев был далеко не первым русским, кого Оксфордский университет удостоил степени почетного доктора гражданского права (D. C. L.), он стал среди них одним из первых писателей (ранее эта честь выпала также В.А. Жуковскому). См. примеч. 10 к письму 5407.

[6] Те же опасения Тургенев небезосновательно высказал и в письме к П.В. Анненкову (№ 5383). Если отклик В.В. Стасова остается неизвестным, то Н.К. Михайловский начал свои сентябрьские "Литературные заметки" именно с этого события. Утверждая, что "Россия должна воздвигнуть памятник искусству", так как "ни в какой европейской стране и, надо думать, нигде в целом мире искусство (т.е. прежде всего, в понимании Михайловского, поэзия и беллетристика, "потому что остальные отрасли искусства, хотя уже и декретированные манифестами г. Стасовым, еще не успели сыграть какую-нибудь общественную роль". — *Ред.*) не играет такой важной и своеобразной роли, как в нашем отечестве", критик замечал: «Недавно оксфордский университет показал, что и Европе известно это своеобразное значение искусства в России: университет торжественно облек званием почетного доктора прав нашего маститого художника, И.С. Тургенева, за его труды по освобождению крестьян в России. Так или почти так были формулированы поэтические права И.С. Тургенева на звание доктора прав оксфордского университета. По незнанию России, университет впал в маленькую ошибку, ибо оказанный им русскому художнику почет по всем правам принадлежит не И.С. Тургеневу, а Д.В. Григоровичу, первые произведения которого из крестьянской жизни, по своему общественному значению, далеко затмевают "Записки охотника". Но это ошибка частная, второстепенная, фактическая. В принципе оксфордский университет не ошибся, признав за русским искусством крупное общественное значение». Особое значение поэзии в России Михайловский видел в том, что она долгое время была "чуть не единственным и во всяком случае лучшим и надежнейшим проводником если не политической мысли, то гуманных идей". Именно она породила "специальную отрасль литературной деятельности, оказавшую неисчислимые услуги русскому обществу", — литературную критику, которая "нигде и ни в какой литературе" не имела "такого значения, как в нашей". Искусство таким образом получило возможность вливать в общественное

сознание "массу гуманных идей, иногда остававшихся на ступени расплывающегося, неопределенного гуманизма, а иногда принимавших весьма определенный политический характер", так что "понятиями о задачах и приемах искусства определялись политические партии". В этом отношении Михайловский признавал, что "оксфордский университет был в принципе вполне прав, чествуя И.С. Тургенева: русское искусство сослужило большую и хорошую службу своему отечеству" (*ОЗ.* 1879. № 9. Отд. 2. С. 96—98).

[7] В Париж Тургенев вернулся 10 (22) июня 1879 г.

[8] Свое обещание Тургенев выполнил только по возвращении из Англии. См. письма 5418 и 5419. См. также примеч. 2 к письму 5380.

[9] Имеется в виду фотография для петербургского врача А.К. Соловьева, которую писатель послал 20 июня (2 июля) 1879 г. См. письмо 5418.

5401. Н.А. Щепкину (с. 158)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 260. На письме помета карандашом рукой Н.А. Щепкина (?): "1879-го — 1-го июня".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 105.

Датируется на основании записи в ведомости расходов по имениям Тургенева за декабрь 1878 г. и январь—сентябрь 1879 г.: "На содержание Марии Николаевны Тург⟨еневой⟩ с дочерью за 3 месяца 160 руб." (*ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1 об.) и по связи с письмом к Щепкину от 14 (26) сентября 1879 г., где писатель благодарит его за оказанное М.Н. Тургеневой и ее дочери гостеприимство (см.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1), из которого следует, что они прибыли в Спасское уже в июне ст. ст. 1879 г.

[1] Е.И. Бларамберг жила в Спасском летом 1877 г. См. об этом письма 4757, примеч. 2, 4802, 4814, примеч. 4, 5 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2, а также воспоминания Бларамберг: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 185—188; *Бларамберг. Воспоминания.* С. 722—730.

[2] Письмо М.Н. Тургеневой с просьбой провести лето в Спасском неизвестно. По-видимому, именно к этому приезду М.Н. Тургеневой с дочерью в Спасское относится следующий эпизод из воспоминаний С.Г. Щепкиной, согласно которому Тургенев "показал (очевидно, переслал. — *Ред.*) письмо своей однофамилицы Марии Николаевны Тургеневой, в котором она описывала болезненное состояние своей дочери и невозможность ехать на воды по совету доктора. Надеясь на его доброту, просила позволения приехать им обеим в Спасское, провести лето". Воспоминания об этом визите у Щепкиной остались не самые благоприятные. "Тогда в голову не пришло, что есть люди сами по себе неделикатные, — замечала она. — И я в первый раз в жизни видела, как ведут себя гости в чужом доме, — и меня очень удивило, что они выбрали его

кабинет, — он любезно разрешил им пользоваться своей библиотекой. Они не столько читали, сколько привели ее в беспорядок. Вместо гулянья и пользования здоровым воздухом целыми днями сидели у меня, ничем не занимались, чрезмерной говорливостью нарушали весь строй моих домашних занятий. Скучнее этих особ не встречала. Мария Николаевна, в благодарность за проведенное лето, послала Т⟨ургеневу⟩ ковер букетами, сработанный ею из шерстяных и бархатных лоскутков". Здесь же Щепкина приводит подробности биографии М.Н. Тургеневой (Красный архив. 1940. Т. 3 (100). С. 201—202).

5402. Полине Виардо (с. 158 и 230)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 16273. F. 395—396 v. На листе почтовой бумаги с монограммой Тургенева и перечеркнутым штампом адреса: "50, RUE DE DOUAI / PARIS".

Впервые опубликовано: во французском оригинале (с небольшими неточностями) — *T. Lettres inéd.* P. 211—212; в русском переводе — Иностранная литература. 1971. № 1. С. 191—192; вновь опубликовано в русском переводе: *Т в восп совр. Переписка (1988).* С. 544—545.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Настоящее письмо является первым письмом к Полине Виардо, отправленным Тургеневым из Лондона, куда он выехал 3 (15) июня 1879 г., чтобы принять участие в церемонии присуждения степени почетного доктора гражданского права (D. C. L.) Оксфордского университета. Из ранее присланного письма из Оксфорда (неизвестно) писатель узнал, что 2 июня н. ст. 1879 г. на заседании Еженедельного совета университета (Hebdomadal Council) ректор Баллиольского колледжа Бенджамин Джоветт, с которым он, скорее всего, познакомился осенью 1878 г. (см. письмо 5114 и примеч. 3, 4 к нему — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1), представил его кандидатуру на степень доктора honoris causa и после голосования объявил его кандидатом на степень доктора гражданского права за вклад в дело освобождения крестьян ("это воздаяние за мои труды по освобождению крестьян", см. письмо 5383 и примеч. 2 к нему).

[2] 30 мая (11 июня) 1879 г. Тургенев сообщил Г. Джеймсу о своем скором приезде в Лондон и обещал оповестить его телеграммой по приезде (см. письмо 5391).

[3] В. Рольстон также был предупрежден заранее о приезде Тургенева. Писатель собирался о многом рассказать ему (в том числе о торжествах, прошедших в России в его честь в феврале — марте) и о многом расспросить, прежде всего о предстоящей церемонии (см. письмо 5394).

[4] Очевидно, эти слова принадлежали Рольстону.

[5] В действительности помимо Тургенева почетной степени D. C. L. были удостоены не четыре, а семь человек, в том числе перешедший на службу послом в Россию бывший генерал-губернатор Канады лорд Дафферин; губернатор Фиджи А. Гамильтон-Гордон; епископ Даремский и известный богослов Дж.Б. Лайтфут; первый лорд адмиралтейства У.Г. Смит; известный художник, президент Королевской академии барон Фредерик Лейтон; шотландский историк У.Ф. Скин; государственный деятель и преобразователь системы начального образования У.Э. Форстер. См. также письмо 5404 и примеч. 1 к нему.

[6] Имеется в виду Вильям Генри Беллок, взявший в 1872 г. после смерти дяди, генерала Дж. Холла, его фамилию и унаследовавший его имение Six Mile Bottom, куда он неоднократно приглашал Тургенева на охоту. Познакомился Тургенев с ним еще в 1870 г. и, очевидно, поддерживал теплые отношения и переписку, которая почти не сохранилась.

[7] "Реформаторский клуб" (Reform Club) — традиционное для английской политической культуры закрытое элитарное сообщество, учрежденное в 1836 г. и собравшее под своей крышей сторонников либеральных взглядов, близких к вигам. При отрицательном отношении к английской живописи (см. ниже) неудивительно, что Тургенев называет висящие на стенах клуба портреты известных политических деятелей, представителей Либеральной партии, "ужасными", однако имя Кромвеля он подчеркивает, намекая на то, что наряду с современными политическими деятелями присутствует бюст известного своей жестокостью лидера Английской революции XVII в., в результате которой был казнен король Карл I. Портрет лорда Пальмерстона (стоит в полный рост, в пол-оборота влево, правая рука покоится на документах, лежащих на письменном столе) был выполнен по фотографии Лоусом Катоном Дикинсоном, рядом с ним висел портрет лорда Рассела (сидит за столом в пол-оборота вправо, в руках перо), выполненный (также по фотографии) Джеймсом Арчером. Упомянутые Тургеневым мраморные бюсты находились в одном зале и располагались по углам: бюст Брума работы Джона Актона-Адамса в юго-западном, бюсты Кобдена (1866) и Кромвеля (1860), выполненные Мэтью Ноублом, в юго-восточном и северо-восточном соответственно; в северо-западном углу находился бюст Пальмерстона (1860) также его работы (см.: *Fagan L.* The Reform Club: its Founders and Architect. London, 1887. P. 120, 122). Лондонские клубы славились дешевой и качественной кухней.

[8] Речь идет о сэре М.Э. Грант-Даффе и сэре Д. Уэддерберне, двух членах парламента, представлявших Либеральную партию. Сохранилась запись в дневнике Грант-Даффа о том, что за завтраком Тургенев говорил о политической обстановке в России: "Завтракал с Беллок Холлом, чтобы увидеться с Иваном

Тургеневым, который приехал, чтобы быть произведенным в д⟨октора⟩ г⟨ражданского⟩ п⟨рава⟩ в Оксфорде. Он рассказал нам, что не менее 25 000 русских, большей частью молодых, находятся в настоящее время либо в тюрьме, либо в ссылке, из них нигилистов только несколько сотен. Он обсуждал характеры кое-кого из членов императорской семьи, оценивая цесаревича (будущего Александра III. — *Ред.*) более высоко, нежели те, кого мне доводилось ранее слышать. О министрах он не сказал ничего нового. Несмотря на многие беды сегодняшней России, материальный достаток в ней растет. Двадцать лет назад он хотел продать одному приятелю часть своих земель. Запросил по 25 рублей за десятину; приятель мог заплатить лишь 24, так что земля осталась непроданной. Теперь же он мог бы продать ее по 125 рублей. Правда, рубль сейчас едва стоит две трети от прежней цены, но даже принимая это во внимание, цена на землю резко возросла" (*Grant Duff M.E.* Notes from a Diary 1873—1881. 2 vols. London, 1898. Vol. 2. P. 152—153; см. также: *Waddington. T and England*. P. 255).

[9] Двумя другими собеседниками Тургенева были плодовитый романист шотландского происхождения У. Блэк и журналист Дж.Р. Робинсон, оба сотрудничавшие в газете "Daily News". Робинсон оставил свидетельство о знакомстве с Тургеневым, который поделился с ним своими планами возвращения в Россию и опасениями по поводу положения дел на родине: "Он высокого роста, хорошо сложен, седоволос, на вид шестидесяти лет. Выражение его лица доброе и мягкое, резко отличающееся в этом отношении от бесстрастного выражения Генри Джеймса, американского писателя, стоявшего подле, когда меня представляли русскому писателю. Г-н Тургенев сказал, что сомневается, возвращаться ли ему в Россию, где взбудораженное состояние общества будет мешать ему свободно творить, хотя лично ему там ничто не угрожает" (Fifty Years of Fleet Street being the Life and Recollections of Sir John Robinson. London, 1904. P. 348; см. также: *Waddington. T and England*. P. 256). Тургенев явно преувеличивал свое плохое знание разговорного английского: многие, в том числе Дж.Р. Робинсон, засвидетельствовали, что он говорил по-английски "сравнительно легко" (см.: Ibid.).

[10] Джек — очевидно, недавно приобретенный через А.Н. Тургенева, конь.

[11] Писатель посетил вместе с Холлом ежегодную летнюю выставку современной живописи в Grosvenor Gallery (галерее Гросвенор) на Нью Бонд-стрит, основанной сэром Коутсом Линдсеем в 1877 г. преимущественно для художников эстетического движения, чье творчество не укладывалось в рамки Королевской академии художеств. Одним из нововведений галереи стал, в частности, отказ от шпалерной развески: картины одного автора располагались по возможности вместе, при этом на

значительном расстоянии друг от друга, чтобы дать возможность посетителям их лучше оценить. Традиционно выставка (третья по счету), на которой присутствовали работы художников разных школ и направлений, открылась 1 мая н. ст. 1879 г. (см.: Pall Mall Gazette. 1879. April 25. № 4422. P. 14; Standard. 1879. May 1. № 17090. P. 2). На ней было представлено в общей сложности 288 картин, акварелей и рисунков, а также 18 скульптурных работ. Обе картины, которые далее упоминает Тургенев, располагались в основной (западной) галерее (так называемой Красной зале). В этой части галереи находились также работы художника-символиста Дж.Ф. Уоттса, который, по словам одного из рецензентов, решил ненадолго отойти от символизма и помимо двух портретов выставил две большие тематические картины ("Паоло и Франческа" и "Орфей и Эвридика"), однако заслужил упрек в том, что они далеки от реализма (Pall Mall Gazette. 1879. May 16. № 4440. P. 11—12. Еще несколько его работ находились в соседней (восточной) зале); здесь же располагались несколько картин Ф. Лейтона и др. В Восточной галерее Тургенев мог видеть несколько полотен Эдварда Бёрн-Джонса, с которым познакомился еще в 1871 г. (см.: *Жекулин Н.* Эстетика стилизации — Тургенев и Эдуард Бёрн-Джонс // Studia Slavica Hung. 1999. Vol. 44. P. 363—378), одну из них на библейский сюжет ("Благовещение") критика назвала "в высшей степени несовершенной" (Ibid. P. 12). Не менее критическими были характеристики произведений Э.М. Хейла, У. Крейна, а также близкого к прерафаэлитам самого К. Линдсея и других художников, которых упрекали в подражательности, декоративности, романтизме, надуманности сюжетов, несовершенстве композиции и неудачных цветовых решениях. Однако некоторые критики встали на защиту обиженных художников. Так, на картине Бёрн-Джонса из серии "Пигмалион" была изображена Венера, оживляющая прикосновением Галатею, с некрасивыми, по мнению критика "The Pall Mall Gazette", ступнями. Это дало повод одному из читателей выдвинуть шутливое пари до 5000 фунтов о превосходстве Природы над Искусством (предложив для сравнения свои конечности) (Ibid. May 20. № 4443. P. 4). На защиту Бёрн-Джонса и его "Благовещения" встал другой читатель (Ibid. May 23. № 4446. P. 4), а также почетные профессора изящных искусств (Slade Professor) всех трех университетов (Оксфорда, Кембриджа и Университетского колледжа в Лондоне), утверждая, что эта картина по силе воображения и техническому исполнению "сделала бы честь не только английской школе живописи, но и любой иной и в любую эпоху" (Ibid. May 29. № 4451. P. 4). Пришлось редактору газеты защищать уже свое право на критику. Наряду с хвалебными и сдержанными рецензиями были и крайне негативные оценки выставки, в чем-то перекликающиеся с впечатлениями Тургенева. Так, рецензент одной газеты назвал ее

"музеем живописных диковинок", а обилие представленных картин, за исключением нескольких хороших портретов, заставило его предположить, что ныне идею Искусства как служанки (hand-maid) Природы заменила идея "соперничества" с Природой и существования искусства на свой собственный кошт (on her own account) (Morning Post. 1879. May 1. № 33336. P. 6). См. также: Illustrated London News. 1879. May 3. № 2081. P. 415; June 14. № 2087. P. 567.

[12] Речь идет о Марии Спартали Стиллман, известной художнице, входившей в братство прерафаэлитов, которая часто выставляла свои работы в Grosvenor Gallery. В 1879 г. там были представлены три ее картины: "Fiammetta Singing " ("Поющая Фьямметта") по мотивам одного из сонетов Боккаччо и портрет дочери (Эффи) "La Pensierosa" ("Задумчивая"), выставленные в Восточной галерее Grosvenor Gallery, а также картина под названием "Gathering Orange Blossoms" ("Срывая померанцевые цветы"), остающаяся неизвестной (см. перечень работ Стиллман на летней выставке 1879 г.: Grosvenor Notes with Facsimiles of Sketches by the Artists. Summer Exhibition / Ed. Henry Blackburn. London, 1879. P. 18, 44, 48. В каталоге изображения этих картин не приводятся). Судя по описанию в настоящем письме, писатель мог говорить именно о последней (впервые установлено Н.Г. Жекулиным. См. его статью: Эстетика стилизации — Тургенев и Эдуард Бёрн-Джонс // Studia Slavica Hung. 1999. Vol. 44. C. 367, примеч. 15). По некоторым предположениям, ныне эта картина хранится в Университете Сент-Лоренс (Кантон, штат Нью-Йорк, США) и известна под названием "Orange Grove" ("Апельсиновая роща") (см.: *Denney Colleen.* At the Temple of Art: The Grosvenor Gallery, 1877—1890. Madison, 2000. P. 97). Отзывы критики об этой картине тоже не были высокими: так, рецензент "The Pall Mall Gazette" счел ее во всех отношениях наименее удачной из представленных на выставке работ Стиллман (1879. May 26. № 4448. P. 4), большая часть других изданий обошла ее молчанием. Тургеневу художественные принципы прерафаэлитов были, очевидно, чужды.

[13] Картина, которую карикатурно изображает Тургенев, принадлежала известному художнику, будущему члену Королевской академии У.Б. Ричмонду и называлась "Сарпедон" ("Сон и смерть, несущие тело Сарпедона в Ликию") (впервые установлено Н.Г. Жекулиным. См. его статью: Эстетика стилизации — Тургенев и Эдуард Бёрн-Джонс // Studia Slavica Hung. 1999. Vol. 44. C. 367, примеч. 16). Карикатура Тургенева довольно точно передает сюжет картины и расположение фигур. Критик "The Morning Post" оценил ее не менее сурово, отметив, что художник не справился со столь деликатным сюжетом, изобразив рыцаря сидящим на плечах нижнего ангела со свешенными вниз ногами в позе, далекой от элегантности, а также поставил парящего сверху ангела с огромными

крыльями в затруднительное положение, учитывая тяжесть тела, которое ему предстоит поднять. В то же время критик похвалил портреты, представленные Ричмондом на той же выставке (1879. May 1. № 33336. P. 6). Называя картину "Розамундой", Тургенев, очевидно, ошибся, так как в каталоге выставки, которым он пользовался, она фигурирует как "Сарпедон" (см: The Grosvenor Gallery, New Bond Street: Summer Exhibition, MDCCCLXXIX. London, 1879. № 22).

[14] Мануэль Гарсиа, брат Полины Виардо, жил в это время в Лондоне и преподавал в Royal Academy of Music.

[15] Очевидно, имя лошади, приобретенной при помощи А.Н. Тургенева (см. письмо 5365) и ослицы (см. письмо 5390). Возможно, речь идет о собаках (см.: *T. Lettres inéd*. P. 213, notes 7, 10).

[16] Тургенев прибыл в Оксфорд утром во вторник 5 (17) июня 1879 г. и остановился у ректора Баллиольского колледжа Б. Джоветта.

[17] Настоящее письмо является единственным сохранившимся из тех, что Тургенев написал из Англии.

[18] Эта телеграмма Тургенева неизвестна.

5403. Г.О. Гинцбургу (с. 160)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 68. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg*. P. 89.

Датируется по содержанию: Тургенев вернулся из Оксфорда 10 (22) июня 1879 г., в воскресенье; понедельник, следовавший за этим днем, приходился на 11 (23) июня.

[1] Онёры — почести (от франц. honneur — честь, почести, знаки уважения).

[2] Точнее "доктора гражданского права" (D. C. L.: Doctor of Civil Law, а не Doctor of Common Law, как почему-то считал Тургенев). См. об этом письма 5383, 5391, 5398, 5404, 5407 и др.

[3] Очевидно, Тургенев хотел купить ослицу у Г.О. Гинцбурга в качестве упряжного животного для передвижения на небольшие расстояния. См. также письма 5390 и 5393.

[4] Клуб Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже находился в доме барона Г.О. Гинцбурга (Rue Tilsitt, 18) и проводил заседания по вторникам.

5404. П.В. Анненкову (с. 161)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 44—45.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 91—92.

Стр. 161. "торжественные церемонии" (*англ.*).
Стр. 161. студенты последнего курса (*англ.*).
Стр. 162. наследного принца (*франц.*).

[1] Перечисление лиц, удостоенных докторского звания вместе с Тургеневым, см.: Times. 1879. June 11. № 29591; Morning Post. 1879. June 11. № 33371. P. 3; Oxford Times. 1879. June 14. № 874. P. 5, а также примеч. 5 к письму 5402. Церемония, получившая в Оксфорде (где существует еще со Средних веков специальный оксонианский язык) название Encaenia (День поминовения — ежегодная церемония в память об основателях и покровителях университета), состоялась 18 июня н. ст. 1879 г. На ней присутствовали не все, удостоенные высокого звания: литератор и эстетик Дж. Рескин и ученый-богослов Ф. Филд отсутствовали по состоянию здоровья. В действительности новопроизведенных докторов было девять, причем наследный принц Швеции, хотя и присутствовал на церемонии, но был принят "для вящей почести" в почетные доктора накануне. 18 июня н. ст. как будущему главе государства ему был вручен диплом (см. письмо 5407). См. подробное описание торжеств: *Waddington. T and England.* P. 249—276; краткое изложение: *Миндыбаева Л.В.* Тургенев в Оксфорде // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 85—94.

[2] Имеется в виду Оскар Густав Адольф, наследный принц Швеции и Норвегии, герцог Вермландский, будущий король Густав V, принятый очень доброжелательно. Красная докторская тога на нем была надета поверх военного мундира, а академическая шапочка украшена золотой кисточкой (см. письмо 5407, а также: Morning Post. 1879. June 19. № 33378. P. 6; Daily News. 1879. June 19. № 10348. P. 5).

[3] Церемония присуждения докторских степеней проходила по традиции в Шелдонском театре Оксфорда, изначально построенном (в 1864—1868 гг.) как место проведения публичных церемоний, частью которых были и музыкальные концерты. Театр в виде восьмигранника с куполом и большими окнами был воздвигнут по проекту К. Рена и назван в честь Гилберта Шелдона, архиепископа Кентерберийского, обеспечившего финансирование строительства. Как писали газеты, вместительный зал был переполнен и пришлось выставлять дополнительные кресла, в зале присутствовало немало женщин, исполнялась классическая музыка, звучал орган, до начала церемонии студенты традиционно устраивали веселый обмен мнений по поводу различных событий и отдельных политических персон, раздавались выкрики, шутки, аплодисменты, топот, свист и пр. Так, в этот раз публика приветствовала одобрительными возгласами и аплодисментами имена королевы Виктории и лорда

Биконсфилда и весьма жидкими — У. Гладстона (Morning Post. 1879. June 19. № 33378. P. 6; Standard. 1879. June 19. № 17132. P. 3).

[4] Согласно установленному ритуалу, после того как процессия под звуки национального гимна вошла в театр, все поднялись со своих мест и присоединились к исполнению. Вице-канцлер университета Э. Эванс с прокторами (надзирателями) заняли свои места на возвышении, по правую руку от него расположился наследный принц Швеции, которому был вручен диплом почетного доктора гражданского права под оглушающие приветственные выкрики и дружное исполнение "For he's a jolly good fellow", что не являлось частью церемонии, причем можно было расслышать вариант "He's a charming Swedish boy" ("Он милый шведский парень"). Затем вице-канцлер зачитал имена кандидатов и восемь человек во главе с профессором гражданского права Джеймсом Брайсом вошли в зал. Брайс произносил краткое представление на латинском языке для каждого из кандидатов, после чего вице-канцлер задавал аудитории традиционный вопрос: "Placetne vobis domini doctores, placetne vobis magistri?" ("Угодно ли вам, господа доктора, угодно ли вам, магистры?" — *лат.*). Не получая отрицательного ответа, он объявлял об избрании нового доктора и пожимал ему руку. Когда подошла очередь русского писателя, Брайс сказал: "Представляю вам мужа, который не уступает никому из выдающихся писателей нашего века, и хотя писал он преимущественно прозой, заслуживает имени вдохновенного поэта. Действительно, кто когда-либо лучше выразил нравы, дух, всю жизнь своего народа? Чья речь была прекраснее? Кто с большей силой раскрыл глубочайшие движения души, вызывая слезы, возбуждая гнев и любовь? Более того, чтобы вы видели, какой великий удел может выпасть художественному произведению, как может возвыситься над самой действительностью творение великого таланта, я сообщу вам, что российский император, узнав из произведений этого писателя, как бедственно положение крепостных крестьян, немедленно принял решение освободить их от власти помещиков. Поэтому, если мы уверены, что наша Академия создана не только для самой себя, но для всего мира, то признаем этого друга человеческого рода, этого ревнителя свободы своих соплеменников нашим гражданином, предоставив Ивану Сергеевичу Тургеневу степень Доктора Гражданского права honoris causa" (цит. по: *Симмонс Д.С.Г.* Тургенев и Оксфорд // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 398. Пер. Я.М. Боровского). Церемония завершилась литературными чтениями, затем вновь избранные доктора посетили старейшую Бодлеанскую библиотеку, названную по имени собирателя древних рукописей Т. Бодли, чтобы расписаться в книге посетителей, причем Тургенев нарушил церемониал, расписавшись, возможно из-за волнения, не последним, как было предписано, а предпоследним. Вечером в Уодхем-колледже состоялся масонский бал, который давала университетская ложа Аполло, где

Тургенев, как отмечалось в газетах, имел огромный успех у молодых дам и очаровал их своей любезностью (см.: *Waddington. T and England.* P. 266—274).

[5] У Тургенева были основания опасаться быть освистанным веселившимися студентами: в июле 1876 г., во время обострившейся ситуации на Балканах, им было написано стихотворение "Крóкет в Виндзоре", в котором он резко осудил политику Британии и лично королеву Викторию, попустительствовавшую агрессии Турции, которая устроила массовую резню в Болгарии (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 296—297, а также примеч. на с. 641—643). Стихотворение было впервые напечатано за границей и быстро переведено на несколько европейских языков. Писатель знал, что среди его английских знакомых были те, кто осуждал его за этот шаг. Во время церемонии присуждения почетных степеней студенты, которым позволялось открыто выражать свои мнения как о профессорах, так и о почетных избранниках, устроили комическую акцию против первого лорда Адмиралтейства У.Г. Смита. Незадолго до торжеств Смит, «мало чем проявивший себя в военно-морском деле (политический деятель, он был скорее известен участием в коммерческом предприятии по продаже газет и романов на железнодорожных станциях), был добродушно осмеян в комической опере У.С. Гилберта и Артура Салливана «Судно ее величества "Фартук"» ("H.M.S. Pinafore")» (*Симмонс Д.С.Г.* Тургенев и Оксфорд // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 396). Когда У.Г. Смиту присуждали степень, с верхней галереи был спущен огромный фартук с надписью по-латыни: "Admitto te / ad gradum / D. C. L. / Chorus, / And so do his sisters", обыгрывавшей слова, которыми вице-канцлер заключает церемонию присуждения степени, и рефрен из оперетты (Там же).

[6] По-видимому, имеется в виду заметка о торжественной церемонии в Оксфорде, опубликованная в "The Times" (1879. June 19. № 29598). Этот факт был отмечен и некоторыми другими газетами (см., например: Standard. 1879. June 19. № 17182. P. 3; Bucks Herald. 1879. June 21. № 2471. P. 6).

[7] Тургенев действительно получил красную мантию и академическую шапочку в качестве подарка от баллиольских профессоров. Организовал это Г.Дж.С. Смит, талантливый математик, с которым Тургенев познакомился в 1878 г. По свидетельству Б. Джоветта, у которого Тургенев остановился в Оксфорде, писатель радовался подарку как ребенок. "Тургенев радовался как ребенок выпавшей ему чести, — писал он 30 июня н. ст. своему приятелю, — не меньше радовался он и красной мантии д⟨октора⟩ г⟨ражданского⟩ п⟨рава⟩, которую Генри Смит и остальные приобрели для него по подписке" (*Abbott E., Campbell L.* The Life and Letters of Benjamin Jowett, M.A., Master of Balliol College, Oxford. 2 vols. London, 1897. Vol. 2. P. 150). По мнению П. Уоддингтона,

подарок был преподнесен Тургеневу 17 июня н. ст. на ланче у Джоветта в присутствии Ф. Макса Мюллера, оппонента писателя по Восточному вопросу (см.: *Waddington. T and England.* P. 258—259). На ланче присутствовали также, как предполагает Уоддингтон, известный латинист У. Селлар с женой, оставившей интересные воспоминания об этой встрече: «Он обращал на себя внимание своим огромным ростом и мощным сложением. В его лице было нечто львиное, а манера держаться была столь мягкой и доброжелательной, что мы сразу стали друзьями. Он очень умело вел беседу, был красноречив и много говорил о счастье. "Если оно не далось, к чему его искать? Это как со здоровьем: когда вы о нем не думаете, значит оно есть. У счастья нет ни завтра, ни вчера; оно не думает о прошлом и не мечтает о будущем"» (*Sellar E.M.* Recollections and Impressions. Edinburgh; London, 1907. P. 276). Пессимистически говорил Тургенев о современном положении России, определяя число заключенных в тюрьмах и сосланных в Сибирь молодых людей в 28 000. Это же высказывание писателя зафиксировал и Джоветт в указанном письме: "Он рассказывал страшные вещи о России: двадцать шесть или двадцать восемь тысяч, цвет русской молодежи, в тюрьме или на пути в Сибирь — конституционалисты, ставшие от отчаяния нигилистами. Тургенев, кажется, не видит ни проблеска надежды" (*Abbott E., Campbell L.* The Life and Letters of Benjamin Jowett. Vol. 2. P. 150). В одном из более поздних писем Джоветт прибавил, что вместе с тем Тургенев "не мог открыто высказаться за их возвращение или прощение. Он полагал, что это было слишком опасно" (см.: *Jowett B.* Letters. London, 1899. P. 232). На следующий день, 18 июня н. ст., Элеонора Селлар сидела за столом рядом с Тургеневым на ланче в колледже Олл-Соулз (All Souls College), который состоялся после церемонии в Шелдонском театре и посещения Бодлеанской библиотеки (см.: *Sellar E.M.* Recollections and Impressions. P. 277). См. также: *Waddington. T and England.* P. 259—260. Еще одно мемуарное свидетельство о пребывании Тургенева в Оксфорде, в частности о его присутствии на обеде 17 июня н. ст. у вице-канцлера Э. Эванса в Пембрукском колледже, содержится в записках дочери Теккерея, где воспроизводится отзыв жены вице-канцлера Софии: "Присутствие этого рослого русского среди университетских гостей, весь его облик произвели большое и неожиданное впечатление даже на тех, кто до сих пор знал его только по имени. Он разговаривал охотно и очень сердечно, на превосходном английском языке, и все чувствовали дружеское расположение иностранного гостя. / ⟨...⟩ Сам Тургенев ⟨...⟩ запомнился, запомнились ощущение силы, исходившее от него, и его удивительные глаза, сверкавшие, когда он говорил; эти глаза запечатлеваются в памяти каждого, кто хоть раз беседовал с ним, и забыть их невозможно" (*Ritchie Lady.* Blackstick Papers. New York;

London, 1908. P. 254—255; пер. цит. по: *Симмонс Д.С.Г.* Тургенев и Оксфорд // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 397). Впоследствии писатель бережно хранил подарок, который после его смерти П. Виардо передала в Россию. В настоящее время докторская мантия и шапочка Тургенева хранятся в ОГЛМТ.

[8] Ivan Tourguéneff, Doctor of Civil Law — Иван Тургенев, доктор гражданского права. Обещанная фотография (см. фронтиспис в наст. томе) была выслана Анненкову 27 августа (8 сентября) 1879 г. и ныне хранится в Литературном музее ИРЛИ (см.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1). Откликаясь на письмо Тургенева, Анненков писал ему 20 июня (2 июля) 1879 г. из Баден-Бадена: "Терпеливо ожидаю Вашей докторской карточки, любезный Ив⟨ан⟩ Сергеевич, и не успокоюсь, пока не получу ее. Сцена принятия Вас в ученую корпорацию очень живописна, и всего дороже в ней то, что и публика, и прямые участники ее видимо убеждены, что дело делают, а не забавляются только милой выдумкой. Наши поганые скептики расположены считать все подобные акты пустым обрядом, которым потешаются жирные люди, желающие любоваться собой при всяком случае, а не видят, сколько цивилизации, свободы и гордости развития обнаруживает общество такими актами. Впрочем, наши скептики приняли, кажется, по отношению к вам систему умолчания" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 106).

[9] В русской прессе получение Тургеневым почетного звания прошло почти незамеченным, не считая редких упоминаний. Так, газета "Русские ведомости" сообщала, что Тургенев «едет в Оксфорд, старейшим университетом которого он избран почетным доктором прав "за содействие своей литературной деятельностью реформе освобождения в России крестьян от крепостного права"». «Последнюю новость, — добавлял корреспондент, скрывшийся за литерой "Г." — я спешу сообщить с особенным удовольствием, если до сих пор она уже не стала вам известной» (1879. 10 июня. № 142. С. 3). Единственным исключением является статья Б.А. Чивилева в одесской "Правде", которая в сущности была пересказом письма Тургенева (см. письмо 5407 и примеч. к нему). Выдержки из нее перепечатывались другими газетами, например "Молвой" (1879. 1 июля. № 178. С. 1). Ранее в этой газете появилась также выдержка из статьи лондонского корреспондента "Le Temps" (1879. 17 juin. № 6631. P. 2), побывавшего в Оксфорде вместе с участниками Литературного конгресса накануне церемонии Encaenia и отметившего, что "на улицах было вывешено много объявлений, предлагающих квартиры на время предстоящего в Оксфорде торжества по случаю приема новых докторов, а именно: норвежского принца, морского министра Смита и г. Тургенева, который, вероятно, будет провозглашен doctor juris (доктором права — *лат.*) или

magister artium (магистром искусств — *лат.*), подобно Тэну" (1879. 11 июня. № 158. С. 1). О том, что событие замалчивалось в русской прессе, писал Тургеневу и Анненков 20 июня (2 июля) 1879 г.: "Я нигде не встретил ни одного слова о событии" (см. также примеч. 2 к письму 5423). Пророческими оказались и следующие слова Анненкова: "По прошествии достаточного количества недель и месяцев легче сказать с усмешечкой, что было какое-то собрание в Оксфорде, которое выбрало в свои члены Тургенева за крестьянскую пропаганду, позабыв о всех настоящих ее пропагандистах в России. Полагаю, что так непременно и будет" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 106—107). Именно таким был отзыв Н.К. Михайловского в "Отечественных записках" (см. примеч. 6 к письму 5400).

[10] Речь идет о гибели сына Наполеона III, принца Луи Наполеона, убитого в Капской колонии (Южная Африка) 1 июня н. ст. 1879 г. в стычке с зулусами. Бонапартисты возлагали на принца особенно большие надежды и называли его Наполеоном IV.

[11] Неполная цитата из рассказа Н.В. Гоголя "Нос": "Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают" (*Гоголь.* Т. 3. С. 75).

[12] Большой шлем — крупный выигрыш, большая удача в карточной игре.

5405. А.Н. Луканиной (с. 162)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 20. Л. 13; конверт — л. 15. Почтовые штемпели: 1) 25 juin 79, Bougival; 25 juin 79, Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 92.

[1] Состоялась ли встреча с Луканиной в пятницу 15 (27) июня — неизвестно. В ее дневнике сохранилась запись от 4 августа н. ст. 1879 г., в которой она упоминает, что "за последнее время 〈...〉 несколько раз виделась с Иваном Сергеевичем, но свидания эти были чисто деловые" (*СВ.* 1887. № 3. С. 65). Не исключено, что речь шла, в частности, о согласовании перевода очерка И.Я. Павловского "В одиночном заключении", за который взялась Луканина, или о его оплате (см. примеч. 3 к письму 5328, а также примеч. 1 к письму 5345), тем более что накануне Тургенев должен был увидеться с самим Павловским (см. письмо 5406). Очевидно, что упомянутые встречи с Луканиной происходили в Париже, куда Тургенев приезжал из Буживаля по делам.

5406. И.Я. Павловскому (с. 163)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 3. Л. 3; конверт (задняя часть) — л. 58. Почтовый штемпель: 25 juin 79, Bougival.

На задней части конверта рукой Павловского дважды (карандашом и чернилами) записан его летний адрес: "Molières, Boullay-les-Troux, près Limours, chez Mr Cardillac". Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: в отрывке — *Рус Курьер.* 1884. 15 августа. № 224. С. 2; полностью — *T and Pavlovsky.* P. 24.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Возможно, поводом для встречи стало обсуждение перевода очерка Павловского "В одиночном заключении" (см. письмо 5405 и примеч. 1 к нему).

5407. Б.А. Чивилеву (с. 163)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 66. Л. 27–28; конверт — л. 29. На конверте помета Чивилева: "Это самое важное письмо". Почтовые штемпели: 1) 25 juin 79, Bougival; 2) 26 juin 79, Lyon; 3) 27 Jun⟨i⟩. 79, Uriage.

Впервые опубликовано: в выдержках — Правда. Одесса, 1879. 26 июня. № 139. С. 1, без указания Тургенева как отправителя; полностью — *Рус Вед.* 1883. 11 октября. № 279. С. 1, с пропуском конца последней фразы первого абзаца — "первый был сам император Александр".

Стр. 163. "торжественные церемонии" (*англ.*).

[1] Вспоминая встречу с Тургеневым накануне отъезда последнего в Оксфорд, Чивилев писал: "...он обещал написать мне письмо с подробным рассказом об оксфордском торжестве. Вот это письмо, присланное мне Тургеневым по возвращении его из Англии", — добавляя при этом, что "Тургенев написал ко мне это письмо, чтобы сделать удовольствие *лично мне*, так как я упросил дать мне материал для статьи" (*Рус Вед.* 1883. 11 октября. № 279. С. 1). Настоящее письмо с пометой "самое важное" и является тем самым обещанным письмом, которое Тургенев прислал Чивилеву сразу по возвращении из Лондона. Подробнее о церемонии см. письмо 5404 и примеч. к нему.

[2] Подобное опасение Тургенев высказывал в письмах к разным корреспондентам; см., например, письма 5383, примеч. 6, 5400, примеч. 6, и 5404, примеч. 9.

[3] Утром 18 июня н. ст. Тургенев, согласно традиции, завтракал у вице-канцлера университета Э. Эванса в Пембрукском колледже. На завтраке присутствовали еще два кандидата в почетные доктора — Дж.Б. Лайтфут, епископ Даремский, с которым Тургенев виделся в Кембридже в 1871 г., и лорд Дафферин, с которым он познакомился накануне на масонском балу. В тот же день Уильям Уайт, чрезвычайный посланник и полномочный министр Великобритании в Бухаресте, написал Дафферину из Лондона пространное письмо,

в котором подробно остановился на вопросе о нигилизме, а также сообщил, что узнал о предстоящем ему присуждении почетной степени доктора гражданского права Оксфордского университета, отметив: "Как и Тургеневу, который может ознакомить вас со многими чрезвычайно полезными взглядами и идеями на этот счет" (цит. по: *Anderton N.* Lord Dufferin and Turgenev // Irish Slavonic Studies. 1984. Vol. 5. P. 165). Кроме того, на завтраке у Э. Эванса присутствовали наследный принц Швеции и Норвегии Оскар Густав Адольф, главы всех оксфордских колледжей, прокторы и представители фонда лорда Кру, завещавшего в свое время 200 фунтов ежегодно на оплату этого завтрака (из персиков, клубники и шампанского) и речи, которая произносилась после принятия новых докторов. За полчаса до начала церемонии к завтраку присоединились остальные кандидаты в доктора — А. Гамильтон-Гордон, Ф. Лейтон, У.Г. Смит, У.Ф. Скин и У.Э. Форстер, из которых Тургенев был ранее знаком лишь с первыми двумя (см.: *Waddington. T and England*. P. 263—264).

[4] Тургенев в паре с деканом колледжа Крайст-Черч (Christ Church) Генри Джорджем Лидделлом завершал процессию, которая двигалась от Пемврукского колледжа к Шелдонскому театру, где должна была состояться торжественная церемония (см.: *Waddington. T and England*. P. 265).

[5] Имеется в виду Джеймс Брайс, который на самом деле с 1870 г. был королевским профессором (Regius Professor) гражданского права. См. также примеч. 4 к письму 5404.

[6] Исполняя просьбу Тургенева не упоминать в статье его имени, Чивилев использовал настоящее письмо в статье-фельетоне «Письма из Парижа (От корреспондента "Правды"). Иван Сергеевич Тургенев в Оксфорде», опубликованной в одесской газете "Правда", где представил источник сведений как письмо общего с писателем знакомого и заключил якобы заимствованные из этого письма фразы в кавычки. Однако "цитаты" не всегда соответствуют тексту тургеневского письма. Так, первая цитата явно носит следы редакторского вмешательства: «Оксфорд, как известно, город чрезвычайно интересный, особенно в архитектурном отношении. Там процветала красивая английская готика и оставила после себя изящные памятники. / Погода стояла великолепная и благоприятствовала церемонии, часть которой происходила на улице. / Ровно в 12 час. пополудни новоизбранные доктора (в числе которых были: английский чрезвычайный посол в Петербурге сэр Тэмпль Гэмильтон, губернатор островов *Фиджи* — сэр Гэмильтон Гордон и первый лорд адмиралтейства — сэр Уильям Генри Смит) вышли из квартиры вице-канцлера университета, в красных мантиях и четыреугольных шапках, и двинулись по направлению к особому зданию, где совершаются подобные "*commemorations*", шли они по два в ряд; народ глазел на них» (Правда. 1879. 26 июня. № 139. С. 1). При сличении с текстом письма видно, что Чивилев не только приводил

прямые цитаты, но и дополнил его некоторыми фактами и деталями, почерпнутыми, очевидно, из газет и из присланной Тургеневым программы. Подробнее о церемонии см. также в примеч. 1—7 к письму 5404.

[7] Согласно традиции, диплом выдавался только главам иностранных государств, а также канцлеру университета. Так, в начале церемонии диплом почетного доктора гражданского права был вручен наследному принцу Швеции Оскару Густаву Адольфу (см. примеч. 4 к письму 5404).

[8] См. об этом примеч. 7 к письму 5404.

[9] По завершении торжественного акта в Шелдонском театре все почетные доктора проследовали в Бодлеанскую библиотеку, чтобы расписаться в книге посетителей (за исключением принца Оскара Густава Адольфа, который сделал это накануне), после чего отправились в Олл-Соулз для сервированного в библиотеке колледжа традиционного ланча из холодных закусок, за которым присутствовало около 160 человек (см. также примеч. 7 к письму 5404). После этого Тургенев вместе со всеми пешком направился в сад Уодхем-колледжа, где состоялся масонский бал, который посетило около двух тысяч человек (см. также примеч. 4 к письму 5404). Для Тургенева вечер завершился ужином у Б. Джоветта, где были не только новопожалованные доктора (в частности, сэр А. Гамильтон-Гордон), но и несколько его студентов старших курсов, в том числе будущий дипломат Джеймс Реннелл Родд и будущий политик Джордж Левесон-Гроуэр (оба начинающие поэты), оставившие воспоминания об этой встрече с писателем и о содержании его разговора с Джоветтом (см.: *Waddington. T and England.* P. 271—273).

[10] Тургенев не совсем точен: император Александр I был действительно удостоен почетной степени доктора гражданского права (вместе с девятью членами своей свиты) в 1814 г., но он не был первым. Первым русским был князь П.Б. Козловский, удостоенный этой чести в 1813 г. В 1817 г. почетным доктором Оксфорда стал будущий Николай I, в 1818 г. — его брат великий князь Михаил Павлович, в 1839 г. — цесаревич Александр (будущий Александр II) и трое сопровождавших его придворных, в том числе В.А. Жуковский. В 1834 г. степени D. C. L. был удостоен генерал Н.А. Саблуков, а в 1844 г. — астроном В.Я. Струве (см.: *Симмонс Д.С.Г.* Тургенев и Оксфорд // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 393). Однако Тургенев, очевидно, имел в виду прежде всего царя-освободителя Александра II. Ту же ошибку Чивилев повторил при первой публикации выдержек из письма в одесской газете “Правда”: “Представьте, что Тургенев вовсе не первый русский, заслуживший подобную честь: первым был наш Обожаемый Государь Император” (1879. 26 июня. № 139. С. 1). Публикуя письмо Тургенева полностью в составе своих воспоминаний в 1883 г., Чивилев опустил фразу

о "самом императоре Александре", так как, по-видимому, либо засомневался, кого из Александров Тургенев имел в виду, либо узнал, что оба Александра не были первыми, кому была присуждена степень доктора гражданского права.

[11] Чивилев выполнил просьбу Тургенева (см. выше).

[12] Будучи воспитателем в семье барона У.О. Гинцбурга, Чивилев сопровождал их в местечко Юриаж (департамент Изер), известное своими целебными минеральными водами.

5408. Н.А. Щепкину (с. 165)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 178. Л. 1.
Впервые опубликовано: *Т сб (ГБЛ).* С. 148.

[1] Переписка с Житовой по поводу оказания ей финансовой помощи неизвестна. Поручение писателя Щепкин выполнил (см. письмо 5426), о чем свидетельствует также отметка в присланной им позднее ведомости о приходе денег за декабрь 1878 г. и январь — сентябрь 1879 г., где значится: "Житовой в Егорьевск почтой" 201 руб. 14 коп. (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1).

[2] А.В. Чедаев в 1875 г. заключил с Н.С. Тургеневым контракт на рубку леса в селе Сомове Мценского уезда Орловской губернии сроком на 10 лет с обязательством ежегодно уплачивать 2850 руб. Деньги по этому контракту Н.С. Тургенев завещал И.С. Тургеневу. Но поскольку Чедаев выплатил Н.С. Тургеневу очередной взнос (за 1879 г.) до срока, то П.К. Маляревский, назначенный душеприказчиком, должен был увеличить на эту сумму причитавшуюся И.С. Тургеневу по завещанию долю наличного капитала, что им сделано не было. По совету Щепкина для истребования этих денег писатель в мае 1879 г. нанял адвоката Н.П. Черносвитова (см. письма 5336, примеч. 3, 5377, примеч. 2, а также № 45 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги"), однако дело против Маляревского, по всей видимости, до суда так и не дошло. В середине мая ст. ст. им был составлен "Первый дополнительный расчет" имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, в первом пункте которого произведен перерасчет по контракту Чедаева. Как пояснял Маляревский, срок уплаты по его обязательству действительно наступил 10 января ст. ст. 1879 г., "но так как Чедаев и в прежние три года производил означенные платежи ранее обусловленного договором срока, именно: при первом нападении снега, дабы получить право на вывозку из леса им, Чедаевым, заготовленного лесного материала, так и ныне вместо упомянутого срока 10 января 1879 года Чедаев уплатил 2850 рублей ноября 1 дня 1878-го года, т.е. при жизни" (*ОГЛМТ.* Инв. № 256 оф. Л. 1 – 1 об.). В итоге по сравнению с расчетом от 23 марта ст. ст. 1879 г. (см. примеч. 3 к письму 5308) долговой капитал, причитавшийся Тургеневу по контракту Чедаева, уменьшался еще на 2850 руб. и составил

17 100 руб., а наличный, напротив, увеличивался на ту же сумму. По результатам сложных подсчетов, учитывавших массу факторов, в том числе проценты с недополученного капитала, причитавшиеся не только Тургеневу по чедаевскому контракту, но и другому наследнику — Е.Я. Шварцу по долговому документу П.М. Абрашина, Маляревский заключал: "По настоящему расчету следует выдать Ивану Сергеевичу Тургеневу 2850 рублей и % с 7 января 1879 года по 10-е мая 1879 года за 4 месяца и 3 дня 48 руб. 68 $^1/_2$ коп., всего 2898 рублей 68 $^1/_2$ копеек, а за вычетом причитающихся на долю его 540 руб. 45 коп. выдать 2358 руб. 23 $^1/_2$ копейки, которые и выданы 5% билетами 4 выпуска с купонами сроком 10 мая 1879 года" (Там же. Л. 3—3 об.). О получении этой суммы Щепкин известил Тургенева в ответном письме (см. письмо 5426), она же зафиксирована в приходной ведомости за декабрь 1878 г. и январь — сентябрь 1879 г., посланной им впоследствии писателю (см.: *ОГЛМТ*. Инв. № 197 оф. Л. 1).

5409. Г.О. Гинцбургу (с. 165)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 21; конверт — л. 22. Подлинник находился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg*. P. 90.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 25 июня н. ст. в 1879 г. приходилось на среду.

[1] Возможно, речь идет о Леокадии Викентьевне (Викторовне) Регутенко, которая работала во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. ординатором в окружной больнице г. Рущук и стала первым врачом-женщиной в Болгарии.

5410. Полине Брюэр (с. 166 и 232)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 355—355 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 95.

[1] Эти письма Полины Брюэр к Тургеневу неизвестны.

[2] Г-жа Иннис умерла 10 (22) июня 1879 г. (Times. 1879. June 26. P. 1). Очевидно, 1 (13) июня Тургенев ездил к ней в Пасси.

[3] Письмо Тургенева к г-же Маккарти, которая была наследницей М. Иннис, неизвестно. О долге г-же Иннис см. также письма 5322 и 5357. О благополучном исходе этого дела Тургенев известил дочь в следующем письме (№ 5428).

[4] Суэцкая вода (Eau de Suez) — зубной эликсир.

[5] О поездке Тургенева в Англию и о присвоении ему степени доктора Оксфордского университета см. письма 5383, 5402, 5404, 5407 и др., а также примеч. к ним.

5411. Луи Леже (с. 167 и 232)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 183. Подлинник хранится в Центральном государственном историческом архиве Болгарии (София).

Впервые опубликовано: Език и литература. София, 1961. № 5. С. 57.

[1] Речь идет о корректуре перевода на французский язык статьи Тургенева "Гамлет и Дон-Кихот", выполненного Леже и присланного им писателю для просмотра. Перевод вышел в июле 1879 г. в журнале "Bibliothèque universelle et Revue suisse" (Лозанна). См.: *Cahiers.* № 21 (1990). P. 49. Здесь же на с. 49—61 перепечатан текст перевода Леже.

[2] См. письма 5383, 5402, 5404, 5407 и др., а также примеч. к ним.

5412. И.Я. Павловскому (с. 167)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 3. Л. 4. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T and Pavlovsky.* P. 25.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Эти письма Павловского к Тургеневу неизвестны.

[2] Для чего предназначались деньги, переданные Тургеневым С.Л. Клячко, — неизвестно. Ранее писатель пытался подыскать для него место через Г.О. Гинцбурга, но безуспешно (см. письма 5387, 5388, 5392).

[3] Имеется в виду переведенный А.Н. Луканиной на французский язык очерк Павловского "В одиночном заключении", который публиковался в "Le Temps" с 12 по 25 ноября н. ст. 1879 г. в трех фельетонах под заглавием "En cellule. Impressions d'un nihiliste", с сопроводительным письмом и послесловием Тургенева, однако окончательный ответ от А. Эбрара писатель получил, по-видимому, лишь в конце сентября — начале октября ст. ст. См. также примеч. 3 к письму 5328, примеч. 1 к письму 5345, а также письмо к редактору "Le Temps" от 5 (17) октября 1879 г. и примеч. к нему — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1. См. также: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 362—363 и примеч. на с. 599—601.

[4] Тургенев сфотографировался в докторской мантии и шапочке в ателье А. Либера во второй половине августа ст. ст. 1879 г. Несколько экземпляров этой фотографии он разослал друзьям и знакомым: П.В. Анненкову 25 августа (6 сентября) 1879 г. (ныне хранится в Литературном музее ИРЛИ; см. фронтиспис в наст. томе), М.М. Стасюлевичу (см.: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 165),

И.И. Маслову 5 (17) октября 1879 г. (неизвестна), а в 1880 г., во время пребывания в Петербурге, подарил А.Н. Пыпину (Литературный музей ИРЛИ).

[5] Экземпляр фотографии, посланный Павловскому, неизвестен.

[6] Краткие сообщения о присуждении Тургеневу Оксфордским университетом степени почетного доктора гражданского права появились в газетах "Русские ведомости" (1879. 10 июня. № 143. С. 3), "Петербургский листок" (1879. 21 июня. № 119. С. 3) и др.

[7] О ком идет речь — установить не удалось. Сведений о том, что А.Я. Павловский был женат на ком-либо во время своего пребывания во Франции до эмиграции в Аргентину, не сохранилось. Не исключено, что именно эта история "женитьбы" А.Я. Павловского в беллетризованном виде изложена в воспоминаниях И.Я. Павловского (см.: *Pavlovsky. Souvenirs.* P. 100—109) и легла в основу замысла романа Тургенева, который известен под условным заглавием "⟨Роман о русских и французских революционерах⟩" (см.: *T and Pavlovsky.* P. 24—25). Об этом замысле см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 796; *Waddington P.* Turgenev's Seventh or Whatever became of that novel about Russian and French Socialists? Pinehaven (New Zealand), 2003 (об А.Я. Павловском см. p. 21—24); *Ипатова С.А.* К реконструкции неосуществленного замысла Тургенева ⟨Роман о русских и французских революционерах⟩ // Тургеневский ежегодник 2013 года. Орел, 2014. С. 40—52.

[8] Имеется в виду местечко под Парижем Boullay-les-Troux.

5413. М.М. Стасюлевичу (с. 168)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 238. На первой странице письма в левом верхнем углу помета чернилами рукой Стасюлевича: "Франценсб⟨ад⟩, 4.VII.79" — место и дата получения письма.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 166.

Стр. 168. до востребования (*франц.*).
Стр. 168. д⟨октор⟩ г⟨ражданского⟩ п⟨рава⟩ (*англ.*).

[1] В указанном письме от 11 (23) июня 1879 г. из Петербурга Стасюлевич сообщал, что выезжает с женой во Франценсбад 16 (28) июня и планирует пробыть там неделю, после чего отправится в Киссинген (см. примеч. 3 к письму 5398, а также: *Т сб.* Вып. 3. С. 395. Публ. Н.Н. Мостовской). В действительности Стасюлевич выехал за границу 18 (30) июня (см.: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 1689. 1879 г. Л. 85).

[2] Тургенев вернулся из Оксфорда 10 (22) июня. О присуждении ему почетной степени доктора гражданского права см. письма 5383, 5402, 5404, 5407 и др., а также примеч. к ним.

[3] См. примеч. 1 к письму 5403.

[4] Тургенев откликается на поздравление с присуждением докторской степени Оксфордского университета, содержавшееся в письме Стасюлевича от 11 (23) июня 1879 г. (см. примеч. 3 к письму 5398).

[5] О содержании объявления и сути просьбы Тургенева см. письмо 5398 и примеч. 4 к нему.

[6] Имеется в виду первое стереотипное издание "Записок охотника", предпринятое Стасюлевичем (см. письмо 5299, примеч. 7). Во время пребывания в Киссингене Стасюлевич набросал проект предисловия к этому изданию, который послал Тургеневу 19 (31) июля 1879 г.: «Глава I. Мое детство и отрочество 1818—1833 г. Гл. II. Университетские годы 1833—1837 г. Гл. III. Юношеское путешествие за границей 1838—1841 г. Гл. IV. Полтора года службы. 1842—1843. Гл. V. Эпоха первых литературных опытов и знакомств. 1843—1846 г. Глава VI. Период "Записок охотника". 1846—1851 г. Глава VII. В деревне. 1852—1854 г. Гл. VIII. Поездки за границу. 1855—1860 г. Гл. IX. Последние двадцать лет. 1861—1880 г. Гл. X. Заключение, в котором будет сделан ясный намек на подготовление нового труда. / А интересно было бы прочесть такие десять глав», сопроводив его следующей просьбой: «Хорошо было бы, если б этот проект обратился для Вас в план изложения воспоминаний от *A* до *Z* — времени прошло уже много, так что можно было бы Вам самому держать корректуру набора, не предоставляя этого коварному потомству, которое может наделать "опечаток" и "недопечаток"» (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 167). План автобиографического очерка Тургенев, очевидно, одобрил, однако сам в его написании участия не принимал (см. примеч. 10 к письму 5375).

[7] Сообщая Тургеневу 11 (23) июня 1879 г. об успешном начале подготовки стереотипного издания "Записок охотника", Стасюлевич в то же время выражал опасение, что «ничто не помешает Салаевым напечатать в особом томе "Зап⟨иски⟩ охотника" и продавать их отдельно по цене одной бумаги и печати!» (*Т сб.* Вып. 3. С. 395. Публ. Н.Н. Мостовской).

[8] См. № 42 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги".

[9] Имеется в виду очерк А.Н. Луканиной "Из воспоминаний цюрихской студентки", который был опубликован под заглавием "Палата № 103" в декабре 1879 г. См. письмо 5326, примеч. 9.

[10] Данный фрагмент письма отчеркнут Стасюлевичем и выделен "NB".

[11] Впервые А.Н. Луканина ознакомила Тургенева с рассказом "Дядя Ваня" еще 7 (19) ноября 1878 г. Высказав свои замечания, писатель "нашел, что вещь написана просто, без претензий и что в ней есть поэзия" (*СВ.* 1887. № 3. С. 51). Доработав рассказ, Луканина передала ему беловую рукопись около 31 мая н. ст. 1879 г. (см.: Там же. С. 65). "Дядя Ваня" был послан в "Вестник Европы"

через А.Н. Пыпина (см. письмо 5414) и напечатан в июльской книжке "Вестника Европы" за 1880 г.

[12] Стасюлевич навестил Тургенева в Буживале 1 (13) августа 1879 г.

5414. А.Н. Пыпину (с. 169)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 621. № 907. Л. 79.

Впервые опубликовано: в отрывке — *Лит Арх.* Т. 4. С. 363; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 97.

[1] М.М. Стасюлевич был во Франценсбаде с 22 июня (4 июля) по 30 июня (12 июля) 1879 г., когда выехал в Киссинген (см. записную книжку Стасюлевича за 1879 г.: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 1689. Л. 87—91).

[2] "Дядя Ваня", третий рассказ Луканиной из цикла "Старинные дела. Рассказы и воспоминания", был опубликован в июльской книжке "Вестника Европы" за 1880 г.

[3] См. письмо 5413.

[4] Ответное письмо Пыпина к Тургеневу неизвестно. Стасюлевичу же Пыпин писал 28 июня ст. ст. 1879 г.: «На этих днях получил от Тургенева рукопись, о которой Вы уже знаете. Я тотчас ее прочел; вчера взял читать Леонид Алекс⟨андрович⟩ (Полонский. — *Ред.*). Вещь опять теплая, хорошая, — жаль, что не из "Старинных дел", но любопытно все-таки. Полонский, вероятно, напишет Вам о ней обстоятельно» (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 1188. Л. 124). В редакцию "Вестника Европы" рассказ поступил 10 июля ст. ст. 1879 г. (*Каталог рукописей.* Л. 76 об.—77).

[5] О поездке в Англию см. письма 5383, 5402, 5404, 5407 и др., а также примеч. к ним.

[6] Имеется в виду Л.А. Полонский.

5415. Я.Н. Ханыкову (с. 169)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 65. Л. 1—2.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 322—323.

[1] О поездке в Англию см. письма 5383, 5402, 5404, 5407 и др., а также примеч. к ним.

[2] Речь идет о памятнике Н.В. Ханыкову, выполненном М.М. Антокольским. О составлении проекта памятника и необходимых расходах на него см. письма 5154, 5156, 5158—5160, 5167 и др. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1, а также письма 5210, примеч. 2, 3, и 5232, примеч. 3 в наст. томе.

[3] Открытие памятника Н.В. Ханыкову на кладбище Пер-Лашез в Париже состоялось 22 июня (4 июля) 1879 г. (см. письма 5416, 5417 и 5420).

5416. Д.В. Григоровичу (с. 170)

Печатается по тексту первой публикации: *РА*. 1915. № 1. С. 25, где напечатано с неправильной датой: среда в 1879 г. приходилась не на 2 июня н. ст., а на 2 июля н. ст. Подлинник неизвестен. Аналогичное приглашение было послано в тот же день И.П. Похитонову (см. письмо 5417).

[1] См. письмо 5420, примеч. 1.

5417. И.П. Похитонову (с. 170)

Печатается по тексту первой публикации И.С. Зильберштейна: Огонек. 1968. № 46. С. 14. Подлинник неизвестен.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] См. письмо 5420, примеч. 1. Аналогичное приглашение Тургенев послал также Д.В. Григоровичу, находившемуся в это время в Париже (см. письмо 5416).

[2] Кто из приглашенных на церемонию открытия памятника действительно присутствовал на кладбище Пер-Лашез — установить не удалось.

5418. А.В. Топорову (с. 171)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 24—25.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 288—289.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 20 июня (2 июля) в 1879 г. приходилось на среду.

[1] См. письмо 5419 и примеч. к нему. Об имени и отчестве М.И. Семевского Тургенев запрашивал Топорова еще до поездки в Англию (см. письмо 5380).

[2] См. также письмо 5400 и примеч. 9 к нему.

[3] О продаже Беггровым картин, принадлежащих Тургеневу, см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 4911, примеч. 3, 5165, 5176; наст. том. № 5380, 5400.

[4] О поездке в Англию см. письма 5383, 5402, 5404, 5407 и др., а также примеч. к ним.

[5] Имеется в виду, по-видимому, постановка "Месяца в деревне" Александринским театром в Петербурге (см. письма 5221, примеч. 1, 5231, примеч. 3, 5237, примеч. 1, 5300, примеч. 2, и др.) и "Завтрака у предводителя" Обществом любителей музыкального и драматического искусств в Москве (состоялась 6 марта ст. ст. 1879 г. в Малой зале Благородного собрания; см. афишу на с. 79).

[6] М.Г. Савина подтверждает, что Тургенев подарил жене Топорова "право на авторский гонорар за свои драматические произведения" (т.е. за их исполнение на сцене). По ее воспоминаниям, эти

деньги позднее пошли на воспитание девочки, удочеренной Топоровыми (Л.Ф. Ивановой) (см.: *Т и Савина.* С. 67; *Т в восп совр.* Т. 2. С. 354; см. также письмо Тургенева к Топорову от 19 декабря 1882 г. (1 января 1883 г.): наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2). Сохранилась, однако, "дарственная запись", оформленная А.В. Топоровым по доверенности Тургенева, на имя Е.И. Кузьминой, согласно которой 5 апреля ст. ст. 1883 г. писатель подарил ей "навсегда ⟨...⟩ в собственность право пользования платою за представления драматических его произведений на сцене императорских и частных театров, по добровольному ее с ними соглашению, а также поспектаклыною, как причитающеюся уже к получению, так и имеющую причитаться впредь" (см.: *ИРЛИ.* Ф. 265. Оп. 2. № 2887. Л. 2; полный текст в разделе "Официальные письма и деловые бумаги" — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2). Впоследствии уже Е.И. Кузьмина оставила духовное завещание, в котором передала "права на пользование поспектаклыною платою за представления на сцене императорских и частных театров драматических произведений Ивана Сергеевича Тургенева" Л.Ф. Ивановой (см.: *ИРЛИ.* Ф. 283. Оп. 2. № 226. Л. 1). См. также: *Назарова Л., Голованова Т.* Евдокия Ивановна Кузьмина // Нева. 2001. № 7. С. 202—206.

[7] Речь идет о подготовке четвертого салаевского издания, которое вышло в Москве в 1880 г. (см. о нем письмо 5299 и примеч. к нему).

[8] Рассказ "Сон" впервые был опубликован в "Новом времени" (1877. 1 (13), 2 (14) января. № 303, 304) и вошел в девятый том нового салаевского издания (М., 1880).

[9] "Рассказ отца Алексея" появился впервые в "Вестнике Европы" (1877. № 5) и также вошел в девятый том нового салаевского издания (М., 1880).

[10] Топоров выполнил просьбу писателя и прислал вырезки двух произведений из "Вестника Европы" и копию "Сна" (см. письмо к нему от 13 (25) июля 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

[11] Оба перевода Тургенева из Флобера вошли в первый том нового собрания сочинений (раздел "Переводы").

[12] См. письмо к Топорову от 13 (25) июля 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

5419. М.И. Семевскому (с. 172)

Печатается по тексту первой публикации: *РСт.* 1883. № 10. С. 272, без указания адресата. Перепечатано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 285. Подлинник неизвестен.

О неточности в дате см. примеч. к письму 5418.

[1] С Семевским Тургенев познакомился, очевидно, во время пребывания в Петербурге в марте ст. ст. 1879 г. Он присутствовал

на большом обеде в честь Тургенева в ресторане Бореля, состоявшемся 13 (25) марта 1879 г.

[2] С 1877 г. Семевский был избран гласным С.-Петербургской городской думы и состоял членом городской училищной комиссии.

[3] Ходатайство Тургенева успеха не имело. См. также письмо 5418 и письмо к А.В. Топорову от 5, 10 (17, 22) августа 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1. В черновых заметках Семевского о Тургеневе, датированных 1883 г., есть следующая приписка: "Учительница Евд⟨окия⟩ Ив⟨ановна⟩ Кузьмина не воспитывала бедных девиц, теперь болеет" (*ИРЛИ.* Р. I. Оп. 25. № 165).

5420. М.М. Антокольскому (с. 173)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 100.

Датируется на основании следующего факта: освящение памятника Н.В. Ханыкову на кладбище Пер-Лашез состоялось 22 июня (4 июля) 1879 г., в пятницу. Четверг, предшествующий этому дню, приходился на 21 июня (3 июля).

[1] На кладбище Пер-Лашез был похоронен Н.В. Ханыков, умерший 3 (15) ноября 1878 г. Тургенев взял на себя все хлопоты, связанные с его похоронами, им же были собраны деньги на надгробный памятник и заказан памятник М.М. Антокольскому (см. об этом также письма 5210, примеч. 2, 3, 5232, примеч. 3, 5415 и др.). О "печальной и высокой церемонии", на которой присутствовали "друзья, верные памяти скромного и оплакиваемого ученого", сообщала, например, "Le Temps" (см.: 1879. 6 juillet. № 6650. P. 4, а также примеч. 2 к письму 5154 — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1). Схожие объявления появились в "La Presse" (1879. 8 juillet. № 188. P. 2) и других парижских газетах.

5421. П.Л. Лаврову (с. 173 и 233)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 48. На телеграфном бланке пометы: "Pour Paris de Bougival. № 994. Mots 16. Dépot le 6, à 1 h. 30 m. du 1".

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 44.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] По-видимому, речь идет о телеграмме, связанной с делом А.М. Макаревич (Кулешовой) (см. письмо 5425).

5422. Б.А. Чивилеву (с. 174)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 96. Л. 1—1 об.; конверт — л. 2. Почтовый штемпель: 8 jui⟨llet⟩ 79, Uriage.

Впервые опубликовано: *Рус Вед.* 1883. 11 октября. № 279. С. 1.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 24 июня (6 июля) в 1879 г. приходилось на воскресенье.

[1] См. письмо 5407, примеч. 6, а также примеч. 9 к письму 5404.

[2] Речь идет о подготовке салаевского издания сочинений Тургенева 1880 г., для чего пришлось фронтально просмотреть издание 1874 г. Чивилев вспоминал, что писатель сравнивал "*окончательное* салаевское издание" с картинкой, "которую как бы умышленно хотели изгадить и исцарапали ногтями или перочинным ножом. Он упоминал о 6000 опечатках и намеревался сам издать дополнительную даровую брошюру, содержащую все опечатки и поправки их" (*Рус Вед.* 1883. 11 октября. № 279. С. 1).

5423. П.В. Анненкову (с. 174)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 46—47.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 101—102.

Стр. 175. "Германское обозрение" (*франц.*).
Стр. 175. "человеческих документах" (*франц.*).
Стр. 175. "добрый Анненков" (*франц.*).
Стр. 175. Международный литературный комитет (*франц.*).

[1] См. письмо 5404 и примеч. 8 к нему.

[2] Анненков писал Тургеневу 20 июня (2 июля) 1879 г.: "Наши поганые скептики расположены считать все подобные акты пустым обрядом, которым потешаются жирные люди, желающие любоваться собой при всяком случае, а не видят, сколько цивилизации, свободы и гордости развития обнаруживает общество такими актами. Впрочем, наши скептики приняли, кажется, по отношению к вам систему умолчания. Я еще нигде не встречал ни одного слова о событии" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 106). Об откликах в русской прессе см. письмо 5404 и примеч. 9 к нему.

[3] Тургенев откликается на слова Анненкова из указанного письма: «Какая такая дама перевела "Войну" Толстого и точно ли перевод читается у вас с жадностию? Это важно, потому что доказывало бы значительный прогресс понимания литературного дела во Франции. Что говорят, например, Флобер, Золя etc.?» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 107). Об этом переводе, сделанном И.И. Паскевич, см. письмо к редактору газеты "Le XIXe siècle" (Э. Абу) от 8 (20) января 1880 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1, а также: *Silberstein I.*

Le roman "Guerre et paix" et la France: Ivan Tourguéniev s'emploie à faire connaître l'œuvre de Léon Tolstoï // Tolstoï aujourd'hui. 1980. P. 223—232. Сокращенный перевод "Войны и мира" С. Куррьера появился в 1879 г. не в "Revue germanique", как сообщал Тургенев Анненкову, а в "Revue britannique" (см.: *Прийма Ф.Я.* Начало мировой славы Л. Толстого // *РЛ.* 1960. № 4. С. 38).

[4] Об отклике Флобера на роман "Война и мир" в переводе И.И. Паскевич см. письмо Тургенева к Флоберу от 12 (24) января 1880 г. и примеч. к нему — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

[5] О стремлении Тургенева перевести на французский язык "Казаков" Толстого см.: *Алексеев. Т — пропагандист.* С. 72—75.

[6] Тургенев имеет в виду "Парижские письма" Э. Золя (см. письмо 5378, примеч. 9).

[7] Цитата из стихотворения Пушкина "Под небом голубым страны своей родной..." (1826).

[8] Речь идет о выступлении Поля Бера в Национальном собрании, где 5 июля н. ст. 1879 г. обсуждалась 7-я статья законопроекта "о свободе высшего образования", внесенного Ж. Ферри еще в марте н. ст., которая запрещала преподавать в высших учебных заведениях и управлять ими лицам, принадлежащим к недозволенной религиозной конгрегации и, таким образом, была направлена прежде всего против иезуитов. Подробное изложение этого заседания и речь П. Бера, изобиловавшая многочисленными убедительными цитатами, были напечатаны в газете "Le Temps" (1879. 7 juillet. № 6651. P. 2—3). Законопроект был принят 9 июля н. ст. 333 голосами против 164. Анненков также приветствовал это событие (см. его письмо к Тургеневу от 3 (15) июля 1879 г. и примеч. 6 к нему: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 108, 290).

[9] Сообщив о хорошей погоде в Баден-Бадене в письме от 20 июня (2 июля) 1879 г. ("...ночи так теплы и пахучи и горы с луной так эффектны, что все скрашивается и ничего не помнишь ⟨...⟩"), Анненков уже в ответном письме жаловался, что с тех самых пор у них "льют потоки холодного дождя, бушуют ветры и чинится светопреставление" (Анненков. Письма. Кн. 2. С. 107. Письмо от 3 (15) июля 1879 г.).

[10] Речь идет о подготовке салаевского издания сочинений Тургенева 1880 г., для чего пришлось фронтально просмотреть издание 1874 г.

[11] Решение о принятии новых членов Почетного комитета Международной литературной ассоциации, среди которых от России — Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, было принято на состоявшемся 14 июня н. ст. 1879 г. последнем заседании второго Международного литературного конгресса, проходившего в Лондоне (см.: Morning Post. 1879. June 16. № 33375. P. 6; Bulletin de l'Association littéraire internationale. 1879. № 5 (juillet). P. 3, 11). Достоевского об избрании уведомили письмом от 3 июля н. ст.

1879 г. (см.: *Достоевский.* Т. 30. Кн. 1. С. 300. Здесь же ответ Достоевского: с. 74—75). Переписка Толстого с Международной литературной ассоциацией неизвестна. Тургенев был избран почетным членом еще в 1878 г. См. также письмо к Анненкову от 27 июля (8 августа) 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

5424. В Комитет Международной литературной ассоциации (с. 175 и 233)

Печатается по тексту первой публикации (во французском оригинале): Bulletin de l'Association littéraire internationale. 1879. № 6 (août—septembre). P. 4. Подлинник неизвестен.

Перепечатано (без даты): Association littéraire et artistique internationale: Son histoire — ses travaux. 1878—1889. Paris, 1889. P. 34. Вновь опубликовано П. Уоддингтоном: Still more letters of Turgenev // *N Z Sl J.* 1979. № 1. P. 18.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Письмо Комитета Международной литературной ассоциации, на которое откликается Тургенев, неизвестно. Ранее он отказался от участия во втором Международном литературном конгрессе, который проходил в Лондоне с 9 по 14 июня н. ст. 1879 г. По завершении Конгресса было принято решение обратиться к наиболее выдающимся членам с просьбой предоставить свои сочинения для библиотеки Ассоциации (см.: Association littéraire et artistique internationale: Son histoire — ses travaux. 1878—1889. Paris, 1889. P. 33). Несмотря на обещание писателя, согласно бюллетеням Ассоциации за последующие семь лет в ее библиотеку не поступило ни одной книги Тургенева. Во время Конгресса 1879 г. Ж. Ферри предложил кандидатуры Тургенева и Ч. Тернера в качестве представителей Народного просвещения (officier de l'Instruction publique).

5425. П.Л. Лаврову (с. 176)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 50. Впервые опубликовано: *Мин Годы.* 1908. № 8. С. 24.

[1] Имеется в виду письмо 5421.

[2] Упомянутое письмо Кулешовой неизвестно.

[3] В 1878 г. А.М. Макаревич (Кулешова) за организацию в Париже секции Интернационала была арестована. Опасаясь ее выдачи русскому правительству, Тургенев обратился в русское посольство и получил от князя Н.А. Орлова официальное заверение (телеграммой) о том, что посольство не собирается ставить вопрос о Кулешовой перед французским правительством. Эту телеграмму он и разрешил использовать Лаврову. После

высылки из Франции Кулешова приняла активное участие в итальянском социалистическом движении (см.: *Революционеры-семидесятники.* С. 55). О хлопотах Тургенева по делу Кулешовой в 1878 г. см. также письмо 5014 и примеч. 3 к нему — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1.

[4] См. об этом письма 5383, 5402, 5404, 5407 и др., а также примеч. к ним.

[5] Речь идет о подготовке салаевского издания 1880 г., потребовавшей от Тургенева фронтального просмотра издания 1874 г. См. также письмо 5423.

5426. Н.А. Щепкину (с. 176)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 97. Л. 13—13 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 103.

[1] Это письмо Щепкина к Тургеневу неизвестно.

[2] Речь идет о сумме, полученной Тургеневым от П.К. Маляревского согласно "Первому дополнительному расчету" имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева. См. письмо 5408 и примеч. 2 к нему.

[3] О получении этой суммы Тургенев известил Щепкина в ответном письме, которое до адресата не дошло; повторное подтверждение см. в письме к Щепкину от 14 (26) августа 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1. Она же внесена в приходно-расходную ведомость за декабрь 1878 г. и январь — сентябрь 1879 г., посланную Щепкиным впоследствии писателю, где значится: "Послано г. Тургеневу через Орлов⟨ский⟩ коммерч⟨еский⟩ банк" 1515 руб. (см.: *ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1).

[4] Об этих комиссиях см. письма 5377, примеч. 4 и 5408, примеч. 1.

[5] Имеется в виду бывший воспитанник спасской школы Никита Гарасичев, пенсионер Тургенева, в судьбе которого он принимал большое участие. См., например, письма 4939, 5036, примеч. 5, и др. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. По воспоминаниям С.Г. Щепкиной, "осенью Т⟨ургенев⟩ решил поместить Никиту на свой счет в земледельческую школу и просил моего мужа отвести его в Москву. При поступлении требовался один иностранный язык. Я предложила ему заняться летом из немецкого, как более легкого по выговору, и он, сносно выучившись читать, писать, выдержал экзамен и был принят в земледельческое училище. В школе Никита хорошо учился. По окончании курса ему предоставлено было место управляющего в каком-то удельном имении, и он женился на хорошенькой образованной девушке, но матери своей никогда ничем не помогал" (Красный архив. 1940. Т. 3 (100). С. 215). В приходно-расходной ведомости за

декабрь 1878 г. и январь — сентябрь 1879 г. зафиксировано: “Уплачено за мальчика Никиту в Землед⟨ельческую⟩ школу за 1-е полугодие за право учения и содерж⟨ание⟩" 125 руб. (*ОГЛМТ*. Инв. № 197 оф. Л. 1 об.).

[6] О поездке Тургенева в Англию см. письма 5383, 5391, 5398, 5402, 5404, 5407 и др., а также примеч. к ним. От участия в Международном литературном конгрессе, состоявшемся в Лондоне в июне 1879 г., Тургенев отказался (см. примеч. 13 к письму 5375).

[7] О деле С.И. Волнова см. примеч. 5 к письму 5377, а также письма 4939, примеч. 3, 4988, примеч. 2, 5009, 5036 и др. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1; письма к Щепкину за август — ноябрь 1879 г. — Там же. Т. 17. Кн. 1.

5427. Н.А. Щепкину (с. 177)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 37. Л. 3.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 103.

[1] См. письмо 5426.

[2] Просьба Тургенева была исполнена, о чем свидетельствует запись в приходно-расходной ведомости за декабрь 1878 г. и январь — сентябрь 1879 г.: “Половинской в Херсон" 75 руб. 52 коп. (*ОГЛМТ*. Инв. № 197 оф. Л. 1 об.). См. также письмо к Щепкину от 14 (26) августа 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

5428. Полине Брюэр (с. 178 и 233)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 356.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 104.

[1] Об отправке этой посылки Тургенев предуведомлял дочь в письме 5410.

[2] Наследница г-жи Иннис — г-жа Маккарти; см. письмо 5410.

[3] Ездил ли Тургенев в Ружмон летом или осенью 1879 г. — неизвестно. Не исключено, что эта поездка состоялась в июле 1879 г. (см. письмо к К.К. Случевскому от 7 (19) июля 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1). Осенью заболела скарлатиной Жанна Шамро, что делало поездки в Ружмон маловероятными (см. письмо к П. Брюэр от 17 (29) октября 1879 г. — Там же).

[4] Письма Полины Брюэр с подтверждением получения этих пакетов неизвестны.

5429. Б.А. Чивилеву (с. 178)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 66. Л. 25; конверт — л. 26. Почтовые штемпели: 1) 12 juil⟨let⟩ 79, R. Amsterdam;

2) 13 juil⟨let⟩ 79, Uriage. Часть конверта с маркой и штемпелем отправления вырезана.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 105.

[1] Речь идет о фельетоне Чивилева "Письма из Парижа", в котором упоминалось об избрании Тургенева почетным доктором Оксфордского университета: "...шаг этот показывает ⟨...⟩ глубокое понимание заслуг человека, ныне прекратившего свою долгую и богатую литературную деятельность, которая вся была проникнута горячим и неуклонным стремлением к двум прекрасным идеалам: идеалу художественному и идеалу нравственному. Человек, достигший в своих произведениях этих двух идеалов, непременно должен был найти отголосок и вне своего отечества — в человечестве" (Правда. Одесса, 1879. 21 июня. № 135. С. 1). Здесь же анонсировался подробный рассказ о церемонии в следующем фельетоне. Говоря о "пикантности", Тургенев имеет в виду, по-видимому, ряд парижских сплетен, которые Чивилев привел в своей статье.

[2] Фельетон, содержащий "описание торжеств", был опубликован в № 139 "Правды" от 26 июня (8 июля) за 1879 г. (см. примеч. 1, 6 к письму 5407). См. также письмо к Чивилеву от 27 июля (8 августа) 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

[3] Настроения "самогрызства" были, по-видимому, вообще свойственны Чивилеву — см., например: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 4940.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

39. Доверенность Н.А. Щепкину (с. 179)

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ.* Ф. 83. Оп. 2. № 18. Л. 5—6. Доверенность заверена 17 (29) января 1879 г. печатью Российского императорского генерального консульства в Париже и подписью вице-консула П.И. Рюмина и удостоверена 21 января (2 февраля) 1879 г. печатью Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел.

Публикуется впервые.

[1] См. № 38 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги" — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1.

[2] На следующий день после смерти Н.С. Тургенева, которая последовала 7 (19) января 1879 г., Щепкин, присутствовавший в качестве поверенного И.С. Тургенева при этом событии и последующем наложении печатей на имущество покойного, сообщил писателю о необходимости в кратчайшие сроки оформить на его имя новую доверенность для ведения дел по наследству. Около 11 (23) января он выслал в Париж образец "доверительного письма", который был переписан Тургеневым и "засвидетельствован" в генеральном консульстве (см. письма 5228, примеч. 7, 5235, примеч. 1) в тот же день, 17 (29) января 1879 г. Одновременно Тургенев выслал доверенность Щепкину через посредство М.М. Стасюлевича, которого просил засвидетельствовать ее в Министерстве иностранных дел (см. письмо 5234). Однако в дальнейшем П.К. Маляревский отказался передавать по настоящей доверенности Щепкину наличный капитал, причитавшийся Тургеневу по наследству, и писатель вынужден был оформить новую во время своего пребывания в Петербурге (см. № 41 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги", а также примеч. 4 к письму 5293).

40. Доверенность А.В. Топорову (с. 180)

Печатается по подлиннику: *РГИА.* Ф. 497. Оп. 97/2121. № 24569. Л. 10.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 2. С. 330.

[1] Ср. письмо 5418 и примеч. к нему.

41. Доверенность Н.А. Щепкину (с. 181)

Печатается по копии "Дела Орловского окружного суда гражданского отделения о вводе во владение коллежского секретаря Тургенева имением, доставшимся ему по наследству от надворного советника Тургенева" (9 ноября 1879 г. — 9 января 1880 г.): *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 99—99 об. Подлинник неизвестен.

Датируется на основании записи нотариуса: "1879 г. марта 20 доверенность эта явлена у меня, Павла Сергеева Корнеева, с.-петербургского нотариуса, в конторе моей Адмиралтейской части по Невскому проспекту № 7, коллежским секретарем Иваном Сергеевичем Тургеневым, жительствующим Спасской части, по Михайловской улице № 1, лично мне известным и имеющим законную правоспособность к совершению актов; при чем я, нотариус, удостоверяю, что доверенность эта, собственноручно подписанная г. Тургеневым. Причитающийся гербовый сбор уплочен. По реестру № 985. Нотариус Павел Корнеев" (Там же. Л. 99 об.). Далее следуют приписки Н.А. Щепкина: "Подлинную доверенность получил обратно, которую обязуюсь представить к 20-му декабря сего 1879 г. / 1879 г. ноября 23 дня дворянин Николай Щепкин. / Доверенность и копию определением суда получил 5 февраля 1880 г. Поверенный Тургенева Н. Щепкин" (Там же).

Публикуется впервые.

[1] Об обстоятельствах оформления этой доверенности см. письма 5293, примеч. 4, 5304, примеч. 1, 5311, примеч. 1.

42. Контракт с Е.А. Погожевым, С.Д. Думновой и В.Д. Андреевой (с. 182)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 279. Контракт (Условие) заверен 3 (15) мая 1879 г. печатью Российского императорского генерального консульства в Париже и подписью вице-консула П.И. Рюмина.

Впервые опубликовано: *РСт.* 1883. № 10. С. 244—246.

[1] Предложение об издании нового собрания сочинений Тургенев получил от Ф.И. Салаева во время пребывания в Москве в феврале — марте ст. ст. 1879 г., обговорив тогда же предварительно условия будущего контракта и получив аванс в 1500 руб. (см. письмо 5299 и примеч. к нему). Однако из-за последовавшей в скором времени смерти Салаева (см. примеч. 1 к письму 5321) в дальнейшем ему пришлось вести дела с его наследниками (см. письмо 5334, а также примеч. 5 к письму 5326).

[2] Имеется в виду издание сочинений Тургенева, выпущенное книгоиздательством братьев Салаевых в Москве в 1874 г. в восьми томах (частях).

[3] Отдельное издание "Нови" вышло в свет в 1877 г. с указанием на титульном листе: 1878 г. (Новь. Роман в двух частях И.С. Тургенева. М.: Издание Ф.И. Салаева, 1878).

[4] Этот список не сохранился. Представление о том, какие произведения были в него включены, дают письма к В.В. Думнову за сентябрь — октябрь 1879 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1).

[5] О портрете см. примеч. 14 к письму 5334.

[6] См. письма к В.В. Думнову от 26 сентября (8 октября) 1879 г. и от 1 (13) октября 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1.

[7] О так называемом стереотипном издании "Записок охотника", предпринятом М.М. Стасюлевичем, см. письма 5299, примеч. 7, 5321, примеч. 3, и 5326, примеч. 6, 7.

[8] Вопреки этому пункту изданием писатель остался крайне недоволен, неизменно жалуясь на небрежность в ведении корректур, многочисленные ошибки и опечатки (см. также примеч. 2 к письму 5422).

[9] В процессе издания сроки выплаты были несколько изменены.

[10] Контракт с подписями наследников Ф.И. Салаева опубликован: *РСт.* 1883. № 11. С. 244 — 246.

43. Рекомендательное письмо В.С. Павловской (с. 185)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 12. Л. 1. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: без указания полного имени адресата (в публикации изменено на "В. Х."): *Рус Курьер.* 1884. 15 августа. № 224. С. 1; с указанием адресата: *T and Pavlovsky.* P. 20 — 21. В *ПССиП(1). Письма* (Т. XII. Кн. 2. С. 72) вошло как письмо к Неизвестной (В. Х.).

[1] И.Я. Павловский, опубликовавший это письмо в своих воспоминаниях, сопроводил его следующим примечанием: "В числе ⟨...⟩ писем И⟨вана⟩ С⟨ергеевича⟩ есть также аттестаты, выданные им разным лицам; некоторых из них он видал по одному разу, других он и совсем не видал". Французский вариант своих воспоминаний Павловский впоследствии дополнил следующей фразой: "Он не задумываясь подписывал аттестаты всем, кто этого хотел. Можно ли сделать меньше, говаривал он, для людей, умирающих с голоду?" (*Pavlovsky. Souvenirs.* P. 148. Здесь сам текст аттестата для Павловской опущен). Примером подобного "аттестата" и является публикуемое письмо, которое предназначалось для жены Павловского, последовавшей за ним в Париж. Тургенев выслал "аттестат" жене Павловского, по его просьбе, 4 (16) мая 1879 г. (см. письмо 5362), однако через некоторое время ему пришлось продублировать рекомендацию на французском языке (см. № 44 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги").

44. Рекомендательное письмо В.С. Павловской (с. 185 и 234)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ.* Ф. 2520. Оп. 2. № 12. Л. 2. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано во французском оригинале: *T and Pavlovsky.* P. 21.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Данный "аттестат" Тургенев составил для жены И.Я. Павловского, нуждавшейся в приработке и искавшей, по-видимому, место домашней учительницы. Ранее он оформил для нее такое же рекомендательное письмо на русском языке. См. № 43 в разделе "Официальные письма и деловые бумаги", а также письмо 5362 и примеч. к нему.

45. Договор с Н.П. Черносвитовым (с. 186)

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ.* Ф. 83. Оп. 2. № 18. Л. 7—8. Публикуется впервые.

[1] Речь идет о взыскании с П.К. Маляревского 2850 руб., которые были уплачены ранее Н.С. Тургеневу в качестве ежегодного платежа по контракту с А.В. Чедаевым и должны были поступить после его смерти И.С. Тургеневу по завещанию. По совету Н.А. Щепкина, Тургенев обратился для истребования этих денег к адвокату Черносвитову, который 4 (16) мая 1879 г. составил настоящий договор и через Щепкина отправил его в двух экземплярах к Тургеневу в Париж (второй экземпляр со своей подписью Тургенев передал обратно Черносвитову; см. письма 5336, примеч. 3, 5377, примеч. 2). Однако дело против Маляревского не было открыто, так как уже в середине мая ст. ст. он сам произвел дополнительный расчет между сонаследниками Н.С. Тургенева и выплатил писателю 2358 руб. $23^1/_2$ коп. (см. письма 5408, примеч. 2, и 5426).

[2] Об открытии этого дела писатель хлопотал еще в сентябре 1878 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 1. № 5099). Подробнее о нем см.: *Иванова Л.Н.* Тургенев и жикинское дело // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 202—216, а также письма Тургенева за 1881—1882 гг., по указателю (наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1, 2).

[3] В составленной Н.А. Щепкиным приходно-расходной ведомости за декабрь 1878 г. и январь — сентябрь 1879 г. значится: "Выдано на суд⟨ебные⟩ издержки и за ведение дела адвокату Черносвитову по делу каленских крестьян" 100 руб. (*ОГЛМТ.* Инв. № 197 оф. Л. 1 об.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

⟨РЕЧЬ НА ОБЕДЕ В РЕСТОРАНЕ "ЭРМИТАЖ" 6 (18) МАРТА 1879 Г.⟩

Г⟨оспод⟩а!

Начну с просьбы: позвольте мне не говорить о моей благодарности. — Это выражение слишком слабо и недостаточно. Такие дни, какие я прожил в Москве, *такой* прием — остаются навсегда в памяти — и как я уже имел честь сказать третьего дня гг. студентам — составляют лучшую награду писателю перед концом его поприща. — Я предпочитаю попытаться, насколько сумею, объяснить значение и смысл приема, которым вы меня удостоили — особенно вы, гг. молодые. — Нет никакого сомнения, что сочувствие ваше относится ко мне не столько как к писателю, успевшему заслужить ваше одобрение — ⟨сколько⟩ как к человеку, принадлежащему эпохе сороковых годов; — оно относится[1] к человеку, не изменившему до конца ни своим художественно-литературным убеждениям[2], ни так называемому[3] либеральному направлению. — Это слово: "либерал" в последнее время несколько опошлилось — и не без причины: — теперь, когда все указывает на то, что мы стоим накануне — хотя мирного и законно-правильного, но значительного перестроя общественной жизни, это слово является чем-то неопределенным и шатким... Кто им, подумаешь, не прикрывается? Но в наше, в мое молодое время, когда еще помину не было о политическ⟨ой⟩ жизни — слово:[4] либерал означало: протест против всего темного и притеснительного; означало уважение к науке и образованию, любовь к поэзии и художеству, всем artes liberales[5] — и наконец и[6] пуще всего — означало[7] любовь к народу, который, находясь еще под гнетом крепостного бесправия, нуждался в деятельной помощи своих более счастливых сынов. Мне сдается, что нынешнее молодое поколение поступает[8] согласно

---

[1] оно относится — *вписано на полях.*

[2] ни своим художественно-литературным убеждениям | ни своих художественно-литературных убеждений

[3] ни так называемому | ни так называемого

[4] слово | это слово

[5] свободным искусствам (*лат.*).

[6] *Далее зачеркнуто*: больше

[7] означало — *вписано над строкой.*

[8] поступает — *вписано над строкой.*

с высказанным мною воззрением: оно поняло, в чем тут[9] вопрос. Протягивая руку старым либералам и старым художникам в моем лице — оно связует нить преданий — оно продолжает начатое дело; и если, как слышно, это сближение произошло вследствие недавнего поворота, я душевно радуюсь, что дожил до него. В сравнении с нами молодое поколение, конечно[10], сделало много шагов вперед; оно до некоторой степени подготовило себя к той будущности, на которую я указывал[11]; но[12] только до некоторой степени! Надо докончить начатое — и докончить прямо[13], честно, по открытому пути. —[14] Задача его, правда, труднее и сложнее нашей; тогда вся сознательная жизнь общества текла, если можно так выразиться, по одному руслу; теперь она разветвилась или готовится разветвиться, как оно и следует в более зрелом возрасте государства. Сочувствую всем стремлениям молодежи; но полагаю, что она хорошо делает, сближаясь с нами: есть чему ей поучиться у нас, стариков.

Во всяком случае от души желаю, чтоб она так же честно и серьезно, так же избегая напрасных[15] увлечений вдаль и[16] по сторонам — но и не отступая также ни шагу назад[17] — относилась к своим задачам, как это делали иные из моих сверстников, имена которых проложили[18] славный след в истории русского просвещения[19]. Стоит только вспомнить хоть тех из них, которые составляли некогда украшение и гордость Московского университета! — Да возникнут же[20] между вами новые Грановские — — и новые Белинские! прибавлю я. — Я уже не говорю о новых Пушкиных и Гоголях. — Таких явлений[21] надо ожидать[22] с смирением... как дара. — И так как я уже упомянул об Университете, то позвольте мне окончить мою речь тостом за его процветание, неразлучно⟨е⟩ с правильным, всесторонним[23] и мощным развитием нашего молодого поколения, нашей надежды[24] и нашей будущности!

---

[9] тут — *вписано над строкой.*
[10] конечно — *вписано над строкой.*
[11] указывал | намекал (*вписано над строкой*)
[12] *Далее зачеркнуто*: зато
[13] и докончить прямо | *а.* прямо *б.* [но] прямо
[14] надо докончить ~ открытому пути. — *вписано на полях.*
[15] напрасных | бесплодных
[16] и | или
[17] назад — *вписано над строкой.*
[18] проложили | оставили
[19] в истории русского просвещения | в истории русской мысли
[20] же — *вписано над строкой.*
[21] Таких явлений | Этакие явления
[22] *Далее зачеркнуто*: с сми⟨рением⟩
[23] всесторонним — *вписано над строкой.*
[24] *Далее начато и зачеркнуто*: об

Печатается по автографу: Научная библиотека Отдела рукописей и редкой книги МГУ. Ф. 3 (Е.Я. Колбасин). Оп. 1. Карт. 1. № 14. Л. 1—2, с внесением в угловых скобках правки из письма Тургенева к Н.П. Гилярову-Платонову (№ 5238), отсутствующей в автографе:

Стр. 559, *строка 11*: "столько как к человеку, принадлежащему к эпохе сороковых годов" вместо "как к человеку, принадлежащему к эпохе сороковых годов".

Стр. 560, *строка 29*: "неразлучное" вместо "неразлучно" (что позволяет квалифицировать правленую рукой Тургенева газетную вырезку как последнюю редакцию речи).

В левом верхнем углу автографа монограмма красного цвета: переплетенные прописные буквы "ИМ" — инициалы И.И. Маслова, у которого остановился писатель в этот приезд в Москву. На конверте, в котором хранится речь Тургенева, надпись: "И.С. Тургенева автограф. Речь, сказанная на обеде, данном ему в Москве. Дар о⟨рдинарного⟩ пр⟨офессора⟩ Н.С. Тихонравова, октябрь 1883 г." (см.: *Анохина Т.Г.* Рукописные материалы И.С. Тургенева в фондах Редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета (автограф речи И.С. Тургенева на обеде 6 марта 1879 г. в Москве) // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 73). Отрывок чернового автографа речи, записанный карандашом, хранится: *Bibl Nat*. Slave 78. F. 382; фотокопия: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 348.

Впервые опубликовано: *Совр Изв.* 1879. 7 марта. № 65. С. 2, с грубыми опечатками и искажениями, частично исправленными Тургеневым в письме к Н.П. Гилярову-Платонову от 7 (19) марта 1879 г. и в приложенной к письму газетой вырезке из "Современных известий" с собственноручной правкой писателя (см. письмо 5286, а также иллюстрации на с. 73). Редактор газеты выполнил просьбу писателя и опубликовал список указанных опечаток в следующем номере газеты: *Совр Изв*. 1879. 8 марта. № 66. С. 2, хотя и здесь допустил опечатку (см. примеч. 2 к письму 5286). Из "Современных известий" речь Тургенева перепечатывалась в других изданиях (см., например: *Васильев. Описание торжеств.* С. 10—11).

С не менее грубыми опечатками и искажениями речь Тургенева была напечатана в газете "Русские ведомости": 1879. 8 марта. № 59. С. 3. Так, вместо "особенно вы, гг. молодые" здесь было напечатано: "особенно вы, гг. молодежь"; вместо "мирного и законно-правильного ⟨...⟩ перестроя общественной жизни" — "близкого и законно-правильного ⟨...⟩ перестроя общественной жизни"; были пропущены некоторые слова и выражения, существенно нарушена авторская пунктуация.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *Т. Соч (1929—1934).* Т. 12. С. 223 – 224, где текст выступления напечатан по газете "Русские ведомости".

В *ПССиП(1). Соч* текст выступления также напечатан по газете "Русские ведомости". В *ПССиП(2). Соч.* (М., 1986. Т. 12) повторена эта публикация, хотя на наличие автографа речи в фонде Е.Я. Колбасина в Научной библиотеке МГУ было указано в цитированной выше статье Т.Г. Анохиной еще в 1978 г. В ней приведена часть разночтений напечатанного текста с автографом (С. 76 – 77), а также справедливо отмечено, что неточности в передаче своеобразной тургеневской пунктуации могут существенно менять смысл авторского высказывания (С. 76). В приведенном Т.Г. Анохиной списке разночтений осталось непрочитанным слово "всем" в выражении "всем artes liberales", а также неточно воспроизведено последнее латинское слово (С. 77).

Вспоминая обед в московском ресторане "Эрмитаж", данный в честь Тургенева, один из его устроителей, профессор М.М. Ковалевский писал: "У председателя Общества любителей российской словесности (С.А. Юрьева. — *Ред.*) и у целого ряда московских знакомых Тургенева возникла мысль почтить его приглашением на литературный банкет. Мне пришлось распоряжаться устройством этого праздника" (*Ковалевский М.М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // *Т в восп совр.* Т. 2. С. 140). Приглашений было разослано много, исключение было сделано лишь для сотрудников "Московских ведомостей", чье присутствие "могло бы быть сочтено Тургеневым за оскорбление" (Там же).

Подробные отчеты об обеде в "Эрмитаже" были помещены в газетах (*Совр Изв.* 1879. 7 марта. № 65. С. 2; *Рус Вед.* 1879. 8 марта. № 59. С. 3 и др.), где речь Тургенева была воспроизведена с многочисленными ошибками и опечатками (см. об этом выше). Воспроизведены были и речи других выступавших (С.А. Юрьева, Н.С. Тихонравова, Н.В. Бугаева, К.А. Тимирязева, Ф.Н. Плевако, Н.П. Гилярова-Платонова, С.А. Муромцева), приведены стихотворения в честь Тургенева, написанные молодым адвокатом Ф.А. Коршем, а также переводчиком и издателем Ф.Б. Миллером. После официальной части вечер продолжился почти до полуночи оживленной беседой, вручением адресов от учащихся и не учащихся женщин, исполнением известным пианистом С.И. Танеевым любимых произведений Тургенева, пением студенческого гимна "Gaudeamus" с прибавлением новых остроумных куплетов, сочиненных одним из профессоров-латинистов (см.: *Васильев. Описание торжеств.* С. 7 – 13). Собственные впечатления от этого обеда Тургенев изложил в письме к К. Шамро (см.: наст. том. № 5289 и примеч. 7 к нему). См. также: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 677 – 678, где Ф.А. Корш ошибочно назван

проф. Ф.Е. Коршем; вступит. статью к Примечаниям в наст. томе и примеч. 4 к письму 5290.

«Банкет удался как нельзя лучше, — вспоминал Ковалевский, — несмотря на изобилие тостов и плохих стихов. Наш известный адвокат Плевако в этот день был в ударе и весьма удачно импровизировал тост, в котором сравнивал русскую литературу с "Преторским эдиктом", впервые внесшим начало гуманности в суровую римскую среду, а самого Тургенева величал претором. Тургенев отвечал на все эти тосты коротеньким словом, в котором старался оттенить свое отношение к молодежи, объявлял о своей солидарности с ее лучшими стремлениями, с ее исканием истины и добра, за что на следующий же день получил выговор от "Московских ведомостей"» (*Т в восп совр.* Т. 2. С. 140). И хотя Ковалевский ошибся, говоря, что газета Каткова откликнулась на следующий же день (в номере от 9 марта ст. ст. 1879 г. было лишь краткое сообщение об обеде в "Эрмитаже"), однако несколько дней спустя, когда писатель уже готовился к отъезду в Париж, "Московские ведомости" разразились обширной статьей Б.М. Маркевича, дававшей общую оценку чествований Тургенева в Москве и в частности его речи в "Эрмитаже". «Другой человек на месте г. Тургенева, — писал Маркевич, приведя почти целиком речь писателя, — не ограничился бы, пожалуй, этими готовыми и шаткими фразами, невольно приводящими на память "имея в виду с одной стороны", но "принимая во внимание с другой" казенных бумаг. Другой, более цельный и независимый по убеждениям своим и характеру, учитель молодежи не выразил бы туманного сочувствия "*всем* ее стремлениям", а определил бы ясно и точно те из этих стремлений, которым может и должен сочувствовать каждый зрелый и просвещенный сын страны своей, строго отделяя их от тех, которые могут вести лишь к позору и гибели; не упоминал бы en passant (походя — *франц.*) о "напрасных увлечениях" с тем, чтобы, словно испугавшись быть принятым за ретрограда, тотчас затем рекомендовать молодежи "не отступать ни шагу назад", — а напротив, пожалуй, серьезно бы остановился на этих печальных "увлечениях", указав, ввиду всех тех ужасов, что творятся ныне среди нас, на все действительно "*темное и притеснительное*", что лежит в самой сущности таких "увлечений", для блага, для просвещения, для всего будущего русского народа» (*Иногородний обыватель.* С берегов Невы. XI // *Моск Вед.* 1879. 20 марта. № 70. С. 5). Говоря о "другом, более цельном и независимом по убеждениям своим и характеру, учителе молодежи", Маркевич, без сомнения, имел в виду Ф.М. Достоевского, которого он в этой же статье объявил "вечным искателем *настоящей* русской правды" и носителем "глубоко народного воззрения" (Там же). Отказывая Тургеневу

в обладании "твердыми и положительными идеалами политического и социологического свойства", Иногородний обыватель назвал либерализм писателя "расплывчатым, смутным, лишенным всякой действительно народной подкладки", способным "гораздо более служить заблуждениям, чем действительному *воспитанию* русского общества в строгом значении этого слова" (Там же).

Позиция "Московских ведомостей", однако, была едва ли не единичной среди общих положительных откликов в печати, из которых особенно выделялась статья П.Д. Боборыкина "Хорошая реакция", подводящая итоги московских чествований Тургенева. Отметив, что приезд писателя в Москву на этот раз превратился в "событие", Боборыкин попытался объяснить причину спонтанно возникшей череды торжественных приемов, продлившихся более двух недель. Главную причину происходящего он увидел в ослаблении влияния на публику журнальных полемик, вносивших элемент натравливания, которому подвергался ранее тот или иной писатель. В то же время публика стала более самостоятельной и начала больше ценить литературных деятелей, "которые своими произведениями воспитали целый ряд поколений, остались верными светлым идеалам своей эпохи, не переставали идти в уровень с веком и не ударились в скептицизм, не начали клеветать на то, что молодо, что стремится вперед, что носит в себе зачатки дальнейшего движения" (*Рус Вед.* 1879. 11 марта. № 62. С. 1). Что-то "единодушное, поразительно согласное" увидел Боборыкин в непрерывных овациях, которыми встретила московская публика знаменитого романиста. Множество скопившихся в обществе "неудовлетворенных стремлений" выплеснулось навстречу человеку, олицетворяющему верность "человечным и *гражданским* идеалам", честную, безупречную "карьеру художника, мыслителя и друга народа". "Этот высокодаровитый русский художник и гражданин, — писал со знанием дела Боборыкин, — заставил и весь образованный Запад преклониться перед своим талантом и душевным изяществом, признан и всем Западом одним из великих писателей нашей эпохи" (Там же). Ответную речь Тургенева на обеде в "Эрмитаже" автор статьи прямо назвал "историческим документом", подобного которому еще не знала русская литература: "Никогда, сколько мы помним, русский писатель не давал такого содержательного и глубоко искреннего ответа перед лицом представителей разных поколений, принадлежащих к сфере умственного труда" (Там же. С. 2). Видя в лице Тургенева символ не только чаяний людей сороковых годов, но и символ новых народившихся потребностей русского общества (имея в виду преобразование абсолютной монархии в конституционную), Боборыкин как представитель поколения шестидесятых годов

приветствовал речь Тургенева, обращенную прежде всего к молодежи. В то же время он приветствовал саму молодежь, оказавшую горячий прием писателю, которого она еще недавно обвиняла в непонимании идеалов молодого поколения, столь сурово изображенного в его последнем романе "Новь". Отметил Боборыкин и откровенное игнорирование тургеневских торжеств ведущей московской газетой "Московские ведомости".

Насколько напряженной была атмосфера в интеллигентных слоях русского общества, свидетельствует один документ, сохранившийся в бумагах Тургенева и полученный им, несомненно, в этот приезд в Россию от М.М. Стасюлевича, в архиве которого также сохранилась его копия. Это "Доклад Комиссии Совета С.-Петербургского округа университета по поводу записки орд. проф. А.С. Фаминцина", помеченный говорящей датой "14 декабря 1878 года", доклад, названный в письме Тургенева к И.Я. Павловскому "рапортом петербургских профессоров" (см. письмо 5324). Доклад был посвящен студенческим волнениям и формально обращен к министру народного просвещения Д.А. Толстому (первоначально был задуман как адрес Александру II). Очевидно, не надеясь, что документу будет дан ход, составители решили опубликовать его за границей — либо в нелегальной русской печати, либо в каком-то периодическом издании. Этим можно объяснить наличие данного документа в архиве Тургенева, откуда он был изъят П.В. Анненковым, допущенным П. Виардо к разборке бумаг писателя после его смерти. Текст представляет копию "доклада", которому предшествует заметка "От издателей", где излагается история его возникновения и прямо заявлено, что, хотя доклад передан министру народного просвещения, "какое движение получит этот вопрос в руках Толстого — еще неизвестно" (*ИРЛИ.* Ф. 7 (П.В. Анненков). № 132. Л. 1 об.). Тургенев, очевидно сразу по возвращении в Париж, заказал перевод этого документа И.Я. Павловскому, однако после 2 (14) апреля 1879 г. (неудачного покушения на царя А.К. Соловьева) публикация была сочтена им нецелесообразной.

"Рапорт петербургских профессоров", переданный Тургеневу, представляет собой красноречивое свидетельство о положении дел в университете и других высших учебных заведениях Петербурга, оказавшихся под явным и тайным надзором полиции. Созданная в университете после доклада А.С. Фаминцина специальная Комиссия, куда вошел ряд ведущих профессоров, начиная с ректора А.Н. Бекетова (А.С. Фаминцин, А.М. Бутлеров, А.Д. Градовский, Н.С. Таганцев и др.), рассмотрев вопрос "о студенческих волнениях вообще, о их причинах и мерах к предотвращению их на будущее время", решила обратиться к царю с адресом, в котором сформулировала ряд

необходимых мер для предотвращения студенческих волнений. Не отказываясь от широко распространенного мнения о том, что истоки беспорядков лежат во "внешней агитации", Комиссия обращала внимание прежде всего на внутренние причины и таким образом открыто вставала на защиту учащейся молодежи. "Зная близко молодежь, — говорилось в докладе, — можно скорее сказать, что помимо внешней агитации в своих политических симпатиях и антипатиях она является простым живым отголоском стремлений общества, отражением всего общественного состояния. Подобно тому, как в лице медиков, сестер милосердия, молодых солдат и офицеров из этой же молодежи, молодежь вполне безупречно, с полной самоотверженностью исполняла свои обязанности в тяжелую годину минувшей войны, — с тем же жаром и увлечением относилась она к вопросам внутренним. Всякая общественная скорбь, всякий повод к неудовольствию, будь то экономический кризис, международное замешательство, беспорядки и злоупотребления в той или другой отрасли управления, возбуждают молодежь больше, чем все другие общественные элементы, и *особенно* у нас в России" (Там же. Л. 2—2 об.). Среди причин недовольства молодежи назывались: "слабое развитие общественной жизни, равнодушное отношение к общественным делам зрелой части общества, трудные условия, а отсюда и полная невозможность разъяснения многих вопросов общественной жизни в печати" (Там же. Л. 2 об.), устоявшийся в правительственных сферах и в обществе взгляд на молодежь "как на элемент неблагонадежный в политическом и общественном отношении". "Нельзя забывать, — подчеркивалось в документе, — что в течение многих лет наша молодежь не слышала ласкового слова, а много слышала слов укоризны, что она живет отчужденная, заподозренная, что в влиятельных сферах общества с именем студента привыкли соединять не представление о чем-то молодом и чистом в самом увлечении, а понятие о мрачной, злобной силе, грозящей всему существующему. Можно смело сказать, что только в одной России существует этот взгляд на учащуюся молодежь" (Там же. Л. 2 об.—3). По существу, авторы "доклада" указывали правительству на то, что учреждение над студенчеством особого полицейского надзора приводит к противоположному результату: "Из всех органов государства, с которыми учащаяся молодежь находится в ближайшем соприкосновении вне стен университета, первое место занимает ПОЛИЦИЯ. По ее действиям и отношениям молодежь начинает судить и судит о том, что можно назвать существующим государственным порядком. Такое обстоятельство, очевидно, требовало бы особенно бережного и осмотрительного отношения полицейских властей к учащейся молодежи в интересах как юношества, так и достоинства

государства. Но не то мы видим в действительности" (Там же. Л. 3 об.). Защищая права молодых людей на личное общение и личную безопасность, указывая на недопустимость слежки за каждым студентом, на массовость высылок и арестов, либеральная профессура по сути дела вставала на сторону молодежи. Недаром некоторые из составителей "доклада" (или "адреса"), как, например, А.С. Фаминцин, были арестованы после покушения 2 (14) апреля 1879 г.

Таким образом, документ, переданный Тургеневу для опубликования за рубежом, подтвердил его собственные наблюдения и, очевидно, повлиял на содержание его публичных выступлений в России.

Такие дни, какие я прожил в Москве, такой *прием...* — Тургенев находился в Москве с 14 (26) февраля 1879 г., куда он приехал из Петербурга, а уже 15 (27) февраля присутствовал на обеде, данном в его честь молодыми московскими профессорами во главе с М.М. Ковалевским. С этого обеда началась череда торжественных заседаний, литературных чтений и разнообразных встреч, во время которых писателю были оказаны небывалые почести (см. вступит. статью к Примечаниям в наст. томе).

...как я уже имел честь сказать третьего дня гг. студентам... — Имеется в виду речь Тургенева на литературно-музыкальном вечере в пользу недостаточных студентов Московского университета 4 (16) марта 1879 г., в которой писатель признался, что считает оказанный ему прием "величайшей, единственной наградой, после которой уже ничего не остается желать" (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 335).

...теперь, когда все указывает на то, что мы стоим накануне ~ значительного перестроя общественной жизни... — Подразумевается ожидание скорого введения конституции, которое обсуждалось в это время в русском обществе.

...всем artes liberales — свободным (вольным) искусствам (*лат.*), под которыми в античности и в Средние века подразумевались семь наук, входивших в круг учебных дисциплин, освоение которых рассматривали как подготовку к занятиям философией: искусства слова (грамматика и риторика), мышления (диалектика или логика) и числа (арифметика, геометрия, астрономия, музыка).

Надо докончить начатое — и докончить прямо, честно, по открытому пути. — Здесь Тургенев недвусмысленно выступает против тайных обществ, заговоров, террористических акций, пытаясь отвратить молодежь от ложного пути, на что он уже указывал в романе "Новь".

...тогда вся сознательная жизнь общества текла, если можно так выразиться, по одному руслу... — Имеется в виду объединяющая всех идея отмены крепостного права.

...*новые Грановские*... — Познакомившись в 1835 г. с тогда еще начинавшим свою научную и преподавательскую деятельность Т.Н. Грановским, Тургенев навсегда сохранил глубокое уважение к его трудам и личности, считая его одним из лучших представителей эпохи 1830—1840-х гг., и написал памяти ученого и педагога некрологическую статью “Два слова о Грановском" (*Совр.* 1855. № 11. Отд. 2. 83—86; см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 325—328).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА 1 (13) января — 30 июня (12 июля) 1879 года

Париж — 1 (13) января — 3 (15) февраля
    Круассе — 22—23 января (3—4 февраля)
Брюссель — 3—4 (15—16) февраля
Берлин — 5—6 (17—18) февраля
Петербург — 8 (20) февраля — 13 (25) февраля
Москва — 14 (26) февраля — 7 (19) марта
Петербург — 8 (20) марта — 21 марта (2 апреля)
Варшава — 22 марта (3 апреля) (?)
Париж — 24 марта (5 апреля) — 31 мая (12 июня)*
    Руан, Круассе — 22—24 апреля (4—6 мая)
    Буживаль — 1 (13) мая или 8 (20) мая
    Вербуа — 16 (28) мая
    Фонтенбло, Бельфонтен — 21 мая (2 июня)
Буживаль — 31 мая (12 июня) — 3 (15) июня
    Вербуа — 31 мая (12 июня)
Париж — 3 (15) июня
Лондон — 4 (16) июня — 5 (17) июня
Оксфорд — 5 (17) июня — 7 (19) июня
Лондон — 7 (19) июня — 9 (21) июня
Париж — 10 (22) июня
Буживаль — 10 (22) июня — 30 июня (12 июля)**
    Париж — 12 (24) июня, 14 (26) июня, 15 (27) июня (?), 25 июня (7 июля) (?)

* За этот период возможны поездки из Парижа в Вербуа и в Буживаль, точные даты которых не установлены.

** За этот период возможны поездки из Буживаля в Париж, точные даты которых не установлены.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАМЫСЛОВ И.С. ТУРГЕНЕВА[1]

[1] Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными. Указатель составлен для обеих книг 16-го тома. Книги обозначаются цифрами **1**, **2**. Переводы, выполненные Тургеневым, вынесены в отдельный раздел.

ПЕРЕВОДЫ

Из Гёте

Из Марко Вовчка

Из А.С. Пушкина

Из Ф.И. Тютчева

Из Г. Флобера

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ[1]

[1] Имена лиц, являющихся адресатами писем Тургенева, напечатанных в настоящем томе, отмечены звездочками; отсылки на указатели других томов писем сокращены до указания номера тома и (при наличии) книги.

Указатель составлен для обеих книг 16-го тома. Книги обозначаются цифрами: **1**, **2**. Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

Флобером, Э. Ренаном и др. Знакомство с Тургеневым состоялось в конце 1860-х гг. при посредстве Флобера. Известны 2 записки Тургенева к принцессе Матильде (1877, 1878). Письма Матильды к Тургеневу неизвестны — **1**: 107, 269, *311*, *457*, *478*, *484*; **2**: *472*

Матэ Василий Васильевич (1856—1917), художник, гравер, мастер офорта, основатель граверной школы в России, автор многочисленных офортов и ксилографий с портретов деятелей русской культуры, в том числе Тургенева. Во время учебы в Академии художеств в Петербурге получил серебряную медаль за политипажную гравюру с этюда головы Иоанна Крестителя, сделанного А.А. Ивановым для картины "Явление Христа народу", в 1880 г. отправлен в Париж, где учился искусству офорта, выставлялся в парижском Салоне. После возвращения в Россию преподавал в Академии художеств и других учебных заведениях. С Тургеневым познакомился в августе 1880 г., по рекомендации В.В. Стасова, который посоветовал Тургеневу дать разрешение Матэ снять с себя и выгравировать портрет. Очевидно, в следующие посещения были сделаны наброски, но портрет награвирован был уже после смерти писателя. Подлинник хранится в Музее Тургенева в Буживале (дар А.А. Ляпина) (см. также: *Кузьмина Л.И.* Тургенев и В.В. Матэ (1880—1883. По неопубликованным материалам) // *Т сб.* Вып. 2. С. 316—321) — **1**: *367*

Матюшин Иван Иванович (р. 1846), литограф, гравер, автор большого числа гравированных портретов — **1**: *506*; **2**: *478*, *493*

Медведев Михаил Ефимович (наст. имя Бернштейн Меер Хаимович; 1852—1925), певец (тенор) и музыкальный педагог, основатель Саратовского оперного театра. Приглашенный в Московскую консерваторию ее основателем Н.Г. Рубинштейном в 1878 г., стал первым исполнителем партии Ленского в "Евгении Онегине" и Германа в "Пиковой даме" П.И. Чайковского, много гастролировал, прославился исполнением романсов русских композиторов — **2**: 52 ("un jeune juif"), 206 ("молодой еврей"), *364*

Мейербер (Meyerbeer) Джакомо (наст. имя Беер Якоб Либман; 1791—1864), немецкий композитор, знакомый П. Виардо, которая часто выступала в его операх, для нее Мейербер написал партию Фидес в опере "Пророк" — **1**: *360*, *383*

"Гугеноты" — **1**: *360*

Мекк Надежда Филаретовна фон, рожд. Фраловская (1831—1894), жена железнодорожного магната К.Ф. фон Мекка, меценат, покровительница П.И. Чайковского — **2**: *364*

Менгден Елизавета Ивановна, баронесса, рожд. Бибикова, в первом браке Оболенская (1821—1901), мемуаристка, знакомая семьи Л.Н. Толстого — **1**: 206 ("переводящих русских дам"), *535*, *571*, *617*

"Казаки", *пер.* — **1**: 206, *535*, *571*, *617*

Мендельсон-Бартольди (Mendelssohn-Bartholdy) Феликс (1809—1847) — см. т. 1 — **2**: *383*

Мендес (Mendès) Катюль (1841—1909), французский поэт, писатель — см. т. 15, кн. 2 — **2**: *283*

Меренберг Наталья Александровна, графиня, рожд. Пушкина, в первом браке Дубельт (1836—1913), дочь А.С. Пушкина. Известно 2 письма Тургенева к Меренберг (1876, 1878), одно из которых адресовано ей предположительно. Письма Меренберг к Тургеневу неизвестны —

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст Пере-вод При-меча-ния

ПРИЛОЖЕНИЕ

Научное издание

Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук

Тексты подготовили и примечания составили:

А.Д. Алексеев, *Б.В. Богданов*, *А.И. Батюто*, *И.А. Битюгова*,
Т.И. Бронь, *Н.Ф. Буданова*, *Г.Я. Галаган*, *Н.П. Генералова*,
Э.А. Гессен, *Е.А. Гитлиц*, *Т.П. Голованова*, *Р.М. Горохова*,
В.А. Громов, *Ю.Н. Жуйкин*, *П.Р. Заборов*, *Р.Б. Заборова*,
А. Звигильский, *С.А. Ипатова*, *Д.М. Климова*, *Г.В. Коган*,
Ю.А. Красовский, *Л.И. Кузьмина*, *Т.А. Лапицкая*, *Ю.Д. Левин*,
К. Леман-Шульце, *В.А. Лукина*, *Н.Н. Мостовская*, *А.Б. Муратов*,
Л.Н. Назарова, *Н.С. Никитина*, *Т.И. Орнатская*, *Г.Ф. Перминов*,
М.И. Перпер, *Е.В. Полянская*, *А.И. Понятовский*, *Л.И. Ровнякова*,
Г.В. Степанова, *М.П. Султан-Шах*, *М.А. Турьян*, *П. Уоддингтон*,
Е.М. Хмелевская, *Н.А. Хмелевская*, *И.С. Чистова*

Ответственные редакторы тома:

Н.П. Генералова, *В.А. Лукина*

Редактор *Н.Д. Александрова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Корректоры *Р.В. Молоканова*, *Т.А. Печко*,
Т.И. Шеповалова

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с предоставленными архивными оригиналами

Подписано к печати 21.06.2018
Формат 84 × 100$^{1}/_{32}$. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 39,5. Уч.-изд.л. 46,4
Тираж 500 экз. Тип. зак.

ФГУП Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-040003-0